

μεταμορφозы

метаморфозы

Н.Заболоцкий

метаморфозы

О-Г-И

УДК 82.09+82-1

ББК 83(2Рос=Рус)6+84-5

3-12

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018)»

Оформление и макет Андрея Рыбакова

Составление, подготовка текста, вступительная статья
и комментарий Игоря Лоцилова

Заболоцкий Н. А.

3-12 *Метаморфозы* / Николай Заболоцкий; сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент.
И. Е. Лоцилова. — М.: ОГИ, 2014. — XXXVIII+954 с., [48] с. ил.

ISBN 978-5-94282-696-3

В однотомное собрание сочинений великого русского поэта XX века Николая Алексеевича Заболоцкого (1903—1958) вошли все стихотворения и поэмы, в том числе недавно обнаруженные в архивах, избранные статьи о поэтическом творчестве и автобиографическая проза, включающая полный корпус писем из тюрьмы.

Состав корпуса стихотворений не следует *Литературному завещанию* поэта. Предпочтение, в отличие от сложившейся традиции, отдано ранним редакциям и первым публикациям текстов.

Собрание восполняет многие лакуны и дает достаточно полное представление о Заболоцком не только как о поэте, но и как о мыслителе и выдающейся личности.

Многие произведения публикуются в книжном издании впервые.

УДК 82.09+82-1

ББК 83(2Рос=Рус)6+84-5

ISBN 978-5-94282-696-3

© Н. А. Заболоцкий, наследники, 2014

© И. Е. Лоцилов, 2014

© ОГИ, 2014

Содержание*

Игорь Лоцилов. О поэте Николае Заболоцком и об этой книге . . . XXI

СТИХИ

I. «Столбцы» 1929 года

1

Красная Бавария	3	796
Белая ночь	5	798
Футбол	7	799

2

Море	8	800
Офорт	9	800
Черкешенка	10	801
Лето	11	801

3

Часовой	12	801
Новый быт	13	802
Движение	15	802
На рынке	15	802

* Знаком «звездочка» в содержании отмечены стихотворения, включенные автором в итоговый корпус своих сочинений, узаконенный *Литературным завещанием* 6 октября 1958 г.

Пир	17	803
Ивановы	19	803
Свадьба	20	803
Фокстрот	23	804
Фигуры сна	25	804
Пекарня	26	804
Обводный канал	27	805
Бродячие музыканты	29	806

4

Купальщики	31	806
Незрелость	32	806
Народный Дом	33	807

II. Стихотворения и поэмы 1918—1939 годов

Купальская мелодия	38	808
«Ложатся на раны...»	39	808
«Гаснет далеко вечер лучистый...».	39	808
<Стихи из писем к М. И. Касьянову>	40	808
«Здорово, друг, от праздной лени...»	40	809
Сизифово рождество	44	809
«В похоронном свисте революций...»	44	810
«...Промерзшие кочки, бруснига...»	45	810
«...Но день пройдет печален и высок...»	45	810
Небесная Севилья	46	810
Сердце-пустырь	47	810
Описание Тамары.	48	810
Пожелание друга	48	
Описание ножки.	48	
Описание ручки	48	
Описание носика	48	
Описание волосиков	49	
<Описание> ротика	49	
Ушко и ноготок	49	
Мрачный вариант	49	
«Ах, прекрасная Тамара...»	49	810
«Полезно ли человеку писать?..»	50	811
Disciplina Clericalis	51	811
Дуэль.	53	811
Восстание	55	812
Дума	58	812

«я голого не пью и не люблю...»	60	813
Лицо коня	60	813
Деревья	61	813
Баллада Жуковского	63	813
«Пошли на вечер все друзья...»	64	813
«Бросьте, бросьте, стрекулисты...»	66	814
Поприщин	67	815
Поход	69	815
Нищие на рынке	70	815
Бессмертие	73	815
Начало осени	74	815
Цирк	75	815
Игра в снежки	78	816
Закон простоты	80	816
Руки	81	816
Падение Петровой	82	816
Мечты о женитьбе	86	817
На даче	87	817
Сохранение здоровья	88	817
Прогулка на лыжах	90	818
Предсказание погоды	92	821
Прогулка	94	821
Змеи	95	821
Искушение	96	821
Меркнут знаки Зодиака	100	822
Обед	102	822
Ночные беседы	103	822
Ночная беседа	103	
Ночная беседа. <i>Вторая</i>	107	
Третья беседа	112	
Искусство	115	822
Вопросы к морю	117	823
Самовар	117	823
Человек в воде	118	823
Звезды, розы и квадраты	119	823
Царица мух	120	823
Подводный город	121	824
Отдых	122	824
Испытание воли	123	825
Дождь	126	825
Школа Жуков	128	825
Битва Слонов	132	825

Детство Лутони134	826
Ксени137	826
Неправильное богатство137	826
Что такое стишки137	826
Бесплезная ученость138	827
Уединение философа138	827
Раздражение против В.138	827
Болезнь философа138	827
Наставление138	827
Неудачная прогулка139	827
Сила женщины139	827
Гибель священника139	827
Апполон и Жу-жу139	827
<Стишки>140	827
Отвращение к богеме140	827
Надпись на девке140	827
На получение зарплаты140	827
Покупка жене шубы140	828
Улетание Олейникова от нас141	828
Польза от молитвы141	828
На расстояние между мной и Шварцем141	828
Воспоминание о бане141	828
Раздражение против Введенского141	828
Красота Груни142	828
Минута слабости142	828
Безумное решение142	828
Раскаянье в необдуманном решении142	828
Возвращение к полезной жизни142	828
Врастание в быт143	828
Вопрос Левину143	829
Прыткость девиц143	829
Торжество Земледелия. <i>Поэма</i>143	829
Пролог143	831
1. Беседа о душе144	831
2. Страдания животных148	832
3. Враг152	832
4. Битва с предками153	833
5. Начало науки157	833
6. Младенец — мир162	834
7. Торжество земледелия165	835
Безумный волк. <i>Поэма*</i>167	835
1. Разговор с медведем.167	

2. Монолог в лесу 171	
3. Собрание зверей 174	
Предостережение 180	840
Семейство художника 180	840
Лодейников* 181	841
Осень* 183	841
Венчание плодами* 187	841
Осенние приметы 189	841
Мещане 191	841
Птицы 195	842
Отдыхающие крестьяне 196	842
Деревья. Поэма* 198	842
Пролог 198	
1. Приглашение на пир 199	
2. Пир в доме Бомбеева 200	
3. Ночь в лесу 205	
Птицы. Поэма 207	844
Прощание* 213	847
Начало зимы* 214	847
Весна в лесу* 215	848
Засуха* 216	848
Лодейников в саду 218	848
Ночной сад* 219	848
«Все, что было в душе, все как будто опять потерялось...»*	. 220	848
Вчера, о смерти размышляя...*	. 221	848
Север* 221	848
Горийская симфония* 223	849
«Природа черная, как кузница...» 226	850
Седов* 226	850
Великая книга 228	850
Бессмертие* 231	850
Предатели 232	851
Война — войне 232	851
«Собор, как древний каземат...» 235	851
Лесное озеро* 236	851
Соловей* 237	852
<Пастухи> («Возникновение этих фигурок...») 238	852

III. Стихотворения 1946—1958 годов

Слепой* 241	852
Утро* 243	853

Гроза*243	853
Бетховен*245	853
Уступи мне, скворец, уголок*245	853
Читайте, деревья, стихи Гезиода*246	853
Еще заря не встала над селом*247	853
В этой роще березовой*248	853
Я не ищу гармонии в природе*250	854
Воздушное путешествие*251	854
Храмгэс*252	854
Сагурамо*254	854
Ночь в Пасанаури*255	854
Я трогал листья эвкалипта*256	854
Лодейников*257	854
Урал. <i>Отрывок*</i>262	855
Город в степи*264	855
В тайге*267	856
Творцы дорог. <i>Поэма*</i>268	856
Завещание*273	860
Кузнечик274	860
Начало стройки274	860
В новогоднюю ночь275	860
Садовник277	860
Пир в колхозе «Шрома»278	860
<Письмо Е. Л. и Е. И. Шварцам> («Тот Женька-плут...»)281	860
Жена*282	860
Журавли*283	861
Прохожий*284	861
Читая стихи*285	861
Когда вдали угаснет свет дневной*286	862
Оттепель*287	862
Приближался апрель к середине*287	862
Поздняя весна*288	862
Полдень*289	862
Лебедь в зоопарке*290	862
Сквозь волшебный прибор Левенгука*291	862
Тбилисские ночи*292	863
На Высокой горе у Тагила293	863
Преображение степей294	863
Г-же Екатерине Ивановне Шварц (урожд. Обуховой)296	864
На рейде*297	864
Гурзуф*298	864
Светляки*298	864

«Не стало в доме мне житья...»299	864
Башня Греми*299	864
Счастливец301	864
«Мне жена подарила пижаму...»301	864
<Дарственная надпись С. И. Липкину на томе Важа Пшавелы> («Семен, напрасно люди врут...»)301	865
Старая сказка*302	865
Облетают последние маки*302	865
Воспоминание*303	865
Прощание с друзьями*304	865
Каверинский юбилей304	865
<Л. К. Степановой> («Вы прекрасны без прикрас...»)305	865
Похвальное слово о колином телосложении305	865
<Басни, посвященные Н. Л. Степанову>307	865
Пишмашинка и автор307	865
Невоздержанный едок.307	865
Коля и блоха308	865
Коля и муравей308	866
Филолог и машинистка308	866
Догадливая курица308	866
Бегемот и писатель.308	866
Суслик-парикмахер.309	866
Покорение страстей309	866
Поздравление дорогому имениннику309	866
Сон*310	866
Весна в Мисхоре*311	866
1. Иудино дерево311	
2. Птичьи песни312	
3. Учан-Су312	
4. У моря312	
Портрет*312	866
«Я воспитан природой суровой...»*313	867
Поэт*314	867
Дождь*315	867
Песня дождя (<i>Подражание С. Чиковани</i>)315	867
Ночное гулянье*316	868
Неудачник*317	868
<Сыну Никите — студенту сельскохозяйственной академии> («Однажды некий агроном...»)318	868
Ходоки*318	868
Возвращение с работы*320	868
Шакалы*321	868

В кино*322	868
Бегство в Египет*324	869
Осенние пейзажи*325	869
1. Под дождем325	
2. Осеннее утро325	
3. Последние канны326	
Некрасивая девочка*326	869
«При первом наступлении зимы...»*327	869
Осенний клен (Из С. Галкина)*328	869
О красоте человеческих лиц328	870
Наставление Шварцу329	870
Наш праздник. Представление в 1 действии330	870
Гимн СССР. <Текст на конкурс>333	870
Старая актриса*333	870
Где-то в поле возле Магадана*334	870
Поэма весны*335	871
Противостояние Марса*336	871
Гурзуф ночью*338	871
Над морем*339	871
Последняя любовь*339	871
1. Чертополох339	
2. Морская прогулка340	
3. Признание341	
4. Последняя любовь342	
5. Голос в телефоне343	
6. «Клялась ты — до гроба...»343	
7. «Посредине панели...»344	
8. Можжевельовый куст344	
9. Встреча345	
10. Старость346	
Из записок старого аптекаря347	871
1. «Красотка Акулина захворала...»347	
2. «Прочел стишки про то...»347	
3. «Не спал всю ночь: всё вспоминал, как дыни...»347	
4. «Болтают, что в соседнем переулке...»348	
5. «Как хорошо, что дырочку для клизмы...»348	
6. «И в нищей хижине, и в спальне у монарха...»348	
7. «Один известный врач...»348	
8. «"Бессмертны мы", — сказал мудрец Агриппа...»348	
9. «В истории имеются примеры...»348	
10. «Как странно: у Ильи-гомеопата...»349	
11. «Дай хоть йоду идиоту...»349	

12. «Весьма возможно, что в соленом огурце...»349	
13. «О, сколь велик ты, разум человека!...»349	
Смерть врача*349	871
Детство*350	871
Лесная сторожка*351	871
Болеро*352	871
Птичий двор*352	872
Одиссей и сирены*353	872
Это было давно*354	873
Казбек*356	873
Снежный человек*357	873
Одинокй дуб*358	873
Стирка белья*359	873
Летний вечер*360	873
Гомборский лес*360	873
Сентябрь*361	873
Вечер на Оке*362	873
«Кто мне откликнулся в чаще лесной?..»*	.363	873
Гроза идет*364	873
«Когда бы я недвижимым трупом...»365	874
«Медленно земля поворотилась...»365	874
«Во многом знании — немалая печаль...»366	874
«Сраженное бессмысленной судьбой...»367	874
Ненастье367	874
Голубое платье368	874
Венеция369	874
Случай на Большом канале371	875
«Разве ты объяснишь мне — откуда...»372	875
<Энгельс> («Когда он умер, труп его сожгли...»)373	875
«И куколку я видел, и она...»373	875
Зеленый луч*373	875
У гробницы Данте*374	876
Городок*375	876
Ласточка*376	876
Петухи поют*377	876
Подмосковные рощи*378	876
На закате*379	876
Не позволяй душе лениться*380	876
На вокзале381	876
Генеральская дача382	876
Железная старуха384	876
После работы385	876

Счастливы́й день385	877
Москва386	877
Тбилиси388	877
Благодарственный гимн Эрне Генриховне Маховой389	877
Рубрук в Монголии*390	877
Начало путешествия390	
Дорога Чингисхана391	
Движущиеся повозки монголов393	
Монгольские женщины395	
Чем жил Каракорум396	
Как было трудно разговаривать с монголами398	
Рубрук наблюдает небесные светила399	
Как Рубрук простился с Монголией401	
IV. «Столбцы» 1958 года403	878

Городские столбцы

Белая ночь*	.403
Вечерний бар*	.405
Футбол*	.406
Офорт*	.408
Болезнь*	.409
Игра в снежки*	.410
Часовой*	.410
Новый быт*	.411
Движение*	.413
На рынке*	.413
Ивановы*	.415
Свадьба*	.417
Фокстрот*	.419
Пекарня*	.420
Рыбная лавка*	.421
Обводный канал*	.423
Бродячие музыканты*	.424
На лестницах*	.427
Купальщики*	.429
Незрелость*	.430
Народный Дом*	.431
Самовар*	.433
На даче*	.434
Начало осени*	.435
Цирк*	.436

Смешанные столбцы

Лицо коня*439
В жилищах наших*440
Прогулка*442
Змеи*443
Искушение*443
Меркнут знаки Зодиака*446
Искусство*448
Вопросы к морю*449
Время*450
Испытание воли*454
Поэма дождя*456
Отдых*458
Птицы*459
Человек в воде*460
Звезды, розы и квадраты*461
Царица мух*462
Предостережение*463
Подводный город*464
Школа Жуков*465
Отдыхающие крестьяне*469
Битва Слонов*471

V. Другие редакции

Торжество Земледелия. <i>Поэма</i>473	879
Пролог473	
1. Беседа о душе474	
2. Страдания животных478	
3. Кулак, владыка батраков481	
4. Битва с предками483	
5. Начало науки487	
6. Младенец — мир492	
7. Торжество земледелия494	
Венчание плодами496	879
Утренняя песня*498	879
Ночной сад499	879
Север499	879
Седов501	879
Голубиная книга*503	880
Метаморфозы504	880
Творцы дорог505	880

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

О сущности символизма	511	880
Мои возражения А. И. Введенскому, авторитету бессмыслицы	517	882
Общественное лицо ОБЭРИУ	520	882
Поэзия обэриутов	522	883
Рабле — детям	525	883
Статьи «Правды» открывают нам глаза	530	883
Язык Пушкина и советская поэзия	536	885
Глашатай правды	545	887
Шота Руставели и его поэма	549	887
К вопросу о ритмической структуре «Слова о полку Игореве»	556	887
О необходимости обработки русских былин	571	887
Давид Гурамишвили	574	893
Мудрость Руставели	589	893
Заметки переводчика	598	893
От переводчика	601	894
Мысль — Образ — Музыка	604	894
<Почему я не сторонник абстрактной поэзии>	606	894
«Литература должна служить народу...»	608	895

ПРОЗА

Автобиография	611	895
Ранние годы	615	895
История моего заключения	631	897
Сто писем 1938—1944 года	645	899
1. 5 октября 1938 г.	645	900
2. 5 ноября 1938 г.	646	900
3. 24 ноября 1938 г.	647	900
4. 4 декабря 1938 г.	648	902
5. 27 февраля 1939 г.	648	902
6. 14 апреля 1939 г.	649	902
7. 4 мая 1939 г.	651	902
8. 14 мая 1939 г.	653	902
9. 30 мая 1939 г.	654	903
10. 14 июня 1939 г.	655	903
11. 29 июня 1939 г.	657	903
12. 14 июля 1939 г.	658	903
13. 13 августа 1939 г.	659	903
14. 14 сентября 1939 г.	662	904

15. 30 сентября 1939 г.663	904
16. 15 декабря 1939 г.664	904
17. 29 декабря 1939 г.665	904
18. 12 января 1940 г.667	905
19. 30 января 1940 г.670	905
20. 15 февраля 1940 г.670	905
21. 29 февраля 1940 г.671	905
22. 13 марта 1940 г.673	905
23. 30 марта 1940 г.675	906
24. 15 апреля 1940 г.676	906
25. 30 апреля 1940 г.677	906
26. 15 мая 1940 г.678	906
27. 24 мая 1940 г.679	906
28. 25 июня 1940.679	906
29. 9 июня 1940 г.681	907
30. 10 июля 1940 г.682	907
31. 14 июля 1940 г.683	907
32. 21 июля 1940 г.684	907
33. 28 июля 1940 г.685	907
34. 3 августа 1940 г.686	907
35. 13 августа 1940 г.688	907
36. 25 августа 1940 г.688	907
37. 1 сентября 1940 г.689	907
38. 15 сентября 1940 г.689	908
39. 28 сентября 1940 г.691	908
40. 7 октября 1940 г.692	908
41. 20 октября 1940 г.693	908
42. 1 ноября 1940 г.695	908
43. 3 ноября 1940 г.696	908
44. 11 ноября 1940 г.697	908
45. 28 ноября 1940 г.698	910
46. 3 декабря 1940 г.699	910
47. 18 декабря 1940 г.701	911
48. 26 декабря 1940 г.702	911
49. 4 января 1941 г.703	911
50. 9 января 1940 г.704	911
51. 31 января 1941 г.706	911
52. 24 февраля 1941 г.707	911
53. 9 марта 1941 г.708	912
54. 23 марта 1941 г.709	912
55. 30 марта 1941 г.711	912
56. 6 апреля 1941 г.712	912

57. 19 апреля 1941 г. 713	912
58. 3 мая 1941 г. 714	912
59. 8 мая 1941 г. 714	913
60. 18 мая 1941 г. 716	913
61. 25 мая 1941 г. 718	913
62. 30 мая 1941 г. 718	913
63. 24 июня 1941. 721	914
64. 14 ноября 1941 г. 722	914
65. 10 марта 1942 г. 722	914
66. 14 апреля 1942. 722	914
67. 23 апреля 1942 г. 723	915
68. 3 июня 1942 г. 723	915
69. 15 июля 1942 г. 723	915
70. 7 августа 1942 г. 725	915
71. 30 августа 1942 г. 726	915
72. 8 сентября 1942 г. 727	917
73. 11 октября 1942 г. 727	917
74. 29 октября 1942 г. 728	917
75. 29 ноября 1942 г. 728	917
76. Декабрь 1942 г. 729	917
77. 19 марта 1943 г. 729	917
78. 23 апреля 1943 г. 731	917
79. 4 июля 1943 г. 731	918
80. 29 августа 1943 г. 732	918
81. 9 ноября 1943 г. 733	918
82. 28 ноября 1943 г. 734	918
83. 6 декабря 1943 г. 735	919
84. 23 декабря 1943 г. 736	919
85. 11 января 1944 г. 736	919
85а. 11 января 1944 г. 737	919
86. 23 января 1944 г. 737	920
87. 18 февраля 1944 г. 738	920
88. 30 марта 1944 г. 740	920
89. 21 апреля 1944 г. 741	920
90. 23 апреля 1944 г. 745	920
91. 12 мая 1944 г. 746	921
92. 18 мая 1944 г. 747	921
92а. 24 мая 1944 г. 748	921
93. 6 июня 1944 г. 749	921
94. 3 июля 1944 г. 750	922
95. 16 июля 1944 г. 751	922
96. 6 августа 1944 г. 753	922

97. 29 августа 1944 г.754	922
98. 31 августа 1944 г.757	923
99. 10 сентября 1944 г.757	923
100. 28 сентября 1944 г.759	923

DUBIA. JUVENILIA. КОЛЛЕКТИВНОЕ.
СТИХИ, СОХРАНИВШИЕСЯ В ПАМЯТИ СОВРЕМЕННИКОВ

«Как во Сернуре большом...»765	923
«Здравствуй, Лелюха...»765	923
«Я — первый номер “Жулика”...»766	923
«...Ну, кажись, уж все готово...»766	923
«“На сунду́ке, на горшóке”...»766	924
<Из поэмы «Уржумиада»> («Прохожий этот, так и знай...»)767	924
«Красный Пахарь»767	924
На новый путь. <i>Рассказ</i>768	925
Жизнь пролетарской молодежи и художественная литература771	925
За решеткой (<i>Смерть юного коммунара</i> <i>в белогвардейской тюрьме</i>)775	925
«...Клумбы маргариток...»775	925
«Где же Заболоцкий?...»775	925
«Ну, и как живет столица?...»776	925
«Я иду и вижу: дева...»776	925
«...И если внимаете вы, исполненные горечи...»776	925
«...В темнице закат золотит решетки...»776	926
Лоцман777	926
<Из гимна студентов-медиков> («Утром из чайной...»)777	926
<Из поэмы о Коломбине> («Коломбина не знала, что ее мишурное платье...»)778	926
«Грозный Тартар бурей стонет...»778	926
«Ваша чудная улыбка...»779	926
«Осенью бывают злые мухи...»779	926
<Из «Вульгарного сонета»> («Пошли мы с Ванькой в променаж...»)779	926
«Из окон старой курильни...»780	927
Драматический монолог с примечаниями780	927
<Дарительная надпись Н. М. Олейникову на экземпляре «Столбцов»> («Стишочки Ваши прочитавши...»)783	927
<«Фольтики»>784	927
«Отверстие, куда макаю...»784	
«Бродя повсюду по кишкам...»784	

«Печени оно есть враг...»784
«Что места мало занимает...»785 927
«Хлебный злак чем срезать можно...»785 928
Солдатская песня785 928
«За что же то на дачку...»786 928
В день рождения Груни786 928
Обращение к рюмочке в день рождения Груни786 928
«Наталья, милая Наталья...»787
«Мы все народной медицины...»787 928
«Сáтан, Сáтан...»787 928
«По дороге я бегу...»787 928
<Текст песни для кинофильма «Одна»>788 929
<Из поэмы «Шаман» («Домик времени высок...»)788 929
Баллада о баланде789 929
«Здесь Заболоцкий, сидя на балконе...»790 930
Письмо791 930
«В селенье Никита...»792 930
<Стихи к мультипликационному фильму «Снежная королева»>792 930
<i>Игорь Лоцилов. Комментарии</i>	<i>.793</i>
<i>Алфавитный указатель стихотворений</i>	<i>.931</i>

О поэте Николае Заболоцком и об этой книге

Эта книга, в первую очередь, — для тех, кто хочет *перечитать* Заболоцкого. Перечитать и переосмыслить.

Знакомиться с поэтом впервые — лучше по другим изданиям.

При жизни Заболоцкого вышло всего четыре небольших сборника его стихотворений¹, при этом лишь первый — знаменитые «Столбцы» 1929 года — был издан в том виде, как он был задуман и составлен автором. Еще одна книга так и не увидела свет из-за травли, начатой критиками после журнальной публикации поэмы «Торжество земледелия»; известна лишь ее корректура².

¹ 1) *Заболоцкий Н.* Столбцы. Л., 1929; 2) *Заболоцкий Н.* Вторая книга: Стихи. Л., 1937; 3) *Заболоцкий Н.* Стихотворения. М., 1948; 4) *Заболоцкий Н.* Стихотворения. М., 1957. Список прижизненных публикаций в периодических изданиях (немалая часть которых приходится на стихи для детей) см.: Заболоцкий Николай Алексеевич / Сост. Л. С. Шепелева // Русские советские писатели. Поэты: Библиографический указатель. Т. 9.: А. Жаров — В. Инбер, М., 1986. С. 203—206.

² *Заболоцкий Н. А.* Стихотворения 1926—1932 / Вступ. статья И. А. Виноградова. [Л., 1933]. Текст этой несостоявшейся книги был единожды опубликован, без вступительной статьи Виноградова, по одному из трех известных экземпляров корректуры (всего было изготовлено шесть): *Заболоцкий Н. А.* Вешних дней лаборатория: Стихотворения (1926—1937 годы) /

Настоящее издание, хоть и претендует на известную степень полноты, не может считаться академическим. Вернее будет сказать, что это собрание материалов, предварительные заготовки для такого издания в будущем.

Д. С. Лихачев писал, что понятие «последней авторской воли» — «одно из основных понятий современной текстологии»³. Далее ученый отмечал: «Прямые указания (непосредственные заявления авторов) сравнительно редки, гораздо более часты косвенные»⁴.

Случай Заболоцкого представляется во многих отношениях особенным — для публикаторов, комментаторов и издателей.

6 октября 1958 года, за неделю до безвременной кончины, Николай Заболоцкий составил текст, который принято называть его *Литературным завещанием*. В нем воплощена и закреплена последняя воля поэта, касающаяся его творческого наследия. Вслед за кратким описанием состава итоговой рукописи Заболоцкий сделал примечание: «...Эта рукопись включает в себя полное собрание моих стихотворений и поэм, установленное мной в 1958 году. Все другие стихотворения, когда-либо написанные и напечатанные мной, я считаю или случайными, или неудачными. Включать их в мою книгу не нужно. Тексты настоящей рукописи проверены, исправлены и установлены окончательно; прежде публиковавшиеся варианты многих стихов следует заменять текстами, приведенными здесь»⁵.

В книге академика Лихачева, преимущественно посвященной текстологии древнерусской литературы, при обсуждении рабочего термина «макротекстология», автор вспомнил именно о Заболоцком (и о Блоке): «Как быть со сборником Н. А. Заболоцкого “Столбцы”? В свое время сборник этот сыграл огромную роль в истории русской поэзии 20-х гг. Но в 50-е гг. автор переработал отдельные стихотворения <...>, и письменно запретил издавать их в ином тексте. <...> Разумеется, что к такого рода заявлениям авторов отношение нотариуса и отношение историка литературы окажется различным. Для первого — это юридический документ, завещание, которое следует при-

Сост., вступ. статья и примеч. Н. Н. Заболоцкого. М., 1987 (В молодые годы). Вторая часть книги — «Деревья» (цикл, впоследствии легший в основу «Смешанных столбцов») — воспроизводилась еще один раз: Поэзия 1920-х годов / Сост. Н. А. Богомолов. М., 2000 (Пушкинская библиотека). С. 244—277.

³ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков / Изд. 2-е, перераб. и доп. Л., 1983. С. 560.

⁴ Там же. С. 560—561.

⁵ Заболоцкий Н. А. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1: Столбцы и поэмы. Стихотворения / Вступ. статья Н. Л. Степанова; примеч. Е. В. Заболоцкой. М., 1972. С. 364.

нимать к исполнению. Но для историка литературы — это документ, раскрывающий один из моментов (в данном случае 1958-го года) творческого развития Н. Заболоцкого. <...> Поэтому в будущем при создании академического собрания сочинений Н. Заболоцкого (а Заболоцкий как поэт вполне заслуживал бы академического собрания сочинений) правильнее всего было бы, пожалуй, принять хронологический принцип расположения его произведений и печатать их в том виде, в каком они появились в свое время в свет, правка же должна быть в таком случае отнесена в примечания или приложения»⁶.

Литературное завещание Заболоцкого было обращено в будущее: сын поэта, Никита Николаевич Заболоцкий, вспоминает его слова, сказанные незадолго до кончины: «Меня уже не будет, но ты увидишь: лет через восемь меня начнут широко печатать...»⁷.

Первые две книжки, вышедшие посмертно, никак не учитывали авторскую волю и включали избранные стихотворения исключительно позднего периода⁸. Вместе с тем, начиная с 1961 года в периодике стали появляться публикации произведений Заболоцкого, оставленных автором за пределами узаконенного завещанием корпуса⁹.

Заболоцкий «просчитался» лишь на один год: через семь (а не через восемь) лет, в 1965 году, почти одновременно, вышли два больших однотомника, в разной степени и по-разному представляющие путь поэта целиком: в СССР и в США.

Составители американского издания ничего не знали о *Литературном завещании* и собрали все, что оказалось им доступно из опубликованных на тот момент произведений Заболоцкого¹⁰.

Том, вышедший в «Библиотеке поэта» был подготовлен А. М. Турковым в сотрудничестве с наследниками автора; у этой книги была долгая и сложная издательская судьба¹¹. В основу была положена воля, выраженная в завеща-

⁶ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 282—283.

⁷ Заболоцкий Н. Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого / Изд. 2-е, дораб. СПб., 2003. С. 574.

⁸ Заболоцкий Н. А. Стихотворения / Вступ. статья В. Н. Орлова. М., 1959 (Библиотека советской поэзии); Заболоцкий Н. А. Избранное / Вступ. статья Н. С. Тихонова; ред. Н. К. Чуковского. М., 1960.

⁹ См.: Русские советские писатели. Поэты: Библиографический указатель. Т. 9.: А. Жаров — В. Инбер, М., 1986. С. 207—209.

¹⁰ Заболоцкий Н. А. Стихотворения / Под общ. ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова; вступ. статья А. Раннита, Б. Филиппова, и Э. Райса. New York, 1965.

¹¹ Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Туркова. М.; Л., 1965 (Библиотека поэта. Большая серия). Известен экземпляр корректуры этой книги, подготовленный еще в 1963 г. См.: Лоцилов И. Е. Неизвестные страницы истории поэтической книги

нии, но по идеологическим причинам книга вышла с характерной инверсией: ее открывала вторая часть корпуса по завещанию, «Стихотворения (1932—1958)» (без «Горийской симфонии»), а «Столбцы и поэмы», хоть и были напечатаны в последней и полной авторской редакции, переместились на второе место, как бы в качестве приложения, иллюстрирующего тезис о непростом пути поэта в литературе, о дани, отданной «формализму» и преодоленных заблуждениях молодости. Разделение столбцов на «Городские» и «Смешанные» здесь было снято; наряду с разделом «Из переводов» в книге был небольшой раздел «Стихотворения, не включенные в основное собрание».

Следующие важные вехи в истории публикации наследия Заболоцкого связаны с собраниями сочинений, вышедшими с немногим более чем десятилетним интервалом, — двухтомным и трехтомным. В обоих случаях в основу издания был положен текст, определенный *Литературным завещанием*. В двухтомнике 1972 года, однако, вместе с «Горийской симфонией» «выпало» и стихотворение «Где-то в поле возле Магадана». Оба издания включали разделы «Стихотворения разных лет», «Шуточные стихотворения», «Стихотворения для детей», «Из переводов», разделы избранных писем, прозы и литературной критики. В работе по подготовке этих изданий принимали участие вдова и сын поэта, заложившие основу традиции комментирования сочинений Заболоцкого¹². «Поэту Заболоцкому повезло с наследниками», — писал В. Н. Сажин, и эти слова справедливы по самому большому счету¹³.

В первом томе собрания 1983 года впервые была исполнена важная часть завещания: состав, определенный Заболоцким осенью 1958 года, воспроизведен здесь полностью, без изъятий. Однако другая, «запретительная» часть последовательно нарушалась: через четверть века после смерти автора в полную силу вступили «воля читателя» и «воля исследователя», о которых писал Лихачев, обосновывая право текстолога на конфликт с «последней волей автора». Вместе с тем, на стадии 1983 года продолжали действовать как политические — на тексты, связанные с репрессивной темой, — так и эстетические запреты: на фривольности и «раблезианские» шутки, характерные для бытового юмора Заболоцкого и закрепленные в некоторых стихотворных экспромтах.

Николая Заболоцкого «Столбцы» // Филологические аспекты книгоиздания: Сб. науч. статей / Под ред. Т. И. Стексовой. Новосибирск, 2010. С. 52—70.

¹² *Заболоцкий Н. А.* Избранные произведения: В 2 т. / Вступ. статья Н. Л. Степанова; примеч. Е. В. Заболоцкой. М., 1972; *Заболоцкий Н. А.* Собрание сочинений: В 3 т. / Сост. Е. В. Заболоцкой, Н. Н. Заболоцкого; предисл. Н. Л. Степанова; примеч. Е. В. Заболоцкой, Л. А. Шубина. М., 1983—1984.

¹³ *Сажин В. Н.* [Рец. на: *Заболоцкий Н. А.* Полное собрание стихотворений и поэм. СПб., 2002] // Новая русская книга: Критическое обозрение. 2002. № 2 (13). С. 15.

В 1988 году, в начале перестройки, в СССР впервые была напечатана «История моего заключения»¹⁴.

Наиболее полное собрание сочинений вышло к столетию со дня рождения поэта¹⁵. К сожалению, это издание, где собраны и систематизированы почти все известные поэтические и самые важные прозаические произведения Заболоцкого, оказалось далеким от совершенства по техническим причинам. Из-за большого количества опечаток пользоваться им нужно с большой осторожностью, непременно сверяясь с другими изданиями и публикациями.

Изданий, которые полностью следовали бы завещанию, как в «установительной», так и в «запретительной» части, нам известно всего два. Одно — довольно давнее, зато вышедшее миллионным тиражом¹⁶. Другое появилось совсем недавно; его можно отнести к разряду современных роскошных изданий, не всегда доступных для читателя поэзии¹⁷.

Вместе с тем корпус поэта, составленный в соответствии с *Литературным завещанием* 1958 года, продолжает оставаться стержнем бытия Заболоцкого в культуре.

Это — Заболоцкий для вечности, Заболоцкий для текущих и будущих массовых изданий, которые предпринимались, предпринимаются и, без сомнения, еще будут предприниматься.

Думается, в этом есть «высшая правда». Большинство известных нам изданий после 1983 года так или иначе учитывают последнюю волю поэта. Придерживаясь завещания в целом, но не строго, составители по тем или иным причинам (а иногда по своему усмотрению) изымают стихотворения из корпуса или дополняют его теми, которые поэт считал «случайными» или «неудачными».

В рецензии на одну из недавних книг резонно говорится о «воле издателя»¹⁸, который хочет разнообразия: основной корпус невелик по объему, составители и книгоиздатели в последние годы хотят привлечь к поэзии

¹⁴ *Заболоцкий Н. А.* История моего заключения; *Заболоцкий Н. Н.* Об отце // Даугава. 1988. № 3. С. 105—116.

¹⁵ *Заболоцкий Н. А.* Полное собрание стихотворений и поэм / Сост., подгот. текста, хронологич. канва и примеч. Н. Н. Заболоцкого; вступ. статья Е. В. Степанян. СПб., 2002 (Новая библиотека поэта).

¹⁶ *Заболоцкий Н. А.* Столбцы и поэмы; Стихотворения / Сост. и вступ. статья Н. Н. Заболоцкого. М., 1989 (Классики и современники. Поэтическая библиотека).

¹⁷ *Заболоцкий Н. А.* Столбцы и поэмы; Стихотворения / Статья и примеч. И. Е. Лощилова; хроника жизни Н. Н. Заболоцкого; ил. П. Ю. Перевезенцева. СПб., 2014.

¹⁸ *Лаврентьев М.* Первый ряд [Рец. на: *Заболоцкий Н. А.* Поэмы. М., 2012] // Литературная Россия. 2012. № 31—32. 3 авг. С. 2.

Заболоцкого внимание, полагая в основание очередной книги поэта новые, иногда неожиданные принципы.

Известны книги, составленные по тематическому¹⁹ или жанровому²⁰ принципам, есть опыт изданий, где поэтические и прозаические тексты смонтированы с эпистолярными, а хронология жизни и творчества поддерживается публикацией фрагментов биографической книги, написанной сыном поэта²¹.

Автор другой рецензии на сборник поэм справедливо писал: «Поэзия Николая Алексеевича Заболоцкого, безусловно, одно из центральных явлений отечественной культуры минувшего века — и это становится все яснее и яснее»²²...

Внутренний конфликт *Литературного завещания*, отмеченный Д. С. Лихачевым, в заостренной форме сформулировал В. Н. Сажин: «“Свои стихотворения следует уважать”, — говорит Заболоцкий в 1928 году, но уничтожает затем почти все черновики и наброски. Рукописи, сохраненные женой после его ареста (понятна степень риска и самоотверженности), в 1948 году тоже уничтожает! Вообще, почтенную заботу любого литератора о своем литературном наследии Заболоцкий с 1948 года <...> превратил в своего рода самоистязание (истязание собственного творческого наследия): зимой этого года (“опасаясь быть арестованным”) составляет “окончательный” свод своих произведений; осенью — новый, “заметно отличающийся”; в 1952 году — новый, а предыдущий уничтожает; очередные “окончательные” следуют в 1955, 1957, 1958... Важно подчеркнуть — это именно не “дополненные”, а такие “итоговые” комплексы, из которых иные произведения изымаются, иные переписываются, а некоторые именно уничтожаются! В конце концов, за неделю до кончины поэт делает итоговое распоряжение по поводу последнего варианта: “Все другие стихотворения, когда-либо написанные и напечатанные мной, я считаю или случайными, или неудачными. Включать их в мою

¹⁹ Заболоцкий Н. А. Стихи о любви / Сост., предисл. Н. Н. Заболоцкого. М., 2008 (Стихи о любви).

²⁰ Заболоцкий Н. А. Стихотворения / Сост., предисл. и коммент. Н. Н. Заболоцкого. М., 2004; Заболоцкий Н. А. Поэмы / Сост., вступ. статья Н. Н. Заболоцкого; послесл. и коммент. к циклу «Рубрук в Монголии» Т. В. Игошевой; коммент. И. Е. Лощилова. М., 2012.

²¹ Заболоцкий Н. А. «Огонь, мерцающий в сосуде...»: Стихотворения и поэмы. Переводы. Письма и статьи. Жизнеописание. Воспоминания современников. Анализ творчества / Сост., жизнеописание, примеч. Н. Н. Заболоцкого. М., 1995; Заболоцкий Н. А. Я воспитан природой суровой / Сост. и авторский текст Н. Н. Заболоцкого. М., 2008 (Поэзия. Стихи и судьбы).

²² Давыдов Д. М. Образцовое издание // Книжное обозрение. 2012. № 20 (2344). С. 7.

книгу не нужно". Как если бы приказал какие-то события своей жизни считать небывшими и не включать в посмертное жизнеописание!»²³

Своего рода «путеводной звездой» для составителя этой книги стал опыт издания полного корпуса стихотворений Блока в прямой хронологической последовательности, с намеренным отказом от группировки по циклам и авторским сборникам²⁴.

В преамбуле к комментариям говорится: «Не менее значимыми являются и те произведения, которые Блок не считал нужным публиковать. Не случайно на эту особенность блоковского творчества обратила особое внимание Н. В. Лощинская во вступительной статье к комментариям в 4-м томе Полного собрания сочинений и писем: "...нельзя не учитывать, что изначально все стихотворения — как введенные в "трилогию", в сборники или публиковавшиеся в периодике, так и не предназначавшиеся для печати — составляли единый поток лирического самовыражения и независимо от степени художественного совершенства имели глубокие внутренние связи"²⁵. Исследователь справедливо уравнивает в правах все стихи Блока с точки зрения их репрезентативности: они отражают в доступной полноте многообразие жизни и творчества художника: "Именно благодаря своей разнородности они существенно обогащают наше восприятие Блока, поэта и человека, свидетельствуя, что наряду с авторским представлением о своем пути, воплощенным в «трилогии вочеловечения», была реальная человеческая жизнь, не поддающаяся однозначному осмыслению" (Там же. С. 393). Действительно, книги "трилогии" — это все же избранные (с точки зрения Блока, наиболее важные) страницы "лирического дневника"²⁶.

Это трехтомное издание производит удивительное впечатление: несомненно, это Блок, мы читаем тексты, знакомые с детства, — но это *другой* Блок. Это впечатление не отменяет, но существенно дополняет и корректирует представление о лирике Блока, складывающееся у читателя полного академического собрания сочинений.

Еще сложнее дело обстоит, как нам кажется, с реальными проблемами издания Заболоцкого, последовательно уничтожавшего черновые материалы и уничтожившего ряд законченных произведений.

²³ Сажин В. Н. Указ. соч. С. 15—16.

²⁴ Блок А. А. Полное собрание стихотворений: В 3 т. / Подгот. текста, сост., коммент. В. Н. Быстрова. М., 2009—2011.

²⁵ Лощинская Н. В. [Вступительная заметка к разделу «Комментарии»] // Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 4. Стихотворения, не вошедшие в основное собрание (1897—1915). М.; СПб., 1997. С. 392.

²⁶ Блок А. А. Полное собрание стихотворений: В 3 т. Т. 1. М., 2009. С. 289—290.

Далеко не во всех случаях можно датировать тексты, поэтому хронология поневоле становится условной. Так, среди бумаг самого позднего периода был фрагмент, публикуемый под редакторским названием ««Пастухи»» — фрагмент, который носит все черты поэтики начала 1930-х годов. Согласно воспоминаниям Б. Дижур, Заболоцкий в начале 1920-х годов (до «Столбцов!») повторял вслух: «Душа обязана трудиться и день и ночь» — слова из стихотворения 1958 года «Не позволяй душе лениться»²⁷.

Думается, не случайно появляется у Д. С. Лихачева в пассаже о будущем издании Заболоцкого условное наклонение и слово «пожалуй» («...правильнее всего было бы, пожалуй, принять хронологический принцип расположения его произведений...»).

«Надо писать не отдельные стихотворения, а целую книгу. Тогда все становится на свои места», — говорил Николай Заболоцкий в конце 1920-х годов²⁸. «Столбцы», несомненно были такой книгой — разорвать их невозможно и неправильно, несмотря на то что в промежутках между созданием некоторых из составивших книгу столбцов рождались другие стихотворения, в том числе — дошедшие до нас.

В предлагаемой книге четыре раздела: «Стихи», «Литературная критика», «Проза» и «Dubia. Juvenilia. Коллективное. Стихи, сохранившиеся в памяти современников».

Прежде, чем сказать о составе разделов, следует отметить: в эту книгу не входят материалы, связанные с тремя важными сферами литературной деятельности поэта. Это переводы, творчество для детей и эпистолярное наследие Заболоцкого. Освоение этих сфер на новом витке изучения и публикации — дело составителей и комментаторов будущего многотомного и полного издания наследия поэта.

Наследие Заболоцкого-переводчика велико по объему и разнообразно. Представление о нем читатель может составить, обратившись к наиболее

²⁷ «Иногда Коля отказывался от еды. Говорил очень серьезным голосом: “Я еще сегодня не писал стихов”. На гостеприимную настойчивость моих соседок отшучивался: “Кто не работает — да не ест”. А иной раз говорил стихами: “Душа обязана трудиться и день и ночь”. Много лет спустя я прочла эти строки в одном из сборников Заболоцкого. Господи! Оказывается, я была свидетельницей рождения этих прекрасных строк!» (Дижур Б. А. Мой друг — Коля Заболоцкий: Из студенческих воспоминаний // Урал. 1995. № 12. С. 237).

²⁸ Синельников И. Молодой Заболоцкий // Воспоминания о Заболоцком / Сост. Е. В. Заболоцкая, А. В. Македонов и Н. Н. Заболоцкий. М.: Советский писатель, 1984. С. 105.

полному на сей день, трехтомному собранию избранных переводов²⁹. В предлагаемом издании пришлось пожертвовать даже поэтическим переложением «Слова о полку Игореве», которое Заболоцкий всегда включал в Своды и собрания своих произведений: текст последней редакции давно стал хрестоматийным и общедоступен, а включение ранних редакций привело бы к превышению разумного объема однотомника³⁰.

Творчество Якова Миллера (постоянный псевдоним Заболоцкого в детской литературе) — стихи и проза для детей, переложения классических и этнографических книг, детский киносценарий — также поневоле пришлось вынести за пределы этой книги. Это — лакуна, требующая отдельного издания и специальных разысканий. По сей день остается открытым вопрос об источниках некоторых из таких переложений, в том числе вышедших отдельными книгами.

Письма Заболоцкого, немалая часть которых рассредоточена по частным и государственным архивам, еще ожидают собирания, систематизации и комментирования. Переписка лагерных лет включена в раздел «Проза» на правах реконструкции документально-художественного прозаического замысла поэта, предполагавшего продолжить горькое повествование, начатое в «Истории моего заключения», публикацией специально отобранных и отредактированных писем к семье 1938—1944 годов.

Вернемся к составу книги, которую читатель держит в руках. Он основывается на вынужденном — временном, до будущего академического издания — компромиссе между хронологическим и жанровым принципами. Несомненно, будут найдены более удачные способы расположения текстов, но пока для читателя, который хочет видеть «полного Заболоцкого», предлагаемый вариант представляется если не оптимальным, то, во всяком случае, допустимым.

В разделе «Стихи» пять подразделов.

Первый и четвертый отданы знаменитым «Столбцам» — в первой, 1929 года, и последней, 1958 года, редакциях.

Можно, кажется, не оговаривать, что это две разные поэтические книги, принадлежащие разным периодам жизни и творчества поэта. При несомненном родстве и генетической связи, у них разный состав, разные композиционные «про-

²⁹ *Заболоцкий Н. А.* Поэтические переводы: В 3 т. / Сост. Н. Н. Заболоцкого. М., 2004.

³⁰ Перевод двух частей («Вступление» и «Поход», всего 289 строк), который Заболоцкий успел сделать до ареста: Прометей: Историко-биографический альманах. Вып. 16: Тысячелетие русской книжности. М., 1990. С. 366—369. Ранний вариант полного перевода, сделанный в 1945 г. в Караганде: Мусины-Пушкины. Книга-альбом / Сост. Т. И. Гулина, Г. В. Раздобурдина, М. Г. Шиманская. Ярославль, 1996. С. 121—150.

екты», различны и поэтика, и архитектоника. Между «Столбцами» 1929 и 1958 годов — 11 известных на сей момент редакций и вариантов состава сборника. Воссоздание истории «Столбцов» в ее полноте не входит в задачи этой книги³¹.

Второй и третий подразделы представляют поэтическое творчество, соответственно, «раннего» (1918—1939) и «позднего» (1946—1958) периодов, без разделения по жанровому принципу. Стихотворения, поэмы и поэтические экспромты расположены в хронологической последовательности, насколько ее можно было соблюсти в случае Заболоцкого.

В этих разделах приоритеты и предпочтения, вопреки традиции, отданы первым, а не окончательным редакциям. Тексты сверены по первым публикациям, или, где это возможно, по автографам или их электронным копиям. Сохранены орфографические и пунктуационные особенности источников: для сегодняшнего читателя будет непривычным написание некоторых слов (*голл* вместо *гол*, *томада* вместо *тамада*, *гамадриллы* вместо *гамадрилы*), дефисное написание некоторых слов с частицами и предлогами. К счастью, принципы оформления текста 1920—1950-х годов не столь кардинально отличаются от современных, как дореволюционные, а корректная унификация в соответствии с современной нормой — дело будущего академического издания. Отметим, что, например, написание «Четыре *голла* пали в ряд» (столбец «Футбол») сохраняется у Заболоцкого и в 1958 году, в то время как слово «гамадрилы» начиная с машинописного Свода 1952 пишется без удвоенной согласной.

Тексты, которые известны в единственной редакции воспроизводятся один раз. Те, которые подвергались значительной авторской правке — наиболее кардинальная правка относится к 1946 году — можно найти в этой книге в двух редакциях: первой и последней, окончательной. Это касается как «Столбцов», так и стихотворений и поэм 1930—1940-х годов. Итоговые редакции «Столбцов» читатель найдет в четвертом подразделе, а для стихотворений и поэм, подвергшихся значительной авторской правке, пришлось сформировать отдельный, пятый подраздел «Другие редакции».

³¹ См.: *Заболоцкий Н. А.* Полное собрание стихотворений и поэм. СПб., 2002. С. 597—622, 669—694; *Scandura C.* Materiali per un'edizione critica delle liriche di Zabolockij: le varianti di «Stolbcy» // *Ricerche Slavistiche*. Licosa — Le Lettre Editore. Vol. XXIX—XXXI. 1982—1984. P. 247—267; *Скандура К.* Систематизация авторских редакций и вариантов сборника Заболоцкого «Столбцы» // *Николай Заболоцкий. Проблемы творчества: Материалы научно-литературных чтений, посвященных 100-летию Н. А. Заболоцкого (1903—2003)*. М., 2005. С. 139—157; *Лоцилов И. Е.* К истории становления корпуса поэтической книги Н. Заболоцкого «Столбцы» // *Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения*. М., 2009. С. 244—255.

Источники сведений о промежуточных вариантах отдельных строк, сокращениях и дополнениях текстов указаны в преамбуле к комментариям. Включение свода вариантов и разночтений непомерно увеличило бы объем книги и усложнило бы ее научный аппарат. Нет сомнений, однако, что рано или поздно читатель получит издание, где будет во всех доступных подробностях воссоздана история каждого из поэтических сочинений Заболоцкого. Такое издание, несомненно, усложнит и скорректирует расхожее представление о том, что после лагерей Заболоцкий «портил» свои ранние тексты. Сличение вариантов и Сводов показывает, что кардинальная правка, сокращения и избавление от автографов, которые в случае возможного повторного ареста могли бы стать смертельно опасной уликой, относятся к 1946—1948 годам. Все другие изменения, которые вносил Заболоцкий в свои ранние тексты вплоть до 1958 года, носят исключительно эстетический, а не «охранительный» характер. Это, как и в дни поэтической молодости, тщательная аналитическая работа по поиску наилучшего способа «соединения слов посредством ритма».

Хронологическое расположение показывает Заболоцкого не только великим поэтом, но и литератором, глубоко и органично погруженным в литературный, политический, бытовой контекст своего времени. Нет сомнений, что сегодня необходимо вернуть исключавшиеся в изданиях позднесоветского и перестроечного времени немногочисленные строки, где упомянут Сталин («Великая книга», «Садовник», «Пир в колхозе “Шрома”»): как и в случае Мандельштама, трагизм судьбы Заболоцкого «от этого становится не слабее, а сильнее»³². Читатель, который научился читать и понимать Заболоцкого, — оценит это вполне.

Еще одно нарушение сложившейся традиции — отказ от раздела, посвященного шуточным стихотворениям. Как известно, Заболоцкий проводил четкую грань между серьезным творчеством и шуточными поэтическими импровизациями, застольными и поздравительными экспромтами. Думается, сегодняшний читатель без труда отличит «брошенное на лету» и предназначенное поэтом для вечности. С другой стороны, самые серьезные стихотворения и поэмы Заболоцкого органично включают смеховой элемент; дидактика некоторых поздних стихотворений несомненно пародийна, намеренно-комична (хоть эту пародийность и ощущают далеко не все читатели). Неслучайно, видимо, первые буквы заглавия-формулы позднего программного текста «Мысль — Образ — Музыка» складываются в имя божества Смеха — Мома³³. Смех Заболоц-

³² *Гаспаров М. Л.* О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М., 1996. С. 20.

³³ Среди бумаг Заболоцкого сохранился листок, написанный рукой Д. И. Хармса: «Два человека ведут быка с приделанными на груди рогами*,<,> на нем сидящий человек имеет на грудях оконницу, и держит <м>одедь вертящегося

кого всепроникающ и по большому счету серьезен, близок к сакральному смеху: некоторые стихотворения, печатавшиеся как шуточные, не только содержат переключки с «серьезными», но и могут быть прочитаны как серьезные, иногда — трагикомические, без невольной «скидки», возникающей при выделении такого раздела. Таковы, например, ранние «Полезно ли человеку писать?», «Предсказание погоды», стихотворное послание к Шварцам 1947 года.

В специальных разделах собраны все известные литературно-критические сочинения поэта и автобиографическая проза, «кристально чистая по пушкинскому звуку»³⁴. Особое место в прозаическом разделе занимают «Сто писем 1938—1944 года», о которых уже было сказано. Читателю Заболоцкого — в широком смысле слова — еще предстоит мысленно «вдвинуть» эти письма между «ранним» и «поздним» периодами.

Поздняя поэзия Заболоцкого и ее радикально изменившаяся поэтика — никоим образом не есть свидетельство того, что лагеря и тюрьмы «сломали» поэта, что он «приспособился» (как иногда интерпретируется видимая перемена), но практический ответ на этический, религиозно-философский и эстетический вызов ситуации середины XX столетия, ставший впоследствии известным в виде парадокса Теодора Адорно о невозможности музыки и поэзии (шире — искусства) после Освенцима.

«Сто писем 1938—1944 года» — еще один ответ, данный непосредственно изнутри катастрофы — общей и личной; репортаж изнутри бедствия, подвергнутый поэтом рефлексии и предварительному литературному «оформлению» в 1956 году.

дома, перед ними 12 человек в шутовском платье с дудками и гремушками). Под чертой — сноска: «* Мом, видя человека, смеялся, для чего боги не сделали ему на грудях окна, сквозь которое бы в его сердце смотреть было можно, — быку смеялся, для чего боги не поставили ему на грудях рогов, и тем лишили его большой силы, а над домом смеялся, для чего не можно его, если у него худой сосед<,> поворотить в другую сторону». Текст выписан из книги «Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763 г.» (М., 1763), описывающей маскарад, устроенный актером Ф. Г. Волковым по случаю коронационных торжеств императрицы Екатерины II (или из публикации в: *Пыляев М. И.* Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России // Пыляев М. И. Старое житье: Очерки и рассказы о бывших в отшедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. СПб., 1897. С. 137—166).

³⁴ *Корниенко Н. В.* «И любовь, и песни до конца»: лирика Заболоцкого и песенные контексты советской литературы // Николай Заболоцкий. Проблемы творчества. М., 2005. С. 132.

Поэзия 1946—1958 годов, хоть и носит следы намеренной мимикрии, не менее сложна и загадочна, чем ярчайшие «Столбцы» и поэмы 1920—1930-х. В начале 1930-х годов Заболоцкий говорил: «В России поэзия жила один век — от Ломоносова до Пушкина. Быть может сейчас, после большого перерыва пришел новый поэтический век. Если и так, то сейчас только самое его начало»³⁵. В позднем творчестве он осваивает и доводит до кристаллической отточенности отвергнутые «большой культурой» поэтики послепушкинской поры: от Бенедиктова до Надсона, Апухтина и Мейснера.

Своеобразным «эксклюзивом» издания представляется последний раздел. Здесь собраны тесты Заболоцкого, которые известны нам не по автографам, авторизованным машинописям, корректурам или первым публикациям, а сохранились в памяти современников. Это и ранние, детские и юношеские строки, и строки из уничтоженных сочинений³⁶, и приписываемое Заболоцкому предположительно — в собственном смысле *Dubia* (сомнительное). Об источниках и степени «дубиальности» таких текстов читатель может узнать из комментариев. Ни в одном из существующих изданий Заболоцкого подобная работа не предпринималась.

В последние годы корпус сочинений Заболоцкого пополнился благодаря нескольким удивительным находкам. С. А. Лурье нашел среди бумаг писателя Л. Пантелеева (А. И. Еремеева) тетрадь с автографом «Ночных бесед» — прообразом первых глав поэмы «Торжество Земледедия». И. И. Галеев обнаружил в архиве художника К. И. Рождественского каллиграфический автограф неизвестного прежде стихотворения «Дума». Несколько неопубликованных произведений поэта обнаружили среди материалов его личного архива — в том числе неожиданные. Таков, например, перевод латинского текста католической заупокойной мессы, предназначенный не для печати, а для пения — исполнения «Реквиема» Моцарта на русском языке³⁷. Остаются надежды и на другие находки.

Уржумские стихи, как и поэма «Уржумиада», до нас не дошли: «В 1919 году Николай тщательно переписал свои стихотворения в самодельную книжечку с заглавием “Уржум”. По свидетельству жены поэта Екатерины Васильевны Заболоцкой, до 1938 года Н. А. хранил рукописный сборник “Уржум”. Это была им самим сшитая книжечка размером поуже тетради, сантиметров

³⁵ Липавский Л. С. Исследование ужаса. М., 2005. С. 320.

³⁶ Опыт систематизации сведений о несохранившихся поэмах («Облака», «Осада Козельска», «Шаман» и др.) см.: Лоцилов И. Е. Поэмы Николая Заболоцкого: комментарий к утраченному // Текст — комментарий — интерпретация: Сб. научных трудов / Под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск, 2008. С. 144—159.

³⁷ См.: Лоцилов И. Е. О неизданных стихах Николая Заболоцкого // Новый мир. 2012. № 6. С. 149—150.

около двух толщиной... Помнится, там было много стихотворений о природе — о березе в инее, о сверкающем снеге, о звездном небе. Было там и стихотворение “На смерть Кошкина”, которое упоминается в “Ранних годах”³⁸. Не сохранилась и упомянутая поэтом в автобиографии «объемистая тетрадь плохих стихов»³⁹, и, например, «длинное серьезное стихотворение “Любовь”», посвященное однокурснице Кате Ефимовой⁴⁰.

В записных книжках Хармса имя и адрес Заболоцкого впервые появляются весной или летом 1926 года. Некоторые записи последующих лет содержат названия (или строки, фрагменты стихов?) неизвестных нам сочинений поэта, как, предположительно, детских («Мишка на Маневрах», «День Фунтикова», «Сказка про кита», «Песнь Ивана Орехова»)⁴¹, так и для взрослых: «Печальная смерть одного рыбака»⁴², «Закон квадратного колеса», «Мом»⁴³.

«В заявлении в Ленинградский Союз поэтов от 31 мая 1926 года говорится: “Прошу принять меня в число членов Союза. Стихи прилагаю”. Далее следуют анкетные данные. Какие стихотворения были приложены к анкете-заявлению и сохранились ли они — неизвестно»⁴⁴. Возможно, они еще будут найдены среди материалов Союза поэтов, ожидающих описания и систематизации.

³⁸ *Заболоцкий Н. Н.* Указ. соч. С. 47—48.

³⁹ *Заболоцкий Н. А.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1983. С. 491.

⁴⁰ *Заболоцкий Н. Н.* Указ. соч. С. 82.

⁴¹ *Хармс Д. И.* Полное собрание сочинений: Записные книжки. Дневник. В 2 кн. СПб., 2002. Кн. 1. С. 183, 214, 215, 442.

⁴² Ср. в воспоминаниях М. И. Касьянова о начале 1920-х годов: «Вспоминаются еще написанные Николаем “Стихи о счастливой смерти хироманта” (почему хироманта — не могу сказать; возможно, что стихотворение было навеяно рассказом Оскара Уайльда), убитого случайным выстрелом на Сивцевом Вражке. В Уржуме — строке стихотворения, которая оканчивалась словами: “...и вздрогнул даже”, рифмовала строка, где хиромант спрашивал: “Как мне пройти на улицу Пажей?” (по-видимому, пажей из известного романа). Но позднее, в Москве, улица Пажей была изъята, и в стихах вместо схематического города по Александру Грину появилась Москва с ее вполне реальными переулками вроде Сивцева Вражка» (*Лоцилов И. Е.* Материалы о Н. Заболоцком в домашнем архиве М. Касьянова // *Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения.* Кн. 2. М., 2012. С. 631). Мемуарист имеет в виду рассказ О. Уайльда «Преступление лорда Артура Сэвила» (1887) и песенку «Три пажа» из репертуара А. Н. Вертинского на слова стихотворения Тэффи «Песня о трех пажах (С французского)» Тэффи (<1910>).

⁴³ *Хармс Д. И.* Указ. соч. Кн. 1. С. 280, 313; Кн. 2. С. 35.

⁴⁴ *Заболоцкий Н. Н.* Жизнь Н. А. Заболоцкого. СПб., 2003. С. 105.

10 июля 1929 года Заболоцкий писал редактору журнала «Чудак»: «Уважаемый тов. Регинин! Посылаю для “Чудака” стихотворение “Предсказание погоды”. Будьте любезны сообщить о судьбе стихов “Конная улица” и “Болезнь”. Если они не подходят — вышлите рукописи обратно»⁴⁵. «Предсказание погоды» появилось на страницах журнала, «Болезнь» вошла в «Столбцы», а стихотворение «Конная улица», видимо, было возвращено автору. Но, может быть, когда-нибудь и где-нибудь найдется список или копия?

И. В. Бахтерев вспоминал об «Осеннем стихотворении», написанном одновременно с «Красной Баварией» — Заболоцкий подарил ему автографы в 1926 году. «Листочки сохранялись долго и погибли с домашним архивом в сорок втором»⁴⁶.

В статье Т. Царьковой упомянуты три стихотворения, по сей день остающиеся неизвестными; судя по названиям, это шуточные экспромты: «Однажды Стерлигов в одном местечке...», «Прислушайся, внимательное ухо...» и «Так, запястьем розовея...»⁴⁷.

Об оставшихся невоплощенными драматургических замыслах писал, ссылаясь на воспоминания Бахтерева (и дополняя их), сын поэта. В 1920-х годах, во времена театра «Радикс», «...“обещал написать пьесу и Заболоцкий, говорил о небывалом театре масок. На гладких цветных фонах произносят монологи, ведут диалоги актеры, изображающие животных, растения, предметы. Есть среди них и люди, для них маски не требуются”⁴⁸ <...> Пройдут годы, в самом конце своей жизни Заболоцкий вспомнит о том замысле пьесы для “Радикса” и скажет: “Я бы написал пьесу, в которой действующими лицами были бы люди, камни, животные, растения, мысли, атомы. Действие происходило бы в самых разнообразных местах — от межпланетного пространства до живой клетки... Да ведь не поставят такую пьесу — нечего и писать”»⁴⁹.

Н. К. Чуковский вспоминал: «Помню, сидя у меня, прочел он стихотворение о боге, играющем на рояле, и привел меня в восторг. Я все позабыл, в памяти у меня осталось только, что стоял рояль где-то на чердаке, где было очень сухо и жарко, где пахло пылью, разохшимся деревом, паутиной, и что бог иногда по ночам спускался с небес на чердак, садился за этот рояль

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 1433 [В. А. Регинин]. Оп. 2. Ед. хр. 51.

⁴⁶ Бахтерев И. В. Когда мы были молодыми (Невыдуманный рассказ) // Воспоминания о Заболоцком. М., 1984. С. 72.

⁴⁷ Царькова Т. С. Метрический репертуар Н. А. Заболоцкого // Исследования по теории стиха. Л., 1978. С. 151.

⁴⁸ Бахтерев И. В. Указ. соч. С. 79.

⁴⁹ Заболоцкий Н. Н. Указ. соч. С. 95.

и играл*. Он прочел это стихотворение и ушел, и мы не виделись несколько дней. При следующей встрече я попросил прочитать его мне еще раз.

— Его уже нет, — ответил он. — Я его выбросил.

Я возмущился:

— Давайте я запишу. Как оно начиналось? Вы должны помнить.

Но он, упрямо сжав губы, твердил, что не помнит ни строчки. Я, возмущаясь, приставал к нему с этим стихотворением в течение нескольких лет. Но он был неумолим. Не знаю, действительно ли он начисто забыл его или не хотел вспоминать». В сноске мемуарное свидетельство Чуковского корректировалось составителями книги: «* Содержание этого стихотворения, по свидетельству Е. В. Заболоцкой, несколько иное. Старый клавесин стоял на чердаке, где было сухо, пыль, паутина. По ночам, по разошедшимся ступеням осторожно подымался старик. Руки его были костлявы и жилисты, но когда он садился за клавесин и играл, — бог спускался с небес, воплощаясь в его музыку»⁵⁰.

Сын поэта вспоминал о последнем вечере накануне скоропостижной смерти поэта: «Вечер 13 октября вся семья провела вместе. <...> Оставшись вдвоем с Екатериной Васильевной, он еще долго говорил с ней о том, что хотелось бы ему успеть написать... “Он говорил, — рассказывала потом Екатерина Васильевна, — что ему надо два года жизни, чтобы написать трилогию из поэм «Смерть Сократа», «Поклонение волхвов», «Сталин». Меня удивила тема третьей поэмы. Николай Алексеевич стал мне объяснять, что Сталин сложная фигура на стыке двух эпох. Разделаться со старой этикой, моралью, культурой было ему нелегко, так как он сам из нее вырос. Он учился в духовной семинарии, и это в нем осталось. Его воспитала Грузия, где правители были лицемерны, коварны, часто кровожадны. Николай Алексеевич говорил, что Хрущеву легче расправиться со старой культурой, потому что в нем ее нет. Пройдут годы, и от старой дворянской культуры, устоями которой и мы живем, останется так мало, что трудно будет ее представить. «Вот так, — говорил он, — как если бы от শেষ с тобой жизни остались одни ножницы и лоскуток от шитья»»⁵¹.

Свидетельства о несохранившихся произведениях и оставшихся нереализованными замыслах, рассредоточенные по мемуарным источникам, также должны быть собраны и учтены при подготовке будущих научных изданий. Пока — они как бы примыкают к материалам последнего раздела этой книги.

⁵⁰ Чуковский Н. К. Встречи с Заболоцким // Воспоминания о Заболоцком / Сост. Е. В. Заболоцкая и А. В. Македонов. М., 1984. С. 221. Поэтическую реконструкцию уничтоженного поэтом стихотворения см.: Друскин Л. С. Памяти Заболоцкого («На чердаке заброшенном — рояль...») // Друскин Л. С. Прикосновение. Л., 1974. С. 38.

⁵¹ Заболоцкий Н. Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого. СПб., 2003. С. 569—591.

Повторим в заключение, что предлагаемое собрание Заболоцкого носит исключительно предварительный, рабочий характер. По большому счету, издавать Заболоцкого так, наверное, не следует. Но, учитывая сложности и перипетии прижизненной и посмертной судьбы наследия поэта, — один раз, наверное, можно. Может быть, оно поможет нам сделать еще одно, дополнительное усилие для того, о чем со всей определенностью сказал однажды С. С. Аверинцев — «увидеть недооволоженную парадигму Заболоцкого на уровне, так сказать, платоновских идей»⁵². Но не благодаря отвлечению «от всех чересчур актуальных ее контекстов — от обэриутских ритуалов абсурда в начале и от официозного классицизма под конец, — сосредоточивая преимущественное внимание на тех строках, которые равно могли бы быть и у раннего, и у позднего Заболоцкого»⁵³, а диалектически — благодаря по возможности полному воссозданию и накоплению «критической массы» этих контекстов. Этот путь не менее, чем интуиция поэтов и читателей, чреват «освобождением», выходом в новое измерение, в вечность. На языке Хармса: «Пятым, сущим значением предмет обладает только вне человека, т. е. терея отца, дом и почву. Такой предмет “РЕЕТ”»⁵⁴.

Составитель надеется на понимание и снисхождение как читателей, так и будущих исследователей, которым предстоит работа по подготовке настоящего академического издания — такого, о котором, видимо, думал Д. С. Лихачев. Некоторую «авантюристность» замысла этой книги составитель отчасти оправдывает для себя участием в подготовке издания, в точности следующего *Литературному завещанию* Заболоцкого⁵⁵. Время подтверждает слова Н. Я. Рыковой, сказанные в 1929 году, вскоре после выхода «Столбцов» — они оказались неожиданным пророчеством: «...текущий год подарил нам замечательные “столбцы” Заболоцкого, интереснейшего поэта с большим будущим»⁵⁶.

Игорь Лоцилов

⁵² Аверинцев С. С. «...Уже небо, а не озеро...»: Риск и вызов метафизической поэзии // Седакова О. Стихи. М., 2001. С. 10.

⁵³ Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 10.

⁵⁴ Хармс Д. И. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2: Новая Анатомия. СПб., 2000. С. 286.

⁵⁵ Заболоцкий Н. А. Столбцы и поэмы; Стихотворения. СПб., 2014.

⁵⁶ Рыкова Н. Михаил Светлов // На литературном посту. 1929. № 17. С. 35.

*Составитель и редактор посвящают эту книгу светлой памяти
Никиты Николаевича Заболоцкого (25.01.1932 — 12.12.2014) —
сына, публикатора и биографа Николая Заболоцкого*

Стихи

І. «Столбцы» 1929 года

КРАСНАЯ БАВАРИЯ

В глуши бутылочного рая,
где пальмы высохли давно, —
под электричеством играя,
в бокале плавало окно;
оно на лопастях блестело,
потом садилось, тяжелело;
над ним пивной дымок вился...
Но это описать нельзя.

И в том бутылочном раю
сирены дрогли на краю
кривой эстрады. На поруки
им были отданы глаза.
Они простерли к небесам
эмалированные руки
и ели бутерброд от скуки.

Вертятся двери на цепочках,
спадает с лестницы народ,
трещит картонною сорочкой,
с бутылкой водит хоровод;

сирена бледная за стойкой
гостей попотчует настойкой,
скосит глаза, уйдет, придет,
потом, с гитарой наотлет,
она поет, поет о милome:
как милого она кормила,
как ласков к телу и жесток —
впивался шелковый шнурок,
как по стаканам висла виски,
как, из разбитого виска
измученную грудь обрызгав,
он вдруг упал. Была тоска,
и все, о чем она ни пела, —
в бокале отливалоcь мелом.

Мужчины тоже все кричали,
они качались по столам,
по потолкам они качали
бедлам с цветами пополам;
один — язык себе откусит,
другой кричит: я — иисусик,
молитесь мне — я на кресте,
под мышкой гвозди и везде...
К нему сирена подходила,
и вот, колено оседлав,
бокалов бешеный конклав
зажегся как паникадило.

Глаза упали точно гири,
бокал разбили — вышла ночь,
и жирные автомобили,
схватив под мышки Пикадилли,
легко откатывали прочь.
Росли томаты из прохлады,
и вот опущенные вниз —
краснобаварские закаты
в пивные днища улеглись,
а за окном — в глуши времен
блистал на мачте чемпион.

Там Невский в блеске и тоске,
в ночи переменивший кожу,
гудками сонными воспет,
над баром вывеску тревожил;
и под свистками Германдады,
через туман, толпу, бензин,
над башней рвался шар крылатый
и имя «Зингер» возносил.

Авг. 1926

БЕЛАЯ НОЧЬ

Гляди: не бал, не маскарад,
здесь ночи ходят невпопад,
здесь, от вина неузнаваем,
летает хохот попугаем;
раздвинулись мосты и кручи,
бегут любовники толпой,
один — горяч, другой — измучен,
а третий — книзу головой...
Любовь стенает под листьями,
она меняется местами,
то подойдет, то отойдет...
А музы любят круглый год.

Качалась Невка у перил,
вдруг барабан заговорил —
ракеты, в полукруг сомкнувшись,
вставали в очередь. Потом
летели огненные груши,
вертя бенгальским животом.

Качались кольца на деревьях,
спадали с факелов отрепья
густого дыма. А на Невке
не то сирены, не то девки —
но нет, сирены — шли наверх,
все в синеватом серебре,

холодноватые — но звали
прижаться к палевым губам
и неподвижным как медали.
Но это был один обман.

Я шел подальше. Ночь легла
вдоль по траве, как мел бела:
торчком кусты над нею встали
в ножна́х из разноцветной стали,
и куковали соловьи
верхом на веточке. Казалось,
они испытывали жалость,
как неспособные к любви.

А там, надувшись, точно ангел,
подкарауливший святых,
на корточках привстал Елагин,
ополоснулся и затих:
он в этот раз накрыл двоих.

Вертя винтом, шел пароходик
с музыкой томной по бортам,
к нему навстречу лодки ходят,
ребцы не смыслят ни-черта́;
он их толкнет — они бежать,
бегут-бегут, потом опять
идут — задорные — навстречу.
Он им кричит: я искалечу!
Они уверены, что нет...

И всюду сумасшедший бред,
и белый воздух липнет к крышам,
а ночь уже на ладан дышит,
качается как на весах.
Так недоносок или ангел,
открыв молочные глаза,
качается в спиртовой банке
и просится на небеса.

Июль 1926

ФУТБОЛ

Ликует форвард на бегу,
теперь ему какое дело? —
как будто кости берегут
его распахнутое тело.

Как плащ, летит его душа,
ключица стучается звонко
о перехват его плаща,
танцует в ухе перепонка,
танцует в горле виноград
и шар перелетает ряд.

Его хватают наугад,
его отравую поят,
но каблуков железный яд
ему страшнее во сто крат.
Назад!

Свалились в кучу беки,
опухшие от сквозняка,
и вот — через моря и реки,
просторы, площади, снега —
расправив пышные доспехи
и накренья в меридиан,
слетает шар.

Ликует форвард на пожар,
свинтив железные колена,
но уж из горла бьет фонтан,
он падает, кричит: измена!
А шар вертится между стен,
дымится, пучится, хохочет,
глазок сожмет — спокойной ночи!
глазок откроет — добрый день!
и форварда замучить хочет.

Четыре голла пали в ряд,
над ними трубы не гремят,
их сосчитал и тряпкой вытер
меланхолический голкипер

и крикнул ночь. Приходит ночь.
Бренча алмазною заслонкой,
она вставляет черный ключ
в атмосферическую лунку —
открылся госпиталь.

Увы!

Здесь форвард спит
без головы.

Над ним два медные копья
упрямый шар веревкой вяжут,
с плиты загробная вода
стекает в ямки вырезные
и сохнет в горле виноград.
Спи, форвард, задом наперед!
Спи, бедный форвард!
Над землю
заря упала глубока,
танцуют девочки с зарею
у голубого ручейка;
все так же вянут на покое
в лиловом домике обои,
стареет мама с каждым днем...
Спи, бедный форвард!
Мы живем.

Авг. 1926

2

МОРЕ

Вставали горы старины,
война вставала. Вкруг войны
скрипя, летели валуны,
сиянием окружены.
Чернело море в пароход
и волны на его дорожке,
как бы серебряные ложки,

стучали. Как слепые кошки,
мерцая около бортов,
бесились весело. Из ртов,
из черных ртов у них стекал
поток горячего стекла,
стекал и падал, надувался,
качался, брызгал, упал,
навстречу поднимался вал
и шторм кружился в буйном вальсе,
и в пароход кричал: «Попался!
Ага, попался!» Или: «Ну-с,
вытаскивай из трюма груз!»

Из трусости или забавы
прожектор волны надавил
и, точно каменные бабы,
они ослепли. Ветер был
все осторожней, тише к флагу,
и флаг трещал как бы бумага
надорванная. Шторм упал
и вышел месяц наконец,
скользнул сияньем между палуб,
и мокрый глянец лег погреться
у труб. На волнах шел румянец,
зеленоватый от руля,
губами плотно шевеля...

Ноябрь 1926

ОФОРТ

И грянул на весь оглушительный зал:
— Покойник из царского дома бежал!

Покойник по улицам гордо идет,
его постояльцы ведут под уздцы;
он голосом трубным молитву поет
и руки ломает наверх.

Он — в медных очках, перепончатых рамах,
переполнен до горла подземной водой,
над ним деревянные птицы со стуком
смыкают на створках крыла.
А кругом — громобой, цилиндров бряцанье
и курчавое небо, а тут —
городская коробка с расстегнутой дверью
и за стеклышком — розмарин.

Янв. 1927

ЧЕРКЕШЕНКА

Когда заря прозрачной глыбой
придавит воздух над землей,
с горы, на колокол похожей,
летят двускатные орлы;
идут граненые деревья
в свое волшебное кочевье;
верхушка тлеет, как свеча,
пустыми кольцами бренча;
а там за ними, наверху,
вершиной пышною качая,
старик Эльбрус рахат-лукум
готовит нам и чашку чая.

И выплывает вдруг Кавказ
пятисосцовой громадой,
как будто праздничный баркас,
в провал парадный Ленинграда,
а там — черкешенка поет
перед витриной самоварной,
ей Тула делает фокстрот,
Тамбов сапожки примеряет,
но Терек мечется в груди,
ревет в разорванные губы —
и трупом падает она,
смыкая руки в треугольник.

Нева Арагвою течет,
а звездам — слава и почет:
они на трупик известковый
венец построили свинцовый,
и спит она... прости ей бог!
Над ней колыхнется венок,
и вкось несется по теченью
луны путиловской движенье.

И я стою — от света белый,
я в море черное гляжу,
и мир двоится предо мною
на два огромных сапога —
один шагает по Эльбрусу,
другой по-фински говорит,
и оба вместе убегают,
гремя по морю — на восток.

Янв. 1926

ЛЕТО

Пунцовое солнце висело в длину,
и весело было не мне одному —
людские тела наливались как груши,
и зрели головки, качаясь, на них.
Обмякли деревья. Они ожирели
как сальные свечи. Казалось нам —
под ними не пыльный ручей пробегает,
а тянется толстый обрывок слюны.
И ночь приходила. На этих лугах
колючие звезды качались в цветах,
шарами легли меховые овечки,
потухли деревьев курчавые свечи;
пехотный пастух, заседа в овражке,
чертил диаграмму луны,
и грызлись собаки за свой перекресток —
кому на часах постоять...

Авг. 1927

ЧАСОВОЙ

На карауле ночь густеет,
стоит, как кукла, часовой,
в его глазах одервенелых
четырёхгранный вьётся штык.
Тяжеловесны, как лампы,
знамена пышные полка
в серпах и молотах измятых
пред ним свисают с потолка.
Там пролетарий на коне
гремит, играя при луне;
там вой кукушки полковой
угрюмо тонет за стеной;
тут белый домик вырастает
с квадратной башенкой вверху,
на стенке девочка витает,
дудит в прозрачную трубу;
уж к ней сбегаются коровы
с улыбкой бледной на губах...
А часовой стоит впотьмах
в шинели конусообразной;
над ним звезды пожарик красный
и серп заветный в головах.
Вот — в щели каменные плит
мышинные просунулись лица,
похожие на треугольники из мела
с глазами траурными по бокам...
Одна из них садится у окошка
с цветочком музыки в руке,
а день в решетку пальцы тянет,
но не достать ему знамен.
Он напрягается и видит:
стоит, как кукла, часовой
и пролетарии на коне
его хранит, расправив копыя,
ему знамена — изголовье

и штык ружья — сигнал к войне...
И день доволен им вполне.

Февр. 1927

НОВЫЙ БЫТ

Выходит солнце над Москвой,
старухи бегают с тоской:
куда, куда итти теперь?
Уж новый быт стучится в дверь!
Младенец наглядко обструган,
сидит в купели как султан,
прекрасный поп поет как бубен,
паникадиллом осиян;
прабабка свечку выжимает,
младенец будто бы мужает,
но новый быт несется вскачь —
младенец лезет окарачь.
Ему не больно, не досадно,
ему назад не близок путь,
и звезд коричневые пятна
ему наклеены на грудь.
Уж он и смотрит свысока
(в его глазах — два оселка),
потом пирует до отказа
в размахе жизни трудовой,
гляди! гляди! он выпил квасу,
он девок трогает рукой
и вдруг, шагая через стол,
садится прямо в комсомол.

А время сохнет и желтеет,
стареет папенька-отец,
и за окошками в аллее
играет сваха в бубенец.
Ступни младенца стали шире,
от стали ширится рука,

уж он сидит в большой квартире,
невесту держит за рукав.
Приходит поп, тряся ногами,
в ладошке мощи бережет,
благословить желает стенки,
невесте — крестик подарить...
— Увы! — сказал ему младенец, —
уйди, уйди, кудрявый поп,
я — новой жизни ополченец,
тебе-ж — один остался гроб!
Уж поп тихонько плакать хочет,
стоит на лестнице, бормочет,
уходит в рошу, плачет лихо;
младенец в хохот ударял —
с невестой шепчется: Шутиха,
скорей бы час любви настал!

Но вот знакомые скатились,
завод пропел: ура! ура!
и новый быт, даруя милость,
в тарелке держит осетра.
Варенье, ложечкой носимо,
успело сделаться свежо,
жених проворен нестерпимо,
к невесте лепится ужом,
и председатель на-отвале,
чете играя похвалу,
приносит в выборгском бокале
вино солдатское, халву,
и, принимая красный спич,
сидит на столике кулич.

Ура! ура! — заводы воют,
картошкой дым под небеса,
и вот супруги на покое
сидят и чешут волоса.
И стало все благоприятно:
приходит ночь, ушла обратно,
и за окошком через миг
погасла свечка-пятерик.

ДВИЖЕНИЕ

Сидит извозчик как на троне,
из ваты сделана броня,
и борода, как на иконе,
лежит, монетами звеня.
А бедный конь руками машет,
то вытянется, как налим,
то снова восемь ног сверкают
в его блестящем животе.

Дек. 1927

НА РЫНКЕ

В уборе из цветов и крынок
открыл ворота старый рынок.

Здесь бабы толсты словно кадки,
их шаль — невиданной красы,
и огурцы, как великаны,
прилежно плавают в воде.
Сверкают саблями селетки,
их глазки маленькие кротки,
но вот — разрезаны ножом —
они свиваются ужом;
и мясо властью топора
лежит как красная дыра;
и колбаса кишкой кровавой
в жаровне плавает корявой;
и вслед за ней кудрявый пес
несет на воздух постный нос,
и пасть открыта словно дверь,
и голова — как блюдо,
и ноги точные идут,
сгибаясь медленно посередине.
Но что это?
Он с видом сожаленья
остановился наугад,

и слезы, точно виноград,
из глаз по воздуху летят.

Калеки выстроились в ряд,
один — играет на гитаре;
он весь откинулся назад,
ему обрубок помогает,
а на обрубке том — костыль
как деревянная бутыл.

Росток руки другой нам кажется,
он ею хвастается, машет,
он вырвал палец через рот,
и визгнул палец, словно крот,
и хрустнул кости перекресток,
и сдвинулось лицо в наперсток.

А третий — закрутив усы,
глядит воинственным героем,
в глазах татарских, чуть косых —
ни беспокойства, ни покоя;
он в банке едет на колесах,
во рту запрятан крепкий руль,
в могилке где-то руки сохнут,
в какой-то речке ноги спят...
На долю этому герою
осталось брюхо с головою
да рот большой, как рукоять,
рулем веселым управлять!

Вон — бабка с пленкой вместо глаз
сидит на стуле одиноком,
и книжка в дырочках волшебных
(для пальцев — милая сестра)
поет чиновников служебных,
и бабка пальцами быстра...

Ей снится пес.
И вот — поставлен
судьбы исправною рукой,

он перед ней стоит, раздавлен
своей прекрасною душой!
А вокруг — весы как магелланы,
отрепья масла, жир любви,
уроды словно истуканы
в густой расчетливой крови,
и визг молитвенной гитары,
и шапки полны, как тиары,
блестящей медью... Недалек
тот миг, когда в норе опасной
он и она, он — пьяный, красный
от стужи, пенья и вина,
безрукий, пухлый, и она —
слепая ведьма — спляшут мило
прекрасный танец-козерог,
да так, что затрещат стропила
и брызнут искры из-под ног...
И лампа взвояет как сурок.

Дек. 1927

ПИР

В железной комнате военной,
где спит винтовок небосклон,
я слышу гром созвездий медный,
копыт размеренный трезвон.
Она летит — моя телега,
гремя квадратами колес,
в телеге — громкие герои
в красноармейских колпаках.
Тут пулемет, как палец, бьется,
тут пуля вьется сосунком,
тут клич военный раздается,
врага кидая кверху дном.
А конь струится через воздух,
спрягает тело в длинный круг
и режет острыми ногами
оглобель ровную тюрьму.

Шумят точеные цветочки,
ладони жмутся горячей,
а ночь нам пива ставит бочку,
боченок тостов и речей.
Под грохот каменных стаканов,
пивную медную струю —
мы пьем становые истуканов,
в штыки построенных в бою!
Мы пьем — и волосы трясутся,
от потных рук струится пар,
но лица плоски точно блюдца,
и лампы маленький пожар
сползает синими струями
на потемневшую ладонь;
знамена подняты баграми,
и в буквах — вдавленный огонь,
и хохот заячий винтовок,
шум споров, кочки недомолвок,
и штык, пронзающий стакан
через разорванный туман!

О, штык, летающий повсюду,
холодный тельцем, кровяной,
о, штык, пронзающий Иуду,
коли еще — и я с тобой!
Я вижу — ты летишь в тумане,
сияя плоским острием,
я вижу — ты плывешь морями
граненым вздернутым копьем.
Где раньше бог клубился чадный
и мир шумел — ему свеча;
где стаи ангелов печатных
летели в небе, волоча
пустые крылья шалопаев, —
там ты несешься, искупая
пустые вымыслы вещей —
ты, светозарный как Кашей!

Тебе еще не та забота,
тебе еще не тот полет —

за море стелется пехота,
и ты за море правишь ход.
За море стелются отряды,
вон — я стою, на мне — шинель
(с глазами белыми солдата
младенец нескольких недель).
Я вынул маленький кисетик,
пустую трубку без огня,
и пули бегают как дети,
с тоскою глядя на меня...

Янв. 1928

ИВАНОВЫ

Стоят чиновные деревья,
почти влезая в каждый дом;
давно их кончено кочевье —
они в решетках, под замком.
Шумит бульваров теснота,
домами плотно заперта.

Но вот — все двери растворились,
повсюду шепот пробежал:
на службу вышли Ивановы
в своих штанах и башмаках.
Пустые гладкие трамваи
им подают свои скамейки;
герои входят, покупают
билетов хрупкие дощечки,
сидят и держат их перед собой,
не увлекаясь быстрою ездой.

А мир, зажатый плоскими домами,
стоит, как море, перед нами,
грохочут волны мостовые,
и через лопасти колес —
сирены мечутся простые
в клубках оранжевых волос.

Иные — дуньками одеты,
сидеть не могут взаперти:
ногами делая балеты,
они идут. Куда идти,
кому нести кровавый ротик,
кому сказать сегодня «котик»,
у чьей постели бросить ботик
и дернуть кнопку на груди?
Неужто некуда идти?!

О, мир, свинцовый идол мой,
хлещи широкими волнами
и этих девок улокой
на перекрестке вверх ногами!
Он спит сегодня — грозный мир,
в домах — спокойствие и мир.

Ужели там найти мне место,
где ждет меня моя невеста,
где стулья выстроились в ряд,
где горка — словно Арарат,
повитый кружевцем бумажным,
где стол стоит и трехэтажный
в железных латах самовар
шумит домашним генералом?

О, мир, свернись одним кварталом,
одной разбитой мостовой,
одним проплеванным амбаром,
одной мышиною норой,
но будь к оружию готов:
целует девку — Иванов!

Янв. 1928

СВАДЬБА

Сквозь бревна хлещет длинный луч,
могучий дом стоит во мраке,

огонь раздвинулся горюч
сквозь окна в каменной рубахе;
медали вывесками меди
висят, фонарь пустынный бредит
над цифрой, выдавленной пальцем
мансарды бедным постояльцем.
И сквозь большие коридоры,
где балки лезут в потолок,
где человеческие норы
домашний выдавил сурок, —
нам кухня кажется органом,
она поет в сто двадцать дудок,
она сверкает толстым краном,
играет в свадебное блюдо;
кофейных мельниц на ветру
мы слышим громкую игру —
они качаются во мраке
четырехгранны, стройны, наги,
и на огне, как томада,
сидит орлом сковорода.

Как солнце черное амбаров,
как королева грузных шахт,
она спластала двух омаров,
на постном масле просияв!
Она яичницы кокетство
признала сердцем бытия,
над нею прокликает детство
цыпленок, синий от мытья —
он глазки детские закрыл,
наморщил разноцветный лобик
и тельце сонное сложил
в фаянсовый столовый гробик.
Над ним не поп ревел обедню,
махая по-ветру крестом,
ему кукушка не певала
коварной песенки своей —
он был закован в звон капусты,
он был томатами одет,

над ним, как крестик, опускался
на тонкой ножке сельдерей.
Так он почил в расцвете дней —
ничтожный карлик среди людей.

Часы гремят. Настала ночь.
В столовой пир горяч и пылок,
бокалу винному невмочь
расправить огненный затылок.
Мясистых баб большая стая
сидит вокруг, пером блистая,
и лысый венчик горностая
венчает груди, ожирев
в поту столетних королев.
Они едят густые сласти,
хрипят в неутоленной страсти,
и, распуская животы,
в тарелки жмутся и цветы.
Прямые лысые мужья
сидят как выстрел из ружья,
но крепость их воротников
до крови вырезала шеи,
а на столе — гремит вино,
и мяса жирные траншеи,
и в перспективе гордых харь
багровых, чопорных и скучных —
как сон земли благополучной,
парит на крылышках мораль.

О, пташка божья, где твой стыд?
И что к твоей прибавит чести
жених, приделанный к невесте
и позабывший гром копыт?
Его лицо передвижное
еще храпит следы венца;
кольцо на пальце молодое
сверкает с видом удалца;
и поп — свидетель всех ночей —
раскинув бороду забралом,

сидит как башня перед балом,
с большой гитарой на плече.

Так бей, гитара! Шире круг!
Ревут бокалы пудовые.
Но вздрогнул поп, завыл и вдруг
ударил в струны золотые!
И вот — окончен грозный ужин,
последний падает бокал,
и танец истуканом кружит
толпу в расселину зеркал,
руками скорченными машет,
кофейной мельницей вертит,
ладонями по роже мажет,
потом кричит: иди, иди,
ну что ж, иди!
И по засадам,
ополоумев от вытья,
огромный дом, виляя задом,
летит в пространство бытия.
А там — молчанья грозный сон,
нагие полчища заводов,
и над становьями народов —
труда и творчества закон.

Февр. 1928

ФОКСТРОТ

В ботинках кожи голубой,
в носках блистательного франта,
парит на воздухе герой
в дыму гавайского джаз-банда.
Внизу — бокалов воркотня,
внизу — ни ночи нет, ни дня,
внизу — на выступе оркестра
как жрец качается маэстро,

он бьет рукой по животу,
он машет палкой в пустоту,
и легких галстуков извилина
на грудь картонную пришпилена.

Ура! ура! Герой парит —
гавайский фокус над Невою!
То ручки сложит горбылем,
то ногу на ногу закинет,
то весь дугою изогнется,
но нету девки перед ним —
и улетает херувим,
и ножка в воздухе трясется.

А бал гремит — единорог,
и бабы выставили в пляске
у перекрестка гладких ног
чижа на розовой подвязке.
Смеется чиж — гляди! гляди!
но бабы дальше ускакали,
и медным лесом впереди
гудит фокстрот на пьедестале.

И, так играя, человек
родил в последнюю минуту
прекраснейшего из калек —
женоподобного Иуду.
Его музыкой не буди —
он спит сегодня помертвельй
с цыплячьим знаком на груди
росток болезненного тела.
А там — над бедною землей,
во славу винам и кларнетам —
парит на женщине герой,
стреляя в воздух пистолетом!

Март 1928

ФИГУРЫ СНА

Под одеялом, укрощая бег,
фигуру сна находит человек.

Не месяц — длинное бельмо
прельщает чашечки умов;
не звезды — канарейки ночи
блестящим реют многоточьем.
А в темноте — кровати ряд,
на них младенцы спят подряд;
большие белые тела
едва покрыло одеяло,
они заснули как попало:
один в рубахе голубой
скатился к полу головой;
другой, застыв в подушке душной,
лежит сухой и золотушный,
а третий — жирный как паук,
раскинув рук живые снасти,
храпит и корчится от страсти,
лаская призрачных подруг.

А там — за черной занавеской,
во мраке дедовских времен,
старик-отец, гремя стамеской,
премудрости вкушает сон.
Там шкаф глядит царем Давидом —
он спит в короне, толстопуз;
кушетка Евой обернулась —
она — как девка в простыне.
И лампа медная в окне,
как голубок веселый Ноев, —
едва мерцает, мрак утроив,
с простой стамеской наравне.

Март 1928

ПЕКАРНЯ

Спадая в маленький квартал,
покорный вечер умирал,
как лампочка в стеклянной банке.
Зари причудливые ранки
дымились, упадая ниц;
на крышах чашки черепиц
встречали их подобьем лиц,
слегка оскаленных от злости.
И кот в трубу засунул хвостик.

Но крендель, вывихнув дугу,
застрял в цепи на всем скаку
и закачался над пекарней,
мгновенно делаясь центральной
фигурой. Снизу пекаря
видали: плавает заря
как масло вдоль по хлебным формам,
но этим формам негде лечь —
повсюду огненная течь,
храпит беременная печь
и громыкает словно Сормов.

Тут тесто, вырвав квашен днище,
как лютый зверь, в пекарне рыщет
ползет, клубится, глотку давит,
огромным рылом стену трет;
стена трещит: она не вправе
остановить победный ход.
Уж воют вздернутые бревна,
но вот — через туман и дождь,
подняв фонарь шестиугольный,
ударил в сковороду вождь, —
и хлебопеки сквозь туман,
как будто идолы в тиарах,
летят, играя на цимбалах
кастрюль неведомый канкан.

Как изукрашенные стяги,
лопаты ходят тяжело,
и теста ровные корчаги
плывут в квадратное жерло.
И в этой красной от натуги
пещере всех метаморфоз
младенец-хлеб приподнял руки
и слово стройно произнес.
И пекарь огненной трубой
трубил о нем во мрак ночной.

А печь, наследника родив
и стройное поправив чрево,
стоит стыдливая, как дева
с ночною розой на груди.
И кот, в почетном сидя месте,
усталой лапкой рыльце крестит,
зловонным хвостиком вертит,
потом кувшинчиком сидит.
Сидит-сидит и улыбнется,
и вдруг исчез. Одно болотце
осталось в глиняном полу.
И утро выплыло в углу.

Апр. 1928

ОБВОДНЫЙ КАНАЛ

В моем окне — на весь квартал
Обводный царствует канал.

Ломовики как падишахи,
коня запутав медью блях,
идут закутаны в рубахи,
с нелепой важностью нерях.
Вокруг — пивные встали в ряд,
ломовики в пивных сидят
и в окна конских морд толпа
глядит, мотаясь у столба,

и в окна конских морд собор
глядит, поставленный в упор.
А там за ним, за морд собором,
течет толпа на полверсты,
кричат слепцы блестящим хором,
стальные вытянув персты.
Маклак штаны на воздух мечет,
ладонью бьет, поет как кречет:
маклак — владыка всех штанов,
ему подвластен ход миров,
ему подвластно толп движенье,
толпу томит штанов кружение,
и вот — она, забывши честь,
стоит, не в силах глаз отвести,
вся — прелесть и изнеможение!

Кричи, маклак, свисти уродом,
мечи штаны под облака!
Но перед сомкнутым народом
иная движется река:
один — сапог несет на блюде,
другой — поет собачку-пудель,
а третий, грозен и румян,
в кастрюлю бьет как в барабан.
И нету сил держаться боле:
толпа в плену, толпа в неволе,
толпа лунатиком идет,
ладони вытянув вперед.

А вокруг — черны заводов замки,
высок под облаком гудок,
и вот опять идут мустанги
на колоннаде пышных ног.
И воют жалобно телеги,
и плещет взорванная грязь,
и над каналом спят калеки,
к пустым бутылкам прислонясь.

Июнь 1928

БРОДЯЧИЕ МУЗЫКАНТЫ

Закинув дудку на плечо
как змея, как сирену,
с которой он теперь течет
пешком, томясь, в геенну,
в которой — рев, в которой — рык
и пятаков летанье золотое —
так вышел музыкант-старик.

За ним бежали двое.
Один — сжимая скрипки тень,
как листиком махал ей;
он был горбатик, разночинец, шаромыжка
с большими щупальцами рук,
его вспотевшие подмышки
протяжный издавали звук.

Другой был дядя и борец
и чемпион гитары —
огромный нес в руках крестец
с роскошной песнею Тамары.
На том крестце — семь струн железных,
и семь валов, и семь колков,
рукой построены полезной,
болтались в виде уголков.

На стогнах солнце опускалось,
неслись извозчики гурьбой,
как бы фигуры пошехонцев
на волокнистых лошадях;
а змей в колодце среди окон
развился вдруг как медный локон,
взметнулся вверх тупым жерлом
и вдруг — завыл... Глухим орлом
был первый звук. Он, грохнув, пал;
за ним второй орел предстал;
орлы в кукушек превращались,
кукушки в точки уменьшались<,>

и точки, горло сжав в комок,
упали в окна всех домов.

Тогда горбати́к, скрипочку
приплюснув подбородком,
слепил перстом улыбочку
на личике коротком
и, визгнув поперечиной
по маленьким струна́м,
заплакал — искалеченный —
ти-лим-там-там.

Система тронулась в порядке,
качались знаки вымысла,
и каждый слушатель украдкой
слезою чистой вымылся,
когда на подоконниках
среди музыки и грохота
легла толпа поклонников
в подштанниках и кофтах.

Но богослов житейской страсти
и чемпион гитары
подъял крестец, поправил части
и с песней нежною Тамары
уста тихонько растворил.
И все умолкло...
Звук самодержавный,
глухой как шум Куры,
роскошный как мечта,
пронесся...
И в звуке том — Тамара, сняв штаны,
лежала на кавказском ложе,
сиял поток раздвоенной спины,
и юноши стояли тоже.
И юноши стояли,
махали руками,
и стр-растные дикие звуки
всю ночь р-раздавались там!!!
Ти-лим-там-там!

Певец был строен и суров,
он пел, трудясь, среди домов,
среди выгребных высоких ям
трудился он, могуч и прям.
Вокруг него — система кошек,
система ведер, окон, дров
висела, темный мир размножив
на царства узкие дворов.
Но что́ был двор? Он был трубой,
он был туннелем в те края,
где спит Тамара боевая,
где сохнет молодость моя,
где пятаки, жужжа и млея
в неверном свете огонька,
летят к ногам золотого змея
и пляшут, падая в века!

Авг. 1928

КУПАЛЬЩИКИ

Кто — чернец — покинув печку,
лезет в ванну или тазик —
приходи купаться в речку,
отступись от безобразий!

Кто, кукушку в руку спрятав,
в воду падает с размаха —
во главе плывет отряда,
только дым идет из паха.

Все, впервые сняв одежды
и различные доспехи,
выплывают как невежды,
но потом идут успехи!

Влага нежною гусыней
щиплет части юных тел
и рукою водит синей,
если кто-нибудь вспотел.

Если кто-нибудь не хочет
оставаться долго мокрым —
трет себя сухим платочком
цвета воздуха и охры.

Если кто-нибудь томится
страстью или искушеньем, —
может быстро охладиться,
отдыхая без движенья.

Если кто любить не может,
но изглодан весь тоскою, —
сам себе теперь поможет,
тихо плавая с доскою.

О, река, невеста, мамка,
всех вместившая на лоне,
ты — не девка и не самка,
но святая на иконе!

Ты — не девка и не мамка,
но святая Парасковья,
нас, купальщиков, встречай
где песок и молочай!

Сент. 1928

НЕЗРЕЛОСТЬ

Младенец кашку составляет
из манных зерен голубых;
зерно, как кубик, вылетает
из легких пальчиков двойных.

Зерно к зерну — горшок наполнен
и вот, качаясь, он висит,
как колокол на колокольне,
квадратной силой знаменит.
Ребенок лезет вдоль по чашам,
ореховые рвет листы,
и над деревьями все чаще
его колеблются персты.
И девочки, носимы вместе,
к нему по облаку плывут;
одна из них, снимая крестик,
тихонько падает в траву.
Горшок клубится под ногою,
огня субстанция жива,
и девочка лежит нагою,
в огонь откинув кружева.
Ребенок тихо отвечает:
— Младенец я и не окреп,
как я могу к тебе причалить,
когда любовью не ослеп?
Красот твоих мне стыден вид,
закрой же ножки белой тканью,
смотри, как мой костер горит,
и не готовься к поруганью! —
И, тихо взяв мешалку в руки,
он мудро кашу помешал —
так он урок живой науки
душе несчастной преподавал.

Сент. 1928

НАРОДНЫЙ ДОМ

1

Весь мир обоями оклеен —
пещерка малая любви,
окошки в образе расселин
и занавески в виде роз;

знакомых карточки приятные
прибиты клиньями вокруг
стола. «О, ночки, ночки невозвратные!» —
поет гитара во весь дух,
Гитара медная поет,
рыдает брюхо деревянное,
спешит, медовая салопница —
тут девки сели наотлет —
упали ручки вертикальные,
на солнце кожа шелушится,
облуплен нос и плоски лица
подержанные. Девки сели,
плетут в мочалу волоса,
взбивают жирные постели
и говорят: — Мы очень рады,
сидим кружками, ждем награды,
она придет — волшебница приятная,
приедут на колесах женихи,
кафтаны снимут, впечатления
свои изложат от души.
Мы их за ручки всё хватаем,
с различным видом всё хохочем,
потом чулочки одеваем —
какие ноги у нас длинные —
повыше видимых коленок! —
Так эти девочки невинные
болтали шумно меж собою,
играя весело с судьбою...

Но что за дело до судьбы,
когда в крови волнение,
когда, как мыльные клубы,
несутся впечатленья?
В трамвае движется компания,
проходит Кронверкский в окошке,
и лица лоснятся как плоски,
и платья с красными тюльпанами,
в поту желая быть красивыми,
играют ситцевыми сливами,

и руки кажутся прекрасными —
они все дальше-дальше тянутся,
и вот — сверкает кверху дном
Народный Дом.

2

Народный Дом — курятник радости,
амбар волшебного житья,
корыто праздничное страсти,
густое пекло бытия!
Тут колпаки красноармейские,
а с ними дамочки житейские
неслись задумчивым ручьем —
им шум столичный нипочем;
тут радость пальчиком водила,
она к народу шла потехою:
тут каждый мальчик забавлялся,
кто дамочку кормил орехами,
а кто над пивом забывался.
Тут гор американские хребты,
над ними девочки — богини красоты —
в повозки быстрые запрягались,
повозки катятся вперед,
красотки нежные расплакались,
упав совсем на кавалеров.
И много было тут других примеров.

Тут девка водит на аркане
свою пречистую собачку,
сама вспотела вся до нитки,
и грудки выехали вверх, —
а та собачка пречестная,
весенним соком налитая,
грибными ножками неловко
вдоль по дорожке шелестит.

Подходит к девке именитой
мужик роскошный, апельсинщик,

он держит тазик разноцветный,
в нем апельсины аккуратные лежат.
Как будто циркулем очерченные круги,
они волнисты и упруги,
как будто маленькие солнышки, они
легко катаются по жести
и пальчикам лепечут: лезьте, лезьте!

И девка, кушая плоды,
благодарит рублем прохожего,
она зовет его на «ты»,
но ей другого хочется — хорошего.
Она хорошего глазами ищет,
но перед ней качели свищут.

В качелях девочка-душа
висела, ножкою шурша,
она по воздуху летела,
и теплой ножкою вертела,
и теплой ручкою звала.

Другой же, увидев преломленное
свое лицо в горбатом зеркале,
стоял молодчиком оплеванным,
хотел смеяться, но не мог;
желая знать причину искривления,
он как бы делался ребенком
и шел назад на четвереньках —
под сорок лет — четвероног.

Едва волнение улеглось,
опять кружение продолжается;
припухли люди от дыхания,
тут жмутся девочки друг к дружке;
ходить не так уже удобно,
спускаясь к речке, растекаются
они рассеянными парочками,
в коленки нежные садясь.

Но перед этим праздничным угаром
иные будто спасовали —
они довольны не амбаром радости,
они тут в молодости побывали;
и вот теперь, шепча с бутылкою,
прощаясь с молодостью пылкою,
они скребут стакан зубами,
они губой его высасывают,
они в Баварии рассказывают
свои веселия шальные;
ведь им бутылка — словно матушка,
души медовая салопница,
целует слаще всякой девки,
а холодит — сильнее Невки...

Они глядят в стекло.
В стекле восходит утро.
Фонарь бескровный, как глиста,
стрелой болтается в кустах.
И по трамваям рай качается —
тут каждый мальчик улыбается,
а девочка наоборот —
закрыв глаза, открыла рот
и ручку выбросила теплую
на приподнявшийся живот.

Трамвай, шатаясь, чуть идет...

1927—1928

II. Стихотворения и поэмы 1918—1939 годов

КУПАЛЬСКАЯ МЕЛОДИЯ

Горячо припадала я к сонным листам,
Щеки жаром пылали,
Кулики далеко по прибрежным кустам
Монотонно свистали,
Облака полумглы засыпали
По затихшим лугам*.

Мерно полночь пробило вдали за рекой —
Папоротник все мертв как могила,
Не вздрогнет, не качнется холодной листвою,
Я ль его не просила,
Я ль его не молила
Показать мне цветок кровавой? **

А Купальская ночь между тем надо мной догорала,
Бледный месяц угас,
Под клубами тумана река зашептала
В новый, утренний час;
Взор испуганных глаз
Это утро еще испугало ***.

* Справа, карандашом: *спок. <ойно>*

** Справа, карандашом: *ропот негодования*

*** Справа, карандашом: *неспокойно*

Папоротник стоял, упоенный молчаньем,
Зачарован волнистою мглой;
Он заснул под напевы ночных заклинаний,
Убаюканный сладкой мечтой,
Усыпленный прохладой ночной
И реки монотонным журчаньем.

28 июня 1918 г. Перед.<елано> 23 июля

* * *

<...>

Ложатся на раны<,>
И раны сильнее гноятся.
В одних власяницах
Мы смотрим в далекое небо,
Откуда печальные птицы
Приносят нам крохи от хлеба.
У речки застойной
Мы раны свои омываем
И мутную влагой холодной
Мы жажду себе утоляем.
Здоровые братья
Поднять на нас взора не смеют<,>
И страшное Божье проклятье
Должно быть на нас тяготеет!..

* * *

Гаснет далеко вечер лучистый,
Радуга тает в небе глубоком,
Образ прекрасный, девственно чистый
Долго мне шепчет, шепчет о многом.
Шепчет о том, как призраки злые
Темным туманом окутали деву,
Шепчет о том, как в годы былые
Жарки молитвы были для неба...

Как незабвенны были вопросы
Взглядов несмелых, полных печали,
Как холодны были майские росы,
Как были тихи закаты и дали...
Тени ночные ложатся темнее,
Тихая девушка в сумраке тает, —
Сердце колотится как-то [*больнее*] сильнее,
Что-то в груди безутешно рыдает.

21 июля 1918 г.

<СТИХИ ИЗ ПИСЕМ К М. И. КАСЬЯНОВУ>

* * *

I

Здорово, друг, от праздной лени
Или от праведных трудов,
Но пред Шурмою я готов
Сегодня преклонить колени!
Прими, задумчивый поэт,
Мой легкомысленный привет!

II

Долготерпению во славу
Не разбирай моих затей.
Здесь не гекзаметр, не хорей,
Здесь не Онегин, не октавы —
Но просто сброд из всяких строк,
Не знаю, будет ли в них прок.

III

Но к делу. Слышал я, любезный,
Что ты Борису написал
(Его я частью прочитал)
Октавами совет полезный?

Итак, мы оба: ты и я —
По Пушкину уже друзья.

IV

Итак, поэт, проходит лето,
И осень в воздухе плывет,
Уж Муза зимней вьюги ждет,
И валенки уже надеты
На Музиных святых ногах —
Такой пассаж! Ну прямо — ах!

V

И я, переменяв решенье,
В Лито лечу стремленьем злым
Послал прошение заказным,
И жду законного решения.
О.Н.О. решил не задержать,
Поэта командировать.

VI

Итак, быть может, через месяц,
Или, быть может, через два
Тебя я встречу, голова,
В Москве... Ну, побряхтим, брат, вместе,
Или при случае вдвоем
Слезу единую прольем!

VII

Но это — планы. О работе
Моей теперь поговорим.
Я чистым стал, как херувим,
Отбросив черные заботы —
Иначе: мыслью не грешу,
Стихов любовных не пишу.

VIII

Писал я драму. Были люди.
Средневековый, мрачный пыл.
Но я, мой друг, увы<,> — застыл
На «Вифлеемском перепутьи<,>
Зовется драма так моя —
Конца же ей не вижу я!

IX

Но все ж, не разгибая спину,
Усердно я ее строчил,
И уж совсем перевалил
В черновиках за половину.
Когда-нибудь мой этот труд
На строгий твой предстанет суд.

X

Не оставаясь старовером,
Я прогрессирую в стихах,
И даже — кое в чьих глазах —
Себе я делаю карьеру.
Борис Андреич чтит мой стих
Сильнее, чем церковный лик<.>

XI

Но часто он, ко мне пришедши<,>
Такую, знаешь, чушь везет,
Меня, по книге Ломброзо
Он причисляет к сумасшедшим<,>
И с Сонею решил вчера<,>
Что приближается пора<.>

XII

А я сижусь<,> совсем невинный<,>
Один на дальнем чердаке,

Перо спокойное в руке,
И мысли созерцаю длинный,
Немного, правда, спорный ход...
Но все же для тебя сойдет.

XIII

Ну-с, в заключение поругаться
С тобою нам<,> брат<,> не грешно
(Быть может<,> это и смешно)<,>
Но дело в том, любезный братец,
Что я тебе уже писал —
Ты ж ни черта не отвечал.

XIV

Поверь, у каждого терпенье
Не бесконечно. Скоро власть
Тебя придется мне проклясть
И бросить в Лету добавленье.
Поэтому твоя Шурма
Не стоит (ах, прости) дерма...

XV

Но быть Потемкиным, конечно,
Я не желаю. Ну, лежи,
Но лежа все-таки пиши!
Письмо на почту с первым встречным
Не поленись, лентяй, послать —
А после хоть опять в кровать.

Конец близко
не робей

XVI

А в ней, во славу всей России
Иль докторской своей души,
Октавами хотя пиши
Рецепты от дизентерии.

Помилуй бог — ведь ты талант<,>
Не медицинский арестант!

XVII

Ну, не серчай! Прощай покуда...
Хоть драма все еще вчерне —
Но надоела страшно мне
Листов исписанная груда.
Пиши ко мне в Совхоз.

Прощай.

Твой *Заболотский Николай*<.>

21/VII<1921>

СИЗИФОВО РОЖДЕСТВО

Просвистел сизый Ибис с папируса
В переулки извилин моих,
И навстречу пичужке вынеслись
Золотые мои стихи.
А на месте, где будет лысина
К двадцати пяти годам,
Жолтенькое солнышко изумилось
Светлейшим моим стихам.
А они, улыбнувшись родителю,
Поскакали в чужие мозги.
И мои глаза увидели
Панораму седой тоски.
Не свисти, сизый Ибис, с папируса
В переулки извилин моих,
От меня уже не зависят
Золотые мои стихи.

<1921>

* * *

В похоронном свисте революций
Видишь ты кровавые персты?

Мысли стонут, песни бьются —
Слышишь ты?
Это мы — устав от созерцанья,
От логически-невыполненных дел,
В мир бросаем песни без названья
Скорбью отягчающий размер.
Отнял мир у нас каждое желанье,
Каждый плач и ненависть и вздох,
И лица родимого страданье
Топчет грязь подбитых каблучков.
Как далек восход зари последней!
Как пустыня тяжкая щемит!
И стоим — оплеванные тени,
Подневольные времен гробовщики!

<1921>

* * *

...Промерзшие кочки, бруснига,
Смолистые запахи пней.
Мне кажется: новая книга
Раскрыта искателю мне.
Ведь вечер ветвист и клетчат.
Ах<, > вечер, как сон в Октябре,
И сосны, как желтые свечи
На Божьем лесном алтаре...

<1921>

* * *

...Но день пройдет печален и высок.
Он выйдет вдруг походкой угловатой,
Накинёт на меня упругое лассо
И кровь иссушит на заре проклятой.
Борьба и жизнь... Пытает глаз туман...
Тоскует жизнь тоскою расставанья,

И голод — одинокий секундант —
Шаги костяшкой меряет заране...

<1921>

НЕБЕСНАЯ СЕВИЛЬЯ

Стынет месяцево ворчанье
В небесной Севилье.
Я сегодня — профессор отчаянья —
Укрепился на звездном шпиле.
И на самой нежной вольнке
Вывожу ритуфель небесный,
И дрожат мои ботинки
На блестящей крыше звездной.

В небесной Севилье
Растворяется рама
И выходит белая лилия,
Звездная Дама,
Говорит: профессор, милый,
Я сегодня тоскую —
Кавалер мой, месяц стылый,
Променял меня на другую.

В небесной Севилье
Не тоска ли закинула сети.
Звездной Даме, лилии милой,
Не могу я ответить...
Стынет месяцево ворчанье.
Плачет Генрих внизу на Гарце,
Отчего я, профессор отчаянья,
Не могу над собой смеяться?

<1921>

СЕРДЦЕ-ПУСТЫРЬ

Прозрачней лунного камня
Стынь, сердце-пустырь.
Полный отчаяньем каменным,
Взор я в тебя вперил.
С криком несутся стрижи, —
Лёт их тревожен рассеянный,
Грудью стылой лежит
Реки обнаженный бассейн.

О река, невеста мертвая,
Грозным покоем глубокая,
Венком твоим желтым
Осенью сохнет осока.
Я костер на твоём берегу
Разожгу красным кадилом,
Стылый образ твой сберегу,
Милая.

Прозрачней лунного камня
Стынь, сердце-пустырь.
Точно полог, звездами затканый,
Трепещет ширь.
О река, невеста названная,
Смерть твою
Пою.

И, один, по ночам — окаянный —
Грудь
Твою
Целую.

<1921—1922>

ОПИСАНИЕ ТАМАРЫ

ПОЖЕЛАНИЕ ДРУГА

Хотел бы быть я тараканом<,>
Чтоб в Вашей комнатке гулять,
Но не хотел бы быть тираном,
Чтоб жизнь чужую загублять.

Н. Н.

ОПИСАНИЕ НОЖКИ

Александр Сергеевич Пушкин
ножки дамские любил.
Я же<,> Коля Побрякушкин<,>
жизнь на этом загубил.
Сии ножки я увида,
ментально пал во гроб.
Так я помер, не обидя
всех<,> кого обидеть мог.

Н. Н.

ОПИСАНИЕ РУЧКИ

Ручка эта так прелестна,
Что увидев ее раз,
Я поранил, как известно,
При паденьи правый глаз.

ОПИСАНИЕ НОСИКА

Когда увидел я сей носик,
Во мне возник один вопросик:
— Почто не я сей чудный нос —
Тогда б я был как альбатрос.

Н. Н.

ОПИСАНИЕ ВОЛОСИКОВ

Сии волосики чудесны.
К чему они, нам неизвестно.
Зато прическа Вам к лицу
На радость ангелу и мудрецу.

Н. Н.

<ОПИСАНИЕ> РОТИКА

О ротик — бездна! О ротик — бог!
Без ротика и носик был бы одинок.
А тут, под ротиком,
И он схож с дротиком.

Н. Н.

УШКО И НОГОТОК

Сие ушко <—>
как ватрушка.
Ноготок <—>
как электрический ток.

МРАЧНЫЙ ВАРЬЯНТ

Сие ушко —
побрякушка<,>
дерни раз —
вылетит глаз.

<Конец 1925>

* * *

Ах, прекрасная Тамара
Если б были Вы свидетель

страсти пышного пожара
в месте том, где добродетель
для себя нашла приют, —
где? Вот в этом месте! Тут!

Друг Коля

1926

* * *

Полезно ли человеку писать?

Очень полезно.

А почему?

Потому что на голове появляются умные бугорки, чтобы мыслить.

А что же мыслить?

О пользе жизни. Кому какая от этого польза.

А кому какая?

Разная. Где ходят звезды — почему они ходят, а что же будет, если
они перестанут ходить.

Расскажите все подробно.

Так. Посмотрим на воздух. Какая же в нем сила? А сила есть. Сила от
него идет сквозь тело, потому человек и ходит.

А если человек не ходит?

Тогда сидит. В нем все кости сидят одна на другой, пока не умрет.

А когда умрет?

Тогда есть червяк. Червяк бывает двойной: один от мудрости, дру-
гой от глупости.

Что такое мудрость?

Там, где умный глуп.

А где глупость?

Там, где глупый умен.

Вот спасибо. Теперь я понимаю, как и что.

До свидания.

Н. Заболоцкий

<1926—1927?>

DISCIPLINA CLERICALLIS

Х л о я

Если сок твой неизменен,
Трубадурская душа,
Если песни, как каменья,
Упадают и блещут,
Если даже в этом мире
Чудотворном и крутом
В мавританские псалтири
Скользкой уткой побежал, —
Не надейся и ушами
На сигнал не поводи,
И морщинистый листочек
В рукаве до утра прячь.

Я

Хлоя, Хлоя, тонкой ранкой
Сердце жалуется мне,
И перо в мохнатой банке
Тушью траурной чертит.
Я не волен жизни верить —
Глаз бежит вокруг оси,
И внизу у самой двери
Встал с решеткой Зурбаран.

Х л о я

Положи ярем, бессильный,
Разломи свое перо,
И малиновые крылья
В узелочек запакуй.
У приказчика Евмена
Каша ходит на воде —
Подними ему полено
И кофейню поверти.

Я

Человеки ходят с брюхом,
От него идут лучи,
И мясистые науки
Машут маслом на него.
А потом, немного треснув,
В ящик бархатный ползет,
И тропическая плесень
Сонным заревом вверху.

Х л о я

Встань, гордец, бумаг водитель,
Развяжи свои глаза:
Розовой водой омыты,
Поднимаются миры.
В бедрах узкая Кастилья,
А в листочке, погляди, —
Приклеились без усилья
Те же Ева и Адам.

Ф и л о с ó ф

Пойте, пойте, хвалите, хлещите в ладоши —
Я вещам воспеваю хвалу,
И раструбы веков мой голос множат,
Он, как башня, стоит на юру.
Это в них посредине движенья и громы,
Неприметные глазу пока,
Это в них закрутились на конях Фазтоны,
Перекрестки, моря, берега.
И не доски — а сестры, не железы — а братья,
Где рука твоя, Смерть, покажи!
Пойте, пойте, хвалите, валитесь в объятья,
Целуйтесь, никто не дрожи!

V—VI.1926

ДУЭЛЬ

Петух возвышается стуком,
И падают воздушы вниз.
Но легким домашним наукам
Мы в этой глуши предались.
Матильда, чьей памяти краше
И выше мое житье,
Чья ручка играет, и машет,
И мысли пугливо метет,
Не надо! И ты, моя корка,
И ты, голенастый стакан,
Рассыпчатой скороговоркой
Припомни, как жил капитан,
Как музыкою батальонов
Вспоенный, сожженный дотла,
Он шел на коне вороненом,
В подзорный моргая кулак.
Я знаю — таков иноземный,
Заморский поставлен закон:
Он был обнаружен под Чесмой,
Потом в Петербург приведен.
На рауты у Виссарьона
Белинского или еще
С флакончиком одеколона
К Матильде он шел на расчет.
Мгновенное поле взмахнуло
Разостланной простыней,
И два гладкоствольные дула
На встречу сошлись предо мной.
Но чесменские карусели
Еще не забыл капитан,
И как канонады кудели
Летели за картой в стакан.
Другой — гейдельбергский малютка
С размахом волос по ушам —
Лазоревую незабудку
Новалиса читил по ночам.

В те ночи, когда Страдивариус
Вздыхал по грифу ладонь,
Лицо его вдруг раздевалось,
Бросало одежды в огонь,
И лезли века из-под шкафа,
И, голову в пальцы зажав,
Он звал рукописного графа
И рвал коленкоровый шарф,
Рыдал, о Матильде скучая,
И рюмки под крышей считая,
И перед собой представляя
Скрипучую Вертера ночь.
Был дождь.

Поднимались рассветы,
По крышам рвались облака,
С крыльца отходили кареты
И вязли в пустые снега, —
А два гладкоствольные дула,
Мгновенно срывая прицел,
Жемчужным огнем полыхнули,
И разом обои вздохнули,
С кровавою брызгой в лице.
Был чесменский выстрел навывлет,
Другой — гейдельбергский — насквозь,
И что-то в оранжевом мыле
Дымилось и струйкой вилось.
Пока за Матильдой бежали,
Покуда искали попа,
Два друга друг другу пожали
Ладони под кровью рубашек.
Наутро, позавтракав уткой,
Рассказывал в клубе корнет,
Что легкой пророс незабудкой
Остывший в дыму пистолет.
И, слушая вздор за окошком
И утку ладонью лова,
Лакей виссарьоновский Прошка
Готовил обед для себя,
И, глядя на грохот пехоты
И звон отлетевших годин,

Склоняясь в кулак с попевотой,
Роняя страницы, Смирдин.

В с ё

11.VI.1926

ВОССТАНИЕ

Фрагменты Даниилу Хармсу,
автору «Комедии города Петербурга»

Стругали радугу рубанки
В тот день испуганный, когда
Артиллерийские мустанги
О камни рвали поводка,
И танки, всеми четырьмя
Большими банками гремя,
Валились.

В мармеладный дом
Въезжал под знаменем закон,
Кроил портреты палашём,
Срывал рубашечки с икон, —
Закон брадат, священна власть,
Как пред Законом не упасть?

Цари проехали по крыше,
Цари катали катыши,
То издалёка, то поближе,
И вот у самой подлой мышши
Поперло матом из души...
Цари запрягивались в кадку,
Грызут песок, едят помадку,
То выпивают сладкий квас,
То замыкают на-ночь глаз, —

Совсем заснули. Ночь кружится
Между корон, между папах;
И вот к царю идет царица.

.....

Они запрятывались в кадку,
Грызут песок, едят помадку,
То ищут яблоки в штанах,
Читают мрачные альбомы,
Вокруг династии гремят,
А радуга стоит над домом
И тоже, всеми четырьмя
Большими танками гремя,
Вдруг опустилась.

.....

На заре

Трещал Колчак в паникадило,
И панихиду по царе
Просвирня в дырку говорила,
Она тряслась, клубилась, выла,
Просила выдать ей мандат, —
И многое другое было.

В аэроплане жил солдат,
Живет-живет, — вдруг заиграет,
По переулку полетит, —
Ему кричат, а он порхает
И ручку весело вертит, —
Всё это ставлю вам на вид.

Принц Вид, албанский губернатор,
И пляской Витта одержим,
Поехал ночью на экватор.
Глядит: Албания бежит,
Сама трясется не своя,
И вот на кончике копья,

Чулочки сдернув, над Невой,
Перепотевшею от бою,
На перевернутый гранит
Вознесся Губернатор Вид.
И это ставлю вам на вид.

.....

И видит он:

 стоят дозоры,
На ружьях крылья отогрев,
И вдоль чугунного забора
Застекленевшая «Аврора»
Играет жерлами наверх,
И вдруг завyla.

 День мотался
Между корон, между папах,
Брюхатых залпов, венских вальсов,
Мотался, падал, спотыкался,
Искал царя — встречал попа,
Искал попа — встречал солдата,
Солдат завел аэроплан,
И вот последняя граната,
Нерасторопна и брюхата,
Разорвалась...

 Россия взyla,
Копыта встали, — день ушел,
И царские мафусаилы,
Надев на голову мешок,
Вдоль по карнизам и окошкам
Развесились по всем гвоздям.
Царь закачался и нарочно
Кричал, что все это — пустяк,
Что все пройдет и все остынет,
И что отныне и навек
На перекошенной Неве
И потревоженной пустыне
Его прольется благостыня.

.....

Но уж корона вокруг чела
Другие надписи прочла.

В с ё .

20.VIII.1926

ДУМА

В лесах далеких молодых
ложатся спать большие ночи,
у них наплечники из кружев,
и ноги в белых лепестках.
Они нас любят — кто их знает? —
они поспят дубровным сном,
потом придут. Мы им расскажем
свои позорные дела.

Лежат в гробу наши дела,
свечами тлеют наши пальцы.
Гляди! Гляди! Когда же я
в моих трудах орлом пребуду?

Так знаки разные висят,
картины замыслов дорожных,
их промывает ветерок,
и вечерок ему помощник.

Приди, мой ночь!
Ведь ты была,
и Пушкину висела сверху,
и Хлебникову в два рядá
салютовала из вагона.
Как я глубок — больной, печальный,
голубок гладить я хочу,
приди и лобызай тихонько
мою младенческую грудь.

Приди, мой ночь!
На этом мире
я чудным вымыслом брожу,
гляжу в стекольчатые двери,
музыкой радуюсь, дыша,
сжимаю белые колени
в пылу полуночного бденья,
приди мой ночь!
Мне стало больно,
что я едва-едва велик.

Ох, сердце, самое хорошее
из самых нежных уголков,
тебя не слава успокоит,
тебя не сон развеселит;
лежат в гробу наши дела,
они созвездьями влекомы,
они на громких лошадях
в санях торжественных поедут, —
уж там вдали Святая Горка,
и псковских башен суета,
и долгодневная дорога
под песню грустну ямщика.

Ездок посажен набекрень,
не ест, не пьет — молчит всю ночь,
проказы на поля готовит
и всяки бедствия сулит;
уж он тихонько умирает
и трудным голосом твердит:
— Приди, мой ночь,
я очень жажду
твоей младенческой груди!

И вот, моленью тихо внемля,
духовная приходит ночь.

11. IX. 26

* * *

я голого не пью и не люблю
и эту тоже не люблю а знаю
сейчас я ей открою белый рот
и перепонку заведу над жаброй
теперь душа не спи пошто вокруг стола
дымок твой развиваться начинает
а тут во рту в тринадцать молоточков
мир ежедневный запеваает

12/IX <1926>

Н. Заболоцкий

После посещения худ. Филонова

ЛИЦО КОНЯ

Животные не спят. Они во тьме ночной
стоят над миром каменной стеной.

Рогами гладкими шумит в соломе
покатая коровы голова.
Раздвинув скулы вековые,
ее притиснул каменистый лоб,
и вот косноязычные глаза
с трудом вращаются по кругу.

Лицо коня прекрасней и умней.
Он слышит говор листьев и камней.
Внимательный! Он знает крик звериный
и в ветхой роще рокот соловьиный.

И, зная все, кому расскажет он
свои чудесные виденья?
Ночь глубока. На темный небосклон
восходят звезд соединенья.
И конь стоит как рыцарь на часах,
играет ветер в легких волосах,

глаза горят как два огромных мира,
и грива стелется как царская порфира.

И если б человек увидел
лицо волшебное коня,
он вырвал бы язык бессильный свой
и отдал бы коню. Поистине достоин
иметь язык волшебный конь.

Мы услышали бы слова.
Слова большие, словно яблоки. Густые
как мед или крутое молоко.
Слова, которые вонзаются как пламя,
и в душу залетев, как в хижину огонь,
убогое убранство освещают.
Слова, которые не умирают
и о которых песни мы поем...

Но вот конюшня опустела,
деревья тоже разошлись,
скупое утро горы спеленало,
поля открыло для работ.
И лошадь в клетке из оглобелей,
повозку крытую влача,
глядит покорными глазами
в таинственный и неподвижный мир.

1926

ДЕРЕВЬЯ

В жилищах наших
мы тут живем умно и некрасиво.
Справляя жизнь, рождаясь от людей,
мы забываем о деревьях.

Они поистине металла тяжелей
в зеленом блеске сомкнутых кудрей.

Иные, кроны поднимая к небесам,
как бы в короны спрятали глаза,
и детских рук изломанная прелесть,
одетая в кисейные листы,
еще плодов удобных не наелась
и держит звонкие плоды.

Так в равнодушном поле пустоты
мерцают нам удобные плоды.

Где завязь опоясывает венчик —
колышется пугливый огонек,
качается, мигает и маячит,
в прозрачной мякоти блестит,
а дерево как роженица стонет
и точно голое — поет вверху.

Нам непонятна эта глубина —
деревьев влажное дыхание.
Вон дровосеки, позабыв топор,
стоят и смотрят, тихи, молчаливы.
Кто знает — что подумали они,
что вспомнили и что открыли,
зачем, прижав к холодному стволу
свое лицо, неудержимо плачут?

Вот мы нашли поляну молодую,
мы встали в разные углы,
мы стали тоньше. Головы растут,
и небо приближается навстречу.
Затвердевают мягкие тела,
блаженно деревенеют вены,
и ног проросших больше не поднять,
не опустить раскинутые руки.
Глаза закрылись, времена отпали,
и солнце ласково коснулось головы.

В ногах проходят влажные валы,
уж влага поднимается, струится

и омывает лиственные лица —
земля ласкает детище свое.
А вдалеке над городом дымится
густое фонарей копье.

Был город осликом, четырехстенным домом,
на двух колесах из камней
он ехал в горизонте плотном,
сухие трубы накрена.
Был светлый день. Пустые облака
как пузыри морщинистые вылетали.
Шел ветер, огибая лес,
и мы стояли — тонкие деревья —
в бесцветной пустоте небес.

1926

БАЛЛАДА ЖУКОВСКОГО

Дворец дубовый словно ларь,
глядит в окно курчавый царь,
цветочки точные пред ним
с проклятьем шепчутся глухим.
Идет луна в пустую ночь,
утопленник всплывает,
идет вода с покатых плеч,
ручьем течет на спину.
Он вытер синие глаза,
склонился и царю сказал:
«Ты, царь, — хранитель мира,
твоя восточная порфира
полмира вытоптала прочь.
Я жил в деревне круглой,
и вот — мой рот обуглен,
жена одна в гробу шумит,
красотка-дочь с тобою спит,
мой домик стал портретом,
а жизнь — подводным бредом!»

Царь смотрит конусом рябым,
в окне ломает руки,
стучит военным молотком,
но все убиты слуги,
одна любовница-жена
к царю спеша подходит,
царя по-братски кличет
и каркает по-птичьи...

Одна нога у ней ушла,
а тело молодое
упало около крыльца,
как столбик молодецкий.
Утопленник был рад вдвойне —
к войне он точит руки,
берет поклажу на дыбы,
к царю поклоном головы
он обратился резко
и опустился в речку.

Луна идет, кидая тень,
царь мечется в окошке,
дворец тихонько умирал,
а время шло — под горку.

Март 1927

* * *

1

Пошли на вечер все друзья<,>
Один остался я<,> усопший<,>
в ковше напиток предо мной
и чайник лезет вверх ногой<,>
вон паровоз бежит под Ропшей<,>
и ночь настала. Все ушли,
одни на вечер, а другие
ногами рушить мостовые
идут, идут... глядят<,> пришли —

какая чудная долина<,>
кусоч избушки за холмом
торчит задумчивым бревном<,>
бежит вихрастая скотина
и, клича дядьку на обед<,>
дудит мальчишка восемь лет<.>

2

Итак<,> пришли. Одной ногою
стоят в тарелке бытия<,>
играют в кости, пьют арак<,>
гадают — кто из них дурак.<.>
Увы<,> — сказала дева там<,> —>
гадать не подобает вам,
у вас и шансы все равны —
вы все Горфункеля сыны.<.>

3

Все в ужасе свернулись в струнку<.>
Тогда приходит сам Горфункель:
Здорово, публика! Здорово,
Испьем во здравие Петрово,
Данило<,> чашку подавай<,>
ты, Сашка<,> в чашку наливай<,>
а вы<,> Тамара Алексанна<,>
порхайте около и пойте нам «осанна!!!»

4

И вмиг начался страшный ад:
друзья испуганы до-нельзя
сидят на корточках, кряхтят,
испачкали от страха рельсы,
и сам Горфункель<,> прыгнув метко<,>
сидит верхом на некой ветке
и нехотя грызет колено<,>
рыча и злясь попеременно<.>

На утро там нашли три трупа.
 Лука... простите, не Лука <—>
 Данило<,> зря в преддверье пупа<,>
 сидел и ждал, пока, пока
 пока... всему конец приходит,
 писака рифму вдруг находит,
 воришка сядет на острог,
 солдат приспустит свой курок,
 у ночи все иссякнут жилы,
 и все, о чем она тужила<,>
 присядет около нее<,>
 солдатское убрав белье...

Придет Данило, а за ним
 бочком, бочком проникнет Шурка.
 Глядят столы. На них окурки.
 И стены шепчут им: «усни,
 усните, стрекулисты», это —
 удел усопшего поэта<,> —
 а я лежу один<,> убог,
 расставив кольца сонных ног<,>
 передо мной горит лампада<,>
 лежат стишки и сапоги
 и Кепка в виде циферблата
 свернулась около ноги.

Н. Заболоцкий

12.III.1927

* * *

Бросьте, бросьте, стрекулисты<,>
 разные стишки писать<.>
 Если на руку не чисты<,>
 это нечего скрывать<.>

Занимай[тесь]ся лучше делом<,>
специальность избери<,>
поворачивайся смело,
а лениться — черта с три.
Данька будет генералом,
Шурка будет самоваром,
Шурка будет течь да течь —
генералу негде лечь.
Игорь будет бонвивантом
с некоторым к-хе! — талантом.
Заболоцкий у него
будет вроде как трюмо<,>
повернул — извольте видеть,
как любить и ненавидеть,
а поставил вверх ногой —
будет окорок лихой.
Так трудяся понемногу
проживем — и слава богу<,>
а теперь смелее в путь,
папиросы не забудь!

12 марта 1927

ПОПРИЩИН

Когда замерзают дороги
И ветер шатает кресты,
Безумными пальцами Гоголь
Выводит горбатые сны.
И вот, костеня от стужи,
От непобедимой тоски,
Качается каменный ужас,
А ветер стреляет в виски,
А ветер крылатку срывает,
Взрывает седые снега
И вдруг, по суставам спадая,
Ложится — покорный — к ногам.
Откуда такое величье?
И вот уж не демон, а тот —

Бровями взлетает Поприщин,
Лицо поднимает вперед.
Крутись в департаментах, ветер,
Разбрызгивай перья в поток,
Раскрыв перламутровый веер,
Испания встанет у ног.
Лиловой червонной мантилей
Взмахнет на родные поля,
И шумная выйдет Севилья
Встречать своего короля.
А он — исхудалый и тонкий,
В сиянье страдальческих глаз,
Поднимется...

...Снова потемки,

Кровать, сторожа, матрас,
Рубаха под мышками режет,
Скулит, надрывается Меджи,
И брезжит в окошке рассвет.

Хлещи в департаментах, ветер,
Взметай по проспекту снега,
Вали под сугробы карету
Сиятельного седока.
По окнам, колоннам, подъездам,
По аркам бетонных свай
Срывай генеральские звезды,
В сугробы мосты зарывай.
Он вытянул руки, несется,
Ревет в ледяную трубу,
За ним снеговые уродцы,
Свернувшись, по крышам бегут.
Хватаются
За колокольни,
Врываются
В колокола,
Ложатся в кирпичные бойни
И снова летят из угла
Туда, где в последней отваге,
Встречая слепой ураган, —

Качается в белой рубахе
И с мертвым лицом —
Фердинанд.

<1927?>

ПОХОД

Шинель двустворчатую гонит,
В какую даль — не знаю сам, —
Вокзалы встали коренасты,
Воткнулись в облако кресты,
Свертелась бледная дорога,
Шел батальон, дышали ноги
Мехами кожи, и винтовки —
Стальные дула обнажив —
Дышали холодом. Лежит,
Она лежит — дорога хмурая,
Дорогая бледная моя.
Отпали облака усталые,
Склонились лица тополей, —
И каждый помнит, где жена,
Спокойствием окружена,
И плач трехлетнего ребенка,
В стакане капли, на стене —
Плакат войны: война войне.
На перевале меркнет день,
И тело тонет, словно тень,
И вот казарма встала рядом
Громадой жирных кирпичей —
В воротах меркнут часовые,
Занумерованные сном.

И шел, смеялся батальон,
И по пятам струился сон,
И по пятам дорога хмурая
Кренилась, падая. Вдали
Шеренги коек рисовались,

И наши тени раздевались,
И падали... И снова шли...
Ночь вылезала по бокам,
Надув глаза, легла к ногам,
Собачья ночь в глаза глядела,
Дышала потом, тяготела,
По головам... Мы шли, мы шли...

В тумане плотном поутру
Труба, бодрясь, пробила зорю,
И лампа, споря с потолком,
Всплыла оранжевым пятном, —
Еще дымился под ногами
Конец дороги, день вставал,
И наши тени шли рядами
По бледным стенам — на привал.

1927

НИЩИЕ НА РЫНКЕ

В уборе из цветов и крынок
открыл ворота старый рынок

Здесь бабы толсты словно кадки
их шаль невиданной красы
и огурцы как великаны
сурово плавают в воде
сверкают саблями селедки
их глазки маленькие кротки
но вот разрезаны ножом
они свиваются ужом
и мясо властью топора
как окровавленная корка
а колбаса — она из морга
приглашена сюда вчера
она лежала до утра
в цветочках маленькой породы
она синела от погоды

она собаке предана
собакою отведена
собака вышла как купец
ей в руки дайте блюдо
наденьте на уши венец
набрюшник от простуды
и вот идет горбатый пес
по рынку. Стужа воеет
как сакли лавочки стоят
моржами мальчишки глядят
их стужа беспокоит
но пес идет как самовар
и шерсть похожа на пожар
и пасть открыта словно дверь
ногами снег примерил он
стоит и смотрит поражен
и слезы точно виноград
из глаз на ниточках висят

Сидят калеки наугад
один играет на гитаре
другой откинулся назад
и на обрубке помогает
и на обрубке той ноги
чума круги нарисовала
и вырвал палец через рот
и визгнул палец точно крот
и хруснул кости перекресток
росток руки другой нам кажется
она печальна, ее нет
ее глодали не машины
она отрезана ножом
и милый кровяной кружок
отрезком смотрит колбасы
а третий закрутив усы,
глядит воинственным героем
в глазах подрезанных, косых
ни скуки нет и ни покоя
он в банке едет на колесах
во рту запрятан крепкий руль

он не боится ни мороза
ни дезинфекции, ни пуль
лишь брюхо есть и голова
да рот большой как рукоять
рулем веселым управлять
и бабка с дыркой вместо глаз
пророчит новые веселья
и книжка в дырках неземная
для пальцев милая сестра
лежит в коленях голубая
и бабка пальцами быстра
ей снится мышь, калекa, порох,
ее занятен скучный норov
ей снится пес и снег кругом
уроды гром и наважденья
но поминутно впалым ртом
она вещает обновленья
наскучивших пустых вещей
они прекрасны как Кощей
ей снится пес. И вот поставлен
Судьбы исправною рукой
он перед ней стоит, раздавлен
своей прекрасною душой
а вокруг весы как магелланы
отрепья масла, жир любви,
уроды словно истуканы
в густой расчетливой крови
и визг молитвенной гитары
и шапки полны как тиары
прекрасной медью. Недалек
тот миг, когда в норе прекрасной
он и она — он, пьяный красный
от стужи, пенья и вина
безрукий, гневный и она
слепая ведьма спляшут мило
прекрасный танец Козерог
и полнотелая могила
матрацем вынует <высунет?> из ног
и лампа взвoет как сурок

Начало декабря 1927

БЕССМЕРТИЕ

Коты на лестницах упругих,
большие рыла приподняв,
сидят как будды на перилах,
ревут как трубы о любви.
Нагие кошечки, стесняясь,
друг к дружке жмутся, извиняясь.
Кокетки! Сколько их кругом!
Они по кругу ходят боком,
они текут любовным соком,
они трясутся, на весь дом
распространяя запах страсти.
Коты ревут, открывши пасти,
они как дьяволы вверху
в своем серебряном меху.

Один лишь кот в глухой чужбине
сидит, задумчив, не поет,
в его взъерошенной овчине
справляют блохи хоровод.
Отшельник лестницы печальной,
монах помойного ведра,
он держит мир первоначальный
на мозговых своих буграх.
Сквозь дверь он чувствует квартиру,
где труд дневной едва лишь начат,
там от плиты и до сортира
лишь бабьи туловища скачут;
там примус выстроен, как дыба,
на нем, от ужаса треща,
чахоточная воеет рыба
в зеленых масляных прыщах;
там трупы вымытых животных
лежат на противнях холодных
и чугуны — купели слез —
венчают зла апофеоз.

Кот поднимается, трепещет,
сомненья нету — замкнут мир,

и лишь одни помои плещут
туда, где мудрости кумир.
И кот встает на две ноги,
идет вперед, подъявля лапы,
пропала лестница. Ни зги
в глазах. Шарахаются бабы,
но поздно! Кот, на шею сев,
как дьявол бьется, озверев,
рвет тело, жилы отворяет,
когтями кости вырывает...
О, боже, боже, как нелеп!
Сбесился он или ослеп?

Шла ночь без горечи и страха,
и любопытным виден был
семейный сад — котова плаха,
где месяц медленный всходил.
Деревья дружные качали
большими, сжатыми телами,
нагие птицы верещали,
скача неверными ногами —
над ними, желтый скаля зуб,
висел кота саженный труп.

Монах! Ты висельником стал!
Прощай... В моем окошке,
справляя дикий карнавал,
опять несутся кошки,
и я на лестнице стою,
такой же белый, важный —
я продолжаю жизнь твою,
мой праведник отважный.

1928

НАЧАЛО ОСЕНИ

Старухи, сидя у ворот,
хлебали щи тумана, гари,

тут, торопяся на завод,
шел переулком пролетарий;
не быв задетым центром 0,
он шел, скрепив периферию,
и ветер ломался вокруг него.

Приходит соболь из Сибири,
и представляет яблок Крым,
и девка, взяв рубля четыре,
ест плод, любуясь молодым.
В его глазах — начатки знанья,
они потом уходят в руки,
в его мозгу на состязанье
сошлись концами все науки.
Как сон житейских геометрий,
в необычайно крепком ветре
над ним домов бряцали оси
и в центре 0 — мерцала осень;
и к ней, касаясь хордой, что ли,
качался клен, крича от боли,
качался клен, и выстрелом ума
казалась нам вселенная сама!

1928

ЦИРК

Цирк сияет словно щит,
цирк на пальцах верещит,
цирк на дудке завывает,
душу в душу ударяет.
С нежным личиком испанки
и цветами в волосах
тут девочка — пресветлый ангел —
виясь, плясала вальс-казак.
Она среди густого пара
стоит как белая гагара,
то, сгибаясь у плеча,
реет, ноги волоча.

То вдруг присвистнет, одинокая,
совьется маленьким ужом,
и вновь несется, нежно охая, —
прелестный образ и почти что нагишом.
Но вот одежды беспокойство
вкруг тела складками легло.
Хотя напрасно!
Членов нежное устройство
на всех впечатление произвело.

Толпа встает. Все дышат, как сапожники.
Во рту — слюны навар кудрявый.
Иные — даже самые безбожники —
полны таинственной отравой.
Другие же, суя табак в пустую трубку,
облизываясь, мысленно целуют ту голубку,
которая пред ними пролетела.
Пресветлая! Остаться не захотела!

Вой всюду в зале тут стоит,
кромешным духом все полны,
но музыка опять гремит,
и все опять удивлены.
Лошадь белая выходит,
бледным личиком вертя,
и на ней при всем народе
сидит полновесное дитя.

Вот, маша руками враз,
дитя, смеясь, сидит анфас,
и вдруг, взмахнув ноги обмылком,
дитя сидит к коню затылком.
А конь как стражник, опустив
высокий лоб с большим пером,
по кругу носится, спесив,
поставив ноги под углом.

Тут опять всеобщее изумленье,
и похвала, и одобренье,

и как зверок кусает зависть
тех, кто недавно улыбались
иль равнодушными казались.
Мальчишка, тихо хулиганя,
подружке на ухо шептал:
«Какая тут сварилась баня!» —
и девку нежно обнимал.
Она же, к этому привыкнув,
сидела тихая, не пикнув;
закон имея естества,
она желала сватовства.

Но вот опять арена скачет,
ход представленья снова начат:
два тоненькие мужика
серьезно гнутся у шеста.
Один, чертя рукой девичьей,
на воздух медленный ползет,
то красный шарик выпускает,
то вниз — нарядный — упадет
и товарищу на плечи
тонкой ножкою встает.
Потом они, смеясь опасно,
ползут наверх единоголосно,
и там, обнявшись наугад,
на толстом воздухе стоят.
Они дыханьем укрепляют
двойного тела равновесье,
но через миг опять летают,
себя по воздуху развеса.

Тут опять, восторгом налит,
зал трясется как кликуша
и в ладони громко жарит,
не щадя чужие уши.
Один старик интеллигентный
сказал, другому говоря:
«Этот праздник разноцветный
посещаю я не зря.

Здесь нахожу я греческие игры,
красоток розовые икры,
научных замечаю лошадей, —
это не цирк, а прямо чародей!»
Другой, плешивый как колено,
сказал, что это несомненно.

На последний страшный номер
вышла женщина-змея, —
она усердно ползала в соломе,
ноги в кольца завивя.
Проползав несколько минут,
она совсем лишилась тела.
Кругом служители бегут:
«Где? Где?»
Красотка улетела!..
Тут пошел в народе ужас,
все свои хватают шапки
и бросаются наружу,
имея девок полные охапки.

«Воры! Воры!» — все кричали,
но воры были невидимки —
они в тот вечер угощали
своих друзей на Ситном рынке.
Над ними небо было рыто
веселой руганью двойной,
и жизнь трещала как корыто,
летая книзу головой.

1928

ИГРА В СНЕЖКИ

В снегу рассованы поодиночке,
стоят мальчишек черных точки,
и, хоботками шевеля,
они справляют именины февраля.

Руками бережно раскинув,
от напряженья стиснув рот,
они откидывают спину
и снова падают вперед.
И в миг паденья — из ладошки —
взлетают снежные картошки,
как чашки звонких хрусталей,
как многоцветные гранаты,
как ядра лучшей канонады
в сугробах родины моей!
Мальчишка с видом полководца
орлом взлетает над рекой,
его багровый нос трясется
с кровавой каплей ледяной.
Соратники, разинув рты
и сдвинув мордочки направо,
стоят воинственной оравой
в объятьях вражеской орды.
Они стройны, как нибелунги
с глазами травленных волчат,
в снегу прокладывая лунки,
они беснуются, кричат:
— Волчата мы, волков потомки,
у нас не домики — кусты,
за нами вьются сквозь потемки
прямые твердые хвосты!
Труба в атаку гонит смелых,
ватага встала на юру,
и мы несемся в сумрак белый
по ледяному серебру!
И враг, задрав кривые ноги,
упал направо, а другой
воткнулся в снег. И двое новых,
мохнатых, скорченных, багровых —
сцепились вместе, бьются враз,
Но деревянный ножик спас.

Шумит восток. И день остановился.
И великаном подошел шершавый конь.

Мужик огромной тушею своей
сидел в стропилах крашенных саней,
И в медной трубке огонек дымился.

Бой кончился. Мужик не шевелился.

1928

ЗАКОН ПРОСТОТЫ

Глядит, уныло увядая,
как дудка, лампа восковая
наморщив ноги кошка лезет
скребутся кости на железе
ковер растерзан пополам
кричит из башенки баран
хотя пора кричать грифону
Коза кричит с акулой вместе
Акула — с глазками невесты
в фате из Вислы или Дону
пора кричать теперь тритону
тритон молчит — поет сова
как шар слепая голова
и пыльны перья, точно книги
на лапах пальцы, как вериги
кричит, бог ведая о чем
из клюва струйка бьет ключом
как будто Мойка калачом
как будто лайка над ручьем
свое увидев отраженье
вся прелесть и изнеможенье
как проволока все движенья
ее унылого лица
и нос лиловый без конца
венец на темени простой
и кожа липкая коростой
таков закон — всегда простой —
как жизнь, идёт легко и просто.

<1927>

РУКИ

Пером спокойным вам не передать,
Что чувствует сегодня сердце, роясь
В глубинах тела моего.
Стою один — опущенный по пояс
В большое горе. Горе, как вода,
Течет вокруг; как темная звезда —
Стоит над головой. Просторное, большое
Оно отяготело навсегда, —
Большая темная вода.
Возьму крупичами разбросанное счастье,
Переломлю два лучика звезды,
У девушки лицо перецелую,
Переболею до конца искусство,
Всегда один, — я сохраню мою
Простую жизнь. Но почему она,
Она меня переболеть не хочет?
И каждый час, и каждый миг
Сознания открывается родник:
У жизни два крыла, и каждое из них
Едва касается трудов моих.
Они летят — распахнуты, далече,
Ночуют на холодных площадях,
Наутро бьются в окна учреждений,
В заводские летают корпуса, —
И вот — теплом обвеянные лица
Готовы на работе слиться.
Мне кажется тогда:
Какая жизнь!
И неужели это так и нужно,
Чтоб в отдаленье жил писатель
И вечно неудобный, как ребенок?
Я говорю себе: не может быть,
И должен я совсем иначе жить.
Не может быть!
И жарок лёт минут,
И длится ожиданье,
И тонкие часы поют,
И вечер опустился на ладони,

И вот я увидал большие руки —
Они росли всегда со мной,
Чуть розоватые и выпуклые, и в морщинках,
И в узелочках жил, — сейчас они тверды,
Напряжены едва заметной дрожью,
Они спокойные и просятся к труду.
Я руки положу на подоконник —
Они спокойнее и тише станут,
Их ночью звезды обольют,
К ним утром зори прикоснутся,
Согреет кожу трудовое солнце,
Ну, а сейчас...
Сейчас пускай дрожат, —
Им все равно за мыслью не угнаться,
Она растрескалась, летит, изнемогая,
И все-таки еще твердит:
Простая,
Совсем простая — наша жизнь!

1928

ПАДЕНИЕ ПЕТРОВОЙ

1

В легком шепоте ломаясь,
среди пальмы пышных веток,
она сидела, колыхаясь,
в центре однолетних деток.
Красотка нежная Петрова —
она была приятна глазу.
Платье тонкое лилово
ее охватывало сразу.
Она руками делала движенья,
сгибая их во всех частях,
Как будто страсти приближенья
предчувствовала при гостях.
То самоварчик открывала
посредством маленького крана,

то колбасу ножом стругала —
белолица, как Светлана.
То очень долго извинялась,
что комната не прибрана,
то, сияя, улыбалась
молоденькому Киприну.
Киприн был гитары друг,
сидел на стуле он в штанах
и среди своих подруг
говорил красотке «ах!» —
что не стоят беспокойства
эти мелкие досады,
что домашнее устройство
есть для женщины преграда,
что, стремясь к жизни новой,
обедать нам приходится в столовой,
и как ни странно это утверждать —
женщину следует обожать.

Киприн был при этом слове
неожиданно красив,
вдохновенья неземного
он почувствовал прилив.
«Ах, — сказал он, — это не бывало
среди всех злодейств судьбы,
чтобы с женщин покрывало
мы сорвать теперь могли...
Рыцарь должен быть мужчина!
Свою даму обожать!
Посреди другого чина
стараться ручку ей пожать,
глядеть в глазок с возвышенной любовью,
едва она лишь только бровью
между прочим поведет —
настоящий мужчина свою жизнь отдает!
А теперь, друзья, какое
всюду отупенье нрава —
нету женщине покоя,
повсюду распущенная орава, —

деву за руки хватают,
всюду трогают ее —
о нет! Этого не понимает
все мое существо!»

Он кончил. Девочки, поправив
свои платья у коленок,
разогреться были вправе —
какой у них явился пленник!
Иная, зеркальце открыв,
носик трет пуховкой нежной,
другая в этот перерыв
запела песенку, как будто бы небрежно:
«Ах, как это благородно
с вашей стороны!»
Сказала третья, закатив глазок дородный, —
«Мы пред мужчинами как будто бы обнажены,
все мужчины — фу, какая низость! —
на телесную рассчитывают близость,
иные — прямо неудобно
сказать — на что способны!»

«О, какое унижение! —
вскричал Киприн, вскочив со стула:
— На какое страшное крушение
наша движется культура!
Не хвастаясь перед вами, заявляю —
всех женщин за сестер я почитаю».

Девочки, надувши губки,
молча стали удаляться
и, поправив свои юбки,
стали перед хозяйкой извиняться.
Петрова им в ответ слагает
тоже много извинений,
их до двери провожает
и приглашает заходить без промедленья.

Вечер дышит как магнит,
 лампа тлеет оловянно.
 Киприн за столом сидит,
 улыбаясь грядущему туманно.
 Петрова входит розовая вся,
 снова плещет самоварчик,
 хозяйка, чашки разнося,
 говорит: «Какой вы мальчик!
 Вам недоступны треволенья,
 движенья женские души,
 любви тайные стремленья,
 когда одна в ночной тиши
 сидишь, как детка, на кровати,
 бессонной грезой томима,
 тихонько книжечку читаешь,
 себя героиней воображаешь,
 то мажешь губки красной краской,
 то на дверь глядишь с опаской —
 а вдруг войдет любимый мой?
 Ах, что я говорю? Боже мой!»

Петрова вся зарделась нежно,
 Киприн задумчивый сидит,
 чешет волосы небрежно
 и про себя губами шевелит.
 Наконец с тоской пророка
 он вскричал, от муки бледен:
 «Увы, такого страшного урока
 не мыслил я найти на свете!
 Вы мне казались женщиной иной
 среди тех бездушных кукол,
 и я — безумец дорогой, —
 как мечту свою баюкал,
 как имя нежное шептал,
 Петрову звал во мраке ночи!
 Ты была для меня идеал —
 пойми, Петрова, если хочешь!»

Петрова вскрикнула, рыдая,
гостью руки протянула
и шепчет: «Я — твоя Аглая,
бери меня скорей со стула!
Неужели сказка любви дорогой
между нами зародилась?»

Киприн отпрянул: «Боже мой,
как она развеселилась!
Нет! Прости мечты былые,
прости довольно частые визиты —
мои желанья неземные
с сегодняшнего дня неизвестностью покрыты.
Образ неземной мадонны
в твоём лице я почитал —
и что же ныне я узнал?
Среди тех бездушных кукол
вы — бездушная змея!
Покуда я мечту баюкал,
свои желанья затая,
вы сами проситесь к любви!
О, как унять волненье крови?
Безумец! Что я здесь нашёл?
Пошел отсюда, дурак, пошел!»

Киприн исчез. Петрова плачет,
дрожа, играет на рояле,
припудрившись, с соседями судачит
и спит, не раздевшись, на одеяле.
Наутро, службу соблюдая,
стучит на счетах одной рукой...
А жизнь идет сама собой...

1928

МЕЧТЫ О ЖЕНИТЬБЕ

Через двадцать или тридцать лет
Стану я, наверно, лыс и сед.

Вот и встанет тогда передо мной
Вопрос о женитьбе моей роковой.
Всю жизнь врачую,
Как больного, болеющего грыжей,
В тот миг ужасный полечу я
В объятия бесстыжей.
Уж гроб, пронзительно летая,
Вокруг меня жужжит всю ночь,
Уж пальцев судорожных стая
Свое перо прогонит прочь;
И, убелясь своей сединой,
Я буду двигать челюстью ослиной
И над красоткою шептать:
«О милая, быть может, спать
Пора». И вот перстом дрожащим
С табачным желтым ноготком
Я проберусь по ножке восходящей
И, заливаясь хохотком,
Два мерзкие бесстыдные словечка
Шепну в ушко. Застонет свечка,
Застонет юность, обернувшись вспять,
Застонет теплая квадратная кровать,
И под костлявым стариковским тазом
Две хари на стене причмокнут разом.

Авг. 1928

НА ДАЧЕ

Вижу около постройки
древо радости — орех.
Дым подобно белой тройке
скачет в облако наверх.
Вижу дачи деревянной
деревенские столбы.
Белый, серый, оловянный
дым выходит из трубы.
Только ты по воле мужа
с животом, подобным тазу,

ходишь зла и неуклюжа
и подходишь к тарантасу.
В тарантасе тройка алых
чернокудрых лошадей<,>
и ямщик гремит цимбалой,
теша праздничных людей.
Гей, ямщик! С тобою мама,
да в селе высокий доктор.
Полетела тройка прямо
по дороге очень мокрой.
Мама стонет, дядя гонит,
дядя давит лошадей,
и младенец, плача, тонет
посреди больших кровей.

Пуповину отгрызала
мама зубом золотым.
Тройка бешеная встала,
коренник упал. Как дым,
словно дым клубилась степь,
ночь сидела на холме,
дядя ел чугунный хлеб,
развалившись на траве.
А в далекой даче дети
пели, бегая в крокете,
и ликуя, и шутя,
легким шариком вертя.
И цыганка молодая,
встав над ними как божок,
предлагала, завывая,
ассирийский пирожок.

1929

СОХРАНЕНИЕ ЗДОРОВЬЯ

Видишь — воздух шевелится?
В нем, как думают студенты,

кислородные частицы
падают, едва заметны.

Если, в случае мороза,
мы, в трамвае сидя, дышим<,> —
словно столб, идет из носа
дым, дыханием кольшим.

Если человек дородный
грудь имеет, словно бочку,
значит, воздух кислородный
вкруг него поставит точку.

Если ж человек невиден,
худ и бледен, — очень просто —
не сиди на стуле, сидень,
выходи гулять на воздух!

Оттого, детина, вянешь,
что в квартире воздух тяжкий,
ни духами не обманешь,
ни французскою бумажкой.

В нем частицы все сваялись
вроде войлока сухого,
оттого у всех вначале
грудь бывает нездорова.

Если где-нибудь писатель
ходит с трубкою табачной —
значит — он имеет сзади
вид унылый и невзрачный.

Почему он ходит задом?
Отчего пропала сила?
Оттого, что трубка с ядом,
а в груди сидит бацилла.

Почему иная дева
вид имеет некрасивый, —

ходит тощая, как древо,
и глаза висят, как сливы?

Потому плоха девица
и на дерево походит,
что полезные частицы
в нос девице не проходят.

У красотки шарфик модный
вокруг шеи так намотан,
что под носом воздух — плотный
и дышать осталось — потом.

О, полезная природа,
исцели страдания наши,
дай частицу кислорода
или две частицы даже!

Дай сознанию удивиться,
и тотчас передо мной
отвори свою больницу —
холод, солнце и покой!

1929

ПРОГУЛКА НА ЛЫЖАХ

Если серый ты, как тряпка,
И скребут на сердце мыши,
Надевай скорее шапку,
Вынимай скорее лыжи.

 Прямо с горки,

 По оврагу,

 Чуть не воя,

 Чуть не плача,

Ты лети, лети бедняга,
Ноги фертотом раскоряча.

Ты лети, лети по снегу,
Словно пташка из-под ели
Лыжи вылечат калеку —
 В самом деле!
 В самом деле!

Если где-нибудь мужчина
Не имеет аппетита,
Поразмысли — где причина
Столь мучительного вида?
Он ни щей не ест, ни каши,
По ночам ревет спросонок
И по дому ходит даже
От тоски в одних кальсонах.
Потому мужчина плачет,
Не имея хладнокровья,
Что здоровье много значит,
У него же — нет здоровья.
Надевай, мужчина, лыжи,
Вынимай свою фуфайку,
Да с пригорка, словно с крыши,
 Начинай-ка!
 Начинай-ка!

Почему иная дева
Вид имеет вроде стула —
Загребает ножкой влево,
А сама весьма сутула?
Целый день она считает,
Пишет разные бумажки,
А потом во сне икает
И лекарство пьет из чашки.
Потому плоха девица
И на стул весьма похожа,
Что на воздух не стремится,
Чтобы вся дышала кожа.
Надевай, девица, лыжи,
Вынимай свою фуфайку,
Да с пригорка, словно с крыши,
 Начинай-ка!
 Начинай-ка!

Кто-б ты ни был, мой читатель,
Но когда на сердце скука —
Помни: лыжа — твой приятель
Или, может быть, подруга.

Ну-ка с горки,
Вдоль по снегу
Побежали! Полетели!
Лыжи вылечат калеку
В самом деле!
В самом деле!

<1929—1931?>

ПРЕДСКАЗАНИЕ ПОГОДЫ

Спят ленивые беспечно,
трудолюбые — во весь рот,
но тому «ура!», конечно,
кто погоду узнает.

Он и так, и этак ходит,
соблюдает твердый шаг,
кулаком по небу водит,
к кулаку приставив зрак.
Словно мелкие дымочки,
в небе ходят облака,
мудрый видит огонечки
сквозь отверстие кулака.
Огонечек подлиннее —
это значит: будет дождь,
огонечек потемнее —
это значит: клюнет лещ,
огонечек покороче —
значит, вырастут цветы,
огонечек с уголочек —
будут волосы густы.

Мудрый ходит весь в поту,
держит трубочку во рту,

лоб высокий напрягает,
мысли в голову пускает,
наблюдает каждый знак —
для чего, и что, и как?

Скоро мыслям стало тесно,
приближается рассвет,
и доньне неизвестно —
будет дождик или нет?
Уж Медведица на небе
задымилась, ворча,
это значит, что на хлебе
скоро будет саранча!
Как тут быть? Помилуй, боже.
Вот однажды вечером
нужно взять столовый ножик,
завернуть его крючком,
присадить ему головку,
превратить его в коровку,
ножки тоже привязать
и корове показать!

Вдоль по хлеву мудрый ходит,
наблюдает жизнь коров,
мысли к ясности приводит,
от волнения нездоров.

Но коровы сладко дремлют,
слову мудрому не внемлют,
и Медведица вверху
превратилась в кочергу.

Мудрый страшно рассердился,
стал ругаться про себя
и за камень ухватился,
мысли мигом погубя.
Взял кирпич одной рукой,
изогнул его дугой,
размахнулся и... померк.
А кирпич уехал вверх!

Камень тихо пролетает,
вверх по воздуху плывет,
тучку в небе огибает,
обогнувши, вниз идет.
А внизу — погода та же, —
и мудрец, и борода,
и таинственно, и даже
как-то скучно иногда!

<1929>

ПРОГУЛКА

У животных нет названья —
кто им зваться повелел?
Равномерное страданье —
их невидимый удел.
Бык, беседуя с природой,
удаляется в луга,
над прекрасными глазами
стоят белые рога.
Речка девочкой невзрачной
лежит тихо между трав,
то смеется, то рыдает,
ноги в землю закопав.
Что же плачет? Что тоскует?
Отчего она больна?
Вся природа улыбнулась
как высокая тюрьма.
Каждый маленький цветочек
машет маленькой рукой.
Бык седые слезы точит,
стоит пышный, чуть живой.
А на воздухе пустынном
птица легкая кружится,
ради песенки старинной
своим горлышком трудится.

Перед ней сияют воды,
лес качается велик,
и смеется вся природа,
умирая каждый миг.

1929

ЗМЕИ

Лес качается прохладен,
тут же разные цветы,
и тела блестящих гадин
меж камнями завиты.
Солнце жаркое, простое
льет на них свое тепло.
Меж камней тела устроя,
они гладки как стекло.
Прошумит ли сверху птица,
или жук провоет смело, —
змеи спят, запрятав лица
в складках жареного тела.
И загадочны, и бедны,
спят они, открывши рот,
а вверху едва заметно
время в воздухе плывет.
Год проходит, два проходит,
три проходит. Наконец
человек тела находит —
сна тяжелый образец.
Для чего они? Откуда?
Оправдать ли их умом?
Но прекрасных тварей груды
спит, разбросана кругом.
И уйдет мудрец, задумчив,
и живет как нелюдим,
и природа, вмиг наскучив,
как тюрьма стоит над ним.

1929

ИСКУШЕНИЕ

1

Мы не выдумали смех,
он приходит словно враг,
ум его как бы орех,
не расколотый никак.
Над высокой чашкой горя,
где девичий слышен плач,
он сидит, шума и споря
о причинах неудач:
«Положи свои ладошки,
дева, к сердцу положи,
кос червонные дорожки
на затылке завяжи.
Посмотри — мужчины ходят
одиночки по углам,
милой девы не находят —
как же это. Стыд и срам.
Полно плакать. Тише, тише.
Надевай чулок повыше,
отворяй скорее дверь,
будут радости, поверь».

Дева плачет и тоскует,
из кубышки воду пьет,
на ладошки дева дует
и ответа не дает.
А веселый искуситель
продолжает: «Ей-же-ей,
брось печальную обитель,
косы рыжие развей,
начинай плясать на лавке,
расстегни свои булавки,
будь, как ведьма, хороша,
в пляске медленно кружа».

Дева быстро расстегнула,
и булавки побросала,

встала милая со стула,
вся распухшая, как сало.
Стали мышцы ее есть.
Смех смеялся: так и есть —
начинает только лесть,
месть кончает. Bravo, месть.

Холмик во поле стоит,
дева в холмике шумит:
«Тяжело лежать во гробе,
почернели ручки обе,
стали волосы как пыль,
из грудей растет ковыль.
Тяжело лежать в могиле,
губки тоненькие сгнили,
вместо глазок — два кружка,
нету милого дружка!»

Смерть над холмиком летает
и хохочет, и грустит,
из ружья в него стреляет
и тихонько говорит:
«Ну, малютка, полно врать,
полно глотку в гробе драть, —
мир над миром существует,
вылетай из гроба прочь!
Слышишь — ветер в поле дует,
наступает снова ночь.
Караваны сонных звезд
льются сверху, словно слизь.
Кончен твой подземный пост.
Ну, попробуй, поднимись!»

Дева ручками взмахнула,
не поверила ушам,
доску вышибла, вспрыгнула,
хлоп! — и лопнула по швам.
И течет, течет бедняжка
в виде маленьких кишок.

где была ее рубашка,
там остался порошок.
Изо всех отверстий тела
червяки глядят несмело,
вроде маленьких малют
жидкость розовую пьют.

Была дева — стали щи...
Смех, не смейся, подожди,
солнце встанет — кожа треснет,
мигом девица воскреснет.
Из берцовой из кости
будет деревце расти,
будет деревце шуметь,
про девицу песни петь,
про девицу песни петь,
сладким голосом звенеть:
«Баю-баюшки-баю,
баю девочку мою!
Ветер в поле улетел,
месяц в небе побелел.
Мужики по избам спят,
у них много есть котят.
А у каждого кота
были красны ворота,
шубки синеньки у них,
все в сапожках золотых,
все в сапожках золотых —
очень, очень дорогих...»

2

Смерть приходит к человеку,
говорит ему: «Хозяин,
тыходишь на калеку,
насекомыми кусаем.
Брось житье, иди за мною,
у меня во гробе тихо.
белым саваном укрою
всех от мала до велика.

Не грусти, что будет яма,
что с тобой умрет наука:
поле выпашется само,
рожь поднимется без плуга.
Солнце в полдень будет жгучим,
ближе к вечеру — прохладным,
ты же, опытом научен,
будешь белым и могучим
с медным крестиком квадратным
спать во гробе аккуратном».

«Смерть, не трогай человека,
не хули прекрасный свет, —
отвечает ей калека,
бедным рубищем одет. —
В каземате у природы
бедный узник — я стою,
размышляю о погоде,
стены заступом дроблю.
А за толстыми стенами
чувству внятный не вполне,
кто-то тихими шагами
приближается ко мне.

Друг далекий, друг прекрасный,
зову пленника внемли:
пусть рассыпется ужасный
каземат моей земли.
Все, что скрыто, позабыто,
недоступно никому,
пусть появится открыто
удивленному уму.
И над трупом всей природы,
над могилой жития
человек — дитя свободы —
бросит заступ бытия».

Так сказав, старик поникнул,
напрягая чуткий слух,

и в ответ калеке крикнул
первый утренний петух.
Вздоргнув, выпрямились реки,
лес качнулся тяжело,
и над рубищем калек
солнце красное взошло.

1929

МЕРКНУТ ЗНАКИ ЗОДИАКА

Меркнут знаки Зодиака
над просторами полей,
спит животное Собака,
дремлет птица Воробей.
Толстозадые русалки
улетают прямо в небо, —
руки крепкие как палки,
груды круглые как репа.
Ведьма, сев на треугольник,
превращается в дымок,
с лешачихами покойник
стройно пляшет кекуок.
Вслед за ними бледным хором
ловят Мужу колдуны,
и стоит над косогором
неподвижный лик луны.

Меркнут знаки Зодиака
над постройками села,
спит животное Собака,
дремлет рыба Камбала.
Колотушка тук-тук-тук,
спит животное Паук,
спит Корова, Муха спит,
над землей луна висит.
Над землей большая плошка
опрокинутой воды.

Леший вытащил бревешко
из мохнатой бороды,
из-за облака сирена
ножку выставила вниз,
людоед у джентльмена
неприличное отгрыз.
Все смешалось в общем танце,
и летят во все концы
гамадриллы и британцы,
ведьмы, блохи, мертвецы.

Кандидат былых столетий,
полководец новых лет —
Разум мой! Уродцы эти —
только вымысел и бред.
Только вымысел, мечтанье,
сонной мысли колыханье,
безутешное страданье —
то, чего на свете нет...

Высока земли обитель.
Поздно, поздно. Спать пора.
Разум, бедный мой воитель,
ты заснул бы до утра.
Что сомненья? Что тревоги?
День прошел, и мы с тобой —
полузвери, полубоги —
засыпаем на пороге
новой жизни трудовой.

Колотушка тук-тук-тук.
Спит животное Паук.
Спит Корова, Муха спит.
Над землей луна висит.
Над землей большая плошка
опрокинутой воды...
Спит растение Картошка.
Засыпай скорей и ты!

ОБЕД

Мы разогнем усталые тела.
Прекрасный вечер тает за окошком.
Приготовление пищи так приятно —
кровавое искусство жить!

Картофелины мечутся в кастрюльке,
головками младенческими шевеля,
багровым слизняком повисло мясо,
тяжелое и липкое, едва
его глотает бледная вода —
полощет медленно и тихо розовеет,
а мясо расправляется в длину
и — обнаженное — идет ко дну.

Вот луковицы выбегают,
скрипят прозрачной скорлупой
и вдруг, вывертываясь из нее,
прекрасной наготой блистают;
тут шевелится толстая морковь,
кружками падая на блюдо,
там прячется лукавый сельдерей
в коронки тонкие кудрей,
и репа твердой выструганной грудью
качаётся атланта тяжелей.

Прекрасный вечер тает за окном,
но овощи блистают словно днем.
Их соберем спокойными руками,
омоем бледною водой,
они согреются в ладонях
и медленно опустятся ко дну.
И вспыхнет примус венчиком звенящим —
коротконогий карлик домовый.

И это — смерть. Когда б видали мы
не эти площади, не эти стены,
а недра тепловатые земель,
согретые весеннею истомой;

когда б мы видели в сиянии лучей
блаженное младенчество растений, —
мы, верно б, опустились на колени
перед кипящею кастрюлькой овощей.

1929

НОЧНЫЕ БЕСЕДЫ

НОЧНАЯ БЕСЕДА

Ночь на воздух вылетает,
В школе спят ученики,
Вдоль по хижинам сверкают
Маленькие ночники.
Крестьяне, храбростью дыша,
Собираются в кружок,
Обсуждают — где душа?
Или только порошок
Остается после смерти?
Или только газ вонючий?
Скворешниц розовые жерди
поднялись над ними тучей.
Крестьяне мрачны и обуты
в большие валенки судьбы —
сидят. Усы у них раздуты
на верху большой губы.
Так же шапки выделялись
в виде толстых колпаков,
собаки пышные валялись
среди хозяйских сапогов.
Мужик суровый, словно туча,
держал кувшинчик молока,
сказал: «Природа меня мучит,
превращая в старика.
Когда, паша семейную десятину,
иду, подобен исполину,
гляжу-гляжу, а предо мной
все кто-то движется толпой».

— «Да, это правда. Дух животный
(сказал в ответ ему старик)
живет меж нами, как бесплотный
жилец развалин дорогих.
Нынче, братцы, вся природа
как развалина какая!
Животных уж не та порода
живет меж нами, но другая».

— «Ты лжешь, старик! — в ответ ему
сказал стоявший тут солдат. —
Таких речей я не пойму,
тебя лишь глупый слушать рад.
Поверь, что я во многих битвах
сквозь ядер, пуль носился, лих,
но никогда не знал молитвы,
ни страшных ужасов твоих.
Уверяю вас, друзья,
природа ничего не понимает,
и ей довериться нельзя!»

— «Кто ее знает? —
сказал пастух, лукаво помолчав. —
С детства я коров водитель,
но скажу вам сгоряча —
вся природа есть обитель.
Вы, мужики, живя в миру,
любите свою избу,
я ж природы конуру
вместо дома избираю.
Некоторые движения коровы
для меня ясней, чем ваши, —
вы ж, с рожденья нездоровы,
не понимаете простого даже».

— «Однако ты профан, —
прервал его другой крестьянин. —
Прости, что я тебя прервал,
но мы с тобой бороться станем.
Скажи по истине, по духу —
живет ли мертвецов душа?»
И все замолкли. Лишь старуха
сидела, спицами кружа.

Деревня, хлев напоминая,
вокруг беседы поднималась —
там угол высился сарая,
там чье-то дерево валялось,
сквозь бревна тучные избенки
мерцали панцири заслонок,
светились печи, как кубы,
с квадратным выступом трубы.
Шесты таинственные зыбок
хрипели, как пустая кость,
младенцы спали без улыбок,
блохами съедены насквозь.
Иной мужик, согнувшись в печке,
свирепо мылся из ведерка,
другой — коню чинил уздечки,
а третий кремнем в камень щелкал.
«Мужик, иди спать!» —
баба из окна кричала.
И вправду — ночь, как будто мать,
деревню ветерком качала.
— «Так! — сказал пастух лениво, —
вон средь кладбища могил
их душа плывет красиво,
описать же — нету сил.
Петух, сидя на березе,
уж двенадцать раз пропел,
свои ножки отморозя,
он вспорхнул и улетел.
А душа пресветлой ручкой
машет нам издалека —
ее тело словно тучка,
платье — вроде как река.
Своими нежными глазами
всё глядит она, глядит,
а тело, съедено червями,
в черном домике лежит.
— “Люди, — плачет, — что вы, люди!
Я такая же, как вы,
только меньше стали груди,
да венки у головы.

Меня — милую — берите,
скучно мне лежать одной,
хоть со мной поговорите,
поговорите хоть со мной!..»
— «Это бесконечно печально! —
сказал старик, закуривая трубку. —
И я встречал ее случайно —
нашу милую голубку.
Она, как столбичек, плыла
с могилки прямо на меня
и — верю! — на тот свет звала,
тонкой ручкою маня.
И что же делать мне, ребята?
Лошадь я ударил страшно,
она взвизгнула, поката,
и скакать пошла ужасно.
И верьте! — Душенька за мною
тихонько все плыла, плыла,
не знала, бедная, покою,
меня до страху довела.
Только я вскакал во двор —
она на столбик налетела
и сгнула. Такое дело!»
— «Ах, вот о чем разговор! —
воскликнул тут солдат. —
Тут суевериям большой простор,
но ты, старик, возьми назад
свои слова. Послушайте, крестьяне,
мое простое объяснение:
вы знаете — я был на поле брани,
носился, лих, под пулей пенье,
щекой прижавшись к пулемету,
творил я там святое дело,
на благо каждому народу
на лбу моем звезда сидела.
Теперь же я скажу иначе,
предмета нашего касаясь:
частицы фосфора маячат,
из могилы испаряясь.
Влекомый воздуха теченьем,
столбик фосфора несется

повсюду, но за исключением
того случая, когда о твердое разобьется.
Видите, как все это просто?»
Крестьяне сумрачно замолкли,
подбородки стали круче,
скворешниц розовых оглобли
поднялись над ними тучей.
Догорали ночники,
в школе спали ученики.
Одна учительница тихо
смотрела в глубь седых полей,
где ночь плясала, как шутиха,
где мерк неясный Водолей,
где смутные тела животных
сидели, наполняя хлев,
и разговор вели бесплотный,
душой природы овладев...

Февр. 1929

НОЧНАЯ БЕСЕДА

Вторая

Смутные тела животных
сидели, наполняя хлев,
и разговор вели бесплотный<,>
душой природы овладев.
Ночь на крыше, как шутиха,
пугала взоры богомолов,
и Водолей катился тихо,
лия струю прозрачных олов
на подоконник этот белый.
Животных тесная толпа,
расправив выпуклое тело,
сидела мрачна и тупа.
— «Едва могу себя понять, —
сказал бык, смотря в окно, —
на мне сознания есть печать,
но сердцем я старик давно.

Как понять мое сомненье?
Как унять мою тревогу?
Кажется — без потрясения
день прошел — и слава Богу!
Однако тут не все так просто.
На мне печаль, как бы хомут, —
на дно коровьего погоста,
как видно, скоро повезут.
О стон гробовый, вопль унылый!
Там даже не построены могилы —
корова мертвая выброшена
на кости рваные овечек,
подале, осердясь на коршуна,
собака чей-то труп калечит.
Кой-где копыто, дотлевая,
дает питание растенью,
и череп сорванный седлает
червяк, сопутствуя гниенью.
Частицы шкурки и состав орбиты
тут же все лежат, лежат,
лишь капельки росы, налиты
на них, сияют и дрожат!»
Ответил конь:
— «Смерти бледная подкова
просвещенным не страшна,
жизни горькая основа
смертным более нужна.
В моем черепе продолговатом
мозг лежит, как длинный студень,
в своем домике покато
он совсем не жалкий трутень.
Люди, вы напрасно думаете,
что я мыслить не умею,
если палкой меня дуется,
нацепив шлею на шею.
Мужик, меня ногами охватив,
скачет, страшно дерясь кнутом,
и я скачу, хоть некрасив,
хватая воздух впалым ртом.

Кругом природа погибает,
мир качается, убог,
цветы, плача, умирают,
сметены ударом ног.
Иной, почувствовав ушиб,
закроет глазки и приляжет,
а на спине моей мужик,
как страшный бог, руками и ногами машет...
Когда же, в стойло заключен,
стою, устал и удручен,
сознания бледное окно
мне открывается давно.
И вот, от боли раскорячен,
я слышу — воют небеса,
то зверь трепещет, предназначен
вращать систему колеса!
Молю — откройте, откройте, друзья,
ужели все люди над нами князья?»

Конь стихнул. Все окаменело,
охвачено сознанием грубым.
Животных составное тело
имело сходство с бедным трупом.
Фонарь, наполнен керосином,
качал страдальческим огнем,
таким дрожащим и старинным,
что все сливал с небытием.
Как дети хмурые страдания,
толпой теснились воспоминания
в мозгах настойчивых животных.
Казалось — прорван мир двойной,
и за обломком тканей плотных
простор открылся голубой.
— «Вижу, как в стране немецкой, —
сказал бык, сияя взором, —
живет старец, с виду детский,
брат неведомым просторам.
В башне каменной Эйнштейна,
среди трав, среди полян,

слышен звук далекий Рейна,
шорох елей и туман.
Там за бронзовую ставней
рвутся души к чертежу:
“Пропусти меня, наставник!
Хочешь — глазки завяжу?”
Им природа дико вторит:
“Пропусти! Хочу понять!”
Птицы, черные от горя,
улетают умирать.
Глеют бледные деревья,
подчиненные законам,
и соседняя деревня
стала кладбищем зеленым.
Но времен течение ветхо,
улетает тихо прочь,
и пространств высоких клетка
стала черная, как ночь,
и животные рядами,
будто мертвые, стоят,
и тяжелыми глазами
в башню дальнюю глядят.
Но напрасно! Нет спасенья!
Давит сумрак гробовой.
И над башнею Эйнштейна
умер первый день земной!»

— О боже, какая невыносимая тоска! —
Все прошептали, содрогаясь,
и хлева каждая доска
в ответ заплакала, шатаясь.
Пастух вскочил в испуге диком,
еще последним сном закован,
но, поражен животным ликом,
стоял недвижим, очарован
последним возгласом печали,
а те — задумчиво молчали.

— «Но не всюду ходит разум
победителем познания, —

сказал конь, и стали разом
наплывать воспоминанья. —
Вижу я погост унылый
с новгородскими крестами,
там на дне сырой могилы
кто-то спит, шепча устами.
Кто он, жалкий, весь в коростах,
полусъеденный, забытый,
житель бедного погоста,
грязным венчиком покрытый?
Почему вода целует
его ветхие ладони?
Птица нежная тоскует
перед ним, как на иконе?
Вкруг него толпятся ночи,
руки бледные закинув<,>
вкруг него цветы бормочут
в погребальных паутинах.
Вкруг него, невидны людям,
но нетленны, как дубы,
возвышаются умные свидетели его жизни —
Доски Судьбы.
И все читают стройными глазами
домысли странного трупа,
и мир животных с небесами
тут примирен прекрасно-глупо.
И сотни-сотни лет пройдут,
и внуки наши будут хилы,
но и они покой найдут
на берегах такой могилы.
Так человек, отпав от века,
зарытый в новгородский ил,
прекрасный образ человека
среди природы заронил!»

Не в силах верить, все молчали.
Конь грезил, выпятив губу,
и ночь плясала, как вначале,
шутихой — с крыши на трубу,

и вдруг упала. Грянул свет,
и шар поднялся величавый,
и птицы пели над дубравой —
ночных свидетели бесед!

3 марта 1929

ТРЕТЬЯ БЕСЕДА

Птицы пели над дубравой —
ночных свидетели бесед,
а шар катился величавый,
лия первоначальный свет.
Дубраву ветхую хранили
деревья древности домашней,
они столбами восходили,
над деревенской стоя пашней.
Зачатки душ струились в них,
в гробах тяжелой древесины,
они текли, как змейки. Их
уж не тревожил вопль осины,
их не тревожил дряхлый дятел,
который, шею завернув,
тяжелым клювом конопатил
своей постройки глубину,
их ветер тоже не тревожил,
и только солнечные тельца
они сосали, тем умножа
биенье собственного сердца.
Под нежным знаком хлорофилла
они текли, едва дыша,
и солнце вкусное хвалила
деревьев робкая душа!

Дуб, открыв глаза пустые
в равнину теплую небес,
глотал, дымясь, лучи косые,
далеко видимый окрест.
— «Ужель, природа, ты прекрасна? —
сказал он неискусными устами, —

ужели, солнце, не напрасно
течешь над нашими листьями?
Всеобщее состояние растений
как печально стало ныне!
Ты же плаваешь без тени
в голубой своей пустыне.
Когда, растерзан острою пилой,
лежу разрезанный на части —
душа по членам моим бродит,
найти стремясь крупницу счастья.
А я, построенный саженью,
лежу, и непонятен мне
тот, кто предаст меня сожженью
в печной могиле и огне!
Еще листья вокруг играют,
прощаясь ручками со мной,
еще питаньем истекает
пространство раны золотой,
еще душа по членам бродит<,>
недоуменна и нежна,
но меркнет, меркнет надо мною
небес родная вышина!»

— «Человек, пилу построив, —
осина тихо отвечала, —
берет меня и золу роет,
гремя спичками сначала.
Посредством страшного огня
из меня вылетает множество частиц,
они несутся вокруг меня
в виде теплых верениц.
Огонь лишь средство, не причина
добычи нежного тепла.
А я горю. Моя кончина —
когда горят мои тела».

— «Также и я хочу сказать, —
произнес камень, лежа на дороге, —
приходит время погибать,
люди стали — словно боги.

Своими внутренними глазами
вижу гордые их мысли,
сердце, полное слезами,
думы черные изгрызли.
В пустыню дальнюю хочу —
дайте крылья, и улечу,
дайте ноги, но ноги в земле,
и люди, как боги, живут в селе.
Деревья, вы меня простите
за мое простое слово!
Надо мною вы стоите,
не имея в сердце злого.
Ваши тонкие вершины
ходят вместе с облаками,
вы стоите как кувшины,
полны умными словами.
Я — лежач и неудобен,
очень стар и даже сед, —
ах, скажите, — мир загробен
виден сверху или нет?
Может, видите вы в небе
разные большие страны,
где не думают о хлебе,
где не плавают туманы?
Может, камешки на ножках
там невидимо гуляют,
может, там цветов дорожки
вместе с птицами летают?
Может, там собор животных,
обнимая целый мир,
спит прозрачный и бесплотный,
свесив голову в эфир?»

— «Нет, — ответили деревья, —
мы не видим этих стран,
перед нами лишь деревня,
за деревнею — туман.
Бык, беседуя с природой,
удаляется в луга,
над прекрасными глазами
стоят белые рога.

Речка девочкой невзрачной
лежит тихо между трав,
то смеется, то рыдает,
ноги в землю закопав.
Что же плачет? Что тоскует?
Отчего она больна?
Вся природа улыбнулась,
как высокая тюрьма.
Каждый маленький цветочек
машет маленькой рукой,
бык седые слезы точит,
стоит пышный, чуть живой.
А на воздухе пустынном
птица легкая кружится,
ради песенки старинной
своим горлышком трудится.
Перед ней сияют воды,
льется сумрак голубой,
да веселая природа
бьет о камень гробовой!»

Ответил камень:
— «Ах, поднимите глаза повыше,
может быть, невдалеке
тени крыльями колышут,
отраженными в реке?»

1929

ИСКУССТВО

Дерево растет, напоминая
естественную деревянную колонну.
От него расходятся члены,
одетые в круглые листья.
Собрание таких деревьев
образует лес, дубраву.
Но определение леса неточно,
если указать на одно формальное строенье.

Толстое тело коровы,
поставленное на четыре окончания,
увенчанное храмовидной головою
и двумя рогами (словно луна в первой четверти),
тоже будет непонятно,
тоже будет непостижимо,
если забудем о его значении
на карте живущих всего мира.

Дом, деревянная постройка,
составленная как кладбище деревьев,
сложенная как шалаш из трупов,
словно беседка из мертвецов —
кому он из смертных понятен,
кому из живущих доступен,
если забудем человека —
кто строил его и рубил.

Человек, владыка планеты,
государь деревянного леса,
император коровьего мяса,
Саваоф двухэтажного дома —
он и планетою правит,
он и леса вырубает,
он и корову зарежет,
а вымолвить слова — не может!

Но я — однообразный человек —
взял в рот длинную сияющую дудку,
дул, и, подчиненные дыханию,
слова вылетали в мир, становясь предметами.
Корова мне кашу варила,
дерево сказку читало,
а мертвые домики мира
прыгали, словно живые.

1930

ВОПРОСЫ К МОРЮ

Хочу у моря я спросить,
для чего оно кипит?
Пук травы зачем висит,
между волн его сокрыт?
Это множество воды
очень дух смущает мой.
Лучше б выросли сады
там, где слышен моря вой.
Лучше б тут стояли хаты
и полезные растенья,
звери бегали рогаты
для крестьян увеселенья.
Лучше бы руду копать
там, где моря видим гладь,
Сани делать, башни строить,
волка пулей беспокоить,
разводить медикаменты,
кукурузу молотить,
деве розовые ленты
в виде опыта дарить.
В хороводе бы скакать,
змея под вечер пускать
и дневные впечатленья
в свою книжечку писать.

1930

САМОВАР

Самовар, владыка брюха,
драгоценный комнат поп!
В твоей грудке вижу ухо,
в твоей ножке вижу лоб.
Император белых чашек,
чайников архимандрит,
твой глубокий ропот тяжек
тем, кто миру зло дарит.

Я же — дева неповинна
как нетронутый цветок.
Льется в чашку длинный-длинный,
тонкий, стройный кипяток.
И вся комната-малютка
расцветает вдалеке,
словно цветик-незабудка
на высоком стебельке.

1930

ЧЕЛОВЕК В ВОДЕ

Формы тела и ума
кто рубил и кто ковал?
Там, где море-каурма,
словно идол ходит вал.
Словно череп без волос,
как червяк подземный бел,
человек, расправив хвост,
перед волнами сидел.
Разворачивая ладони
словно белые блины,
он качался на попоне
всем хребтом своей спины.
Каждый маленький сустав
был распарен и раздут.
Море телом исхлестав,
человек купался тут.
Море телом просверлив,
человек нырял на дно.
Словно идол шел прилив,
заслоня дна пятно.
Человек как гусь, как рак,
носом радостно трубя,
покидая дна овраг,
шел, бородку теребя.
Он размахивал хвостом,
он притоптывал ногой

и кружился колесом —
безволосый и нагой.
А на жареной спине,
над безумцем хохоча,
инфузории одне
ели кожу лихача.

1930

ЗВЕЗДЫ, РОЗЫ И КВАДРАТЫ

Звезды, розы и квадраты,
стрелы северного сиянья,
тонки, круглы, полосаты,
осеняли наши зданья.
Осеняли наши дома
жезлы, кубки и колеса,
в чердаках визжали кошки,
грохотали телескопы.
Но машина круглым глазом
в небе бегала напрасно —
все квадраты улетали,
исчезали жезлы, кубки.
Только маленькая птичка
между солнцем и луною
в дырке облака сидела,
во все горло песню пела:
— Вы не вейтесь, звезды, розы,
улетайте жезлы, кубки, —
между солнцем и луною
бродит утро за горами!

1930

ЦАРИЦА МУХ

[*(старинное суеверие)*]

Бьет крылом седой петух,
ночь повсюду наступает,
как звезда, царица мух
над болотом пролетает.
Бьется крылышком отвесным
остов тела, обнажен,
на груди пентакль чудесный
весь в лучах изображен.
На груди пентакль печальный
между двух прозрачных крыл,
словно знак первоначальный
неразгаданных могил.

Есть в болоте странный мох,
тонок, розов, многоног,
весь прозрачный, чуть живой,
презираемый травой.
Сирота, чудесный житель
удаленных бедных мест,
это он сулит обитель
мухе, реющей окрест.
Муха, вся стуча крылами,
мускул грудки развернув,
опускается кругами
на болота влажный тупф.

Если ты, мечтой томим,
знаешь слово Элоим,
муху странную бери,
муху в банку посади,
с банкой по полю ходи,
за приметам следи.
Если муха чуть шумит —
под ногою медь лежит,
если усиком ведет —
к серебру тебя зовет,

если хлопают крылом —
под ногами злата ком.

Тихо-тихо ночь ступает,
чуть мерцает Водолей.
Меркнет дух мой, замирает
между сосен и полей.
Спят печальные болота,
шевелиются корни трав,
на кладбище стонет кто-то,
телом к холмику припав.
Кто-то стонет, кто-то плачет.
Льются звезды с высоты.
Вот уж мох вдали маячит.
Муха, муха, где же ты?

1930

ПОДВОДНЫЙ ГОРОД

Птицы плавают над морем.
Славен город Посейдон!
Мы машиной воду роем.
Славен город Посейдон!
На трубе Чимальпопока
мы играем в окна мира:
под волнами спит глубоко
башен стройная порфира.
В страшном блеске орихалка
город солнца и числа
спит, и буря, как весталка, —
буря волны принесла.

Море! Море! Морда гроба!
Вечной гибели закон!
где легла твоя утроба,
умер город Посейдон.
Чуден вид его и страшен:
рыбой съедены до пят,

Из больших окошек башен
люди длинные глядят.
человек, носим волною,
едет книзу головою.
осьминог сосет ребенка,
только влас висит коронка;
рыба пухлая, как мох,
вкруг колонны ловит блох.

И над круглыми домами,
над фигурами из бронзы,
над могилами науки,
пирамидами владыки —
только море, только сон,
только неба синий тон.

1930

ОТДЫХ

Отдых жизни непонятной —
маслодельня, белый дом!
Бык гуляет аккуратный,
чуть качая животом.
Дремлет кот на белом стуле,
под окошком вьются гули,
бродит тетя Мультатули,
звонко хлопая ведром.

Сепаратор, бог чухонский,
масла розовый король!
Укроти свой топот конский,
полюбить тебя позволь.
Дай мне два кувшина сливок,
дай сметаны полведра,
чтобы пел я возле ивок
вплоть до самого утра!

Маслодельни легкий стук,
масла маленький сундук,
что стучишь ты возле пашен,
там, где бык гуляет, важен,
что играешь возле нив,
стенку набок наклонив?

Спой мне, тетя Мультагули,
песню легкую как сон!
Все животные заснули,
месяц в небо унесен.
С белой лысиной затылка,
словно толстый херувим,
дремлет дядя Тыкавылка
перед домиком твоим.
Все спокойно. Вечер с нами!
Лишь на улице глухой
слышу, бьется под ногами
заглушенный голос мой.

1930

ИСПЫТАНИЕ ВОЛИ

А г а ф о н о в

Прошу садиться, выпить чаю.
У нас варенья полон чан.

К о р н е е в

Среди посуды я различаю
прекрасный чайник англичан.

А г а ф о н о в

Твой глаз, Корнеев, наострился,
ты видишь Англии фарфор.

Он в нашей келье появился
еще совсем с недавних пор.
Мне подарил его мой друг,
открыв с посудю сундук.

К о р н е е в

Невероятна речь твоя,
приятель сердца Агафонов!
Ужель могу поверить я:
предмет, достойный Пантеонов,
роскошный Англии призрак,
который видом тешит зрак,
жжет душу, разум просветляет,
больных к художеству склоняет,
засохшим сердце веселит,
а сам сияет и горит, —
ужель такой предмет высокий,
достойный лучшего венца,
отныне в хижине убогой
травую лечит мудреца?

А г а ф о н о в

Да, это правда.

К о р н е е в

Боже правый!
Предмет, достойный лучших мест,
стоит, наполненный отравой,
где Агафонов кашу ест!
Подумай только: среди ручек,
которы тонки, как зефир,
он мог бы жить в условиях лучших
и почитаться как кумир.
Сам Кесарь Англии туманной,
воодрузив его в углу,
сидел бы весь благоуханный,
шепча посуде похвалу.

Наследник пышною особой
при нем ходил бы, сняв сапог,
и в виде милости особой
его за носик трогать мог.
И вдруг такие небылицы!
В простую хижину упав,
сей чайник носит нам водицы,
хотя не князь ты и не граф.

А г а ф о н о в

Среди различных лицедеев
я слышал много разных хвал,
но от тебя, мой друг Корнеев,
таких речей не ожидал.
Ты судишь, право, как лунатик,
ты весь от страсти изнемог,
и жила вздулась, как канатик,
обезобразив твой висок.
Ужели чайник есть причина?
Возьми его! На что он мне!

К о р н е е в

Благодарю тебя, мужчина.
Теперь спокоен я вполне.
Прощай. Я все еще рыдаю.
(Уходит)

А г а ф о н о в

Я духом в воздухе летаю,
я телом в келейке лежу
и чайник снова в келью приглашу.

К о р н е е в

(входит)

Возьми обратно этот чайник,
он ненавистен мне навек:

я был премудрости начальник,
а стал пропащий человек.

А г а ф о н о в
(обнимая его)

Хвала тебе, мой друг Корнеев,
ты чайник духом победил.
Итак, бери его скорее:
я дарю тебе его изо всех сил.

1931

ДОЖДЬ

В о л к

Змея почтенная лесная,
зачем ползешь, сама не зная,
куда идти, зачем спешить,
ужель спеша возможно жить?

З м е я

Премудрый волк, уму непостижим
тот мир, который неподвижен.
И так же просто мы бежим,
как вылетает дым из хижин.

В о л к

Понять нетрудно твой ответ.
Куда как слаб рассудок змея!
Ты от себя бежишь, мой свет,
в движенье правду разумея.
Причина — следствию отец,
а следствие — отец причины, —
попробуй тут найти конец —
не разберешься до кончины.

Системой выдуманных знаков
весь мир вертится одинаков,
не мир, а бешеный самум,
изображенье наших дум,
чертеж недолгих размышлений,
рисунок бедного ума,
начало горьких преступлений
и долговечная тюрьма.

З м е я

Я вижу, ты идеалист.

В о л к

Гляди: спадает с древа лист.

Кукушка, песенку постря
на двух тонах (дитя простое!),
поет среди высоких рощ.
При солнце льется ясный дождь,
течет вода две-три минуты,
крестьяне бегают разуты,
потом опять сияет свет,
дождь миновал, и капель нет.
Открой мне смысл картины этой.

З м е я

Иди, с волками побеседуй,
они дадут тебе отчет,
зачем вода с небес течет.

В о л к

Отлично. Я пойду к волкам.
Течет вода по их бокам.
Вода, как матушка, поет,
когда на нас тихонько льет.
Природа в стройном сарафане,
главою в солнце упершись,

весь день играет на органе.
Мы называем это: жизнь,
мы называем это: дождь,
по лужам шлепанье малюток,
и шум лесов, и пляски рощ,
и в роще хохот незабудок.
Или, когда угрюм орган,
на небе слышен барабан,
и войско туч пудов на двести
лежит вверху на каждом месте,
когда могучих вод поток
сшибает с ног лесного зверя, —
самим себе еще не веря,
мы называем это: рок.

1931

ШКОЛА ЖУКОВ

Ж е н щ и н ы

Мы, женщины, повелительницы котлов,
изобретательницы каш,
толкачи мира вперед, —
дни и ночи, дни и ночи,
полные любовного трудолюбия,
рождаем миру толстых красных младенцев.
Как корабли, уходящие в дальнее плавание,
младенцы имеют полную оснастку органов:
это теперь пригодится, это — потом.
Горы живого сложного мяса
мы кладем на руки человечества.
Вы, плотники, ученые леса,
вы, каменщики, строители хижин,
вы, живописцы, покрывающие стены
загадочными фигурами нашей истории,
откройте младенцам глаза,
развяжите уши,
и толкните неопытный разум
на первые подвиги.

Плотники

Мы, плотники, ученые леса,
математики жизни деревьев,
построим младенцам огромные колыбели
на крепких дубовых ногах.
Великие мореходы
получат кровати из клена:
строение кленовых волокон
подобно морскому прибою.
Ткачам, инженерам одежды,
прилична кровать из чинара:
чинар — это дерево-ткач,
плетущий себя самого.
Ясень, на котором продолговатые облака,
будет учителем в небо полетов.
Черные полосы лиственниц
научат строительству рельсов.
Груша и липа — наставницы маленьких девочек.
Дерево моа похоже на мед — пчеловодов учитель.
Туя, крупы властелинша — урок земледельцу.
Бурый орех, как земля, — землекопу помощник.
Учит камня тесать и дома возводить — палисандра.
Черное дерево — это металла двойник,
Свет кузнецам, воспитанье вождям и солдатам.

Живописцы

Мы нарисуем фигурки зверей
и сцены из жизни растений.
Тело коровы,
читающей курс Маслоделя,
вместо мадонны
будет сиять над кроваткой младенца.
Мы нарисуем пляску верблюдов
в могучих песках Самарканда,
там, где зеркальная чаша
бежит за движением солнца.
Мы нарисуем
историю новых растений.

Дети простых садоводов,
стали они словно бомбы.
Первое их пробужденье
мы не забудем —
час, когда в ножке листа
обозначился мускул,
в теле картошки
зачаток мозгов появился
и кукурузы глазок
открылся на кончике стебля.
Злаков войну нарисуем мы,
битву овса с воробьями —
день, когда птичка упала,
сраженная листьев ударом.
Вот что нарисуем мы
на наших картинах.
Тот, кто увидит их раз,
не забудет до гроба.

К а м е н щ и к и

Мы поставим на улице сто изваяний.
Из алебастра сделанные люди,
у которых отпилены черепные крышки,
мозг исчез,
а в дыры стеклянных глазниц
Натекла дождевая вода,
и в ней купаются голуби, —
сто безголовых героев
будут стоять перед миром,
держа в руках окончанья своих черепов.
Каменные шляпы сняли они со своих черепов,
как бы приветствуя будущее!
Сто наблюдателей жизни животных
Согласились отдать свои мозги
и переложить их в черепные коробки ослов,
чтобы сияло животных разумное царство.
Вот добровольная расплата человечества
со своими рабами!

Лучшая жертва,
которую видели звезды!
Пусть же подобье героев
отныне стоит перед миром младенцев.
Маленькие граждане мира
будут играть
у каменных ног истуканов,
будут бросать в черепа мудрецов
гладкие камешки-гальки,
бульканье вод будут слушать
и разговоры голубок,
в каменной пазухе мира
жуков находить и кузнечиков.
Жуки с неподвижными крыльями,
зародыши славных Сократов,
катают хлебные шарики,
чтобы сделаться умными.
Кузнечики — это часы насекомых,
считают течение времени,
сколько кому осталось
свой ум развивать
и когда передать его детям.
Так, путешествуя
Из одного тела в другое,
вырастает таинственный разум.
Время кузнечика и пространство жука —
вот младенчество мира.

Ж е н щ и н ы

Ваши слова достойны уважения,
плотники, живописцы и каменщики!
Ныне заложена первая
Школа Жуков.

1931

БИТВА СЛОНОВ

Воин слова, по ночам
петь пора твоим мечам!

На бессильные фигурки существительных
кидаются лошади прилагательных,
косматые всадники
преследуют конницу глаголов,
и снаряды междометий
рвутся над головами,
как сигнальные ракеты.

Битва слов! Значений бой!
В башне Синтаксис — разбой.
Европа сознания
в пожаре восстания.
Невзирая на пушки врагов,
стреляющие разбитыми буквами,
боевые Слоны Подсознания
вылезают и топчутся,
словно исполинские малютки.

Но вот, с рождения не евши,
они бросаются в таинственные бреши
и с человечьими фигурками в зубах
счастливо поднимаются на задние ноги.
Слоны Подсознания!
Боевые животные преисподней!
Они стоят, приветствуя веселым воем
все, что захвачено разбоем.

Маленькие глазки Слонов
наполнены смехом и радостью.
Сколько игрушек! Сколько хлопущек!
Пушки замолкли, крови покушав,
Синтаксис домики строит не те,
Мир в неуклюжей стоит красоте!
Деревьев отброшены старые правила,
на новую землю их битва направила.

Они разговаривают, пишут сочинения,
весь мир неуклюжего полон значения!
Волк вместо разбитой морды
приделал себе человечье лицо,
вытащил флейту, играет без слов
первую песню военных слонов.

Поэзия, сраженье проиграв,
стоит в растерзанной короне.
Рушились башен столетних Монбланы,
где цифры сияли, как будто полканы,
где меч силлогизма горел и сверкал,
проверенный чистым рассудком.
И что же? Сражение он проиграл
во славу иным прибауткам!

Поэзия в великой муке
ломает бешеные руки,
клянет весь мир,
себя зарезать хочет,
то, как безумная, хохочет,
то в поле бросится, то вдруг
лежит в пыли, имея много мук.

На самом деле, как могло случиться,
что пала древняя столица?
Весь мир к поэзии привык,
все было так понятно.
в порядке конница стояла,
на пушках цифры малевала,
и на знаменах слово Ум
кивало всем, как добрый кум.

И вдруг какие-то Слоны,
и все перевернулось!
Поэзия начинает приглядываться,
изучать движение новых фигур,
она начинает понимать красоту неуклюжести,
красоту Слона, выброшенного преисподней.

Сражение кончено. В пыли
цветут растения земли,
и Слон, рассудком приручаем,
ест пироги и запивает чаем.

1931

ДЕТСТВО ЛУТОНИ

Б а б к а

В поле ветер-великан
Ломит дерево-сосну.
Во хлеву ревет баран,
А я чашки сполосну.
А я чашки вытираю,
Тихим гласом напеваю:
«Ветер, ветер, белый конь.
Нашу горницу не тронь».

Л у т о н я

Баба, баба, ветер где?

Б а б к а

Ветер ходит по воде.

Л у т о н я

Баба, баба, где вода?

Б а б к а

Убежала в города.

Л у т о н я

Баба, баба, мне приснился
Чудный город Ленинград.

Там на крепости старинной
Пушки длинные стоят.
Там на крепости старинной
Мертвый царь сидит в меху,
Люди воют, дети плачут,
Царь танцует, как дитя.

Б а б к а

Успокойся, мой Лутоня,
Разум ночью не пытай.
За окошком вьюга стонет,
Налегая на сарай.
Погасили бабы свечки,
Сядем, дети, возле печки,
Перед печкой, над огнем
Мы Захарку запоем.

Дети садятся вокруг печки. Бабка раздает каждому по зажженной лучинке. Дети машут ими в воздухе и поют.

Д е т и

Гори, гори жарко,
Приехал Захарка.
Сам на тележке,
Жена на кобылке,
Детки в санках,
В черных шапках.

Б а б к а

Закачался мир подлунный,
Вздрогнул месяц и погас.
Кто тут ходит весь чугунный,
Кто тут бродит возле нас?
Велики его ладони,
Тяжелы его шаги.
Под окном топочут кони.
Боже, деткам помоги.

Захарка

(входит)

Поднимите руки, дети,
Разгоните пальцы мне.
Вон Лутонька на повети,
Как чертенок, при луне.
(Бросается на Лутоню.)

Лутоня

Пощади меня, луна!
Защити меня, стена!

Перед Лутоней поднимается стена.

Захарка

Дети, дети, руки выше,
Слышу, как Лутонька дышит.
Вон сидит он за стеной,
Закрывается травой.
(Бросается на Лутоню.)

Лутоня

Встаньте, травки, до небес,
Станьте, травки, словно лес!

Трава превращается в лес.

Лутоня

Дети, вытяните руки
Выше, выше до небес.
Стал Лутонька меньше мухи,
Вкруг него дремучий лес.

Вкруг него лихие звери
Словно ангелы стоят.
Это кто стучится в двери?

З в е р и
(вбегая в комнату)

Чудный город Ленинград!

Л у т о н я

В чудном граде Ленинграде
На возвышенной игле
Светлый вертится кораблик
И сверкает при луне.

Под корабликом железным
Люди в дудочки поют,
Убиенного Захарку
В домик с башнями ведут!

1931

КСЕНИИ

НЕПРАВИЛЬНОЕ БОГАТСТВО

Павел, чтобы стать богатым,
стал писать стихи канатом.
И помог ему канат:
Павел сделался богат.

ЧТО ТАКОЕ СТИШКИ

То, что мы зовем стишки,
есть не боле как мешки:
плохо сшиты, хорошо ли —
в них картошка, но не боле.

БЕСПОЛЕЗНАЯ УЧЕНОСТЬ

Был Терентий сухорук,
знал он тысячу наук,
лишь одной не знал науки —
как сухие двигать руки.

УЕДИНЕНИЕ ФИЛОСОФА

Кто безделья не боится,
тот не плачет взаперти:
в каждом камушке водица,
только дырку проверить.

РАЗДРАЖЕНИЕ ПРОТИВ В.

Ты что же это, дьявол,
живешь, как готтентот,
ужель не знаешь правил <—>
как жить наоборот?

БОЛЕЗНЬ ФИЛОСОФА

Случилось раз — во время спора
забрал философа понос.
Философ вылезился скоро,
да вот надолго ли — вопрос.
Проклятье! Даже от поносов
у нас не защищен философ.

НАСТАВЛЕНИЕ

Смиранных нужников упорный посетитель
стихами исписал печальную обитель.
Досталось тут и людям, и богам —
весь гнев души запечатлелся там.
Но ты, мой друг, не будь монах,
живи с улыбкой на губах,
и дети нужников — читатели поэта —
твой стих прибьют над городом за это.

НЕУДАЧНАЯ ПРОГУЛКА

Однажды Пуп, покинув Брюхо,
пошел гулять и встретил Ухо.
— С дороги прочь! — вскричал Пупок<.> —
Я в этом мире царь и бог!
— Не спорю, — вымолвило Ухо,
услышав грозные слова, —
ты царь и бог, но только — брюха,
а здесь, мой милый, — голова.

Читатель! Если ты не бог,
проверь — на месте ль твой пупок.

СИЛА ЖЕНЩИНЫ

Монах Ермил в Великую Субботу
за всенощной ребеночка родил.
[Смутилась] Дивилась братия такому анекдоту,
сам архиерей руками разводил.
Что ж оказалось? Бедного Ермила
семь раз насильовала матушка Людмила.

Читатель мой! Конечно, стыд и срам
родить ребенка, да еще во храме,
но ты подумай — сколько нужно дам,
что-б дать очко вперед моей могучей даме!

ГИБЕЛЬ СВЯЩЕННИКА

Священник раз напачкал на рубаху,
пошел стирать, но потонул в реке.
Как часто мы даем, читатель, маху,
когда неправильно сидим на стульчаке!

АППОЛОН И ЖУ-ЖУ

Собачка некая Жу-жу
однажды пукнула в жилище Апполона.

Великий бог воскликнул: — Сокрушу!
Убью проклятую!! Поставлю вне закона!!!

.....

Читатель мнительный! Не плачь-ка,
не ты ведь пукнул, а собачка.

1931

<СТИШКИ>

ОТВРАЩЕНИЕ К БОГЕМЕ

Ходит по двору экзема
за экземою — коза.
Дети, если вы — богема —
буду драть за волоса.

НАДПИСЬ НА ДЕВКЕ

Трогать только разрешается
богатым господам,
очень строго воспрещается
различным простакам.

НА ПОЛУЧЕНИЕ ЗАРПЛАТЫ

Очень, очень я люблю
получать дензнаки,
одного лишь я хочу:
чтобы это было скорее паки.

ПОКУПКА ЖЕНЕ ШУБЫ

Прелестну шубу я купил,
жена моя в наряде,
подумать — сколько скрыто сил
в двухмесячной зарплате!

УЛЕТАНИЕ ОЛЕЙНИКОВА ОТ НАС

Коля! Зри мои ладони —
все они уже в слезах.
Под окном стоящи кони
пар пускают в небесах.
Тройка лютая, уймися,
не скреби ногами снег,
Коля, Коля, оглянися —
сколь печали есть у всех!

ПОЛЬЗА ОТ МОЛИТВЫ

Я желанием горю
с девой повстречаться,
но молитву сотворю —
и на душе прохладца.

НА РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ МНОЙ И ШВАРЦЕМ

Меж[ду] нами, *Женя*, расстояние —
ты — соблазнитель юных лиц,
а я их вопли в назидание
собираю для своих художественных страниц.

ВОСПОМИНАНИЕ О БАНЕ

В бане я открывши вежды
находился без одежды
воду на себя плескал
внутреннего успокоения искал.

РАЗДРАЖЕНИЕ ПРОТИВ ВВЕДЕНСКОГО

Ты что же это, дьявол,
живешь как готтентот,
ужель не знаешь правил —
как жить наоборот?

КРАСОТА ГРУНИ

Я, как заведующий приложениями,
замечаю красоту,
но, как знакомый с дамскими внушениями,
себя, конечно, в рамках соблюду.

МИНУТА СЛАБОСТИ

Облака летят по небу,
люди все стремятся к хлебу,
но, имея в сердце грусть,
Груня! — я куда стремлюсь?

БЕЗУМНОЕ РЕШЕНИЕ

Груня, Груня, сколь терзаешь
ты мне сердце, ай-ай-ай...
К черту службу! Улетаешь
завтра ты со мной в Китай!

РАСКАЯНЬЕ В НЕОБДУМАННОМ РЕШЕНИИ

Слаб человек! Одна минута —
и жизнь лежит — как бы разбитая посуда!

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПОЛЕЗНОЙ ЖИЗНИ

Конечно, грех и я имею,
но все же вам скажу, друзья,
[вы так живете, что пигмею]
что вы живете так, что змею
таким манером жить нельзя.

Развратны вы! В грехах сидите,
мне жалко вас — погибли вы.
Вокруг меня страданья нити —
лишь я стою, увы, увы!

ВРАСТАНИЕ В БЫТ

Я отнынеосоюзен —
я для мира не пропал —
мой наставник — Валька Друзин,
Либединский — мой капрал.

ВОПРОС ЛЕВИНУ

Левин, что в Москве творится,
сколько там живет людей
и красивы ли там лица?
Что молчишь, прелюбодей?

ПРЫТКОСТЬ ДЕВИЦ

Объявляет Эся мат
в маленькой открытке
удивился Госиздат —
сколь девицы прытки!

<1930—1931>

ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Поэма

ПРОЛОГ

Нехороший, но красивый,
это кто глядит на нас?
То мужик неторопливый
сквозь очки уставил глаз.
Белых житниц отделенья
поднимались в отдаленье,
сквозь окошко хлеб глядел,
в загородке конь сидел.
Тут природа вся валялась
в страшно диком беспорядке:

кой-где дерево шаталось,
там — реки струилась прядка.
Тут — стояли две-три хаты
над безумным ручейком.
Идет медведь продолговатый
как-то поздним вечерком.
А над ним на небе тихом
безобразный и большой
журавель летает, с гиком
потрясая головой.
Из клюва развевался свиток,
где было сказано: «Убыток
Дают трехпольные труды».
Мужик гладил конец бороды.

1. БЕСЕДА О ДУШЕ

Ночь на воздух вылетает,
в школе спят ученики,
вдоль по хижинам сверкают
маленькие ночники.
Крестьяне, храбростью дыша,
собираются в кружок.
Обсуждают — где душа?
Или только порошок
остается после смерти?
Или только газ вонючий?
Скворешниц розовые жерди
поднялись над ними тучей.
Крестьяне мрачны и обуты
в большие валенки судьбы —
сидят. Усы у них раздуты
на верху большой губы.
Также шапки выделялись
в виде толстых колпаков.
Собаки пышные валялись
среди хозяйских сапогов.

Мужик суровый, точно туча,
держал кувшинчик молока.

сказал: «Природа меня мучит,
превращая в старика.
Когда, паша семейную десятину,
иду, подобен исполину,
гляжу-гляжу, а предо мной
все кто-то движется толпой». —

«Да, это правда. Дух животный
(сказал в ответ ему старик)
живет меж нами, как бесплотный
жилец развалин дорогих.
Ныне, братцы, вся природа
как развалина какая!
Животных уж не та порода
Живет меж нами, но другая». —

«Ты лжешь, старик! — в ответ ему
сказал стоящий тут солдат, —
таких речей я не пойму,
их только глупый слушать рад.
Поверь, что я во многих битвах
на скакуне носился, лих,
но никогда не знал молитвы
и страшных ужасов твоих.
Уверяю вас, друзья:
природа ничего не понимает
и ей довериться нельзя». —

«Кто ее знает? —
Сказал пастух, лукаво помолчав. —
С детства я — коров водитель,
но скажу вам сгоряча:
вся природа есть обитель.
Вы, мужики, живя в миру,
любите свою избу,
я ж природы конуру
вместо дома изберу.
Некоторые движения коровы
для меня ясней, чем ваши,

вы ж, с рожденья нездоровы,
не понимаете простого даже». —

«Однако ты профан! —
прервал его другой крестьянин. —
Прости, что я тебя прервал,
но мы с тобой бороться станем.
Скажи по истине, по духу, —
живет ли мертвецов душа?»

И все замолкли. Лишь старуха
сидела, спицами кружа.
Деревня, хлев напоминая,
вокруг беседы поднялась:
там — угол высился сарая,
тут — чье-то дерево валялось.
Сквозь бревна тучные избенки
мерцали панцири заслонок,
светились печи, как кубы,
с квадратным выступом трубы.
Шесты таинственные зыбок
хрипели как пустая кость,
младенцы спали без улыбок,
блохами съедены насквозь.
Иной мужик, согнувшись в печке,
свирепо мылся из ведерка,
другой коню чинил уздечки,
а третий кремнем в камень щелкал.
«Мужик, иди спать!» —
баба из окна кричала.
И вправду — ночь, как будто мать,
деревню ветерком качала.

«Так! — сказал пастух лениво. —
Вот — среди кладбища могил
их душа плывет красиво,
описать же нету сил.
Петух, сидя на березе,
уж двенадцать раз пропел.

Свои ножки отморозя,
он вспорхнул и улетел.
А душа пресветлой ручкой
машет нам издалека,
ее тело — словно тучка,
платье вроде как река.
Своими нежными глазами
все глядит она, глядит,
а тело, съедено червями,
в черном домике лежит.
«Люди, — плачет: — Что вы<, > люди!
Я такая же<, > как вы,
только меньше стали груди,
да венки у головы.
Меня милую берите —
скучно мне летать одной —
хоть со мной поговорите,
поговорите хоть со мной!»

«Это бесконечно печально! —
сказал старик, закуривая трубку. —
И я встречал ее случайно —
нашу милую голубку.
Она как столбик плыла
с могилки прямо на меня
и верю! — на тот свет звала,
тонкой ручкою маня.
Только я вскакал во двор,
она на столбик налетела
и сгнула. Такое дело!»

«Ах, вот о чем разговор! —
воскликнул радостно солдат. —
Тут суевериям большой простор,
но ты, старик, возьми назад
свои слова. Послушайте, крестьяне,
мое простое объяснение.
Вы знаете, я был на поле брани,
носился лих под пули пенье.

Теперь же я скажу иначе,
предмета нашего касаясь:
частицы фосфора маячат,
из могилы испаряясь.
Влекомый воздуха теченьем,
столбик фосфора несется
повсюду, но за исключением
того случая, когда о твердое разобьется.
Видите, как все это просто?»

Крестьяне сумрачно замолкли,
подбородки стали круче,
скворешниц розовых оглобли
поднялись над ними тучей.
Догорали ночники,
в школе спали ученики.
Одна учительница тихо
смотрела вглубь седых полей,
где ночь плясала, как шутиха,
где мерк неясный Водолей,
где смутные тела животных
сидели, наполняя хлев,
и разговор вели свободный<,>
душой природы овладев.

2. СТРАДАНИЯ ЖИВОТНЫХ

Смутные тела животных
сидели, наполняя хлев,
и разговор вели свободный,
душой природы овладев.
Ночь на крыше, как шутиха,
пугала взоры богомолв,
и Водолей катился тихо,
лия струю прозрачных олов
на подоконник этот белый.
Животных тесная толпа,
расправив выпуклое тело,
сидела мрачна и тупа.

«Едва могу себя понять, —
сказал бык, смотря в окно. —
На мне сознания есть печать,
но сердцем я старик давно.
Как понять мое сомненье?
Как унять мою тревогу?
Кажется, без потрясения
день прошел — и слава богу!
Однако, тут не все так просто,
на мне печаль как бы хомут.
На дно коровьего погоста,
как видно, скоро повезут.
О, стон гробовый!
Вопль унылый!
Там даже не построены могилы:
корова мертвая наброшена
на кости рваные овечек,
подале, осердясь на коршуна,
собака чей-то труп калечит.
Кой-где копыто, дотлевая,
дает питание растенью,
и череп сорванный седлает
червяк, сопутствуя гниенью.
Частицы шкурки и состав орбиты
тут же все лежат-лежат,
лишь капельки росы, налиты
на них, сияют и дрожат!»

Ответил конь:

«Смерти бледная подкова
просвещенным не страшна,
жизни горькая основа
смертным более нужна.
В моем черепе продолговатом
мозг лежит как длинный студень.
В своем домике покатом
он совсем не жалкий трутень.
Люди! Вы напрасно думаете,
что я мыслить не умею,

если палкой меня дуете,
нацепив шлею на шею.
Мужик, меня ногами обхватив,
скачет, страшно дерясь кнутом,
и я скачу, хоть некрасив,
хватая воздух жадным ртом.
Кругом природа погибает,
мир качается, убог,
цветы, плача, умирают,
сметены ударом ног.
Иной, почувствовав ушиб,
закроет глазки и приляжет,
а на спине моей мужик,
как страшный бог,
руками и ногами машет.
Когда же, в стойло заключен,
стою, устал и удручен,
сознания бледное окно
мне открывается давно.
И вот, от боли раскорячен,
я слышу — воют небеса:
то зверь трепещет, предназначен
вращать систему колеса.
Молю — откройте, откройте, друзья,
ужели все люди над нами князья?»

Конь стихнул. Все окаменело,
охвачено сознанием грубым.
Животных составное тело
имело сходство с бедным трупом.
Фонарь, наполнен керосином,
качал страдальческим огнем,
таким дрожащим и старинным,
что все сливал с небытием.
Как дети хмурые страданья,
толпой теснились воспоминанья
в мозгах настойчивых животных.
Казалось — прорван мир двойной,
и за обломком тканей плотных
простор открылся голубой!

«Вижу я погост унылый, —
сказал бык, сияя взором, —
там на дне сырой могилы
кто-то спит за косогором.
Кто он — жалкий, весь в коростах,
полусъеденный, забытый,
житель бедного погоста,
грязным венчиком покрытый?
Вкруг него томятся ночи,
руки бледные закинув,
вкруг него цветы бормочут
в погребальных паутинах.
Вкруг него, невидны людям,
но нетленны, как дубы,
возвышаются умные свидетели его жизни —
Доски Судьбы*.
И все читают стройными глазами
домысли странного трупа,
и мир животный с небесами
тут примирен прекрасно-глупо.
И сотни-сотни лет пройдут,
и внуки наши будут хилы,
но и они покой найдут
на берегах такой могилы.
Так человек, отпав от века,
зарытый в новгородский ил,
прекрасный образ человека
в душе природы заронил».

Не в силах верить, все молчали,
конь грезил, выпятив губу,
и ночь плясала, как в начале,
шутихой — с крыши на трубу —
и вдруг упала. Грянул свет,
и шар поднялся величавый,
и птицы пели над дубравой —
ночных свидетели бесед.

* «Доски Судьбы» — произведение В. Хлебникова. Могила поэта в Новгородской губ. <Примеч. Н. З.>

3. ВРАГ

Птицы пели над дубравой,
ночных свидетели бесед,
и Водолей сиял, на травы
лия первоначальной свет,
и над высокою деревней,
еще превратна и темна,
опять в своей короне древней
вставала русская луна.
Монеты с головами королей
храня в тяжелых сундуках,
кулак гнезвился средь людей,
всегда испытывая страх.
И рядом с ним гнездились боги
в своих задумчивых божницах:
лохматы, немощны, двуноги,
в коронах, латах, власяницах,
с большими необыкновенными бородами
они глядели из-за стекол
а там кулак, крестясь руками,
поклоны медленные кокал.

Кулак моленью предается,
пес лает. Парка сторожит,
а время кое-как несется
и вниз по берегу бежит.
Природа жалкий сок пускает,
растенья полны тишиной.
лениво злак произрастает —
короткий, немощный, слепой.
Земля, нуждаясь в крепкой соли,
кричит ему: «Кулак, доколе?»
Ему приятно истребленье
Того, что — будущего знаки.
Итак, предавшись утомленью,
едва стоят, скучая, злаки.

Кулак, владыка батраков,
сидел, богатством возвеличен...

А ночь, крылами шевеля,
как ведьма, бегаёт по крыше,
то ветер пустит на поля,
то притаится и не дышит,
то, ставню выдернув из окон,
кричит: «Вставай, проклятый ворон,
идёт над миром ураган,
держи его, хватай руками,
расставляй проволочные заграждения, —
иначе вместе с потрохами
умрешь и будешь без движенья!

Сквозь битвы, громы и труды
я вижу ток большой воды —
Днепр виден мне, в бетон зашитый,
огнями залитый Кавказ,
железный конь привозит жито,
чугунный вол привозит квас.
рычаг плугов и копыя борон
вздымают почву сотен лет,
и ты пред нею, старый ворон,
отныне призван на ответ».

4. БИТВА С ПРЕДКАМИ

Ночь гремела в бочки, в банки,
в дупла сосен, в дудки бури,
ночь под маской истуканки
выжгла ляписом лазури.
ночь гремела самодуркой,
все к чертям летело, к черту.
волк, ударен штукатуркой,
несся, плача, пряча морду.
Вепрь, муха, все собранье
птиц повыдернуто с сосен,
«Ах, — кричало, — наказание,
этот ветер нам несносен».
В это время, грустно воя,
шел медведь, слезой накапав,

он лицо свое больное
нес на вытянутых лапах.
«Ночь! — кричал: — Иди ты к шуту,
отвяжись, Веельзевулша!»
Ночь кричала: «Буду! Буду!»
Ну, и ветер тоже дул же —
так, скажу, проклятый ветер
дул — как будто рвался порох!
Вот каков был русский север,
где деревья без подпорок.

С о л д а т

Слышу бури страшный шум,
слышу ветра дикий вой,
но привычный знает ум:
тут не черт, не домовой,
тут не демон, не русалка,
не бирюк, не лешачиха,
но простых деревьев свалка.
После бури будет тихо.

П р е д к и

Это вовсе неизвестно,
хотя мысль твоя понятна,
посмотри: под нами бездна,
облаков несутся пятна.
Только ты — дитя рассудка —
от рожденья нездоров,
полагаешь — это шутка
столкновения ветров.

С о л д а т

Предки, полно вам, отстаньте!
Вы — проклятые кроты —
землю трогать перестаньте,
открывая ваши рты.

Непонятым наказаньем
вы готовы мне грозить,
объяснитесь на прощанье —
что желаете просить?

П р е д к и

Предки мы, и предки вам,
тем, которым столько дел,
мы столетье пополам
рассекаем и предел
представляем вашим бредням,
предпочтенье даем средним —
тем, которые рожают,
тем, которые поют,
никому не угрожают,
ничего не создают.

С о л д а т

Предки, как же? Ваша глупость
невозможна, хуже смерти!
Ваша правда обернулась
в косных неучей усердьи!
Ночью, лежа на кровати,
вижу голую жену,
вот она сидит без платья,
поднимаясь в вышину.
Вся пропахла молоком...
Предки, разве правда в этом?
Нет, клянуся молотком,
я желаю быть одетым!

П р е д к и

Ты — дурак, жена — не дура,
но природы лишь сосуд,
велика ее фигура,
два младенца грудь сосут.

Одного под зад ладонью
держит крепко, а другой,
наполняя воздух вонью,
на груди лежит дугой.

С о л д а т

Хорошо, но как понять —
чем приятна эта мать?

П р е д к и

Объясняем: женщин брюхо,
очень сложное на взгляд,
состоит жилищем духа
девять месяцев подряд.
Там младенец в позе Будды
получает форму тела,
голова его раздута,
чтобы мысль в ней кипела,
чтобы пуповины провод,
крепко вставленный в пупок,
словно вытянутый хобот,
не мешал развитию ног.

С о л д а т

Предки, все это понятно,
но, однако, важно знать,
не пойдём ли мы обратно,
если будем лишь рожать?

П р е д к и

Сволочь, дылда, старый мерин,
недоносок рыжей клячи,
твой рассудок непомерен,
верно, выдуман иначе!
Ветры, бейте в крепкий молот,
сосны, бейте прямо в печень,

чтобы, надвое расколот,
был бродяга изувечен!

С о л д а т

Прочь! Молчать! довольно! Или
расстреляю всех на месте!
Мертвецам лежать в могиле,
марш в могилу, и не лезьте!
Пусть попы над вами стонут,
пусть над вами воют черти,
я же, предками не тронут,
буду жить до самой смерти!

В это время дуб, встревожен,
расколосся. В это время
волк пронесся, огорошен,
защищая лапой темя.
Вепрь, муха, целый храмик
муравьев, большая выдра —
Все летело вверх ногами,
о деревья шкуру выдрав.
Лишь солдат, закрытый шлемом,
застегнув свою шинель,
возвышался, словно демон
Невоспитанных земель.
И полуночная птица —
обитательница трав —
принесла ему водицы,
ветку дерева сломав.

5. НАЧАЛО НАУКИ

Когда полуночная птица
летала важно между трав,
крестьян задумчивые лица
открылись, бурю испытав.
Над миром горечи и бед
звенел пастушеский кларнет,

и пел петух, и утро было,
и славословил хор коров,
и над дубравой восходило
светило, полное даров.
Слава миру, мир земле,
меч владыкам и богатым!
Утро вынесло в руке
возрождения красный атом.
Красный атом возрождения,
жизни огненный фонарь,
на земле его движение
разливает киноварь.
Встали люди и коровы,
встали кони и волы,
вон — солдат идет, багровый
от сапог до головы.
Посреди большого стада
кто он — демон или бог?
И звезда его крылата
блещет словно носорог.

С о л д а т

Коровы, мне приснился сон.
Я спал, овчиною закутан,
и вдруг открылся небосклон
с большим животным институтом.
Там жизнь была всегда здорова
и посреди большого зданья
стояла стройная корова
в венце неполного сознанья.
Богиня Сыра, Молока,
главой касаясь потолка,
стыдливо кутала сорочку
и груди вкладывала в бочку.
И десять струй с тяжелым треском
в холодный падали металл,
и приготовленный к поездкам,
бидоң, как музыка, играл,
и опьяненная корова,
сжимая руки на груди,

стояла так, на все готова,
дабы к сознанию идти.

К о р о в ы

Странно слышать эти речи,
зная мысли человечьи.
Что, однако, было дале?
Как иные поступали?

С о л д а т

Я дале видел красный светоч
в чертоге умного вола,
коров задумчивое вече
решало там свои дела.
Осел, над ними гогоча,
бежал, безумное урча,
рассудка слабое растенье
в его животной голове
сияло, как произведенье,
по виду близкое к траве.
Осел скитался по горам,
глодал чугунные картошки,
а под горой машинный храм
выделявал кислородные лепешки.
Там кони — химии друзья —
хлебали щи из ста молекул,
иные, в воздухе вися,
смотрели — кто с небес приехал.
Корова в формулах и лентах
пекла пирог из элементов,
и перед нею в банке рос
большой химический овес.

К о н ь

Прекрасна эта сторона —
одни наука да проказы!

Я, как бы выпивши вина,
солдата слушаю рассказы.
Впервые ум смутился мой,
держу пари — я полон пота!
Ужель не врешь, солдат молодой,
что с плугом кончится работа?
Ужели кроме наших жил
потребен разум и так дале?
Послушай, я ведь старожил,
пристали мне одни медали.
Сто лет тружуся на сохе,
и вдруг за химию! Хе-хе!

С о л д а т

Молчи, проклятая каурка,
не рви рассказа до конца,
не стоят грязного окурка
твои веселые словца.
Мой разум так же, как и твой,
горшок с опилками, не боле,
но над картиною такой
сумей быть мудрым поневоле.
...Над Лошадиным Институтом
Вставала стройная луна,
научный отдых дан посудам
и близок час веретена.
Осел, товарищем ведом,
приходит, голоден и хром,
его, как мальчика, питают,
ума растенье развивают.
Здесь учат бабочек труду,
ужу дают урок науки<->
как делать пряжу и слюду,
как шить перчатки или брюки.
Здесь волк с железным микроскопом
звезду вечернюю поет,
здесь конь с капустой и укропом
беседы длинные ведет.

И хоры стройные людей,
покинув пастбища эфира,
спускаются на стогны мира
отведать пищи лебедей.

К о н ь

Ты кончил?

С о л д а т

Кончил.

К о н ь

Браво, браво!
Напел голубчик на сто лет!
Но как сладка твоя отравка,
как жжет меня проклятый бред!
Солдат, мы наги здесь и босы,
нас давят плуги, жалят осы,
рассудки наши — ряд лачуг,
и весь в пыли хвоста бунчук.
В часы полуночного бденья,
в дыму осенних вечеров,
солдат, слышал ли ты хрипенье
твоих замученных волов?
Нам нет спасенья, нету права,
нас плуг зовет и ряд могил,
и смерть — единая держава
для тех, кто немощен и хил.

С о л д а т

Стыдись, каурка, что с тобою?
Напел, чего не знаешь сам!
Смотри-ка, кто там за горою
ползет, гремя, на смену вам?
Большой, железный, двухэтажный,
с чугунной мордой, весь в огне,

ползет владыка рукопашной
борьбы с природою — ко мне.
Воспряньте, умные коровы,
воспряньте, кони и быки,
отныне, крепки и здоровы,
мы здесь для вас построим кровы
с большими чашками муки.
Разрушив царство сох и борон,
мы старый мир до тла снесем
и букву «А» огромным хором
впервые враз произнесем!

И загремела даль лесная
глухим раскатом буквы «А»,
и вылез трактор, громыхая,
прорезав мордою века.
И толпы немощных животных,
упав во прахе и пыли,
смотрели взором первородных
на обновленный лик земли.

6. МЛАДЕНЕЦ — МИР

Когда собрание животных
победу славило земли,
крестьяне житниц плодородных
свое имущество несли.
Одни, огромны, бородаты,
приносят сохи и лопаты,
другие вынесли на свет
мотыги сотен тысяч лет.
Как будто груды черепов,
растет гора орудий пыток,
и тракторист считал, суров,
труда столетнего убыток.

Т р а к т о р и с т

Странно, люди!
Ум не счислят этих зол.

Ударяя камнем в груди,
Мчится древности козел.
О, крестьянин, раб мотыг,
раб лопат продолговатых,
был ты раб, но не привык
быть забавою богатых.
Ты разрушил дом неволи,
ныне строишь ты колхоз.
Медный трактор возит в поле
твой невиданный овес.
Длиннонога и суха,
сгинь мотыга и соха!
Начинайся, новый век!
Здравствуй, конь и человек!

С о х а

Полно каркать издали,
неразумный человек!
Я — соха, царица жита, —
кости трактору не дам,
мое туловище шито
крепким дубом по бокам.
У меня на белом брюхе —
под веселый хохот блох —
скачет, тыча в небо руки,
частной собственности бог.
Частной собственности мальчик
у меня на брюхе скачет.
шар земной, как будто мячик,
на его ладони зачат.
То — держава, скиптр — меч,
гнитесь, люди, чтобы лечь,
ибо в днище ваших душ
он играет славы туш!

Т р а к т о р и с т

О, богиня!
Ты погибла с давних пор.

За тобою шел Добрыня
или даже Святогор.
Мы же новый мир устроим
с новым солнцем и травой.
Как с туганом, как с героем,
мы прощаемся с тобой.
Хватайте соху за подмышки!

Бежали стаями мальчишки,
оторваны от алгебры задачи.
Рой баб, неся в ладонях пышки,
от страха падал на карачки.
Из печки дым, летя по трубам,
носился длинным черным клубом,
петух пел песнь навеселе,
свет дня был виден на селе.
Забитый бревнышком навозным,
шатался церкви длинный кокон,
струился свет по ликам грозным,
струей летя внутри из окон.
На рейках книзу головой
Висел мышей летучих рой,
Как будто стая мертвых ведем
Спасалась в Риме этом третьем.
И вдруг, урча, забил набат.
Несома крепкими плечами,
соха плыла, как ветхий гад,
согнув оглобли калачами.
Соха плыла и говорила
свои последние слова,
полуоткрытая могила
ее наставницей была.
И новый мир, рожденный в муке,
перед задумчивой толпой
твердил вдали то «Аз», то «Буки»,
качая детской головой!

7. ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Утро встало. Пар тумана
закатился за поля,
как слепцы из каравана,
разбежались тополя.
Хоры сеялок, отвесив
килограммы тонких зерен,
едут в ряд, и пахарь весел,
от загара солнца черен.
Повсюду разные занятия:
люди кучками сидят,
эти — шьют большие платья,
те — из трубочки дымят.
Один старик, сидя в овраге,
объясняет философию собаке,
другой, также царь и бог
земледельческих орудий,
у коровы щупал груди
и худые кости ног.
Потом тихо составляет
идею точных молотилок
и коровам объясняет,
сердцем радостен и пылок.

Собранье деревянных сёл
глядело с высоты холма,
в хлеву природу пел осел,
достигнув полного ума.
Там, сепаратор медленный кружа,
смеялось множество крестьянок;
другие чистили ерша,
забросив невод спозаранок.
В котлах семейный суп варился,
огонь с металлом говорил,
и человек, жуя, дивился
тому, что сам нагородил.

Также тут сидел солдат.
Посреди крестьянских сел,

размышленьями богат,
он такую речь повел:
«Славься, славься, Земледелье,
Равноденствие машин!
Бросьте, пахари, безделье,
будет ужин и ужин.
Науку точную сноповязалок,
сечение вымени коров
пойми! Иначе будешь жалок,
умом дородным нездоров.
Теория соединения труда
умудрила наши руки.
Славьтесь, добрые науки
и колхозы-города!»

Замолк. Повсюду пробежал
гул веселых одобрений,
и солдат, подняв фиал,
пиво пил для утоленья.
Председатель многопожья
и природы коновал,
он военное дреколье
на серпы перековал.
И тяжелые, как дома,
закачались у межи,
медным трактором ведомы,
колесницы крепкой ржи.

А на холме у реки
от рождения впервые
ели черви гробовые
деревянный труп сохи.
Умерла царица пашен,
коробейница старух.
И растет над нею, важен,
Сын забвения — лопух.
И растет лопух унылый,
и листом о камень бьет,
и над ветхою могилой
память вечную поёт.

Крестьяне, сытно закусив,
газеты умные читают,
тот — бреет бороду, красив,
а этот — буквы составляет.
Младенцы в глиняные дудки
дудят, размазывая грязь,
и вечер цвета незабудки
плывет по воздуху, смеясь.

1929—1930

БЕЗУМНЫЙ ВОЛК

Поэма

Hör! Es splintern die Säulen Ewig grüner Paläste.

Goethe

1. РАЗГОВОР С МЕДВЕДЕМ

М е д в е д ь

Еще не ломаются своды
вечнозеленого дома.
Мы сидим еще не в клетке,
чтобы есть людей объедки.
Мы живем под вольным дубом,
наслаждаясь знаньем грубым.
Мы простую воду пьем,
хвалим солнце и поем.
Волк, какое у тебя занятие?

В о л к

Я, задрав собаки бак,
наблюдаю звезд поток.
Если ты меня встретишь лежащим на спине
и поднимающим кверху лапы,
значит, луч моего зренья
направлен прямо в небеса.

Потом я песни сочиняю,
зачем у нас не вертикальна шея.
Намедни мне сказала ворожея,
что можно выправить ее.
Теперь скажи занятие твое.

М е д в е д ь

Помедлим. Я, действительно, встречал
в лесу лежащую фигурку.
Здрав две пары тонких ног,
она глядела на восток.
И шерсть ее стояла дыбом,
и вся наверх устремлена,
она плыла подобно рыбам
туда, где неба пламена.
Скажи мне, волк, откуда появилось
у зверя вверх желание глядеть?
Не лучше ль слушаться природы —
глядеть лишь под ноги да вбок,
в людские лазать огороды,
кружиться около дорог?
Подумай — в маленькой берлоге,
где нет ни окон, ни дверей,
мы будем царствовать как боги
среди животных и зверей.
Иногда можно заниматься пустяками,
ловить пичужек на лету.
Презрев револьверы, винтовки,
приятно у малиновок откусывать головки
И вниз детенышам бросать,
чтобы могли они сосать.
А ты не дело, волк, задумал,
что шею вывернуть придумал.

В о л к

Медведь, ты правильно сказал.
Ценю приятный сердцу довод.

Я многих сам перекусал,
когда роскошен был и молод.
Все это шутки прежних лет.
Горизонтальный мой хребет
с тех пор железным стал и твердым,
и невозможно нашим мордам
глядеть, откуда льется свет.
Меж тем вверху звезда сияет —
Чигирь — волшебная звезда!
Она мне душу вынимает,
сжимает судорогой уста.
Желаю знать величину вселенной
и есть ли волки наверху,
а на земле я точно пленный
жую овечью требуху.

М е д в е д ь

Имею я желанье хохотать,
но воздержусь, чтоб волка не обидеть.
Согласен он всю шею изломать,
чтобы Чигирь-звезду увидеть!

В о л к

Я закажу себе станок
для вывертыванья шеи.
Сам свою голову туда вложу,
с трудом колеса поверну.
С этой шеей вертикальной,
знаю, буду я опальный,
знаю, буду я смешон
для друзей и верных жен.
Но, чтобы истину увидеть,
скажи, скажи, лихой медведь,
ужель нельзя друзей обидеть
и ласку женщины презреть?
Волчьей жизни реформатор —
я, хотя и некрасив,

буду жить как император,
часть науки откусив.
Чтобы завесить разные места,
сошью себе рубаху из холста,
в своей берлоге засвечу светильник,
кровать поставлю, принесу урыльник
и постараюсь через год
дать своей науки плод.

М е д в е д ь

Еще не ломаются своды
вечнозеленого дома!
Есть еще у нас такие представители,
как этот сумасшедший волк!
Прошла моя нежная юность,
наступает печальная старость.
Уже ничего не понимаю,
только листочки шумят над головой...
Но пусть я буду консерватор —
не надо мне твоих идей,
я не желаю бегать в ватер
и называться грамотей.
Медведь я! Конский я громила!
Коровий Ассурбанипал!
В мое задумчивое рыло
ничей не хлопал самопал!
Я жрать хочу! Кусать желаю!
С дороги прочь! Иду на вы!
И уж совсем не понимаю
твоей безумной головы.
Прощай. Я вижу — ты упорен.

В о л к

Итак, с медведем я поссорен.
Печально мне. Но видит бог —
медведь решиться мне помог.

2. МОНОЛОГ В ЛЕСУ

Над волчьей каменной избушкой
сияют солнце и луна.
Волк разговаривает с кукушкой,
дает деревьям имена.
Он в коленкоровой рубаше,
в больших, невиданных штанах,
сидит и пишет на бумаге,
как будто в келейке монах.
Вокруг него холмы из глины
подставляют солнцу одни половины,
другие половины лежат в тени,
и так идут за днями дни.

В о л к (*бросая перо*)

Надеюсь, этой песенкой
я порастряс частицы мироздания
и в будущее ловко заглянул.
Не знаю сам — откуда что берется,
но мне приятно песни составлять —
рукою в книжечке поставишь закорючку,
а закорючка ангелом поет!

Уж десять лет,
как я живу в избушке.
Читаю книги, песенки пою,
имею частые с природой разговоры.
Мой ум возвысился, и шея зажила.

А дни бегут. Уже седеет шкура,
спинной хребет трещит по временам.
Крепись, старик. Еще одно усилие,
и ты по воздуху как пташка полетишь.

Я открыл множество законов.
Если растение посадить в банку
и в трубочку железную подуть, —
животным воздухом наполнится растение,

появятся на нем головка, ручки, ножки,
а листики отсохнут навсегда.
Благодаря своей душевной силе
я из растенья воспитал собачку —
она теперь как матушка поет.
Из одной березы
задумал сделать я верблюда,
да воздуху в груди, как видно, не хватило —
головка выросла, а туловище нет.

Загадки страшные природы
повсюду в воздухе висят.
Бывало, их, того гляди, поймаешь,
весь напружинишься, глаза нальются кровью,
шерсть дыбом встанет, напрягутся жилы,
но миг пройдет — и снова как дурак.

Приятно жить счастливому растению —
оно на воздухе играет как дитя,
а мы ногой безумной оторвались,
бежим туда-сюда,
а счастья нет как нет.

Однажды ямочку я выкопал в земле,
засунул ногу в дырку по колено
и так двенадцать суток простоял,
Весь отошал, не пивши и не евши,
но корнем все-таки не сделалась нога
и я, увы, не сделался растеньем.

Однако
услышать многое еще способен ум.
Бывало, ухом прислонюсь к березе
и различаю тихий разговор.
Береза сообщает мне свои переживанья,
учит управлению веток,
как шевелить корнями после бури
и как расти из самого себя.

Итак, как будто бы я многое постиг,
имею право думать о почете.
Куда там! Звери вокруг меня
ругаются, препятствуют занятиям
и не дают воедино жить.
Фигурки странные! Коров бы им душить,
давить быков, рассудка не имея.
А на того, кто иначе живет,
клеветают, злобствуют, приделывают рожки.

А я от моего душевного переживания
не откажусь ни в коей мере!
В занятиях я как мышка поседел,
при опытах тонул четыре раза,
однажды шерсть нечаянно поджег —
весь зад сгорел, а я живой остался.

Теперь еще один остался подвиг,
а там... Не буду я скрывать —
готов я лечь в великую могилу,
закрывать глаза и сделаться землей.
Тому, кто видел, как сияют звезды,
тому, кто мог с растением говорить,
кто понял страшное соединенье мысли —
смерть не страшна, и не страшна земля.

Иди ко мне, моя большая сила!
Держи меня! Я вырос точно дуб,
я стал как бык, и кости как железо,
седой как лунь, я к подвигу готов.
Гляди в меня! Моя глава сияет,
все сухожилия рвутся из меня.
Сейчас залезу на большую гору,
скакну наверх, ногами оттолкнусь,
схвачусь за воздух страшными руками,
вздыху себя, потом опять скакну,
опять схвачусь — а тело выше, выше,
и я лечу, как пташечка лечу!
Я понимаю атмосферу!
Все брюхо воздухом надуется как шар.

Давленье рук пространству не уступит.
Усилье воли воздух победит.

Ничтожный зверь, червяк в паршивой шкуре,
лесной босяк в дурацком колпаке —
я — царь земли! Я — гладиатор духа!
Я — Гарпагон, подъятый в небеса!

Я ухожу. Березы, до свиданья.
Я жил как бог и не видал страданья.

3. СОБРАНИЕ ЗВЕРЕЙ

П р е с е д а т е л ь

Сегодня годовщина смерти Безумного.
Почтим его память.

В о л к и (*поют*)

Страшен, дети, этот год.
Дом зверей ломает свод.

Балки старые трещат.
Птицы круглые пищат.

Вырван бурей, стонет дуб.
Волк стоит, ударен в пуп.

Две реки, покинув лог,
затопили сто берлог.

Встаньте, звери, все зараз,
ударяйте, звери, в таз.

Вместе с бурей, словно кит,
тень Безумного летит.

Вся в крови его глава.
На груди его трава.

Лапы вывернуты вбок.
Из очей идет дымок.

Гряньте, звери, на трубе:
— Кто ты, страшный? Что тебе?

— Я — Строитель. Я — Топор.
Победитель ваших нор.

П р е с е д а т е л ь

Я помню ночь, которую поэты
изобразили в этой песне.
Из дальней тундры вылетела буря,
рвала верхи дубов, вывертывала пни
и ставила деревья вверх ногами.
Лес обезумел. Затрещали своды,
летели балки на голову нам.
Шар молнии, огромный как кастрюля,
скатился вниз, сквозь листья пролетел,
и дерево как свечка загорелось.
Оно кричало страшно, словно зверь,
махало ветками, о помощи молило.
А мы внизу стояли перед ним
и двинуть пальцами от страха не умели.

Я побежал. И вот передо мною
возвысился невиданный утес.
Его вершина, гладкая как череп,
едва дымилась в чудной красоте.

Опять скатилась молния. Я замер.
Вверху, на самой высоте
металась чуть заметная фигурка,
хватая воздух пальцами руки.

Я заревел. Фигурка подскочила,
ужасный вопль пронзил меня насквозь,
на воздухе мелькнули морда, руки, ноги.
И больше ничего не помню.

Наутро буря миновала,
лесных развалин догорал костер.
Очнулся я. Утес еще дымился,
и труп Безумного на камушках лежал.

В о л к - с т у д е н т

Мы все скорбим, почтенный председатель,
по поводу безвременной кончины
Безумного. Но я уполномочен
просить тебя ответить на вопрос,
предложенный коллегией студентов.

П р е д с е д а т е л ь

Говори.

В о л к - с т у д е н т

Благодарю. Вопрос мой будет краток.
Мы знаем все, что старый лес погиб,
и нет таких томительных загадок,
которым мы довериться могли б.

Мы строим новый лес. Такой, каких на свете
еще никто не видел. Ничего!
Мы строим все — мужчины, жены, дети,
и я клянусь — мы выстроим его.
Мы на глазах вселенную меняем.
Еще совсем убогие вчера —
перед тобой мы ныне заседаем
как инженеры, судьи, доктора.

Горит как смерч великая наука.
Волк ест пирог и пишет интеграл.
Волк гвозди бьет, и мир дрожит от стука,
и уж закончен техники квартал.

Итак, скажи, почтенный председатель,
в наш трезвый мир зачем бросаешь ты —

как ренегат, отступник и предатель —
Безумного нелепые мечты?

Подумай сам — возможно ли растенье
в животное мечтою обратить,
возможно ль полететь земли произведенью
и тем себе бессмертие купить?

Мечты Безумного безумны от начала.
Он отдал жизнь за них. Но что нам до него?
Нам песня нового столетья прозвучала,
мы строим мир, а ты — бежишь его!

В о л к и - и н ж е н е р ы

Мы, особенным образом складывая перекладыны,
составляем мостик на другой берег звериного счастья.
Мы делаем электрических мужиков,
которые будут печь пироги.
Лошади внутреннего сгорания
нас повезут через мостик страдания.
И ящик в стеклянной шапке
тихо песенку поет:
— Гайда, тройка,
энергию утрой-ка!
Таков полет строителей земли,
дабы потомки царствовать могли.

В о л к и - д о к т о р а

Мы — врачи и доктора —
толмачи зверей бедра.
В черепа волков мы вставляем стеклянные трубочки.
мы наблюдаем занятия мозга,
нам не мешает больного прическа.

В о л к и - м у з ы к а н т ы

Мы скрипим на скрипках тела,
как наука нам велела.

Мы смычком своих носов
пилим новых дней засов.

П р е с е д а т е л ь

Медленно, медленно, медленно
движется чудное время.

Точно клубки ниток мы катимся вдаль,
оставляя за собой нитку наших дел.

Чудесное полотно выткали наши руки,
миллионы миль прошагали ноги.

Лес, полный горя, голода и бед,
стоит вдали как огненный сосед.

Глядите, звери, в этот лес —
медведь в лесу кобылу ест,
а мы едим большой пирог,
забыв дыру своих берлог.

Глядите, звери, в этот дол
едомый зверем, плачет вол,
а мы, построив свой квартал,
волшебный пишем интеграл.

Глядите, звери, в этот мир —
там зверь уютится, наг и сир,
а мы, подняв науки меч,
идем от мира зло отсечь.

Медленно, медленно, медленно
движется чудное время...

Я закрываю глаза и вижу стеклянное здание леса.
Стройные волки, одетые в легкие платья,
преданы долгой научной беседе.
Вот отделился один,
поднимает прозрачные лапы,
плавно взлетает на воздух,

ложится на спину,
ветер его на восток как плывущего гонит.
Волки внизу говорят:
— Удалился философ,
чтоб Лопухам преподать
геометрию неба.

Что это — странные виденья,
безумный вымысел души
или ума произведение —
студент ученый, разреши!

Мечты Безумного нелепы,
но видит каждый, кто не слеп, —
любой из нас, пекущий хлебы,
для мира старого нелеп.

Века идут, года уходят,
но все живущее — не сон:
оно живет и превосходит
вчерашней истины закон.

Спи, Безумный, в своей великой могиле!
Пусть отдыхает твоя обезумевшая от мыслей голова!
Ты сам не знаешь, кто вырвал тебя из берлоги,
кто гнал тебя на одиночество, на страдание.
Ничего не видя впереди, ни на что не надеясь
ты прошел по земле, как великий полководец мысли.
Ты — первый взрыв цепей!
Ты — река, породившая нас!

Мы — стоящие на границе веков,
рабочие молота нашей головы,
мы запечатали кладбище старого леса
твоим исковерканным трупом.

Лежи смирно в своей могиле,
Великий Летатель Книзу Головой.
Мы, волки, несем твое вечное дело
туда — на звезды — вперед!

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Где древней музыки фигуры,
где с мертвым бой клавиатуры,
где битва нот с безмолвием пространства —
там не ищи, поэт, своей душе убранства.
Соединив безумие с умом,
среди пустынных смыслов мы построим дом
и подопрем его могучею колонной
Страдания. Оно одно короной
послужит нам. Страдание в воде —
мы воду воспоем усердными трудами.
Страдание в полуночной звезде —
звезда, как полымя, горит над головами.
Страдание коров и неприглядность птиц
пусть смотрят из твоих диковинных страниц,
деревья пусть поют и страшным разговором
пугает бык людей, — тот самый бык, в котором
заключено безмолвие миров,
соединенных с нами крепкой связью.
Будь центром мира. К лжи и безобразью
будь нетерпим. И помни каждый миг:
коль музыки коснешься чутким ухом —
разрушится твой дом и, ревностный к наукам,
над нами посмеется ученик.

1932

СЕМЕЙСТВО ХУДОЖНИКА

Могучий день пришел. Деревья встали прямо.
Вздохнули листья. В деревянных жилах
вода закапала. Квадратное окошко
над светлую землю распахнулось,
и все, кто были в башенке, сошлись
взглянуть на небо, полное сиянья.

И мы стояли тоже у окна.
Была жена в своем весеннем платье,

и на руках Никитушка сидел,
весь розовый и голый, и смеялся,
и глазки, полные великой чистоты,
смотрели в небо, где сияло солнце.

А там внизу — деревья, звери, птицы,
большие, сильные, мохнатые, живые,
сошлись в кружок и на больших гитарах,
на дудочках, на скрипках, на волынках
вдруг заиграли утреннюю песню
Никитушке — и все кругом запело.

И все кругом запело, так что козлик —
и тот пошел скакать вокруг амбара.
И понял я в то золотое утро,
что смерти нет, и наша жизнь бессмертна.

1932

ЛОДЕЙНИКОВ

Как бомба в небе разрывается
и сотрясает атмосферу —
так в человеке начинается
тоска, нарушив жизни меру.
Вокруг Лодейникова расположены
места глухой природы —
бегут животные, стреножены,
благоухают огороды.
А сам Лодейников на возвышении
сидит, поднявши руки,
и говорит: «В душе моей сражение
природы, зренья и науки.
Вокруг меня кричат собаки,
цветет в саду огромный мак, —
я различаю только знаки
домов, растений и собак.
Я тщетно вспоминаю детство,
которое судило мне в наследство

не мир живой, на тысячу ладов
поющий, прыгающий, думающий, ясный, —
но мир, испорченный сознанием отцов,
искусственный, немой и безобразный,
и продолжающий день ото дня стареть...
О, если бы хоть раз на землю посмотреть
и разорвать глаза и вырвать жилы!»
Так говорил Лодейников, и старожилы
глухих лесов — жуки — сошлись по одному
и, пальцы щекоча, ласкались к нему.
Лодейников, закрыв лицо руками,
тихонько плакал. Вечер наступал.
Внизу, постукивая тонкими звонками,
шел скот домой и тихо лопотал
невнятные свои воспоминанья.
Травы холодное дыханье
струилось вдоль дороги. Жук летел.
Лодейников открыл лицо и поглядел
в траву. Трава пред ним предстала
стеной сосудов. И любой сосуд
светился жилками и плотью. Трепетала
вся эта плоть и вверх росла, и гуд
шел по земле. Прищелкивая по суставам,
пришлепывая, странно шевелясь,
огромный лес травы вытягивался вправо —
туда, где солнце падало, светясь.
И то был бой травы, растений молчаливый бой.
Одни, вытягиваясь жирною трубой
и распустив листья, других собою мяти,
и напряженные их сочлененья выделяли
густую слизь. Другие лезли в щель
между чужих листов. А третьи как в постель
ложились на соседа и тянули
его назад, чтоб выбился из сил...

И в этот миг жук в дудку задудил.
Лодейников очнулся. Над селеньем
всходил туманный рог луны,
и постепенно превращалось в пенье
шуршанье трав и тишины.

Природа пела. Лес, подняв лицо,
пел вместе с лугом. Речка чистым телом
звенела вся как звонкое кольцо.
На луге белом
трясли кузнечики сухими лапками,
жуки стояли черными охажками —
их голоса казались сучками.
Блестя прозрачными очками,
по лугу шел прекрасный Соколов,
играя на задумчивой гитаре.
Цветы его касались сапогов
и наклонялись. Маленькие твари
с размаху шлепались ему на грудь
и, бешено подпрыгивая, падали,
но Соколов ступал по падали
и равномерно продолжал свой путь.
Лодейников очнулся. Светляки
вокруг него зажгли свои лампадки,
и он лежал в природе словно в кадке —
совсем один, рассудку вопреки.

1932

ОСЕНЬ

1

В овчинной мантии, в короне из собаки,
стоял мужик на берегу реки,
сияли на траве как водяные знаки
его коровьи сапоги.
Его лицо изображало
так много мук,
что даже дерево — и то, склонясь, дрожало
и нитку вить переставал паук.
Мужик стоял и говорил:
— Холм предков мне не мил.
Моя изба стоит как дура,
и рушится ее старинная архитектура,

и печки дедовский портал
уже не посещают тараканы —
ни черные, ни рыжие, ни великаны,
ни маленькие. А внутри сооружения,
где раньше груда бревен зажигалась,
чтобы сварить убитое животное, —
там дырка до земли образовалась,
и холодное
дыханье ветра, вылетая из подполья,
колеблет колыбельное дреколье,
спустившееся с потолка и тяжело
храпящее.

Приветствую тебя, светило заходящее,
которое избу мою ласкало
своим лучом! Которое взрастило
в моем старинном огороде
большие бомбы драгоценных свекол!
Как много ярких стекол
ты зажигало вдруг над головой быка,
чтобы очей его соединение
не выражало первобытного страдания!
О солнце, до свидания!
Недолго жить моей избе:
едят жуки ее сухие массы,
и ломают гусеницы нужников конترفорсы,
и червь земли, большой и лупоглазый,
сидит на крыше и как царь поет.

Мужик замолк. Из торбы достает
пирог с говяжьей требухой
и наполняет пищую плохую
свой невзыскательный желудок.
Имея пару женских грудок,
журавль на циркульном сияет колесе,
и под его печальным наблюденьем
деревья кажутся унылым сновиденьем,
поставленным над крышами избушек.
И много желтых завитушек
летает в воздухе. И осень входит к нам,
рубаху дерева ломая пополам.

О, слушай, слушай хлопанье рубах!
Ведь в каждом дереве сидит могучий Бах
и в каждом камне Ганнибал таится.
бот наступает ночь. Река не шевелится.
Не дрогнет лес. И в страшной тишине,
как только ветер пролетает,
ночное дерево к луне
большие руки поднимает
и начинает петь. Качаясь и дрожа,
оно поет, и вся его душа
как будто хочет вырваться из древесины,
но сучья заплелись в огромные корзины,
и корни крепки, и земля кругом,
и нету выхода, и дерево с открытым ртом
стоит, сражаясь с воздухом и плача.

Нелегкая задача —
разбить синонимы: природа и тюрьма.

Мужик молчал, и все способности ума
в нем одновременно и чудно напрягались,
но мысли складывались и рассыпались
и снова складывались. И наконец, поймав
себя на созерцании растенья,
мужик сказал: «Достойно удивленья,
что внутренности таракана
на маленькой ладошке микроскопа
меня волнуют так же, как Европа
с ее безумными сраженьями.
Мы свыклись с многочисленными положеньями
своей судьбы, но это нестерпимо —
природу миновать безумно мимо».
И туловище мужика
вдруг принимает очертания жука,
скатавшего последний шарик мысли,
и ночь кругом, и бревна стен нависли,
и предки равнодушною толпой
сидят в траве и кажутся травой.

Мужик идет в колхозный новый дом,
построенный невиданным трудом,
в тот самый дом, который есть начало
того, что жизнь сквозь битвы обещала.
Мужик идет на общие поля,
он наблюдает хлеба помещенье,
он слушает, как плотная земля
готова дать любое превращенье
посеянному семени, глядит
в скелет машин, которые как дети
стоят, мерцая в неподвижном свете
осенних звезд, и важно шевелит
при размышлении тяжелыми бровями.
Корова хвастается жирными кровьями,
дом хвалится и светом, и теплом,
но у машины есть иное свойство —
она внушает страх и беспокойство
тому, кто жил печальным бирюком
среди даров и немощей природы.
Мужик идет в большие огороды,
где посреди сияющих теплиц
лежат плоды, закрытые от птиц
и первых заморозков. Круглые, литые,
плоды лежат как солнца золотые,
исполненные чистого тепла.
И каждая фигура так кругла,
так чисто выписана, так полна собою,
что, истомленный долгою борьбою,
мужик глядит и чувствует, что в нем
вдруг зажигается неведомым огнем
его душа. В природе откровенной,
такой суровой, злой, несовершенной,
такой роскошной и такой скупой, —
есть сила чудная. Бери ее рукой,
дыши ей, обновляй ее частицы —
и будешь ты свободней легкой птицы
среди совершенных рек и просвещенных скал.
От мужика все дале отступал

дом прадедов с его высокой тенью,
и чувство нежности к живому поколению
влекло его вперед на много дней.
Мир должен быть иным. Мир должен быть круглей,
величественней, чище, справедливей,
мир должен быть разумней и счастливей,
чем раньше был и чем он есть сейчас.
Да, это так. Мужик в последний раз
глядит на яблоки и, набивая трубку,
спешит домой. Над ним подобно кубку
сияет в небе чистая звезда,
и тихо все. И только шум листа,
упавшего с ветвей, и посередине мира —
лик Осени, заснувшей у клавира.

1932

ВЕНЧАНИЕ ПЛОДАМИ

Плоды Мичурина и кактусы Бербанка,
прозрачные как солнечная банка,
распределенные на кучи и холмы,
как вы волнуете безумные умы!
Как вы сияете своим прозрачным светом,
когда, подобные светилам и кометам,
лежите, образуя вокруг нас
красивых яблоков большие Вавилоны.
Кусочки солнц, включенные в законы
людских страстей, мы породили вас
для новой жизни и для высших правил.
Когда землей невежественно правил
животному подобный человек —
напоминали вы уродцев и калек,
висящих беспорядочною кучей;
вас червь глодал и, налетая тучей,
хлестал вас град по маленьким телам,
и ветер Севера бывал неласков к вам,
и ястреб — рощи царь — посередине ночи
выклевывал из вас сияющие очи
и морщил кожу и соки леденил.

Преданье говорит, что Змей определил
быть яблоку сокровищницей знаний.
Во тьме веков и в сумраке преданий
встает пред нами рай — страна средь облаков,
страна, среди светил висящая, где звери
с большими лицами блаженных чудаков
гуляют, учатся и молятся химере,
и разговаривают. И посреди небес
стоит как башня дремлющее древо.
Оно — центр сфер и чудо из чудес,
и тайна тайн. Направо и налево
огромные суки поддерживают свод
густых листов. И сумрачно, и строго
сквозь яблоко лицо большое бога
глядит на нас и светом обдает.

.....

Теперь, когда, соперничая с тучей,
плоды, мы вызвали вас к жизни наилучшей,
когда для вас построены дома,
чтоб расцвели зародыши ума,
чтоб мысли в вас окрепли и созрели,
чтобы глаза на совершенном теле
открылись, чтобы длинные листы
могли владеть пером, чтоб умные кусты
могли передвигать корнями как ногами,
чтоб из плодов вы сделались богами,
чтоб наша жизнь была сплошной плодовый сад, —
скажите мне — какой чудесный клад
несете вы поведать человеку?

Я заключил бы вас в свою библиотеку
я прочитал бы вас и вычислил закон,
хранимый вами, и со всех сторон
измерил вас, чтобы понять строенье
живого солнца и его кипенье.

О маленькие солнышки, о свечки,
зажженные средь мякоти! Вы — печки,

дающие глазам моим тепло.
Отныне все прозрачно и кругло
в моих глазах. Земля в тяжелых сливах,
и тысячи людей веселых и счастливых
в ладонях держат персики, и барбарис
вкруг шеи девушки висит и смотрит вниз.
Тут крепость яблоков, там башня из малины,
тут войско тыкв, тяжелых как снаряд,
и человечество с ногами исполина
лежит, беседея с плодами наугад.
И новобрачные, едва поцеловавшись,
глядят на нас, из яблок приподнявшись,
и мы венчаем их, и тысячи садов
венчают нас венчанием плодов.

Когда Бербанк в курятнике лежал,
исследуя плодов первопричину,
он был Адам, который не бежал
от яблока, чтоб не упасть в пучину.
Он был Адам и первый садовод,
бананов друг и кактусов оплот,
и прах его, разрушенный годами,
теперь лежит, увенчанный плодами.

1932

ОСЕННИЕ ПРИМЕТЫ

Когда минует день и освещение
природа выбирает не сама,
осенних рощ большие помещения
стоят на воздухе, как чистые дома.
В них ястребы живут, вороны в них ночуют,
и облака вверху, как призраки, кочуют.

Осенних листьев ссохлось вещество
и землю всю устлало. В отдалении
на четырех ногах большое существо
идет, мыча, в туманное селение.

Бык, бык! Ужели больше ты не царь?
Кленовый лист напоминает нам янтарь.

Дух осени, дай силу мне владеть пером!
В строенье воздуха — присутствие алмаза.
Бык скрылся за углом,
и солнечная масса
туманным шаром над землей висит,
и край земли, мерцая, кровянит.

Вращая круглым глазом из-под век,
летит внизу большая птица.
В ее движеньи чувствуется человек.
По крайней мере, он таится
в своем зародыше меж двух широких крыл.
Жук домик между листьев приоткрыл.

Архитектура осени. Расположение в ней
воздушного пространства, роши, речки,
расположение животных и людей,
когда летят по воздуху колечки
и завитушки листьев, и особый свет, —
вот то, что выберем среди других примет.

Жук домик между листьев приоткрыл
и, рожки выставив, выглядывает,
жук разных корешков себе нарыл
и в кучку складывает,
потом трубит в свой маленький рожок
и снова скрылся в листьях, как божок.

Но вот приходит вечер. Все, что было чистым,
пространственным, светящимся, сухим, —
все стало серым, неприятным, мглистым,
неразличимым. Ветер гонит дым,
вращает воздух, листья валит ворохом
и верх земли взрывает порохом.

И вся природа начинает леденеть.
Лист клена, словно медь,

звенит, ударившись о маленький сучок.
И мы должны понять, что это есть значок,
который посылает нам природа,
чтоб перейти в другое время года.

1932

МЕЩАНЕ

1

Ираклий, Тихон, Лев, Фома
сидели важно вокруг стола.
Над ними дедовский фонарь
висел, роняя свет на пир.
Фонарь был пышный и старинный,
Но в виде женщины чугунной.
Та женщина висела на цепях,
ей в спину наливали масло,
дабы лампада не погасла
и не остаться всем впотьмах.

2

Благообразная вокруг
сияла комната для пира.
У стен — с провизией сундук,
там — изображение кумира
из дорогого алебастра.
В горшке цвела большая астра.
И несколько стульев прекрасных
вокруг стояли стен однообразных.

3

Так в этой комнате жилой
сидело четверо пирующих друзей.
Иногда они вскакивали,
хватались за ножки своих бокалов

и пронзительно кричали: «Виват!»
Светила лампа в двести ватт.
Иракий был лесной солдат,
имел ружья огромную тетерю,
в тетере был большой курок.
Нажав его перстом, я верю,
животных бить возможно впрок.

4

Иракий говорил, изображая
собой могучую фигуру:
«Я женщин с детства обожаю.
Они представляют собой роскошную клавиатуру,
из которой можно извлекать аккорды».
Со стен смотрели морды
животных, убитых во время перестрелки.
Часы двигали свои стрелки.
И не сдержав разбег ума,
сказал задумчивый Фома:
«Да, женщины значение огромно,
Я в том согласен безусловно,
но здесь я расскажу про то,
как женщина украла у меня пальто.

5. ПОВЕСТВОВАНИЕ О КРАЖЕ

1

Пальто имело рукава,
оно на вешалке висело,
и женщина не раз, не два
сквозь щелку на него смотрела.
Иногда она выбегала,
пальто как дудочку хватала,
но я выскакивал и вмиг
она бежала, испуская крик.
Тогда я целыми часами
стоял, страдая от тоски,

и двигал пышными усами,
чтобы стояли волоски.

2

И помню, помню как сейчас —
пробил на башне пятый час.
Когда я вышел на свиданье,
пальто сказало: до свиданья!
Где ты, где ты, роскошная одежда,
предмет широкого употребления?
Сокрылась ты из глаз моих, и нешто
я обречен теперь на треволнения?
Нет сердца, женщины, у вас!
Ведь недостаточно иметь широкий таз,
и губки алые, и подведенные ресницы,
и ножки длинные, и туфельки из-за границы, —
к чему такое украшение,
когда в головке сокрушение,
когда внутри души
живут мечты нехороши?
Опомнитесь, безумные ворищи!
Опомнитесь, настал последний час!
Не пейте чаю, не вкушайте пищи,
молитесь, как молюсь и аз!

6

Тогда ударил вновь бокал,
и разом все «Виват!» вскричали,
и им в ответ, устроив бал,
часы пять криков прокричали.
Как будто маленький собор,
висящий крепко на гвозде,
часы кричали с давних пор,
как надо двигаться звезде.
Бездонный времени сундук,
часы — творенье адских рук!
И все это прекрасно понимая,
сказал Фома, родиться мысли помогая:

«Я предложил бы истребить часы»,
И закрутив усы,
он посмотрел на всех спокойным глазом.
Блестела женщина своим чугунным тазом.

7

А если бы они взглянули за окно,
они б увидели великое пятно
вечернего светила.
Растенья там росли, как дудки,
цветы качались выше плеч,
и в каждой травке, как в желудке,
возможно свету было течь.
Мясных растений городок
пересекал воды поток.
и, обнаженные, слагались
в ладошки длинные листья,
и жилы нижние купались
среди химической воды.

8

И с отвращеньем посмотрев в окошко,
сказал Фома: «Ни клюква, ни морошка,
ни жук, ни мельница, ни пташка,
ни женщины большая ляжка
меня не радуют. Имейте все в виду:
часы стучат, и я сейчас уйду».

9

Тогда встает безмолвный Лев,
ружье берет, остервенев,
влагает в дуло два заряда,
всыпает порох роковой
и в середину циферблата
стреляет крепкою рукой.
И все в дыму стоят, как боги,
и шепчут, грозные: «Виват!»

И женщины железной ноги
горят над ними в двести ватт.
И все растенья припадают
к стеклу, похожему на клей,
и с удивленьем наблюдают
могилу разума людей.

1932

ПТИЦЫ

Кольхаясь еле-еле
всем ветрам наперерез,
птицы легкие висели,
как лампы средь небес.

Их глаза, как телескопики,
смотрели прямо вниз.
Люди ползали, как клопики,
источники вились.

Мышь бежала возле пашен,
птица падала на мышь.
Трупик, вмиг обезображен,
убираем был в камыш.

В камышах сидела птица,
мышку пальцами рвала,
изо рта ее водица
струйкой на землю текла.

И сдвигая телескопики
своих потухших глаз,
птица думала. На холмике
катился тарантас.

Тарантас бежал по полю,
в тарантасе я сидел

и своих несчастий долю
тоже на сердце имел.

1933

ОТДЫХАЮЩИЕ КРЕСТЬЯНЕ

Толпа высоких мужиков
сидела важно на бревне.
Обычай жизни был таков,
досуги, милые вдвойне.
Царя ли свергнут или разом
скотину волк на поле съест,
они сидят, гуторя басом,
про то да се узнав окрест.

Иногда во тьме ночной
приносят длинную гармошку,
извлекают резкие продолжительные звуки
и на травке молодой
скачут страшными прыжками,
взявшись за руки, толпой.

Вот толпа несется, воеет,
слышен запах потной кожи,
музыканты рожи строят,
на чертей весьма похожи.
В громе, давке, кувырканье
«Эх, пошла! — кричат. — Наддай-ка!»
Реют бороды бараньи,
стонет, воеет балалайка.
«Эх, пошла!» И дым столбом,
от натуги бледны лица.
Многоногий пляшет ком,
воеет, стонет, веселится.

Но старцы сумрачной толпой
сидят на бревнах меж домами,
и лунный свет, виясь столбами,

висит над ними как живой.
Тогда, привязанные к хатам,
они глядят на этот мир,
обсуждают, что такое атом,
каков над воздухом эфир.
И скажет кто-нибудь, печалась,
что мы, пожалуй, не цари,
что наверху плывут, качаясь,
миров иные кубари.
Гром мечут, искры составляют,
живых растеньями питают,
а мы, приклеены к земле,
сидим, как птенчики в дупле.

Тогда крестьяне, созерцая
природы стройные холмы,
сидят, задумчиво мерцая
глазами страшной старины.
Иной жуков наловит в шапку,
глядит, внимателен и тих,
какие есть у тварей лапки,
какие крылышки у них.
Иной первоначальный астроном
слагает из бересты телескоп,
и ворон с каменным крылом
стоит на крыше, словно поп.

А на вершинах Зодиака,
где слышен музыки орган,
двенадцать люстр плывут из мрака,
составив круглый караван.
И мы под ними, как малютки,
сидим, считая день за днем,
и, в кучу складывая сутки,
весь месяц в люстру отдаем.

1933

ДЕРЕВЬЯ

Поэма

ПРОЛОГ

Бомбеев

— Кто вы, кивающие маленькой головкой,
играете с жуком и божией коровкой?

Голоса

— Я листьев солнечная сила.
— Желудок я цветка.
— Я пестика паникадило.
— Я тонкий стебелек смиренного левкоя.
— Я корешок судьбы.
— А я лопух покоя.
— Все вместе мы — изображение цветка,
его росток и направленье завитка.

Бомбеев

— А вы кто там, среди озер небес,
лежите, длинные, глазам наперерез?

Голоса

— Я облака большое очертанье.
— Я ветра колыханье.
— Я пар, поднявшийся из тела человека.
— Я капелька воды не более ореха.
— Я дым, сорвавшийся из труб.
— А я животных суп.
— Все вместе мы — сверкающие тучи,
собрание громов и спящих молний кучи.

Бомбеев

— А вы, укромные, как шишечки и нити,
кто вы, которые под кустиком сидите?

Г о л о с а

- Мы глазки жуковы.
- Я гусеницын нос.
- Я возникающий из семени овес.
- Я дудочка души, оформленной слегка.
- Мы не облекшиися телом потроха.
- Я то, что будет органом дыханья.
- Я сон грибка.
- Я свечки колыханье.
- Возникновенье глаза я на кончике земли.
- А мы пули.
Все вместе мы — чудесное рожденье,
откуда ты свое ведешь происхождение.

Б о м б е е в

- Покуда мне природа спину давит,
покуда мне она загадки ставит,
я разыщу, себе наперекор,
своих отцов, и братьев, и сестер.

1. ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПИР

Когда обед был подан и на стол
положен был в воде вареный вол,
и сто бокалов, словно сто подруг,
вокруг вола образовали круг,
тогда Бомбеев вышел на крыльцо
и поднял кверху светлое лицо,
и, руки протянув туда, где были рощи,
так произнес:
«Вы, деревья, императоры воздуха,
одетые в тяжелые зеленые мантии,
расположенные по всей длине тела
в виде кружочков, и звезд, и коронок!
Вы, деревья, бабы пространства,
уставленные множеством цветочных чашек,
украшенные белыми птицами — голубкáми!
Вы, деревья, солдаты времени,

утканые крепкими иглками могущества,
укрепленные на трехэтажных корнях
и других непостижимых фундаментах!
Одни из вас, достигшие предельного возраста,
черными лицами упираются в края атмосферы
и напоминают мне крепостные сооружения,
построенные природой для изображения силы.
Другие, менее высокие, но зато более стройные,
справляют по ночам деревянные свадьбы,
чтоб вечно и вечно цвела природа
и всюду гремела слава ее.
Наконец, вы, деревья-самовары,
наполняющие свои деревянные внутренности
водой из подземных колодцев!
Вы, деревья-пароходы,
секущие пространство и плывущие в нем
по законам древесного компаса.
Вы, деревья-виолончели и деревья-дудки,
сотрясающие воздух ударами звуков,
составляющие мелодии лесов и рош
и одиноко стоящих растений!
Вы, деревья-топоры,
рассекающие воздух на его составные
и снова составляющие его для постоянного равновесия!
Вы, деревья-лестницы
для восхождения животных на высшие пределы воздуха!
Вы, деревья-фонтаны и деревья-взрывы,
деревья-битвы и деревья-гробницы,
деревья-равнобедренные треугольники и деревья-сферы,
и все другие деревья, названия которых
не поддаются законам человеческого языка, —
обращаюсь к вам и заклинаю вас:
будьте моими гостями!»

2. ПИР В ДОМЕ БОМБЕЕВА

Лесной чертог блистает, как лампада,
кумиры стройные стоят, как колоннада,
и стол накрыт, и музыка гремит,
и за столом лесной народ сидит.

На алых бархатах, где раньше были панны,
сидит корявый дуб, отведав чистой ванны,
и стуло греческое, на котором Зина
свивала волоса и любовалась завитушками,
теперь согнулося: на нем сидит осина,
наполненная воробьями и кукушками.
И сам Бомбеев среди пышных кресел
сидит один, и взор его невесел,
и кудри падают с его высоких плеч,
и чуть слышна его простая речь:

Б о м б е е в

Послушайте, деревья, речь,
которая сейчас пред вами встанет,
как сложенная каменщиком печь.
Хвала тому, кто в эту печь заглянет,
хвала тому, кто, встав среди камней,
уча другого, будет сам умней.
Я всю природу уподоблю печи.
Деревья, вы ее большие плечи,
вы ребра толстые и каменная грудь,
вы шептуны с большими головами,
вы императоры с мохнатыми орлами,
солдаты времени, пустившиеся в путь!
А на краю природы, на границе
живого с мертвым, умного с тупым,
цветут растений маленькие лица,
растет трава, похожая на дым.
клубочки спутанные, дудочки сырые,
сухие зонтики, в которых налит клей,
все в завитушках, некрасивые, кривые,
они ползут из дырочек, щелей,
из маленьких окошечек вселенной
сплошную перепутанную пеной.
...Послушайте, деревья, речь
о том, как появляется корова.
Она идет горою, и багрова
улыбка рта ее, чтоб морду пересечь.

Но почему нам кажется знакомым
все это тело, сложенное комом,
и древний конус каменных копыт,
и медленно качаемое чрево,
и двух очей, повернутых налево,
тупой, безумный, полумертвый быт?
Кто, мать она? Быть может, в этом теле
мы, как детеныши, когда-нибудь сидели?
Быть может, к вымени горячему прильнув,
лежали, щеки шариком надув?
А мать-убийца толстыми зубами
рвала цветы и ела без стыда,
и вместе с матерью мы становились сами
убийцами растений навсегда...
...Послушайте, деревья, речь
о том, как появляется мясник.
Его топор сверкает, словно меч,
и он к убийству издавна привык.
Еще растеньями бока коровы полны,
но уж кровавые из тела хлещут волны,
и, хлопая глазами, голова
летит по воздуху, и мертвая корова
лежит в пыли, для щей вполне готова,
и мускулами двигает едва.
А печка жизни все пылает,
горит, трещит элементар,
и человек ладонью подсыпает
в мясное варево сияющий кристалл.
В желудке нашем исчезают звери,
животные, растения, цветы,
и печки-жизни выпуклые двери
для наших мыслей крепко заперты...
Но что это? Я слышу голоса!

З и н а

Как вспыхнула заката полоса!

Б о м б е е в

Стоит лесничий на моем пороге.

З и н а

Деревья плачут в страхе и тревоге.

Л е с н и ч и й

Я жил в лесу внутри избушки,
деревья цифрами клеймил,
и вдруг Бомбеев на опушке
в лесные трубы затрубил.
Деревья, длинными главами
ныряя в туче грозовой,
умчались в поле. Перед вами
возникнул хаос мировой.
Бомбеев, по какому праву,
порядок мой презрев,
похитил ты дубраву?

Б о м б е е в

Здесь я хозяин, а не ты,
и нам порядок твой не нужен.
в нем людоедства страшные черты.

Л е с н и ч и й

Как к людоедству ты равнодушен!
Однако за столом, накормлен и одет,
ужель ты сам не людоед?

Б о м б е е в

Да, людоед я, хуже людоеда!
вот бык лежит — остаток моего обеда,
но над его вареной головой
клянусь: окончился разбой,
и правнук мой среди домов и грядок
воздвигнет миру новый свой порядок.

Л е с н и ч и й

А ты подумал ли о том,
что в вашем веке золотом
любой комар, откладывая сто яичек в сутки,
пожрет и самого тебя, и сад, и эти незабудки?

Б о м б е е в

По азбуке читая комариной,
комар исполнится высокою доктриной.

Л е с н и ч и й

Итак, устроив пышный пир,
я вижу: мыслью ты измерил целый мир,
постиг планет могучее движенье,
рождение звезд и их происхождение,
и весь порядок жизни мировой
есть только беспорядок пред тобой!
Нет, ошибся ты, Бомбеев,
гордой мысли генерал!
Этот мир не для злодеев,
ты его оклеветал.
В своем ли ты решил уме,
что жизнь твоя равна чуме,
что ты, глотая свой обед,
разбойник есть и людоед?
Да, человек есть башня птиц,
зверей вместилище лохматых,
в его лице — миллионы лиц
четвероногих и крылатых.
И много в нем живет зверей,
и много рыб со дна морей,
но все они в лучах сознания
большого мозга строят зданье.
Сквозь рты, желудки, пищеводы,
через кишечную тюрьму
лежит центральный путь природы
к благословенному уму.

Итак, да здравствуют сраженья,
и рев зверей, и ружей гром,
и всех живых преображенья
в одном сознание мировом!

.....

И в этой битве постоянной
я — неизвестный человек —
провозглашаю деревянный,
простой, дремучий, честный век.
Провозглашаю славный век
больших деревьев, длинных рек,
прохладных гор, степей могучих,
и солнце розовое в тучах,
а разговор о годах лучших
пусть продолжает человек.
...Деревья, вас зовет природа
и весь простой лесной народ,
и все живое, род от рода
не отделяясь, вас зовет
туда, под своды мудрости лесной,
туда, где жук беседует с сосной,
туда, где смерть кончается весной, —
за мной!

3. НОЧЬ В ЛЕСУ

Опять стоят туманные деревья,
и дом Бомбеева вдали, как самоварчик.
Жизнь леса продолжается, как прежде,
но все сложней его работа.
Деревья-императоры снимают свои короны,
вешают их на сучья,
начинается вращение деревянных планеток
вокруг обнаженного темени.
Деревья-солдаты, громоздясь друг на друга,
образуют дупла, крепости и заставы,
щелкают руками о твердую древесину,
играют на трубах, подбрасывают кости.
Тут и там деревянные девочки
выглядывают из овражка,

хотот их напоминает сухое постукивание,
потрескивание веток, когда по ним прыгает белка.
Тогда выступают деревья-виолончели,
тяжелые сундуки струн облекаются звуками,
еще минута, и лес опоясан трубами чистых мелодий,
каналами песен лесного оркестра.
Бомбы ли рвутся, смеются ли бабочки —
песня все шире да шире,
и вот уже деревья-топоры начинают рассекать воздух
и складывать его в ровные параллелограммы.
Трение воздуха будит различных животных.
Звери вздымают на лестницы тонкие лапы,
вверх поднимаются к плоским верхушкам деревьев
и замирают вверху, чистые звезды увидев.
Так над землей образуется новая плоскость:
снизу — животные, взявшие в лапы деревья,
сверху — одни вертикальные звезды.
Но не смолкает земля. Уже деревянные девочки
пляшут, роняя грибы в муравейник.
Прямо над ними взлетают деревья-фонтаны,
падая в воздух гигантскими чашами струек.
Дале стоят деревья-битвы и деревья-гробницы,
листья их выпуклы и барельефам подобны.
Можно здесь видеть возникшего снова Орфея,
в дудку поющего. Чистую листовенной грудью
здесь окружают певца деревянные звери.
Так возникает история в гуще зеленых
старых лесов, в кустарниках, ямах, оврагах,
так образуется летопись древних событий,
ныне закованных в листья и длинные сучья.
Дале деревья теряют свои очертанья и глазу
кажутся то треугольником, то полукругом —
это уже выражение чистых понятий,
Дерево-Сфера царствует здесь над другими.
Дерево-Сфера — это значок беспредельного Дерева,
это итог числовых операций.
Ум, не ищи ты его посредине деревьев:
он посредине, и сбоку, и здесь, и повсюду.

ПТИЦЫ

Поэма

Памяти моего отца

Если строение голубя хочешь узнать ты — какие жилы в нем есть, как крылья устроены, ноги, как расположены органы в нем и, подвешены чудно, между костей образуют они тройную фигурку, — надобно прежде доску найти; острым рубанком наглядко всю обстругать, натереть ее маслом, дать на ветру повисеть, чтобы масло в древесные поры плотно вошло и неровности все затянуло.

Дале свои приготовь, ученик, инструменты: ванночку с дном восковым, чашку с водою прозрачной, острых булавок кошель, бечевку, весы с разновесом, руки начисто вымой и будь предо мной наготове.

Птицы, пустынники воздуха, жители неба!
Певчие славки, дрозды, соловьи, коноплянки!
Флейточки бросьте свои, полно свистать вам да щелкать.
Также и ты, дятел, оставь деревянный органчик.
Старый ты органист, твои мне известны проказы, как о сухие сучки барабанишь ты клювом, — гулко дрожит инструмент, дребезжащие звуки Арр и Эрр по окрестностям ветер разносит.
После, я знаю, ты выберешь сук подлиннее, звук получается тоньше, а третий урчит колотушкой.
О, деревянная музыка старого чистого леса!
Первый существ разговор, колыбель человеческой речи!

Будь же мне, дятел, свидетелем, также и вы, музыканты, с птицами я не враждую, жертва моя не кровава.
Скуден мой разум, ногами к земле пригвожденный, вы же по воздуху, чистые птицы, парите.
Ястребом быть я хотел бы, но тонки и немощны руки, соколом быть я хотел бы, но тело летать не умеет, был бы орлом я, но вместо орлиного клюва мягкий мой рот в бороде шевелится косматой.
Птицы, откройте глаза мне! Птицы, скажите — откуда

вы появились? Какую вы носите тайну?
Как разгадать мне кукушки таинственной время,
азбуку ворона, голубя счет и гербовник?

Делай так, ученик, как я говорю. Приготовь свою доску.
Голубя навзничь рукой опрокинь. Маховые
перья вверх оттяни, закрепи на доске их винтами
так, чтобы крыльев вершины в углах оказались.
Дале две тонких бечевки возьми, завяжи на них петли,
петли на ножки закинь и концы закрепи на свободных
нижних углах, только смотри, чтоб бечевки
крепко натянуты были и тело не двигалось больше.

Вот он лежит перед нами — голубь, небесная птица,
гость колоколен, житель стропил деревянных.
Сбоку имеет он чистые синие крылья,
сверху головку в венчике тонкого света.
Ты же не бойся, но, руку в сосуд окуная,
перья и пух торопись ощипать на груди и на брюшке,
далее — скальпелем сделай надрез посредине
маленькой грудки, где киль возвышается длинный.
Славен киль в кораблях, острый могуч в парходах,
крепко устроил его человек себе на потребу.
Как же, подумай, должны мы прославить легчайший,
маленький голубя киль — прообраз людского строения!

Ну-ка, мальчик, придвинь свою доску. Но что там случилось?..
Ты побледнел и к окошку бросился. Чьи это крики
ветер донес до меня? Крики все громче и громче.
Птицы! Птицы летят! Воздух готов разорваться,
сотнями крыл рассекаемый. Вот уж и солнце померкло,
крыша пошла ходуном — птицы на ней. А другие
лезут в трубу. Третьи к стеклу прислонились,
кажут мне клювы свои, дают стекло, друг на дружку
прыгают, бьются, с криком щеколду ломают.
Птицы, чур меня, чур! Стойте, я сам! Подождите!
Ты, сорока, черт бы побрал тебя! Вечно
хочешь вперед заскочить. Перестань своим клювом дубасить!
Полно стучать по стеклу. Сломаешь стекло — не поставишь
новое. Ну-ка, пичужки, раздвиньтесь немного,

полно валять дурака. Вы, длинноносые цапли,
прочь подайтесь. Так. Убери свою лапу, ворона!
Как прищемлю — будешь потом две недели,
словно безумная, каркать. Вот и открылось окошко,

Ну, залетайте живей! Вот там скамейки и стулья.
Вы, малыши: сойки, малиновки, славки,
сядьте вперед, чтобы всем было видно. Вороны,
дятлы, ястребы, совы, за ними садитесь. На спинки
Сядут пусть глухари. Ты, синица, садись на подсвечник,
зяблик, ты на часы, только стрелок не трогай. Придется
ширму еще пододвинуть, а то соловью и кукушке
некуда сесть. Сорока, потише ты с лампой!
Хоть и сверкает она, но в гнездо ты ее не утащишь.
Тише теперь. Пора продолжать нам работу.

Странное органов нам приоткрылось селенье:
дудочки, ветви, мешочки; одни красноваты, другие
сини, иные прозрачны... Меж ними тончайшие пленки
всюду проложены. Трубки стеклянный кусочек
ты отыщи, ученик, и, в отверстье трахеи засунув,
дуй осторожно в него. Видишь — прозрачные пленки,
как пузыри, раздуваются. Ну-ка, пичужки, скажите —
как на полете вы дышите? Воздух откуда берете?
Если бы не было в вас этих воздушных мешочков,
разве бы вы наверху не задохнулись от ветра?

Должно теперь нам разбиться на три отдельные группы,
Дятел в первой группе будет вожак. Пересмешник
будет в группе второй, цапля — в третьей. Смотри сюда, дятел.
В этой сумочке сердце лежит голубиное. В черные лапы
ножницы ты захвати и разрежь ими сумочку. Видишь —
вот оно — сердце! Пересмешник, ты красную печень
вынь, а за ней — селезенку. Теперь из утробы
вытянуть надобно зоб с пищеводом, кишки и желудок,
все разрезать, промыть и в ванночке к дну восковому
крепко пришпилить булавками, А где длинноносая цапля?
Ты, цапля, мозгом займешься. Возьми-ка головку покрепче,
кожу на ней заверни и сними, как перчатку. Смотрите,

череп уже обнажился. Теперь, чтобы кость не мешала, нужно ее состругать — она не тверда. Начинай же!

Вот и окончены наши труды. Перед нами голубя тонкие кости, органы, нервы, сосуды кучкой лежат. Разрезанный ножиком острым, голубь больше не птица и вместе с подругой на крышу больше не вылетит он. Даже если бы мы захотели органы снова сложить и привесить к костям, и сосуды так протянуть, чтобы кровь побежала по жилам, мускулы так сочетать, как прежде они сочетались, чтобы все тело прежний приняло вид, — и тогда бы голубь не ожил... Бессильна рука человека — то, что однажды убито, — она воскресить не умеет.

Если бы воля моя уподобилась воле Природы, если бы слово мое уподобилось вещему слову, если бы все, что я вижу — животные, птицы, деревья, камни, реки, озера, — вполне однородным составом чудного тела мне представлялись — тогда, без сомненья, был бы я лучший творец, и разум бы мой не метался, шествуя верным путем. Даже в потемках науки что-то мне и сейчас говорит о могучем составе мира, где все перемены направлены мудро только к тому, чтобы старые, дряхлые формы в новые отлиты были, лучшего вида сосуды.

Сядем, птицы, за стол. Ужинать будем. Останки голубя кушайте, вороны! То, что сверху ворковало, пусть вам на пользу послужит. Вы, перепелки, овсянки, клюйте крупу — вот она. Прочие птицы, вот вам лукошко червей и гусениц полная миска. Видите, как извиваются? Эти, с мохнатою спинкой, — очень вкусны. Эти как будто колбаски нитками в разных местах перетянуты. Длинные рожки эти вперед выставляют. А те на хвосте и головке прочно стоят, образуя высокую дужку. Славные это созданья! Клюйте их, рвите, крошите! Нам же неси, ученик, жирное мясо коровы. Славно оно уварилось, и суп получился чудесный.

Также и хлеба нарежь, и луку насыпь на тарелку,
перцу поставь, чтобы сразу согрелся желудок.
Чуть не забыл! Посмотри-ка, на полке за ступкой
в сером пакетике должен еще оставаться
старый пучок чесноку. Есть? Тащи его, мальчик.
Эту головку тебе, эту мне. Начинай же.

Тихий закат над землею повис. Красноватые пятна
на пол ложатся от стекол. Таинственный отдых природы
близок. Мальчик, открой-ка нам дверь и вечернюю шляпу
дай мне с гвоздя. Привет тебе, ясный мой вечер,
вечер жизни моей, старость моя! Скоро-скоро
лягу и я отдохнуть, и над вечной моею постелью
пусть плывут облака, и птицы летят, и планеты
ходят своим чередом. И чем ближе мой срок, тем все больше,
птицы, люблю я вас. Малые дети Вселенной,
крошки, зверушки воздушные, жизни животной кусочки,
в воздух поднятые, что вы с таким беспокойством
смотрите все на меня? Что притихли? Давайте-ка вместе
выйдем отсюда и солнце проводим на отдых.

Ну, шагайте, дети мои. За большим вечереющим лесом
село светлое солнце. Лучи из-за края земного
чуть долетают до облак. Верхушки вечерних деревьев
в красном сиянье стоят. Облаков золотые фигуры,
тихо колеблясь и форму свою изменяя,
медленно движутся в воздухе. Вон голова исполина,
вон воздушная лошадь. За нею три облака, слившись,
Лаокоона приняли форму. А там, возле леса,
движется облачный всадник, и ветер ему отделяет
голову с правой рукой и на запад тихонько относит.

Вечер, вечер, привет тебе! Дятлы и грузные цапли
важно шагают рядом со мной. Перепелки,
славки, овсянки стайками носятся, то опускаясь,
то поднимаясь опять, и вверху над моей головою
звонко щебечут. Малиновка, стаю покинув,
вдруг на плечо уселась и мягкой своею головкой
прямо к щеке прислонилась. Дурочка, что ты? Быть может,
хочешь сказать мне что-нибудь? Нет? Посмотри-ка на небо,

видишь — как летят облака? Мы с тобою, малютка, тоже, наверно, два облачка, только одно с бороδοю, с легким другое крылом — и оба растаем навеки.

Вот и дороге конец. На холмик зеленый поднявшись, дальше мы не пойдем. Маленький краешек солнца виден отсюда еще. Ну, мои дети, прощайте. Спать, спать пора. Завтра чудесное утро выйдет на землю, и солнце, умывшись росою, в гнезда ваши заглянет и лучиком тонким откроет чистые ваши глаза! И вот поднимается стая, с шумом крыла распахнув, с криком уносится к лесу, словно прощаясь со мной. И вослед ей другая взлетает прямо от ног. Прощайте, прощайте! И третья, прыгнув с земли, отделяется в воздух. Все дальше и дальше птицы летят, и солнце косыми лучами их заливаает и в розовый красит оттенок.

Только малиновка все еще тут. Глупая птичка! Что ж ты осталась? Иди в мои руки, малютка! Разве не видишь — ночь подходит. Люди и те уж ложатся спать — кто на полатях, кто на большом сеновале. Звери в берлогах легли, коровы в стойлах дремлют. Ходит Сон по дворам, в окошки глядит, все-то смотрит: «Кто тут не спит еще? Я вот его!» Караульщик все в колотушку стучит: «Тук-тук-тук!» Знаешь, птичка, руки вытяну я, ты с ладошки подпрыгни и быстро стаю лети догонять. Хорошо? Ну, готово, лети. Полетела.

Ходит сон по дворам... Земля моя, мать моя, лягу — скоро лягу и я в твои недра. Тогда, как ребенку, сказочку эту мне расскажи. Ходит Сон по дворам... Все-то ходит, все-то смотрит: «Кто тут не спит еще? Я вот его!»... Только эти, эти только слова, и больше ни слова не надо...

Ходит Сон по дворам... Земля моя, мать моя, знаю твой непреложный закон. Не насильник, а умный хозяин скоро придет человек, и во имя всеобщего счастья жизнь перестроит твою. Знаю это. С какою любовью травы к травам прильнут! С каким щебетаньем и свистом

птицы птиц окружают! Какой неотменно прекрасной
станет Природа! И мысль, возвращенная сердцу, —
мысль человека каким торжеством загорится!

Праздник природы, в твое приближение — верю.

1933

ПРОЩАНИЕ

Памяти С. М. Кирова

Прощание! Скорбное слово!
Безгласное, темное тело.
С высот Ленинграда сурово
холодное небо глядело.
И молча, без грома и пенья,
все три боевых поколенья
прошли в этот день пред тобою, —
как прежде готовые к бою.

В холодных садах Ленинграда,
забытая в траурном марше,
огромных дубов колоннада
стояла, как будто на страже.
Казалось, высоко над нами
природа сомкнулась рядами
и тихо рыдала и пела,
узнав неподвижное тело.

Но видел я дальние дали
и слышал с друзьями моими,
как дети детей повторяли
его незабвенное имя.
И мир исполински прекрасный
сиял над могилой безгласной,
и был он надежен и крепок,
как сердца погибшего слепок.

1934

НАЧАЛО ЗИМЫ

Зимы холодное и ясное начало
сегодня в дверь мою три раза простучало.
Я встал и вышел. Острый как металл,
мне зимний воздух сердце спеленал,
но я вздохнул и, разогнувши спину,
легко сбежал с пригорка на равнину, —
сбежал и вздрогнул: речки страшный лик
вдруг глянул на меня и в сердце мне проник.

Заковывая холодом природу,
зима идет и руки тянет в воду.
Река дрожит и, чуя смертный час,
уже открыть не может томных глаз,
и все ее беспомощное тело
вдруг страшно вытянулось и оцепенело
и, еле двигая свинцовою волной,
теперь лежит и бьется головой.

Я наблюдал, как речка умирала
не день, не два. Но только в этот миг,
отбросив равнодушья покрывало,
в ее сознание, кажется, проник.
Подобно разуму, чья немощь или сила
в глазах отображается легко,
природа в речке нам изобразила
скользящий мир сознания своего.

И уходящий трепет размышленья
я, кажется, прочел в ее глухом томленьи,
и в выраженьи волн предсмертные черты
вдруг уловил, и если знаешь ты,
как смотрят люди в день своей кончины, —
ты взгляд реки поймешь. Уже до середины
смертельно почерневшая вода
чешуйками подергивалась льда.

И я стоял у каменной глазницы,
ловил на ней последний отблеск дня.

Огромные внимательные птицы
смотрели с елки прямо на меня.
И я ушел. И ночь уже спустилась.
Крутился ветер, падая в трубу.
И речка, вероятно, еле билась,
затвердевая в каменном гробу.

1935

ВЕСНА В ЛЕСУ

Каждый день на косогоре я
пропадаю, милый друг.
Вешних дней лаборатория
расположена вокруг.

В каждом маленьком растеньице,
словно в колбочке живой,
влага солнечная пенится
и кипит сама собой.

Эти колбочки исследовав,
словно химик или врач,
в длинных перьях фиолетовых
по дороге ходит грач.

Он штудирует внимательно
по тетрадке свой урок
и больших червей питательных
собирает детям впрок.

А внутри лесов таинственных,
нелюдимый, как дикарь,
песню прадедов воинственных
начинает петь глухарь.

Словно идолище древнее,
обезумев от греха,

он рокочет за деревнею
и колышет потроха.

А на кочках под осинами,
солнца праздную восход,
с причитаньями старинными
ведут зайцы хоровод.

И над песнями, над плясками
в эту пору каждый миг,
населая землю сказками,
пламенеет солнца лик.

И, наверно, наклоняется
в наши древние леса,
и невольно улыбается
на лесные чудеса.

1935

ЗАСУХА

О, солнце, раскаленное чрез меру,
угасни, смилуйся над бедною землей!
Мир призраков колеблет атмосферу,
дрожит весь воздух ярко золотой.
Над желтыми лохмотьями растений
плывут прозрачные фигуры испарений.
Как страшен ты, костлявый мир цветов,
сожженных венчиков, расколотых листов,
обезображенных, обугленных головок,
где бродит стадо божиих коровок!

В смертельном обмороке бедная река
чуть шевелит засохшими устами.
Украшив дно большими бороздами,
ползут улитки, высунув рога.

Подводные кибиточки, повозки,
коробочки из перла и известки,
остановитесь! В этот страшный день
ничто не движется, пока не пала тень.
Лишь вечером, как только за дубравы
опустится багровый солнца круг,
заплавав жалобно, придут в сознание травы,
вздохнут дубы, подняв остатки рук.

Но жизнь моя печальней во сто крат,
когда болеет разум одинокий,
и вымыслы как чудища сидят,
поднявши морды над гнилой осокой.
И в обмороке бедная душа,
и как улитки движутся сомненья,
и на песках, колеблясь и дрожа,
встают как уголь черные растенья.

И чтобы снова исцелился разум,
и дождь и вихрь пускай ударят разом!
Ловите молнию в большие фонари,
руками черпайте кристальный свет зари,
и радуга, упавшая на плечи,
пускай дома украсит человечьи.

Не бойтесь бурь! Пускай ударит в грудь
природы очистительная сила!
Ей все равно с дороги не свернуть,
которую сознание начертило.
Учительница, девственница, мать,
ты не богиня, да и мы не боги,
но все-таки как сладко понимать
твои бессвязные и смутные уроки!

1936

ЛОДЕЙНИКОВ В САДУ

Лодейников, сидевший за столом,
ждал ужина. Уж ночь была в начале.
Вверху качались яблони. Кругом
ночные птицы жалобно кричали.
Из окон хаты шел дрожащий свет
и в полосе неверного сиянья
стояли яблони, как будто изваянья
таинственных фигур, каких на свете нет.
Лодейников с его унылым носом
сидел в тени. Работница с подносом
поставила на стол дымящийся горшок
с едою. Он поел и как лесной божок
застыл и сгорбился. Степей очарованье,
глубокий шум лесов, мерцание светил —
все принял он в себя и каждое создание
в своей душе, любя, отобразил.
Лишь одного ему не доставало —
спокойствия. О, как бы он хотел
быть этой яблоней, которая стояла
одна, вся белая среди туманных тел.
Дрожащий свет из окон проливался
и падал так, что каждый лепесток
среди туманных листьев выделялся
прозрачной чашечкой, открытой на восток.
И все чудесное и милое растение
напоминало каждому из нас
природы совершенное творенье,
для совершенных вытканное глаз.

Лодейников склонился над листьями,
и в этот миг привиделся ему
огромный червь, железными зубами
схвативший лист и прыгнувший во тьму.
Так вот она, гармония природы!
Так вот они, ночные голоса!
На безднах мук сияют наши воды,
на безднах горя высятся леса!

Лодейников прислушался. Над садом
шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшись адом,
свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
хорек пил мозг из птичьей головы,
и страшно перекошенные лица
ночных существ смотрели из травы.
Природы вековечная давиленья
соединяла смерть и бытие
в единый клуб. Но мысль была бессильна
соединить два таинства ее.

А ночь все ближе подходила,
и, нарумянив серое лицо,
наследница хозяйская Людмила
в суконной шляпке вышла на крыльцо.
Лодейников ей был неинтересен.
Хотелось ей веселья, счастья, песен, —
он был угрюм и скучен. За рекой
плясал девиц многообразный рой.
Там Соколов ходил с своей гитарой.
К нему! К нему! Он песни распевал,
он издевался над любою парой
и, словно бог, красоток целовал!

1934 <декабрь. 1936, март>

НОЧНОЙ САД

О, сад ночной, таинственный орган,
лес длинных труб, приют виолончелей!
О, сад ночной, печальный караван
немых дубов и неподвижных елей!

Он целый день метался и шумел.
Был битвой дуб и возмущеньем — тополь.
Сто тысяч листьев как сто тысяч тел
летели вместе — низко ли, высоко ль.

Железный Август в длинных сапогах
стоял вдали с большой тарелкой дичи.
И выстрелы гремели на лугах,
и в воздухе мелькали тельца птичьи.

И сад умолк, и месяц вышел вдруг,
легли внизу десятки страшных теней,
и души лип вздымали кисти рук,
все голосуя против преступлений.

О, сад ночной, о, бедный сад ночной,
о, существа, заснувшие надолго!
О, ты, возникшая над самой головой
туманных звезд таинственная Волга!

1936

* * *

Все, что было в душе, все как будто опять потерялось,
и лежал я в траве, и печалью и скукой томим.
И прекрасное тело цветка надо мной поднималось,
и кузнечик как маленький сторож стоял перед ним.

И тогда я открыл свою книгу в большом переплете,
где на первой странице растения виден чертеж.
И черна, и мертва, протянулась от книги к природе
то ли правда цветка, то ли в нем заключенная ложь.

И цветок с удивленьем смотрел на свое отраженье
и как будто пытался чужую премудрость понять.
Трепетало в листьях непривычное мысли движенье,
то усилие воли, которое не передать.

И кузнечик трубу свою поднял, и природа внезапно проснулась,
и запела печальная тварь славословье уму.
И подобье цветка в старой книге моей шевельнулось
так, что сердце мое шевельнулось навстречу ему.

1936

ВЧЕРА, О СМЕРТИ РАЗМЫШЛЯЯ...

Вчера, о смерти размышляя,
ожесточилась вдруг душа моя.
Печальный день! Природа вековая
из тьмы лесов смотрела на меня.
И нестерпимая тоска разъединенья
пронзила сердце мне, и в этот миг
все, все услышал я — и трав вечерних пенье,
и речь воды, и камня мертвый крик.
И я — живой — скитался над полями,
входил без страха в лес,
и мысли мертвецов прозрачными столбами
вокруг меня вставали до небес.
И голос Пушкина был над листвою слышен,
и птицы Хлебникова пели у воды.
И встретил камень я. Был камень неподвижен.
И проступал в нем лик Сковороды.
И все существованья, все народы
нетленное хранили бытие,
и сам я был не детище природы,
но мысль ее! Но зыбкий ум ее!

1936

СЕВЕР

В воротах Азии, среди лесов дремучих,
где сосны древние стоят, купая в тучах
свои закованные холодом верхи;
где волка валит с ног дыханием пурги;
где холодом охваченная птица
летит, летит, и вдруг, затрепетав,
повиснет в воздухе<,> и кровь у ней сгустится<,>
и птица падает — умершая — стремглав;
где в жолобах своих гробообразных,
составленных из каменного льда,
едва течет в глубинах рек прекрасных
от наших взоров скрытая вода;

где самый воздух, острый и блестящий,
дает нам счастье жизни настоящей,
весь из кристаллов холода сложен;
где солнца шар короной окружен;
где люди с ледяными бородами,
надев на голову конический треух,
сидят в санях и длинными столбами
пускают изо рта оледенелый дух;
где лошади как мамонты в оглоблях
бегут, урча; где дым стоит на кровлях
как изваяние, пугающее глаз;
где снег, сверкая, падает на нас,
и каждая снежинка на ладони
то звездочку напомнит, то кружок,
то вдруг цилиндром блеснет на небосклоне,
то крестиком опустится у ног;
в воротах Азии, в объятьях лютой стужи,
где жены в шубах и в тулупах мужи, —
несметные богатства затая,
лежит в сугробах родина моя.

А дальше к Северу, где океан полярный
гудит всю ночь и перпендикулярный
над головою поднимает лед,
где весь оледенелый самолет
свой тяжкий винт едва-едва вращает
и дальние зимовья навещает, —
там тень «Челюскина» среди ледяных плит
как призрак царственный над пропастью стоит.

О, люди Севера! О, вьюги Ванкарема!
О, мужеством рожденная поэма!
О, под людьми ломающийся лед!
О, первый Ляпидевского полет!
Теперь там все мертво и сиротливо:
круглоголовый как бильярдный шар —
то морж появится и дышит торопливо,
пуская вверх продолговатый пар;
то, потрясая мантией косматой,
пройдет медведь как демон волосатый

в своем доисторическом меху;
то небо заиграет наверху —
откроются на нем ландшафты и строенья,
мерцающая, вспыхнут длинные столбы,
цветов тончайшие пройдут соединенья
и вновь погаснут около трубы...
Корабль недвижим. Призрак величавый,
что ты стоишь с твоею чудной славой?
Ты — пар воображенья, ты — фантом,
но подвиг твой — свидетельство о том,
что здесь, на Севере, в середине льдов тяжелых,
разрезав моря каменную грудь,
флотилии огромных леодоколов
пробьют над миром небывалый путь.
Как бронтозавры сказочного века,
они пройдут — созданья человека,
пловучие вместилища чудес,
бия винтами, льдам наперерез.
И вся природа мертвыми руками
обнимет их, но, брошенная вспять,
горой отчаянья падет над берегами
и не посмеет головы поднять.

1936

ГОРИЙСКАЯ СИМФОНИЯ*

Есть в Грузии необычайный город.
Там буйволы, засунув шею в ворот,
стоят как боги древности седой,
склонив рога над шумною водой;
там основанья каменные хижин
из первобытных сложены булыжин,
и тополя, расставленные в ряд,
подняв над миром трепетное тело,
по-карталински медленно шумят
о подвигах великого картвела.

* Гори — город в Грузии, родина И. В. Сталина. <Примеч. Н. З.>

И древний холм в уборе ветхих башен
царит вверху, и город, полный сил,
его суровым бременем украшен,
все племена в себе объединил.
Взойди на холм, прислушайся к дыханью
камней и трав, и, сдерживая дрожь,
из сердца вырвавшийся гимн существованью,
счастливый, ты невольно запоешь.

Как широка, как сладостна долина,
течение рек как чисто и легко,
как цепи гор, слагаясь воедино,
преображенные, сияют далеко!

Здесь центр земли. Живой язык природы
здесь учит нас основам языка,
и своды слов стоят, как башен своды,
и мысль течет, как горная река.

Ты помнишь вечер — солнце опускалось,
дымился неба купол голубой.
Вся Карталиния в огнях переливалась,
мычали буйволы, качаясь над Курой.
Замолкнул город, тих и неподвижен,
и эта хижина — беднейшая из хижин —
казалась нам и меньше и темней.
Но как влеклось мое сознание к ней!

Припоминая отрочества годы,
хотел понять я, как в такой глуши
образовался действием природы
первоначальный строй его души, —
как он смотрел в небес огромный купол,
как гладил буйвола, как свой твердил урок,
как в тайниках души своей баюкал
то, что еще и высказать не мог.

Привет тебе, о Грузия моя,
рожденная в страданиях и буре!

Привет вам, виноградники, поля,
гром тракторов и пенье чианури!
Привет тебе, мой брат имеретин,
привет тебе, могучий карталинец,
мегрел задумчивый и храбрый осетин,
и с виноградной чашей кахетинец!
Привет тебе, могучий мой Кавказ,
короны гор и пропасти ущелий!
Привет тебе, кто слышал в первый раз
торжественное пенье Руставели!

Приходит ночь, и песня на устах
у всех, у всех от Мцхета до Сигнаха.
Поет хевсур, весь в ромбах и крестах,
свой щит и меч повесив в Борисахо.
Из дальних гор, из каменной избы
выходят сваны длинной вереницей,
и воздух прорезает звук трубы,
и скалы отвечают ей сторицей.
И мы садимся около костров,
вздыхаем чашу дружеского пира,
и «Мравалжамиер» гремит в стране отцов —
заздравный гимн — вождю народов мира.

И снова утро всходит над землю.
Прекрасен мир в начале октября!
Скрипит арба, народ бежит толпою,
и персики как нежная заря
мерцают из раскинутых корзинок.
О, двух миров могучий поединок!
О, крепость мертвая на каменной горе!
О, спор веков и битва в Октябре!
Пронзен весь мир с подножья до вершины;
исчез племен косноязычный быт,
и план, начертанный рукою исполина,
перед народами открыт.

1936

* * *

Природа черная, как кузница,
Кто ты — богиня или узница?
Когда бы ты была богиней,
Ты не дружила бы с пустыней.
Когда б ты узницей была,
Давно бы, верно, умерла.
Природа черная, как кузница,
Отныне людям будь союзница,
Тебя мы вылечим в больнице,
Посадим в школу за букварь,
Чтоб говорить умели птицы
И знали волки календарь;
Чтобы в лесу, саду и школе
Уж по своей, не нашей, воле
Природа, полная ума,
На нас работала сама.

<1936>

СЕДОВ

Он умирал, сжимая компас верный...
Природа мертвая, закованная льдом,
лежала вокруг него, и солнца лик пещерный
через туман просвечивал с трудом.
Скрестив ремень на маленькой груди,
свой легкий груз собаки чуть влачили.
Корабль, затертый в ледяной могиле,
уж далеко остался позади.
И целый мир остался за спиной!
В страну безмолвия, где полюс-великан,
увенчанный тиарой ледяною,
с меридианом свел меридиан;
где полукруг полярного сиянья
копьем алмазным небо пересек;
где вековое мертвое молчанье
нарушить мог один лишь человек, —

туда, туда! В страну туманов бледных,
где обрывается последней жизни нить!
И сердца стон, и жизни миг последний —
все, все отдать, но полюс победить!

Он умирал посереде дороги,
болезнями и голодом томим,
в цинготных пятнах ледяные ноги,
как бревна, мертвые лежали перед ним.
Но странно! — в этом полумертвом теле
еще жила великая душа.
Превозмогая боль, едва дыша,
к лицу приблизив компас еле-еле,
он проверял по стрелке свой маршрут
и гнал вперед свой поезд погребальный...
О, край земли, угрюмый и печальный!
Какие люди побывали тут!

И здесь, на дальнем Севере, могила...
Никто не знает, где лежит она.
Один лишь ветер воет там уныло,
и снега ровная блистает пелена.
Два верных друга, чуть живые оба,
среди камней героя погребли,
и не было ему простого даже гроба,
щепотки не было родной ему земли.
И не было ему ни почестей военных,
ни траурных салютов, ни венков,
лишь два матроса, стоя на коленях,
как дети, плакали, — одни среди снегов.

Но люди мужества, друзья, не умирают.
Теперь, когда над нашей головой
четыре вихря воздух рассекают
и пропададут в дымке голубой;
когда сквозь мрак арктических туманов,
магнитных бурь, неведомых уму,
пробился к полюсу отважный Водопьянов
и всех друзей собрал по одному;

когда, развернут по приказу Шмидта,
наш флаг над полюсом колеблется, крылат,
и будут пойманы углом теодолита
восход луны и солнечный закат;
когда по только что проложенному следу,
чтоб довершить прекрасную победу,
пронесся Чкалов, славен и велик,
связав с Америкой наш буйный материк, —
друзья мои, на торжестве народном
помянем тех, кто пал в краю холодном!

Вставай, Седов, могучий следопыт!
Твой старый компас мы сменили новым.
Но твой поход на Севере суровом —
он никогда не будет позабыт.
И жить бы нам на свете без предела,
вгрызаясь в льды, меняя русла рек, —
отчизна воспитала нас и в тело
живую душу вдунула навек.
И мы пойдем в урочища любые,
и, если смерть застигнет у снегов,
лишь одного просил бы у судьбы я:
так умереть, как умирал Седов!

1937

ВЕЛИКАЯ КНИГА

В младенчестве я слышал много раз
Полузабытый прадедов рассказ
О книге сокровенной... За рекою
Кровавый луч зари, бывало, чуть горит,
Уж спать пора, уж белой пеленою
С реки ползет туман и сердце леденит,
Уж бедный мир, забыв свои страданья,
Затихнул весь, и только вдалеке
Кузнечик — маленький работник мирозданья —
Все трудится — поет, не требуя вниманья, —
Один, на непонятном языке...

О, тихий час, начало летней ночи!
Деревня в сумраке... И возле темных хат
Седые пахари, полузакрывши очи,
На бревнах еле слышно говорят.
И вижу я сквозь темноту ночную.
Когда огонь над трубкой вспыхнет вдруг,
То спутанную бороду седую,
То жилы выпуклые истомленных рук,
И слышу я знакомое сказанье.
Как Правда Кривду вызвала на бой.
Как одолела Кривда в состязаньи
И Правды нет с тех пор в стране родной.
Лишь далеко на Океане-море...
На белом камне, посредине вод.
Сияет книга в золотом уборе,
Лучами упираясь в небосвод.
Та книга выпала из некой грозной тучи,
Все буквы в ней цветами проросли,
И в ней записана рукой судеб могучей
Вся правда сокровенная земли.
Но семь на ней повешено печатей
И сто зверей ту книгу стерегут,
И велено до той поры молчать ей,
Пока печати в бездну не спадут.
А ночь горит над тихою землею,
Дрожащим светом залиты поля.
И высоко плывут над головою
Туманные ночные тополя.
Как сказка — мир. Сказания народа,
Их мудрость темная, но милая вдвойне,
Как эта древняя могучая природа,
С младенчества запали в душу мне.
Предчувствие ли темное таится
В сказаньях этих, или боль души, —
Учись у них и жизнь, покуда длится,
Не мудрствуя, соратник мой, пиши.
Но год за годом пронеслись года
И много лет прошло с тех пор, когда
Впервые услышал я тот рассказ унылый.
Уж в памяти давно померкнул он.

Но ожил вдруг опять с неумолимой силой,
Лучами юности далекой озарен.
Когда страна, низвергнувшая иго,
Воздвигла Конституцию побед,
Я понял, как зовется эта книга,
Которой ждал народ в годину тяжких бед.
Я понял, что в сказании туманном
Народ запечатлел мечту о книге той,
Которая дана советским странам
Во всем своем величьи первоизданном
И красоте торжественно-простой.
Не Октября ли грозовые тучи
Ее на нашу землю принесли?
Не сталинской ли силою могучей
В ней истина записана земли?
И уж лежит она не в Океане-море —
В живой душе ей уготован дом,
Она сияет в каждом честном взоре.
Шумит, как ветер на степном просторе,
Поет, как птица в небе золотом.
О, Родина! С какой еще любовью
Прославить нам дыханье Октября,
Поля твои, обрызганные кровью,
Леса твои и реки, и моря?
Лежишь ты, Родина, и нет тебе предела,
И нет законов для твоих чудес, —
Ты север свой холодным льдом одела,
Вершины гор воздвигла до небес.
Пойдешь ли в поле — выше плеч пшеница,
В леса войдешь — зверье кишит вокруг,
Заглянешь в недра — разум помутится —
Кувалды золота, каменьев вереница —
Все блещет, все горит, все ждет рабочих рук.
И все богатства Родины великой —
Земля и золото, и уголь, и руда —
Навек твои, народ миллионноликий,
Владыка мира, счастья и труда!
Где ты, старик, рассказчик мой ночной?
Мечтал ли ты о правде трудовой

И верил ли в минуты искупленья?
Не знаю я... Ты умер, слаб и сир.
И над тобою, полное кипенья,
Давно шумит иное поколенья,
Угрюмый перестраивая мир.

1937

БЕССМЕРТИЕ

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь, —
на самом деле то, что именуют мной, —
не я один. Нас много. Я — живой.
Чтоб кровь моя остынуть не успела,
я умирал не раз. О, сколько мертвых тел
я отделил от собственного тела!
И если б только разум мой прозрел
и в землю устремил пронзительное око,
он увидал бы там, среди могил, глубоко
лежащего — меня! Он показал бы мне —
меня, колеблемого на морской волне,
меня, летящего по ветру в край незримый, —
мой бедный прах, когда-то так любимый.

А я все жив! Все чище и полней
объемлет дух мир, полный чудных тварей.
Жива природа. Жив среди полей
и злак живой, и мертвый мой гербарий.
Одно в одно, и форма в форму. Мир
во всей его живой архитектуре —
орган поющий, море труб, клавиш,
благоустроенный и в радости и в буре.
Как все меняется! Что было раньше птицей —
теперь лежит написанной страницей;
мысль некогда была простым цветком,
поэма шествовала медленным быком;
а то, что было мною, то, быть может,
опять растет и мир растений множит.

Вот так, с трудом, пытаюсь развивать
как бы клубок какой-то сложной пряжи, —
вдруг и увидишь то, что должно называть
бессмертием. О суеверья наши!

1937

ПРЕДАТЕЛИ

Как? Распродать страну?! Чтоб под сапог германский
Все то, что создано работою гигантской,
Всем напряженьем сил, всей волею труда, —
Колхозы, шахты, стройки, города, —
Все бросить, все продать?! Чтоб на народном теле
Опять они, как вороны, сидели!
Чтобы нагайка снова по спине
Пошла гулять! Чтобы по всей стране
Застенки выросли! Чтоб фабрики, заводы,
Колхозы, шахты, пашни, пароходы —
Все снова им, на выбор, с молотка!
Нет, руки коротки. Здесь мы живем пока.
Здесь мы живем. Здесь, в этой части света
Ударил гром, чтоб потряслась планета —
Наш первый гром, предшественник громов.
Сквозь бедствия войны, переполох умов,
Сквозь горе человеческое, муку
Мы пронесли великую науку —
Науку побеждать, чтоб был у власти Труд,
Науку строить так, как в песнях лишь поют,
Науку веровать в людей и, если это надо, —
Уменье заклеить и уничтожить гада.

1937

ВОЙНА — ВОЙНЕ

Война вздымает голову с кладбища,
Уж новая ей требуется пища.

За 18 лет народу подросло, —
Проходят годы, не проходит зло.
Увы, уроки Марны и Вердена
Позабываются. Шагая по колена
В густой крови, война идет на нас.
Бери ружье, готовь противогаз!
Ах, покажите эту мне породу,
Которая наперекор народу
Опять весь мир пытается зажечь.
Проклятые! Пусть сами лезут в печь!
В окопы их! В траншеи! В загражденья!
Пускай валяются без сна и без движенья,
На собственной пусть шее волокут
То, что войной и ужасом зовут.
На собственной пусть испытают шкуру,
Что значит жить в железной этой буре,
Что значит газами смертельными дышать,
Что значит трупом на земле лежать.

Откуда эта гнусная порода?
Какие матери взрастили их? Какой
Кровавой пищею питала их природа?
Кто дал им право в жизни трудовой
Вершить без страха эти преступленья?
Известны нам в природе извращенья:
По темным норам ядовитый гад
Ползет, хватая пищу, наугад;
Вонючка брызжет ядовитым соком;
Могильный ворон на дубу высоком
Сидит вблизи, почуя мертвеца;
В чужие гнезда два иль три яйца
Кладет кукушка; от очей сокрыты,
Живут в телах животных паразиты.
Но что они в сравнении с людьми?
Их только обогрей да накорми —
Они и сыты. Человечий гад
Гнуснее их и мерзостней стократ.

Он с детства обучается наукам,
О «добродетели», о «правде» он твердит,

Он завещает правнукам и внукам
Хранить свой «чистый», свой арийский вид.
Запрятав совесть от людей подале,
Преважно рассуждает о Валгалле,
Средневековые — для него пример.
К чему он клонит — этот изувер?
Нет, не вонючка он, не замогильный ворон,
Не гад, живущий в яме под забором, —
Он враг сознательный. Всей силою ума
Он хочет разрушенья мирового,
Чтоб жизнь народов стала, как тюрьма,
И все живое стало мертвым снова.

Из дальней Африки безгласны и унылы
Взывают абиссинские могилы.
Что скажем им? Блистательный Мадрид,
Обороняясь, заживо горит.
И есть ли хоть один злодей на свете,
Кого убитые не ужасают дети?
О, стыд смертельный! Ужас и позор!
И до каких продлится это пор?

Кровавый мир, безумный мир! Становье
Зверей безжалостных! Берлога из берлог!
Где вы, поля мои? Кто окропил вас кровью?
Где вы, цветы мои? Кто вас огнем сожег?
И разве можно где-нибудь укрыться,
Чтоб не видеть, не слышать, что творится?
Как угасить души смертельный гнев?
Сил нет таких! И вот, преодолев
Свой мирный нрав, с винтовкой боевою
Стоит народ, опять готовый к бою.

В такой стране — единственной стране,
Которая от самого начала
Провозгласила ненависть к войне,
Которая мужала и крепчала
И превратилась в подлинный оплот
Труда всемирного, где правит сам народ,

Где о врагах своих он помнит ежечасно,
В такой стране быть воином прекрасно!

Звериный мир звериной злобой дышит,
Кричи ему что хочешь — не услышит:
Язык насилья и язык труда
Друг другу непонятны никогда.
Но есть иной язык — язык железных птиц,
Наречье танков, говор пулеметов, —
Враг их поймет, явившись у границ,
Чтоб посягнуть на мирный труд народов.
Законы дипломатии откинув,
Трубою мира был седой Литвинов.
Трубою мира в первый день войны.
Да будет голос всей моей страны,
Да будет лозунг этот неизменным —
«Война — войне!» И коль ударит час,
Подняв его на знамени военном,
Мы двинемся вперед,
И мир услышит нас.

1937

* * *

Собор, как древний каземат,
Стоит, подняв главу из меди.
Его вершина и фасад
Слепыми окнами сверлят
Даль непроглядную столетий.

Войны седые облака
Летят над куполом, и, воя,
С высот свергается река,
Сменив движенье на кривое,
А тут внутри — почти темно.
Из окон падающий косо
Квадратный луч летит в окно,
И божья мать кривоноса

И криволица — в алтаре
Стоит, как столп, подняв горе
Подобье маленького бога.
Из алебаstra он. Убого
И грубо высечен. Но в нем
Мысль трех веков горит огнем.

Не слишком тонок был резец,
Когда, прикинувшийся греком,
Софию взяв за образец,
Стал Бог славянский человеком.
Из окон видим мы вдали
Край очарованной долины.
Славян спокойных корабли
Стоят у берега. Овины
Вдали дымят, и крыши сел
Уже стругает новосел.

<1937—1938?>

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Опять мне блеснула, окована сном,
Хрустальная чаша во мраке лесном.

Сквозь битвы деревьев и волчьи сраженья,
Где пьют насекомые сок из растенья,
Где буйствуют стебли и стонут цветы,
Где хищными тварями правит природа,
Пробрался к тебе я и замер у входа,
Раздвинув руками сухие кусты.

В венце из кувшинок, в уборе осок,
В сухом ожерелье растительных дудок
Лежал целомудренной влаги кусок,
Убежище рыб и пристанище уток.
Но странно, как тихо и важно кругом!
Откуда в трущобах такое величье?

Зачем не беснуется полчище птичье,
Но спит, убаюкано сладостным сном?
Один лишь кулик на судьбу негодует
И в дудку растенья бессмысленно дует.

И озеро в тихом вечернем огне
Лежит в глубине, неподвижно сияя,
И сосны, как свечи, стоят в вышине,
Смыкаясь рядами от края до края.
Бездонная чаша прозрачной воды
Сияла и мыслила мыслью отдельной,
Так око больного в тоске беспредельной
При первом сиянье вечерней звезды,
Уже не сочувствуя телу больному,
Горит, устремленное к небу ночному.
И толпы животных и диких зверей,
Просунув сквозь елки рогатые лица,
К источнику правды, к купели своей
Склонились воды животворной напиться.

1938

СОЛОВЕЙ

Уже умолкала лесная капелла.
Едва открывал свое горлышко чирик.
В коронке листов соловьиное тело
Одно, не смолкая, над миром звенело.

Чем больше я гнал вас, коварные страсти,
Тем меньше я мог насмеяться над вами.
В твоей ли, пичужка ничтожная, власти
Безмолвствовать в этом сияющем храме?

Косые лучи, ударяя в поверхность
Прохладных листов, улетали в пространство.
Чем больше тебя я испытывал, верность,
Тем меньше я верил в твое постоянство.

А ты, соловей, пригвожденный к искусству,
В свою Клеопатру влюбленный Антоний,
Как мог ты довериться, бешеный, чувству,
Как мог ты увлечься любовной погоней?

Зачем, покидая вечерние рощи,
Ты сердце мое разрываешь на части?
Я болен тобою, а было бы проще
Расстаться с тобою, уйти от напасти.

Уж так, видно, мир этот создан, чтоб звери,
Родители первых пустынных симфоний,
Твои восклицанья услышав в пещере,
Мычали и выли: «Антоний! Антоний!»

1939

<ПАСТУХИ>

П а с т у х и

— Возникновение этих фигурок
В чистом пространстве небосклона
Для меня более чем странно.
— Струи фонтана
Менее прозрачны, чем их крылья.
— Обратите внимание на изобилие
Пальмовых веток, которые они держат в своих ручках.
— Некоторые из них в туфельках, другие в онучках.
— Смотрите, как сверкают у них перышки.
— Некоторые — толстяки, другие — заморышки.
— Горлышки
Этих созданий трепещут от пения.
— Терпение!
Через минуту мы узнаем кой-какие новости.
— В нашей волости
Была икона с подобными изображениями.
— А я видал у бати книгу,
Где мужичок такой пернатый

Из пальцев сделанную фигу
Казал рукой продолговатой.
— Дурашка! Он благословлял народы.
— И эти тоже ангелочки
Благословляют, сняв порточки,
Земли возвышенные точки.
— Послушайте, они дудят в серебряные дудочки.
— Только что они были там, а теперь туточки.

П е н и е

Из глубин, где полдень ярок,
Где прозрачный воздух жарок,
Мы, подобье малых деток,
Принесли земле подарок.
Мы — подобье малых деток,
Смотрит месяц между веток,
Звёзды робкие проснулись,
В небесах пошевельнулись.

Б ы к

Смутно в очах,
Мир на плечах.
В землю гляжу,
Тяжко хожу.

П е н и е

Бык ты, бык, ночной мыслитель,
Отвори глаза слепые,
Дай в твое проникнуть сердце,
Прочитать страданий книгу!
Дай в твое проникнуть сердце,
Дай твою подумать думу,
Дай твою земную силу
Силой неба опоясать!

П а с т у х и

- Кажется, эти летающие дурни разговаривают с коровами?
- Уже небеса делаются багровыми.
- Скоро вечер. Не будем на них обращать внимания.
- Эй, создания!

<1930-e>

III. Стихотворения 1946—1958 годов

СЛЕПОЙ

С опрокинутым в небо лицом,
С головой непокрытой,
Он торчит у ворот,
Этот проклятый богом старик.
Целый день он поет,
И напев его грустно-сердитый,
Ударяя в сердца,
Поражает прохожих на миг.

А вокруг старика
Молодые шумят поколенья,
Расцветая в садах,
Сумасшедшая стонет сирень.
В белом гроте черемух
По серебряным листьям растений
Поднимается к небу
Ослепительный день...

Что ж ты плачешь, слепец?
Что томишься напрасно весной?
От надежды былой
Уж давно не осталось следа.

Черной бездны твоей
Не укроешь весенней листвою,
Полумертвых очей
Не отроешь, увы, никогда.

Да и вся твоя жизнь —
Как большая привычная рана.
Не любимец ты солнцу,
И природе не родственник ты.
Научился ты жить
В глубине векового тумана,
Научился смотреть
В вековое лицо темноты...

И боюсь я подумать,
Что где-то у края природы
Я такой же слепец
С опрокинутым в небо лицом.
Лишь во мраке души
Наблюдаю я вешние воды,
Собеседую с ними
Только в горестном сердце моем.

О, с каким я трудом
Наблюдаю земные предметы,
Весь в тумане привычек,
Невнимательный, суетный, злой!
Эти песни мои —
Сколько раз они в мире пропеты!
Где найти мне слова
Для возвышенной песни живой?

И куда ты влечешь меня,
Темная грозная муза,
По великим дорогам
Необъятной отчизны моей?
Никогда, никогда
Не искал я с тобою союза,
Никогда не хотел
Подчиняться я власти твоей, —

Ты сама меня выбрала,
И сама ты мне душу пронзила,
Ты сама указала мне
На великое чудо земли...
Пой же, старый слепец!
Ночь подходит. Ночные светила,
Повторяя тебя,
Равнодушно сияют вдали.

1946

УТРО

Петух запеваает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.
Там черных деревьев стоят батальоны,
Там елки как пики, как выстрелы — клены,
Их корни как шкворни, сучки как стропила,
Их ветры ласкают, им светят светила.

Там дятлы, качаясь на дубе сыром,
С утра вырубают своим топором
Угрюмые ноты из книги дубрав,
Короткие головы в плечи вобрав.

Рожденный пустыней,
Колелется звук,
Колелется синий
На нитке паук.
Колелется воздух,
Прозрачен и чист,
В сияющих звездах
Колелется лист.

И птицы, одетые в светлые шлемы,
Сидят на воротах забытой поэмы,
И девочка в речке играет нагая
И смотрит на небо, смеясь и мигая.

Петух запеваает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.

1946

ГРОЗА

Сдрогааясь от мук, пробежала над миром зарница,
Тень от тучи легла, и слилась, и смешалась с травой.
Все труднее дышать, в небе облачный вал шевелится.
Низко стелется птица, пролетев над моей головой.

Я люблю этот сумрак восторга, эту краткую ночь вдохновенья,
Человеческий шорох травы, вещей холод на темной руке,
Эту молнию мысли и медлительное появленье
Первых дальних громов — первых слов на родном языке.

Так из темной воды появляется в мир светлоокая дева,
И стекает по телу, замирая в восторге, вода,
Травы падают в обморок, и направо бегут и налево
Увидавшие небо стада.

А она над водой, над просторами круга земного,
Удивленная, смотрит в дивном блеске своей наготы.
И, играя громами, в белом облаке катится слово,
И сияющий дождь на счастливые рвется цветы.

1946

БЕТХОВЕН

В тот самый день, когда твои созвучья
Преодолели сложный мир труда,
Свет пересилил свет, прошла сквозь тучу туча,
Гром двинулся на гром, в звезду вошла звезда.

И яростным охвачен вдохновеньем,
В оркестрах гроз и трепете громов,
Поднялся ты по облачным ступеням
И прикоснулся к музыке миров.

Дубравой труб и озером мелодий
Ты превозмог нестройный ураган,

И крикнул ты в лицо самой природе,
Свой львиный лик просунув сквозь орган.

И пред лицом пространства мирового
Такую мысль вложил ты в этот крик,
Что слово с воплем вырвалось из слова
И стало музыкой, венчая львиный лик.

В рогах быка опять запела лира,
Пастушьей флейтой стала кость орла,
И понял ты живую прелесть мира
И отделил добро его от зла.

И сквозь покой пространства мирового
До самых звезд прошел девятый вал...
Откройся, мысль! Стань музыкою, слово,
Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал!

1946

УСТУПИ МНЕ, СКВОРЕЦ, УГОЛОК

Уступи мне, скворец, уголок,
Посели меня в старом скворешнике.
Отдаю тебе душу в залог
За твои голубые подснежники.

И свистит и бормочет весна.
По колено затоплены тополи.
Пробуждаются клены от сна,
Чтоб, как бабочки, листья захлопали.

И такой на полях кавардак,
И такая ручьев околёсица,
Что попробуй, покинув чердак,
Слома голову в рощу не броситься!

Начинай серенаду, скворец!
Сквозь литавры и бубны истории,

Ты — наш первый весенний певец
Из березовой консерватории.

Открывай представленья, свистун!
Запрокинься головкою розовой,
Разрывая сияние струн
В самом горле у рощи березовой.

Я и сам бы стараться горазд,
Да шепнула мне бабочка-странница:
— Кто бывает весною горласт,
Тот без голоса к лету останется.

А весна хороша, хороша!
Охватило всю душу сиренями.
Поднимай же скворешню, душа,
Над твоими садами весенними.

Поселись на высоком шесте,
Полыхая по небу восторгами,
Прилепись паутинкой к звезде
Вместе с птичьими скороговорками.

Повернись к мирозданию лицом,
Голубые подснежники чествуя,
С потерявшим сознание скворцом
По весенним полям путешествуя.

1946

ЧИТАЙТЕ, ДЕРЕВЬЯ, СТИХИ ГЕЗИОДА

Читайте, деревья, стихи Гезиода,
Дивись Оссиановым гимнам, рябина!
Не меч ты поднимешь сегодня, природа,
Но школьный звонок над щитом Кухулина.
Еще заливаются ветры, как барды,
Еще не смолкают березы Морвена,

Но зайцы и птицы садятся за парты
И к зверю девятая сходит Камена.
Березы, вы школьницы! Полно калякать,
Довольно скакать, задирая подолы!
Вы слышите, как через бурю и слякоть
Ревут водопады, спрягая глаголы?
Вы слышите, как перед зеркалом речек,
Под листьями ивы, под лапами ели,
Как маленький Гамлет, рыдает кузнечик,
Не в силах от вашей уйти канители?
Опять ты, природа, меня обманула,
Опять провела меня за нос, как сводня!
Во имя чего среди ливня и гула
Опять, как безумный, брожу я сегодня?
В который ты раз мне твердишь, потаскуха,
Что здесь, на пороге всеобщего тленья,
Не место бессмертным иллюзиям духа,
Что жизнь продолжается только мгновенье!
Вот так я тебе и поверил! Покуда
Не вытряхнут душу из этого тела,
Едва ли иного достоин я чуда,
Чем то, от которого сердце запело.
Мы, люди, — хозяева этого мира,
Его мудрецы и его педагоги,
Затем и поет Оссианова лира
Над чащею леса, у края берлоги.
От моря до моря, от края до края
Мы учим и пестуем младшего брата,
И бабочки, в солнечном свете играя,
Садятся на лысое темя Сократа.

1946

ЕЩЕ ЗАРЯ НЕ ВСТАЛА НАД СЕЛОМ

Еще заря не встала над селом,
Еще лежат в саду десятки теней,
Еще блистает лунным серебром
Замерзший мир деревьев и растений.

Какая ранняя и звонкая зима!
Еще вчера был день прозрачно-синий,
Но за ночь ветер вдруг сошел с ума,
И выпал снег, и лег на листья иней.

И я смотрю, задумавшись, в окно.
Над крышами соседнего квартала,
Прозрачным пламенем своим окружено,
Восходит солнце медленно и вяло.

Седых берез волшебные ряды
Метут снега безжизненной куделью.
В кристалл холодный убраны сады,
Внезапно занесенные метелью.

Мой старый пес стоит, насторожась,
А снег уже блистает перламутром,
И все яснее чувствуется связь
Души моей с холодным этим утром.

Так на заре просторных зимних дней
Под сенью замерзающих растений
Нам предстают свободней и полней
Живые силы наших вдохновений.

1946

В ЭТОЙ РОЩЕ БЕРЕЗОВОЙ

В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной
Льются листья с высоких ветвей, —
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.

Пролетев над поляною
И людей увидав с высоты,
Избрала деревянную
Неприметную дудочку ты,
Чтобы в свежести утренней,
Посетив человечье жилье,
Целомудренно бедной заутренней
Встретить утро мое.

Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы,
Белым вихрем взметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолкла, мой друг?

Окруженная взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.

За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опаленными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет.
И тогда в моем сердце разорванном
Голос твой запоет.

И над рощей березовой,
Над березовой рощей моей,
Где лавиною розовой
Льются листья с высоких ветвей,

Где под каплей божественной
Холодеет кусочек цветка, —
Встанет утро победы торжественной
На века.

1946

Я НЕ ИЩУ ГАРМОНИИ В ПРИРОДЕ

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов.

Но в тихий час осеннего заката,
Когда умолкнет ветер вдалеке,
Когда, сияньем немощным объята,
Слепая ночь опустится к реке,

Когда, устав от буйного движенья,
От бесполезно тяжкого труда,
В тревожном полусне изнеможенья
Затихнет потемневшая вода,

Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодной игрой, —
Как бы прообраз боли человеческой
Из бездны вод встает передо мной.

И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.

И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Так, засыпая на своей кровати,
Безумная, но любящая мать
Таит в себе высокий мир дитяти,
Чтоб вместе с сыном солнце увидеть.

1947

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В крылатом домике, высоко над землей,
Двумя ревущими моторами влекомый,
Я пролетал вчера дорогой незнакомой,
И облака, скользя, толпились подо мной.

Два бешеных винта, два трепета земли,
Два грозных грохота, две ярости, две бури,
Сливая лопасти с блистанием лазури,
Влекли меня вперед. Гремели и влекли.

Лентообразных рек я видел перелив,
Я различал полей зеленоватых призму,
Туманно-синий лес, прижатый к организму
Моей живой земли, гнезвился между нив.

Я к музыке винтов прислушивался, я
Согласный хор винтов распределял на части,
Я изучал их песнь, я понимал их страсти,
Я сам изнемогал от счастья бытия.

Я посмотрел в окно, и сквозь прозрачный дым
Блестательных хребтов суровые вершины,
Торжественно скользя под грозный рев машины,
Дохнули мне в лицо дыханьем ледяным.

И вскрикнула душа, узнав тебя, Кавказ!
И солнечный поток, прорезав тело тучи,
Упал, дымясь, на кристаллические кучи
Огромных ледников, и вспыхнул, и погас.

И далеко внизу, расправив два крыла,
Скользило подо мной подобье самолета.
Казалось, из долин за нами гнался кто-то,
Похитив свой наряд и перья у орла.

Быть может, это был неистовый Икар,
Который вырвался из пропасти вселенной,
Когда напев винтов с их тяжестью мгновенной
Нанес по воздуху стремительный удар.

И вот он гонится над пропастью земли,
Как привидение летающего грека,
И славит хор винтов победу человека,
И Грузия моя встречает нас вдали.

1947

ХРАМГЭС

Плоскогорье Цалки, твою высоту
Стерегут, обступив, Триалетские скалы.
Ястреб в небе парит, и кричит на лету,
И приветствует яростным воплем обвалы.

Здесь в бассейнах священная плещет форель,
Здесь стада из разбитого пьют саркофага,
Здесь с ума археологи сходят досель,
Открывая гробницы на склоне оврага.

Здесь История пела, как дева, вчера,
Но сегодня от грохота дрогнули горы,
Титанических взрывов взвились веера,
И взметнулись ракет голубых метеоры.

Там, где волны в ущелье пробили проход,
Многотонный бетон пересек горловину,
И река, закипев у подземных ворот,
Покатилась, бушуя, обратно в долину.

Словно пойманный зверь, зарычала она,
Вырывая орешник, вздымая каменья,
Заливая печальных гробниц письмена,
Где давно позабытые спят поколенья.

Опустись, моя муза, в глубокий тоннель!
Ты — подружка гидравлики, сверстница тока.
Пред тобой в глубине иверийских земель
Зажигается новое солнце востока.

Ты послушай, как свищет стальной соловей,
Как трепещет в бетоне железный вибратор,
Опусти свои очи в зияющий кратер,
Что уходит в скалу под ногою твоей.

Здесь грузинские юноши, дети страны,
Словно зодчие мира, под звуки пандури
Заключили в трубу завывание бури
И в бетон заковали кипенье волны.

Нас подхватит волна, мы помчимся с тобой,
Мы по трубам низринемся в бездну ущелья,
Где раструбы турбин в хороводе веселья
Заливаются песней своей громовой.

Из пространств генератора мы полетим
Высоко над землей по струне передачи,
Мы забудем с тобою про все неудачи,
Наслаждаясь мгновенным полетом своим.

Над Курюю огромные звезды горят,
Словно воины, встали вокруг кипарисы,
И залитые светом кварталы Тбилиси
О грядущих веках до утра говорят.

САГУРАМО

Я твой родничок, Сагурамо,
Наверно, вовек не забуду.
Здесь каменных гор панорама
Вставала, подобная чуду.

Здесь гор изумрудная груда
В одежде из груш и кизила,
Как некое древнее чудо,
Навек мое сердце пленила.

Спускаясь с высот Зедазени,
С развалин старинного храма,
Я видел, как тропы оленье
Бежали к тебе, Сагурамо.

Здесь птицы, как малые дети,
Смотрели в глаза человечьи
И пели мне песню о лете
На птичьем блаженном наречье.

И в нише из древнего камня,
Где ласточек плакала стая,
Звучала струя родника мне,
Дугою в бассейн упадая.

И днем, над работой склоняясь,
И ночью, проснувшись в постели,
Я слышал, как, в окна врываясь,
Холодные струи звенели.

И мир превращался в огромный
Певучий источник величья,
И, песней его изумленный,
Хотел его тайну постичь я.

И спутники Гурамишвили,
Вставая из бездны столетий,
К постели моей подходили,
Рыдая, как малые дети.

И туч поднимались волокна,
И дождь барабанил по крыше,
И с шумом в открытые окна
Врывались летучие мыши.

И сердце Ильи Чавчавадзе
Гремело так громко и близко,
Что молнией стала казаться
Вершина его обелиска.

Я вздрагивал, я просыпался,
Я с треском захлопывал ставни,
И снова мне в уши врывался
Источник, звенящий на камне.

И каменный храм Зедазени
Пылал над блистательным Мцхетом,
И небо тропинки оленье
Своим заливало рассветом.

1947

НОЧЬ В ПАСАНАУРИ

Сияла ночь, играя на пандури,
Луна плыла в убежище любви,
И снова мне в садах Пасанаури
На двух Арагвах пели соловьи.

С Крестового спустившись перевала,
Где в мае снег и каменистый лед,
Я так устал, что не желал нисколько
Ни соловьев, ни песен, ни красот.

Под звуки соловьиного напева
Я взял фонарь, разделся догола,
И вот река, как бешеная дева,
Мое большое тело обняла.

И я лежал, схватившись за камень,
И надо мной, сверкая, выл поток,
И камни шевелились в исступленье
И бормотали, прыгая у ног.

И я смотрел на бледный свет огарка,
Который колебался вдалеке,
И с берега огромная овчарка
Величественно двигалась к реке.

И вышел я на берег, словно воин,
Холодный, чистый, сильный и земной,
И гордый пес, как божество спокоен,
Узнав меня, улегся предо мной.

И в эту ночь в садах Пасанаури,
Изведав холод первобытных струй,
Я принял в сердце первый звук пандури,
Как в отрочестве — первый поцелуй.

1947

Я ТРОГАЛ ЛИСТЫ ЭВКАЛИПТА

Я трогал листы эвкалипта
И твердые перья агавы,
Мне пели вечернюю песню
Аджарии сладкие травы.
Магнолия в белом уборе
Склоняла туманное тело,
И синее-синее море
У берега бешено пело.

Но в яростном блеске природы
Мне снились московские рощи,
Где синее небо бледнее,
Растенья скромнее и проще.
Где нежная иволга стонет
Над светлым видением луга,

Где взоры печальные клонит
Моя дорогая подруга.

И вздрогнуло сердце от боли,
И светлые слезы печали
Упали на чаши растений,
Где белые птицы кричали.
А в небе, седые от пыли,
Стояли камфарные лавры
И в бледные трубы трубили,
И в медные били литавры.

1947

ЛОДЕЙНИКОВ

1

В краю чудес, в краю живых растений,
Несовершенной мудростью дыша,
Зачем ты просишь новых впечатлений
И новых бурь, пытливая душа?
Не обольщайся призраком покоя:
Бывает жизнь обманчива на вид.
Настанет час, и утро роковое
Твои мечты, сверкая, ослепит.

2

Лодейников, закрыв лицо руками,
Лежал в саду. Уж вечер наступал.
Внизу, постукивая тонкими звонками,
Шел скот домой и тихо лопотал
Невнятные свои воспоминанья.
Травы холодное дыханье
Струилось вдоль дороги. Жук летел.
Лодейников открыл лицо и поглядел
В траву. Травы пред ним предстала
Стеной сосудов. И любой сосуд

Светился жилками и плотью. Трепетала
Вся эта плоть и вверх росла, и гуд
Шел по земле. Прищелкивая по суставам,
Пришлепывая, страную шевелясь,
Огромный лес травы вытягивался вправо,
Туда, где солнце падало, светясь.
И то был бой травы, растений молчаливый бой.
Одни, вытягиваясь жирною трубой
И распутив листы, других собою мяли,
И напряженные их сочлененья выделяли
Густую слизь. Другие лезли в щель
Между чужих листов. А третьи, как в постель,
Ложились на соседа и тянули
Его назад, чтоб выбился из сил.

И в этот миг жук в дудку задудил.
Лодейников очнулся. Над селеньем
Всходил туманный рог луны,
И постепенно превращалось в пенью
Шуршанье трав и тишины.
Природа пела. Лес, подняв лицо,
Пел вместе с лугом. Речка чистым телом
Звенела вся, как звонкое кольцо.
В тумане белом
Трясли кузнечики сухими лапками,
Жуки стояли черными охажками,
Их голоса казались сучками.
Блестя прозрачными очками,
По лугу шел красавец Соколов,
Играя на задумчивой гитаре.
Цветы его касались сапогов
И наклонялись. Маленькие твари
С размаху шлепались ему на грудь
И, бешено подпрыгивая, падали,
Но Соколов ступал по падали
И равномерно продолжал свой путь.

Лодейников заплакал. Светляки
Вокруг него зажгли свои лампадки,
Но мысль его, увы, играла в прятки
Сама с собой, рассудку вопреки.

В своей избушке, сидя за столом,
 Он размышлял, исполненный печали.
 Уже сгустились сумерки. Кругом
 Ночные птицы жалобно кричали.
 Из окон хаты шел дрожащий свет,
 И в полосе неверного сиянья
 Стояли яблони, как будто изваянья,
 Возникшие из мрака древних лет.
 Дрожащий свет из окон проливался
 И падал так, что каждый лепесток
 Среди туманных листьев выделялся
 Прозрачной чашечкой, открытой на восток.
 И все чудесное и милое растение
 Напоминало каждому из нас
 Природы совершенное творенье,
 Для совершенных вытканное глаз.

Лодейников склонился над листьями,
 И в этот миг привиделся ему
 Огромный червь, железными зубами
 Схвативший лист и прянувший во тьму,
 Так вот она, гармония природы,
 Так вот они, ночные голоса!
 Так вот о чем шумят во мраке воды,
 О чем, вдыхая, шепчутся леса!
 Лодейников прислушался. Над садом
 Шел смутный шорох тысячи смертей.
 Природа, обернувшаяся адом,
 Свои дела вершила без затей.
 Жук ел траву, жука клевала птица,
 Хорек пил мозг из птичьей головы,
 И страхом перекошенные лица
 Ночных существ смотрели из травы.
 Природы вековечная давиленья
 Соединяла смерть и бытие
 В один клубок, но мысль была бессильна
 Соединить два таинства ее.

А свет луны летел из-за карниза,
И, нарумянив серое лицо,
Наследница хозяйская Лариса
В суконной шляпке вышла на крыльцо.
Лодейников ей был неинтересен:
Хотелось ей веселья, счастья, песен, —
Он был угрюм и скучен. За рекой
Плясал девиц многообразный рой.
Там Соколов ходил с своей гитарой.
К нему, к нему! Он песни распевал,
Он издевался над любою парой
И, словно бог, красоток целовал.

4

Суровой осени печален поздний вид.
Уныло спят безмолвные растенья.
Над крышами пустынного селенья
Заря небес болезненно горит.
Закрылись двери маленьких избушек,
Сад опустел, безжизненны поля,
Вокруг деревьев мерзлая земля
Покрыта ворохом блестящих завитушек,
И небо хмурится, и мчится ветер к нам,
Рубаху дерева сгибающая пополам.

О, слушай, слушай хлопанье рубах!
Ведь в каждом дереве сидит могучий Бах
И в каждом камне Ганнибал таится...
И вот Лодейникову по ночам не спится:
В оркестрах бурь он слышит пред собой
Напев лесов, тоскующий и страстный...
На станции однажды в день ненастный
Простился он с Ларисой молодой.

Как изменилась бедная Лариса!
Все, чем прекрасна молодость была,
Она по воле странного каприза
Случайному знакомству отдала.

Еще в душе холодной Соколова
Не высох след ее последних слез, —
Осенний вихрь ворвался в мир бывшего,
Разбил его, развеял и унес.
Ах, Лара, Лара, глупенькая Лара,
Кто мог тебе, краса моя, помочь?
Сквозь жизнь твою прошла его гитара
И этот голос, медленный, как ночь.
Дубы в ту ночь так сладко шелестели,
«Цвела сирень, черемуха цвела»,
И так тебе певцы ночные пели,
Как будто впрямь невестой ты была.
Как будто впрямь серебряной фатою
Был этот сад сверкающий покрыт...
И только выпь кричала за рекою
Вплоть до зари и плакала навзрыд.

Из глубины безмолвного вагона,
Весь сторбившись, как немощный старик
В последний раз печально и влюбленно
Лодейников взглянул на милый лик.
И поезд тронулся. Но голоса растений
Неслись вослед, качаясь и дрожа,
И сквозь тяжелый мрак миротворенья
Рвалась вперед бессмертная душа
Растительного мира... Час за часом
Бежало время. И среди полей
Огромный город, возникая разом,
Зажегся вдруг миллионами огней.
Разрозненного мира элементы
Теперь слились в один согласный хор,
Как будто, пробуя лесные инструменты,
Вступал в природу новый дирижер.
Органам скал давал он вид забоев,
Оркестрам рек — железный бег турбин
И, хищника отвадив от разбоев,
Торжествовал, как мудрый исполин.
И в голоса нестройные природы
Уже вплетался первый стройный звук,

Как будто вдруг почувствовали воды,
Что не смертелен тяжкий их недуг.
Как будто вдруг почувствовали травы,
Что есть на свете солнце вечных дней,
Что не они во всей вселенной правы,
Но только он — великий чародей.

Суровой осени печален поздний вид,
Но посреди ночного небосвода
Она горит, твоя звезда, природа,
И вместе с ней душа моя горит.

1932—1947

УРАЛ

Отрывок

Зима. Огромная, просторная зима.
Деревьев громкий треск звучит, как канонада.
Глубокий мрак ночей выводит терема
Сверкающих снегов над выступами сада.
В одежде кристаллической своей
Стоят деревья. Темные вороны,
Сшибая снег с опущенных ветвей,
Шарахаются, немощны и сонны.
В оттенках грифеля клубится ворох туч,
И звезды, пробиваясь посередине,
Свой синеватый движущийся луч
Едва влачат по ледяной пустыне.

Но лишь заря прорежет небосклон
И встанет солнце, как подобно чуду
Свет тысячи огней возникнет отовсюду,
Частицами снегов в пространство отражен.
И девственный пожар январского огня
Вдруг упадет на школьный палисадник,
И хоры петухов сведут с ума курятник,
И зимний день всплывет, ликуя и звеня.

В такое утро русский человек,
Какое б с ним ни приключилось горе,
Не может тосковать. Когда на косогоре
Вдруг заскрипел под валенками снег
И большеглазых розовых детей
Опять мелькнули радостные лица, —
Лариса поняла: довольно ей томиться,
Довольно мучиться. Пора очнуться ей!

В тот день она рассказывала детям
О нашей родине. И в глубину времен,
К прошедшим навсегда тысячелетьям
Был взор ее духовный устремлен.
И дети видели, как в глубине веков,
Образовавшись в огненном металле,
Платформы двух земных материков
Средь раскаленных лав затвердевали.
В огне и буре плавала Сибирь,
Европа двигала свое большое тело,
И солнце, как огромный нетопырь,
Сквозь желтый пар таинственно глядело.
И вдруг, подобно льдинам в ледоход,
Материки столкнулись. В небосвод
Метнулся камень, образуя скалы;
Расплавы звонких руд вонзились в интервалы
И трещины пород; подземные пары,
Как змеи, извиваясь меж камнями,
Пустоты скал наполнили огнями
Чудесных самоцветов. Все дары
Блистательной таблицы элементов
Здесь улеглись для наших инструментов
И затвердели. Так возник Урал.

Урал, седой Урал! Когда в былые годы
Шумел строительства первоначальный вал,
Кто, покоритель скал и властелин природы,
Короной черных доми тебя короновал?
Когда магнитогорские мартены
Впервые выбросили свой стальной поток,

Кто отворил твои безжизненные стены,
Кто за собой сердца людей увлек
В кипучий мир бессмертных пятилеток?
Когда бы из могил восстал наш бедный предок
И посмотрел вокруг, чтоб целая страна
Вдруг сделалась ему со всех сторон видна, —
Как изумился б он! Из черных недр Урала,
Где царствуют топаз и турмалин,
Пред ним бы жизнь невиданная встала,
Наполненная пением машин.
Он увидел бы мощные громады
Магнитных скал, сползающих с высот,
Он увидел бы полный сил народ,
Трудящийся в громах подземной канонады,
И землю он свою познал бы в первый раз —

Не отрывая от Ларисы глаз,
Весь класс молчал, как бы замороженный.
Лариса чувствовала: огонек, зажженный
Ее словами, будет вечно жить
В сердцах детей. И совершилось чудо:
Воспоминаний горестная груда
Вдруг перестала сердце ей томить.
Что сердце? Сердце — воск. Когда ему блеснет
Огонь сочувственный, огонь родного края,
Растопится оно и, медленно сгорая,
Навстречу жизни радостно плывет.

1947

ГОРОД В СТЕПИ

1

Степным ветрам не писаны законы.
Пирамидальный склон воспламеня,
Всю ночь над нами тлеют терриконы —
Живые горы дыма и огня.

Куда ни глянь, от края и до края
На пьедесталах каменных пород
Стальные краны, в воздухе ныряя,
Свой медленный свершают оборот.
И вьется дым в искусственном ущелье,
И за составом движется состав,
И свищет ветер в бешеном веселье,
Над Казахстаном крылья распластав.

2

Какой простор для мысли и труда!
Какая сила дерзости и воли!
Кто, чародей, в необозримом поле
Воздвиг потомству эти города?
Кто выстроил пролеты колоннад,
Кто вылепил гирлянды на фронтонах,
Кто среди степей разбил испепеленных
Фонтанами взрывающийся сад?
А ветер стонет, свищет и гудит,
Рвет вымпела, над башнями играя,
И изваянье Ленина стоит,
В седые степи руку простирая.
И степь пылает на исходе дня,
И тень руки ложится на равнины,
И в честь вождя заводят песнь акыны,
Над инструментом голову склоня.
И затихают шорохи и вздохи,
И замолкают птичьи голоса,
И вопль певца из струнной суматохи,
Как вольный беркут, мчится в небеса.
Летит, летит, летит... остановился...
И замер где-то в солнце... А внизу
Переполюх восторга прокатился,
С туманных струн рассыпав бирюзу.
Но странный голос, полный ликования,
Уже вступил в особый мир чудес,
И целый город, затаив дыханье,
Следит за ним под куполом небес.

И Ленин смотрит в глубь седых степей,
И думою чело его объято,
И песнь летит, привольна и крылата,
И, кажется, конца не будет ей.
И далеко, в сиянии зари,
В своих широких шляпах из брезента
Шахтеры вторят звону инструмента
И поднимают к небу фонари.

3

Гомер степей на пегой лошаденке
Несется вдаль, стремительно красив.
Вослед ему летят сизоворонки,
Головки на закат поворотив.
И вот, ступив ногой на солончак,
Стоит верблюду, Ассаргадон пустыни,
Дитя печали, гнева и гордыни,
С тысячелетней тяжестью в очах.
Косматый лебедь каменного века,
Он плачет так, что слушать нету сил,
Как будто он, скиталец и калека,
Вкусив пространства, счастья не вкусил.
Закинув темя за предел земной,
Он медленно ворочает глазами,
И тамариск, обрызганный слезами,
Шумит пред ним серебряной волной.

4

Надев остроконечные папахи
И наклонясь на гриву скакуна,
Вокруг отар во весь опор казахи
Несутся, вьются, стиснув стремяна.
И стрепет, вылетев из-под копыт,
Шарахается в поле, как лазутчик,
И солнце жжет верхи сухих колючек,
И на сто верст простор вокруг открыт.
И Ленин на холме Караганды
Глядит в необозримые просторы,

И вокруг него ликуют птичьи хоры,
Звенит домбра и плещет ток воды.
И за составом движется состав,
И льется уголь из подземной клетки,
И ветер гонит тьму тысячелетий,
Над Казахстаном крылья распластав.

1947.

В ТАЙГЕ

За высокий сугроб закатилась звезда,
Блещет месяц — глазам нестерпеж.
Кедр, владыка лесов, под наростами льда
На бриллиантовый замок похож.

Посреди кристаллически-белых громад
На седом телеграфном столбе,
Оседлав изоляторы, совы сидят,
И в лицо они смотрят тебе.

Запахнув на груди исполинский тулуп,
Ты стоишь над землянкой звена.
Крепко спит в тишине молодой лесоруб,
Лишь тебе одному не до сна.

Обнимая огромный канадский топор,
Ты стоишь, неподвижен и хмур.
Пред тобой голубую пустыню простер
Замурованный льдами Амур.

И далеко внизу полыхает пожар,
Рассыпая огонь по реке,
Это печи свои отворил сталевар
В Комсомольске, твоём городке.

Это он подмигнул в ледяную тайгу,
Это он побратался с тобой,

Чтобы ты не заснул на своем берегу,
Не замерз, околдован тайгой.

Так растет человеческой дружбы зерно,
Так в январской морозной пыли
Два могучие сердца, сливаясь в одно,
Пламенеют над краем земли.

1947

ТВОРЦЫ ДОРОГ

Поэма

1

Рожок поет протяжно и уныло, —
Давно знакомый утренний сигнал!
Покуда медлит сонное светило,
В свои права вступает аммонал.
Над крутизною старого откоса
Уже трещат бикфордовы шнуры,
И вдруг — удар, и вздрогнула береза,
И взвыло чрево каменной горы.
И выдохнув короткий белый пламень
Под напряженьем многих атмосфер,
Завыл, запел, взлетел под небо камень,
И заволокся дымом весь карьер.
И равномерным грохотом обвала
До глубины своей потрясена,
Из тьмы лесов трущоба простонала,
И, простонав, замолкнула она.
Поет рожок над дальнею горою,
Восходит солнце, заливая лес,
И мы бежим нестройною толпою,
Подняв ломы, громам наперерез.
Так под напором сказочных гигантов,
Работающих тысячами рук,
Из недр вселенной ад поднялся Дантов
И, грохнув наземь, раскололся вдруг.

При свете солнца разлетелись страхи,
Исчезли толпы духов и теней.
И вот лежит, сверкающий во прахе,
Подземный мир блистательных камней.
И все черней становится и краше
Их влажный и неправильный излом.
О, эти расколовшиеся чаши,
Обломки звезд с оторванным крылом!
Кубы и плиты, стрелы и квадраты,
Мгновенно отвердевшие грома, —
Они лежат передо мной, разъяты
Одним усилием светлого ума.
Еще прохлада дышит вековая
Над грудью их, еще курится пыль,
Но экскаватор, черный ковш вздымая,
Уж сыплет их, урча, в автомобиль.

2

Есть в совокупном действии людей
Дыханье мысли вечной и нетленной:
Народ — строитель, маг и чародей —
Здесь встал, как вождь, перед лицом вселенной.
Тот, кто познал на опыте своем
Многообразно-сложный мир природы,
Кого в горах калечил бурелом,
Кого болот засасывали воды,
Чья грудь была потрясена судьбой
Томящегося праздно мироздания,
Кто днем и ночью слышал за собой
Речь Сталина и мощное дыханье
Огромных толп народных, — тот не мог
Забыть о вас, строители дорог.

Далекó от родимого края,
Исполняя народный приказ,
Он идет, по пустыням шагая, —
Человек, изумляющий нас.

Он идет через тундры и горы,
Он шагает сквозь топи болот,

Сквозь глухие лесные просторы
Он, не ведая страха, идет.

Вáлят с ног его злобные ветры,
Засыпает пустыню пурга,
Но ложатся дорог километры
Вслед за ним, сквозь леса и снега.

Бьются в грудь ему синие льдины,
Водопад угрожает бедой,
Но мосты, упираясь в пучины,
Повисают за ним над водой.

Над горами бушуют метели,
Ураган ему кровь леденит,
На залитые светом тоннели
Вслед за ним прорезают гранит.

За железное рыцарство чести
Над просторами новых дорог —
Выпьем чару заздравную вместе,
Землекоп, инженер, геолог!

Поднимайте над рельсами чаши,
Чтоб гремели с утра до утра
Золотые помощники наши —
Бульдозеры, катки, грейдерá.

Чтобы в царстве снегов и туманов
До последних пределов земли
Мы подобно шеренге титанов
По дороге бессмертия шли!

Нет, не напрасно тóдится народ,
Вооруженный лампой Аладдина!
Настанет день — веществ круговорот
Признает в нем творца и властелина.
Настанет час, когда в тайник миров
Прорвутся силы разума и света
И, бешенство стихий переборов,
Огромным садом станет вся планета.

Недаром нас приветствуют вдали
Кристаллами окованные скалы,
Недаром сами камни и металлы
С тяжелым звоном рвутся из земли!

3

Угрюмый Север хмурился ревниво,
Но с каждым днем все жарче и быстрее
Навстречу льдам Берингова пролива
Неслась струя тропических морей.
Под непрерывный грохот аммонала,
Весенними лучами озарен,
Уже летел, раскинув опахала,
Огромный, как ракета, махаон.
Сиятельный и пышный самозванец,
Он, как светило, вздрагивал и плыл,
И вслед ему неслась толпа созданий,
Подвесив тельца меж лазурных крыл.
Кузнечики, согретые лучами,
Отщелкивали в воздухе часы,
Тяжелый жук, летающий скачками,
Влачил, как шлейф, гигантские усы.
И сотни тварей, на своей свирели
Однообразный поднимая вой,
Ползли, толклись, метались, пили, ели,
Вились, как столб, над самой головой.
И в куполе звенящих насекомых,
Среди болот и неподвижных мхов,
С вершины сопки, зноем опаленных,
Вздыхался мир невиданных цветов.
Соперничая с блеском небосвода,
Здесь, посредине хлябей и камней,
Казалось, в небо бросила природа
Всю ярость красок, собранную в ней.
Над суматохой лиственных сплетений,
Над ураганом зелени и трав
Здесь расцвела сама душа растений,
Огромные цветы образовав.

Когда горят над сопками Стожары
И пенье сфер проносится вдали,
Колокола и сонные гитары
Им нежно откликаются с земли.
Есть хор цветов, не уловимый ухом,
Концерт тюльпанов и квартет лилей.
Быть может, только бабочкам и мухам
Он слышен ночью посреди полей.
В такую ночь, соперница лазурей,
Вся сопка дышит, звуками полна,
И тварь земная музыкальной бурей
До глубины души потрясена.
И, засыпая в первобытных норах,
Твердит она уже который век
Созвучье тех мелодий, о которых
Так редко вспоминает человек.

4

Рожок гудел, и сопка клокотала,
Узкоколейка пела у реки.
Подобье циклопического вала
Пересекало древний мир тайги.
Здесь, в первобытном капище природы,
В необозримом вареве болот,
Врубаясь в лес, проваливаясь в воды,
Срываясь с круч, мы двигались вперед.
Нас ветер бил с Амура и Амгуни,
Трубил нам лось, и волк нам выл вослед,
Но все, что здесь до нас лежало втуне,
Мы подняли и вынесли на свет.
В стране, где кедрам светят метеоры,
Где молится березам бурундук,
Мы отворили заступами горы
И на восток пробились и на юг.
Охотский вал ударил в наши ноги,
Морские птицы прянули из трав,
И мы стояли на краю дороги,
Сверкающие заступы подняв.

ЗАВЕЩАНИЕ

Когда на склоне лет иссякнет жизнь моя
И, погасив свечу, опять отправлюсь я
В необозримый мир туманных превращений,
Когда миллионы новых поколений
Наполнят этот мир сверканием чудес
И довершат строение природы, —
Пушкой мой бедный прах покроют эти воды,
Пусть приютит меня зеленый этот лес.

Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу.
Многовековый дуб мою живую душу
Корнями обовьет, печален и суров.
В его больших листьях я дам приют уму,
Я с помощью ветвей свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они из тьмы лесов повисли
И ты причастен был к сознанию моему.

Над головой твоей, далекий правнук мой,
Я в небо пролечу, как медленная птица,
Я вспыхну над тобой, как бледная зарница,
Как летний дождь прольюсь, сверкая над травой.
Нет в мире ничего прекрасней бытия.
Безмолвный мрак могил — томление пустое.
Я жизнь мою прожил, я не видал покоя:
Покоя в мире нет. Повсюду жизнь и я.

Не я родился в мир, когда из колыбели
Глаза мои впервые в мир глядели, —
Я на земле моей впервые мыслить стал,
Когда почуял жизнь безжизненный кристалл,
Когда впервые капля дождевая
Упала на него, в лучах изнемогая.

О, я не даром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.

КУЗНЕЧИК

Настанет день, и мой забвенный прах
Вернется в лоно зарослей и речек,
Заснет мой ум, но в квантовых мирах
Откроет крылья маленький кузнечик.

Над ним, пересекая небосвод,
Мельчайших звезд возникнут очертанья,
И он, расправив крылья, запоет
Свой первый гимн во славу мирозданья.

Довольствуясь осколком бытия,
Он не поймет, что мир его чудесный
Построила живая мысль моя,
Мгновенно затвердевшая над бездной.

Кузнечик — дурень! Если б он узнал,
Что все его волшебные светила
Давным-давно подобием зеркал
Поэзия в пространствах отразила!

1947

НАЧАЛО СТРОЙКИ

Перед лицом лесов и косогорюв,
Там, где повсюду камень и вода, —
Самой природы своевольный норюв
Препятствует усилиям труда.
Но в день, когда построятся палатки
И, сгоряча наткнувшись на ружье,
Косматый зверь несется без оглядки
В дремучее убежище свое;
Когда в трущобах кедры вековые,
Под топором треща наперебой,
Вдруг накрелят свои седые выи, —
Я не владею в этот день собой!

В какое-то короткое мгновенье
Я наполняюсь тем избытком сил,
Той благодатной жаждою творенья,
Что поднимает мертвых из могил.
Сквозь дикий мир нетронутой природы
Мне чудятся над толпами людей
Грядущих зданий мраморные своды
И колоннады новых площадей.
Я вижу бесконечные фронтоны
Просторных улиц, ровных, как стрела,
Сады, заводы, парки, стадионы,
Верхи дворцов, театров купола.
Все движется, все блещет, все бушует,
Прожектора лучи косые льют,
И, управляя миром, торжествует
Свободный, стройный, вдохновенный труд.

Быть может, перед целою вселенной
Когда-нибудь на этих площадях,
Изваяны из бронзы драгоценной,
Предстанем мы с кирками на плечах.
И будут наши маленькие внуки
Играть у ног строителей земли
И трогать эти бронзовые руки,
Которые все знали, все могли.

1947

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Не кривить душою, не сгибаться,
Что ни день — в дороге да в пути...
Как ни кинь, а надобно признаться:
Жизнь прожить — не поле перейти.

Наши окна снегом залепило,
Еле светит лампы полукруг.
Ты о чем сегодня загрустила,
Ты о чем задумалась, мой друг?

Вспомни, как, бывало, в Ленинграде
С маленьким ребенком на груди
Ты спешила, бедствуя в блокаде,
Сквозь огонь, что рвался впереди.

Смертную испытывая муку,
Сын стремглав бежал перед тобой.
Но взяла ты мальчика за руку,
И пошли вы рядом за толпой.

О великой памяти чести,
Ты сказала, любящая мать:
— Умирать, мой милый, надо вместе,
Если неизбежно умирать.

Или помнишь — в страшный день бомбежки,
Проводив в убежище детей,
Ты несла еды последней крошки
Для соседки немощной своей.

Гордая огромная старуха,
Страшная, как высохший скелет,
Воплощеньем огненного духа
Для тебя была на склоне лет.

И с тех пор во всех тревогах жизни,
Весела, спокойна и ровна,
Чем могла служила ты отчизне,
Чтоб в беде не сгнула она.

Сколько вас, прекрасных русских женщин,
Отдавало жизнь за Ленинград!
Облик ваш веками нам завещан,
Но теперь украшен он стократ.

Если б солнца не было на небе,
Вы бы солнцем стали для людей,
Чтобы, век не думая о хлебе,
Зажигать нас верою своей!

Как давно все это пережито...
Новый год стучится у крыльца.
Пусть войдет он, дверь у нас открыта,
Пусть войдет и длится без конца.

Только б нам не потерять друг друга,
Только б нам не ослабеть в пути...
С Новым годом, милая подруга!
Жизнь прожить — не поле перейти.

<1947>

САДОВНИК

В. А. Десницкому

Тому, кто мыслит с веком заодно,
Тому, кто весь принадлежит отчизне,
Не всякий раз бывает суждено
Пожать плоды своей прекрасной жизни.

Но, если есть награда за труды, —
Что может быть отраднее сознанья
Садовника, взрастившего сады
На плодотворных склонах мирозданья?

Творец садов, он счастлив от того,
Что дал он миру тысячи растений.
Где каждый лист — живая мысль его,
Где каждый плод — души его творенье.

В его садах — избыток дивных сил,
Их не убьют ни засухи, ни стужи...
Учитель мой! Ты не сады растил —
Ты строил человеческие души.

Согретый солнцем сталинских идей
И до конца поверив в человека,

Ты вызвал к жизни тысячи людей —
Строителей невиданного века.

В многообразном шуме бытия,
В глубинах обновленного народа
Она живет — живая мысль твоя,
И ширится, и зреет год от года.

И в дело воплощаются мечты,
И не грозит твоим садам терновник...
Поистине, сегодня счастлив ты,
Живых сердец взыскательный садовник!

<1947>

ПИР В КОЛХОЗЕ «ШРОМА»

Да здравствует «Шрома»*,
Созданье народа,
Любовь агронома,
Мечта садовода!

В горах и низинах,
И влево и вправо
Литых апельсинов
Сверкает держава.

Огромны, как блюда,
Плоды молодые,
От тяжести гнутся
Сады золотые.

А в рощах лимонных
На горных склонах
Живые светила
Повисли на кронах.

* «Шрома» — цитрусовый и чайный колхоз в Грузии. Шрома — по-грузински труд. <Примеч. Н. З.>

Великая сила
Их ныне взрастила,
Водой поливала,
От бурь укрывала.

Да здоровствует «Шрома»,
Источник веселья,
Любовь агронома,
Оплот земледельца!

И вдруг через марево
Сонных акаций —
Зеленое зарево
Чайных плантаций!

Все поле одето
Огнем изумруда.
Кто вырастил это
Зеленое чудо?

Чьи пальцы летали
Над листьями чая,
По три урожая
В сезон получая?

Чье сердце склонялось
Над грядками сада,
Когда начиналась
Пора винограда?

Да здоровствует «Шрома»,
Великая школа,
Мечта агронома,
Любовь комсомола!

И вот — очаги
Зажигаются в доме,
И все старики
Улыбаются в «Шроме».

И десять столов
Под зеленой листвою,
И пар шашлыкков,
Как туман, предо мною.

И тучное лоби*,
И жирное хаши**,
И светлые наши
Наполнены чаши...

За Сталина выпьем
Мы первую чашу,
Вторую подыдем
За родину нашу!

А третью мы выпьем
За наших героев,
Что сеют и пашут,
Посевы утроив!

Да здравствует «Шрома»,
Могучая сила,
Которая дома
Героев взрастила!

Пусть ею гордится
Родная держава,
И пусть не затмится
В веках ее слава!

1947

* Лоби — фасоль. <Примеч. Н. З.>

** Хаши — похлебка из баранины. <Примеч. Н. З.>

<ПИСЬМО Е. Л. И Е. И. ШВАРЦАМ>

14 дек. <абр> 1947. Москва.

Милые друзья Евгений Львович и Катерина Ивановна!

И обнимаю Вас, и целую Вас, а куда Вы девались, и почему о Вас ничего не слышно? И что нам теперь делать, если Вы нас больше не любите, и куда нам теперь деваться, если Вы нас больше не уважаете? И с кем я теперь выпью свою горькую рюмочку, когда нет коло меня милого друга Женички, когда не сидит супротив меня милый друг Катенька? А пойду-ка я, старый сивый черт, во темный лес, а кликну-ка я, старый сивый черт, зычным голосом: — Вы идите ко мне, звери лютые, звери лютые членистоногие, членистоногие да двоякодышущие, да поглядите-ка вы, звери, в ленинградскую сторонушку, да заешьте-ка вы, звери, милого друга Женичку, милого друга Женичку со его любезной Катенькой!

Тот Женька-плут
Умком востёр,
Умком востёр
Да блудить мастёр!

Все с актерками Женька путается,
Со скоморохами Женька потешается,
Со гудошниками Женька водку пьет,
Водку пьет да в долони бьет!

А уж время ему, старому мерину,
От той бы забавушки очухаться,
Очухаться, да раскумекаться,
Да сказать ему, Женьке, таково слово:
— Пойду-ка я, Женька, старый плут,
Старый плут, горемычный сын,
Во почтовое да отделение,
Во советское наше заведение!
Да возьму-ка я во резвы рученьки
Золотое перышко гусиное,
Да напишу-ка, Женька, писулечку
Своему другу Николаю Алексеичу
Да тому ли господину Заболоцкому!

Господин-то Заболоцкий во палатах, чать, сидит,
Во палатах, чать, сидит да не ест, не пьет,
Обо мне, чать, Женьке, думу думает,
Бородой трясет да сокрушается.
А подам ему я, Женька, свою весточку,
Уж как вскочит он на резвы ноженьки
Да зачнет он тую весточку прочитывать,
Резвой ноженькой притоптывать, да приговаривать:

— Знать, и впрямь я, сударик, Заболоцкий сын,
Не дубовая колода, не еловый сук,
Коли Женичка-дружок ко мне пописывает,
Коли Катенька сахарную ручку прикладывает.

Да! Жди от вас! Напишете, когда рак свистнет.
Целую Вас, беспутные друзья мои.

Ваш Н. Заболоцкий

ЖЕНА

Откинув со лба шевелюру,
Он хмуро сидит у окна.
В зеленую рюмку микстуру
Ему наливает жена.

Как робко, как пристально-нежно
Болезненный светится взгляд,
Как эти кудряшки потешно
На тощей головке висят!

С утра он все пишет да пишет,
В неведомый труд погружен.
Она еле ходит, чуть дышит,
Лишь только бы здравствовал он.

А скрипнет под ней половица,
Он брови взметнет, — и тотчас
Готова она провалиться
От взгляда пронзительных глаз.

Так кто же ты, гений вселенной?
Подумай: ни Гете, ни Дант
Не знали любви столь смиренной,
Столь трепетной веры в талант.

О чем ты скребешь на бумаге?
Зачем ты так вечно сердит?
Что ищешь, копаясь во мраке
Своих неудач и обид?

Но коль ты хлопочешь на деле
О благе, о счастье людей,
Как мог ты не видеть доселе
Сокровища жизни своей?

1948

ЖУРАВЛИ

Вылетев из Африки в апреле
К берегам отеческой земли,
Длинным треугольником летели,
Утопая в небе, журавли.

Вытянув серебряные крылья
Через весь широкий небосвод,
Вел вожак в долину изобилья
Свой немногочисленный народ.

Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Черное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.

Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.

Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну,
И, рыданию горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.

Только там, где движутся светила,
В искупление собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:

Гордый дух, высокое стремление,
Волю непреклонную к борьбе —
Все, что от бывшего поколенья
Переходит, молодость, к тебе.

А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.

1948

ПРОХОЖИЙ

Исполнен душевной тревоги,
В треухе, с солдатским мешком,
По шпалам железной дороги
Шагает он ночью пешком.

Уж поздно. На станцию Нара
Ушел предпоследний состав.
Луна из-за края амбара
Сияет, над кровлями встав.

Свернув в направлении к мосту,
Он входит в весеннюю глушь,
Где сосны, склоняясь к погосту,
Стоят, словно скопища душ.

Тут летчик у края аллеи
Покоится в ворохе лент,
И мертвый пропеллер, белея,
Венчает его монумент.

И в темном чертоге вселенной,
Над сонною этой листвою
Встает тот нежданно мгновенный,
Пронзающий душу покой,

Тот дивный покой, пред которым,
Волнуясь и вечно спеша,
Смолкает с опущенным взором
Живая людская душа.

И в легком шуршании почек,
И в медленном шуме ветвей
Невидимый юноша-летчик
О чем-то беседует с ней.

А тело бредет по дороге,
Шагая сквозь тысячи бед,
И горе его, и тревоги
Бегут, как собаки, вослед.

1948

ЧИТАЯ СТИХИ

Любопытно, забавно и тонко:
Стих, почти непохожий на стих.
Бормотанье сверчка и ребенка
В совершенстве писатель постиг.

И в бессмыслице скомканной речи
Изощренность известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принести?

И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?

Нет! Поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам, ибо она
Не для тех, кто, играя в шарады,
Надевает колпак колдуна.

Тот, кто жизнью живет настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.

1948

КОГДА ВДАЛИ УГАСНЕТ СВЕТ ДНЕВНОЙ

Когда вдали угаснет свет дневной
И в черной мгле, склоняющейся к хатам,
Все небо заиграет надо мной,
Как колоссальный движущийся атом, —

В который раз томит меня мечта,
Что где-то там, в другом углу вселенной,
Такой же сад, и та же темнота,
И те же звезды в красоте нетленной.

И может быть, какой-нибудь поэт
Стоит в саду и думает с тоскою,
Зачем его я на исходе лет
Своей мечтой туманной беспокою.

1948

ОТТЕПЕЛЬ

Оттепель после метели.
Только утихла пурга,
Разом сугробы осели
И потемнели снега.

В ключьях разорванной тучи
Блещет осколок луны.
Сосен тяжелые сучья
Мокрого снега полны.

Падают, плаваются, льются
Льдинки, втыкаясь в сугроб.
Лужи, как тонкие блюдца,
Светятся около троп.

Пусть молчаливой дремотой
Белые дышат поля,
Неизмеримой работой
Занята снова земля.

Скоро проснутся деревья,
Скоро, построившись в ряд,
Птиц перелетных кочевья
В трубы весны затрубят.

1948

ПРИБЛИЖАЛСЯ АПРЕЛЬ К СЕРЕДИНЕ

Приближался апрель к середине,
Бил ручей, упавая с откоса,
День и ночь грохотал на плотине
Деревянный лоток водосброса.

Здесь, под сенью дряхлеющих ветел,
Из которых любая — калека,

Я однажды, гуляя, заметил
Незнакомому мне человека.

Он стоял и держал пред собою
Непечатого хлеба ковригу
И свободной от груза рукою
Перелистывал старую книгу.

Лоб его бороздила забота,
И здоровьем не выдалось тело,
Но упорная мысли работа
Глубиной его сердца владела.

Пробежав за страницей страницу,
Он вздымал удивленное око,
Наблюдая ручьев вереницу,
Устремленную в пену потока.

В этот миг перед ним открывалось
То, что было незримо доселе,
И душа его в мир поднималась,
Как дитя из своей колыбели.

А грачи так безумно кричали
И так яростно ветлы шумели,
Что казалось, остаток печали
Отнимать у него не хотели.

1948

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Осветив черепицу на крыше
И согрев древесину сосны,
Поднимается выше и выше
Запоздалое солнце весны.

В розовато-коричневом дыме
Непокрытых листьями ветвей,

Весь пронизан лучами косыми,
Бьет крылом и поет соловей.

Как естественно здесь повторенье
Лаконически-медленных фраз,
Точно малое это творенье
Их поет специально для нас!

О любимые сердцем обманы,
Заблужденья младенческих лет!
В день, когда зеленеют поляны,
Мне от вас избавления нет.

Я, как древний Коперник, разрушил
Пифагорово пенье светил
И в основе его обнаружил
Только лепет и музыку крыл.

1948

ПОЛДЕНЬ

Понемногу вступает в права
Ослепительно знойное лето.
Раскаленная солнцем трава
Испареньями влаги одета.

Пожелтевший от зноя лопух
Развернул розоватые латы
И стоит, задыхаясь от мух,
Под высокими окнами хаты.

Есть в расцвете природы моей
Кратковременный миг пресыщенья,
Час, когда перламутровый клей
Выделяют головки растенья.

Утомились орудья любви,
Страсть иссякла, но пламя былое

Дотлевает и бродит в крови,
Уж не тело, но ум беспокоя.

Но к полудню заснет и оно,
И в середине небесного свода
Лишь смертельного зноя пятно
Различит, замирая, природа.

1948

ЛЕБЕДЬ В ЗООПАРКЕ

Сквозь летние сумерки парка
По краю искусственных вод
Красавица, дева, дикарка —
Высокая лебедь плывет.

Плывет белоснежное диво,
Животное, полное грез,
Колебля на лоне залива
Лиловые тени берез.

Головка ее шелковиста,
И мантия снега белей,
И дивные два аметиста
Мерцают в глазницах у ней.

И светлое льется сиянье
Над белым изгибом спины,
И вся она как изваянье
Приподнятой к небу волны.

Скрежещут над парком трамваи,
Скрипит под машинами мост,
Истошно кричат попугаи,
Поджав перламутровый хвост.

И звери сидят в отдаленье,
Приделаны к выступам нор,

И смотрят фигуры олени
На воду сквозь тонкий забор.

И вся мировая столица,
Весь город сверкающий наш,
Над маленьким парком теснится,
Этаж громоздя на этаж.

И слышит, как в сказочном мире
У самого края стены
Крылатое диво на лире
Поет нам о счастье весны.

1948

СКВОЗЬ ВОЛШЕБНЫЙ ПРИБОР ЛЕВЕНГУКА

Сквозь волшебный прибор Левенгука
На поверхности капли воды
Обнаружила наша наука
Удивительной жизни следы.

Государство смертей и рождений,
Нескончаемой цепи звено, —
В этом мире чудесных творений
Сколь ничтожно и мелко оно!

Но для бездн, где летят метеоры,
Ни большого, ни малого нет,
И равно беспредельны просторы
Для микробов, людей и планет.

В результате их общих усилий
Зажигается пламя Плеяд,
И кометы летят легкокрылей,
И быстрее созвездья летят.

И в углу невысокой вселенной,
Под стеклом кабинетной трубы,

Тот же самый поток неизменный
Движет тайная воля судьбы.

Там я звездное чую дыханье,
Слышу речь органических масс
И стремительный шум созиданья,
Столь знакомый любому из нас.

1948

ТБИЛИССКИЕ НОЧИ

Отчего, как восточное диво,
Черноока, печальна, бледна,
Ты сегодня всю ночь молчаливо
До рассвета сидишь у окна?

Распластались во мраке платаны,
Ночь брильянтовой чашей горит,
Дремлют горы, темны и туманны,
Кипарис, как живой, говорит.

Хочешь, завтра под звуки пандури,
Сквозь вина золотую струю
Я умчу тебя в громе и буре
В ледяную отчизну мою?

Вскрикнут кони, разломится время,
И по руслу реки до зари
Полетим мы, забытые всеми,
Разрывая лучей янтари.

Я закутаю смуглые плечи
В снежный ворох сибирских полей,
Будут сосны гореть, словно свечи,
Над мерцаньем твоих соболей.

Там, в огромном безмолвном просторе,
Где поет, торжествуя, пурга,

Позабудешь ты южное море,
Золотые его берега.

Ты наутро поднимешь ресницы:
Пред тобой, как лесные царьки,
Золотые песцы и куницы
Запоют, прибежав из тайги.

Поднимая мохнатые лапки,
Чтоб тебя не обидел мороз,
Принесут они в лапках охапки
Перламутровых северных роз.

Гордый лось с голубыми рогами
На своей величавой трубе,
Окруженный седыми снегами,
Песню свадьбы сыграет тебе.

И багровое солнце, пылая
Всей громадой холодных огней,
Как живой великан, дорогая,
Улыбнется печали твоей.

Что случилось сегодня в Тбилиси?
Льется воздух, как льется вино.
Спят стрижи на оконном карнизе,
Кипарисы глядятся в окно.

Сквозь туманную дымку вуали
Пробиваются брызги огня.
Посмотри на меня, генацвале,
Оглянись, посмотри на меня!

1948

НА ВЫСОКОЙ ГОРЕ У ТАГИЛА

На Высокой горе у Тагила
На железной горе Благодать

Ты недаром огни засветила,
Вдохновенная Родина-мать.

Там на страже стоят поколенья,
Те, которые из года в год
Поднимают огромные звенья
Пятилетнего плана работ.

И над каждой крестьянской хатой
Поднимается множество тайн:
Свищет в поле железный оратай —
Паровоз, экскаватор, комбайн.

И взлетает за сопкою сопка,
И встает за мартеном мартен,
И стальная бушует похлебка
Под железное пенье сирен.

Мы из этого варева выльем
Колоссальные конусы дул,
Чтоб над нашим стоял изобильем
Громоносный стволов караул.

Есть железо двоякого вида,
И не хочет родная земля,
Чтобы плакала дева Обида,
Осеня крылами поля.

1948

ПРЕОБРАЖЕНИЕ СТЕПЕЙ

1

Окружая поля и овраги,
Голубая встает полоса.
Вот они, регуляторы влаги,
Драгоценные наши леса!

Здесь, на этой безбрежной равнине,
Где закат молчалив и багров,
Где несутся из чрева пустыни
Раскаленные волны ветров;
Где, носитель бессмысленной муки,
Над просторами наших полей
Пляшет, вытянув в воздухе руки,
Повелитель ветров — суховея;
Где мелеют Донец с Калитвою,
Задышаются Волга и Дон, —
Разгорается каждой весной
Бой во имя грядущих времен.

2

От Каспийских пустынь до Урала,
Растянувшись на тысячу верст,
Встанет здесь наподобие вала
Наш могучий зеленый форпост.
Там, где ветер горячий несносен,
Там, где дышат огнем небеса,
В бой мы бросим дивизии сосен,
Многолетних дубов корпуса.
Пусть рокочут в степях барабаны,
Пусть труба над пустыней ревет, —
Не согнутся дубы-великаны,
Устремленные грудью вперед.
Разрывая живыми руками
Тело ветра на сотни частей,
Пусть природа работает с нами
Против собственной злобы своей.

3

Поднимая зеленые всходы,
Управляя течением рек,
В мастерскую могучей природы,
Как хозяин, вступил человек.
Не во имя корыстной наживы,
Не затем, чтоб царил произвол,

Перестроил он заново нивы,
Зеркала водоемов возвел.
Нет, рожден на заре коммунизма,
Земледелец, рабочий, солдат, —
Он стремится к тому, чтоб Отчизна
Увеличила силы стократ.
Вот идет он по вешним полянам,
Осылая полей торжество,
И живительным сталинским планом
Переполнено сердце его.

1948

Г-ЖЕ ЕКАТЕРИНЕ ИВАНОВНЕ ШВАРЦ (урожд. Обуховой)

По случаю исполнившегося двадцатилетия
со дня ее первой встречи
с господином надворным советником
Евгением Львовичем Шварцем
на балу у князя Кувшинчикова

Катерина, дочь Ивана,
Ровно двадцать лет назад
Повстречала род тюльпана,
Украшающего сад.

Этот маленький тюльпанчик,
Катериной взятый в дом,
Нынче даже на диванчик
Помещается с трудом.

Славься сим, Екатерина,
Ты прекрасна, как всегда!
И дородный сей мужчина
Так же славься иногда!

28 мая 1948

НА РЕЙДЕ

Был поздний вечер. На террасах
Горы, сползающей на дно,
Дремал поселок, опоясав
Лазурной бухточки пятно.

Туманным кругом акварели
Лежала в облаке луна,
И звезды еле-еле тлели,
И еле двигалась волна.

Под равномерный шум приборя
Качались в бухте корабли,
И вдруг, утробным воем воя,
Все море вспыхнуло вдали.

И в ослепительном сплетенье
Огней, пронзивших небосвод,
Гигантский лебедь, белый гений,
На рейде встал электроход.

Он встал над бездной вертикальной
В тройном созвучии октав,
Обрывки бури музыкальной
Из окон щедро раскидав.

Он весь дрожал от этой бури,
Он с морем был в одном ключе,
Но тяготел к архитектуре,
Подняв антенну на плече.

Он в море был явлением смысла,
Где электричество и звук,
Как равнозначащие числа,
Передо мной предстали вдруг.

1949

ГУРЗУФ

В большом полукружии горных пород,
Где, темные ноги разув,
В лазурную чашу сияющих вод
Спускается сонный Гурзуф,
Где скалы, вступая в зеркальный затон,
Стоят по колено в воде,
Где море поет, подперев небосклон,
И зеркалом служит звезде, —
Лишь здесь я познал превосходство морей
Над нашею тесной землей,
Услышал медлительный ход кораблей
И отзвук равнины морской.
Есть таинство отзвуков. Может быть, нас
Затем и волнует оно,
Что каждое сердце предчувствует час,
Когда оно канет на дно.
О, что бы я только не отдал взамен
За то, чтобы даль донесла
И стон Персефоны, и пенье сирен,
И звон боевого весла!

1949

СВЕТЛЯКИ

Слова — как светляки с большими фонарями.
Пока рассеян ты и не всмотрелся в мрак,
Ничтожно и темно их девственное пламя
И неприметен их одушевленный прах.

Но ты взгляни на них весною в южном Сочи,
Где олеандры спят в торжественном цвету,
Где море светляков горит над бездной ночи
И волны в берег бьют, рыдая на лету.

Сливая целый мир в единственном дыханье,
Там из-под ног твоих земной уходит шар,

И уж не их огни твердят о мирозданье,
Но отдаленных гроз колеблется пожар.

Дыхание фанфар и бубнов незнакомых
Там медленно гудит и бродит в вышине.
Что жалкие слова? Подобье насекомых!
И все же эта тварь была послушна мне.

1949

* * *

Не стало в доме мне житья,
Исколото все тело:
На курсах кройки и шитья
Жена осатанела.

Зима 1949—1950

БАШНЯ ГРЕМИ*

Ух, башня проклятая! Сто ступеней!
Соратник огню и железу,
По выступам ста треугольных камней
Под самое небо я лезу.

Винтом извивается башенный ход,
Отверстие, пробитое в камне.
Сорвись-ка! Никто и костей не найдет.
Вгрызается в сердце тоска мне.

А следом за мною, в холодном поту,
Как я, распростершие руки,
Какие-то люди ползут в высоту,
Таща самопалы и луки.

* Гречи — древняя столица Кахетии, развалины которой сохранились до сих пор. <Примеч. Н. З.>

О черные стены бряцает кинжал,
На шлемах сияние брезжит.
Доносится снизу, заполнив провал,
Кольчуг несмолкаемый скрежет.

А там, в подземелье соборных руин,
Где царская скрыта гробница,
Леван-полководец, Леван-властелин*
Из каменной ниши стучится:

«Вперед, кахетинцы, питомцы орлов!
Да здравствует родина наша!
Вовеки не сгинет отеческий кров
Под черной пятой кизилбаш! **»

И мы на последнюю всходим ступень,
И солнце ударило в очи,
И в сердце ворвался стремительный день
Всей силой своих полномочий.

В парче винограда, в живом янтаре,
Где дуб переплелся с гранатом,
Кахетия пела, гордясь в октябре
Своим урожаем богатым.

Как пламя, в марани*** струилось вино,
Веселье лилось из давилен,
И был кизилбаш, позабытый давно,
Пред этой страной бессилён.

И реял над нею свободный орлан,
Вздувающий перья на шлеме,
И так же, как некогда витязь Леван,
Стерег опустевшую Греми.

1950

* Леван — кахетинский царь, проводивший в XVI в. политику сближения с московским государством. <Примеч. Н. З.>

** Кизилбаш — персы. <Примеч. Н. З.>

*** Марани — погреб для вина. <Примеч. Н. З.>

СЧАСТЛИВЕЦ

Есть за Пресней Ваганьково кладбище,
Есть на кладбище маленький скит,
Там жена моя, жирная бабища,
За могильной решеткою спит.
Целый день я сижу в канцелярии,
По ночам не тушу я огня,
И не встретишь на всем полушарии
Человека счастливей меня!

1950

* * *

Мне жена подарила пижаму,
И с тех пор, дорогие друзья,
Представляю собой панораму
Исключительно сложную я.
Полосатый, как тигр зоосада,
Я стою, леопарда сильней,
И пасется детенышей стадо
У ноги колоссальной моей.
У другой же ноги, в отдаленье,
Шевелится супруга моя...
Сорок семь мне годков, тем не мене —
Тем не мене — да здравствую я!

1950

<ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ С. И. ЛИПКИНУ НА ТОМЕ ВАЖА ПШАВЕЛЫ>

Семен, напрасно люди врут,
Что Цезарь — я, а Липкин — Брут,
А потому, хоть я и крут,
Дарю тебе сей дивный труд.

1951

СТАРАЯ СКАЗКА

В этом мире, где наша особа
Выполняет неясную роль,
Мы с тобою состаримся оба,
Как состарился в сказке король.

Догорает, светясь терпеливо,
Наша жизнь в заповедном краю,
И встречаем мы здесь молчаливо
Неизбежную участь свою.

Но когда серебристые пряди
Над твоим засверкают виском,
Разорву пополам я тетради
И с последним расстанусь стихом.

Пусть душа, словно озеро, плещет
У порога подземных ворот
И багровые листья трепещут,
Не касаясь поверхности вод.

1952

ОБЛЕТАЮТ ПОСЛЕДНИЕ МАКИ

Облетают последние маки,
Журавли улетают, трубя,
И природа в болезненном мраке
Не похожа сама на себя.

По пустынной и голой аллее
Шелестя облетевшей листвой,
Отчего ты, себя не жалея,
С непокрытой бредешь головой?

Жизнь растений теперь затаилась
В этих странных обрубках ветвей,

Ну, а что же с тобой приключилось,
Что с душой приключилось твоей?

Как посмел ты красавицу эту,
Драгоценную душу твою,
Отпустить, чтоб скиталась по свету,
Чтоб погибла в далеком краю?

Пусть непрочны домашние стены,
Пусть дорога уводит во тьму, —
Нет на свете печальней измены,
Чем измена себе самому.

1952

ВОСПОМИНАНИЕ

Наступили месяцы дремоты...
То ли жизнь действительно прошла,
То ль она, закончив все работы,
Поздней гостьей села у стола.

Хочет пить — не нравятся ей вина,
Хочет есть — кусок не лезет в рот.
Слушает, как шепчется рябина,
Как щегол за окнами поет.

Он поет о той стране далекой,
Где едва заметен сквозь пургу
Бугорок могилы одинокой
В белом кристаллическом снегу.

Там в ответ не шепчется береза,
Корневищем вправленная в лед.
Там над нею в обруче мороза
Месяц окровавленный плывет.

1952

ПРОЩАНИЕ С ДРУЗЬЯМИ

В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений,
Давным-давно рассыпались вы в прах,
Как ветки облетевшие сирени.

Вы в той стране, где нет готовых форм,
Где все разъято, смешано, разбито,
Где вместо неба — лишь могильный холм
И неподвижна лунная орбита.

Там на ином, невнятном языке
Поет синклит беззвучных насекомых,
Там с маленьким фонариком в руке
Жук-человек приветствует знакомых.

Спокойно ль вам, товарищи мои?
Легко ли вам? И все ли вы забыли?
Теперь вам братья — корни, муравьи,
Травинки, вздохи, столбики из пыли.

Теперь вам сестры — цветики гвоздик,
Соски сирени, щепочки, цыплята...
И уж не в силах вспомнить ваш язык
Там наверху оставленного брата.

Ему еще не место в тех краях,
Где вы исчезли, легкие, как тени,
В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений.

1952

КАВЕРИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ

Ну-ка, муза, грянь на лире!
Вакх, шампанского налей!
У Каверина в квартире
Происходит юбилей.

Куры, гуси и индюшки,
Второпях закончив жизнь,
Ради пышной сей пирушки
По тарелкам улеглись.
Блещут вина из графина,
Ветчина лежит без чувств...
Превосходная картина
Для любителя искусств!
Юбиляр приятен тоже.
Он отнюдь не стрекулист.
Он, товарищи, похоже,
Драматург и романист.
Всё он видит, всё он слышит,
У него орлиный глаз,
Пустячок, и тот опишет
Сбоку, в профиль и анфас.
Но, Господь мне в том свидетель,
Неизвестно, в честь чего
Возлюбил он добродетель
Пуще ока своего.
Он не пьет ни вин, ни водок,
Любит прятаться в тени.
Что касается красоток,
Что вы! Боже сохрани!
Лишь кухарку Аграфену
Отличил он потому,
Что по ложке миграфену
В рот сует она ему.
И хоть дом ему — аптека,
И хотя болеет плоть,
Умудрился он полвека
В этих бедах отколоть!
Так поднимем, братцы, чару
И при звоне баккара
Крикнем другу-юбиляру
Троекратное ура!
Где ты, девка Аграфена?
Чтобы справить юбилей,
Ты хоть раз без миграфена
Нам шампанского налей!

<Л. К. СТЕПАНОВОЙ>

Вы прекрасны без прикрас,
Бросьте ахи-охи!
Но за пазухой у вас
Разведутся блохи.
Будут вас они кусать
В разные местечки,
Вы ж начнете хохотать,
Бегая у печки!

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО О КОЛИНОМ ТЕЛОСЛОЖЕНИИ

О твоём телосложении,
Коля, я слагаю стих,
Ибо в этом отношенье
Ты прекрасен, как жених.
Я не боле, как ублюдок,
По сравнению с тобой.
Ты ж имеешь пару грудок
Под рубахой шерстяной.
Эта часть завидна дамам,
Ибо то, что есть у дам,
Весит в месте этом самом
Меньше на сто десять грамм.
Наконец, в середине чрева,
Если скинешь ты тулуп,
Обнаружить может дева
Колоссально мощный пуп.
Это чудо мирозданья
У тебя, как котлован.
Там построить можно зданье —
Кафетерий и чулан.
Приказав служанке Софе
Торговать в твоём кафе,
Там ты кушать будешь кофе,
Развалившись на софе.
Мы к тебе туда на святки
Будем ездить из Москвы

И играть с тобою в прятки,
Прячась в заросли и рвы.
Будем баловаться с Софой,
У балкона сеять рожь...
Коля, будет катастрофой,
Коль постройки не начнешь!
Есть в твоём телосложении
К благоденствию залог.
Будь же полон дерзновенья,
И тебе поможет Бог!

<БАСНИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ Н. Л. СТЕПАНОВУ>

ПИШМАШИНКА И АВТОР

Однажды пишущая подняла машинка
Великий бунт,
Сказавши: — Вот так фунт!
Что я? Безумная? Кретинка?
Писать все дни по тысячи листов!
Да будь я проклята! Да чтоб мне лопнуть сразу!
Хозяин мой, как видно, бестолков,
Коль выходного не дал мне ни разу. —
На это отвечал хозяин: — Горе мне!
Ты, дура, ничего не понимаешь, —
Ты лишь статьи мои перебелишь,
А мне за них влетает по спине.

НЕВОЗДЕРЖАННЫЙ ЕДОК

Однажды некто брюквы нахлебался
И ощутил такую резь,
Что в три погибели согнулся весь,
Не чаял, как вздохнуть, а всё ж в живых остался!

Что, братец, беспокоишься? Ага!
Я правду описал — все до последней буквы!
Мораль проста: не кушай брюквы,
Когда хочется пирога.

КОЛЯ И БЛОХА

Однажды Колю блошка покусала.
— Ахти, проклятая! — сказал он. — Вижу я,
По возрасту ты мне годишься в сыновья.
Однако ж уважать не думаешь нимало.
— Неправда, — блошенька в ответ, —
Тебя я слишком уважаю,
А ежели и обижаю,
То лишь затем, что пищи лучшей нет.

КОЛЯ И МУРАВЕЙ

Однажды муравей засунул Коле в пасть
Свою едва заметну снасть.
Что думал этим он сказать?
Как знать!

ФИЛОЛОГ И МАШИНИСТКА

К наукам чувствуя влечение,
Однажды сочинил филолог сочиненье,
Но машинистка, посмотрев в него,
Сказала: — 0-го-го!
Как знать нам — отчего?

ДОГАДЛИВАЯ КУРИЦА

Прелестна курочка, попавши Коле в щи,
Сказала из горшка ему: — Тащи,
Тащи меня за крылышко, философ,
Затем, что курица питательна для россов.

БЕГЕМОТ И ПИСАТЕЛЬ

Однажды бегемот, сей дерзновенный зверь,
Зашедши к Коле в дверь,
Застал писателя без пантолонов,
И так был поражен,

Что, никого не тронув, —
Ах, ах! — вскричал и вышел вон.

СУСЛИК-ПАРИКМАХЕР

Однажды суслик-парикмахер,
Когда к нему пришел седой, как лунь, клиент,
Сказал: — Иди ты, Коля, на хер.
И мертвым в тот же пал момент.

Мораль отсюда такова:
Хоть и седая голова,
А здорова.

ПОКОРЕНИЕ СТРАСТЕЙ

Однажды в темном зале
Перед философом три девицы плясали.
Но он, ударив их по тазу,
Такого напустил неслыханного газу,
Что все они погибли сразу.

Мораль опять же такова:
Хоть и седая голова,
А здорова!

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДОРОГОМУ ИМЕНИННИКУ

Присмотрись к животным, Коля,
Сколь у них привычек есть:
Каждый зверь в лесу и в поле
Может вовремя присесть.

Волк, свою подъемля лапу,
Бодро сикает на дуб,
А волчонок, видя папу,
В это время чешет пуп.

Даже всякая лисица
Без особенных затей
Может вмиг опорожниться
Перед хижинкой своей.

Чтобы дело это справиться,
Бабы ходят за овин...
Честь имеем Вас поздравить
Со днем Ваших именин!

СОН

Жилец земли, пятидесяти лет,
Подобно всем счастливый и несчастный,
Однажды я покинул этот свет
И очутился в местности безгласной.
Там человек едва существовал
Последними остатками привычек,
Но ничего уж больше не желал
И не носил ни прозвищ он, ни кличек.
Участник удивительной игры,
Не вглядываясь в скученные лица,
Я там ложился в дымные костры
И поднимался, чтобы вновь лечь.
Я уплывал, я странствовал вдали,
Безвольный, равнодушный, молчаливый,
И тонкий свет исчезнувшей земли
Отталкивал рукой неторопливой.
Какой-то отголосок бытия
Еще имел я для существованья,
Но уж стремилась вся душа моя
Стать не душой, но частью мирозданья.
Там по пространству двигались ко мне
Сплетения каких-то матерьялов,
Мосты в необозримой вышине
Висели над ущельями провалов.
Я хорошо запомнил внешний вид
Всех этих тел, плывущих из пространства:

Сплетенье ферм, и выпуклости плит,
И дикость первобытного убранства.
Там тонкостей не видно и следа,
Искусство форм там явно не в почете,
И не заметно тягостей труда,
Хотя весь мир в движенье и работе.
И в поведенье тамошних властей
Не видел я малейшего насилья,
И сам, лишенный воли и страстей,
Все то, что нужно, делал без усилья.
Мне не было причины не хотеть,
Как не было желанья стремиться,
И был готов я странствовать и впредь,
Коль то могло на что-то пригодиться.
Со мной бродил какой-то мальчуган,
Болтал со мной о массе пустяковин.
И даже он, похожий на туман,
Был больше материален, чем духовен.
Мы с мальчиком на озеро пошли,
Он удочку куда-то вниз закинул
И нечто, долетевшее с земли,
Не торопясь, рукою отодвинул.

1953

ВЕСНА В МИСХОРЕ

1. ИУДИНО ДЕРЕВО

Когда, страдая от простуды,
Ай-Петри высится в снегу,
Кривое деревце Иуды
Цветет на южном берегу.
Весна блуждает где-то рядом,
А из долин уже глядят
Цветы, напитанные ядом
Коварства, горя и утрат.

2. ПТИЧЬИ ПЕСНИ

Пусть в зеленую книгу природы
Не запишутся песни синиц, —
Величайшие наши рапсоды
Происходят из общества птиц.
Пусть не слушает их современник,
Путешествуя в этом краю, —
Им не нужно ни славы, ни денег
За бессмертную песню свою.

3. УЧАН-СУ

Внимая собственному вою,
С недостижимых высот
Висит над самой головою
Громада падающих вод.
И веет влажная прохлада
Вокруг нее, и каждый куст,
Обрызган пылью водопада,
Смеется тысячами уст.

4. У МОРЯ

Посмотри, как весною в Мисхоре,
Где серебряный пенится вал,
Непрерывно работает море,
Разрушая окраины скал.
Час настанет, и в сердце поэта,
Разрушая последние сны,
Вместо жизни останется эта
Роковая работа волны.

1953

ПОРТРЕТ

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано

Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.

Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?

Ее глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуйспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.

Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.

1953

* * *

Я воспитан природой суровой,
Мне довольно заметить у ног
Одуванчика шарик пуховый,
Подорожника твердый клинок.

Чем обычной простое растение,
Тем живее волнует меня
Первых листьев его появление
На рассвете весеннего дня.

В государстве ромашек, у края,
Где ручей, задыхаясь, поет,

Пролежал бы всю ночь до утра я,
Запрокинув лицо в небосвод.

Жизнь потоком светящейся пыли
Все текла бы, текла сквозь листья,
И туманные звезды светили,
Заливая лучами кусты.

И, внимая весеннему шуму
Посреди очарованных трав,
Все лежал бы и думал я думу
Беспредельных полей и дубрав.

1953

ПОЭТ

Черен бор за этим старым домом,
Перед домом — поле да овсы.
В нежном небе серебристым комом
Облако невиданной красы.
По бокам туманно-лиловато,
Посредине грозно и светло, —
Медленно плывущее куда-то
Раненого лебедя крыло.
А внизу на стареньком балконе —
Юноша с седою головой,
Как портрет в старинном медальоне
Из цветов ромашки полевой.
Щурит он глаза свои косые,
Подмосковным солнышком согрет, —
Выкованный грозами России
Собеседник сердца и поэт.
А леса, как ночь, стоят за домом,
А овсы, как бешеные, прут...
То, что было раньше незнакомым,
Близким сердцу делается тут.

1953

ДОЖДЬ

В тумане облачных развалин
Встречая утренний рассвет,
Он был почти нематериален
И в формы жизни не одет.

Зародыш, выкормленный тучей,
Он волновался, он кипел,
И вдруг, веселый и могучий,
Ударил в струны и запел.

И засияла вся дубрава
Молниеносным блеском слез,
И листья каждого сустава
Зашевелились у берез.

Натянут тысячами нитей
Меж хмурым небом и землей,
Ворвался он в поток событий,
Повиснув книзу головой.

Он падал издали, с наклоном
В седые скопища дубрав.
И вся земля могучим лоном
Его пила, затрепетав.

1953

ПЕСНЯ ДОЖДЯ

(Подражание С. Чиковани)

Мы спустились с Мтацминды по тропе в Окроканы.
Запад вдруг обложили темнокожие тучи,
Хлынул ливень, и горы, завернувшись в туманы,
Подхватили, как песню, рокот ливня певучий.

Рощу мы миновали, и в поле пустынном
Только два наших тела колыхались, как стрелы.

Ветер в струны ненастья бил и гнал по долинам
Песнь согласную капель, обжигающих тело.

Дождь застал нас врасплох, мы оглохли от гула,
Нас тяжелые слезы иссекли, исхлестали.
Ты, притронувшись к струнам, руку мне протянула,
И чонгури из мрака нам в ответ простонали.

Растворились цветы, аромат источая.
Композитор дождя, бей по струнам ненастья!
Одинокий боярышник рвется, рыдая,
И в глазах твоих звездных загорается счастье.

Ах, идти бы с тобой до зари, до рассвета,
Чтобы локон волос твоих в поле курился,
Чтоб в осеннем дожде на развалинах лета
Платья мокрый подол вокруг колена лепился!

Словно нити, колеблются капли дождя.
Удаляются горы, монотонно гудя.

1953

НОЧНОЕ ГУЛЯНЬЕ

Расступились на площади зданья,
Листья клена целуют звезду.
Нынче ночью — большое гулянье,
И веселье, и праздник в саду.

Но когда пиротехник из рощи
Бросит в небо серебряный свет,
Фантастическим выстрелам ночи
Не вполне доверяйся, поэт.

Улетит и погаснет ракета,
Потускнеют огней вороха...
Вечно светит лишь сердце поэта
В целомудренной бездне стиха.

1953

НЕУДАЧНИК

По дороге, пустынной обочиной,
Где лежат золотые пески,
Что ты бродишь такой озабоченный,
Умирая весь день от тоски?

Вон и старость, как ведьма глазастая,
Притаилась за ветхой ветлой.
Целый день по кустарникам шастая,
Наблюдает она за тобой.

Ты бы вспомнил, как в ночи походные
Жизнь твою, загораясь в борьбе,
Руки девичьи, крылья холодные,
Положила на плечи тебе.

Милый взор, истомленно-внимательный,
Залил светом всю душу твою,
Но подумал ты трезво и тщательно
И вернулся в свою колею.

Крепко помнил ты старое правило —
Осторожно по жизни идти.
Осторожная мудрость направила
Жизнь твою по глухому пути.

Пролетела она в одиночестве
Где-то здесь, на задворках села,
Не спросила об имени-отчестве,
В золотые дворцы не ввела.

Поистратил ты разум недюжинный
Для каких-то бессмысленных дел.
Образ той, что сияла жемчужиной,
Потускнел, побледнел, отлетел.

Вот теперь и ходи и рассчитывай,
Сумасшедшие мысли тая,

Да смотри, как под тенью ракитовой
Усмехается старость твоя.

Не дорогой ты шел, а обочиной,
Не нашел ты пути своего,
Осторожный, всю жизнь озабоченный,
Неизвестно, во имя чего!

1953

<СЫНУ НИКИТЕ — СТУДЕНТУ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ>

Однажды некий агроном
В штанишки сделал как ком.
И этот ком, упав на луг,
Всеобщий вызвал там испуг.
Сказали пастуху коровы:
— Пастух, мы, верно, не здоровы.
Увидев эту каку, мы
Ввели в смятение умы.
— Дурашки! — им пастух в ответ, —
Что это кака — спору нет,
Но кто ее здесь обронил?
Агроном, окончивший Академию имени Тимирязева!

1953

ХОДОКИ

В зипунах домашнего покроя,
Из далеких сел, из-за Оки,
Шли они, неведомые, трое —
По мирскому делу ходоки.

Русь моталась в голоде и буре,
Все смешалось, сдвинутое враз.

Гул вокзалов, крик в комендатуре,
Человечье горе без прикрас.

Только эти трое почему-то
Выделялись в скопище людей,
Не кричали бешено и люто,
Не ломали строй очередей.

Всматриваясь старыми глазами
В то, что здесь наделала нужда,
Горевали путники, а сами
Говорили мало, как всегда.

Есть черта, присущая народу:
Мыслит он не разумом одним, —
Всю свою душевную природу
Наши люди связывают с ним.

Оттого прекрасны наши сказки,
Наши песни, сложенные в лад.
В них и ум и сердце без опаски
На одном наречье говорят.

Эти трое мало говорили.
Что слова! Была не в этом суть.
Но зато в душе они скопили
Многое за долгий этот путь.

Потому, быть может, и таились
В их глазах тревожные огни
В поздний час, когда остановились
У порога Смольного они.

Но когда радушный их хозяин,
Человек в потертом пиджаке,
Сам работой до смерти измаян,
С ними говорил накоротке,

Говорил о скудном их районе,
Говорил о той поре, когда

Выйдут электрические кони
На поля народного труда,

Говорил, как жизнь расправит крылья,
Как, воспрянув духом, весь народ
Золотые хлебы изобилья
По стране, ликуя, понесет, —

Лишь тогда тяжелая тревога
В трех сердцах растаяла, как сон,
И внезапно видно стало много
Из того, что видел только он.

И котомки сами развязались,
Серой пылью в комнате пыли,
И в руках стыдливо показались
Черствые ржаные кренделя.

С этим угощением безыскусным
К Ленину крестьяне подошли.
Ели все. И горьким был и вкусным
Скудный дар истерзанной земли.

1954

ВОЗВРАЩЕНИЕ С РАБОТЫ

Вокруг села бродили грозы,
И часто, полные тоски,
Удары молнии сквозь слезы
Ломали небо на куски.

Хлестало, словно из баклаги,
И над собранием берез
Пир электричества и влаги
Сливался в яростный хаос.

А мы шагали по дороге
Среди кустарников и трав,

Как древнегреческие боги,
Трезубцы в облако подняв.

1954

ШАКАЛЫ

Среди черноморских предгорий,
На первой холмистой гряде,
Высокий стоит санаторий,
Купая ступени в воде.

Давно уже черным сапфиром
Склонился над ним небосклон,
Давно уж над дремлющим миром
Молчит ожерелье колонн.

Давно, утомившись от зноя,
Умолкли концерты цикад,
И люди в тиши и покое
Давно в санатории спят.

Лишь там, наверху, по оврагам,
Средь зарослей горной реки,
Полночным окутаны мраком,
Не гаснут всю ночь огоньки.

На всем полукружье залива,
То там появляясь, то тут,
И хищно они и трусливо
Мерцают, мигают, снуют.

Сперва боязливо и тонко,
Потом все слышней и слышней
С холмов верещанье ребенка
Доносится к миру людей.

И вот уже плачем и визгом
Наполнен небесный зенит.

Луна перламутровым диском
Испуганно в чашу глядит.

И видит: теснясь друг за другом
И мордочки к небу задрав,
Шакалы сидят полукругом
За темными листьями трав.

О чем они воют и плачут?
Кого проклиная, вопят?
Под ними у моря маячит
Колонн ослепительный ряд.

Там мир золотого сиянья,
Там жизнь, непонятная им...
Не эти ли светлые зданья
Клянут они воплем своим?

Но меркнет луна Черноморья,
И солнце встает в синеву,
И враз умолкают предгорья,
Туманом укутав траву.

И звери по краю потока
Трусливо бегут в тростники,
Где в каменных норах глубоко
Беснуются их двойники.

1954

В КИНО

Утомленная после работы,
Лишь за окнами стало темно,
С выраженьем тяжелой заботы
Ты пришла почему-то в кино.

Рыжий малый в коричневом фраке,
Как всегда, выбиваясь из сил,

Плел с эстрады какие-то враки
И бездарно и нудно острил.

И смотрела когда на него ты
И вникала в остроты его,
Выраженье тяжелой заботы
Не сходило с лица твоего.

В низком зале, наполненном густо,
Ты смотрела, как все, на экран,
Где напрасно пыталось искусство
К правде жизни припутать обман.

Озабоченных черт не меняли
Судьбы призрачных, плоских людей,
И тебе удавалось едва ли
Сопоставить их с жизнью своей.

Одинока, слегка седовата,
Но еще моложава на вид,
Кто же ты? И какая утрата
До сих пор твое сердце томит?

Где твой друг, твой единственно милый,
Соучастник далекой весны,
Кто наполнил живительной силой
Бесприютное сердце жены?

Почему его нету с тобою?
Неужели погиб он в бою
Иль, оторван от дома судьбою,
Пропадает в далеком краю?

Где б он ни был, но в это мгновенье
Здесь, в кино, я уверился вновь:
Бесконечно людское терпенье,
Если в сердце не гаснет любовь.

1954

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.
Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.

Обессиленный недугом,
От товарищей вдали,
Я дремал. И друг за другом
Предо мной виденья шли.

Снилось мне, что я младенцем
В тонкой капсуле пелен
Иудейским поселенцем
В край далекий привезен.

Перед Иродовой бандой
Трепетали мы. Но тут
В белом домике с верандой
Обрели себе приют.

Ослик пасся близ оливы,
Я резвился на песке.
Мать с Иосифом, счастливы,
Хлопотали вдалеке.

Часто я в тени у сфинкса
Отдыхал, и светлый Нил,
Словно выпуклая линза,
Отражал лучи светил.

И в неясном этом свете,
В этом радужном огне
Духи, ангелы и дети
На свирелях пели мне.

Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой

И простерла Иудея
Перед нами образ свой —

Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложилась на трущобу
Тень распятого в горах, —

Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы близ огня
Взор твой ангельский светился,
Устремленный на меня.

1955

ОСЕННИЕ ПЕЙЗАЖИ

1. ПОД ДОЖДЕМ

Мой зонтик рвется, точно птица,
И вырывается, треща.
Шумит над миром и дымится
Сырая хижина дождя.
И я стою в переплетенье
Прохладных вытянутых тел,
Как будто дождик на мгновенье
Со мною слиться захотел.

2. ОСЕННЕЕ УТРО

Обрываются речи влюбленных,
Улетает последний скворец.
Целый день осыпаются с кленов
Силуэты багровых сердец.
Что ты, осень, наделала с нами!
В красном золоте стынет земля.
Пламя скорби свистит под ногами,
Ворохами листвы шевеля.

3. ПОСЛЕДНИЕ КАННЫ

Все то, что сияло и пело,
В осенние скрылось леса,
И медленно дышат на тело
Последним теплом небеса.
Ползут по деревьям туманы,
Фонтаны умолкли в саду.
Одни неподвижные канны
Пылают у всех на виду.
Так, вытянув крылья, орлица
Стоит на уступе скалы,
И в клюве ее шевелится
Огонь, выступая из мглы.

1955

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам ее,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчишки, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про нее,
Она ж за ними бегают по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Еще не знает это существо.
Ей все на свете так безмерно ново,
Так живо все, что для иных мертво!

И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине ее горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты ее нехороши
И нечем ей прельстить воображенье, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движенье.
А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?

Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

1955

* * *

При первом наступлении зимы,
Блуждая над просторною Невою,
Сиянье лета сравниваем мы
С разбросанной по берегу листвою.

Но я любитель старых тополей,
Которые до первой зимней вьюги
Пытаются не сбрасывать с ветвей
Своей сухой заржавленной кольчуги.

Как между нами сходство описать?
И я, подобно тополи, не молод,
И мне бы нужно в панцире встречать
Приход зимы, ее смертельный холод.

1955

ОСЕННИЙ КЛЕН

(Из С. Галкина)

Осенний мир осмысленно устроен
И населен.
Войди в него и будь душой спокоен,
Как этот клен.

И если пыль на миг тебя покроет,
Не помертвей.
Пусть на заре листья твои умоет
Роса полей.

Когда ж гроза над миром разразится
И ураган,
Они заставят до земли склониться
Твой тонкий стан.

Но даже впад в смертельную истому
От этих мук,
Подобно древу осени простому,
Смолчи, мой друг.

Не забывай, что выпрямится снова,
Не искривлен,
Но умудрен от разума земного,
Осенний клен.

1955

О КРАСОТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЛИЦ

Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица — подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мертвые лица
Закрываются решетками, словно темница.

Другие — как башни, в которых давно
Никто не живет и не смотрит в окно.
Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка ее на меня
Струилось дыханье весеннего дня.
Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица — подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.

1955

НАСТАВЛЕНИЕ ШВАРЦУ

Что я вижу? Что я слышу?
Шварц пишулю написал!
Я от радости чуть дышу!
Я весьма доволен стал!
Женя, Женя! Сколь прелестно
Ты все мысли изложил!
Даже в грудке стало тесно!
Кровь закапала из жил!
Помни, Женя, медицина
Производит шаг вперед!
Чем болезненней мужчина,
Тем ей больше и хлопот.

Нужно ей помочь, старушке,
А не какать под себя
И не пукать, как из пушки,
Эспаньолку теребя!
Это первое. Второе:
Я хотел тебе сказать,
Что ты должен на покое
Силу духа развивать.

Не теряй же время даром!
Развивайся каждый миг!
Проникать старайся с жаром
В то, во что ты не проник, —
Пополняй свои познания!
Увеличивай багаж!
Все исполнятся желанья,
Если волю напрягаешь!

Вот тебе мои заветы.
Во вниманье их прими
И красуйся многи лета
Между прочими людьми!

Твой доброжелатель Н. З.

5 октября 1955

НАШ ПРАЗДНИК

Представление в 1 действии

Сцена представляет роскошную комнату. Посередине — стол, уставленный райскими кушаньями. На стуле сидит мама с испуганным выражением лица. Она не может вспомнить, куда она истратила 300 рублей, которые взяла из папиной коробки. Около мамы в величественной позе стоит папа. Дети, стоя на цыпочках около стола, стараются рассмотреть невиданные угощения.

Д е т и

Что сегодня за число?
Сколько чудных здесь конфет!

П а п а
(торжественно)

Дети, нынче принесло
Нашу мамочку на свет.

Д е т и
(бросаясь к ней)

Мама, мама, ты цветочек!
Поздравляем от души!

М а м а
(растроганно)

Дети, даже без порточек
Вы довольно хороши!

В с е в м е с т е
(взявшись за руки и танцуя вокруг стола)

Коль у мамы именины,
Значит, будет торжество!
Будем пить мы в рюмках вина
За родное существо!

Х о р
(подхватывает)

За родное существо!

П а п а
(выступая вперед)

Дети, дети, я с приветом
Выступаю здесь опять,
Перед всем хвалю я светом
Вашу мамочку как мать!

Д е т и

Наша мама, как известно,
Воспитала нас чудесно!
Покровительница слабых
И защитница сирот,
Пусть она у папы в лапах
Процветает и живет!

Хор
(подхватывает)

Процветает и живет!

Безногий солдат
(за дверью)

Я, не веря в прочих дам,
Обращаюсь с просьбой к вам!
В забегаловке у нас
Все надеются на вас!

Хор
(подхватывает)

Все надеются на вас!

Голодные воробьи
(за окном)

Поздравляем вас, мамаша,
И кричим из-за окна:
Если будет милость ваша,
Бросьте горсточку пшена!

Хор
(подхватывает)

Бросьте горсточку пшена!

Все вместе
(взявшись за руки и танцуя)

Именинница добра!
Имениннице — ура!

Тут папа, Никита, Наташа, тетя Поля, хромой солдат и воробьи бросаются к имениннице с поцелуями и поздравлениями.

Занавес.

ГИМН СССР

<Текст на конкурс>

Радуйся, наша Отчизна,
Славная наша страна!
Светлая даль коммунизма
Стала народу видна.

Ленинской партии — слава!
К новым победам вперед!
Да здравствует Советская держава!
Да здравствует советский народ!

СТАРАЯ АКТРИСА

В позолоченной комнате стиля ампир,
Где шнурками затянуты кресла,
Театральной Москвы позабытый кумир
И владычица наша воскресла.

В затрапезе похожа она на щегла,
В три погибели скорчилось тело.
А ведь, боже, какая актриса была
И какими умами владела!

Что-то было нездешнее в каждой черте
Этой женщины, юной и стройной,
И лежал на тревожной ее красоте
Отпечаток Италии знойной.

Ныне домик ее превратился в музей,
Где жива ее прежняя слава,
Где старуха подчас удивляет друзей
Своевольем капризного нрава.

Орден ей и званий немало дано,
И она пребывает в надежде,
Что красе ее вечно сиять суждено
В этом доме, как некогда прежде.

Здесь картины, портреты, альбомы, венки,
Здесь дыхание южных растений,
И они ее образ, годам вопреки,
Сохранят для иных поколений.

И не важно, не важно, что в дальнем углу,
В полутемном и низком подвале,
Бесприютная девочка спит на полу,
На тряпичном своем одеяле!

Здесь у тетки-актрисы из милости ей
Предоставлена нынче квартира.
Здесь она выбивает ковры у дверей,
Пыль и плесень стирает с ампира.

И когда ее старая тетка бранит,
И считает и прячет монеты, —
О, с каким удивленьем ребенок глядит
На прекрасные эти портреты!

Разве девочка может понять до конца,
Почему, поражая нам чувства,
Поднимает над миром такие сердца
Неразумная сила искусства!

1956

ГДЕ-ТО В ПОЛЕ ВОЗЛЕ МАГАДАНА

Где-то в поле возле Магадана,
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мерзлого тумана
Шли они за розвальнями вслед.
От солдат, от их луженых глоток,
От бандитов шайки воровской
Здесь спасали только околодок
Да наряды в город за мукой.
Вот они и шли в своих бушлатах —
Два несчастных русских старика,

Вспоминая о родимых хатах
И томясь о них издалека.
Вся душа у них перегорела
Вдалеке от близких и родных,
И усталость, сгорбившая тело,
В эту ночь снедала души их.
Жизнь над ними в образах природы
Чередую двигалась своей.
Только звезды, символы свободы,
Не смотрели больше на людей.
Дивная мистерия вселенной
Шла в театре северных светил,
Но огонь ее проникновенный
До людей уже не доходил.
Вкруг людей посвистывала вьюга,
Заметая мерзлые пеньки.
И на них, не глядя друг на друга,
Замерзая, сели старики.
Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не достигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.

1956

ПОЭМА ВЕСНЫ

Ты и скрипку с собой принесла,
И заставила петь на свирели,
И, схватив за плечо, повела
Сквозь поля, голубые в апреле.
Пессимисту дала ты шлепка,
Настежь окна в домах растворила,
Подхватила в сенях старика
И плясать по дороге пустила.

Ошалев от твоей красоты,
Скряга вытащил пук ассигнаций,
И они превратились в листы
Засиявших на солнце акаций.
Бюрократы, чинуши, попы,
Столяры, маляры, стеклодувы,
Как птенцы из своей скорлупы,
Отворили на радостях клювы.
Даже те, кто по креслам сидят,
Погрузившись в чины и медали,
Улыбнулись и, как говорят,
На мгновенье счастливыми стали.
Это ты, сумасбродка весна!
Узнаю твои козни, плутовка!
Уж давно мне из окон видна
И улыбка твоя, и сноровка.
Скачет по полю жук-менестрель,
Реет бабочка, став на пуанты.
Развалившись по книгам, апрель
Нацепил васильков аксельбанты.
Он-то знает, что поле да лес —
Для меня ежедневная тема,
А весна, сумасбродка небес, —
И подружка моя, и поэма.

1956

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МАРСА

Подобно огненному зверю,
Глядишь на землю ты мою,
Но я ни в чем тебе не верю
И славословий не пою.
Звезда зловещая! Во мраке
Печальных лет моей страны
Ты в небесах чертила знаки
Страданья, крови и войны.
Когда над крышами селений
Ты открывала сонный глаз,

Какая боль предположений
Всегда охватывала нас!
И был он в руку — сон зловещий:
Война с ружьем наперевес
В селеньях жгла дома и вещи
И угоняла семьи в лес.
Был бой и гром, и дождь и слякоть,
Печаль скитаний и разлук,
И уставало сердце плакать
От нестерпимых этих мук.
И над безжизненной пустыней
Подняв ресницы в поздний час,
Кровавый Марс из бездны синей
Смотрел внимательно на нас.
И тень сознательности злобной
Кривила смутные черты,
Как будто дух звероподобный
Смотрел на землю с высоты.
Тот дух, что выстроил каналы
Для неизвестных нам судов
И стекловидные вокзалы
Средь марсианских городов.
Дух, полный разума и воли,
Лишенный сердца и души,
Кто о чужой не страждет боли,
Кому все средства хороши.
Но знаю я, что есть на свете
Планета малая одна,
Где из столетия в столетье
Живут иные племена.
И там есть муки и печали,
И там есть пища для страстей,
Но люди там не потеряли
Души единственной своей.
Там золотые волны света
Плывут сквозь сумрак бытия,
И эта милая планета —
Земля воскресшая моя.

1956

ГУРЗУФ НОЧЬЮ

Для северных песен ненадобен юг:
Родились они средь туманов и вьюг,
Качанию лиственниц вторя.
Они — чужестранцы на этой земле,
На этой покрытой цветами скале,
В сиянии южного моря.

В Гурзуфе всю ночь голоса петухи.
Здесь улица — род коридора.
Здесь спит парикмахер, любитель ухи,
Который стрижет Черномора.
Царапая кузов о камни крыльца,
Здесь утром автобус гудит без конца,
Таща ротозеев из Ялты.
Здесь толпы лихих санаторных гуляк
Несут за собой аромат кулебяк,
Как будто в харчевню попал ты.

Наплававшись по морю, стая парней
Здесь бродит с заезжей сиреной.
Питомцы Нептуна блаженствуют с ней,
Гитарой бренча несравненной.
Здесь две затонувшие в море скалы,
К которым стремился и Плиний,
Вздымают из влаги тупые углы
Своих переломанных линий.

А ночь, как царица на троне из туч,
Колблет прожектора медленный луч,
И море шумит до рассвета,
И, слушая, как голоса петухи,
Внизу у калитки толпятся стихи —
Свидетели южного лета.
Толпятся без страха и тычут свой нос
В кувшинчики еле открывшихся роз,
И пьют их дыханье, и странно,
Что, спавшие где-то на севере, вдруг

Они залетели на пламенный юг —
Холодные дети тумана.

1956

НАД МОРЕМ

Лишь запах чабреца, сухой и горьковатый,
Повеял на меня — и этот сонный Крым,
И этот кипарис, и этот дом, прижатый
К поверхности горы, слились навеки с ним.

Здесь море — дирижер, а резонатор — дали,
Концерт высоких волн здесь ясен наперед.
Здесь звук, задев скалу, скользит по вертикали,
И эхо средь камней танцует и поет.

Акустика вверху настроила ловушек,
Приблизила к ушам далекий ропот струй.
И стал здесь грохот бурь подобен грому пушек,
И, как цветок, расцвел девичий поцелуй.

Скопление синиц здесь свищет на рассвете,
Тяжелый виноград прозрачен здесь и ал.
Здесь время не спешит, здесь собирают дети
Чабрец, траву степей, у неподвижных скал.

1956

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

1. ЧЕРТОПОЛОХ

Принесли букет чертополоха
И на стол поставили, и вот
Предо мной пожар и суматоха
И огней багровых хоровод.

Эти звезды с острыми концами,
Эти брызги северной зари
И гремят и стонут бубенцами,
Фонарями вспыхнув изнутри.
Это тоже образ мироздания,
Организм, сплетенный из лучей,
Битвы неоконченной пыланье,
Полыханье поднятых мечей.
Это башня ярости и славы,
Где к копью приставлено копье,
Где пучки цветов, кровавоглавы,
Прямо в сердце врезаны мое.
Снилась мне высокая темница
И решетка, черная, как ночь,
За решеткой — сказочная птица
Та, которой некому помочь.
Но и я живу, как видно, плохо,
Ибо я помочь не в силах ей.
И встает стена чертополоха
Между мной и радостью моей.
И простерся шип клинообразный
В грудь мою, и уж в последний раз
Светит мне печальный и прекрасный
Взор ее неугасимых глаз.

1956

2. МОРСКАЯ ПРОГУЛКА

На сверкающем глассере белом
Мы заехали в каменный грот,
И скала опрокинутым телом
Заслонила от нас небосвод.
Здесь, в подземном мерцающем зале,
Над лагуной прозрачной воды,
Мы и сами прозрачными стали,
Как фигурки из тонкой слюды.
И в большой кристаллической чаше,
С удивлением глядя на нас,

Отраженья неясные наши
Засияли миллионами глаз.
Словно вырвавшись вдруг из пучины,
Стаи девушек с рыбьим хвостом
И подобные крабам мужчины
Оцепили наш глссер кругом.
Под великой одеждою моря,
Подражая движеньям людей,
Целый мир ликованья и горя
Жил диковинной жизнью своей.
Что-то там и рвалось, и кипело,
И сплеталось, и снова рвалось,
И скалы опрокинутой тело
Пробивало над нами насквозь.
Но водитель нажал на педали,
И опять мы, как будто во сне,
Полетели из мира печали
На высокой и легкой волне.
Солнце в самом зените пылало,
Пена скал заливала корму,
И Таврида из моря вставала,
Приближаясь к лицу твоему.

1956

3. ПРИЗНАНИЕ

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!

Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.

Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,

И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.

Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжелые,
В эти черные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.

Что прибавится — не убавится,
Что не сбудется — позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?

1957

4. ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Задрожала машина и стала,
Двое вышли в вечерний простор,
И на руль опустился устало
Истомленный работой шофер.
Вдалеке через стекла кабины
Трепетали созвездья огней.
Пожилый пассажир у куртины
Задержался с подругой своей.
И водитель сквозь сонные веки
Вдруг заметил два странных лица,
Обращенных друг к другу навеки
И забывших себя до конца.
Два туманные легкие света
Исходили из них, и вокруг
Красота уходящего лета
Обнимала их сотнями рук.
Были тут огнеликие канны,
Как стаканы с кровавым вином,
И седых аквилегий султаны,
И ромашки в венце золотом.
В неизбежном предчувствии горя,
В ожиданье осенних минут,

Кратковременной радости море
Окружало любовников тут.
И они, наклоняясь друг к другу,
Бесприютные дети ночей,
Молча шли по цветочному кругу
В электрическом блеске лучей.
А машина во мраке стояла,
И мотор трепетал тяжело,
И шофер улыбался устало,
Опуская в кабине стекло.
Он-то знал, что кончается лето,
Что подходят ненастные дни,
Что давно уж их песенка спета, —
То, что, к счастью, не знали они.

1957

5. ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ

Раньше был он звонкий, точно птица,
Как родник, струился и звенел,
Точно весь в сиянии излиться
По стальному проводу хотел.

А потом, как дальнее рыданье,
Как прощанье с радостью души,
Стал звучать он, полный покаянья,
И пропал в неведомой глуши.

Сгинул он в каком-то диком поле,
Беспощадной вьюгой занесен...
И кричит душа моя от боли,
И молчит мой черный телефон.

1957

6

Клялась ты — до гроба
Быть милой моей.

Опомнившись, оба
Мы стали умней.

Опомнившись, оба
Мы поняли вдруг,
Что счастья до гроба
Не будет, мой друг.

Колелется лебедь
На пламени вод.
Однако к земле ведь
И он уплывет.

И вновь одиноко
Заблещет вода,
И глянет ей в око
Ночная звезда.

1957

7

Посредине панели
Я заметил у ног
В лепестках акварели
Полумертвый цветок.
Он лежал без движенья
В белом сумраке дня,
Как твое отраженье
На душе у меня.

1957

8. МОЖЖЕВЕЛОВЫЙ КУСТ

Я увидел во сне можжевеловый куст,
Я услышал вдали металлический хруст,
Аметистовых ягод услышал я звон,
И во сне, в тишине, мне понравился он.

Я почуял сквозь сон легкий запах смолы.
Отогнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке древесных ветвей
Чуть живое подобье улыбки твоей.

Можжевеловый куст, можжевеловый куст,
Остывающий лепет изменчивых уст,
Легкий лепет, едва отдающий смолой,
Проколовший меня смертоносной иглой!

В золотых небесах за окошком моим
Облака проплывают одно за другим,
Облетевший мой садик безжизнен и пуст...
Да простит тебя бог, можжевеловый куст!

1957

9. ВСТРЕЧА

И лицо с внимательными глазами, с трудом,
с усилием, как открывается заржавевшая дверь, —
улыбнулось...

Л. Толстой. Война и мир

Как открывается заржавевшая дверь,
С трудом, с усилием, — забыв о том, что было,
Она, моя неожиданная, теперь
Свое лицо навстречу мне открыла.
И хлынул свет — не свет, но целый сноп
Живых лучей, — не сноп, но целый ворох
Весны и радости, и, вечный мизантроп,
Смешался я... И в наших разговорах,
В улыбках, в восклицаньях, — впрочем, нет,
Не в них совсем, но где-то там, за ними,
Теперь горел неугасимый свет,
Овладевая мыслями моими.
Открыв окно, мы посмотрели в сад,
И мотыльки бесчисленные сдуру,
Как многоцветный легкий водопад,
К блестящему помчались абажуру.

Один из них уселся на плечо,
Он был прозрачен, трепетен и розов.
Моих вопросов не было еще,
Да и не нужно было их — вопросов.

1957

10. СТАРОСТЬ

Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она, —
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.

Их речь уже немногословна,
Без слов понятен каждый взгляд,
Но души их светло и ровно
Об очень многом говорят.

В неясной мгле существованья
Был неприметен их удел,
И животворный свет страданья
Над ними медленно горел.

Изнемогая, как калеки,
Под гнетом слабостей своих,
В одно единое навеки
Слились живые души их.

И знания малая частица
Открылась им на склоне лет,
Что счастье наше — лишь зарница,
Лишь отдаленный слабый свет.

Оно так редко нам мелькает,
Такого требует труда!
Оно так быстро потухает
И исчезает навсегда!

Как ни лелей его в ладонях
И как к груди ни прижимай, —
Дитя зари, на светлых конях
Оно умчится в дальний край!

Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она,
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.

Теперь уж им, наверно, легче,
Теперь все страшное ушло,
И только души их, как свечи,
Струят последнее тепло.

1956

ИЗ ЗАПИСОК СТАРОГО АПТЕКАРЯ

1

Красотка Акулина захворала,
Но скоро ей уже полегче стало.
А ведь не будь у нас пенициллина,
Пожалуй, померла бы Акулина!

2

Прочел стишки про то,
Как некий папский нунций
Глотал мышьяк по сто
Пятнадцать унций.
Заметно сразу, что поэт
Фармацевтический не кончил факультет.

3

Не спал всю ночь: всё вспоминал, как дыни
В учебнике зовутся по-латыни.

4

Болтают, что в соседнем переулке
Какой-то бывший князь,
Имея драгоценности в шкатулке,
Скончался, не лечась.
Дивлюся я такому человеку:
Хоть ты и князь, но уважай аптеку!

5

Как хорошо, что дырочку для клизмы
Имеют все живые организмы!

6

И в нищей хижине, и в спальне у монарха
Полезно пользоваться кружкой Эсмарха.

7

Один известный врач
Перед обедом кушал «спотыкач».
И что ж вы думаете? У того врача
Всегда была прекрасная моча.

8

«Бессмертны мы», — сказал мудрец Агриппа,
Но обмишурился и помер он от гриппа.

9

В истории имеются примеры,
Как от болезней гибнут малoverы.
А вот поди ж ты! И до сей поры
Иной не верит в пользу камфары!

10

Как странно: у Ильи-гомеопата,
Как и у нас, по рупь пятнадцать вата!

11

Дай хоть йоду идиоту —
Не поможет ни на йоту.

12

Весьма возможно, что в соленом огурце
Довольно много витамина С.

13

О, сколь велик ты, разум человека!
Что ни квартал — то новая аптека.

СМЕРТЬ ВРАЧА

В захолустном районе,
Где кончается мир,
На степном перегоне
Умирал бригадир.
То ли сердце устало,
То ли солнцем нажгло,
Только силы не стало
Возвратиться в село.
И смутились крестьяне:
Каждый подлинно знал,
Что и врач без сознания
В это время лежал.
Надо ж было случиться,
Что на горе-беду
Он, забыв про больницу,
Сам томился в бреду.
И, однако ж, в селенье
Полетел верховой.

И ресницы в томленье
Поднял доктор больной.
И под каплями пота,
Через сумрак и бред,
В нем разумное что-то
Задрожало в ответ.
И к машине несмело
Он пошел, темнолиц,
И в безгласное тело
Ввел спасительный шприц
И в степи, на закате,
Окруженный толпой,
Рухнул в белом халате
Этот старый герой.
Человеческой силе
Не положен предел:
Он, и стоя в могиле,
Сделал то, что хотел.

1957

ДЕТСТВО

Огромные глаза, как у нарядной куклы,
Раскрыты широко. Под стрелами ресниц,
Доверчиво-ясны и правильно округлы,
Мерцают ободки младенческих зениц.
На что она глядит? И чем необычаен
И сельский этот дом, и сад, и огород,
Где, наклонясь к кустам, хлопочет их хозяин,
И что-то вяжет там, и режет, и поет?
Два тощих петуха дерутся на заборе,
Шершавый хмель ползет по столбику крыльца.
А девочка глядит. И в этом чистом взоре
Отображен весь мир до самого конца.
Он, этот дивный мир, поистине впервые
Очаровал ее, как чудо из чудес,
И в глубь души ее, как спутники живые,
Вошли и этот дом, и этот сад, и лес.

И много минет дней. И боль сердечной смуты,
И счастье к ней придет. Но и жена и мать,
Она блаженный смысл короткой той минуты
Вплоть до седых волос все будет вспоминать.

1957

ЛЕСНАЯ СТОРОЖКА

Скрипело, свистало и выло в лесу,
И гром ударял в отдаленье, как молот,
И тучи рвались в небесах, но внизу
Царили затишье, и сумрак, и холод,
В гигантском колодце сосновых стволов,
В своей одинокой убогой сторожке
Лесник пообедал и хлебные крошки
Смахнул на ладонь, молчалив и суров.
Над миром великая буря ходила,
Но здесь, в тишине, у древесных корней,
Старик, отдыхая, не думал о ней,
И только собака ворчала уныло
На каждую вспышку далеких зарниц,
И в гнездах смолкало селение птиц.

Однажды в грозу, навалившись на двери,
Тут зверь появился, высок и космат,
И так же, как многие прочие звери,
Узнав человека, отпрянул назад.
И сторож берданку схватил, и с окошка
Пружиной метнулась под лестницу кошка,
И разом короткий ружейный удар
Потряс основанье соснового бора.

Вернувшись, лесник успокоился скоро:
Он, видимо, был уж достаточно стар,
Он знал, что покой — только призрак покоя,
Он знал, что, когда полыхает гроза,
Все тяжко-животное, злобно-живое
Встает и глядит человеку в глаза.

1957

БОЛЕРО

Итак, Равель, танцуем болеро!
Для тех, кто музыку не сменит на перо,
Есть в этом мире праздник изначальный —
Напев волынки скудный и печальный
И эта пляска медленных крестьян...
Испания! Я вновь тобою пьян!
Цветок мечты возвышенной взлелеяв,
Опять твой образ предо мной горит
За отдаленной гранью Пиренеев!
Увы, замолк истерзанный Мадрид,
Весь в отголосках пролетевшей бури,
И нету с ним Долорес Ибаррури!
Но жив народ, и песнь его жива.
Танцуй, Равель, свой исполинский танец,
Танцуй, Равель! Не унывай, испанец!
Вращай, История, литые жернова,
Будь мельничихой в грозный час прибоя!
О, болеро, священный танец боя!

1957

ПТИЧИЙ ДВОР

Скачет, свищет и бормочет
Многоликий птичий двор.
То могучий грянет кочет,
То индеек взвизгнет хор.

В бесшабашном этом гаме,
В писке маленьких цыплят
Гуси толстыми ногами
Землю важно шевелят.

И шатаясь с боку на бок,
Через двор наискосок,
Перепонки красных лапок
Ставят утки на песок.

Будь бы я такая птица, —
Весь пылая, весь дрожа,
Поспешил бы в небо взвиться,
Ускользнув из-под ножа!

А они, не веря в чудо,
Вечной заняты едой,
Ждут, безумные, покуда
Распростятся с головой.

Вечный гам и вечный топот,
Вечно глупый, важный вид.
Им, как видно, жизни опыт
Ни о чем не говорит.

Их сердца послушно бьются
По желанию людей,
И в душе не отдаются
Крики вольных лебедей.

1957

ОДИССЕЙ И СИРЕНЬ

Однажды аттическим утром
С отважной дружиною всей
Спешил на кораблике утлом
В отчизну свою Одиссей.
Шумело Эгейское море,
Коварный туманился вал.
Скиталец в пернатом уборе
Лежал на корме и дремал.
И вдруг через дымку мечтанья
Возник перед ним островок,
Где три шаловливых созданья
Плескались и пели у ног.
Среди гармоничного гула
Они отражались в воде.

И тень вожделеня мелькнула
У грека, в его бороде.
Ведь слабость сродни человеку,
Любовь — вековечный недуг,
А этому древнему греку
Все было к жене недосуг.
И первая пела сирена:
«Ко мне, господин Одиссей!
Я вас исцелю несомненно
Усердной любовью моей!»
Вторая богатство сулила:
«Ко мне, корабельщик, ко мне!
В подводных дворцах из берилла
Мы счастливы будем вполне!»
А третья сулила забвенье
И кубок вздымала вина:
«Испей — и найдешь исцеленье
В объятьях волшебного сна!»
Но хмурится житель Итаки,
Красоток не слушает он,
Не верит он в сладкие враки,
В мечтанья свои погружен.
И смотрит он на берег в оба,
Где в нише из каменных плит
Супруга его Пенелопа,
Рыдая, за прялкой сидит.

1957

ЭТО БЫЛО ДАВНО

Это было давно.
Исхудавший от голода, злой,
Шел по кладбищу он
И уже выходил за ворота.
Вдруг под свежим крестом,
С невысокой могилы сырой
Заприметил его
И окликнул невидимый кто-то.

И седая крестьянка
В заношенном старом платке
Поднялась от земли,
Молчалива, печальна, сутула,
И творя поминанье,
В морщинистой темной руке
Две лепешки ему
И яичко, крестясь, протянула.

И как громом ударило
В душу его, и тотчас
Сотни труб закричали
И звезды посыпались с неба.
И, смятенный и жалкий,
В сиянье страдальческих глаз,
Принял он подаянье,
Поел поминального хлеба.

Это было давно.
И теперь он, известный поэт,
Хоть не всеми любимый,
И понятый также не всеми, —
Как бы снова живет
Обаянием прожитых лет
В этой грустной своей
И возвышенно чистой поэме.

И седая крестьянка,
Как добрая старая мать,
Обнимает его...
И бросая перо, в кабинете
Все он бродит один
И пытается сердцем понять
То, что могут понять
Только старые люди и дети.

1957

КАЗБЕК

С хевсурами после работы
Лежал я и слышал сквозь сон,
Как кто-то, шальной от дремоты,
Окно распахнул на балкон.

Проснулся и я. Наступала
Заря, и, закованный в снег,
Двуглавым обломком кристалла
В окне загорался Казбек.

Я вышел на воздух железный.
Вдали, у подножья высот,
Курились туманные бездны
Провалами каменных сот.

Из горных курильниц взлетая
И тая над миром камней,
Летела по воздуху стая
Мгновенных и легких теней.

Земля начинала молебен
Тому, кто блистал и царил.
Но был он мне чужд и враждебен
В дыхании этих кадил.

И бедное это селенье,
Скопление домов и закут,
Казалось мне в это мгновенье
Разумно устроенным тут.

У ног ледяного Казбека
Справляя людские дела,
Живая душа человека
Страдала, дышала, жила.

А он, в отдаленье от пашен,
В надмирной своей вышине,

Был только бессмысленно страшен
И людям опасен вдвойне.

Недаром, спросонок понуры,
Внизу, из села своего,
Лишь мельком смотрели хевсуры
На мертвые грани его.

1957

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Говорят, что в Гималаях где-то,
Выше храмов и монастырей,
Он живет, неведомый для света,
Первобытный выкормыш зверей.

Безмятежный, белый и косматый,
Он порой спускается с высот,
И танцует, словно бесноватый,
И в снежки играет у ворот.

Но когда буддийские монахи
Со стены завоюют на трубе,
Он бежит в смятении и страхе
В горное убежище к себе.

Если эти рассказы — не бредни,
Значит, в наш всеведающий век
Существует все-таки последний
Полузверь и получеловек.

Ум его, как видно, не обширен,
И приют заоблачный суров,
И ни школ, ни пагод, ни кумирен
Не имеет этот зверолов.

В горные упрятан катакомбы,
Он и знать не знает, что под ним

Гроздятся атомные бомбы,
Верные хозяевам своим.

Никогда их тайны не откроет
Гималайский этот троглодит,
Даже если, словно астероид,
Весь пылая, в бездну полетит.

Но пока над свежими следами
Ламы причитают и поют,
И пока, расставленные в храме,
Барабаны бешеные бьют,

И пока тысячелетний Будда
Ворожит над собственным пупом,
Он себя сравнительно не худо
Чувствует в убежище своем.

Там, наверно, горного оленя
Он свежует около ключа
И из слов одни местоименья
Произносит, громко хохоча.

1957

ОДИНОКИЙ ДУБ

Дурная почва: слишком узловат
И этот дуб, и нет великолепя
В его ветвях. Какие-то отрепя
Торчат на нем и глухо шелестят.

Но скрученные намертво суставы
Он так развил, что, кажется, ударь —
И запоем он колоколом славы,
И из ствола закапает янтарь.

Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.

Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один.

1957

СТИРКА БЕЛЬЯ

В стороне от шоссейной дороги,
В городишке из хаток и лип,
Хорошо постоять на пороге
И послушать колодезный скрип.
Здесь, среди голубей и голубок,
Меж амбаров и мусорных куч,
Бьются по ветру тысячи юбок,
Шароваров, рубах и онуч.
Отдыхая от потного тела
Домотканой основой холста,
Здесь с монгольского ига висела
Этих русских одежд пестрота.
И виднелись на ней отпечатки
Человеческих выпуклых тел,
Повторяя в живом беспорядке,
Кто и как в них лежал и сидел.
Я сегодня в сообществе прачек,
Благодетельниц здешних мужей.
Эти люди не дают лежачих
И голодных не гонят взашей.
Натрудив вековые мозоли,
Побелевшие в мыльной воде,
Здесь не думают о хлебосолье,
Но зато не бросают в беде.
Благо тем, кто смятенную душу
Здесь омоет до самого дна,
Чтобы вновь из корыта на сушу
Афродитою вышла она!

1957

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Вечерний день томителен и ласков.
Стада коров, качающих бока,
В сопровожденье маленьких подпасков
По берегам идут издалека.
Река, переливаясь под обрывом,
Все так же привлекательна на вид,
И небо в сочетании счастливым,
Обняв ее, ликует и горит.
Из облаков изваянные розы
Свиваются, волнуются и вдруг,
Меня очертания и позы,
Уносятся на запад и на юг.
И влага, зацелованная ими,
Как девушка в вечернем полусне,
Едва колеблет волнами своими,
Еще не упоенными вполне.
Она еще как будто негодует
И слабо отстраняется, но ей
Уже сквозь сон предчувствие рисует
Восторг и пламя августовских дней.

1957

ГОМБОРСКИЙ ЛЕС

В Гомборском лесу на границе Кахети
Раскинулась осень. Какой бутафор
Устроил такие поминки о лете
И киноварь с охрой на листья растер?

Меж кленом и буком ютился шиповник,
Был клен в озаренье и в зареве бук,
И каждый из них оказался виновник
Моих откровений, восторгов и мук.

В кизиловой чаще кровавые жилы
Топорщил кустарник. За чашей вдали

Рядами стояли дубы-старожилы
И тоже к себе, как умели, влекли.

Здесь осень сумела такие пассажи
Наляпать из охры, огня и белил,
Что дуб бушевал, как Рембрандт в Эрмитаже,
А клен, как Мурильо, на крыльях парил.

Я лег на поляне, украшенной дубом,
Я весь растворился в пыланье огня.
Подобно бесчисленным арфам и трубам,
Кусты расступились и скрыли меня.

Я сделался нервной системой растений,
Я стал размышлением каменных скал
И опыт осенних моих наблюдений
Отдать человечеству вновь пожелал.

С тех пор мне собратями сделались горы,
И нет мне покоя, когда на трубе
Поют в сентябре золотые Гомборы,
И гонят в просторы, и манят к себе.

1957

СЕНТЯБРЬ

Сыплет дождик большие горошины,
Рвется ветер, и даль нечиста.
Закрывается тополь взъерошенный
Серебристой изнанкой листа.

Но взгляни: сквозь отверстие облака,
Как сквозь арку из каменных плит,
В это царство тумана и морока
Первый луч, пробиваясь, летит.

Значит, даль не навек занавешена
Облаками, и, значит, не зря,

Словно девушка, вспыхнув, орешина
Засияла в конце сентября.

Вот теперь, живописец, выхватывай
Кисть за кистью, и на полотне
Золотой, как огонь, и гранатовой
Нарисуй эту девушку мне.

Нарисуй, словно деревце, зыбкую
Молодую царевну в венце
С беспокойно скользящей улыбкою
На заплаканном юном лице.

1957

ВЕЧЕР НА ОКЕ

В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.
С утра обремененная работой,
Трудом лесов, заботами полей,
Природа смотрит как бы с неохотой
На нас, неочарованных людей.
И лишь когда за темной чащей леса
Вечерний луч таинственно блеснет,
Обыденности плотная завеса
С ее красот мгновенно упадет.
Вздохнут леса, опущенные в воду,
И, как бы сквозь прозрачное стекло,
Вся грудь реки приникнет к небосводу
И загорится влажно и светло.
Из белых башен облачного мира
Сойдет огонь, и в нежном том огне,
Как будто под руками ювелира,
Сквозные тени лягут в глубине.

И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Речных лугов, затонов и излук.
Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых чертах распознаешь.

1957

* * *

Кто мне откликнулся в чаще лесной?
Старый ли дуб зашептался с сосной,
Или вдали заскрипела рябина,
Или запела щегла окарина,
Или малиновка, маленький друг,
Мне на закате ответила вдруг?

Кто мне откликнулся в чаще лесной?
Ты ли, которая снова весной
Вспомнила наши прошедшие годы,
Наши заботы и наши невзгоды,
Наши скитанья в далеком краю, —
Ты, опалившая душу мою?

Кто мне откликнулся в чаще лесной?
Утром и вечером, в холод и зной,
Вечно мне слышится отзвук невнятный,
Словно дыханье любви необъятной,
Ради которой мой трепетный стих
Рвался к тебе из ладоней моих...

1957

ГРОЗА ИДЕТ

Двигается нахмуренная туча,
Обложив полнеба вдалеке,
Двигается, огромна и тягуча,
С фонарем в приподнятой руке.

Сколько раз она меня ловила,
Сколько раз, сверкая серебром,
Сломанными молниями била,
Каменный выкатывала гром!

Сколько раз, ее увидев в поле,
Замедляя робкие шаги
И стоял, сливаясь поневоле
С белым блеском вольтовой дуги!

Вот он — кедр у нашего балкона.
Надвое громами расщеплен,
Он стоит, и мертвая корона
Подпирает темный небосклон.

Сквозь живое сердце древесины
Пролегает рана от огня,
Иглы почерневшие с вершины
Осыпают звездами меня.

Пой мне песню, дерево печали!
Я, как ты, ворвался в высоту,
Но меня лишь молнии встречали
И огнем сжигали на лету.

Почему же, надвое расколот,
Я, как ты, не умер у крыльца,
И в душе все тот же лютый голод,
И любовь, и песни до конца!

1957

* * *

Когда бы я недвижимым трупом
Лежал, устав от бытия, —
Людским страстям, простым и грубым,
Уж неподвластен был бы я.

Я был бы только горстью глины,
Я превратился бы в сосуд,
Который девушки долины
Порой к источнику несут.

К людским прислушиваясь тайнам
И к перекличке вешних птиц,
Меж ними был бы я случайным
Соединением частиц.

Но и тогда, во тьме кромешной,
С самим собой наедине,
Я пел бы песню жизни грешной
И призывал ее во сне.

1957

* * *

Медленно земля поворотилась
В сторону, несвойственную ей,
Белым светом резко озарилась,
Выделила множество огней.

Звездные припали астрономы
К трубам из железа и стекла:
Источая молнии и громы,
Пламенем планета истекла.

И по всей вселенной полетело
Множество обугленных частиц,

И мое расплавленное тело
Пало, окровавленное, ниц.

И цветок в саду у марсианки
Вырос, полыхая, как костер,
И листок неведомой чеканки
Наподобье сердца распростер.

Мир подобен арфе многострунной:
Лишь струну заденешь — и тотчас
Кто-то сверху, радостный и юный,
Поглядит внимательно на нас.

Красный Марс очами дико светит,
Поредел железный круг планет.
Сердце сердцу вовремя ответит,
Лишь бы сердце верило в ответ.

1957

* * *

Во многом знании — немалая печаль,
Так говорил творец Экклезиаста.
Я вовсе не мудрец, но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль?

Природа хочет жить, и потому она
Миллионы зерен скармливает птицам,
Но из миллиона птиц к светилам и зарницам
Едва ли вырывается одна.

Вселенная шумит и просит красоты,
Кричат моря, обрызганные пеной,
Но на холмах земли, на кладбищах вселенной
Лишь избранные светятся цветы.

Я разве только я? Я — только краткий миг
Чужих существований. Боже правый,

Зачем ты создал мир, и милый и кровавый,
И дал мне ум, чтоб я его постиг!

1957

* * *

Княжна Марья... по лицу отца, не грустному, не убитому,
но злому и неестественно над собой работающему
лицу, увидела, что вот, вот над ней повисло и задавит ее
страшное несчастье.

Л. Толстой. Война и мир

Сраженное бессмысленной судьбой,
Его лицо мне видится далече.
Как неестественно, борясь с самим собой,
Оно работало, пугаясь этой встречи!
Два великана — воля и беда —
Руководили страшной той работой,
И целый мир, огромный, как всегда,
Следил за ним с тоской и неохотой.
Оно работало, а быстрые шаги
Уж доносились издали, и с громом
Открылась дверь, и в облике знакомом
Старик прочел: «О боже, помоги!»

1957

НЕНАСТЬЕ

Словно что-то ожидая
И о чем-то сожалея,
За окном шумит пустая
Полутемная аллея.
Каждый вечер у забора
Голосят и гнутся ивы.
Или осень вправду скоро?
Иль деревья несчастливы?

Нет, до осени далеко,
Не навек ненастье это.
Ведь куда ни кинешь око,
Всюду праздник, всюду лето.
Всюду гонит ввысь природа
Многоцветные наряды,
И несет ей непогода
Море влаги и прохлады.
Слава вам, седые тучи,
И тебе, мое ненастье!
Ожиданье счастья лучше,
Чем потерянное счастье.

1957

ГОЛУБОЕ ПЛАТЬЕ

Цвет небесный, синий цвет
Полюбил я с малых лет.

Бараташвили

— Я хороша собою, —
Сказала дочь отцу:
— Мне платье голубое
Особенно к лицу.
Я платье голубое
Ценю не меньше книг! —
И над ее судьбою
Задумался старик.

И вспомнил он прекрасный
Далекий страшный год,
Когда с повязкой красной
Стоял он у ворот.
Весь в лентах пулеметных,
С гранатою в руке,
И отблеск звезд несчетных
Светился на штыке.

В шинелишке бездомной,
Дружинник-костромич,
Стерег он дом огромный,
Где жил тогда Ильич.
Хранил он, как зеницу,
Его, — и коченел,
И зорко на столицу,
Сквозь сумерки глядел.

— Дитя мое родное,
Я бился в том бою
За платье голубое,
За молодость твою.
За сладкий куст сирени,
За наш родимый край,
И ты ни на мгновенье
О том не забывай.

О чем хочу сказать я?
Дитя, вся жизнь в борьбе!
А голубое платье —
Оно придет к тебе, —
Тебе, моей бесценной,
В сиянье юных лет,
Тот чистый, неизменный,
Лазурный синий цвет!

1957

ВЕНЕЦИЯ

Покуда на солнце не жарко
И город доступен ветрам,
Войдем по ступеням Сан-Марко
В его перламутровый храм.

Когда-то, ограбив полмира,
Свозили сюда корабли

Из золота, перла, порфира
Различные дива земли.

Покинув собор Соломона,
Египет и пышный Царьград,
С тех пор за колонной колонна
На цоколях этих стоят.

И точно в большие литавры,
Считая течение минут,
Над ними железные мавры
В торжественный колокол бьют.

И лев на столбе из гранита
Глядит, распростерший крыла,
И черная книга, раскрыта,
Под лапой его замерла.

Молчит громоносная книга,
Владычица древних морей.
Столица, темна и двулика,
Молчит, уподобившись ей.

Лишь голуби мечутся тучей
Да толпы чужих заправил
Ленивой слоняются кучей
Среди позабытых могил.

Шагают огромные доги,
И в тонком дыму сигарет
Живые богини и боги
За догами движутся вслед.

Венеция! Сказка вселенной!
Ужель ты средь моря одна
Их власти, тупой и надменной,
Навеки теперь отдана?

Пленяя сердца красотою,
В сомнительный веря барыш,

Ужель ты служанкой простою
У собственной двери стоишь?

А где твои прежние лавры?
И вечно ли время утрат?
И скоро ли древние мавры
В последний ударят набат?

1957

СЛУЧАЙ НА БОЛЬШОМ КАНАЛЕ

На этот раз не для миллионеров,
На этот раз не ради баркарол
Четыреста красавцев-гондольеров
Вошли в свои четыреста гондол.

Был день как день. Шныряли вапоретто.
Заваленная грудями стекла,
Венеция, опущенная в лето,
По всем своим артериям текла.

И вдруг, подняв большие горловины,
Зубчатые и острые, как нож,
Громада лодок двинулась в теснины
Домов, дворцов, туристов и святош.

Сверкая бронзой, бархатом и лаком,
Всем опереньем ветхой красоты,
Она несла по городским клоакам
Подкрашенное знамя нищеты.

Пугая престарелых ротозеев,
Шокируя величественных дам,
Здесь плыл на них бесшумный бунт музеев,
Уже не подчиненных господам.

Здесь плыл вопрос о скудости зарплаты,
О хлебе, о жилище, и вблизи

Пятисотлетней древности палаты,
Узнав его, спускали жалюзи.

Венеция, еще ты спишь покуда,
Еще ты дремлешь в облаке химер.
Но мир не спит, он друг простого люда,
Он за рулем, как этот гондольер!

1957

* * *

Разве ты объяснишь мне — откуда
Эти странные образы дум?
Отвлеки мою волю от чуда,
Обреки на бездействие ум.

Я боюсь, что наступит мгновенье,
И, не зная дороги к словам,
Мысль, возникшая в муках творенья,
Разорвет мою грудь пополам.

Промышляя искусством на свете,
Услаждая слепые умы,
Словно малые глупые дети,
Веселимся над пропастью мы.

Но лишь только черед наступает,
Обожженные крылья влача,
Мотылек у свечи умирает,
Чтобы вечно пылала свеча!

1957? <1950-е>

<ЭНГЕЛЬС>

Когда он умер, труп его сожгли
И с корабля по ветру раскидали,
И в лоно вод вернулось без печали
Разумное орудие земли.

* * *

И куколку я видел, и она
Лежала в яслях золота литого<,>
Вокруг произрастали семена<,>
Посаженные старцем из Тамбова<.>
Была та куколка таинственно бледна<,>
Быть может<,> не вполне была здорова<.>

Ок. 1957

ЗЕЛЕНый ЛУЧ

Золотой светясь оправой
С синим морем наравне,
Дремлет город белоглавый,
Отраженный в глубине.

Он сложился из скопления
Белой облачной гряды
Там, где солнце на мгновенье
Полыхает из воды.

Я отправлюсь в путь-дорогу,
В эти дальние края,
К белоглавому чертогу
Отыщу дорогу я.

Я открою все ворота
Этих облачных высот,

Заходящим оком кто-то
Луч зеленый мне метнет.

Луч, подобный изумруду,
Золотого счастья ключ —
Я его еще добуду,
Мой зеленый слабый луч.

Но бледнеют бастионы,
Башни падают вдали,
Угасает луч зеленый,
Отдаленный от земли.

Только тот, кто духом молод,
Телом жаден и могуч,
В белоглавый прянет город
И зеленый схватит луч!

1958

У ГРОБНИЦЫ ДАНТЕ

Мне мачехой Флоренция была,
Я пожелал покоиться в Равенне.
Не говори, прохожий, о измене,
Пусть даже смерть клеймит ее дела.

Над белой усыпальницей моей
Воркует голубь, сладостная птица,
Но родина и до сих пор мне снится,
И до сих пор я верен только ей.

Разбитой лютни не берут в поход,
Она мертва среди родного стана.
Зачем же ты, печаль моя, Тоскана,
Целуешь мой осиротевший рот?

А голубь рвется с крыши и летит,
Как будто опасается кого-то,

И злая тень чужого самолета
Свои круги над городом чертит.

Так бей, звонарь, в свои колокола!
Не забывай, что мир в кровавой пене!
Я пожелал покоиться в Равенне,
Но и Равенна мне не помогла.

1958

ГОРОДОК

Целый день стирает прачка,
Муж пошел за водкой.
На крыльце сидит собачка
С маленькой бородкой.

Целый день она таращит
Умные глазенки,
Если дома кто заплачет —
Заскулит в сторонке.

А кому сегодня плакать
В городе Тарусе?
Есть кому в Тарусе плакать —
Девочке Марусе.

Опротивели Марусе
Петухи да гуси.
Сколько ходит их в Тарусе,
Господи Иисусе!

«Вот бы мне такие перья
Да такие крылья!
Улетела б прямо в дверь я,
Бросилась в ковыль я!

Чтоб глаза мои на свете
Больше не глядели,

Петухи да гуси эти
Больше не галдели!»

Ой, как худо жить Марусе
В городе Тарусе!
Петухи одни да гуси,
Господи Исусе!

1958

ЛАСТОЧКА

Славно ласточка щебечет,
Ловко крыльями стрижет,
Всем ветрам она перечит,
Но и силы бережет.
Реет верхом, реет низом,
Догоняет комара
И в избушке под карнизом
Отдыхает до утра.

Удивлен ее повадкой,
Устремляюсь я в зенит,
И душа моя касаткой
В отдаленный край летит.
Реет, плачет, словно птица,
В заколдованном краю,
Слабым клювиком стучится
В душу бедную твою.

Но душа твоя угасла,
На дверях висит замок.
Догорело в лампе масло,
И не светит фитилек.
Горько ласточка рыдает
И не знает, как помочь,
И с кладбища улетает
В заколдованную ночь.

1958

ПЕТУХИ ПОЮТ

На сараях, на банях, на гумнах
Свежий ветер вздувает верхи.
Изливаются в возгласах трубных
Звездочеты ночей — петухи.

Нет, не бьют эти птицы баклуши,
Начиная торжественный зов!
Я сравнил бы их темные души
С циферблатами древних часов.

Здесь, в деревне, и вы удивитесь,
Услышав, как в полуночный час
Трубным голосом огненный витязь
Из курятника чествует вас.

Сообщает он кучу известий,
Непонятных, как вымерший стих,
Но таинственный разум созвездий
Несомненно присутствует в них.

Ярко светит над миром усталым
Семизвездье Большого Ковша,
На земле ему фокусом малым
Петушина служит душа.

Изменяется угол паденья,
Напрягаются зренье и слух,
И, взметнув до небес оперенье,
Как ужаленный, кличет петух.

И приходят мне в голову сказки
Мудрецами отмеченных дней,
И блуждаю я в них по указке
Удивительной птицы моей.

Пел петух каравеллам Колумба,
Магеллану средь моря кричал,

Не сбиваясь с железного румба,
Корабли приводил на причал.

Пел Петру из коломенских далей,
Собирал конармейцев в поход,
Пел в годину великих печалей,
Пел в эпоху железных работ.

И теперь, на границе историй,
Поднимая свой гребень к луне,
Он, как некогда витязь Егорий,
Кличет песню надзвездную мне!

1958

ПОДМОСКОВНЫЕ РОЩИ

Жучок ли точит древесину
Или скоблит листочек тля,
Сухих листов своих корзину
Несет мне осенью земля.

В висячем золоте дубравы
И в серебре березняки
Стоят, как знаменья славы,
На берегах Москвы-реки.

О, эти рощи Подмосковья!
С каких давно минувших дней
Стоят они у изголовья
Далекой юности моей!

Давно все стрелы отсвистели
И отгремели все щиты,
Давно отплакали метели
Лихое время нищеты,

Давно умолк Иван Великий,
И только рощи в поздний час

Все с той же грустью полудикой
Глядят с окрестностей на нас.

Леса с обломками усадеб,
Места с остатками церквей
Все так же ждут вороных свадеб
И воркованья голубей.

Они, как комнаты, просторны,
И ранней осенью с утра
Поют в них маленькие горны,
И вторит горнам детвора.

А мне-то, господи помилуй,
Все кажется, что вдалеке
Трубит коломенец служилый
С пищалью дедовской в руке.

1958

НА ЗАКАТЕ

Когда, измученный работой,
Огонь души моей иссяк,
Вчера я вышел с неохотой
В опустошенный березняк.

На гладкой шелковой площадке,
Чей тон был зелен и лилов,
Стояли в стройном беспорядке
Ряды серебряных стволов.

Сквозь небольшие расстоянья
Между стволами, сквозь листву,
Небес вечернее сиянье
Кидало тени на траву.

Был тот усталый час заката,
Час умирания, когда

Всего печальней нам утрата
Незавершенного труда.

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.

Несоответствия огромны,
И, несмотря на интерес,
Лесок березовый Коломны
Не повторял моих чудес.

Душа в невидимом блуждала,
Своими сказками полна,
Незрячим взором провожала
Природу внешнюю она.

Так, вероятно, мысль нагая,
Когда-то брошена в глуши,
Сама в себе изнемогая,
Моей не чувствует души.

1958

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,

Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

1958

НА ВОКЗАЛЕ

В железном сумеречном зале,
Глотая паровозный дым,
Сидит Мадонна на вокзале
С ребенком маленьким своим.

Вокруг нее кульки, баулы,
Дорожной жизни суета.
В блестящих бляхах вельзевулы
Тележку гонят в ворота.

На башне радио играет,
Гудок за окнами гудит,
И лишь она одна не знает,
Который час она сидит.

Который час ребенка держит,
Который час! Который час!

Который час и дым и скрежет
С полузакрытых гонит глаз.

И сколько дней еще придется —
О, сколько дней! О, сколько дней! —
Терпеть, пока не улыбнется
Дитя у матери своей!

Над черной линией портала
Висит вечерняя звезда.
Несутся с Курского вокзала
По всей вселенной поезда.

Летят сквозь топи и туманы,
Сквозь перелески и пески,
И бьют им бездны в барабаны,
И рвут их пламя на куски.

И лишь на бедной той скамейке,
Превозмогая боль и страх,
Мадонна в шубке из цигейки
Молчит с ребенком на руках.

1958

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ДАЧА

В Переделкине дача стояла,
В даче жил старичок-генерал,
В перстеньке у того генерала
Незатейливый камень сверкал.

В дымных сумерках небо ночное,
Генерал у окошка сидит,
На колечко свое золотое,
Усмехаясь, подолгу глядит.

Вот уж первые капли упали,
Замолчали в кустах соловьи.

Вспоминаются курские дали,
Затяжные ночные бои.

Вспоминается та, что, прощаясь,
Не сказала ни слова в упрек,
Но, сквозь слезы ему улыбаясь,
С пальца этот сняла перстенок.

«Ты уедешь, — сказала майору, —
Может быть, повстречаешься с той,
Для которой окажется впору
Перстенок незатейливый мой.

Ты подаришь ей это колечко,
Мой горячий, мой белый опал,
Позабудешь, кого у крылечка,
Как безумный, всю ночь целовал.

Отсияют и высохнут росы,
Отпылают и стихнут бои,
И не вспомнишь ты черные косы,
Эти черные косы мои!»

Говорила — как в воду глядела,
Что сказала — и вправду сбылось,
Только той, что колечко надела,
До сих пор для него не нашлось.

Отсияли и высохли росы,
Отпылали и стихли бои,
Позабылись и черные косы,
И отпели в кустах соловьи.

Старый китель с утра разутюжен,
Серебрится в висках седина,
Ждет в столовой нетронутый ужин
С непечатой бутылкой вина.

Что прошло — то навеки пропало,
Что пропало — навек потерял...

В Переделкине дача стояла,
В даче жил старичок-генерал.

1958

ЖЕЛЕЗНАЯ СТАРУХА

«У меня железная старуха, —
Говорил за ужином кузнец. —
Только выпьешь — глядь, и оплеуха,
Мне ж обидно это наконец».

После бани дочиста промытый,
Был он черен, страшен и космат,
Колченогий, оспою изрытый,
Из-под Курска раненый солдат.

«Ведь у бабы только ферма птичья,
У меня же — Господи ты мой!
Что ни дай — справляю без различья.
Возвращаюсь за полночь домой!»

Тут у брата кончилась сивуха,
И кузнец качнулся у стола
И, нахмурясь, крикнул: «Эй, старуха!
Аль забыла курского орла?»

И метнулась старая из сенец,
Полушубок вынесла орлу,
И большой обиженный младенец
Потащился с нею по селу.

Тут ему и небо не светило,
Только звезды сыпало на снег,
Точно впрямь счастливицу говорило:
«Мне б такую, милый человек!»

1958

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Он у станка до вечера копался —
Все попусту! Лишь дома за столом,
Хлебая щи, внезапно догадался,
Какой детали не хватало в нем.

И соколом взглянул он на старуху,
Что отдыхала, лежа на печи:
«Ну, мать моя! Таковую бы стряпуху
Да в ресторан! Значительные щи!»

Старуха знала — с каждым годом реже
Был ласков муж, и думала сквозь сон:
«Заврался старый!» Щи-то были те же,
Что и вчера, когда бранился он.

1958

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

В полумраке увяданья
Развернулась, как дуга,
Вкруг бревенчатого зданья
Копьеносная тайга.
День в лесу горяч и долог,
Пахнет струганым бревном,
В одиночестве геолог
Буйно пляшет за окном.
Он сегодня в лихорадке
Открывателя наук.
На него дивится с грядки
Ошалевший бурундук.
Смотрит зверь на чародея,
Как, от мира вдалеке,
Он, собою не владея,
Пляшет с камешком в руке.
Поздно вечером с разведки
Возвратится весь отряд,

Накомарники и сетки
Снова в кучу полетят.
Семь здоровых юных глоток
Боевой испустят клич
И пойдут таскать из лодок
Неощипанную дичь.
Загорелые, как черти,
С картузами набекрень,
Им теперь до самой смерти
Не забыть счастливый день.

1958

МОСКВА

Не приютом, не причалом,
Не оплотом старине,
Этот город стал началом
Жизни, созданной вчерне.

Сколько дедовских преданий,
Пропитавших нас насквозь,
У ворот высотных зданий
Навсегда оборвалось!

Сколько старых колоколен
Разлетелось на кирпич,
Хоть подчас и богомолен
Именитый был москвич!

Помню, как звериный норов
Спрятав в бороду едва,
В полутьму своих соборов
Шла торговая Москва.

Как, пред господом исплакан,
Пел смиренный иерей,
Как трубил архидиакон
Благоденствие царей.

Полагалось тут, хоть тресни,
Строить куры старине,
Только люди с Красной Пресни
Оставались в стороне.

В кутерьме своих домишек,
В суете своих невзгод
Сил нетронутых излишек
Трудно сдерживал народ.

Не крестилась, не молилась,
Не растила черева —
Бочкой с порохом дымилась
Православная Москва!

Час настал — взметнулся порох
На громадах баррикад,
Разметал толпу в соборах
И построил новый град.

Из деревни несуразной,
Где ревел архистратиг,
Новый мир звездообразный
Чудодейственно возник.

Город Университета,
Стадиона и Кремля,
Он простерся на полсвета,
Облаками шевеля.

Начинаясь с дальних далей,
По холмам Москвы-реки
Протянулись магистралей
Лучевидные клинки.

Это люди или боги
Рассыпают серебро,
Пролетая сквозь чертоги
Радиального метро?

Выйди в полдень на Волхонку
Или утром на Арбат —
Засосет тебя в воронку
Человечий водопад.

Упирается столица
Головою в небосвод
И в Москву-реку глядится,
И себя не узнает.

1958

ТБИЛИСИ

Загремев на всю округу,
Некий витязь, полный сил,
Драгоценную кольчугу
С неба наземь уронил.

Звезды в небе засветились,
Наклонились близко к ней
И в кольчуге отразились
Миллионами огней.

Полтора тысячелетья
Пролетело с той поры,
Как упало то наследье
У Давидовой горы.

Поднимись глубокой ночью
На верхи окрестных скал,
И увидишь ты воочью
То, что бросил Горгасал.

С каждым годом город краше,
Час за часом, день за днем
В нем мы будущее наше
Без усилья узнаем.

Здравствуй, славный город юга!
Здравствуй, вечно молодой!
Здравствуй, древняя кольчуга
С пятикрылою звездой!

1958

БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ ГИМН ЭРНЕ ГЕНРИХОВНЕ МАХОВОЙ

Слова Ш. Руставели

Музыка: кто во что горазд

Если кто скорбит зубами,
Тот обязан твердо знать:
Эрна Генриховна с нами,
С ней не жизнь, а благодать!
В кресло вмиг она усадит,
Аппарат засунет в рот,
Дырки все законопатит,
Даже глазом не моргнет!
Тот, кто век ходил в повязке,
С перекошенным лицом,
Может снова без опаски
Мясо лопать с огурцом.
Кто валялся на диване
И ревел, как лютый бык,
Может снова в ресторане
Лопать сало и шашлык.
Ай да Генриховна Эрна,
Вы — чудесница у нас!
Нам без Вас на свете скверно,
С Вами лучше во сто раз!

Перевел с грузинского

4.VI.1958

Н. Заболоцкий

РУБРУК В МОНГОЛИИ

НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ

Мне вспоминается доньше,
Как с небольшой командой слуг.
Блуждая в северной пустыне,
Въезжал в Монголию Рубрук.

«Вернись, Рубрук!» — кричали птицы
«Очнись, Рубрук! — скрипела ель. —
Слепил мороз твои ресницы,
Сковала бороду метель.

Тебе ль, монах, идти к монголам
По гребням голым, по степям,
По разоренным этим селам,
По непроложенным путям?

И что тебе, по сути дела,
До измышлений короля?
Ужели вправду надоела
Тебе французская земля?

Небось в покоях Людовика
Теперь и пышно и тепло,
А тут лишь ветер воет дико
С татарской саблей наголо.

Тут ни тропинки, ни дороги,
Ни городов, ни деревень,
Одни лишь Гоги да Магоги
В овчинных шапках набекрень!»

А он сквозь Русь спешил упрямо,
Через пожарища и тьму,
И перед ним вставала драма
Народа, чуждого ему.

В те дни, по милости Батыев,
Ладони выев до костей,

Еще дымился древний Киев
У ног непрошенных гостей.

Не стало больше песен дивных,
Лежал в гробнице Ярослав,
И замолчали девы в гривнах,
Последний танец отплясав.

И только волки да лисицы
На диком празднестве своем
Весь день бродили по столице
И тяжелели с каждым днем.

А он, минуя все берлоги,
Уже скакал через Итиль
Туда, где Гоги и Магоги
Стада упрятали в ковыль.

Туда, к потомкам Чингисхана,
Под сень неведомых шатров,
В чертог восточного тумана,
В селенье северных ветров!

ДОРОГА ЧИНГИСХАНА

Он гнал коня от яма к яму,
И жизнь от яма к яму шла
И раскрывала панораму
Земель, обугленных дотла.

В глуши восточных территорий,
Где ветер бил в лицо и грудь,
Как первобытный крематорий,
Еще пылал Чингисов путь.

Еще дымились цитадели
Из бревен рубленных капелл,
Еще раскачивали ели
Останки вывешенных тел.

Еще на выжженных полянах,
Вблизи низинных родников
Виднелись груды трупов странных
Из-под сугробов и снегов.

Рубрук слезал с коня и часто
Рассматривал издалека,
Как, скрючив пальцы, из-под наста
Торчала мертвая рука.

С утра не пивши и не евши,
Прислушивался, как вверху
Визгливо вскрикивали векши
В своем серебряном меху.

Как птиц тяжелых эскадрильи,
Справляя смертную кадрили,
Кругами в воздухе кружили
И простирались на сто миль.

Но, невзирая на молебен
В крови купающихся птиц,
Как был досель великолепен
Тот край, не знающий границ!

Европа сжалась до предела
И превратилась в островок,
Лежащий где-то возле тела
Лесов, пожарищ и берлог.

Так вот она, страна уныный,
Гиперборейский интернат,
В котором видел древний Плиний
Жерло, простершееся в ад!

Так вот он, дом чужих народов
Без прозвищ, кличек и имен,
Стрелков, бродяг и скотоводов,
Владык без тронов и корон!

Попарно связанные лыком,
Под караулом, там и тут

До сей поры в смятенъе диком
Они в Монголию бредут.

Широкоскулы, низки ростом,
Они бредут из этих стран,
И кровь течет по их коростам,
И слезы падают в туман.

ДВИЖУЩИЕСЯ ПОВОЗКИ МОНГОЛОВ

Навстречу гостю, в зной и в холод,
Громадой движущихся тел
Многоколесный ехал город
И всеми втулками скрипел.

Когда бы дьяволы играли
На скрипках лиственниц и лип,
Они подобной вакханальи
Сыграть, наверно, не смогли б.

В жужжанье втулок и повозок
Врывалось ржанье лошадей,
И это тоже был набросок
Шестой симфонии чертей.

Орда — неважный композитор,
Но из ордынских партитур
Монгольский выбрал экспедитор
C-dur на скрипках бычьих шкур.

Смычком ему был бич отличный,
Виолончелью бычий бок,
И сам он в позе эксцентричной
Сидел в повозке, словно бог.

Но богом был он в высшем смысле,
В том смысле, видимо, в каком
Скрипач свои выводит мысли
Смычком, попав на ипподром.

С утра натрескавшись кумыса,
Он ясно видел все вокруг —
То из-под ног мотнется крыса,
То юркнет в норку бурундук,

То стрепет, острою стрелюю,
На землю падает, подбит,
И дико движет головою,
Дополнив общий колорит.

Сегодня возчик, завтра воин,
А послезавтра божий дух,
Монгол и вправду был достоин
И жить, и пить, и есть за двух.

Сражаться, драться и жениться
На двух, на трех, на четырех —
Всю жизнь и воин и возница,
А не лентяй и пустобрех.

Ему нельзя ни выть, ни охать
Коль он в гостях у росомах,
Забудет прихоть он и похоть,
Коль он охотник и галах.

В родной стране, где по излукам
Текут Онон и Керулен,
Он бродит с палицей и луком,
В цветах и травах до колен.

Но лишь ударит голос меди —
Пригнувшись к гриве скакуна,
Летит он к счастью и победе
И чашу битвы пьет до дна.

Глядишь — и Русь пощады просит,
Глядишь — и Венгрия горит,
Китай шелка ему подносит,
Париж баллады говорит.

И даже вымершие гунны
Из погребенья своего,
Как закатившиеся луны,
С испугом смотрят на него!

МОНГОЛЬСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Здесь у повозок выли волки,
И у бесчисленных станиц
Пасли скуластые монголки
Своих могучих кобылиц.

На этих бешеных кобылах,
В штанах из выделанных кож,
Судьбу гостей своих унылых
Они не ставили ни в грош.

Они из пыли, словно пули,
Летели в стойбище свое
И, став ли боком, на скаку ли,
Метали дротик и копье.

Был этих дам суров обычай,
Они не чтили женский хлам
И свой кафтан из кожи бычьей
С грехом носили пополам.

Всю жизнь свою тяжелодумки,
Как в этом принято краю,
Они в простой таскали сумке
Поклажу дамскую свою.

Но средь бесформенных иголок
Здесь можно было отыскать
Искусства древнего осколок
Такой, что моднице под стать.

Литые серьги из Дамаска,
Запястья хеттских мастеров,

И то, чем красилась кавказка,
И то, чем славился Ростов.

Все то, что было взято с бою,
Что было снято с мертвеца,
Свыкалось с модницей такою
И ей служило до конца.

С глубоко спрятанной ухмылкой
Глядел на всадницу Рубрук,
Но вникнуть в суть красоты пылкой
Монаху было недосуг.

Лишь иногда, в потемках лежа,
Не ставил он себе во грех
Вообразать, на что похожа
Она в постели без помех.

Но как ни шло воображенье,
Была работа свыше сил,
И, вспомнив про свое служенье,
Монах усилья прекратил.

ЧЕМ ЖИЛ КАРАКОРУМ

В те дни состав народов мира
Был перепутан и измят,
И был ему за командира
Незримый миру азиат.

От Танаида до Итили
Коман, хозар и печенег
Таких могил нагородили,
Каких не видел человек.

В лесах за Русью горемычной
Ютились мокша и мордва,
Пытаясь в битве необычной
Свои отстаивать права.

На юге — персы и аланы,
К востоку — прадеды бурят,
Те, что, ударив в барабаны,
«Ом, мани падме кум!» — твердят.

Уйгуры, венгры и башкиры,
Страна китаев, где врачи
Из трав готовят эликсиры
И звезды меряют в ночи.

Из тундры северные гости,
Те, что проносятся стремглав,
Отполированные кости
К своим подошвам привязав.

Весь этот мир живых созданий.
Людей, племен и целых стран
Платил и подати и дани,
Как предназначил Чингисхан.

Живи и здравствуй, Каракорум,
Оплот и первенец земли,
Чертог Монголии, в котором
Нашли могилу короли!

Где перед каменной палатой
Был вылит дуб из серебра
И наверху трубач крылатый
Трубил, работая с утра!

Где хан, воссев на пьедестале,
Смотрел, как буйно и легко
Четыре тигра изрыгали
В бассейн кобылье молоко!

Наполнив грузную утробу
И сбросив тяжесть портупей,
Смотрел здесь волком на Европу
Генералиссимус степей.

Его бесчисленные орды
Сновали, выдвинув полки,
И были к западу простерты,
Как пятерня его руки.

Весь мир дышал его гортанью,
И власти подлинный секрет
Он получил по предсказанью
На восемнадцать долгих лет.

КАК БЫЛО ТРУДНО РАЗГОВАРИВАТЬ С МОНГОЛАМИ

Еще не клеились беседы,
И с переводчиком пока
Сопровождала их обеды
Игра на гранях языка.

Трепать язык умеет всякий,
Но надо так трепать язык,
Чтоб щи не путать с кулебякой
И с запятыми закавык.

Однако этот переводчик,
Определившись толмачом,
По сути дела был наводчик
С железной фомкой и ключом.

Своей коллекцией отмычек
Он колдовал и вкривь и вкось
И в силу действия привычек
Плел то, что под руку пришлось.

Прищурив умные гляделки,
Сидели воины в тени,
И, явно не в своей тарелке,
Рубрука слушали они.

Не то чтоб сложной их природы
Не понимал совсем монах, —
Здесь пели две клавиатуры
На двух различных языках.

Порой хитер, порой наивен.
С мотивом спорил здесь мотив,
И был отнюдь не примитивен
Монгольских воинов актив.

Здесь был особой жизни опыт,
Особый дух, особый тон.
Здесь речь была как конский топот,
Как стук мечей, как копий звон.

В ней водопады клочкотали,
Подобно реву Ангары,
И часто мелкие детали
Приобретали роль горы.

Куда уж было тут латынцу,
Будь он и тонкий дипломат,
Псалмы втолковывать ордынцу
И бить в кимвалы наугад!

Как прототип башибузука,
Любой монгольский мальчуган
Всю казуистику Рубрука,
Смеяся, засовывал в карман.

Он до последний капли мозга
Был практик, он просил еды,
Хотя, по сути дела, розга
Ему б не сделала беды.

РУБРУК НАБЛЮДАЕТ НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА

С началом зимнего сезона
В гигантский вытянувшись рост,
Предстал Рубруку с небосклона
Амфитеатр восточных звезд.

В садах Прованса и Луары
Едва ли видели когда,
Какие звездные отары
Вращает в небе Кол-звезда.

Она горит на всю округу,
Как скотоводом вбитый кол,
И водит медленно по кругу
Созвездий пестрый ореол.

Идут небесные Бараны,
Шагают Кони и Быки,
Пылают звездные Колчаны,
Блестят астральные Клинки.

Там тот же бой и стужа та же,
Там тот же общий интерес.
Земля — лишь клочок небес и даже,
Быть может, лучший клочок небес.

И вот уж чудится Рубруку:
Свисают с неба сотни рук,
Грозят, светясь на всю округу:
«Смотри, Рубрук! Смотри, Рубрук!

Ведь если бог монголу нужен,
То лишь постольку, милый мой,
Поскольку он готовит ужин
Или быков ведет домой.

Твой бог пригоден здесь постольку,
Поскольку может он помочь
Схватить венгерку или польку
И в глушь Сибири уволочь.

Поскольку он податель мяса,
Поскольку он творец еды!
Другого бога-свистопляса
Сюда не пустят без нужды.

И пусть хоть лопнет папа в Риме,
Пускай напишет сотни булл, —
Над декретальями твоими
Лишь посмеется Вельзевул.

Он тут не смыслит ни бельмеса
В предначертаниях небес,
И католическая месса
В его не входит интерес».

Идут небесные Бараны,
Плывут астральные Ковши,
Пылают реки, горы, страны,
Дворцы, кибитки, шалаши.

Ревет медведь в своей берлоге,
Кричит стервятница-лиса,
Приходят боги, гибнут боги,
Но вечно светят небеса!

КАК РУБРУК ПРОСТИЛСЯ С МОНГОЛИЕЙ

Срывалось дело минорита,
И вскоре выяснил Рубрук,
Что мало толку от визита.
Коль дело валится из рук.

Как ни пытался божью манну
Он перед ханом рассыпать,
К предусмотрительному хану
Не шла Господня благодать.

Рубрук был толст и крупен ростом,
Но по природе не бахвал,
И хан его простым прохвостом,
Как видно, тоже не считал.

Но на святые экивоки
Он отвечал: «Послушай, франк!
И мы ведь тоже на Востоке
Возводим бога в высший ранг.

Однако путь у нас различен.
Ведь вы, Писанье получив,
Не обошлись без зуботычин
И не сплотились в коллектив.

Вы рады бить друг друга в морды,
Кресты имея на груди.
А ты взгляни на наши орды,
На наших братьев погляди!

У нас, монголов, дисциплина,
Убил — и сам иди под меч.
Выходит, ваша писанина
Не та, чтоб выгоду извлечь!»

Тут дали страннику кумысу
И, по законам этих мест,
Безотлагательную визу
Сфабриковали на отъезд.

А между тем вокруг становья,
Вблизи походного дворца
Трубили хану славословья
Несториане без конца.

Живали муллы тут и ламы,
Шаманы множества племен,
И снисходительные дамы
К ним приходили на поклон.

Тут даже диспуты бывали,
И хан, присутствуя на них,
Любил смотреть, как те каналы
Кумыс хлестали за двоих.

Монаха здесь, по крайней мере,
Могли позвать на арбитраж,
Но музыкант ему у двери
Уже играл прощальный марш.

Он в ящик бил четырехструнный,
Он пел и вглядывался в даль,
Где серп прорезывался лунный,
Литой, как выгнутая сталь.

IV. «Столбцы» 1958 года

Городские столбцы

БЕЛАЯ НОЧЬ

Гляди: не бал, не маскарад,
Здесь ночи ходят невпопад,
Здесь от вина неузнаваем,
Летает хохот попугаем.
Здесь возле каменных излучин
Бегут любовники толпой,
Один горяч, другой измучен,
А третий книзу головой.
Любовь стенает под листьями,
Она меняется местами,
То подойдет, то отойдет...
А музы любят круглый год.

Качалась Невка у перил,
Вдруг барабан заговорил —
Ракеты, выстроившись кругом,
Вставали в очередь. Потом
Они летели друг за другом,
Вертя бенгальским животом.

Качали кольцами деревья,
Спадали с факелов отрепья

Густого дыма. А на Невке
Не то сирены, не то девки,
Но нет, сирены, — на заре,
Все в синеватом серебре,
Холодноватые, но звали
Прижаться к палевым губам
И неподвижным, как медали.
Обман с мечтами пополам!

Я шел сквозь рощу. Ночь легла
Вдоль по траве, как мел, бела.
Торчком кусты над нею встали
В ножнах из разноцветной стали,
И тосковали соловьи
Верхом на веточке. Казалось,
Они испытывали жалость,
Как неспособные к любви.

А там, вдали, где желтый бакен
Подкарауливал шутих,
На корточках привстал Елагин,
Ополоснулся и затих:
Он в этот раз накрыл двоих.

Вертя винтом, бежал моторчик
С музыкой томной по бортам.
К нему навстречу, рожи скорчив,
Несутся лодки тут и там.
Он их толкнет — они бежать.
Бегут, бегут, потом опять
Идут, задорные, навстречу.
Он им кричит: «Я искалечу!»
Они уверены, что нет...

И всюду сумасшедший бред.
Листами сонными кольшим,
Он льется в окна, липнет к крышам,
Вздывает дыбом волоса...
И ночь, подобно самозванке,
Открыв молочные глаза,

Качается в спиртовой банке
И просится на небеса.

1926

ВЕЧЕРНИЙ БАР

В глуши бутылочного рая,
Где пальмы высохли давно,
Под электричеством играя,
В бокале плавало окно.
Оно, как золото, блестело,
Потом садилось, тяжелело,
Над ним пивной дымок вился...
Но это рассказать нельзя.

Звеня серебряной цепочкой,
Спадает с лестницы народ,
Трещит картонною сорочкой,
С бутылкой водит хоровод.
Сирена бледная за стойкой
Гостей попотчует настойкой,
Скосит глаза, уйдет, придет,
Потом с гитарой на отлет
Она поет, поет о милом,
Как милого она любила,
Как, ласков к телу и жесток,
Впивался шелковый шнурок,
Как по стаканам висла виски,
Как, из разбитого виска
Измученную грудь обрызгав,
Он вдруг упал. Была тоска,
И все, о чем она ни пела,
Легло в бокал белее мела.

Мужчины тоже все кричали,
Они качались по столам,
По потолкам они качали
Бедлам с цветами пополам.

Один рыдает, толстопузик,
Другой кричит: «Я — Иисусик,
Молитесь мне, я на кресте,
В ладонях гвозди и везде!»
К нему сирена подходила,
И вот, тарелки оседлав,
Бокалов бешеный конклав
Зажегся, как паникадило.

Глаза упали, точно гири,
Бокал разбили, вышла ночь,
И жирные автомобили,
Схватив под мышки Пикадилли,
Легко откатывали прочь.
А за окном в глуши времен
Блистал на мачте лампион.

Там Невский в блеске и тоске,
В ночи переменявший краски,
От сказки был на волоске,
Ветрами вея без опаски.
И как бы яростью объятый,
Через туман, тоску, бензин,
Над башней рвался шар крылатый
И имя «Зингер» возносил.

1926

ФУТБОЛ

Ликует форвард на бегу.
Теперь ему какое дело!
Недаром согнуто в дугу
Его стремительное тело.
Как плащ, летит его душа,
Ключица стучается звонко
О перехват его плаща.
Танцует в уже перепонка,

Танцует в горле виноград,
И шар перелетает ряд.

Его хватают наугад,
Его отравую поят,
Но башмаков железный яд
Ему страшнее во сто крат.
Назад!

Свалились в кучу беки,
Опухшие от сквозняка,
Но к ним через моря и реки,
Просторы, площади, снега,
Расправив пышные доспехи
И накренья в меридиан,
Несется шар.

В душе у форварда пожар,
Гремят, как сталь, его колена,
Но уж из горла бьет фонтан,
Он падает, кричит: «Измена!»
А шар вертится между стен,
Дымится, пучится, хохочет,
Глазок сожмет: «Спокойной ночи!»
Глазок откроет: «Добрый день!»
И форварда замучить хочет.

Четыре гола пали в ряд,
Над ними трубы не гремят,
Их сосчитал и тряпкой вытер
Меланхолический голкипер
И крикнул ночь. Приходит ночь.
Бренча алмазною заслонкой,
Она вставляет черный ключ
В атмосферическую лунку.
Открылся госпиталь. Увы,
Здесь форвард спит без головы.

Над ним два медные копыа
Упрямый шар веревкой вяжут,

С плиты загробная вода
Стекает в ямки вырезные,
И сохнет в горле виноград.
Спи, форвард, задом наперед!

Спи, бедный форвард!
Над землею
Заря упала, глубока,
Танцуют девочки с зарею
У голубого ручейка.
Все так же вянут на покое
В лиловом домике обои,
Стареет мама с каждым днем...
Спи, бедный форвард!
Мы живем.

1926

ОФОРТ

И грянул на весь оглушительный зал:
«Покойник из царского дома бежал!»

Покойник по улицам гордо идет,
Его постояльцы ведут под уздцы,
Он голосом трубным молитву поет
И руки вздымает наверх.
Он в медных очках, перепончатых рамах,
Переполнен до горла подземной водой.
Над ним деревянные птицы со стуком
Смыкают на створках крыла.
А кругом громобой, цилиндров бряцанье
И курчавое небо, а тут —
Городская коробка с расстегнутой дверью
И за стеклышком — розмарин.

1927

БОЛЕЗНЬ

Больной, свалившись на кровать,
Руки не может приподнять.
Вспотевший лоб прямоуголен —
Больной двенадцать суток болен.
Во сне он видит чьи-то рыла,
Тупые, плотные, как дуб.
Тут лошадь веки приоткрыла,
Квадратный выставила зуб.
Она грызет пустые склянки,
Склонившись, Библию читает,
Танцует, мочится в лоханки
И голосом жены больного утешает.

«Жена, ты девушкой слыла.
Увы, моя подруга,
Как кожа нежная была
В боках твоих упруга!
Зачем же лошадь стала ты?
Укройся в белые скиты
И, ставя богу свечку,
Грызи свою уздечку!»

Но лошадь бьется, не идет,
Наоборот, она довольна.
Уж вечер. Лампа свет лиет
На уголок застольный.
Восходит поп среди двора,
Он весь ругается и силы напрягает,
Чугунный крест из серебра
Через порог переставляет.

Больному лучше. Поп хохочет,
Закутавшись в святую епанчу.
Больного он кропилом мочит,
Потом с тарелки ест сычуг,
Наполненный ячменной кашей,
И лошадь называет он мамашей.

1928

ИГРА В СНЕЖКИ

В снегу кипит большая драка.
Как легкий бог, летит собака.
Мальчишка бьет врага в живот.
На елке тетерев живет.
Уж ледяные свищут бомбы.
Уж вечер. В зареве снега.
В сугробах роя катакомбы,
Мальчишки лезут на врага.
Один, задрав кривые ноги,
Скатился с горки, а другой
Воткнулся в снег, а двое новых,
Мохнатых, скорченных, багровых,
Сцепились вместе, бьются враз,
Но деревянный ножик спас.

Закат погас. И день остановился.
И великаном подошел шершавый конь.
Мужик огромной тушею своей
Сидел в стропилах крашенных саней,
И в медной трубке огонек дымился.

Бой кончился. Мужик не шевелился.

1928

ЧАСОВОЙ

На карауле ночь густеет.
Стоит, как башня, часовой.
В его глазах одервенелых
Четырехгранный вьется штык.
Тяжеловесны и крылаты,
Знамена пышные полка,
Как золотые водопады,
Пред ним свисают с потолка.
Там пролетарий на стене
Гремит, играя при луне,

Там вой кукушки полковой
Угрюмо тонет за стеной.
Тут белый домик вырастает
С квадратной башенкой вверху,
На стенке девочка витает,
Дудит в прозрачную трубу.
Уж к ней сбегаются коровы
С улыбкой бледной на губах...
А часовой стоит впотьмах
В шинели конусообразной,
Над ним звезды пожарик красный
И серп заветный в головах.
Вот в щели каменные плит
Мышиные просунулися лица,
Похожие на треугольники из мела,
С глазами траурными по бокам.
Одна из них садится у окошка
С цветочком музыки в руке.
А день в решетку пальцы тянет,
Но не достать ему знамен.
Он напрягается и видит:
Стоит, как башня, часовой,
И пролетарий на стене
Хранит волшебное становье.
Ему знамена — изголовье,
А штык ружья: война — войне.
И день доволен им вполне.

1927

НОВЫЙ БЫТ

Восходит солнце над Москвой,
Старухи бегают с тоской:
Куда, куда идти теперь?
Уж Новый Быт стучится в дверь!
Младенец, выхолен и крупен,
Сидит в купели, как султан.

Прекрасный поп поет, как бубен,
Паникадиллом осиян.
Прабабка свечку зажигает,
Младенец крепнет и мужает
И вдруг, шагая через стол,
Садится прямо в комсомол.

И время двинулось быстрее,
Стареет папенька-отец,
И за окошками в аллее
Играет сваха в бубенец.
Ступни младенца стали шире,
От стали ширится рука.
Уж он сидит в большой квартире,
Невесту держит за рукав.
Приходит поп, тряся ногами,
В ладошке мощи бережет,
Благословить желает стенки,
Невесте крестик подарить.
«Увы, — сказал ему младенец, —
Уйди, уйди, кудрявый поп,
Я — новой жизни ополченец,
Тебе ж один остался гроб!»
Уж поп тихонько плакать хочет,
Стоит на лестнице, бормочет,
Не зная, чем себе помочь.
Ужель идти из дома прочь?

Но вот знакомые явились,
Завод пропел: «Ура! Ура!»
И Новый Быт, даруя милость,
В тарелке держит осетра.
Варенье, ложечкой носимо,
Шипит и падает в боржом.
Жених, проворен нестерпимо,
К невесте лепится ужом.
И председатель на отвале,
Чете играя похвалу,
Приносит в выборгском бокале
Вино солдатское, халву,

И, принимая красный спич,
Сидит на столике кулич.
«Ура! Ура!» — поют заводы,
Картошкой дым под небеса.
И вот супруги, выпив соды,
Сидят и чешут волоса.
И стало все благоприятно:
Явилась ночь, ушла обратно,
И за окошком через миг
Погасла свечка-пятерик.

1927

ДВИЖЕНИЕ

Сидит извозчик как на троне,
Из ваты сделана броня,
И борода, как на иконе,
Лежит, монетами звеня.
А бедный конь руками машет,
То вытянется, как налим,
То снова восемь ног сверкают
В его блестящем животе.

1927

НА РЫНКЕ

В уборе из цветов и крынок
Открыл ворота старый рынок.

Здесь бабы толсты, словно кадки,
Их шаль невиданной красы,
И огурцы, как великаны,
Прилежно плавают в воде.
Сверкают саблями селедки,
Их глазки маленькие кротки,

Но вот, разрезаны ножом,
Они свиваются ужом.
И мясо, властью топора,
Лежит, как красная дыра,
И колбаса кишкой кровавой
В жаровне плавает корявой,
И вслед за ней кудрявый пес
Несет на воздух постный нос,
И пасть открыта, словно дверь,
И голова, как блюдо,
И ноги точные идут,
Сгибаясь медленно посередине.
Но что это? Он с видом сожаленья
Остановился наугад,
И слезы, точно виноград,
Из глаз по воздуху летят.

Калеки выстроились в ряд.
Один играет на гитаре.
Ноги обрубок, брат утрат,
Его кормилец на базаре.
А на обрубке том костыль,
Как деревянная бутыль.

Росток руки другой нам кажется,
Он ею хвастается, машет,
Он палец вывихнул, урод,
И визгнул палец, словно крот,
И хрустнул кости перекресток,
И сдвинулось лицо в наперсток.

А третий, закрутив усы,
Глядит воинственным героем.
Над ним в базарные часы
Мясные мухи вьются роем.
Он в банке едет на колесах,
Во рту запрятан крепкий руль,
В могилке где-то руки сохнут,
В какой-то речке ноги спят.

На долю этому герою
Осталось брюхо с головою
Да рот, большой, как рукоять,
Рулем веселым управлять.

Вон бабка с неподвижным оком
Сидит на стуле одиноком,
И книжка в дырочках волшебных
(Для пальцев милая сестра)
Поет чиновников служебных,
И бабка пальцами быстра.

А вокруг — весы, как магелланы,
Отрепья масла, жир любви,
Уроды, словно истуканы,
В густой расчетливой крови,
И визг молитвенной гитары,
И шапки полны, как тиары,
Блестящей медью. Недалек
Тот миг, когда в норе опасной
Он и она — он пьяный, красный
От стужи, пенья и вина,
Безрукий, пухлый, и она —
Слепая ведьма — спляшут мило
Прекрасный танец-козерог,
Да так, что затрещат стропила
И брызнут искры из-под ног!

И лампа взвояет, как сурок.

1927

ИВАНОВЫ

Стоят чиновные деревья,
Почти влезая в каждый дом.
Давно их кончено кочевье,
Они в решетках, под замком.

Шумит бульваров темнота,
Домами плотно заперта.

Но вот все двери растворились,
Повсюду шепот пробежал:
На службу вышли Ивановы
В своих штанах и башмаках.
Пустые гладкие трамваи
Им подают свои скамейки.
Герои входят, покупают
Билетов хрупкие дощечки,
Сидят и держат их перед собой,
Не увлекаясь быстрою ездой.

А там, где каменные стены,
И рев гудков, и шум колес,
Стоят волшебные сирены
В клубках оранжевых волос.
Иные, дуньками одеты,
Сидеть не могут взаперти.
Прищелкивая в кастаньеты,
Они идут. Куда идти,
Кому нести кровавый ротик,
У чьей постели бросить ботик
И дернуть кнопку на груди?
Неужто некуда идти?

О мир, свинцовый идол мой,
Хлещи широкими волнами
И этих девок упокой
На перекрестке вверх ногами!
Он спит сегодня, грозный мир:
В домах спокойствие и мир.

Ужели там найти мне место,
Где ждет меня моя невеста,
Где стулья выстроились в ряд,
Где горка — словно Арарат —

Имеет вид отменно важный,
Где стол стоит и трехэтажный
В железных латах самовар
Шумит домашним генералом?

О мир, свернись одним кварталом,
Одной разбитой мостовой,
Одним проплеванным амбаром,
Одной мышиною норой,
Но будь к оружию готов:
Целует девуку — Иванов!

1928

СВАДЬБА

Сквозь окна хлещет длинный луч,
Могучий дом стоит во мраке.
Огонь раскинулся, горюч,
Сверкая в каменной рубахе.
Из кухни пышет дивным жаром.
Как золотые битюги,
Сегодня зреют там недаром
Ковриги, бабы, пироги.
Там кулебяка из кокетства
Сияет сердцем бытия.
Над нею прокликает детство
Цыпленок, синий от мытья.
Он глазки детские закрыл,
Наморщил разноцветный лобик
И тельце сонное сложил
В фаянсовый столовый гробик.
Над ним не поп ревел обедню,
Махая по ветру крестом,
Ему кукушка не певала
Коварной песенки своей:
Он был закован в звон капусты,
Он был томатами одет,

Над ним, как крестик, опускался
На тонкой ножке сельдерей.
Так он почил в расцвете дней,
Ничтожный карлик средь людей.

Часы гремят. Настала ночь.
В столовой пир горяч и пылок.
Графину винному невмочь
Расправить огненный затылок.
Мясистых баб большая стая
Сидит вокруг, пером блистая,
И лысый венчик горностая
Венчает груди, ожирев
В поту столетних королев.
Они едят густые сласти,
Хрипят в неутоленной страсти
И, распуская животы,
В тарелки жмутся и цветы.
Прямые лысые мужья
Сидят, как выстрел из ружья,
Едва вытягивая шею
Сквозь мяса жирные траншеи.
И пробиваясь сквозь хрусталь
Многообразно однозвучный,
Как сон земли благополучной,
Парит на крылышках мораль.

О пташка божья, где твой стыд?
И что к твоей прибавит чести
Жених, приделанный к невесте
И позабывший звон копыт?
Его лицо передвижное
Еще хранит следы венца,
Кольцо на пальце золотое
Сверкает с видом удалца,
И поп, свидетель всех ночей,
Раскинув бороду забралом,
Сидит, как башня, перед балом
С большой гитарой на плече.

Так бей, гитара! Шире круг!
Ревут бокалы пудовые.
И вздрогнул поп, завыл и вдруг
Ударил в струны золотые.
И под железный гром гитары
Подняв последний свой бокал,
Несутся бешеные пары
В нагие пропасти зеркал.
И вслед за ними по засадам,
Ополоумев от вытья,
Огромный дом, виляя задом,
Летит в пространство бытия.
А там — молчанья грозный сон,
Седые полчища заводов,
И над становьями народов —
Труда и творчества закон.

1928

ФОКСТРОТ

В ботинках кожи голубой,
В носках блистательного франта,
Парит по воздуху герой
В дыму гавайского джаз-банда.
Внизу — бокалов воркотня,
Внизу — ни ночи нет, ни дня,
Внизу — на выступе оркестра,
Как жрец, качается маэстро.
Он бьет рукой по животу,
Он машет палкой в пустоту,
И легких галстуков извилина
На грудь картонную пришпилена.

Ура! Ура! Герой парит —
Гавайский фокус над Невою!
А бал ревет, а бал гремит,
Качая бледною толпою.

А бал гремит, единорог,
И бабы выставили в пляске
У перекрестка гладких ног
Чижа на розовой подвязке.
Смеется чиж — гляди, гляди!
Но бабы дальше ускакали,
И медным лесом впереди
Гудит фокстрот на пьедестале.

И так играя, человек
Родил в последнюю минуту
Прекраснейшего из калек —
Женоподобного Иуду.
Не тронь его и не буди,
Не пригодится он для дела —
С цыплячьим знаком на груди
Росток болезненного тела.
А там, над бедною землей,
Во славу винам и кларнетам
Парит по воздуху герой,
Стреляя в небо пистолетом.

1928

ПЕКАРНЯ

В волшебном царстве калачей,
Где дым струится над пекарней,
Железный крендель, друг ночей,
Светил небесных светозарней.
Внизу под кренделем — содом.
Там тесто, выскочив из квашен,
Встает подобьем белых башен
И рвется в битву напролом.

Вперед! Настало время боя!
Ломая тысячи преград,
Оно ползет, урча и воя,
И не желает лезть назад.

Трещат столы, трясутся стены,
С высоких балок льет вода.
Но вот, подняв фонарь военный,
В чугуи ударил тамада, —
И хлебопеки сквозь туман,
Как будто идола в тиарах,
Летят, играя на цимбалах
Кастрюль неведомый канкан.

Как изукрашенные стяги,
Лопаты ходят тяжело,
И теста ровные корчаги
Плывут в квадратное жерло.
И в этой, красной от натуги,
Пещере всех метаморфоз
Младенец-хлеб приподнял руки
И слово стройно произнес.
И пекарь огненной трубой
Трубил о нем во мрак ночной.

А печь, наследника родив
И стройное поправив чрево,
Стоит стыдливая, как дева
С ночью розой на груди.
И кот, в почетном сидя месте,
Усталой лапкой рыльце крестит,
Зловонным хвостиком вертит,
Потом кувшинчиком сидит.
Сидит, сидит, и улыбнется,
И вдруг исчез. Одно болотце
Осталось в глиняном полу.
И утро выплыло в углу.

1928

РЫБНАЯ ЛАВКА

И вот, забыв людей коварство,
Вступаем мы в иное царство.

Тут тело розовой севрюги,
Прекраснейшей из всех севрюг,
Висело, вытянувши руки,
Хвостом прицеплено на крюк.
Под ней кета пылала мясом,
Угри, подобные колбасам,
В копченой пышности и лени
Дымились, подогнув колени,
И среди них, как желтый клык,
Сиял на блюде царь-балык.

О самодержец пышный брюха,
Кишечный бог и властелин,
Руководитель тайный духа
И помыслов архитриклин!
Хочу тебя! Отдайся мне!
Дай жрать тебя до самой глотки!
Мой рот трепещет, весь в огне,
Кишки дрожат, как готтентотки.
Желудок, в страсти напряжен,
Голодный сок струями точит,
То вытянется, как дракон,
То вновь сожмется что есть мочи.
Слюна, клубясь, во рту бормочет,
И сжаты челюсти вдвойне...
Хочу тебя! Отдайся мне!

Повсюду гром консервных банок,
Ревут сиги, вскочив в ушат.
Ножи, торчащие из ранок,
Качаются и дребезжат.
Горит садок подводным светом,
Где за стеклянною стеной
Плывут лещи, объаты бредом,
Галлюцинацией, тоской,
Сомненьем, ревностью, тревогой...
И смерть над ними, как торгаш,
Поводит бронзовой острогой.

Весы читают «Отче наш»,
Две гирьки, мирно встав на блюде,
Определяют жизни ход,
И дверь звенит, и рыбы бьются,
И жабры дышат наоборот.

1928

ОБВОДНЫЙ КАНАЛ

В моем окне на весь квартал
Обводный царствует канал.

Ломовики, как падишахи,
Коня запутав медью блях,
Идут, закутаны в рубахи,
С нелепой важностью нерях.
Вокруг пивные встали в ряд,
Ломовики в пивных сидят.
И в окна конских морд толпа
Глядит, мотаясь у столба,
И в окна конских морд собор
Глядит, поставленный в упор.
А там за ним, за морд собором,
Течет толпа на полверсты,
Кричат слепцы блестящим хором,
Стальные вытянув персты.
Маклак штаны на воздух мечет,
Ладонью бьет, поет как кречет:
Маклак — владыка всех штанов,
Ему подвластен ход миров,
Ему подвластно толп движенье,
Толпу томит штанов круженье,
И вот она, забывши честь,
Стоит, не в силах глаз отвесть,
Вся прелесть и изнеможенье.

Кричи, маклак, свисти уродом,
Мечи штаны под облака!

Но перед сомкнутым народом
Иная движется река:
Один сапог несет на блюде,
Другой поет хвалу Иуде,
А третий, грозен и румян,
В кастрюлю бьет, как в барабан.
И нету сил держаться боле,
Толпа в плену, толпа в неволе,
Толпа лунатиком идет,
Ладони вытянув вперед.

А вокруг черны заводов замки,
Высок под облаком гудок.
И вот опять идут мустанги
На колоннаде пышных ног.
И воют жалобно телеги,
И плещет взорванная грязь,
И над каналом спят калеки,
К пустым бутылкам прислонясь.

1928

БРОДЯЧИЕ МУЗЫКАНТЫ

Закинув на спину трубу,
Как бремя золотое,
Он шел, в обиде на судьбу.
За ним бежали двое.
Один, сжимая скрипки тень,
Горбун и шаромыжка,
Скрипел и плакал целый день,
Как потная подмышка.
Другой, искусник и борец,
И чемпион гитары,
Огромный нес в руках крестец
С роскошной песнею Тамары.
На том крестце семь струн железных,
И семь валов, и семь колков,

Рукой построены полезной,
Болтались в виде уголков.

На стогах солнце опускалось,
Неслись извозчики гурьбой,
Как бы фигуры пошехонцев
На волокнистых лошадях.
И вдруг в колодце между окон
Возник трубы волшебный локон,
Он прынул вверх тупым жерлом
И заревел. Глухим орлом
Был первый звук. Он, грохнув, пал,
За ним второй орел предстал,
Орлы в кукушек превращались,
Кукушки в точки уменьшались,
И точки, горло сжав в комок,
Упали в окна всех домов.

Тогда горбатик, скрипочку
Приплюснув подбородком,
Слепил перстом улыбочку
На личике коротком,
И, визгнув поперечиной
По маленьким струнам,
Заплакал, искалеченный:
— Тилим-там-там!

Система тронулась в порядке.
Качались знаки вымысла.
И каждый слушатель украдкой
Слезую чистой вымылся,
Когда на подоконниках
Средь музыки и грохота
Легла толпа поклонников
В подштанниках и кофтах.

Но богослов житейской страсти
И чемпион гитары
Подъял крестец, поправил части
И с песней нежною Тамары

Уста отважно растворил.
И все умолкло.
Звук самодержавный,
Глухой, как шум Куры,
Роскошный, как мечта,
Пронесся...
И в этой песне сделалась видна
Тамара на кавказском ложе.
Пред нею, полные вина,
Шипели кубки дотемна
И юноши стояли тоже.
И юноши стояли,
Махали руками,
И страстные дикие звуки
Всю ночь раздавались там...
— Тилим-там-там!

Певец был строен и суров.
Он пел, трудясь, среди дворов
Средь выгребных высоких ям
Трудился он, могуч и прям.
Вокруг него система кошек,
Система окон, ведер, дров
Висела, темный мир размножив
На царства узкие дворов.

Но что́ был двор? Он был трубою,
Он был тоннелем в те края,
Где был и я гоним судьбою,
Где пропадала жизнь моя.
Где сквозь мансардное окошко
При лунном свете, вся дрожа,
В глаза мои смотрела кошка,
Как дух седьмого этажа.

1928

НА ЛЕСТНИЦАХ

Коты на лестницах упругих,
Большие рыла приподняв,
Сидят, как будды, на перилах,
Ревут, как трубы, о любви.
Нагие кошечки, стесняясь,
Друг к дружке жмутся, извиняясь.
Кокетки! Сколько их кругом!
Они по кругу ходят боком,
Они текут любовным соком,
Они трясутся, на весь дом
Распространяя запах страсти.
Коты ревут, открывши пасти, —
Они как дьяволы вверху
В своем серебряном меху.

Один лишь кот в глухой чужбине
Сидит, задумчив, не поет.
В его взъерошенной овчине
Справляют блохи хоровод.
Отшельник лестницы печальной,
Монах помойного ведра,
Он мир любви первоначальной
Напрасно ищет до утра.
Сквозь дверь он чувствует квартиру,
Где труд дневной едва лишь начат.
Там от плиты и до сортира
Лишь бабьи туловища скачут.
Там примус выстроен, как дыба,
На нем, от ужаса треща,
Чахоточная воеет рыба
В зеленых масляных прыщах.
Там трупы вымытых животных
Лежат на противнях холодных
И чугуны, купели слез,
Венчают зла апофеоз.

Кот поднимается, трепещет.
Сомненья нету: замкнут мир

И лишь одни помои плещут
Туда, где мудрости кумир.
И кот встает на две ноги,
Идет вперед, подъявля лапы.
Пропала лестница. Ни зги
В глазах. Шарахаются бабы,
Но поздно! Кот, на шею сев,
Как дьявол, бьется, озверев,
Рвет тело, жилы отворяет,
Когтями кости вынимает...
О, боже, боже, как нелеп!
Сбесился он или ослеп?

Шла ночь без горечи и страха,
И любопытным виден был
Семейный сад — кошачья плаха,
Где месяц медленный всходил.
Деревья дружные качали
Большими сжатými телами,
Нагие птицы верещали,
Скача неверными ногами.
Над ними, желтый скаля зуб,
Висел кота холодный труп.

Монах! Ты висельником стал!
Прощай. В моем окошке,
Справляя дикий карнавал,
Опять несутся кошки.
И я на лестнице стою,
Такой же белый, важный.
Я продолжаю жизнь твою,
Мой праведник отважный.

1928

КУПАЛЬЩИКИ

Кто, чернец, покинув печку,
Лезет в ванну или тазик —
Приходи купаться в речку,
Отступись от безобразий!

Кто, кукушку в руку спрятав,
В воду падает с размаха —
Во главе плывет отряда,
Только дым идет из паха.

Все, впервые сняв одежды
И различные доспехи,
Начинают как невежды,
Но потом идут успехи.

Влага нежною гусыней
Щиплет части юных тел
И рукою водит синей,
Если кто-нибудь вспотел.

Если кто-нибудь не хочет
Остаться долго мокрым —
Трет себя сухим платочком
Цвета воздуха и охры.

Если кто-нибудь томится
Страстью или искушеньем —
Может быстро охладиться.
Отдыхая без движенья.

Если кто любить не может,
Но изглодан весь тоскою,
Сам себе теперь поможет,
Тихо плавая с доскою.

О река, невеста, мамка,
Всех вместившая на лоне,

Ты не девка-полигамка,
Но святая на иконе!

Ты не девка-полигамка,
Но святая Парасковья,
Нас, купальщиков, встречай,
Где песок и молочай!

1928

НЕЗРЕЛОСТЬ

Младенец кашку составляет
Из манных зерен голубых.
Зерно, как кубик, вылетает
Из легких пальчиков двойных.
Зерно к зерну — горшок наполнен,
И вот, качаясь, он висит,
Как колокол на колокольне,
Квадратной силой знаменит.
Ребенок лезет вдоль по чашам,
Ореховые рвет листья,
И над деревьями все чаще
Его колеблются персты.
И девочки, носимы вместе,
К нему по воздуху плывут.
Одна из них, снимая крестик,
Тихонько падает в траву.

Горшок клубится под ногою,
Огня субстанция жива,
И девочка лежит нагою,
В огонь откинув кружева.
Ребенок тихо отвечает:
«Младенец я и не окреп!
Ужель твой ум не примечает,
Насколько твой замысел нелеп?
Красот твоих мне стыден вид,
Закрой же ножки белой тканью,

Смотри, как мой костер горит,
И не готовься к поруганью!»
И тихо взяв мешалку в руки,
Он мудро кашу помешал, —
Так он урок живой науки
Душе несчастной преподавал.

1928

НАРОДНЫЙ ДОМ

Народный Дом, курятник радости,
Амбар волшебного житья,
Корыто праздничное страсти,
Густое пекло бытия!
Тут шишаки красноармейские,
А с ними дамочки житейские
Неслись задумчивым ручьем.
Им шум столичный нипочем!
Тут радость пальчиком водила,
Она к народу шла потехою.
Тут каждый мальчик забавлялся:
Кто дамочку кормил орехами,
А кто над пивом забывался.
Тут гор американские хребты!
Над ними девочки, богини красоты,
В повозки быстрые запрягались,
Повозки катятся вперед,
Красотки нежные расплакались,
Упав совсем на кавалеров...
И много было тут других примеров.

Тут девка водит на аркане
Свою пречистую собачку,
Сама вспотела вся до нитки
И грудки выехали вверх.
А та собачка пречестная,
Весенним соком налитая,

Грибными ножками неловко
Вдоль по дорожке шелестит.

Подходит к девке именитой
Мужик роскошный, апельсинщик.
Он держит тазик разноцветный,
В нем апельсины аккуратные лежат.
Как будто циркулем очерченные круги,
Они волнисты и упруги;
Как будто маленькие солнышки, они
Легко катаются по жести
И пальчикам лепечут: «Лезьте, лезьте!»

И девка, кушая плоды,
Благодарит рублем прохожего.
Она зовет его на «ты»,
Но ей другого хочется, хорошего.
Она хорошего глазами ищет,
Но перед ней качели свищут.

В качелях девочка-душа
Висела, ножкою шурша.
Она по воздуху летела,
И теплой ножкою вертела,
И теплой ручкою звала.

Другой же, видя преломленное
Свое лицо в горбатом зеркале,
Стоял молодчиком оплеванным,
Хотел смеяться, но не мог.
Желая знать причину искривления,
Он как бы делался ребенком
И шел назад на четвереньках,
Под сорок лет — четвероног.

Но перед этим праздничным угаром
Иные будто спасовали:
Они довольны не амбаром радости,
Они тут в молодости побывали.

И вот теперь, шепча с бутылкою,
Прощаясь с молодостью пылкой,
Они скребут стакан зубами,
Они губой его высасывают,
Они приятелям рассказывают
Свои веселия шальные.
Ведь им бутылка словно матушка,
Души медовая салопница,
Целует слаще всякой девки,
А холодит сильнее Невки.

Они глядят в стекло.
В стекле восходит утро.
Фонарь, бескровный, как глиста,
Стрелой болтается в кустах.
И по трамваям рай качается —
Тут каждый мальчик улыбается,
А девочка наоборот —
Закрыв глаза, открыла рот
И ручку выбросила теплую
На приподнявшийся живот.

Трамвай, шатаясь, чуть идет.

1928

САМОВАР

Самовар, владыка брюха,
Драгоценный комнат поп!
В твоей грудке вижу ухо,
В твоей ножке вижу лоб.

Император белых чашек,
Чайников архимандрит,
Твой глубокий ропот тяжек
Тем, кто миру зло дарит.

Я же — дева неповинна,
Как нетронутый цветок.
Льется в чашку длинный-длинный,
Тонкий, стройный кипяток.

И вся комнатка-малютка
Расцветает вдалеке,
Словно цветик-незабудка
На высоком стебельке.

1930

НА ДАЧЕ

Вижу около постройки
Древо радости — орех.
Дым, подобно белой тройке,
Скачет в облако наверх.
Вижу дачи деревянной
Деревенские столбы.
Белый, серый, оловянный
Дым выходит из трубы.
Вижу — ты, по воле мужа
С животом, подобным тазу,
Ходишь, зла и неуклюжа,
И подходишь к тарантасу.
В тарантасе тройка алых
Чернокудых лошадей.
Рядом дядя на цимбалах
Тешит праздничных людей.
Гей, ямщик! С тобою мама
Да в селе высокий доктор.
Полетела тройка прямо
По дороге очень мокрой.
Мама стонет, дядя гонит,
Дядя давит лошадей,
И младенец, плача, тонет
Посреди больших кровей.

Пуповину отгрызала
Мама зубом золотым.
Тройка бешеная стала,
Коренник упал. Как дым,
Словно дым, клубилась степь,
Ночь сидела на холме.
Дядя ел чугунный хлеб,
Развалившись на траве.

А в далекой даче дети
Пели, бегая в крокете,
И ликуя и шутя,
Легким шариком вертя.
И цыганка молодая,
Встав над ними, как божок,
Предлагала, завывая,
Ассирийский пирожок.

1929

НАЧАЛО ОСЕНИ

Старухи, сидя у ворот,
Хлебали щи тумана, гари.
Тут, торопяся на завод,
Шел переулком пролетарий.
Не быв задетым центром О,
Он шел, скрепив периферию,
И ветер ломался вокруг него.
Приходит соболь из Сибири,
И представляет яблок Крым,
И девка, взяв рубля четыре,
Ест плод, любуясь молодым.
В его глазах — начатки знанья,
Они потом уходят в руки,
В его мозг на состязанье
Сошлись концами все науки.
Как сон житейских геометрий,
В необычайно крепком ветре

Над ним домов бряцали оси,
И в центре О мерцала осень.
И к ней касаясь хордой, что ли,
Качался клен, крича от боли,
Качался клен, и выстрелом ума
Казалась нам вселенная сама.

1928

ЦИРК

Цирк сияет, словно щит,
Цирк на пальцах верещит,
Цирк на дудке завывает,
Душу в душу ударяет!
С нежным личиком испанки
И цветами в волосах
Тут девочка, пресветлый ангел,
Виясь, плясала вальс-казак.
Она среди густого пара
Стоит, как белая гагара,
То с гитарой у плеча
Реет, ноги волоча.
То вдруг присвистнет, одинокая,
Совьется маленьким ужом,
И вновь несется, нежно охая, —
Прелестный образ и почти что нагишом!
Но вот одежды беспокойство
Вкруг тела складками легло.
Хотя напрасно!
Членов нежное устройство
На всех впечатление произвело.

Толпа встает. Все дышат, как сапожники,
Во рту слюны навар кудрявый.
Иные, даже самые безбожники,
Полны таинственной отравой.
Другие же, суя табак в пустую трубку,
Облизываясь, мысленно целуют ту голубку,

Которая пред ними пролетела.
Пресветлая! Остаться не захотела!

Вой всюду в зале тут стоит,
Кромешным духом все полны.
Но музыка опять гремит,
И все опять удивлены.
Лошадь белая выходит,
Бледным личиком вертя,
И на ней при всем народе
Сидит полновесное дитя.
Вот, маша руками враз,
Дитя, смеясь, сидит анфас,
И вдруг, взмахнув ноги обмылком,
Дитя сидит к коню затылком.
А конь, как стражник, опутив
Высокий лоб с большим пером,
По кругу носится, спесив,
Поставив ноги под углом.

Тут опять всеобщее изумленье,
И похвала, и одобренье,
И, как зверок, кусает зависть
Тех, кто недавно улыбались
Иль равнодушными казались.

Мальчишка, тихо хулиганя,
Подружке на ухо шептал:
«Какая тут сегодня баня!»
И девку нежно обнимал.
Она же, к этому привыкнув,
Сидела тихая, не пикнув.
Закон имея естества,
Она желала сватовства.

Но вот опять арена скачет,
Ход представленья снова начат.
Два тоненькие мужика
Стоят, сгибаясь, у шеста.

Один, ладони поднимая,
На воздух медленно ползет,
То красный шарик выпускает,
То вниз, нарядный, упадет
И товарищу на плечи
Тонкой ножкою встает.
Потом они, смеясь опасно,
Ползут наверх единоголосно
И там, обнявшись наугад,
На толстом воздухе стоят.
Они дыханьем укрепляют
Двойного тела равновесье,
Но через миг опять летают,
Себя по воздуху развеса.
Тут опять, восторга полон,
Зал трясется, как кликуша,
И стучит ногами в пол он,
Не щадя чужие уши.
Один старик интеллигентный
Сказал, другому говоря:
«Этот праздник разноцветный
Посещаю я не зря.
Здесь нахожу я греческие игры,
Красоток розовые икры,
Научных замечаю лошадей, —
Это не цирк, а прямо чародей!»
Другой, плешивый, как колено,
Сказал, что это несомненно.

На последний страшный номер
Вышла женщина-змея.
Она усердно ползала в соломе,
Ноги в кольца завивя.
Проползав несколько минут,
Она совсем лишилась тела.
Кругом служители бегут:
— Где? Где?
Красотка улетела!

Тут пошел в народе ужас,
Все свои хватают шапки
И бросаются наружу,
Имея девок полные охапки.
«Воры! Воры!» — все кричали.
Но воры были невидимки:
Они в тот вечер угощали
Своих друзей на Ситном рынке.
Над ними небо было рыто
Веселой руганью двойной,
И жизнь трещала, как корыто,
Летая книзу головой.

1928

Смешанные столбцы

ЛИЦО КОНЯ

Животные не спят. Они во тьме ночной
Стоят над миром каменной стеной.

Рогам гладкими шумит в соломе
Покатая коровы голова.
Раздвинув скулы вековые,
Ее притиснул каменистый лоб,
И вот косноязычные глаза
С трудом вращаются по кругу.

Лицо коня прекрасней и умней.
Он слышит говор листьев и камней.
Внимательный! Он знает крик звериный
И в ветхой роще рокот соловьиный.

И зная все, кому расскажет он
Свои чудесные виденья?
Ночь глубока. На темный небосклон
Восходят звезд соединенья.

И конь стоит, как рыцарь на часах,
Играет ветер в легких волосах,
Глаза горят, как два огромных мира,
И грива стелется, как царская порфира.

И если б человек увидел
Лицо волшебное коня,
Он вырвал бы язык бессильный свой
И отдал бы коню. Поистине достоин
Иметь язык волшебный конь!

Мы услышали бы слова.
Слова большие, словно яблоки. Густые,
Как мед или крутое молоко.
Слова, которые вонзаются, как пламя,
И, в душу залетев, как в хижину огонь,
Убогое убранство освещают.
Слова, которые не умирают
И о которых песни мы поем.

Но вот конюшня опустела,
Деревья тоже разошлись,
Скупое утро горы спеленало,
Поля открыло для работ.
И лошадь в клетке из оглобель,
Повозку крытую влача,
Глядит покорными глазами
В таинственный и неподвижный мир.

1926

В ЖИЛИЩАХ НАШИХ

В жилищах наших
Мы тут живем умно и некрасиво.
Справляя жизнь, рождаясь от людей,
Мы забываем о деревьях.

Они поистине металла тяжелей
В зеленом блеске сомкнутых кудрей.

Иные, кроны поднимая к небесам,
Как бы в короны спрятали глаза,
И детских рук изломанная прелесть,
Одетая в кисейные листы,
Еще плодов удобных не наелась
И держит звонкие плоды.

Так сквозь века, селенья и сады
Мерцают нам удобные плоды.
Нам непонятна эта красота —
Деревьев влажное дыханье.
Вон дровосеки, позабыв топор,
Стоят и смотрят, тихи, молчаливы.
Кто знает, что подумали они,
Что вспомнили и что открыли,
Зачем, прижав к холодному стволу
Свое лицо, неудержимо плачут?

Вот мы нашли поляну молодую,
Мы встали в разные углы,
Мы стали тоньше. Головы растут,
И небо приближается навстречу.
Затвердевают мягкие тела,
Блаженно деревенеют вены,
И ног проросших больше не поднять,
Не опустить раскинутые руки.
Глаза закрылись, времена отпали,
И солнце ласково коснулось головы.

В ногах проходят влажные валы.
Уж влага поднимается, струится
И омывает лиственные лица:
Земля ласкает детище свое.
А вдалеке над городом дымится
Густое фонарей копьё.

Был город осликом, четырехстенным домом.
На двух колесах из камней
Он ехал в горизонте плотном,
Сухие трубы накреня.

Был светлый день. Пустые облака,
Как пузыри морщинистые, вылетали.
Шел ветер, огибая лес.
И мы стояли, тонкие деревья,
В бесцветной пустоте небес.

1926

ПРОГУЛКА

У животных нет названья.
Кто им зваться повелел?
Равномерное страданье —
Их невидимый удел.
Бык, беседуя с природой,
Удаляется в луга.
Над прекрасными глазами
Светят белые рога.
Речка девочкой невзрачной
Притаилась между трав,
То смеется, то рыдает,
Ноги в землю закопав.
Что же плачет? Что тоскует?
Отчего она больна?
Вся природа улыбнулась,
Как высокая тюрьма.
Каждый маленький цветочек
Машет маленькой рукой.
Бык седые слезы точит,
Ходит пышный, чуть живой.
А на воздухе пустынном
Птица легкая кружится,
Ради песенки старинной
Нежным горлышком трудится.
Перед ней сияют воды,
Лес качается, велик,
И смеется вся природа,
Умирая каждый миг.

1929

ЗМЕИ

Лес качается, прохладен,
Тут же разные цветы,
И тела блестящих гадин
Меж камнями завиты.
Солнце жаркое, простое,
Льет на них свое тепло.
Меж камней тела устроая,
Змеи гладки, как стекло.
Прошумит ли сверху птица,
Или жук провоняет смело,
Змеи спят, запрятав лица
В складках жареного тела.
И загадочны и бедны,
Спят они, открывши рот,
А вверху едва заметно
Время в воздухе плывет.
Год проходит, два проходит,
Три проходит. Наконец
Человек тела находит —
Сна тяжелый образец.
Для чего они? Откуда?
Оправдать ли их умом?
Но прекрасных тварей гряда
Спит, разбросана кругом.
И уйдет мудрец, задумчив,
И живет, как нелюдим,
И природа, вмиг наскучив,
Как тюрьма стоит над ним.

1929

ИСКУШЕНИЕ

Смерть приходит к человеку,
Говорит ему: «Хозяин,
Ты походишь на калеку,
Насекомыми кусаем.

Брось житье, иди за мною,
У меня во гробе тихо.
Белым саваном укрою
Всех от мала до велика.
Не грусти, что будет яма,
Что с тобой умрет наука:
Поле выпашется само,
Рожь поднимется без плуга.
Солнце в полдень будет жгучим,
Ближе к вечеру прохладным.
Ты же, опытом научен,
Будешь белым и могучим
С медным крестиком квадратным
Спать во гробе аккуратном».

«Смерть, хозяйина не трогай, —
Отвечает ей мужик. —
Ради старости убогой
Пощади меня на миг.
Дай мне малую отсрочку,
Отпусти меня. А там
Я единственную дочку
За труды тебе отдам».

Смерть не плачет, не смеется,
В руки девицу берет
И, как польмя, несется,
И трава под нею гнется
От избушки до ворот.

Холмик во поле стоит,
Дева в холмике шумит:
«Тяжело лежать во гробе,
Почернели ручки обе,
Стали волосы как пыль,
Из грудей растет ковыль.
Тяжело лежать в могиле,
Губки тоненькие сгнили,
Вместо глазок — два кружка,
Нету милого дружка!»

Смерть над холмиком летает
И хохочет и грустит,
Из ружья в него стреляет
И склоняясь говорит:
«Ну, малютка, полно врать,
Полно глотку в гробе драть!
Мир над миром существует,
Вылезай из гроба прочь!
Слышишь, ветер в поле дует,
Наступает снова ночь.
Караваны сонных звезд
Пролетели, пронеслись.
Кончен твой подземный пост,
Ну, попробуй, поднимись!»

Дева ручками взмахнула,
Не поверила ушам,
Доску вышибла, вспрыгнула,
Хлоп! И лопнула по швам.

И течет, течет бедняжка
В виде маленьких кишок.
Где была ее рубашка,
Там остался порошок.
Изо всех отверстий тела
Червяки глядят несмело,
Вроде маленьких малюток
Жидкость розовую пьют.

Была дева — стали щи.
Смех, не смейся, подожди!
Солнце встанет, глина треснет,
Мигом девица воскреснет.
Из берцовой из кости
Будет деревце расти,
Будет деревце шуметь,
Про девицу песни петь,
Про девицу песни петь,
Сладким голосом звенеть:

«Баю, баюшки, баю,
Баю девочку мою!
Ветер в поле улетел,
Месяц в небе побелел.
Мужики по избам спят,
У них много есть котят.
А у каждого кота
Были красны ворота,
Шубки синеньки у них,
Все в сапожках золотых,
Все в сапожках золотых,
Очень, очень дорогих...»

1929

МЕРКНУТ ЗНАКИ ЗОДИАКА

Меркнут знаки Зодиака
Над просторами полей.
Спит животное Собака,
Дремлет птица Воробей.
Толстозадые русалки
Улетают прямо в небо,
Руки крепкие, как палки,
Груды круглые, как репа.
Ведьма, сев на треугольник,
Превращается в дымок.
С лешачихами покойник
Стройно пляшет кекуок.
Вслед за ними бледным хором
Ловят Муху колдуны,
И стоит над косогором
Неподвижный лик луны.

Меркнут знаки Зодиака
Над постройками села,
Спит животное Собака,
Дремлет рыба Камбала,

Колотушка тук-тук-тук,
Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит,
Над землей луна висит.
Над землей большая плошка
Опрокинутой воды.
Леший вытащил бревешко
Из мохнатой бороды.
Из-за облака сирена
Ножку выставила вниз,
Людоед у джентльмена
Неприличное отгрыз.
Все смешалось в общем танце,
И летят во сне концы
Гамадрилы и британцы,
Ведьмы, блохи, мертвецы.

Кандидат былых столетий,
Полководец новых лет,
Разум мой! Уродцы эти —
Только вымысел и бред.
Только вымысел, мечтанье,
Сонной мысли колыханье,
Безутешное страданье, —
То, чего на свете нет.

Высока земли обитель.
Поздно, поздно. Спать пора!
Разум, бедный мой воитель,
Ты заснул бы до утра.
Что сомненья? Что тревоги?
День прошел, и мы с тобой —
Полузвери, полубоги —
Засыпаем на пороге
Новой жизни молодой.

Колотушка тук-тук-тук,
Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит,
Над землей луна висит.

Над землей большая плоска
Опрокинутой воды.
Спит растение Картошка.
Засыпай скорей и ты!

1929

ИСКУССТВО

Дерево растет, напоминая
Естественную деревянную колонну.
От нее расходятся члены,
Одетые в круглые листья.
Собрание таких деревьев
Образует лес, дубраву.
Но определенье леса неточно,
Если указать на одно формальное строенье.

Толстое тело коровы,
Поставленное на четыре окончания,
Увенчанное хромовидной головою
И двумя рогами (словно луна в первой четверти),
Тоже будет непонятно,
Также будет непостижимо,
Если забудем о его значенье
На карте живущих всего мира.

Дом, деревянная постройка,
Составленная как кладбище деревьев,
Сложенная как шалаш из трупов,
Словно беседка из мертвецов, —
Кому он из смертных понятен,
Кому из живущих доступен,
Если забудем человека,
Кто строил его и рубил?

Человек, владыка планеты,
Государь деревянного леса,

Император коровьего мяса,
Саваоф двухэтажного дома, —
Он и планетою правит,
Он и леса вырубают,
Он и корову зарежет,
А вымолвить слова не может.

Но я, однообразный человек,
Взял в рот длинную сияющую дудку,
Дул, и, подчиненные дыханию,
Слова вылетали в мир, становясь предметами.
Корова мне кашу варила,
Дерево сказку читало,
А мертвые домики мира
Прыгали, словно живые.

1930

ВОПРОСЫ К МОРЮ

Хочу у моря я спросить,
Для чего оно кипит?
Пук травы зачем висит,
Между волн его сокрыт?
Это множество воды
Очень дух смущает мой.
Лучше б выросли сады
Там, где слышен моря вой.
Лучше б тут стояли хаты
И полезные растенья,
Звери бегали рогаты
Для крестьян увеселенья.
Лучше бы руду копать
Там, где моря видим гладь,
Сани делать, башни строить,
Волка пулей беспокоить,
Разводить медикаменты,
Кукурузу молотить,

Деве розовые ленты
В виде опыта дарить.
В хороводе бы скакать,
Змея под вечер пускать
И дневные впечатленья
В свою книжечку писать.

1930

ВРЕМЯ

1

Ираклий, Тихон, Лев, Фома
Сидели важно вокруг стола.
Над ними дедовский фонарь
Висел, роняя свет на пир.
Фонарь был пышный и старинный,
Но в виде женщины чугунной.
Та женщина висела на цепях,
Ей в спину наливали масло,
Дабы лампада не погасла
И не остаться всем впотьмах.

2

Благообразная вокруг
Сияла комната для пира.
У стен — с провизией сундук,
Там — изображение кумира
Из дорогого алебастра.
В горшке цвела большая астра.
И несколько стульев прекрасных
Вокруг стояли стен однообразных.

3

Так в этой комнате жилой
Сидело четверо пирующих гостей.

Иногда они вскакивали,
Хватались за ножки своих бокалов
И пронзительно кричали: «Виват!»
Светила лампа в двести ватт.
Иракий был лесной солдат,
Имел ружья огромную тетерю,
В тетере был большой курок.
Нажав его перстом, я верю,
Животных бить возможно впрок.

4

Иракий говорил, изображая
Собой могучую фигуру:
«Я женщин с детства обожаю.
Они представляют собой роскошную клавиатуру,
Из которой можно извлекать аккорды».
Со стен смотрели морды
Животных, убитых во время перестрелки.
Часы двигали свои стрелки.
И не сдержав разбег ума,
Сказал задумчивый Фома:
«Да, женщины значение огромно,
Я в том согласен безусловно,
Но мысль о времени сильнее женщин. Да!
Споем песенку о времени, которую мы поем всегда».

5. ПЕСЕНКА О ВРЕМЕНИ

Легкий ток из чаши А
Тихо льется в чашу Бе,
Вяжет дева кружева,
Пляшут звезды на трубе.

Поворачивая ввысь
Андромеду и Коня,
Над землю поднялись
Кучи звездного огня.

Год за годом, день за днем
Звездным мы горим огнем,
Плачем мы, созвездий дети,
Тянем руки к Андромеде

И уходим навсегда,
Увидавши, как в трубе
Легкий ток из чаши А
Тихо льется в чашу Бе.

6

Тогда ударил вновь бокал,
И разом все «Виват!» вскричали,
И им в ответ, устроив бал,
Часы пять криков прокричали.
Как будто маленький собор,
Висящий крепко на гвозде,
Часы кричали с давних пор,
Как надо двигаться звезде.
Бездонный времени сундук,
Часы — творенье адских рук!
И все это прекрасно понимая,
Сказал Фома, родиться мысли помогая:
«Я предложил бы истребить часы»,
И закрутив усы,
Он посмотрел на всех спокойным глазом.
Блестела женщина своим чугунным тазом.

7

А если бы они взглянули за окно,
Они б увидели великое пятно
Вечернего светила.
Растенья там росли, как дудки,
Цветы качались выше плеч,
И в каждой травке, как в желудке,
Возможно свету было течь.

Мясных растений городок
Пересекал воды поток.
И, обнаженные, слагались
В ладошки длинные листы,
И жилы нижние купались
Среди химической воды.

8

И с отвращеньем посмотрев в окошко,
Сказал Фома: «Ни клюква, ни морошка,
Ни жук, ни мельница, ни пташка,
Ни женщины большая ляжка
Меня не радуют. Имейте все в виду:
Часы стучат, и я сейчас уйду».

9

Тогда встает безмолвный Лев,
Ружье берет, остервенев,
Влагает в дуло два заряда,
Всыпает порох роковой
И в середину циферблата
Стреляет крепкою рукой.
И все в дыму стоят, как боги,
И шепчут, грозные: «Виват!»
И женщины железной ноги
Горят над ними в двести ватт.
И все растенья припадают
К стеклу, похожему на клей,
И с удивленьем наблюдают
Могилу разума людей.

1933

ИСПЫТАНИЕ ВОЛИ

Агафонов

Прошу садиться, выпить чаю.
У нас варенья полон чан.

Корнеев

Среди посуды я различаю
Прекрасный чайник англичан.

Агафонов

Твой глаз, Корнеев, наострился,
Ты видишь Англии фарфор.
Он в нашей келье появился
Еще совсем с недавних пор.
Мне подарил его мой друг
Открыв с посудой сундук.

Корнеев

Невероятна речь твоя,
Приятель сердца Агафонов!
Ужель могу поверить я:
Предмет, достойный Пантеонов,
Роскошный Англии призрак,
Который видом тешит зрак,
Жжет душу, разум просветляет,
Больных к художеству склоняет,
Засохшим сердце веселит,
А сам сияет и горит, —
Ужель такой предмет высокий,
Достойный лучшего венца,
Отныне в хижине убогой
Травую лечит мудреца?

А г а ф о н о в

Да, это правда.

К о р н е е в

Боже правый!

Предмет, достойный лучших мест,
Стоит, наполненный отравой,
Где Агафонов кашу ест!
Подумай только: среди ручек,
Которы тонки, как зефир,
Он мог бы жить в условиях лучших
И почитаться как кумир.
Властитель Англии туманной,
Его поставивши в углу,
Сидел бы весь благоуханный,
Шепча посуде похвалу.
Наследник пышною особой
При нем ходил бы, сняв сапог,
И в виде милости особой
Его за носик трогать мог.
И вдруг такие небылицы!
В простую хижину упав,
Сей чайник носит нам водицы,
Хотя не князь ты и не граф.

А г а ф о н о в

Среди различных лицедеев
Я слышал множество похвал,
Но от тебя, мой друг Корнеев,
Таких речей не ожидал.
Ты судишь, право, как лунатик,
Ты весь от страсти изнемог,
И жила вздулась, как канатик,
Обезобразив твой висок.
Ужели чайник есть причина?
Возьми его! На что он мне!

К о р н е е в

Благодарю тебя, мужчина.
Теперь спокоен я вполне.
Прощай. Я все еще рыдаю.
(Уходит)

А г а ф о н о в

Я духом в воздухе летаю,
Я телом в келейке лежу
И чайник снова в келью приглашу.

К о р н е е в

(входит)

Возьми обратно этот чайник,
Он ненавистен мне навек:
Я был премудрости начальник,
А стал пропащий человек.

А г а ф о н о в

(обнимая его)

Хвала тебе, мой друг Корнеев,
Ты чайник духом победил.
Итак, бери его скорее:
Я дарю тебе его изо всех сил.

1931

ПОЭМА ДОЖДЯ

В о л к

Змея почтенная лесная,
Зачем ползешь, сама не зная,
Куда идти, зачем спешить,
Ужель спеша возможно жить?

З м е я

Премудрый волк, уму непостижим
Тот мир, который неподвижен.
И так же просто мы бежим,
Как вылетает дым из хижин.
В о л к

Понять нетрудно твой ответ.
Куда как слаб рассудок змея!
Ты от себя бежишь, мой свет,
В движенье правду разумея.

З м е я

Я вижу, ты идеалист.

В о л к

Гляди: спадает с древа лист.
Кукушка, песенку постря
На двух тонах (дитя простое!)
Поет внутри высоких рощ.
При солнце льется ясный дождь,
Течет вода две-три минуты,
Крестьяне бегают разуты,
Потом опять сияет свет,
Дождь миновал, и капель нет.
Открой мне смысл картины этой.

З м е я

Иди, с волками побеседуй,
Они дадут тебе отчет,
Зачем вода с небес течет.

В о л к

Отлично. Я пойду к волкам.
Течет вода по их бокам.

Вода, как матушка, поет,
Когда на нас тихонько льет.
Природа в стройном сарафане,
Главою в солнце упершись,
Весь день играет на органе.
Мы назваем это: жизнь.
Мы называем это: дождь,
По лужам шлепанье малюток,
И шум лесов, и пляски роц,
И в роще хохот незабудок.
Или, когда угрюм орган,
На небе слышен барабан,
И войско туч пудов на двести
Лежит вверху на каждом месте,
Когда могучих вод поток
Сшибает с ног лесного зверя, —
Самим себе еще не веря,
Мы называем это: бог.

1931

ОТДЫХ

Вот на площади квадратной
Маслодельня, белый дом!
Бык гуляет аккуратный,
Чуть качая животом.
Дремлет кот на белом стуле,
Под окошком вьются гули,
Бродит тетя Мариули,
Звонко хлопая ведром.

Сепаратор, бог чухонский,
Масла розовый король!
Укrotи свой топот конский,
Полюбить тебя позволь.
Дай мне два кувшина сливок,
Дай сметаны полведра,

Чтобы пел я возле ивок
Вплоть до самого утра!

Маслодельни легкий стук,
Масла маленький сундук,
Что стучишь ты возле пашен,
Там, где бык гуляет, важен,
Что играешь возле ив,
Стенку набок наклонив?

Спой мне, тетя Мариули,
Песню легкую, как сон!
Все животные заснули,
Месяц в небо унесен.
Безобразный, конопатый,
Словно толстый херувим,
Дремлет дядя Волохатый
Перед домиком твоим.
Все спокойно. Вечер с нами!
Лишь на улице глухой
Слышу: бьется под ногами
Заглушенный голос мой.

1930

ПТИЦЫ

Кольхаясь еле-еле
Всем ветрам наперерез,
Птицы легкие висели,
Как лампы среди небес.

Их глаза, как телескопики,
Смотрели прямо вниз.
Люди ползали, как клопики,
Источники вились.

Мышь бежала возле пашен,
Птица падала на мышь.

Трупик, вмиг обезображен,
Убираем был в камыш.

В камышах сидела птица,
Мышку пальцами рвала,
Изо рта ее водица
Струйкой на землю текла.

И сдвигая телескопики
Своих потухших глаз,
Птица думала. На холмике
Катился тарантас.

Тарантас бежал по полю,
В тарантасе я сидел
И своих несчастий долю
Тоже на сердце имел.

1933

ЧЕЛОВЕК В ВОДЕ

Формы тела и ума
Кто рубил и кто ковал?
Там, где море-каурма,
Словно идол, ходит вал.

Словно череп, безволос,
Как червяк подземный, бел,
Человек, расправив хвост,
Перед волнами сидел.

Разворачивая ладони,
Словно белые блины,
Он качался на попоне
Всем хребтом своей спины.

Каждый маленький сустав
Был распарен и раздут.

Море телом исхлестав,
Человек купался тут.

Море телом просверлив,
Человек нырял на дно.
Словно идол, шел прилив,
Заслоня дна пятно.

Человек, как гусь, как рак,
Носом радостно трубя,
Покидая дна овраг,
Шел, бородку теребя.

Он размахивал хвостом,
Он притоптывал ногой
И кружился колесом,
Безволосый и нагой.

А на жареной спине.
Над безумцем хохоча,
Инфузории одне
Ели кожу лихача.

1930

ЗВЕЗДЫ, РОЗЫ И КВАДРАТЫ

Звезды, розы и квадраты,
Стрелы северных сияний,
Тонки, круглы, полосаты,
Осеняли наши зданья.
Осеняли наши дома
Жезлы, кубки и колеса.
В чердаках визжали кошки,
Грохотали телескопы.
Но машина круглым глазом
В небе бегала напрасно:
Все квадраты улетали,
Исчезали жезлы, кубки.

Только маленькая птичка
Между солнцем и луною
В дырке облака сидела,
Во все горло песню пела:
«Вы не вейтесь, звезды, розы,
Улетайте, жезлы, кубки, —
Между солнцем и луною
Бродит утро за горами!»

1930

ЦАРИЦА МУХ

Бьет крылом седой петух,
Ночь повсюду наступает.
Как звезда, царица мух
Над болотом пролетает.
Бьется крылышком отвесным
Остов тела, обнажен,
На груди пентакль чудесный
Весь в лучах изображен.
На груди пентакль печальный
Между двух прозрачных крыл,
Словно знак первоначальный
Неразгаданных могил.
Есть в болоте странный мох,
Тонок, розов, многоног,
Весь прозрачный, чуть живой,
Презираемый травой.
Сирота, чудесный житель
Удаленных бедных мест,
Это он сулит обитель
Мухе, реющей окрест.
Муха, вся стуча крылами,
Мускул грудки развернув,
Опускается кругами
На болота влажный тuff.

Если ты, мечтой томим,
Знаешь слово Элоим,

Муху странную бери,
Муху в банку посади,
С банкой по полю ходи,
За приметамы следи.
Если муха чуть шумит —
Под ногою медь лежит.
Если усиком ведет —
К серебру тебя зовет.
Если хлопает крылом —
Под ногами злата ком.

Тихо-тихо ночь ступает,
Слышен запах тополей.
Меркнет дух мой, замирает
Между сосен и полей.
Спят печальные болота,
Шевелятся корни трав.
На кладбище стонет кто-то
Телом к холмику припав.
Кто-то стонет, кто-то плачет,
Льются звезды с высоты.
Вот уж мох вдали маячит.
Муха, муха, где же ты?

1930

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Где древней музыки фигуры,
Где с мертвым бой клавиатуры,
Где битва нот с безмолвием пространства —
Там не ищи, поэт, душе своей убранства.

Соединив безумие с умом,
Среди пустынных смыслов мы построим дом —
Училище миров, неведомых доселе.
Поэзия есть мысль, устроенная в теле.

Она течет, незримая, в воде —
Мы воду воспоем усердными трудами.

Она горит в полуночной звезде —
Звезда, как полымя, бушует перед нами.

Тревожный сон коров и беглый разум птиц
Пусть смотрят из твоих диковинных страниц.
Деревья пусть поют и страшным разговором
Пугает бык людей, тот самый бык, в котором
Заключено безмолвие миров,
Соединенных с нами крепкой связью.

Побит камнями и закидан грязью,
Будь терпелив. И помни каждый миг:
Коль музыки коснешься чутким ухом,
Разрушится твой дом и, ревностный к наукам,
Над нами посмеется ученик.

1932

ПОДВОДНЫЙ ГОРОД

Птицы плавают над морем.
Славен город Посейдон!
Мы машиной воду роем.
Славен город Посейдон!
На трубе Чимальпопока
Мы играем в окна мира:
Под волнами спит глубоко
Башен стройная порфира.
В страшном блеске орихалка
Город солнца и числа
Спит, и буря, как весталка, —
Буря волны принесла.

Море! Море! Морда гроба!
Вечной гибели закон!
Где легла твоя утроба,
Умер город Посейдон.
Чуден вид его и страшен:
Рыбой съедены до пят,

Из больших окошек башен
Люди длинные глядят.

Человек, носим волною,
Едет книзу головою.
Осьминог сосет ребенка,
Только влас висит коронка.
Рыба, пухлая, как мох,
Вкруг колонны ловит блох.
И над круглыми домами,
Над фигурами из бронзы,
Над могилами науки,
Пирамидами владыки —
Только море, только сон,
Только неба синий тон.

1930

ШКОЛА ЖУКОВ

Ж е н щ и н ы

Мы, женщины, повелительницы котлов,
Изобретательницы каш,
Толкачихи мира вперед, —
Дни и ночи, дни и ночи,
Полные любовного трудолюбия,
Рожаем миру толстых красных младенцев.
Как корабли, уходящие в дальнее плавание,
Младенцы имеют полную оснастку органов:
Это теперь пригодится, это — потом.
Горы живого сложного мяса
Мы кладем на руки человечества.
Вы, плотники, ученые леса,
Вы, каменщики, строители хижин,
Вы, живописцы, покрывающие стены
Загадочными фигурами нашей истории,
Откройте младенцам глаза,
Развяжите уши,

И толкните неопытный разум
На первые подвиги.

П л о т н и к и

Мы, плотники, ученые леса,
Математики жизни деревьев,
Построим младенцам огромные колыбели
На крепких дубовых ногах.
Великие мореходы
Получат кровати из клена:
Строение кленовых волокон
Подобно морскому прибору.
Ткачам, инженерам одежды,
Прилична кровать из чинара:
Чинар — это дерево-ткач,
Плетущий себя самого.
Ясень,
На котором продолговатые облака,
Будет учителем в небо полетов.
Черные полосы лиственниц
Научат строительству рельсов.
Груша и липа —
Наставницы маленьких девочек.
Дерево моа похоже на мед —
Пчеловодов учитель.
Туя, крупы властелинша, —
Урок земледельцу.
Бурый орех, как земля, —
Землекопу помощник.
Учит камня тесать
И дома возводить — палисандра.
Черное дерево — это металла двойник,
Свет кузнецам,
Воспитанье вождям и солдатам.

Ж и в о п и с ц ы

Мы рисуем фигурки зверей
И сцены из жизни растений.

Тело коровы,
Читающей курс Маслоделья,
Вместо Мадонны
Будет сиять над кроваткой младенца.
Мы нарисуем пляску верблюдов
В могучих песках Самарканда,
Там, где зеркальная чаша
Бежит за движением солнца.
Мы нарисуем
Историю новых растений.
Дети простых садоводов,
Стали они словно бомбы.
Первое их пробужденье
Мы не забудем —
Час, когда в ножке листа
Обозначился мускул,
В теле картошки
Зачаток мозгов появился
И кукурузы глазок
Открылся на кончике стебля.
Злаков войну нарисуем мы,
Битву овса с воробьями —
День, когда птичка упала,
Сраженная листьев ударом.
Вот что нарисуем мы
На наших картинах.
Тот, кто увидит их раз,
Не забудет до гроба.

К а м е н щ и к и

Мы поставим на улице сто изваяний.
Из алебаstra сделанные люди,
У которых отпилены черепные крышки,
Мозг исчез,
А в дыры стеклянных глазниц
Натекла дождевая вода,
И в ней купаются голуби, —
Сто безголовых героев
Будут стоять перед миром,
Держа в руках окончанья своих черепов.

Каменные шляпы
Сняли они со своих черепов,
Как бы приветствуя будущее!
Сто наблюдателей жизни животных
Согласились отдать свой мозг
И переложить его
В черепные коробки ослов,
Чтобы сияло
Животных разумное царство.
Вот добровольная
Расплата человечества
Со своими рабами!
Лучшая жертва,
Которую видели звезды!
Пусть же подобье героев
Отныне стоит перед миром младенцев.
Маленькие граждане мира
Будут играть
У каменных ног истуканов,
Будут бросать в черепа мудрецов
Гладкие камешки-гальки,
Бульканье вод будут слушать
И разговоры голубок,
В каменной пазухе мира
Жуков находить и кузнечиков.
Жуки с неподвижными крыльями,
Зародыши славных Сократов,
Катают хлебные шарики,
Чтобы сделаться умными.
Кузнечики — это часы насекомых,
Считают течение времени,
Сколько кому осталось
Свой ум развивать
И когда передать его детям.
Так, путешествуя
Из одного тела в другое,
Вырастает таинственный разум.
Время кузнечика и пространство жука —
Вот младенчество мира.

Ж е н щ и н ы

Ваши слова достойны уважения,
Плотники, живописцы и каменщики!
Ныне заложена первая
Школа Жуков.

1931

ОТДЫХАЮЩИЕ КРЕСТЬЯНЕ

Толпа высоких мужиков
Сидела важно на бревне.
Обычай жизни был таков,
Досуги, милые вдвойне.
Царя ли свергнут или разом
Скотину волк на поле съест,
Они сидят, гуторя басом,
Про то да се узнав окрест.

Иногда во тьме ночной
Приносят длинную гармошку,
Извлекают резкие продолжительные звуки
И на травке молодой
Скачут страшными прыжками,
Взявшись за руки, толпой.

Вот толпа несется, воеет,
Слышен запах потной кожи,
Музыканты рожи строят,
На чертей весьма похожи.
В громе, давке, кувырканы
«Эх, пошла! — кричат. — Наддай-ка!»
Реют бороды бараньи,
Стонет, воеет балалайка.
«Эх, пошла!» И дым столбом,
От натуги бледны лица.
Многоногий пляшет ком,
Воеет, стонет, веселится.

Но старцы сумрачной толпой
Сидят на бревнах меж домами,
И лунный свет, вися столбами,
Висит над ними как живой.
Тогда, привязанные к хатам,
Они глядят на этот мир,
Обсуждают, что такое атом,
Каков над воздухом эфир.
И скажет кто-нибудь, печалась,
Что мы, пожалуй, не цари,
Что наверху плывут, качаясь,
Миров иные кубари.
Гром мечут, искры составляют,
Живых растениями питают,
А мы, приклеены к земле,
Сидим, как птенчики в дупле.

Тогда крестьяне, созерцая
Природы стройные холмы,
Сидят, задумчиво мерцая
Глазами страшной старины.
Иной жуков наловит в шапку,
Глядит, внимателен и тих,
Какие есть у тварей лапки,
Какие крылышки у них.
Иной первоначальный астроном
Слагает из бересты телескоп,
И ворон с каменным крылом
Стоит на крыше, словно поп.

А на вершинах Зодиака,
Где слышен музыки орган,
Двенадцать люстр плывут из мрака,
Составив круглый караван.
И мы под ними, как малютки,
Сидим, считая день за днем,
И, в кучу складывая сутки,
Весь месяц в люстру отдаем.

БИТВА СЛОНОВ

Воин слова, по ночам
Петь пора твоим мечам!

На бессильные фигурки существительных
Кидаются лошади прилагательных,
Косматые всадники
Преследуют конницу глаголов,
И снаряды междометий
Рвутся над головами,
Как сигнальные ракеты.

Битва слов! Значений бой!
В башне Синтаксис — разбой.
Европа сознания
В пожаре восстания.
Невзирая на пушки врагов,
Стреляющие разбитыми буквами,
Боевые слоны подсознания
Вылезают и топчутся,
Словно исполинские малютки.
Но вот, с рождения не евши,
Они бросаются в таинственные бреши
И с человечьими фигурками в зубах
Счастливо поднимаются на задние ноги.
Слоны подсознания!
Боевые животные преисподней!
Они стоят, приветствуя веселым воем
Все, что захвачено разбоем.

Маленькие глазки слонов
Наполнены смехом и радостью.
Сколько игрушек! Сколько хлопушек!
Пушки замолкли, крови покушав,
Синтаксис домики строит не те,
Мир в неуклюжей стоит красоте.
Деревьев отброшены старые правила,
На новую землю их битва направила.
Они разговаривают, пишут сочинения,
Весь мир неуклюжего полон значения!

Волк вместо разбитой морды
Приделал себе человечье лицо,
Вытащил флейту, играет без слов
Первую песню военных слонов.
Поэзия, сраженье проиграв,
Стоит в растерзанной короне.
Рушились башен столетних Монбланы,
Где цифры сияли, как будто полканы,
Где меч силлогизма горел и сверкал,
Проверенный чистым рассудком.
И что же? Сражение он проиграл
Во славу иным прибауткам!

Поэзия в великой муке
Ломает бешеные руки,
Клянёт весь мир,
Себя зарезать хочет,
То, как безумная, хохочет,
То в поле бросится, то вдруг
Лежит в пыли, имея много мук.
На самом деле, как могло случиться,
Что пала древняя столица?
Весь мир к поэзии привык,
Все было так понятно.
В порядке конница стояла,
На пушках цифры малевала,
И на знаменах слово Ум
Кивало всем, как добрый кум.
И вдруг какие-то слоны,
И все перевернулось!

Поэзия начинает приглядываться,
Изучать движение новых фигур,
Она начинает понимать красоту неуклюжести,
Красоту слона, выброшенного преисподней.

Сраженье кончено. В пыли
Цветут растения земли,
И слон, рассудком приручаем,
Ест пироги и запивает чаем.

V. Другие редакции

ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Поэма

ПРОЛОГ

Нехороший, но красивый,
Это кто глядит на нас?
То мужик неторопливый
Сквозь очки уставил глаз.
Белых житниц отделенья
Поднимались в отдаленье,
Сквозь окошко хлеб глядел,
В загородке конь сидел.
Тут природа вся валялась
В страшном диком беспорядке:
Кой-где дерево шаталось,
Там реки струилась прядка.
Тут стояли две-три хаты
Над безумным ручейком.
Идет медведь продолговатый
Как-то поздним вечерком.
А над ним, на небе тихом,
Безобразный и большой,
Журавель летает с гиком,
Потрясая головой.
Из клюва развевался свиток,
Где было сказано: «Убыток

Дают трехпольные труды». —
Мужик гладил конец бороды.

1. БЕСЕДА О ДУШЕ

Ночь на воздух вылетает,
В школе спят ученики.
Вдоль по хижинам сверкают
Маленькие ночники.
Крестьяне, храбростью дыша,
Собираются в кружок,
Обсуждают, где душа?
Или только порошок
Остается после смерти?
Или только газ вонючий?
Скворещиц розовые жерди
Поднялись над ними тучей.
Крестьяне мрачны и обуты
В большие валенки судьбы,
Сидят. Усы у них раздуты
На верху большой губы.
Также шапки выделялись
В виде толстых колпаков.
Собаки пышные валялась
Среди хозяйских сапогов.
Мужик суровый, точно туча,
Держал кувшинчик молока.
Сказал: «Природа меня мучит,
Превращая в старика.
Когда, паша семейную десятину,
Иду, подобен исполину,
Гляжу-гляжу, а предо мной
Все кто-то движется толпой. —
«Да, это правда. Дух животный, —
Сказал в ответ ему старик, —
Живет меж нами, как бесплотный
Жилец развалин дорогих.
Ныне, братцы, вся природа
Как развалина какая!

Животных уж не та порода
Живет меж нами, но другая». —
«Ты лжешь, старик! — в ответ ему
Сказал стоящий тут солдат. —
Таких речей я не пойму,
Их только глупый слушать рад.
Поверь, что я во многих битвах
На скакуне носился, лих,
Но никогда не знал молитвы
И страшных ужасов твоих.
Уверяю вас, друзья:
Природа ничего не понимает,
И ей довериться нельзя». —
«Кто ее знает? —
Сказал пастух, лукаво помолчав. —
С детства я — коров водитель,
Но скажу вам, осерчав:
Вся природа есть обитель.
Вы, мужики, живя в миру,
Любите свою избу,
Я ж природы конуру
Вместо дома изберу.
Некоторые движения коровы
Для меня ясней, чем ваши.
Вы ж, с рожденья нездоровы,
Не понимаете простого даже». —
«Однако ты профан! —
Прервал его другой крестьянин. —
Прости, что я тебя прервал,
Но мы с тобой бороться станем.
Скажи по истине, по духу,
Живет ли мертвецов душа?»

И все замолкли. Лишь старуха
Сидела, спицами кружа.
Деревня, хлев напоминая,
Вокруг беседы поднялась:
Там угол высился сарая,
Тут чье-то дерево валялось.

Сквозь бревна тучные избенок
Мерцали панцири заслонок,
Светились печи, как кубы,
С квадратным выступом трубы.
Шесты таинственные зыбок
Хрипели, как пустая кость.
Младенцы спали без улыбок,
Блохами съедены насквозь.
Иной мужик, согнувшись в печке,
Свирепо мылся из ведерка,
Другой коню чинил уздечки
А третий кремнем в камень щелкал.
«Мужик, иди спать!» —
Баба из окна кричала.
И вправду, ночь, как будто мать,
Деревню ветерком качала.
«Так! — сказал пастух лениво. —
Вон среди кладбища могил
Их душа плывет красиво,
Описать же нету сил.
Петел, сидя на березе,
Уж двенадцать раз пропел.
Скоро, ножки отморозя,
Он вспорхнул и улетел.
А душа пресветлой ручкой
Машет нам издалека.
Вся она как будто тучка,
Платье вроде как река.
Своими нежными глазами
Все глядит она, глядит,
А тело, съедено червями,
В черном домике лежит.
«Люди, — плачет, — что вы, люди!
Я такая же, как вы,
Только меньше стали груди
Да прическа из травы.
Меня, милую, берите,
Скучно мне лежать одной.
Хоть со мной поговорите,
Поговорите хоть со мной!»

«Это бесконечно печально! —
Сказал старик, закуривая трубку. —
И я встречал ее случайно,
Нашу милую голубку.
Она, как столбичек, плыла
С могилки прямо на меня
И, верю, на тот свет звала,
Тонкой ручкою маня.
Только я вбежал во двор,
Она на столбик налетела
И сгнула. Такое дело!»

«Ах, вот о чем разговор! —
Воскликнул радостно солдат. —
Тут суевериям большой простор,
Но ты, старик, возьми назад
Свои слова. Послушайте, крестьяне,
Мое простое объясненье.
Вы знаете, я был на поле брани,
Носился, лих, под пули пенье.
Теперь же я скажу иначе,
Предмета нашего касаясь:
Частицы фосфора маячат,
Из могилы испаряясь.
Влекомый воздуха теченьем,
Столбик фосфора несется
Повсюду, но за исключением
Того случая, когда о твердое разобьется.
Видите, как все это просто!»

Крестьяне сумрачно замолкли,
Подбородки стали круче.
Скворешниц розовых оглобли
Поднялись над ними тучей.
Догорали ночники,
В школе спали ученики.
Одна учительница тихо
Смотрела в глубь седых полей,
Где ночь плясала, как шутиха,
Где плавал запах тополей,

Где смутные тела животных
Сидели, наполняя хлев,
И разговор вели свободный,
Душой природы овладев.

2. СТРАДАНИЯ ЖИВОТНЫХ

Смутные тела животных
Сидели, наполняя хлев,
И разговор вели свободный,
Душой природы овладев.
«Едва могу себя понять, —
Молвил бык, смотря в окно. —
На мне сознания есть печать,
Но сердцем я старик давно.
Как понять мое сомненье?
Как унять мою тревогу?
Кажется, без потрясения
День прошел, и слава богу!
Однако тут не все так просто.
На мне печаль как бы хомут.
На дно коровьего погоста,
Как видно, скоро повезут.
О, стон гробовый!
Вопль унылый!
Там даже не построены могилы:
Корова мертвая выброшена
На кости рваные овечек;
Подале, осердясь на коршуна,
Собака чей-то труп калечит.
Кой-где копыто, дотлевая,
Дает питание растенью,
И череп сорванный седлает
Червяк, сопутствуя гниению.
Частицы шкурки и состав орбиты
Тут же все лежат-лежат,
Лишь капельки росы, налиты
На них, сияют и дрожат».

Ответил конь:
«Смерти бледная подкова
Просвещенным не страшна.
Жизни горькая основа
Смертным более нужна.
В моем черепе продолговатом
Мозг лежит, как длинный студень.
В своем домике покатом
Он совсем не жалкий трутень.
Люди! Вы напрасно думаете
Что я мыслить не умею,
Если палкой меня дуете,
Нацепив шлею на шею.
Мужик, меня ногами обхватив,
Скачет, страшно дерясь кнутом,
И я скачу, хоть некрасив,
Хватая воздух жадным ртом.
Кругом природа погибает,
Мир качается, убог,
Цветы, плача, умирают,
Сметены ударом ног.
Иной, почувствовав ушиб,
Закроет глазки и приляжет,
А на спине моей мужик,
Как страшный бог,
Руками и ногами машет.
Когда же, в стойло заключен,
Стою, устал и удручен,
Сознанья бледное окно
Мне открывается давно.
И вот, от боли раскорячен,
Я слышу: воют небеса.
То зверь трепещет, предназначен
Вращать систему колеса.
Молю, откройте, откройте, друзья,
Ужели все люди над нами князья?»

Конь стихнул. Все окаменело,
Охвачено сознаньем грубым.

Животных составное тело
Имело сходство с бедным трупом.
Фонарь, наполнен керосином,
Качал страдальческим огнем,
Таким дрожащим и старинным,
Что все сливал с небытием.
Как дети хмурые страданья,
Толпой теснились воспоминанья
В мозгу настойчивых животных,
И раскололся мир двойной,
И за обломком тканей плотных
Простор открылся голубой.

«Вижу я погост унылый, —
Молвил бык, сияя взором. —
Там на дне сырой могилы
Кто-то спит за косогором.
Кто он, жалкий, весь в коростах,
Полусъеденный, забытый,
Житель бедного погоста,
Грязным венчиком покрытый?
Вкруг него томятся ночи,
Руки бледные закинув,
Вкруг него цветы бормочут
В погребальных паутинах.
Вкруг него, невидны людям,
Но нетленны, как дубы,
Возвышаются умные свидетели его жизни —
Доски Судьбы*.
И все читают стройными глазами
Домыслы странного трупа,
И мир животный с небесами
Тут примирен прекрасно-глупо.
И сотни-сотни лет пройдут,
И внуки наши будут хилы,
Но и они покой найдут
На берегах такой могилы.

* Произведение В. Хлебникова. Могила поэта в Новгородской губернии.
<Примеч. Н. З.>

Так человек, отпав от века,
Зарытый в новгородский ил,
Прекрасный образ человека
В душе природы заронил».

Не в силах верить, все молчали.
Конь грезил, выпятив губу.
И ночь плясала, как в начале,
Шутихой с крыши на трубу.
И вдруг упала. Грянул свет,
И шар поднялся величавый,
И птицы пели над дубравой —
Ночных свидетели бесед.

3. КУЛАК, ВЛАДЫКА БАТРАКОВ

Птицы пели над дубравой,
Ночных свидетели бесед,
И луч звезды кидал на травы
Первоначальной жизни свет,
И над высокою древней,
Еще превратна и темна,
Опять в своей короне древней
Вставала русская луна.

Монеты с головами королей
Храня в тяжелых сундуках,
Кулак гнезвился среди людей,
Всегда испытывая страх.
И рядом с ним гнездились боги
В своих задумчивых божницах.
Лохматы, немощны, двуноги,
В коронах, латах, власяницах,
С большими необыкновенными бородами,
Они глядели из-за стекол
Там, где кулак, крестясь руками,
Поклоны медленные кокал.

Кулак моленью предается.
Пес лает. Парка сторожит.

А время кое-как несется
И вниз по берегу бежит.
Природа жалкий сок пускает,
Растенья полны тишиной.
Лениво злак произрастает,
Короткий, немощный, слепой.
Земля, нуждаясь в крепкой соли,
Кричит ему: «Кулак, доколе?»
Но чем земля ни угрожай,
Кулак загубит урожай.
Ему приятно истребленье
Того, что будущего знаки.
Итак, предавшись утомленью,
Едва стоят, сучая злаки.

Кулак, владыка батраков,
Сидел, богатством возвеличен,
И мир его, эгоцентричен,
Был выше многих облаков.
А ночь, крылами шевеля,
Как ведьма, бегает по крыше,
То ветер пустит на поля,
То притаится и не дышит,
То, ставню выдернув из окон,
Кричит: «Вставай, проклятый ворон!»
Идет над миром ураган,
Держи его, хватай руками,
Расставляй проволочные загражденья,
Иначе вместе с потрохами
Умрешь и будешь без движенья!

Сквозь битвы, громы и труды
Я вижу ток большой воды,
Днепр виден мне, в бетон зашитый,
Огнями залитый Кавказ,
Железный конь привозит жито,
Чугунный вол привозит квас.
Рычаг плугов и копыя борон
Вздымают почву сотен лет,

И ты пред нею, старый ворон,
Отныне призван на ответ!»

Кулак ревет, на лавке сидя,
Скребет ногтями черный бок,
И лает пес, беду предвидя,
Перед толпою многих ног.
И слышен голос был солдата,
И скрип дверей, и через час
Одна фигура, бородата,
Уже отъехала от нас.
Изгнанник мира и скупец
Сидел и слушал бубенец,
С избою мысленно прощался,
Как пьяный на возу качался.
И ночь, строительница дня,
Уже решительно и смело,
Как ведьма, с крыши полетела,
Телегу в пропасть наклона.

4. БИТВА С ПРЕДКАМИ

Ночь гремела в бочки, в банки,
В дупла сосен, в дудки бури,
Ночь под маской истуканки
Выжгла ляписом лазури.
Ночь гремела самодуркой,
Все к чертям летело, к черту.
Волк, ударен штукатуркой,
Несся, плача, пряча морду.
Вепрь, муха, все собранье
Птиц, повыдернуто с сосен,
«Ах, — кричало, — наказание!
Этот ветер нам несносен!»
В это время, грустно воя,
Шел медведь, слезой накапав.
Он лицо свое больное
Нес на вытянутых лапах.
«Ночь! — кричал. — Иди ты к шуту,
Отвяжись ты, Вельзевуша!»

Ночь кричала: «Буду! Буду!»
Ну и ветер тоже дул же!
Так, скажу, проклятый ветер
Дул, как будто рвался порох!
Вот каков был русский север,
Где деревья без подпорок.

С о л д а т

Слышу бури страшный шум,
Слышу ветра дикий вой,
Но привычный знает ум:
Тут не черт, не домовой,
Тут не демон, не русалка,
Не бирюк, не лешачиха,
Но простых деревьев свалка.
После бури будет тихо.

П р е д к и

Это вовсе неизвестно,
Хотя мысль твоя понятна.
Посмотри: под нами бездна,
Облаков несутся пятна.
Только ты, дитя рассудка,
От рожденья нездоров,
Полагаешь — это шутка
Столкновения ветров.

С о л д а т

Предки, полно вам, отстаньте!
Вы, проклятые кроты,
Землю трогать перестаньте,
Открывая ваши рты.
Непонятым наказаньем
Вы готовы мне грозить.
Объяснитесь на прощанье,
Что желаете просить?

П р е д к и

Предки мы, и предки вам,
Тем, которым столько дел.
Мы столетье пополам
Рассекаем и предел
Представляем вашим бредням,
Предпочтенье даем средним —
Тем, которые рожают,
Тем, которые поют,
Никому не угрожают,
Ничего не создают.

С о л д а т

Предки, как же? Ваша глупость
Невозможна, хуже смерти!
Ваша правда обернулась
В косных неучей усердьи!
Ночью, лежа на кровати,
Вижу голую жену, —
Вот она сидит без платья,
Поднимаясь в вышину.
Вся пропахла молоком...
Предки, разве правда в этом?
Нет, клянуся молотком,
Я желаю быть одетым!

П р е д к и

Ты дурак, жена не дура,
Но природы лишь сосуд.
Велика ее фигура,
Два младенца грудь сосут.
Одного под зад ладонью
Держит крепко, а другой,
Наполняя воздух вонью,
На груди лежит дугой.

С о л д а т

Хорошо, но как понять,
Чем приятна эта мать?

П р е д к и

Объясняем: женщин брюхо,
Очень сложное на взгляд,
Состоит жилищем духа
Девять месяцев подряд.
Там младенец в позе Будды
Получает форму тела.
Голова его раздута,
Чтобы мысль в ней кипела,
Чтобы пуповины провод,
Крепко вставленный в пупок,
Словно вытянутый хобот,
Не мешал развитию ног.

С о л д а т

Предки, все это понятно,
Но, однако, важно знать,
Не пойдём ли мы обратно,
Если будем лишь рожать?

П р е д к и

Дурень ты и старый мерин,
Недоносок рыжей клячи!
Твой рассудок непомерен,
Верно, выдуман иначе.
Ветры, бейте в крепкий молот,
Сосны, бейте прямо в печень,
Чтобы, надвое расколот,
Был бродяга изувечен!

С о л д а т

Прочь! Молчать! Довольно! Или
Уничтожу всех на месте!
Мертвецам — лежать в могиле,
Марш в могилу и не лезьте!
Пусть попы над вами стонут,
Пусть над вами воют черти,
Я же, предками не тронут,
Буду жить до самой смерти!

В это время дуб, встревожен,
Расколосся. В это время
Волк пронесся, огорошен,
Защищая лапой темя.
Вепрь, муха, целый храмик
Муравьев, большая выдра —
Все летело вверх ногами,
О дерева шкуру выдрал.
Лишь солдат, закрытый шлемом,
Застегнув свою шинель,
Возвышался, словно демон
Невоспитанных земель.
И полуночная птица,
Обитательница трав,
Принесла ему водицы,
Ветку дерева сломав.

5. НАЧАЛО НАУКИ

Когда полуночная птица
Летала важно между трав,
Крестьян задумчивые лица
Открылись, бурю испытав.
Над миром горечи и бед
Звенел пастушеский кларнет,
И пел петух, и утро было,
И славословил хор коров,
И над дубравой восходило
Светило, полное даров.

Слава миру, мир земле,
Меч владыкам и богатым!
Утро вынесло в руке
Возрожденья красный атом.
Красный атом возрожденья
Жизни огненный фонарь.
На земле его движенье
Разливает киноварь.
Встали люди и коровы,
Встали кони и волы.
Вон солдат идет, багровый
От сапог до головы.
Посреди большого стада
Кто он — демон или бог?
И звезда его, крылата,
Устремилась на восток.

С о л д а т

Коровы, мне приснился сон.
Я спал, овчиною закутан,
и вдруг открылся небосклон
С большим животным институтом.
Там жизнь была всегда здорова
И посреди большого зданья
Стояла стройная корова
В венце неполного сознания.
Богиня сыра, молока,
Главой касаясь потолка,
Стыдливо кутала сорочку
И груди вкладывала в бочку.
И десять струй с тяжелым треском
В холодный падали металл,
И приготовленный к поездкам
Бидон, как музыка, играл.
И опьяненная корова,
Сжимая руки на груди,
Стояла так, на все готова,
Дабы к сознанию идти.

К о р о в ы

Странно слышать эти речи,
Зная мысли человечьи.
Что, однако, было дале?
Как иные поступали?

С о л д а т

Я дале видел красный светоч
В чертоге умного вола.
Коров задумчивое вече
Решало там свои дела.
Осел, над ними гогоча,
Бежал, безумное урча.
Рассудка слабое растение
В его животной голове
Сияло, как произведение,
По виду близкое к траве.
Осел скитался по горам,
Глодал чугунные картошки,
А под горой машинный храм
Выделявал кислородные лепешки.
Там кони, химии друзья,
Хлебали щи из ста молекул,
Иные, в воздухе вися,
Смотрели, кто с небес приехал.
Корова в формулах и лентах
Пекла пирог из элементов,
И перед нею в банке рос
Большой химический овес.

К о н ь

Прекрасна эта сторона —
Одни науки да проказы!
Я, как бы выпивши вина,
Солдата слушаю рассказы.
Впервые ум смутился мой,
Держу пари — я полон пота!

Ужель не врешь, солдат молодой,
Что с плугом кончится работа?
Ужели кроме наших жил
Потребен разум и так дале?
Послушай, я ведь старожил,
Пристали мне одни медали.
Сто лет тружуся на сохе,
И вдруг за химию! Хе-хе!

С о л д а т

Молчи, проклятая каурка,
Не рви рассказа до конца.
Не стоят грязного окурка
Твои веселые словца.
Мой разум так же, как и твой,
Горшок с опилками, не боле,
Но над картиною такой
Сумей быть мудрым поневоле.
...Над Лошадиным институтом
Вставала стройная луна.
Научный отдых дан посудам,
И близок час веретена.
Осел, товарищем ведом,
Приходит, голоден и хром.
Его, как мальчика, питают,
Ума растенье развивают.
Здесь учат бабочек труду,
Ужу дают урок науки —
Как делать пряжу и слюду,
Как шить перчатки или брюки.
Здесь волк с железным микроскопом
Звезду вечернюю поет,
Здесь конь с редиской и укропом
Беседы длинные ведет.
И хоры стройные людей,
Покинув пастбища эфира,
Спускаются на стогны мира
Отведать пищи лебедей.

К о н ь

Ты кончил?

С о л д а т

Кончил.

К о н ь

Браво, браво!

Наплел голубчик на сто лет!
Но как сладка твоя отравка,
Как жжет меня проклятый бред!
Солдат, мы наги здесь и босы,
Нас давят плуги, жалят осы,
Рассудки наши — ряд лачуг,
И весь в пыли хвоста бунчук.
В часы полуночного бденья,
В дыму осенних вечеров,
Солдат, слышал ли ты хрипенье
Твоих замученных волов?
Нам нет спасенья, нету права,
Нас плуг зовет и ряд могил,
И смерть — единая держава
Для тех, кто немощен и хил.

С о л д а т

Стыдись, каурка, что с тобою?
Наплел, чего не знаешь сам!
Смотри-ка, кто там за горою
Ползет, гремя, на смену вам?
Большой, железный, двухэтажный,
С чугунной мордой, весь в огне,
Ползет владыка рукопашной
Борьбы с природою ко мне.
Воспряньте, умные коровы,
Воспряньте, кони и быки!

Отныне, крепки и здоровы,
Мы здесь для вас построим кровы
С большими чашками муки.
Разрушив царство сох и борон,
Мы старый мир дотла снесем
И букву А огромным хором
Впервые враз произнесем!

И загремела даль лесная
Глухим раскатом буквы А,
И вылез трактор, громыхая,
Прорезав мордю века.
И толпы немощных животных,
Упав во прахе и пыли,
Смотрели взором первородных
На обновленный лик земли.

6. МЛАДЕНЕЦ — МИР

Когда собрание животных
Победу славило земли,
Крестьяне житниц плодородных
Свое имущество несли.
Одни, огромны, бородаты,
Приносят сохи и лопаты,
Другие вынесли на свет
Мотыги сотен тысяч лет.
Как будто груды черепов,
Растет гора орудий пыток.
И тракторист считал, суров,
Труда столетнего убыток.

Т р а к т о р и с т

Странно, люди!
Ум не счислит этих зол.
Ударяя камнем в груди,
Мнится древности козел.
О крестьянин, раб мотыг,
Раб лопат продолговатых,

Был ты раб, но не привык
Быть забавою богатых.
Ты разрушил дом неволи,
Ныне строишь ты колхоз.
Трактор, воя, возит в поле
Твой невиданный овес.
Длиннонога и суха,
Сгинь, мотыга и соха!
Начинайся, новый век!
Здравствуй, конь и человек!

С о х а

Полно каркать издалече,
Неразумный человече!
Я, соха, царица жита,
Кости трактору не дам.
Мое туловище шито
Крепким дубом по бокам.
У меня на белом брюхе
Под веселый хохот блох
Скачет, тыча в небо руки,
Частной собственности бог.
Частной собственности мальчик
У меня на брюхе скачет.
Шар земной, как будто мячик,
На его ладони зачат.
То — держава, скипетр — меч!
Гнитесь, люди, чтобы лечь!
Ибо в днище ваших душ
Он играет славы туш!

Т р а к т о р и с т

О богиня!
Ты погибла с давних пор!
За тобою шел Добрыня
Или даже Святогор.
Мы же новый мир устроим
С новым солнцем и травой.

Чтобы каждый стал героем,
Мы прощаемся с тобой.
Хватайте соху за подмышки!

Бежали стаями мальчишки,
Оторваны от алгебры задачи.
Рой баб, неся в ладонях пышки,
От страха падал на карачки.
Из печки дым, летя по трубам,
Носился длинным черным клубом,
Петух пел песнь навеселе,
Свет дня был виден на селе.
Забитый бревнышком навозным,
Шатался церкви длинный кокон,
Струился свет по ликам грозным,
Из пыльных падающий окон.
На рейках книзу головой
Висел мышей летучих рой,
Как будто стая мертвых ведем
Спасалась в Риме этом третьем.
И вдруг, урча, забил набат.
Несома крепкими плечами,
Соха плыла, как ветхий гад,
Согнув оглобли калачами.
Соха плыла и говорила
Свои последние слова,
Полуоткрытая могила
Ее наставницей была.
И новый мир, рожденный в муке,
Перед задумчивой толпой
Твердил вдали то Аз, то Буки,
Качая детской головой.

7. ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Утро встало. Пар тумана
Закатился за поля.
Как слепцы из каравана,
Разбежались тополя.

Хоры сеялок, отвесив
Килограммы тонких зерен,
Едут в ряд, и пахарь весел,
От загара солнца черен.
Также тут сидел солдат.
Посреди крестьянских сел,
Размышленьями богат,
Он такую речь повел:
«Славься, славься, Земледелье,
Славься, пение машин!
Бросьте, пахари, безделье,
Будет ужин и ужин.
Науку точную сноповязалок,
Сечение вымени коров
Пойми! Иначе будешь жалок,
Умом дородным нездоров.
Теория освобождения труда
Умудрила наши руки.
Славьтесь, добрые науки
И колхозы-города!»
Замолк. Повсюду пробежал
Гул веселых одобрений,
И солдат, подняв фиал,
Пиво пил для утоленья.
Председатель многополюя
И природы коновал,
Он военное дреколье
На серпы перековал.
И тяжелые, как дома,
Разорвав черту межи,
Вышли, трактором ведомы,
Колесницы крепкой ржи.
А на холме у реки
От рождения впервые
Ели черви гробовые
Деревянный труп сохи.
Умерла царица пашен,
Коробейница старух!
И растет над нею, важен,
Сын забвения, лопух.

И растет лопух унылый,
И листом о камень бьет,
И над ветхою могилой
Память вечную поет.

1931

ВЕНЧАНИЕ ПЛОДАМИ

Плоды Мичурина, питомцы садовода,
Взращенные усильями народа,
Распределенные на кучи и холмы,
Как вы волнуете пытливые умы!
Как вы сияете своим прозрачным светом,
Когда, подобные светилам и кометам,
Лежите, образуя вокруг нас
Огромных яблоков живые вавилоны!
Кусочки солнц, включенные в законы
Людских судеб, мы породили вас
Для новой жизни и для высших правил.
Когда землей невежественно правил
Животному подобный человек,
Напоминали вы уродцев и калек
Среди природы дикой и могучей.
Вас червь глодал, и, налетая тучей,
Хлестал вас град по маленьким телам,
И ветер Севера бывал неласков к вам,
И ястреб, рощи царь, перед началом ночи
Выклевывал из вас сияющие очи,
И морщил кожицу, и соки леденил.

Преданье говорит, что Змей определил
Быть яблоку сокровищницей знаний.
Во тьме веков и в сумраке преданий
Встает пред нами рай, страна среди облаков,
Страна, среди светил висящая, где звери
С большими лицами блаженных чудаков
Гуляют, учатся и молятся химере.
И посреди сверкающих небес

Стоит, как башня, дремлющее древо.
Оно — центр сфер, и чудо из чудес,
И тайна тайн. Направо и налево
Огромные суки поддерживают свод
Густых листов. И сумрачно и строго
Сквозь яблоко вещает голос бога,
Что плод познания — запрещенный плод.

Теперь, когда, соперничая с тучей,
Плоды, мы вызвали вас к жизни наилучшей,
Чтобы, самих себя переборов,
Вы не боялись северных ветров,
Чтоб зерна в вас окрепли и созрели,
Чтоб, дивно увеличиваясь в теле,
Не знали вы в развитии преград,
Чтоб наша жизнь была сплошной плодовый сад, —
Скажите мне, какой чудесный клад
Несете вы поведать человеку?

Я заключил бы вас в свою библиотеку,
Я прочитал бы вас и вычислил закон,
Хранимый вами, и со всех сторон
Измерил вас, чтобы понять строенье
Живого солнца и его кипенье.

О маленькие солнышки! О свечи,
Зажженные среди мякоти! Вы — печки,
Распространяющие дивное тепло.
Отныне все прозрачно и кругло
В моих глазах. Земля в тяжелых сливах,
И тысячи людей, веселых и счастливых,
В ладонях держат персики, и барбарис
На шее девушки, блаженствуя, повис.
И новобрачные, едва поцеловавшись,
Глядят на нас, из яблок приподнявшись,
И мы венчаем их, и тысячи садов
Венчают нас венчанием плодов.

Когда плоды Мичурин создавал,
Преобразуя древний круг растений,

Он был Адам, который сознавал
Себя отцом грядущих поколений.
Он был Адам и первый садовод,
Природы друг и мудрости оплот,
И прах его, разрушенный годами,
Теперь лежит, увенчанный плодами.

1932—[1948]

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Могучий день пришел. Деревья встали прямо,
Вздохнули листья. В деревянных жилах
Вода закапала. Квадратное окошко
Над светлую землю распахнулось,
И все, кто были в башенке, сошлись
Взглянуть на небо, полное сиянья.

И мы стояли тоже у окна.
Была жена в своем весеннем платье.
И мальчик на руках ее сидел,
Весь розовый и голый, и смеялся,
И, полный безмятежной чистоты,
Смотрел на небо, где сияло солнце.

А там, внизу, деревья, звери, птицы,
Большие, сильные, мохнатые, живые,
Сошлись в кружок и на больших гитарах,
На дудочках, на скрипках, на волынках
Вдруг заиграли утреннюю песню,
Встречая нас. И все кругом запело.

И все кругом запело так, что козлик
И тот пошел скакать вокруг амбара.
И понял я в то золотое утро,
Что счастье человечества — бессмертно.

1932

НОЧНОЙ САД

О сад ночной, таинственный орган,
Лес длинных труб, приют виолончелей!
О сад ночной, печальный караван
Немых дубов и неподвижных елей!

Он целый день метался и шумел.
Был битвой дуб, и тополь — потрясеньем.
Сто тысяч листьев, как сто тысяч тел,
Переплетались в воздухе осеннем.

Железный Август в длинных сапогах
Стоял вдали с большой тарелкой дичи.
И выстрелы гремели на лугах,
И в воздухе мелькали тельца птичьи.

И сад умолк, и месяц вышел вдруг,
Легли внизу десятки длинных теней,
И толпы лип вздымали кисти рук,
Скрывая птиц под кучами растений.

О сад ночной, о бедный сад ночной,
О существа, заснувшие надолго!
О вспыхнувший над самой головой
Мгновенный пламень звездного осколка!

1936

СЕВЕР

В воротах Азии, среди лесов дремучих,
Где сосны древние стоят, купая в тучах
Свои закованные холодом верхи;
Где волка валит с ног дыханием пурги;
Где холодом охваченная птица
Летит, летит и вдруг, затрепетав,
Повиснет в воздухе, и кровь ее сгустится,
И птица падает, замерзшая, стремглав;

Где в желобах своих гробообразных,
Составленных из каменного льда,
Едва течет в глубинах рек прекрасных
От наших взоров скрытая вода;
Где самый воздух, острый и блестящий,
Дает нам счастье жизни настоящей,
Весь из кристаллов холода сложен;
Где солнца шар короной окружен;
Где люди с ледяными бородами,
Надев на голову конический треух,
Сидят в санях и длинными столбами
Пускают изо рта оледенелый дух;
Где лошади, как мамонты в оглоблях,
Бегут, урча; где дым стоит на кровлях,
Как изваяние, пугающее глаз;
Где снег, сверкая, падает на нас
И каждая снежинка на ладони
То звездочку напомнит, то кружок,
То вдруг цилиндром блеснет на небосклоне,
То крестиком опустится у ног;
В воротах Азии, в объятиях метели,
Где сосны в шубах и в тулупах ели, —
Несметные богатства затая,
Лежит в сугробах родина моя.

А дальше к Северу, где океан полярный
Гудит всю ночь и перпендикулярный
Над головою поднимает лед,
Где, весь оледенелый, самолет
Свой тяжкий винт едва-едва вращает
И дальние зимовья навещает, —
Там тень «Челюскина» среди отвесных плит,
Как призрак царственный, над пропастью стоит.

Корабль недвижим. Призрак величавый,
Что ты стоишь с твоею чудной славой?
Ты — пар воображенья, ты — фантом,
Но подвиг твой — свидетельство о том,
Что здесь, на Севере, в середине льдов тяжелых,
Разрезав моря каменную грудь,

Флотилии огромных ледоколов
Необычайный вырубил путь.
Как бронтозавры каменного века,
Они прошли, созданы человека,
Плавающие вместилища чудес,
Биты винтами, льдам наперерез.
И вся природа мертвыми руками
Простерлась к ним, но, брошенная вспять,
Горой отчаянья легла над берегами
И не посмела головы поднять.

1936

СЕДОВ

Он умирал, сжимая компас верный.
Природа мертвая, закованная льдом,
Лежала вокруг него, и солнца лик пещерный
Через туман просвечивал с трудом.
Лохматые, с ремнями на груди,
Свой легкий груз собаки чуть влачили.
Корабль, затертый в ледяной могиле,
Уж далеко остался позади.
И целый мир остался за спиной!
В страну безмолвия, где полюс-великан,
Увенчанный тиарой ледяною,
С меридианом свел меридиан;
Где полукруг полярного сиянья
Копьем алмазным небо пересек;
Где вековое мертвое молчанье
Нарушить мог один лишь человек, —
Туда, туда! В страну туманных бредней.
Где обрывается последней жизни нить!
И сердца стон, и жизни миг последний —
Все, все отдать, но полюс победить!

Он умирал посереде дороги,
Болезнями и голодом томим.

В цинготных пятнах ледяные ноги,
Как бревна, мертвые лежали перед ним.
Но странно! В этом полумертвом теле
Еще жила великая душа:
Превозмогая боль, едва дыша,
К лицу приблизив компас еле-еле,
Он проверял по стрелке свой маршрут
И гнал вперед свой поезд погребальный...
О край земли, угрюмый и печальный!
Какие люди побывали тут!
И есть на дальнем Севере могила...
Вдали от мира высится она.
Один лишь ветер воет там уныло,
И снега ровная блистает пелена.
Два верных друга, чуть живые оба,
Среди камней героя погребли,
И не было ему простого даже гроба,
Щепотки не было родной ему земли.
И не было ему ни почестей военных,
Ни траурных салютов, ни венков,
Лишь два матроса, стоя на коленях,
Как дети, плакали одни среди снегов.

Но люди мужества, друзья, не умирают!
Теперь, когда над нашей головой
Стальные вихри воздух рассекают
И пропадают в дымке голубой,
Когда, достигнув снежного зенита,
Наш флаг над полюсом колеблется, крылат.
И обозначены углом теодолита
Восход луны и солнечный закат, —
Друзья мои, на торжестве народном
Помянем тех, кто пал в краю холодном!

Вставай, Седов, отважный сын земли!
Твой старый компас мы сменили новым.
Но твой поход на Севере суровом
Забуть в своих походах не могли.
И жить бы нам на свете без предела,
Вгрызаясь в льды, меняя русла рек, —

Отчизна воспитала нас и в тело
Живую душу вдунула навек.
И мы пойдем в урочища любые,
И, если смерть застигнет у снегов,
Лишь одного просил бы у судьбы я:
Так умереть, как умирал Седов.

1937

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

В младенчестве я слышал много раз
Полузабытый прадедов рассказ
О книге сокровенной... За рекою
Кровавый луч зари, бывало, чуть горит,
Уж спать пора, уж белой пеленою
С реки ползет туман и сердце леденит,
Уж бедный мир, забыв свои страданья,
Затихнул весь, и только вдалеке
Кузнечик, маленький работник мирозданья,
Все трудится, поет, не требуя вниманья, —
Один, на непонятном языке...
О тихий час, начало летней ночи!
Деревья в сумерках. И возле темных хат
Седые пахари, полузакрывши очи,
На бревнах еле слышно говорят.

И вижу я сквозь темноту ночную,
Когда огонь над трубкой вспыхнет вдруг,
То спутанную бороду седую,
То жилы выпуклые истомленных рук.
И слышу я знакомое сказанье,
Как правда кривду вызвала на бой,
Как одолела кривда, и крестьяне
С тех пор живут обижены судьбой.
Лишь далеко на океане-море,
На белом камне, посередине вод,
Сияет книга в золотом уборе,
Лучами упираясь в небосвод.

Та книга выпала из некой грозной тучи,
Все буквы в ней цветами проросли,
И в ней написана рукой судеб могучей
Вся правда сокровенная земли.
Но семь на ней повешено печатей,
И семь зверей ту книгу стерегут,
И велено до той поры молчать ей,
Пока печати в бездну не спадут.

А ночь горит над тихою землею,
Дрожащим светом залиты поля,
И высоко плывут над головою
Туманные ночные тополя.
Как сказка — мир. Сказания народа,
Их мудрость темная, но милая вдвойне,
Как эта древняя могучая природа,
С младенчества запали в душу мне...
Где ты, старик, рассказчик мой ночной?
Мечтал ли ты о правде трудовой
И верил ли в годину искупленья?
Не знаю я... Ты умер, наг и сир,
И над тобою, полные кипенья,
Давно шумят иные поколенья,
Угрюмый перестраивая мир.

1937

МЕТАМОРФОЗЫ

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь,
На самом деле то, что именуют мной, —
Не я один. Нас много. Я — живой
Чтоб кровь моя остынуть не успела,
Я умирал не раз. О, сколько мертвых тел
Я отделил от собственного тела!
И если б только разум мой прозрел
И в землю устремил пронзительное око,
Он увидал бы там, среди могил, глубоко

Лежащего меня. Он показал бы мне
Меня, колеблемого на морской волне,
Меня, летящего по ветру в край незримый,
Мой бедный прах, когда-то так любимый.

А я все жив! Все чище и полней
Объемлет дух скопленье чудных тварей.
Жива природа. Жив среди камней
И злак живой и мертвый мой гербарий.
Звено в звено и форма в форму. Мир
Во всей его живой архитектуре —
Орган поющий, море труб, клавир,
Не умирающий ни в радости, ни в буре.

Как все меняется! Что было раньше птицей,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком,
Поэма шествовала медленным быком;
А то, что было мною, то, быть может,
Опять растет и мир растений множит.
Вот так, с трудом пытаясь развивать
Как бы клубок какой-то сложной пряжи,
Вдруг и увидишь то, что должно называть
Бессмертием. О, суеверья наши!

1937

ТВОРЦЫ ДОРОГ

1

Рожок поет протяжно и уныло, —
Давно знакомый утренний сигнал!
Покуда медлит сонное светило,
В свои права вступает аммонал.
Над крутизною старого откоса
Уже трещат бикфордовы шнуры,
И вдруг — удар, и вздрогнула береза,
И взвыло чрево каменной горы.

И выдохнув короткий белый пламень
Под напряженьем многих атмосфер,
Завыл, запел, взлетел под небо камень,
И заволокся дымом весь карьер.
И равномерным грохотом обвала
До глубины своей потрясена,
Из тьмы лесов трущоба простонала,
И, простонав, замолкнула она.
Поет рожок над дальнею горою,
Восходит солнце, заливая лес,
И мы бежим нестройною толпою,
Подняв ломы, громам наперерез.
Так под напором сказочных гигантов,
Работающих тысячами рук,
Из недр вселенной ад поднялся Дантов
И, грохнув наземь, раскололся вдруг.
При свете солнца разлетелись страхи,
Исчезли толпы духов и теней.
И вот лежит, сверкающий во прахе,
Подземный мир блистательных камней.
И все черней становится и краше
Их влажный и неправильный излом.
О, эти расколовшиеся чаши,
Обломки звезд с оторванным крылом!
Кубы и плиты, стрелы и квадраты,
Мгновенно отвердевшие грома, —
Они лежат передо мной, разъяты
Одним усилием светлого ума.
Еще прохлада дышит вековая
Над грудью их, еще курится пыль,
Но экскаватор, черный ковш вздымая,
Уж сыплет их, урча, в автомобиль.

2

Угрюмый Север хмурился ревниво,
Но с каждым днем все жарче и быстрей
Навстречу льдам Берингова пролива
Неслась струя тропических морей.

Под непрерывный грохот аммонала,
Весенними лучами озарен,
Уже летел, раскинув опахала,
Огромный, как ракета, махаон.
Сиятельный и пышный самозванец,
Он, как светило, вздрагивал и плыл,
И вслед ему неслась толпа созданий,
Подвесив тельца меж лазурных крыл.
Кузнечики, согретые лучами,
Отщелкивали в воздухе часы,
Тяжелый жук, летающий скачками,
Влачил, как шлейф, гигантские усы.
И сотни тварей, на своей свирели
Однообразный поднимая вой,
Ползли, толклись, метались, пили, ели,
Вились, как столб, над самой головой.
И в куполе звенящих насекомых,
Среди болот и неподвижных мхов,
С вершины сопки, зноем опаленных,
Вздымался мир невиданных цветов.
Соперничая с блеском небосвода,
Здесь, посредине хлябей и камней,
Казалось, в небо бросила природа
Всю яркость красок, собранную в ней.
Над суматохой листовых сплетений,
Над ураганом зелени и трав
Здесь расцвела сама душа растений,
Огромные цветы образовав.
Когда горят над сопками Стожары
И пенье сфер проносится вдали,
Колокола и сонные гитары
Им нежно откликаются с земли.
Есть хор цветов, не уловимый ухом,
Концерт тюльпанов и квартет лилей.
Быть может, только бабочкам и мухам
Он слышен ночью посреди полей.
В такую ночь, соперница лазурей,
Вся сопка дышит, звуками полна,
И тварь земная музыкальной бурей
До глубины души потрясена.

И, засыпая в первобытных норах,
Твердит она уже который век
Созвучье тех мелодий, о которых
Так редко вспоминает человек.

3

Рожок гудел, и сопка клокотала,
Узкоколейка пела у реки.
Подобье циклопического вала
Пересекало древний мир тайги.
Здесь, в первобытном капище природы,
В необозримом вареве болот,
Врубаясь в лес, проваливаясь в воды,
Срываясь с круч, мы двигались вперед.
Нас ветер бил с Амура и Амгуни,
Трубил нам лось, и волк нам выл вослед,
Но все, что здесь до нас лежало втуне,
Мы подняли и вынесли на свет.
В стране, где кедром светят метеоры,
Где молится березам бурундук,
Мы отворили заступами горы
И на восток пробились и на юг.
Охотский вал ударил в наши ноги,
Морские птицы прянули из трав,
И мы стояли на краю дороги,
Сверкающие заступы подняв.

1947

Литературная критика

О сущности символизма

Символизм, одно из видных направлений русской и западно-европейской поэзии, может быть рассмотрен с двух сторон: как мировоззрение и как литературная школа с ее техническими усовершенствованиями и ценностями. Устраняя последний вопрос, весьма сложный и требующий специальной проработки, я попытаюсь охарактеризовать символизм в сфере его внутренней философской ценности.

Поэт, прежде всего, — созерцатель. Созерцание, как некое активное общение субъекта с окружающим его миром, всегда ставит ряд вопросов о сущности всякого явления. Вещи спрашивают о своем существовании, и поэт спрашивает о существовании вещей. Вопросы теории познания делаются логически неумолимыми. Теория наивного реализма — теория ленивого обывателя, несклонного к критическому анализу познания, — не может быть принята поэтом, несмотря на то свойство поэзии, намекая на которое Пушкин писал (правда, весьма схематично и условно): «Поэзия, прости господи, должна быть немного глуповата» (письмо к Баратынскому). Поэт-символист принимает и предваряет в своем творчестве те разработанные тезисы теории познания, которые явились результатом продолжительных работ со времени Платона до эпохи Гартмана. Объекты, входящие в состав так называемого внешнего мира, рассматриваются как комплексы чувств, но так как

факторы, действующие на образование вещей вне нас, не укладываются в рамки познающего сознания, то объектам приписывается существование, бытие и вне нас. Но так как познание остается невозможным без познающего, без субъекта, оно носит субъективные особенности последнего. Представление о предмете, его отображение в сознании склоняется к моменту реализации. Между субъектом и содержанием познания существует прочная связь, так как познающий субъект приходит в состояние известного сознания, т. е. некоторое содержание теперь присутствует в нем и осознается им. Вступая в сознание, вещь не приемлется в своем бытии, но содержание ее, присутствующее в познающем субъекте, подвергается воздействию субъективности его познания. Субъективные начала свойственны каждому познанию. Познаваемый предмет может быть красочным, звучным, теплым, твердым — объективно одинаковым как для меня, так и для Вас. Но наше представление лишено таких качеств, оно может быть, например, интенсивным, ясным, отчетливым и пр. Таким образом получается различие не в переживаемом, а в переживании. И то, что я ранее называл стремлением к реализации, зависит лишь от качества и особенностей восприятия. Бытие, как сумма объектов, может только полагаться и, с формальной стороны, является продуктом мыслительной деятельности. В поэзии реалист является простым наблюдателем, символист — всегда мыслителем. Наблюдая уличную жизнь, реалист видит отдельные фигуры и переживает их в видимой очевидной простоте.

...Улица... Дряхлый старик просит милостыни... Проходит, сверкая поддельными камнями, накрашенная женщина...

Символист, переживая очевидную простоту действия, мысленно и творчески проникает в его скрытый смысл, скрытую отвлеченность.

«Нет, это не нищий, не женщина веселых притонов — то Нюда и Разврат, это — дети Гиганта-Города, это смерть его каменных объятий...»

«Поэты-символисты никогда не теряют таинственной нити Ариадны, связывающей их с мировым лабиринтом Хаоса; они всегда овеяны дуновениями, идущими из области запредельного, и потому, как бы против их воли, за словами, которые они произносят, чудится гул еще других голосов, ощущается говор стихий, отрывки из хоров, Святая Святых мыслимой нами Вечности» (К. Д. Бальмонт, «Горные вершины»).

Душа символиста — всегда в стремлении к таинственному миру объектов, в отрицании ценности непосредственно-воспринимаемого, в ненависти к «фотографированию быта». Она видит жизнь всегда через призму искусства. Такое искусство, конечно, не может не быть несколько аристократичным по своему существу, замкнутым в области творения своего мира. Своеобразная интуиция символиста целиком направлена на отыскание вечного во всем не вечном, случайном и преходящем. В его действии движутся уже не вещи, а символы их, символы частиц великого мира субстанций. Слагая символы, символист интуитивно приближается к этому миру, его поэзия есть претворение субъективно-познаваемого в символ истины. Поэтому поэзия его — есть поэзия намеков, оттенков, что Верлен и имел в виду, когда писал:

Музыки, музыки прежде всего.
Ритм полюби в ней, но свой, непослушный,
Странно живой и неясно воздушный,
Все отряхнувший, что грубо, мертво.
В выборе слов будь разборчивым строго,
Даже изысканным будь иногда:
Лучшая песня в оттенках всегда,
В ней сквозь туманность и тонкости много...

*(Перев. <од> Тхоржевского *)*

Эти теоретические убеждения носит в себе всякий символист.

Эдгар Поэ, которого принято называть чуть ли не первым символистом, конечно, не осознал теоретически того, что осознал Бальмонт или Брюсов, но намеки на подобное мировоззрение у него отыскать можно. Поэ допускал существование иного плана бытия, что-то вроде астрального мира оккультистов, считая землю простым намеком, несовершенным стремлением, быть может, пародией небесного.

Для сердца, чьи страдания столыкая громада,
Для духа, что печалью и мглою окружен,
Есть тихая обитель, услада, Эльдорадо —
Лишь здесь изнеможенный с собою примирен.

* В машинописи: Хоржеского.

Но путник, проходящий по этим дивным странам,
Не может и не смеет открыто видеть их,
Их таинства навеки окутаны туманом,
Они полусокрыты от слабых глаз людских.
Так хочет их Владыка, навеки возбранивший
Приоткрывать ресницы и поднимать чело,
И каждый дух печальный, в пределы их вступивший,
Их может только видеть сквозь дымное стекло.

(«Страна снов» *, пер. <евод> Бальмонта)

Жизнь Поэ была полна скитаний и неудач; его душа, непосредственно соприкасаясь с язвами земли, привыкла искать в их ужасе красу Эльдорадо; душа, обостренная уродством жизни, своеобразно приближалась к своему идеалу.

Но какой путь прошел «безумный Эдгар». Вот темы его творений:
Утонченность губит душу (*Падение дома Эшер*).

Невозможность любви, потому что душа, исходя из созерцания земного любимого образа, возводила его роковым путем к идеальной мечте (*Овальный портрет*).

Пытки совести, скептическое отношение к принципам науки и пр., и пр. ...

«“Колумб новых областей” в человеческой душе, Поэ первый сознательно задался мыслью ввести уродство в область красоты и с лукавством мага создал поэзию ужаса».

(Бальмонт. Предисловие к соч. <инениям> Поэ)

Имя Поэ тесно связано с именем Шарля Бодлера, которому принадлежат переводы его сочинений на французский язык. Бодлер стремится к своей стране, также отыскивая все ее признаки в остроте ужаса и родства. Характерная его книга «Цветы зла». Приведу две строфы из его сонета (*Соответствие*), которые весьма ярко указывают, насколько Бодлер подошел к тем теоретическим убеждениям, которые так характерны для последующих символистов:

Природа — строгий храм, где строй живых колонн
Порой чуть внятный звук украдкой уронит,
Лесами символов бредет, в их чаще тонет,
Смущенный человек их взглядом умилен.

* В машинописи: «Страна слов».

Как эхо отзвуков в один аккорд неясный,
Где все едино: свет и ночи темнота,
Благоухание, и звуки, и цвета
В ней сочетаются гармонией согласной.

Французский декаданс дал еще двух поэтов-символистов. Это: Поль Верлен, соединивший в своей душе (по его словам) ангела и свинью, и Маллармэ, который был первым истинным теоретиком символизма. Русские символисты К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов и А. Белый развили теорию символизма до той чистоты и законченности, которая была так заметна в русской поэзии еще не так давно. Уже в самом процессе осуществления задачи приподнять завесу с таинственного мира объектов крылось некоторое недоразумение. Таинственный мир, являющийся символистам, был далеко не объективным, наоборот, он носил в себе резкий отпечаток индивидуальности автора. Таковыми были Эльдorado для Э. Поэ, «непостижимый край родной» для Белого, «звезда Маир» для Ф. Сологуба. Вдохновенные откровения миров не были гласом природы, но видением индивида, стремящегося к ним всей силой поэтического влечения. Этим я объясняю упадок действительного символизма и то, что его талантливые представители, занимающие в современной русской литературе доминирующее положение (Брюсов, А. Белый), уже утратили свой прежний литературный облик.

В заключение остается упомянуть о так называемом символизме, как средстве.

Все упомянутые поэты являются представителями символизма художественного (как самоцель).

Эллис в своей книге «Русские символисты» приводит имена многих известных писателей и поэтов последнего времени, которых причисляет к символизму, понимаемому как средство. Эллис делит идейный символизм на несколько разрядов, именно:

- 1) символизм моралистический (Ибсен),
- 2) — || — метафизический (Р. Гиль),
- 3) — || — чисто мистический (А. Добролюбов),
- 4) — || — индивидуалистический (Ф. Ницше),
- 5) — || — коллективный, соборный:
 - а) с социальным оттенком (Э. Верхарн),
 - б) с теократическим и религиозно-общественным уклоном (Гюйсманс, Мережковский, В. Иванов).

Такое подразделение можно оспаривать по той уже причине, что символизм как средство — не есть уже истинный символизм. Символизм есть всегда самоцель, поскольку стремление приобщиться Эльдорадо является самоцелью этого же рода.

Певец Бранда и «безумный язычник» Ницше говорит нам слишком много своего, цельного и безусловно оригинального, так что элементы символизма, если они и присущи их поэзии, то настолько отходят на второй план, что делаются едва заметными.

Но не в том ли и заключается своеобразная литературная преемственность, что каждое последующее литературное движение обрабатывает предшествующее, вводя на первый план оригинальные положения и литературные формы.

Н. Заболотский

<Конец 1921 — начало 1922>

Мои возражения А. И. Введенскому, авто-ритету бессмыслицы

Открытое письмо

Позвольте, Поэт, возражать Вам в принципиальном порядке — по следующим пунктам:

- a) бессмыслица как явление вне смысла;
- b) антифонетический принцип (специально: антиинтонация);
- c) композиция вещи;
- d) тематика.

Часть I

БЕССМЫСЛИЦА КАК ЯВЛЕНИЕ ВНЕ СМЫСЛА

Установим значение термина. Ни одно слово, употребляющееся в разговорной речи, не может быть бессмысленным. Каждое слово, взятое отдельно, является носителем определенного смысла. «Сапоги» имеют за собой определенную сеть зрительных, моторных и других представлений нашего сознания. Смысл и есть наличие этих представлений. «Дыр бул щыл» — слова порядка зауми, они смысла не имеют. Вы, Поэт, употребляете слова смыслового порядка, поэтому центр спора о бессмыслице должен быть перенесен в плоскость сцепления этих слов, того сцепления, которое должно покрываться термином *бессмыслица*. Очевидно, при таком положении дела самый термин «бессмыслица» при-

обретает несколько иное, своеобразное значение. Бессмыслица не от того, что слова сами по себе не имеют смысла, а бессмыслица от того, что чисто смысловые слова поставлены в необычайную связь — алогического характера. Необычное чередование предметов, приписывание им необычайных качеств и свойств, кроме того, — необычайных действий. Говоря формально, это есть линия метафоры. Всякая метафора, пока она еще жива и нова, — алогична. Но самое понятие логичности есть понятие не абсолютное — что было алогичным вчера, то стало сегодня вполне логичным. Усвоению метафоры способствовали предпосылки ее возникновения. В основе возникновения метафоры лежит чисто смысловая ассоциация по смежности. Но старая метафора легко стерлась — и акмеистическая, и футуристическая. Обновление метафоры могло идти лишь за счет расширения ассоциативного круга — эту-то работу Вы и продельваете, Поэт, с той только разницей, что Вы материализуете свою метафору, т. е. из категории средства Вы ее переводите в некоторую самоценную категорию. Ваша метафора не имеет ног, чтобы стоять на земле, она делается вымыслом, легендой, откровением. Это идет в ногу с Вашим отрицанием темы, где я и сосредоточу свое возражение по этому поводу.

Часть II

УБИЕНИЕ ФОНЕТИКИ

Вы намеренно сузили свою деятельность, ограничив поле своего фонетического захвата. Я разумею ритм, согласные и гласные установки и, наконец, интонацию. Первые два элемента при случае еще используются Вами, последние два почти нет. По слову Хлебникова, женственные гласные служат лишь средством смягчения мужественным шумам, но едва ли можно безнаказанно пренебрегать женственностью первых. Только гласная может заставить стихи плыть и трубить, согласные уведат их к загробному шуму. Смена интонации заставляет стихотворение переливаться живой кровью, однообразная интонация превращает ее в безжизненную лимфатическую жидкость, лицо стихотворения делается анемичным. Анемичное лицо — Ваш трюк, Поэт, но я принципиально против него возражаю.

Часть III

КОМПОЗИЦИЯ ВЕЩИ

Кирпичные дома строятся таким образом, что внутрь кирпичной кладки помещается металлический стержень, который и есть скелет постройки. Кирпич отжил свое, пришел бетон. Но бетонные постройки опять-таки покоятся на металлической основе, сделанной лишь несколько иначе. Иначе здание валится во все стороны, несмотря на то, что бетон — самого хорошего качества. Строя свою вещь, Вы избегаете самого главного — сюжетной основы или хотя бы тематического единства. Вовсе не нужно строить эту основу по принципу старого кирпичного здания, бетон новых стихов требует новых путей в области разработки скрепляющего единства. Это благодарнейшая работа для левого поэта. Вы на ней поставили крест и ушли в мозаическую лепку оматериализованных метафорических единиц. На Вашем странном инструменте Вы издаете один вслед за другим удивительные звуки, но это не есть музыка.

Часть IV

ВЫБОР ТЕМЫ

Этот элемент естественно отпал в Вашем творчестве — при наличии уже указанного. Стихи не стоят на земле, на той, на которой живем мы. Стихи не повествуют о жизни, происходящей вне пределов нашего наблюдения и опыта, — у них нет композиционных стержней. Летят друг за другом переливающиеся камни, и слышатся странные звуки — из пустоты; это отражение несуществующих миров. Так сидит слепой мастер и вытачивает свое фантастическое искусство. Мы очаровались и застыли — земля уходит из-под ног и трубит издали. А назавтра мы проснемся на тех же самых земных постелях и скажем себе:

— А старик-то был не прав.

20 сентября 1926

Общественное лицо ОБЭРИУ

Громадный революционный сдвиг культуры и быта, столь характерный для нашего времени, задерживается в области искусства многими ненормальными явлениями. Мы еще не до конца поняли ту бесспорную истину, что пролетариат в области искусства не может удовлетвориться художественным методом старых школ, что его художественные принципы идут гораздо глубже и подрывают старое искусство до самых корней. Нелепо думать, что Репин, нарисовавший 1905 г., — революционный художник. Еще нелепее думать, что всякие Ахры несут в себе зерно нового пролетарского искусства.

Требование общепонятного искусства, доступного по своей форме даже деревенскому школьнику, мы приветствуем, но требование *только* такого искусства заводит в дебри самых страшных ошибок. В результате мы имеем груды бумажной макулатуры, от которой ломятся книжные склады, а читающая публика первого Пролетарского Государства сидит на переводной беллетристике западного буржуазного писателя.

Мы очень хорошо понимаем, что единственно правильного выхода из создавшегося положения сразу найти нельзя. Но мы совершенно не понимаем, почему ряд художественных школ, упорно, честно и настойчиво работающих в этой области, сидят как бы на задворках искусства, в то время как они должны всемерно под-

держиваться всей советской общественностью. Нам непонятно, почему Школа Филонова вытеснена из Академии, почему Малевич не может развернуть своей архитектурной работы в СССР, почему так нелепо освистан «Ревизор» Терентьева? Нам непонятно, почему т. н. левое искусство, имеющее за своей спиной немало заслуг и достижений, расценивается как безнадежный отброс и еще хуже — как шарлатанство. Сколько внутренней нечестности, сколько собственной художественной несостоятельности таится в этом диком подходе.

ОБЭРИУ ныне выступает как новый отряд левого революционного искусства. ОБЭРИУ не скользит по темам и вершушкам творчества, — оно ищет органически нового мироощущения и подхода к вещам. ОБЭРИУ вгрызается в сердцевину слова, драматического действия и кинокадра.

Новый художественный метод ОБЭРИУ* универсален, он находит дорогу к изображению какой угодно темы. ОБЭРИУ революционно именно в силу этого своего метода.

Мы не настолько самонадеянны, чтобы смотреть на свою работу как на работу, сделанную до конца. Но мы твердо уверены, что основание заложено крепко и что у нас хватит сил для дальнейшей постройки. Мы верим и знаем, что только левый путь искусства выведет нас на дорогу новой пролетарской художественной культуры.

* Метод конкретного материалистического ощущения вещи и явления. Именно это его свойство делает его наиболее современным и актуальным. См. статью «Поэзия обэриутов». <Примеч. Н. З.>

Поэзия обэриутов

Кто мы? И почему мы? Мы, обэриуты, — честные работники своего искусства. Мы — поэты нового мироощущения и нового искусства. Мы — творцы не только нового поэтического языка, но и создатели нового ощущения жизни и ее предметов. Наша воля к творчеству универсальна: она перехлестывает все виды искусства и врывается в жизнь, охватывает ее со всех сторон. И мир, замусоленный языками множества глупцов, запутанный в тину «переживаний» и «эмоций», ныне возрождается во всей чистоте своих конкретных мужественных форм. Кто-то и посейчас величает нас «заумниками». Трудно решить, что это такое, — сплошное недоразумение или безысходное непонимание основ словесного творчества? Нет школы более враждебной нам, чем заумь. Люди реальные и конкретные до мозга костей, мы — первые враги тех, кто холостит слово и превращает его в бессильного и бессмысленного ублюдка. В своем творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его. Конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи, делается достоянием искусства. В поэзии — столкновение словесных смыслов выражает этот предмет с точностью механики. Вы как будто начинаете возражать, что это не тот предмет, который вы видите в жизни? Подойдите поближе и потрогайте его пальцами. Посмотрите на предмет голыми глазами, и вы увидите

его впервые очищенным от ветхой литературной позолоты. Может быть, вы будете утверждать, что наши сюжеты «нереальны» и «нелогичны»? А кто сказал, что «житейская» логика обязательна для *искусства*? Мы поражаемся красотой нарисованной женщины, несмотря на то, что, вопреки анатомической логике, художник вывернул лопатку своей героини и отвел ее в сторону. У искусства своя логика, и она не разрушает предмет, но помогает его познать.

Мы расширяем смысл предмета, слова и действия. Эта работа идет по разным направлениям, у каждого из нас есть свое творческое лицо, и это обстоятельство кое-кого часто сбивает с толку. Говорят о *случайном* соединении *различных* людей. Видимо, полагают, что литературная школа — это нечто вроде монастыря, где монахи на одно лицо. Наше объединение свободное и добровольное, оно соединяет мастеров — а не подмастерьев, художников — а не маляров. Каждый знает самого себя, и каждый знает, чем связан с остальными.

А. Введенский (крайняя левая нашего объединения) разбрасывает предмет на части, но от этого предмет не теряет своей конкретности. Введенский разбрасывает действие на куски, но действие не теряет своей творческой закономерности. Если расшифровать до конца, то получается в результате *видимость* бессмыслицы. Почему *видимость*? Потому что очевидной бессмыслицей будет заумное слово, а его в творчестве Введенского нет. Нужно быть побольше любопытным и не полениться рассмотреть столкновение словесных смыслов. Поэзия не манная каша, которую глотают не жуя и о которой тотчас забывают.

К. Вагинов, чья фантазмагория мира проходит перед глазами как бы облеченная в туман и дрожание. Однако через этот туман вы чувствуете близость предмета и его теплоту, вы чувствуете наплывание толп и качание деревьев, которые живут и дышат по-своему, по-вагиновски, ибо художник вылепил их своими руками и согрел их своим дыханием.

Игорь Бахтерев — поэт, осознающий свое лицо в лирической окраске своего предметного материала. Предмет и действие, разложенные на свои составные, возникают обновленные духом новой обэриутской лирики. Но лирика здесь не самоценна, она не более как средство сдвинуть предмет в поле нового художественного восприятия.

Н. Заболоцкий — поэт голых конкретных фигур, придвинутых вплотную к глазам зрителя. Слушать и читать его следует более

глазами и пальцами, нежели ушами. Предмет не дробится, но наоборот — сколачивается и уплотняется до отказа, как бы готовый встретить ощупывающую руку зрителя. Развертывание действия и обстановка играют подсобную роль к этому главному заданию.

Даниил Хармс — поэт и драматург, внимание которого сосредоточено не на статической фигуре, но на столкновении ряда предметов, на их взаимоотношениях. В момент действия предмет принимает новые конкретные очертания, полные действительного смысла. Действие, перелицованное на иной лад, хранит в себе «классический» отпечаток и в то же время представляет широкий размах обэриутского мироощущения.

Бор. Левин — прозаик, работающий в настоящее время экспериментальным путем.

Таковы грубые очертания литературной секции нашего объединения в целом и каждого из нас в отдельности. Остальное договоят наши стихи.

Люди конкретного мира, предмета и слова, — в этом направлении мы видим свое общественное значение. Ощущать мир рабочим движением руки, очищать предмет от мусора стародавних истлевших культур, — разве это не *реальная* потребность нашего времени? Поэтому и объединение наше носит название ОБЭРИУ — Объединение Реального Искусства.

<1928>

Рабле — детям

В мировой литературе есть ряд книг — «Дон-Кихот», «Гулливер», «Мюнхгаузен» и др., — которые пользуются одинаковым успехом и у взрослых, и у детей. Дети полюбили их, впрочем, не в том виде, в каком они вышли из-под пера автора. Дети получили их в специальной обработке. Обработать книгу для детей значило: уничтожить в ней все то, что шло вразрез педагогическим, религиозным, политическим требованиям определенного времени.

Познакомившись с этими книгами в сознательном возрасте, — не по детским обработкам, а по полным изданиям, — мы с удивлением замечали, что Дон-Кихот — это вовсе не тот выживший из ума чудака, к которому мы привыкли по детскому изданию, но носитель большой философской идеи, рыцарь чести и поборник мировой справедливости. Сказочное царство Рейнеке-лиса на наших глазах превращалось в исторически-реальное феодальное королевство: безобидная сказка оказывалась едкой сатирой.

Огромное большинство детских обработок дореволюционного времени не только «облегчало» книгу соответственно требованиям читателя-подростка, но сознательно искажало и грубо выхолащивало ее. Книгу пропускали через благонамеренную педагогическую цензуру и причесывали ее на тот манер, который только и считался приемлемым для «нежного возраста».

Рабле на русском языке для детей до сих пор не обрабатывали. Моя обработка — первая.

Почему я выбрал Рабле, а не другого писателя?

Потому что книга Рабле — одна из самых значительных во французской литературе и одна из наименее известных у нас.

Потому что тема книги — сатирическое изображение старинной королевской Франции, папства и вообще католичества — близка нам своей революционностью и независимостью.

Потому что полнокровный оптимизм Возрождения, пронизывающий эту книгу, близок и понятен нашей эпохе.

Потому, наконец, что книга сама по себе представляет широкие возможности для детской обработки (средне-старший возраст 10—14 лет).

Рабле, как и многие другие великие писатели, построил свое произведение на бродячем народном сюжете. Этот сказочный сюжет «об ужасающей жизни великого Гаргантюа» сам по себе представляет богатый материал для детского издания. Достаточно «вынуть» его из книги Рабле — и детская книжка готова.

Но советская детская литература давным-давно отказалась от «сюсюканья» с ребенком, от всевозможной литературной манной каши. Мы научились разговаривать с детьми серьезно. И было бы грубой ошибкой сводить детскую обработку Рабле к простой сказке. Сатиру нужно было оставить сатирой. Нужно было так обработать книгу, чтобы читатель-подросток усвоил ее сатирическую сторону.

Но если Рабле должен был остаться самим собой, нужно ли было вообще его обрабатывать? Может быть, его можно было печатать так, как есть, или, в крайнем случае, с некоторыми сокращениями?

Всякий, знакомый с книгой Рабле, отлично знает, что этого сделать было нельзя.

Рабле писал свою книгу 400 лет тому назад. Он писал ее для передового читателя XVI века, читателя, образованного на энциклопедический лад во вкусе Возрождения, набитого латинской, греческой и еврейской премудростью, только что оттолкнувшегося от Сорбонны с ее богословской школьной наукой и провозгласившего Здравый Смысл своим единственным учителем.

Рабле на каждой странице играет со своим читателем, он шутит с ним, делает тысячи намеков, играет в слова, высмеивает нечто неуловимое, позабытое, непонятное для нас, но, конечно, со-

вершенно понятное для современника. Вся эта словесная игра, эти цитаты из древних, шутовские рассуждения, высмеивающие схоластику, в наше время непонятны не только для детей, но и для взрослых читателей-неспециалистов. То, что доставляет специалисту массу тонких удовольствий, для среднего читателя является непреодолимым затруднением. Нужно проявить большое усилие воли, чтобы пробиться через эти препоны и добраться до сердцевины книги. Далеко не всякий читатель на это способен.

В детском издании было необходимо прежде всего очистить книгу от всех этих устаревших художественных элементов. Но этого мало: пришлось переработать весь язык книги. Четырехсотлетняя фраза для нашего времени неудобочитаема: она длинна, суха, сложно завернута, старообразно изукрашена. Нужно было упростить ее. По крайней мере — разбить на несколько частей, выбросив наиболее сложные обороты. Лишь в немногих случаях язык Рабле достигает той простоты и ясности, которые необходимы для детской книги. Таков весь диалог Панурга с купцом, диалоги во время бури, диалог Панурга с Фредоном. Понятно, что в этих случаях можно было ограничиться лишь небольшими изменениями.

Все это позволило мне начисто освободиться от переводного языка с его неизбежной искусственностью. Его заменила некоторая собственная языковая система, хотя и более далекая от подлинника в его дословном понимании, но по существу более близкая к нему. Меня здесь интересовала не формальная точность, а внутренняя близость к Рабле. Это вопрос, который постоянно всплывает не только при обработках, но и при обычных переводах, особенно стихотворных.

И по части содержания некоторые существенные изменения были необходимы.

Так, пришлось выбросить все безусловно непристойные эпизоды. К несчастью, некоторые из них так прочно входят в сюжет, что попросту выбросить их было невозможно. В таких случаях приходилось привносить в обработку собственный вариант, поддерживающий движение сюжета. Примеры: у Рабле мальчик Гаргантюа изобретает различные способы «подтираться», у меня — «вытирать себе нос»; у Рабле Гаргантюа, взобравшись на башню Нотр-Дам, мочится в толпу и заливает тысячи зевак, у меня же дует с башни и поднимает невиданный ураган, который валит с ног тысячи зевак. Подобным же образом обработан эпизод с чертом и женой Папефига и ряд других эпизодов.

Третья книга Пантагрюэля почти полностью выпала из моей обработки. Как известно, эта книга сюжета почти не двигает. Панург советуется с разными персонажами — следует ему жениться или не следует. Рассуждения о рогоносцах и неверных женах, доставлявшие современнику Рабле столько удовольствия, из детской книжки выпадают сами собой.

Сюжет книги (если можно говорить о едином сюжете для всей этой книги) у меня сохранен почти полностью, но развивается он быстрее и энергичнее. Моя обработка по листажу едва ли составит $\frac{1}{3}$ подлинника. Уже одно это обстоятельство убыстряет движение сюжета.

Лишь одно существенное изменение внесено мною в сюжет Рабле. Дело в том, что, по Рабле, и вояка Гаргантюа, и мудрец Пантагрюэль в молодости совершают ряд почти одинаковых воинских подвигов. Это обстоятельство, во-первых, создает досадный параллелизм в сюжете и, во-вторых, разрушает цельность характеров героев. Мудрец Пантагрюэль — великан скромного и чувствительного нрава; он склонен к усердному чтению, к научному спору, к назидательной беседе, — все это явствует из последних трех книг Пантагрюэля. Первую же книгу Пантагрюэля Рабле писал до книги о Гаргантюа; это была его первая книга о великанах, и образ Пантагрюэля еще носил в его изображении сказочные очертания чудовищного воина, то есть те самые очертания, которые позднее были приданы им Гаргантюа. Я счел себя вправе в детской обработке воинские подвиги приписать одному Гаргантюа, а Пантагрюэлю оставить его ученые занятия и путешествия. Характеры стали более цельными, и сюжет выровнялся: дети разбежались в нем без особого затруднения.

Некоторые отдельные эпизоды также потребовали существенной обработки. Так, все заключительные церемонии у Оракула Волшебной Бутылки у Рабле еще носят характер откровенной попойки; внутренний смысл их так глубоко запрятан, что до него без посторонней помощи среднему читателю, пожалуй, не добраться.

Мне пришлось извлечь этот внутренний смысл наружу: Волшебная Бутылка содержит в себе чудесную воду Мудрости и Здравого Смысла. С такой же настойчивостью, с какой Пантагрюэль и его друзья пробирались к Оракулу, необходимо стремиться к Знанию, к трезвому изучению природы и ее законов — такова в конечном счете мораль Рабле. Таким образом, в этом эпизоде мне пришлось переставить акцент, тайное сделать явным. Если это в известном

смысле и обеднило концовку, то, с другой стороны, дало возможность закончить книгу серьезным и поучительным аккордом. Становится ясным, к чему зовет Рабле. В сатирической книге, предназначенной для детей, это более чем уместно. Разоблаченная концовка делает книгу еще более современной. Она еще раз убеждает читателя, что перед ним не антикварная печь, извлеченная из пыли веков, но живое произведение, близкое и понятное для нашей эпохи.

Обработка книги для детей — дело сложное и неблагодарное. В сознании борются два противоречивых желания, два враждебных голоса. Первый голос ревниво оберегает каждую букву любимого автора; второй голос, голос современного детского писателя, ставит ряд неумолимых требований, которые предъявляются в наше время к любой детской книге.

Но, может быть, они вообще не нужны, эти детские обработки? В той или иной степени они все же изменяют первоначальный вид книги; так или иначе, но они навязывают произведениям великих мастеров некоторые несвойственные им черты.

Если встать на эту точку зрения, это значит — отнять у детей Дон-Кихота, Гулливера, Робинзона и ряд других ценных книг. Да у одних ли детей? Так ли уж много взрослых читателей знают Дон-Кихота по полному изданию, а не по какой-нибудь обработке? Чтобы прочесть полное издание, требуется время, труд, усилие воли.

Когда речь идет об усвоении массами культурного наследия прошлого, стоит ли уж так ревниво оберегать неприкосновенность старинного текста, особенно если он предназначен для читателя-подростка? В конце концов, классик не музейный экспонат, он должен быть пущен в широкое обращение, он должен радовать и веселить нашего читателя так же, как он радовал современника, должен обогащать его жизненный опыт и пополнять его знания. Детская обработка должна пропагандировать великого писателя. Возмужавший и культурно выросший читатель в свое время познакомится с ним по-настоящему. На первых порах важно лишь пробудить интерес и остановить внимание подростка на замечательной книге. Это обстоятельство и учитывает Детгиздат в своей работе над детскими классиками.

Статьи «Правды» открывают нам глаза

В статьях «Правды», направленных против формализма, я нахожу ответ на те сомнения и вопросы, которые встали передо мной за последние годы. В этих статьях я вижу выражение внимания и заботы, которые партия уделяет нашему искусству.

В этом году исполняется 10 лет моей литературной работы. Настало время оглянуться на пройденный путь, спокойно присмотреться к своим удачам и неудачам, оценить их с точки зрения тех взглядов, к которым я пришел теперь.

После того как были написаны «Столбцы» и завершился период моей работы, мне стало ясно, что дальше этим путем идти нельзя. Живописание вещей, лепка фигур, натуралистические зарисовки мещанства — все это было бы хорошо, если бы слово было освещено мыслью, если бы все эти явления были изображены в ясно осознанной исторической перспективе. Этого почти не было в «Столбцах». Изображение вещей и явлений в ту пору было для меня самоцелью. В этом заключался формализм «Столбцов», ибо формализм есть самодовлеющая технология, обедняющая содержание. В некоторых стихах, явно экспериментальных, формалистические тенденции выступали еще резче. В ту пору мне казалось, что совершенствовать форму можно независимо от содержания и что эти эксперименты представляют самостоятельный интерес. Конечно, это была ошибка.

Но «Столбцы» научили меня присматриваться к внешнему миру, пробудили во мне интерес к вещам, развили во мне способность пластически изображать явления. В них удалось мне найти некоторый секрет пластических изображений. Значит ли это, что каждый молодой поэт должен начинать с того, с чего в свое время начал я? Нет, не значит. Есть более прямой путь. Совершенствовать технологию можно, лишь совершенствуя содержание, неотделимое от него. Иначе неизбежно попадешь в формалистический тупик. В этом отношении мой пример — урок для молодых поэтов.

В 1929 г., в самом начале коллективизации, я решил написать свою большую вещь и посвятил ее тем грандиозным событиям, которые происходили вокруг меня. Я начал писать смело, непохоже на тот средний безрадостный тон поэтического произведения, который к этому времени определился в нашей литературе. В это время я увлекался Хлебниковым, и его строки:

Я вижу конские свободы
И равноправие коров...

глубоко поражали меня. Утопическая мысль о раскрепощении животных нравилась мне.

Я рассуждал так: вместе с социалистической революцией человечество вступает в новую эру своего существования. Вместе с человеком начинается новая жизнь для всей природы, ибо человек неотделим от природы, он есть часть природы, лучшая, передовая ее часть. В борьбе за существование победил он и занял первое место среди своих сородичей — животных. Человек так далеко пошел, что в мыслях стал отделять себя от всей прочей природы, приписал себе божественное начало.

Он мыслил так: я и природа. Я — человек, властелин, с одной стороны; природа, которую я должен себе подчинить, чтобы мне жилось хорошо, — с другой. Такое чувство разобщенности с природой прошло через всю историю человечества и дошло до наших дней, до XX века, века социальных революций и небывалых достижений точных наук. Теперь дело меняется. Приближается время, когда, по слову Энгельса, люди будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой, когда делается невозможным бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом.

На другой же день после всемирной революции, думал я далее, человечество не может не заметить, что, уничтожив эксплуатацию в самом себе, оно само является эксплуататором всей остальной «живой» и «мертвой» природы. Человечество, проникнутое духом бесклассового общества, не может не ужаснуться, окинув разумным взглядом свою прошлую борьбу с природой, приводившую к вымиранию целых видов животных и задерживающую до сих пор развитие и усовершенствование многих видов. Человек бесклассового общества, который хищническую эксплуатацию заменил всеобщим творческим трудом и плановостью, не может в будущем не распространить этого принципа на свои отношения с порабощенной природой. Настанет время, когда человек — эксплуататор природы превратится в человека — организатора природы.

Природа черная, как кузница,
Кто ты — богиня или узница?
Когда бы ты была богиней,
Ты не дружила бы с пустыней.
Когда б ты узницей была,
Давно бы, верно, умерла.
Природа черная, как кузница,
Отныне людям будь союзница,
Тебя мы вылечим в больнице,
Посадим в школу за букварь,
Чтоб говорить умели птицы
И знали волки календарь;
Чтобы в лесу, саду и школе
Уж по своей, не нашей, воле
Природа, полная ума,
На нас работала сама.

Вот в кратких чертах та утопическая концепция, которая интересовала меня 6—7 лет тому назад, когда я писал «Торжество Земледелия». Передо мной открывалась грандиозная перспектива переустройства природы, и ключом к этой перспективе были для меня коллективизация деревни, ликвидация кулачества, переход к коллективному землепользованию и высшим формам сельского хозяйства. Об этом я и хотел писать в своей поэме.

Как я теперь понимаю, уже сам замысел поэмы был неблагоприятен в том отношении, что он соединял воедино реалистические

и утопические элементы. Получилось так, что утопический элемент нарушил в моей поэме все остальные пропорции, благодаря чему, в частности, было до некоторой степени смазано отображение классовой борьбы. Недооценка реалистической правды искусства привела к идилличности, к пасторальности поэмы, что шло вразрез с действительностью. Поэтому-то читатель, или по крайней мере часть читателей, воспринял поэму в каком-то ироническом, пародийном плане. Этому восприятию способствовали еще не изжитые формалистические приемы стиха.

А критика? Помогла она автору? Членораздельно и толково объяснила она ему, в чем согрешил он перед читателем? Две небольшие цитаты в достаточной степени ответят нам на этот вопрос.

1930 год. Журнал «Печать и революция». Статья о «Столбцах». Об авторе «Столбцов» говорится так:

«Наш весельчак, наш сыпнотифозный... язык его развязывается только около выгребных ям, а красноречие его осеняет лишь тогда, когда он соседствует с пивной или со спальней... О чем бы он ни писал, он свернет на сексуал. У него даже дом, “вилая задом, летит в пространство бытия”. Эти стихи не свежи. Они что-то среднее между второй молодостью и собачьей старостью. Если же говорить о стихе, то по стилю это напоминает постель».

Вот другой пример:

1932 год. Журнал «Красная новь». Тарасенков пересказывает «Торжество Земледелия» и затем переходит ко мне, к автору поэмы. Я изображен в статье таким образом:

«...Вот стоит он на сцене — главный механик и режиссер только что разыгранного фарса, маленький человечек со взглядом инока с картины Нестерова. Он постарел, оброс бородой и завел честную канцелярскую толстовку. Он тихонько улыбается из-под мохнатых бровей.

Да, да, это наш старый знакомый. Разве не его мы видели этой весной в одном из колхозов Северного Кавказа. Он вписывал трудодни в толстую большую книгу. У одного из колхозных лодырей и пьяниц оказалось по этим записям ровно столько же трудодней, сколько у двух ударниц, взятых вместе, у двух красных партизанок-пулеметчиц. Мы разоблачили его и выгнали из колхоза.

Наша бригада перебралась на Среднюю Волгу. Он, сам того не зная, следовал за нами. Мы обнаружили его в одной из самарских деревушек в роли хранителя колхозного инвентаря.

Почему-то все хомуты и сбруи оказались смазанными свежей лошадиной кровью, от которой прыдали ушами жеребцы и кобылы, дико раздувая ноздри, рвали упряжь и ржали, уносясь в разные стороны.

Человечек стоит на пустой сцене и улыбается. Он переплел указательный, безымянный и средние пальцы обеих рук и медленно вращает друг вокруг друга...» и пр.

Кажется, ни над одним советским поэтом критика не издевалась так, как надо мной. И каковы бы ни были мои литературные грехи, все же подобные статьи и выступления не делают чести новой критике. Автора они еще больше дезориентируют, отталкивают от искусства. Вот и все их значение. Кому это идет на пользу?

После «Торжества Земледелия» я написал ряд поэм и книгу стихов о природе. Каждая из этих вещей имеет свои достоинства и свои недостатки, но, поскольку эти вещи еще не опубликованы, говорить о них я не буду. Я хотел бы остановиться лишь на стихотворении «Север», которое не так давно было напечатано в «Известиях». Это одно из тех стихотворений, в котором, как в зародыше, таится будущее всей работы. По крайней мере, мне так кажется сейчас. Это стихотворение представляется мне простым, доступным для широкого читателя, и в то же время та пластическая выпуклость, которая была для меня самоцелью в «Столбцах», здесь дана на новой основе. Здесь она уже не самоцель, она лишь средство, лишь иллюстрация, лишь аргумент в пользу завоевания Севера. Появились историческая перспектива, мысль, общественное содержание, и благодаря этому изменилась функция приема.

Конечно, формализм в искусстве — вещь вредная и подлежащая всяческому осуждению. Формалистическое искусство может достигнуть огромного совершенства, но в нем нет простой человеческой правды, которая и составляет самый секретный секрет всяческого искусства, которая делает искусство искусством народным. И если по-настоящему одаренный формалист честно смотрит в глаза истине, он не может не повторить известных слов Фауста:

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом...
Увы, с усердьем и трудом
И в богословье я проник, —
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был. Глупец я из глупцов.

Магистр и доктор я — уж вот
Тому пошел десятый год;
Учеников и вкривь и вкось
Вожу я за нос на авось
И вижу все ж, что не дано нам знанья,
Изныла грудь от жгучего страданья,
Пусть я разумней разных простаков —
Писак, попов, магистров, докторов, —
Пусть не страдаю от пустых сомнений,
Пусть не боюсь чертей и привидений,
Пусть в самый ад спуститься я готов, —
Зато я радостей не знаю,
Напрасно истины ишу,
Зато, когда людей учу,
Их научить, улучшить не мечтаю.

И вот проходят перед нами величественная эпопея Фауста, его страстные поиски правды, его отчаянные, новые поиски. И вот заключительный аккорд: Фауст строит огромную плотину, чтобы оградить от наводнений приморскую страну. Общественно полезный труд — вот к чему пришел Фауст. Труд на благо широких народных масс.

Что такое борьба с формализмом? Это борьба за такой тип искусства, который, будучи совершенным по своему техническому уровню, отвечает идее широких масс, доступен им, близок и дорог. Это тот тип работы, к которому пришел Фауст в результате своих долгих поисков. Кто знает, многие ли из нас в своем искусстве сами, без посторонней поддержки, достигли бы этого конечного результата. Вероятно, это были бы немногие единицы. Статьи «Правды» открывают нам глаза. И мы должны быть благодарны партии за это.

1936

Язык Пушкина и советская поэзия

(Заметки писателя)

1

В начале прошлого века русский литературный язык был беден и неразработан. «Ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись... — писал Пушкин. — Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснений понятий самых обыкновенных»...

Не в лучшем состоянии был и язык поэтический. За исключением, может быть, только Жуковского и Батюшкова, в общей своей массе поэты следовали готовым образцам Запада, механически прививая русской поэзии манерную искусственность французского стихосложения. Лицейский период Пушкина есть период постепенного освобождения от этой литературной моды, а его последующий путь — сплошная борьба за оригинальный русский поэтический язык, язык живой, народный, который воистину способен ударить «по сердцам с неведомою силой».

В результате своей творческой жизни Пушкин дал нам языковую систему, настолько крепкую и живучую, что и теперь, несмотря на свой вековой возраст, она ближе нам, понятней и дороже, чем многие другие системы, в том числе и позднейшие.

Что же Пушкин положил в основу своей языковой системы? Иначе говоря: каким требованиям, по его мнению, должен был отвечать язык поэта?

Как известно, Пушкин очень ценил поэзию Баратынского. Вот что он писал о Баратынском: «Никогда не старался он (Баратынский) малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению (exagération) для произведения большего эффекта, никогда не пренебрегал трудами, неблагодарными, редко замеченными, трудами отделки и отчетливости, никогда не тащился по пятам свой век увлекающего Гения». Пушкин поощрял Баратынского за «верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность». Пушкин называл «Эду» Баратынского произведением, замечательным «оригинальной своей простотою».

Попробуем извлечь из этих слов Пушкина те главные требования, которые он предъявлял к языку поэта. Этих требований три:

1. Язык поэта не должен следовать требованиям мгновенной моды. Поэт должен чуждаться тех преувеличений (мы бы сказали теперь: фокусов, выкрутасов), которые хотя и производят на некоторое время эффект, но тем не менее с настоящим поэтическим языком ничего общего не имеют. Пушкин называет поэтов-фокусников шарлатанами.
2. Язык поэта должен быть точным, ясным и отделанным. Этим Пушкин осуждает всякий неряшливый, путаный, туманный и просто недоработанный язык. Нужно писать таким образом, чтобы читатель понимал поэта именно так, как хочет сам поэт, а не как-нибудь иначе.
3. Поэт должен обладать вкусом. Но обладать вкусом вовсе не значит разбивать слова и обороты на достойные и недостойные поэта. «Истинный вкус, — говорит Пушкин в другом месте, — состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и соразности». Значит, в языке поэта слова и обороты не должны делиться на любимцев и пасынков; любое из них хорошо, если оно стоит на своем месте и служит своей цели.

Эти три основные заповеди Пушкина бесспорно остаются во всей своей силе вплоть до наших дней.

Наша советская поэзия по сравнению с поэзией дореволюционной в общей своей массе выросла неизмеримо. Безвозвратно исчез язык замкнувшегося в своей комнате интеллигента. Исчезли мистические «откровения» провидцев и кликуш. Все меньше остается книжности, искусственности и архаической манерности поэзии прошлого. Пришел новый поэт, поэт жизнерадостный, трезвый, любящий жизнь. Общественные интересы нашей родины — его кровные интересы. Всем своим творчеством он служит делу строящегося социализма.

Это бесспорно. Но с тем большей отчетливостью выступают перед глазами те болезни, которыми болеет наша советская поэзия.

Первое, что здесь бросается в глаза, это — удивительная неорганизованность поэтического языка, разноречивость форм, разнородность вкусов...

Алогическая, темная речь Пастернака; мужественная, комковатая речь Тихонова; развязная, на редкость многословная, путаная, лишенная вкуса и малейшего поэтического такта речь Сельвинского; подтанцовывающая и жонглирующая речь Кирсанова; утомительная, серая речь Безыменского; ладожский говор Прокофьева, соединяющего «фольклорные» обороты с литературными; пошловато-сентиментальный язык Уткина и десятки других голосов и подголосков (в том числе и автора этой статьи с его ошибками), — какая перед нами на редкость пестрая картина!

Бросается в глаза полное отсутствие общеобязательных языковых устоев, которые одни только и могут превратить это беспорядочное многообразие в стройное и величественное здание советской поэзии, где, конечно, голос каждого поэта должен и будет звучать по-своему.

Я далек от мысли сравнивать силу наших способностей с огромным дарованием Пушкина; я хочу лишь сказать, что у нас до сих пор существует вредная тенденция не считаться с основными законами большого поэтического языка, завещанными нам Пушкиным. Наши стихи частенько малопонятны, сбивчивы; язык неряшлив, концы строк висят небрежно, рифмы выродились в едва заметные созвучия; целые моря лишней, ненужной, водянистой болтовни; песни наши если и поются, то тексты их исправляются певцами «на ходу» и весьма часто от этого выигрывают; мысли наши нередко бледны и неотчетливы; думаем мы маловато, учимся

еще того меньше и даже с тем, что происходит вокруг нас, часто знакомимся лишь по газетам да по рассказам знакомых.

А между тем как изменилось время! «У нас литература не есть потребность народная», — писал Пушкин. У нас же литература воистину стала народной потребностью. «Класс читателей ограничен», — жаловался Пушкин. У нас читателей — миллионы! Нужно только найти дорогу к человеческим душам, и уж тогда будет настоящая возможность стать инженером человеческой души.

Ко многим весьма важным темам мы относимся с легкомыслием необычайным. Джек Алтаузен, поэт уже довольно известный, в стихотворении «Ода молодости» столкнулся с темой смерти. И вот как он ее разрешает:

Если смерть
Придет нас сватать, —
На плешину ей
Чихать!

В советской поэзии тема смерти разрабатывалась по-разному, иногда — очень убедительно и сильно. Укажу на прекрасные стихи украинского поэта Микола Бажана «Садовник». Но с подобным легкомыслием, с каким к этой теме подошел Алтаузен, еще не подходил никто.

Конечно, этот пример — почти курьез, но курьез показательный.

3

Пушкин очень хорошо писал о народности литературы.

«В зрелой словесности, — писал он, — приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному».

«Изучение старинных песен, сказок и т. п., — писал он в другом месте, — необходимо для совершенного знания свойств русского языка; критики наши напрасно ими презирают».

Сам Пушкин любил и знал народный язык; он умел пользоваться его богатствами. Он умел вводить в свой художественный оби-

ход простонародные, «грубые» слова и притом делал это так, что они не нарушали его общей поэтической системы, но обогащали и расширяли ее.

Нашу современную поэзию можно упрекать во многих грехах, но упрекать ее в щепетильности по отношению к словарю, конечно, не приходится. Мы вводим в свои стихи все что угодно — диалектизм, народные обороты, технические слова, блатные словечки и выражения, массу иностранных слов и даже формулы, заимствованные из химии и математики.

В Ленинграде работает Александр Прокофьев, поэт интересный и даровитый. Он вводит в свой словарь много народных словечек и «грубых» оборотов.

...Штандарты несли дроздовцы — бражка оторви да брось...
...Сбита с катушек Демократия...
...В переделке угробиться...
...А они-то вертятся сатаной на блюде...
...Бейте по сусалам... и т. д.

Эти примеры взяты из ранних стихов Прокофьева. И вот что любопытно: в позднейших стихах поэта этих оборотов почти не встречается.

Я обладаю верным даром
Так направлять веселый стих,
Чтобы не чувствовать ударов
Тщеславных недругов своих.

У них несчастная эстрада
Стоит, как мертвая вода,
А на моей земле Отрада
Не отцветает никогда.

Стихи — как стихи, словарь — как словарь, но факт тот, что попытка расширить свой словарь за счет «грубых» слов и оборотов явно не удалась, и ее пришлось оставить.

Та «соразмерность и сообразность», о которой писал Пушкин, является результатом долгого поэтического опыта. В данном случае, как видим, опыта не хватило.

Некоторые под «народностью» поэзии подразумевают тот «разудало-фольклорный» стиль, — всяческие «тальянки» и пр., —

который с некоторых пор расцвел у нас довольно пышным, хотя и запоздалым цветом. Практика Пушкина — самого народно-го нашего поэта — опровергает этот взгляд сама собою. Сусальные стихи А. К. Толстого не стали народными, хотя уж он-то, как никто иной, захлебывался в своей деланой народности. Нельзя подделываться «под народ», но необходимо трудиться над поэтическим языком, достойным народа, понятным ему, близким ему и дорогим.

4

Как известно, Пушкин очень невысоко ставил современную ему критику. Однако это не мешало поэту внимательно прислушиваться к ней и принимать к сведению справедливые замечания.

«Вот уже 16 лет, как я печатаю, — писал про себя Пушкин, — и критики заметили в моих стихах пять грамматических ошибок (и справедливо), я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место».

И сбоку Пушкин выписал эти ошибки. Вот они:

- 1) Остановляя я взор на отдаленные громады;
- 2) На теме гор (темени);
- 3) Воил вм.<есто> выл;
- 4) был отказан вм.<есто> ему отказали;
- 5) игумену вм.<есто> игумну.

Пример, как видим, поучительный. Вот передо мной книжка Иосифа Уткина «Избранные стихи», издания 1936 года, — стихи, много раз напечатанные.

На стр. 34 читаем:

Мы его похоронили
Честь по чести, как бойца...
(Подчеркнуто мною. — Н. З.)

На стр. 114:

Эпоха жаждет
Огонь и желчь,

И мужество до конца,
Чтоб жечь, понимаешь,
Глаголом жечь,
Как Пушкин сказал, сердца.

На стр. 134:

Целую ночь над берданкою молча
Медные скулы **маячил** якут.

Дело, конечно, не в одном Уткине. Он не более как случайный пример. Дело в том, что редкая книжка стихов уживается у нас в добром согласии с грамматикой и здравым смыслом.

5

Когда читаешь Пушкина, в глаза бросается его удивительная скромность относительно своей собственной персоны. И как невыгодно отличаются в этом отношении от Пушкина наши современные стихи!

Пушкин за полгода до своей гибели, как бы подводя итог своей гигантской творческой работы, написал знаменитые стихи «Я памятник воздвиг себе нерукотворный». При жизни поэта это стихотворение напечатано не было.

Мы же ценим себя куда более основательно и, как бы боясь, что нас не оценят другие, торопимся обнародовать и раз навсегда зафиксировать свои победы и достижения.

Невозможно без улыбки читать следующие оптимистические стихи Иосифа Уткина:

Как рад я, что к мирным равнинам
Так выдержанно пронес
И мужество гражданина,
И лирику женских волос.
(«Избр. стихи», стр. 48)

Кому не нравится Уткин, тот может заглянуть в произведения И. Сельвинского. Этот поэт, как известно, работает давно и давно уже числится в передовых рядах советской поэзии. Но вот за-

глянем в его книжку «Лирика» (изд. 1934 г.), на стр. 44, где напечатано стихотворение «Занимаюсь от злости немецким». Сие стихотворение написано, как подробно оповещает автор, на мысе Рыркарпий, на Ледовитом океане, в 1933 году. Оказывается, жизнь И. Сельвинского, одного из передовых советских поэтов, не так легка, как полагает наивный читатель. Но не будем забегать вперед. Итак:

Занимаюсь от злости немецким,
Ухожу в себя, как аскет...
Перекинуться словом не с кем
На роскошном моем языке.
И чернее роится рана,
Раздражая шипением змей,
Что **родился я слишком рано**
И неясен эпохе моей.
Нелюбим я ей, неосвоен,
Есть ли смысл в прозябаньи таком?
...И мечтаю в бессильном сне —
Как бы стать поменьше, поуже,
Покруглее да попресней,
Поприлизанней, потрусливей,
Приглушающим каждый стык,
Вяловато-с'едобным, как слива,
Тепловатым, как пушкинский стих. (!!!)
(Подчеркнуто всюду мною. — Н. З.)

Да, это вам не Уткин. Это будет пострашнее Уткина.

Скажем честно, позорные стихи написал Сельвинский на мысе Рыркарпий. Какая самовлюбленность, какая слепота, какое непонимание нашего времени, какое отвратительное издевательство над Пушкиным, гордостью нашей литературы, отцом нашей поэзии!

Пушкин в своих письмах к приятелям не раз укорял их за то, что они без его ведома печатали его ранние, незрелые ученические вещи. Пушкин всячески отрекся от этих вещей, он снимал с себя ответственность за их напечатание, он по-настоящему уважал своего читателя.

Илья Сельвинский — не Пушкин. Мало того, что из года в год он заливает нас мутными морями своих хаотических творений, — он

благочестиво собрал все свои детские стишки и в 1929 г. преподнес их обрадованному читателю в виде здоровенной книжицы на 250 страниц под заглавием «Ранний Сельвинский». Какая беспардонность! Вот уж поистине редкий пример неуважения к читателю.

Стишки «раннего» Сельвинского — просто жалкие стихи, но Госиздат приветливо принял их и напечатал тиражом в 3000 экз. И еще жалуется Сельвинский, что он нелюбим эпохой и «неосвоен» ею. О, бедный, великий, непонятый Сельвинский!

6

Лицом к народу — к его интересам, к его нуждам, к его стремлениям! Лицом к народу — к его борьбе, к его труду, к его завоеваниям! Лицом к народу — к его крепкому, мужественному, красочному языку, к его прекрасным песням, к его чудным сказкам! Пушкин, величайший наш поэт, сто лет тому назад погибший в неравной борьбе с дворцовой аристократией, жив доселе и дорог нам именно тем, что и всеми своими бессмертными творениями, и своими мыслями, разбросанными по дневникам, статьям и письмам, предвосхищает многие наши заботы, желания и помыслы, направляет наши поиски, бережет нас, охраняет от ошибок, помогает нам выйти на широкую дорогу воистину народной советской литературы. Далеко ушли те времена, когда «ученость, политика и философия по-русски еще не изъяснялись». Речи Ленина и Сталина служат прекрасным примером того, какой чистоты и мощи может достигнуть русский язык, прошедший через горнило революции и безраздельно устремленный к народу. Речь Сталина на VIII Съезде Советов своей железной логикой, всей своей мудрой простотой, всем своим убийственным юмором доходит полностью до любого из нас, будь то школьник или профессор, одинаково, — доходит и порождает восторженный отклик из глубины души. Нашей поэзии еще очень далеко до этого. Поэтому не будем хныкать, а будем работать, будем работать так, чтобы каждый шаг пройденного пути освобождал нас от наших немощей и приближал нас к искусству большому, полнокровному, многообразному, понятному и дорогому массам — тому самому искусству, которое называется искусством народным.

Глашатай правды

1

Интерес к народной поэзии пробудился в Лермонтове рано. Пятнадцатилетним мальчиком он пишет в своих записках: «Наша литература так бедна, что я из нее ничего не могу заимствовать... Однако же, если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях. — Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская — я не слышал сказок народных; — в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности».

Во многих песнях Лермонтова слышится ясный отзвук русского фольклора. Народный эпос дал ему мощный толчок к созданию такого замечательного произведения, как «Песня про купца Калашникова».

Но роль простого подражателя народному творчеству никогда не удовлетворяла поэта. Свою литературно-гражданскую миссию он понимал иначе — шире, глубже, величественней. Ему мерещился образ народного поэта-трибуна, поэта — певца народных радостей и народных печалей.

В известном стихотворении «Поэт» Лермонтов описывает некий старый боевой кинжал, побывавший во многих битвах и теперь, подобно золотой игрушке, повисший на стене своего нового хозяина. С этим кинжалом сравнивал Лермонтов и поэта.

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
внимал в немом благоговеньи?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

Что утверждает Лермонтов этими стихами? Прежде всего он утверждает, что настоящее искусство есть живая потребность народа. Искусство обязано воспалять бойца для битвы, то есть оно должно служить осуществлению реальных исторических задач своего времени. Голос поэта должен звучать, «как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных», вот в чем настоящая народность поэзии, вот где истинное призвание поэта!

Увы, все это были лишь мечты: реальная действительность николаевской России не допускала их осуществления.

Обращаясь к народным певцам былых времен, Лермонтов продолжал:

Но скучен нам простой и гордый твой язык, —
Нас тешат блески и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...

Эти строки не утратили своего значения вплоть до нашего времени. Разве наряду с эстетамы XIX века не изобличают они некоторых наших поэтов, которые до сих пор живут в плену формалистических иллюзий, чуждаются простого и гордого (то есть независимого) языка политической поэзии и тешатся блесками и обманами идейно выхолощенного, далекого от жизни искусства?

Известно, что и Пушкин, и Лермонтов любили сравнивать роль поэта с ролью пророка. Это сравнение требует сейчас подробной расшифровки.

Любопытно, что Магомет, религиозно-политический организатор арабских племен, называвший себя пророком, относился к поэтам пренебрежительно и недружелюбно. К вопросу о поэтах он несколько раз возвращается в своем Коране. 26-я сура Корана так и называется: «Поэты». «Сказать ли вам, каковы те люди, на которых нисходят демоны? — спрашивает Магомет. — Они нисходят на всякого лжеца, погрязшего в грехе. Таковы поэты, за которыми, в свою очередь, следуют сбившиеся в пути. Разве не видишь ты, **что они бредут по всем дорогам, как безумные, что они говорят о том, чего не делают?»** (Подчеркнуто мною. — *Н. З.*)

Ясно, что беспринципному скепсису и эпикурейству арабских поэтов того времени Магомет противопоставляет свою собственную религиозно-политическую принципиальность. Ему, организатору племени, вождю и законодателю, был глубоко чужд мир отвлеченных поэтических вымыслов и созерцаний.

Нужно, впрочем, добавить, что некоторых поэтов, принявших ислам, Магомет высоко ценил и всячески использовал их для укрепления магометанства.

Придавая идеальному образу поэта черты древнего пророка, и Пушкин, и Лермонтов прежде всего подчеркивали этим, что настоящий поэт обязан быть глубоко принципиальным учителем жизни, агитатором, трибуном. Таким образом, теория «искусства для искусства», возникшая впоследствии, была заранее отвергнута лучшими поэтами нашей страны.

3

Вся жизнь Лермонтова, так рано созревшего и так преждевременно погибшего, была сплошным томлением в условиях николаевского режима. И весь тяжелый характер поэта, о котором ходит столько рассказней, — прямой результат невыносимых условий жизни. Его не удовлетворяли окружавшие сверстники:

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;

Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью — презренные рабы.

Уже цитированное стихотворение «Поэт» Лермонтов кончает следующим четверостишием:

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

В этом вопросе таится смутное предчувствие иных, лучших времен, когда поэзия, проснувшись от спячки, вновь обретет голос высокогражданской принципиальности и мужества.

Теперь эти времена настали. Давно вырван из ножен забвения и бесправия острый клинок революционной поэзии. И не только советская литература, но и литература всего прогрессивного человечества обретает твердый и мужественный голос в своей борьбе с фашистским насилием. Вырабатывается новый тип писателя — писателя-борца и писателя-трибуна, писателя, который с одинаковым совершенством владеет пером и винтовкой.

Международный конгресс писателей в Испании — лучшее тому доказательство.

1937

Шота Руставели и его поэма

В декабре 1937 года Советская Грузия, а вместе с нею и весь Советский Союз отметили 750-летнюю годовщину поэмы «Витязь в тигровой шкуре» великого грузинского поэта Шота Руставели. В Тбилиси со всех концов Союза съехались писатели, ученые, искусствоведы, представители партийных и общественных организаций. Открылись замечательные выставки, посвященные Руставели и его времени. Прочитаны десятки докладов, посвященных великому поэту. Выпущено несколько изданий Руставели на русском, украинском, грузинском и других языках. Бессмертная книга великого Руставели делается общим достоянием всех трудящихся Советского Союза.

Что же это за книга, юбилей которой так торжественно и пышно справляет наша страна?

«Витязь в тигровой шкуре» («Вепхис Ткаосани») — любимая поэма грузинского народа.

И в минуту военной опасности, и в час свадебного веселья, и в поле за работой, и дома в часы досуга — всегда и всюду она была верным другом и постоянным спутником грузина. По свидетельству древних летописей, полководцы перед решительной битвой воодушевляли своих воинов стихами и изречениями великого поэта. На свадьбах, в тот момент, когда жених и невеста садились на коней, присутствующие затягивали стихи Руставели. Крестьяне напевали их во время полевых работ и сбора винограда.

Семь веков пролетели для поэмы Руставели как один миг. Вплоть до наших дней народ любит ее и гордится ею. Многие колхозники знают наизусть целые ее главы. Среди школьников возникло даже своеобразное соревнование: кто быстрее и лучше заучит всю поэму наизусть. Дети Советской Грузии любят своего Руставели так же, как любит его весь грузинский народ.

XII век считается золотым веком грузинского искусства. Маленькое феодальное государство Грузия к этому времени достигло своего наивысшего развития. Множество прекрасных архитектурных сооружений — крепостей, соборов и башен — украшали ее. Философы, богословы, грамматик и поэты подняли грузинскую литературу на небывалую высоту. Появился ряд выдающихся поэтов, которые писали оды в честь царицы Тамары, создавали героические поэмы и записывали народные сказания. Первым среди этих поэтов был гениальный Шота Руставели с его бессмертной поэмой «Витязь в тигровой шкуре».

Место действия поэмы — древняя Аравия, Индия, сказочный Мультгазанар и другие страны. Автандил, молодой арабский военачальник, любимец царя Ростевана, любит его дочь, царевну Тинатин, и она отвечает Автандилу взаимностью. Однажды на охоте царь встречает загадочного витязя, облаченного в шкуру тигра. Витязь сидел на берегу и горько плакал. Царь приказал узнать, кто он такой, этот неизвестный красавец, но витязь исчез бесследно, и все поиски его были напрасны. Пораженный царь удалился от людей и предался унынию. И вот Тинатин посылает своего возлюбленного на поиски витязя в тигровой шкуре.

Проходит около трех лет. Автандил объехал почти всю землю, но витязя не нашел и уже близок был к отчаянию. Наконец в глухой пещере, на берегу реки, он встречается с незнакомцем, и здесь начинается дружба Автандила и Таризла.

Тайна Таризла раскрывается. Он оказался молодым индийским полководцем, потерявшим свою возлюбленную — царевну Нестан-Дареджан. Отец царевны, царь Фарсадан, хотел выдать ее за другого, но Таризл убил жениха, а царевна была похищена неизвестными. В глубоком отчаянии Таризл скитается по земле в поисках своей возлюбленной. Нелюдимый и мрачный, он живет в лесах, среди зверей, и ни в чем не находит утешения.

Горячее сочувствие к страдальцу заставляет Автандила на время забыть свою возлюбленную и отправиться на поиски Нестан-Дареджан. Много приключений и бед пришлось пережить дру-

зьям, но ничто не могло поколебать их братской дружбы. Полные любви и беззаветной преданности друг к другу, витязи прошли сквозь все испытания судьбы и наконец освободили похищенную красавицу. Двумя счастливыми свадьбами — Автандила с Тинатин и Тариэла с Нестан-Дареджан — кончается достоверный текст поэмы.

«Витязь в тигровой шкуре» — это поэтический рассказ о великой дружбе и великой любви.

Самоотверженная дружба, верность своему слову, преданность делу товарища, неустрашимость и настойчивость — вот те качества, которые привели Автандила и Тариэла к победе. В сознании народа Автандил и Тариэл стали символами бескорыстного братства и товарищеской чести. Дружба — это первая тема Руставели.

Вторая его тема — одухотворенная, возвышенная любовь, делающая человека способным на величайшие подвиги. Женщина у Руставели изображена вовсе не беззащитной сказочной красавицей. Нестан-Дареджан не только предмет поклонений витязей. Она — образец женщины с характером твердым и незаурядным. «Льву всегда детеныш равен, будь он львенок или львица», — говорит Руставели в своей поэме. Этим изречением Руставели признает женщину равной мужчине, — равной в общественной и в государственной жизни.

Дружба и любовь, храбрость и бескорыстие — вот к чему призывает Шота Руставели. И народ близко принял к сердцу его поэму. В течение ряда веков кочевники и различные завоеватели — монголы, персы, турки — терзали маленькую Грузию, разрушали ее города, уводили в плен женщин и детей. Много раз государство было на краю гибели. Спасение народа было в тесном его единении, в дружном отпоре захватчикам — и Руставели звал народ к единению. Опасности и лишения подстерегали людей на каждом шагу — Руставели призывал к дружбе, убеждал помогать друг другу в беде, не бросать товарища на произвол судьбы в минуту испытания. Горячо любивший свою родину, Руставели оставил ей книгу, исполненную величайшей веры в человека, и благодарный народ по достоинству оценил своего поэта.

* * *

Средневековую жизнь феодального Востока Руставели знает отлично. Он подробно описывает отношения царей к своим васса-

лам и отношения вассалов к своим повелителям; рисует нам картины придворной жизни — пиры, приемы, государственные советы, увеселения, свадьбы; превосходно изображает военные походы и битвы, средневековую тактику сражений морских и сухопутных. Полный иронической наблюдательности, с насмешкой и неодобрением показывает он нам торговый класс крупного морского государства — трусость купцов, их жажду наживы, их поведение при дворе своего повелителя.

Хорошо знакомый с арабской, иранской и греческой литературой, Руставели цитирует античных мудрецов, подкрепляя их изречениями свои мысли о жизни и поведении человека. Руставели сведущ и в средневековой астрономии, для которой неподвижная Земля была центром мироздания, а звезды считались укрепленными на семи небесных сферах, медленно вращающихся вокруг нашей планеты.

Будучи передовым и образованным человеком, Руставели сумел освободиться от множества предрассудков своего времени. В религиозных вопросах он был явным вольнодумцем. Христианин по воспитанию, он, однако, ни разу не упоминает в своей поэме имени Христа, как это делали другие средневековые писатели. Бог для него — понятие весьма туманное и отвлеченное. Во всяком случае, это не тот христианский или мусульманский бог, о котором твердило народу духовенство.

Изображая мусульман, Руставели с явной иронией отзывается о муллах, которые припадок Таризла объясняли «колдовством Вельзевула». Подсмеивается он и над багдадскими купцами, которые хвастают, что не пьют вина, соблюдая правила магометанской религии.

Духовенство с давних пор преследовало поэму Руставели. Еще во времена царицы Тамары глава грузинской церкви католикос Иоанн, по преданию, жестоко порицал поэта. Достоверно известно, что в XVIII веке католикос Антоний, сам будучи писателем и переводчиком, запретил грузинам чтение Руставели и сжег его книгу, отпечатанную царем Вахтангом. «Просвещенный» извер, он называл Руставели мудрым знатоком иранского языка, философом, мудрым поэтом, богословом, «но тщетно и всеу потрудившимся».

Другой представитель церкви, митрополит Тимофей, называл поэта «сказителем злых стихов, который учил грузин, вместо святой чистоты, злым порокам, которыми развращал христиан».

Преследование духовенства было одной из причин того, что поэма Руставели дошла до нас сравнительно в небольшом количестве древних списков. Много рукописей поэмы погибло также и в огне пожаров. Варвары, разрушая города, сравнивали с землей древнейшие памятники архитектуры, ломали и жгли все, что в течении веков создавал грузинский гений.

* * *

О жизни Руставели дошло до нас очень мало достоверных сведений. Наука еще не разобралась в них. Но в народной памяти сохранилось о поэте много преданий и легенд. Вот одно из этих преданий.

Шота Руставели родился в местечке Рустави, откуда и пошло его прозвище Руставели. Отец поэта, Чахруха, владелец Рустави, был одаренным человеком. Он писал стихи и был известен как «сладкопесенный певец и ядовитый стихотворец». Однажды он пировал на свадьбе у своего соседа. Во время пира пришло известие, что у него родился второй сын. Чахруха, на свою беду, не поспешил домой и остался на пиру. Хозяин, сводя с Чахрухой старые счеты, отравил его. Таким образом, Шота Руставели не видел своего отца. С первого дня своего появления на свет он стал сиротой.

Заботы о воспитании будущего поэта взял на себя его дядя, живший в Тбетском монастыре. Шота начал учиться в Импольской церковной школе. Затем его отправили к другому его родственнику — Атабегу. Здесь мальчик проучился еще три года.

Учился Шота так хорошо, что родственники решили отправить его в Кахетию, в Иколтойскую академию. Здесь семнадцатилетний юноша проявил себя как даровитый поэт. Его стихи нравились слушателям. Имя молодого поэта стало известным.

В это время царица Тамара, повелительница Грузии, решила отправить несколько даровитых молодых людей в Грецию для завершения философского образования. Слух о молодом поэте дошел до царицы, и она включила его в число своих избранных. Шота отправился в Грецию, где пробыл шесть лет.

На родину он вернулся вполне образованным человеком. Поэтический талант его развился и окреп. Вокруг него стала группироваться передовая грузинская молодежь, Шота продолжал писать стихи, заботился об устройстве новых школ, призывал народ к знанию и просвещению. Царица Тамара пригласила поэта к себе во дворец и назначила его своим казначеем.

Иначе сложилась жизнь у старшего брата Руставели — Автандила. Он давно любил царицу Тамару, но взаимностью не пользовался. Когда Тамара вышла замуж за русского царевича Георгия, сына Андрея Боголюбского, Автандил бросил родину, уехал в чужие края и погиб там.

Трагическая гибель брата навела Руставели на мысль о большой поэме. Так был написан «Витязь в тигровой шкуре».

Свое произведение Шота Руставели посвятил царице Тамаре. Во дворце, в присутствии царицы, было устроено чтение поэмы. Слушатели были в восторге. Тамара щедро одарила поэта. Руставели стал знаменитым.

Тем временем Тамара удалила из пределов Грузии своего мужа, царя Георгия. Она была втайне влюблена в молодого стихотворца. Теперь она предложила Руставели свою руку с условием, что он разойдется со своей женой Нино Тмогвели. Шота ответил отказом. Оскорбленная царица вынудила поэта покинуть Грузию. Руставели умер в изгнании, далеко от любимой родины.

Таково народное предание. Трудно сказать, что в нем правда, что вымысел, тем более что существует ряд других преданий, в которых о жизни Руставели рассказывается по-другому. Несомненно лишь то, что поэт был родом месх* и жил в царствование Тамары, в конце XII и начале XIII столетия. Известно, что он побывал в Греции и Иерусалиме, где и умер, оставив в одном из монастырей свое изображение с надписью.

* * *

До революции поэма Руставели была известна только узкому кругу специалистов. Массовый же читатель ничего не слышал о гениальном грузинском поэте. Великодержавная Россия старалась подавить национальную культуру Грузии, опорочить ее, заглушить самые истоки грузинского творчества. Грузинский язык изгонялся из школ, страна была отдана на откуп царским чиновникам, которые не имели ни малейшего представления о духовном богатстве поработенного народа.

В Российской империи богатейшая сокровищница национальных культур была запечатана семью печатями...

* Месхи — одно из грузинских племен. <Примеч. Н. З.>

Сорвала эти печати только Великая Октябрьская социалистическая революция. Перед народным творчеством открылись новые безграничные просторы. Лучшие творения национального искусства стали общим достоянием всех трудящихся.

Теперь имя Руставели дорого каждому читателю нашей страны. Величайшее мужество, настойчивость в борьбе, верность своему слову, дружба с товарищем и высокая одухотворенная любовь — все то, что воспел Руставели в своей бессмертной поэме, — находят живой отклик в сердце советского читателя, гражданина нашей социалистической родины. Великий гений грузинского народа занял наконец подобающее ему место в мировой литературе. Древняя Греция дала нам Гомера, Италия дала Данте, Англия — Шекспира, Испания — Сервантеса, Россия — Пушкина и, наконец, Грузия дала нам Руставели. Только наша страна могла по достоинству оценить гениального грузинского поэта и показать его величие всему миру.

<1938>

К вопросу о ритмической структуре «Слова о полку Игореве»

1

О великом предшественнике автора «Слова о полку Игореве» — песнотворце Бояне — мы ничего толком не знаем. Летописи не сохранили нам этого имени. Все сведения о нем мы почерпаем из текста «Слова».

Автор посвящает Бояну четыре отрывка своего произведения: 1) вступительный, 2) с двумя запевами Бояна, 3) сентенцию Бояна по поводу смерти Всеслава «Ни хытру, ни горазду» и 4) сентенцию Бояна «Тяжко ти, головы», приведенную автором по поводу пленения Игоря.

Внимательное изучение этих отрывков убеждает нас в том, что в глазах автора Боян был идеальным певцом минувших времен, гениальным и прославленным представителем песнотворческого искусства древней Киевской Руси. Когда же он жил, этот «вещий», «смысленый» (разумный) «соловей старого времени»? В тексте «Слова» говорится, что *вспоминал* он войны прежних времен и тогда начинал свою песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, который зарезал Редедю перед полками касожскими, красному Роману Святославичу. Если принять во внимание, что Ярослав Мудрый умер в 1054 году, Мстислав — в 1036 году, а Роман — в 1079 году, можно предположить, что в середине XI века Боян был уже юношей. Всеслав Полоцкий, на смерть которого Боян сложил известное свое изречение, умер в 1101 году, — значит, в начале XII ве-

ка Боян был еще жив, но был он уже в преклонном возрасте. Если это так, то зрелые годы песнотворческой деятельности Бояна падают как раз на то катастрофическое для Руси время, когда Русь стала распадаться на отдельные враждующие между собой княжества, когда впервые появились половцы, завладевшие Степью и угрожающие единству и независимости земли Русской. В это бедственное время маститый песнотворец, вспоминая золотые времена Ярослава, пел старых князей, пел в назидание молодым, вероятно идеализируя старину с ее достаточно еще крепкой централизованной властью. «Тяжко ти, головы, кроме плечу; зло ти, телу, кроме головы» — в этих словах Бояна чувствуется его политическое кредо.

Воспевая старину, Боян неизбежно должен был растекаться мыслью по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, т. е. мысленно погружаться в прошедшие времена, охватывать своим духовным взором географические пространства, подниматься до высот обобщения, делая оценку былых времен. В этом и заключалось Бояново «замышление».

В тексте «Слова» мы находим описание чудодейственной силы его таланта. Пускал он десять соколов на стадо лебедей, и когда сокол догонял какую лебедь, — та первая и пела песнь старым князьям. Но Боян не десять соколов на стадо лебедей пускал, — он свои вещие персты на живые струны возлагал, они же сами князьям славу рокотали.

Объявив о своем намерении воспеть поход своего современника князя Игоря Новгород-Северского, автор «Слова» во втором отрывке восклицает: «О Боян, соловей старого времени! Если бы ты воспел этот поход своим соловьиным щекотом, скача подобно соловью по мысленному дереву, летая умом под облаками, свивая славу обеих половин этого времени, рыская по тропе Трояновой через поля на горы, — начал бы ты свою песнь так: “Не буря соколов занесла через поля широкие, стада галок спешат к Дону великому”. Или так бы воспеть тебе, вещий Боян, Велесов внук: “Кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве, трубы трубят в Новгороде, стяги стоят в Путивле”».

В дополнение к этим отрывкам две отмеченные выше сентенции Бояна снова говорят о мудрости великого песнотворца.

По этим отрывкам можно составить представление об отношении автора «Слова» к Бояну. Конечно, это отношение ученика к гениальному учителю, ученика, не лишённого известной неуверенности в собственных творческих силах. Именем Бояна певец

начинает свое произведение, с именем Бояна на устах он и заканчивает его. И как бы ни величественно было само по себе «Слово о полку Игореве», — за его спиной мы всегда чувствуем невидимую, но еще более величественную тень предка русской поэзии, без которого было бы немислимо появление такого замечательного произведения, как «Слово».

Однако далеко не все исследователи стоят на этой точке зрения. Недаром с их легкой руки фраза «растекаться мыслию по древу» приобрела в просторечии иронический смысл и стала применяться к людям, выражающим свои мысли туманно, витиевато и выпренне. Разбирая фразу «Начаться же той песне по былинам сего времени, а не по замышленно Боянову», исследователи решили, что автор хочет свою поэтическую манеру противопоставить поэтической манере Бояна, и, следовательно, к этой последней автор «Слова» относился отрицательно. Так родился миф о выпреннем витийстве Бояна, которому автор «Слова» якобы противопоставил свой трезвый деловой метод изображения исторических событий. И такова была гипнотизирующая сила этой стародавней ошибки, что наука не заметила, в какое неразрешимое противоречие она впала, игнорируя общий тон почитания и восторга, который характерен для всех отрывков «Слова», где речь заходит о Бояне. И вследствие той же ошибки оказался незамеченным тот факт, что стилистика «Слова» вовсе не дает никаких оснований говорить о несогласии автора со стихотворной манерой Бояна, поскольку мы можем судить о ней по зачинам: «Не буря соколов занесла» и «Кони ржут за Сулоу». И не обратили внимания, насколько родственны эти зачины Бояна устной народной поэзии, которую уж никак нельзя обвинить ни в выпренности, ни в витийстве.

На самом деле автор «Слова» не свою стихотворную манеру противопоставляет стихотворной манере Бояна, но лишь *теме* своего произведения он противопоставляет *темам* прославленного древнего песнотворца. Автор говорит, что он хочет петь «по событиям сего времени» (т. е. о событиях его современности), и противопоставляет этот свой замысел «замышлению» Бояна. При желании он мог бы продолжать традицию своего учителя и славить знаменитых давно умерших князей, но он желает быть деятелем своего времени, он хочет, лишь по временам касаясь прошлого, петь «молодых князей» и потому намерен начать свою повесть «от старого Владимира до нынешнего Игоря». Поэтическая манера Бояна к этому вопросу не имеет никакого отно-

шения. Автор «Слова» не намерен развенчивать ее: наоборот, он следует ей, вероятно творчески развивая и обогащая ее. Недаром в самом зачине он демонстрирует свое намерение петь «старыми словесы», т. е. прославленным слогом минувших времен.

2

Автор «Слова» наследовал от своего учителя не только поэтическую манеру стихосложения, но, очевидно, и технику его высокого ремесла. Боян, как говорит «Слово», свои вещие персты на живые струны возлагал, они же сами князьям славу рокотали. Речь идет о том, что Боян *пел* свои песни, сопровождая пение *игрой* на каком-то струнном инструменте, может быть, на тех самых гуслиях, о которых говорится в наших былинах, или на инструменте, сходном с ними. Гусли — инструмент, бытовавший в нашем народе вплоть до 20-х годов этого века, а где-нибудь в глухих углах, может быть, бытующий и сейчас. Говорят, что по внешнему виду гусли имеют поразительное сходство с изображениями этого инструмента, сохранившимися в памятниках нашей древности, например в рукописном Служебнике XIV века, где в заглавной букве Д представлен человек, играющий на гуслиях, в Макарьевской Четье-Минее 1542 года и других. На всех этих изображениях исполнители держат гусли на коленях и трогают струны пальцами.

Таким образом, древнерусский песнотворец совмещал в своем лице 3—4 ныне обособившиеся профессии: поэта, певца, музыканта и, возможно, композитора своих произведений. Это весьма важное обстоятельство требует к себе особо пристального внимания, ибо оно может послужить ключом для уразумения многих вопросов, связанных с древнерусским поэтическим творчеством. Это поэтическое творчество имело свои резко выраженные особенности, которые отличали его от творчества других писателей того времени: летописцев, проповедников, авторов житий и других. Летописец и авторы житий писали на пергаменте, проповедник писал и произносил свою проповедь; но ни в Летописи, ни у митрополита Илариона, ни у Кирилла Туровского мы не встретим тех специфических музыкально-поэтических способов организации словесного материала, которые характерны для поэтического произведения, в частности для «Слова о полку Игореве» и для русских былин.

На заре русской поэзии процесс поэтического творчества ничего общего с грамотой не имел. Не рукопись лежала перед песнотворцем, но гусли (или какой-то другой струнный инструмент) лежали на его коленях. Поэт, музыкант и певец творили одновременно, совмещаясь в одной человеческой личности. Когда исследователи спорят между собой на тему: прозой или стихами написано «Слово о полку Игореве», они недоучитывают этого обстоятельства. Противопоставляя автора «Слова» древнему Бояну, они хотят посадить певца за стол, дать ему в руки перо и положить перед ним свиток пергамента. Они хотят отнять у певца музыкальный инструмент, бывший его постоянным спутником. Эта модернизация образа певца мало убедительна, так как «Слово» носит на себе явные черты музыкально-песенного произведения.

3

Основным характерным признаком поэтического произведения является его ритмическая структура. В поэтическом произведении ритмическая структура организована. История поэзии знает различные системы организации ритмической структуры. Ныне господствующая у нас силлабо-тоническая система — лишь одна из этих систем, она — продукт позднейших времен. В древности система была другой.

Чтобы исследовать «Слово о полку Игореве» с точки зрения его ритмической структуры, необходимо прежде всего представить, как звучал его текст в живом произношении конца XII века. Полностью это едва ли выполнимо, но в какой-то мере в наше чтение мы можем внести ряд изменений, соответственно тем изменениям, которые претерпела русская речь за семь с половиной веков своего развития. Изменения эти значительны, и они не могли не сказаться на ритмическом рисунке стиха.

Для исследователя ритмики «Слова» особое значение имеет то обстоятельство, что полугласные *ь* и *ь* в XII веке произносились и были слогаобразующими звуками. Свидетельство тому — древнерусские певческие книги, дошедшие до нас от XII века и более поздние. Согласно этим книгам, эволюция полугласных произвела целый переворот в культовом пении Древней Руси. В дальнейшем это явление стало одной из причин церковной катастрофы старообрядчества и решительных реформ патриарха Никона.

Обратимся к свидетельству специалистов. Вот одно из них:

«В древних рукописях славянских текстов в составе слогов было много полугласных букв и каждая из них имела над собою музыкальный знак; произносимое, например, ныне слово “дньсь” имело над собой три знака. Полугласные буквы при этом, очевидно, все произносились, ибо поставленные над ними знамена должны были иметь свой явственный звук. Предки наши называли такой текст истинноречным или праворечным, потому что он был сходен с истинной речью священных песнопений, писанных без нот.

Новая эпоха церковного пения начинается XV веком, когда полугласные буквы стали безгласными. Тогда, ради имеющихся музыкальных знаков, начали заменять полугласные гласными, вследствие чего и получилось то раздельноречие, по имени которого и названа самая эпоха. Вот образец изменений, какие произошли в тексте при переходе от истинноречия к раздельноречию в нотных книгах:

Старое истинноречие:

Съгръшихомъ беззаконвахомъ, не оправдихомъ передъ тобою, ни съблюдохомъ, ни сътворихомъ, якоже заповѣда намъ, но не предажъ насъ до конца отъчьскыи боже.

Раздельноречие:

Согръшихомо, беззаконвахомо, не оправдихомо передо тобою, ни соблюдохомо, ни сотворихомо, якоже заповѣда намо, но не предаже насо до конца отеческыи боже»*.

Вот другое свидетельство:

«В древнейших певческих памятниках господствует еще полное истинноречие, гласные и полугласные в пении произносятся так же, как и в речи. Поэтому согласная с Ъ или с Ь составляет в том и другом случае особый слог, для распевания которого необходимы один или несколько ему только предназначенных звуков. Слово «дньсь» (современное днесь) имело над собою по числу слогов не менее трех музыкальных знаков для пения. Постепенное превращение его в односложное *днесь* должно было бы иметь своим конечным результатом или то, что все три знака распеваются на один этот слог днесь, и тогда была бы целиком сохранена принадлежащая ему мелодия, напев, или — эти три знака заменяются одним, двумя — и тогда предстояло какое-то изменение

* Н. Кашкин. Очерк истории русской музыки. М., Изд-во Юргенсона, 1908, с. 15. <Примеч. Н. 3.>

напева. Русские певцы не пошли ни по тому, ни по другому пути: они нашли третий, когда в угоду напеву и старому произношению стали распевать это слово трехсложно, как дэнэсэ»*.

Рудименты старинного полногласия Ъ и Ь имели место в былинном творчестве и живой речи русского народа вплоть до последнего времени. Так, записывая от сказителя Ивана Фепонова былинку «Птицы и звери», Гильфердинг отметил, что «певец в ней неоднократно протягивает буквы Ъ и Ь, произнося вместо Ъ почти Ы, вместо Ь почти И». В тексте былины мы читаем:

А й крестьяна ў насѣ по деревням,
А десятски ў насѣ по селеньям,
А й старосты ў насѣ по волбѣтам...**

Потебня пишет: «Древние глухие вовсе не так далеко остались за нами, как думают некоторые... Никто меня не убедит, что я не слышал в нынешней... песне (т. е. в пении) явственных *слогов* — ТЪ, ЗЪ: «за рѣшо-тъ-ками, за же-ль-зь-ны-ми». Равно, никому я не поверю, что теперь нельзя услышать «Курѣск» (небное Р и неявственное Е), при односложном Курск...»***

Итак, для историков древнерусской музыки факт открытого звучания полугласных в XII веке — очевиден. А если это так, то мы, читая текст «Слова», должны делать при чтении соответствующие поправки, если хотим себе представить, как этот текст звучал в живом древнерусском произношении. И мы заметим, что местами в отношении ритма такое чтение даст поразительный эффект. Например, фраза «На Дунаи Ярославныъ гласъ слышитъ» будет звучать примерно так: «На Дунаи Ярославныно гласо слышито» — т. е. прибавится целых три слога и конец фразы примет дактилическую форму, — ритмический рисунок стиха резко изменится, станет напевным****.

* А. В. Преображенский. Культурная музыка в России. Л., «Academia», 1924, с. 13. <Примеч. Н. 3.>

** «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом», т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 562, 726. <Примеч. Н. 3.>

*** А. Потебня. К истории звуков русского языка. Воронеж, 1876, с. 35—36.

**** Без открытого произношения полугласных некоторые слова и словосочетания «Слова» почти произносимы. Например, встречающееся восемь раз слово НЪ (но) — «Нъ нечестно одолъсте», или слово ТЪЙ (той) — «начати же ся тѣй пѣсни». <Примеч. Н. 3.>

Читая текст «Слова» с поправкой на открытое произношение полугласных, мы заметим, что целые куски его ритмически явно организованы.

Не льпо ли ны башето, братие,
Начяти старыми словесы трудныхо повѣстий
О пълку Игоревъ, Игоря Святъславлича?

На Дунаи Ярославныно гласо слышито,
Зегзицею незнаема рано кычете:
«Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви,
Омочю бебряно рукаво въ Каляль рѣць».

А мои ти куряни —
Свъдоми комети:
Подо трубами повити,
Подо шеломы возльляни,
Конеце копия воскрмлени,
Пути име въдоми,
Яругы ими знаеми,
Луци у нихо напряжени,
Тули отворени.

Ритмическая организация этих кусков относительна в сравнении с силлабо-тонической организацией стиха, но она несомненна и явственно различается ухом. Каждый из этих кусков имеет равное количество смысловых ударений, каждая фраза заканчивается дактилем. Эти дактили — прототип наших рифм. Лишь в немногих случаях дактилические замыкания переходят в женские: «Были вѣчи Трояни, Минула льта Ярославля», «Ту ся копиемо приламати, Ту ся саблямо потручати». Заметно, что отрывок о курянах состоит из менее длинных стихов, чем два других, сходных между собою.

Наряду с подобными ритмически организованными кусками, мы различаем в «Слове» большое количество длинных фраз. И хотя многие из них замыкаются дактилями, нам их ритмическая структура неясна, и часто мы не можем решить вопроса: один ли длинный стих перед нами или несколько стихов, соединенных

вместе. Именно эти-то фразы, чередуясь с ритмически организованными, и дали повод некоторым исследователям считать «Слово» произведением прозаическим или по крайней мере написанным «мерной» прозой.

И действительно, туманная картина представляется взору исследователя, который забывает о специфических формах древнерусского песнотворчества. С одной стороны: ритмически упорядоченные куски текста налицо. С другой стороны: эти куски постоянно «сбиваются» прибором длинных строк, ритмическая организация которых при чтении ускользает. Получается впечатление, что «Слово» состоит из поэтических и прозаических кусков.

В действительности это не так. Принцип ритмического строения «Слова» не столь уж туманен. Чтобы иметь возможность уяснить себе основные его черты, нужно вспомнить о том, что автор «Слова» был одновременно поэтом, певцом и музыкантом и творил синкретически. В былинном творчестве русского народа найдутся полезные аналогии, которые помогут нам уяснить суть дела.

5

В 1871 году по следам известного собирателя былин П. Н. Рыбникова в Олонецкую губернию отправился А. Ф. Гильфердинг, будущий составитель знаменитого собрания «Онежские былины». Прибыв на место, он встретился со сказителем Абрамом Евтихиевым и выслушал от него ряд былин, в свое время записанных у этого сказителя Рыбниковым и напечатанных в его книге.

«...Следя за ним по печатному тексту, — рассказывает Гильфердинг, — я был поражен разницею — не в содержании рассказа, а в стихе. В печатном тексте стихотворное строение выражается только дактилическим окончанием стиха, внутри же стиха никакого размера нет; когда же пел Абрам Евтихийев, то у него явно слышался не только музыкальный каданс напева, но и тоническое стопосложение стиха. Я решился записать былинку вновь; сказитель вызвался сказать мне ее “словесно”, без напева, и говорил, что он уже привык словесно передавать свои былины тем, которые прежде их у него “списывали”, Я начал списывать былинку о Михаиле Потыке; размер исчез, выходила рубленая проза вроде той, какую эта былина напечатана была в “Олонецких ведомостях” и потом перешла в сборник г. Рыбникова (т. 1, № 38). Я попытался было перепра-

вить эту рубленую прозу в стих, заставив сказителя вторично пропеть ее, но это оказалось неисполнимым, потому что, как объяснено выше, сказители каждый раз меняют несколько изложение былины, переставляют слова и частицы, то прибавляют, то опускают какой-нибудь стих, то употребляют другие выражения»*.

Тогда Гильфердинг стал записывать былину не «словесно», а с напева. Когда былина была записана, Гильфердинг увидал, что «напев поддерживал стихотворный размер, который при передаче сказителем былины словами тотчас исчезает от пропуска вставочных частиц и слияния двух стихов в один...»

Гильфердинг подметил явление, общее для всей былинной поэзии: оторванная от живого музыкального исполнения, она теряет размер и выглядит, по его выражению, «рубленой прозой», в то время как в исполнении сказителя она звучит тоническими стихами! Отметим сразу, что дело здесь не столько во вставных словечках или в перестановке слов, сколько в том влиянии, которое оказывает на текст закон музыкальной мелодии.

Остановимся на этом вопросе подробнее. Цитированный выше Н. Кашкин пишет по этому поводу следующее:

«В русском эпосе, т. е. в былинах, относящихся к различному времени и месту, стихотворный размер текста определяется ритмом мелодии. В правильном стихотворном размере краткий слог представляет величину неделимую и вообще число слогов почти не может быть произвольно увеличиваемо, не внося в стихотворный размер существенного изменения. В музыке каждый звук мелодии, отвечает ли он долготу или короткому слогу текста, может быть раздроблен на меньшие величины, не увеличивая тем общего протяжения мелодии и не изменяя основной сущности ритма. На каждую из раздробленных частей основной величины тактовой доли может быть подставлен слог текста, причем такое увеличенное количество слогов нарушит правильность стихотворного размера. Это было замечено некоторыми собирателями русских былин, которые в исполнении певца слышали все время неизменно правильный ритм, а просматривая затем записанный ими текст, очень часто встречали значительные неправильности стихотворного размера. Причины этого явления они не умели объяснить, а между тем она заключается просто в господстве разме-

* А. Гильфердинг. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды. — «Онежские былины», т. I, с. 64—65. <Примеч. Н. З.>

ра музыкального над ритмом словесного текста. Преобладающее значение не только в былинных сказаниях, но и в песнях, музыки над текстом объясняется тем обстоятельством, что слагатели, как былины, так и песен, не были знакомы ни с какими правилами стихосложения, а потому не могли и подчиняться им, между тем как ритм музыкальный они усвоили почти от рождения, начиная с песен матери, певшей над колыбелью. А потому у слагателей, бывших одновременно авторами текста и напева, существовало только чувство размера музыкального, получавшее вследствие этого полнейшее господство над размером стиха. То же самое явление наблюдается и в так называемых духовных стихах, где стихотворный размер совсем почти не выдерживается, между тем как музыкальный ритм остается твердым и ясным»*.

Если бы мы слышали «Слово о полку Игореве» в живом исполнении певца, мы, по всей видимости, отметили бы явления, аналогичные тем, о которых говорят Гильфердинг и Кашкин. Решающим фактором в деле организации ритма для певца был напев, мелодия, музыка. И короткий, и длинный стих у него свободно укладывались в определенные отрезки мелодии благодаря тому, что основная тактовая доля ее способна дробиться и, таким образом, обслуживать многосложную нагрузку словесного материала. Мелодия выравнивала строки во времени — она выполняла ту функцию, которую в современной поэзии выполняет стихотворный размер. Но, выравнивая строки во времени, она требовала то замедленного пения текста, то речитатива — сообразно тому, какое количество текста падало на долю музыкальной фразы. И это обстоятельство сообщало музыкальному исполнению «Слова» большое богатство ритмических оттенков: торжественно-повествовательные интонации сменялись здесь разговорными темпами речитатива, замедленные фразы переходили в быстрые, отрывочные. И все это богатство ритмических оттенков существовало не само по себе, но служило для наиболее выразительной передачи содержания, отображая в особенностях ритма его эмоциональное многообразие.

Текст «Слова» в том виде, в каком мы его читаем теперь, — не более как «пословесная» запись древнего музыкально-вокального произведения. Этот текст ни в коем случае не отражает некогда существовавшей в жизни ритмической структуры его. Цити-

* Н. Кашкин. Очерки истории русской музыки, с. 25—26. <Примеч. Н. 3.>

рованные выше ритмически организованные отрывки являются лишь слабым отражением господствовавшего ритма, некогда осуществляемого с помощью музыкальных средств. Длинные строки вводят нас в заблуждение, заставляя предполагать, что «Слово» не было организовано ритмически в виде единообразных во времени стихов.

В новейшее время поэзия выросла до уровня силлабо-тонического стихосложения. А силлабо-тоническое стихосложение и есть такая система организации стихотворного ритма, где каждый слог стиха точно соответствует единообразной тактовой доле музыкальной меры и где, таким образом, музыкальный размер как бы введен внутрь текста. В древности картина стихосложения была другая, — там ритм определялся музыкой: при пении получалось одно, при чтении же совсем другое.

6

И «Слово о полку Игореве», и русские былины родились в одной купели древнерусского эпического песнотворчества. «Слово», вероятно, долгое время только пелось и лишь впоследствии было «пословесно» записано в память потомству. Былины эмигрировали вместе с крестьянством на север, передавались из уст в уста, видоизменялись, но дошли до нас в живом исполнении крестьян-сказителей.

Потому ли, что былины Киевского цикла порождены иной социальной средой, потому ли, что на них лежит сильный отпечаток позднейшего бытования, — они представляются нам продуктом культуры не столь богатой, как культура, породившая «Слово». И тем не менее не случайны те элементы сходства, которые были отмечены исследователями в «Слове» и в былинах. Эти элементы сходства заключаются не только в близости речевых оборотов, интонационных рисунков, не только в сходстве эпитетов, сравнений и пр., — но так же и в сходстве приемов ритмической организации материала: и там и тут стихи образуются с помощью музыки. И «Слово», и былины — произведения музыкально-вокальные, а не литературные.

Отсюда, конечно, не следует, что мы должны зачислить «Слово» в разряд русских былин XII века, как это сделал А. И. Никифоров в своей докторской диссертации «Слово о полку Иго-

реве" — былина XII века)*. Обширный сравнительный материал, привлеченный этим исследователем из области былинного фольклора, свидетельствует лишь об известной близости «Слова» к былинам. Однако от этих же былин «Слово» отличается целым рядом характерных особенностей. В то время как в трактовке киевской былины историческое событие принимает отвлеченный и даже сказочный характер, «Слово» рассказывает об историческом событии «по былинам сего времени», т. е. исторически правдоподобно, конкретно. Характеры былинных героев суммарно обобщены, характеры героев «Слова» индивидуализированы. Былина воспитывает своего слушателя в общем направлении присущей ей идеологии, «Слово» же является средством актуального политического воздействия в конкретной исторической обстановке. «Смысл поэмы, — писал Маркс, — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов». Элементы фольклора вовсе не составляют всего содержания «Слова», ибо целый ряд элементов его обнаруживает свое книжное происхождение. Былина — продукт творчества коллективного, «Слово» — произведение одного автора. Все эти соображения (а также и ряд других) не дают возможности считать «Слово» произведением фольклора. Но, принимая во внимание те черты сходства, о которых речь была выше, следует предполагать, что и ранняя былина, и «Слово» восходят к некоторым общим истокам древнерусского песнотворчества.

Благодаря тому, что былины записывались с живого голоса сказителей, у нас, как правило, нет никаких сомнений относительно членения былинного текста на отдельные стихи. Но если бы наши былины были записаны «пословесно», да еще сплошной строкой (как было записано «Слово»), исследователю пришлось бы решать задачу членения самостоятельно, а эта задача невыполнима без знакомства с напевом былин, с реальными особенностями этого напева. По той же самой причине ритмическая разбивка «Слова» на отдельные стихи в наше время всегда произвольна и индивидуальна. Лишь в отдельных случаях она достигает большей или меньшей степени убедительности. В целом же эта задача невы-

* Диссертация А. И. Никифорова опубликована не была. Были напечатаны лишь тезисы — в 1941 г. (Примеч. Д. Лихачева.) См. также: А. И. Никифоров. О фольклорном репертуаре XII—XVIII вв. — В кн.: «Из истории русской советской фольклористики». Л., «Наука», 1981. (Примеч. состав.)

полнима, поскольку музыкально-вокальное звучание «Слова» — явление навсегда забытое, исчезнувшее во мраке времен.

Зная живое звучание былины в устах сказителя, мы не можем не обратить внимания на десятки тех несложных хитростей, с помощью которых сказитель «подгоняет» текст под размер мелодии. Открывая наудачу сборник Гильфердинга, мы, например, читаем:

Подходила она к братьецам крестовым
Своего же она мужа да названого,
Звала тут себе-ка-ва гостёбищо,
Тяжелёшенько по нем да она плакала*.

Тут и искажения слов, и не имеющие значения вставные частицы, и заведомо неправильные ударения. Сказителей немало не смущают такие формы, как «вина не пиивал», «во чистом поле конь не бывал», «уста челоивал», «испугаился», «думу думаил», «клюкою подпираился» и пр. Приведенные выше стихи, если их записать «пословесно», будут иметь такой вид:

Подходила она к братцам крестовым
Своего мужа названого,
Звала себе в гостёбище,
Тяжелёшенько по нем она плакала.

Таким образом, мы замечаем у сказителя стремление заполнить хотя бы ничего не значащими словечками или произвольным удлинением слова те моменты мелодии, которые никак не заполнялись ритмически неорганизованным текстом. Автору «Слова» при живом исполнении его произведения едва ли была нужда в этих средствах восполнения текста, так как не заполняемые текстом моменты мелодии могло восполнять живое звучание музыкального инструмента. Можно с большой долей вероятности утверждать, что указанные приемы былинных сказителей появились тогда, когда сказитель уже утратил музыкальный инструмент и должен был восполнить отсутствие его силами собственного голоса. Но и в том и в другом случае, т. е. при наличии музыкального инструмента и в отсутствии его, и «Слово», и былины ритмически организовались музыкой, мелодией, а потому должны быть от-

* «Михаило Потык». — «Онежские былины», т. I, с. 173. <Примеч. Н. З.>

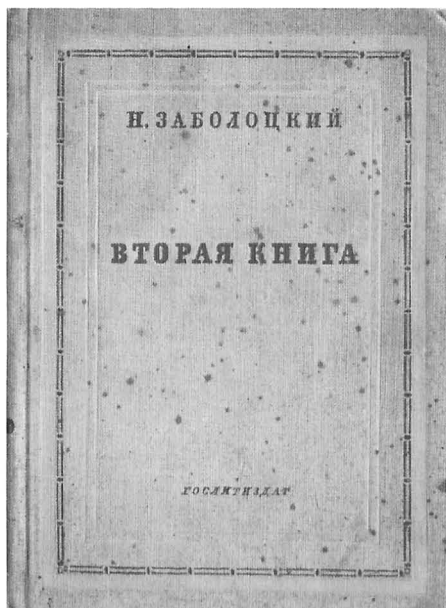
несены к одному виду древнерусского песнотворчества, составляя, может быть, два смежных этапа в его развитии.

В современной литературе былины бытуют в двух видах: 1) пословесно записанные (в этом случае они теряют свой стихотворный ритм) и 2) записанные с напева со всеми подсобными словечками и искажениями форм (в этом случае они теряют характер стройного изложения). Что касается «Слова», то его текст бытует в форме пословесной записи, не расчлененной на стихи и не передающей его ритмической картины. Все эти формы литературного бытования музыкально-вокальных произведений древности совершенно условны. Для современного переводчика «Слова», если он ставит перед собой задачу ритмически организовать свой перевод, имеется лишь один путь: разбить текст на стихи произвольно и ритмически организовать текст изнутри, т. е. принять для перевода правильный тонический или силлабо-тонический стих. Этим самым он введет в ткань стиха отсутствующую ныне сопроводительную музыку и приблизит древнюю поэзию к нашему современному ее пониманию.

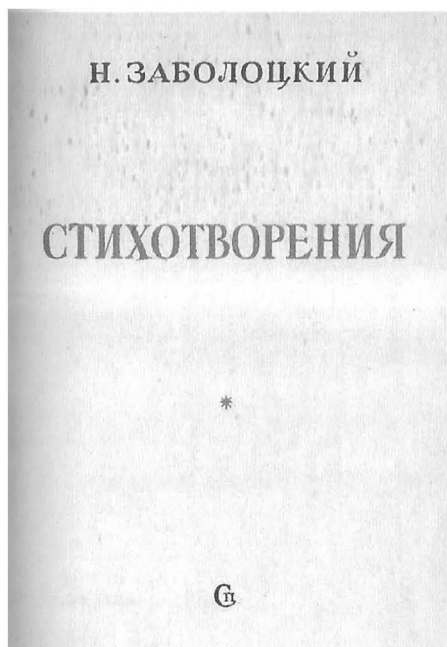
1951

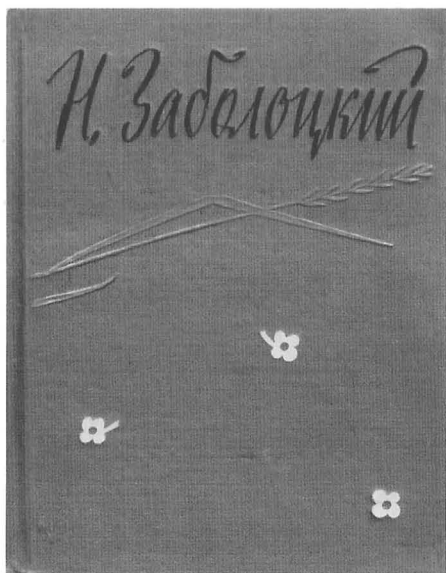
Обложка книги «Столбцы». Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1929. Художник М. А. Кирнарский

Обложка книги «Вторая книга: Стихи». Л.: Государственное издательство «Художественная литература», 1937. Художник С. М. Пожарский

Обложка книги «Стихотворения». М.: Советский писатель, 1948. Художник В. С. Резников

Обложка книги «Стихотворения». М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Художник В. В. Максим

I

Здравствуй, друг, от правды, от
 Сила от правды трудна
 Но над миром и светом
 Сила от правды трудна
 Треним добродетелью порою,
 Но чуждо намелет правды!

II

Добродетелью во славу
 Не разлучай меня отой
 Здесь не аскетизм, не скръь,
 Здесь не Олимп, не отчаян
 Но право есть у всякого страданья
 Не жалко будет им в или прощанья

III

Но к чему, Свистача и шибобри,
 Чего ты добрую пачинаешь
 (То с твоим прощанья)
 Оправданья себя пощанья?
 Чуждо им отъ твое и
 Но прищину тебе дружба.

IV

Итак, мой, проводишь меня
 И осею в вадруке твоем,
 Ум и душа думает вадруке отой
 И вадруке уме вадруке
 на Мудрости светлого покаян
 твоем пачинаю! Ну прощанья — ах!

V

А я, переживая перемену
 Вадруку свою отщипываю ризы
 Пачинаю прошанья закоченяю

Сизигрово Рождество

Просветает сизиг Ибис с пачирусом
 В перекуки пачишки моих
 И наверхеру пачишки высекли
 Золотые мои стихи.
 А на месте где будет смена
 К двадцати пяти годам —
 Особенно сомишко пачишное
 Светлейшим моим стихам.
 А от, увидевший родителей
 Поксакани в чужие мозги.
 И мои уста пачишки
 Пачишану своей роски
 Не свери сизиг Ибис с пачирусом
 В перекуки пачишки моих
 От места чужие не зависели
 Золотые мои стихи.

Н.З.

Письмо М. И. Касьянову, 21 июля 1921 г. Автограф. Л. 1 и 6. Личный архив М. Н. Липатовой (Москва)

Кебесаан Свистача

Стоит ли мессажуво вораще
 В кебесной свистаче.
 Я светом — профессор отщипываю,
 Укрепил на звездном пачишке
 И на самой кебесной волнишке
 Выводил риторичней кебесной
 И аржанат мои бачишки
 На блестящей кривине звездной
 В кебесной свистаче
 Застворил рече раща
 И выводит белая, лишняя,
 Звездная Даша
 говорит: профессор, лишняя,
 Я светом твекую —
 Как актер мой, мессажуво отщипываю
 Променяю мессажуво на дружку
 В кебесной свистаче
 Не тоска ли закинула себя
 Звездной Даше, лишняя, лишняя
 Не мессажуво отщипываю...
 Стоит ли мессажуво вораще.
 Пачишет Кебесаан вадруку на Гарде
 Отсюда я профессор отщипываю,
 Ах мессажуво над собой свистачуво
 Прощай Мессажуво, я светом
 из твоих пачишечки
 Н. Звистача

Сно. 12/II.

Дорогой Милиш! От тебя долго
 нет писем; буду те писать я.
 Часто мне кажутся и давить
 мне, что мои стихи до
 выходящего количества были
 бы, если бы все мои были в
 своих пачишках и словах
 своих пачишечки. Чувствую
 себя до безобразия неинтересно
 мое существование если он не
 желает не стремиться и не
 добиваться не пачишечкой
 себя на известной тоне,
 соответствующей своему делу.
 Когда я пишу — я противлюсь,
 когда я пишу с иронией
 индивидуальной — без всякого
 сознательного пачишечки пер-
 профессорства и всякая свистача
 пишу по какой-либо цели не чужды
 какой я себя на едином
 деле. Милуарь, когда он то-
 лкает делается пачишечкой
 пачишечки.
 Вот почему пачишечкой пачишечки
 пачишечкой пачишечки, но их слова
 Милиш! в пачишке пачишечкой
 критерии, как то пачишечкой
 слова, благодарствуй, пачишечкой

Письмо М. И. Касьянову, 12 декабря 1921 г. Автограф. Л. 4 и 1. Личный архив М. Н. Липатовой (Москва)

Пожелание Друзя

Хотел бы быть я тараканом
 Что-б в Ватей комнатке гулять,
 Но не хотел бы быть тираном,
 Что-б жизнь нуною загублять.

Н.Н.

Описание
Тамары

Описание ножки

Александр Сергеев Пушкин
 ножки Дамские модны
 А те Коль Подрякушки
 описью на этом загублять.
 Сии ножки я увидя
 моментально пал во гроб.
 Так я попер не обидя
 всех кою обидеть мог.

Н.Н.

Описание ручки

Ручка эта так прелезна
 что увидев ее раз
 я парализ как известь
 при паденьи правой ног.

Описание носика

Когда увидев я сей носик
 во мне возник один вопросик.
 Почему же в сей худой нос -

Описание волосеньв

Сии волосеньв чудесны
 К галу они - как неувесно
 Зато приносят Вам я мизу
 На радость ангелу и мудрецу.

Н.Н.

ротика

О ротик-бездка! О ротик-Бог!
 Без ротика и носик был бы единок.
 А тут над ротиком
 и он сжогот с дротиком.

Н.Н.

Ушко и ноготок

Сие ушко
 как ватрушка
 ноготок
 как электрический ток.

Мрачный Варзыт

Сие ушко-
 подрякушка
 дерна раз-
 вытегит маз.

Disciplina Clericalis.

Хаос:

Если сак зной неизменен,
Привосвурная афина,
Если песни, как кометы,
Упадут и вылетят,
Если донде в зрак мифа
Цифрофорная и коруля
В и абстрактных пестулях
Склетчатой плеск подымают,
Не медовой и ушаче,
На синьке не паводи,
И шаржи пилоты лисюлке
Втукае до утра прати

Я:

Хлоя, Хлоя, тонкая франки
Сердце жаруется мне,
И перо в ложный башке
Шумит траурной перти.

А неволки жизни вступят-
Глаз востань вокруг, осм,
И вилы у сарма джера
Восел с реверсивной Зурбаран.

Хлоя:

Положи зрак, бессмысленный,
Разломил свет перо,
И мажущее коруля,
В черное замалюет,
У приклевки едана.
Каша жидет на воде-
Подняла буму пестро,
И коруляк поварит.

Я:

Цифровка ходит оброчом,
От несе выдут мши,
И мажущий мажусь
Мажет мажусь на нел.

А пестро ильминал трисюге
В алик Баркарная пестро,
И тропическая пестро
Сонинки дарюва вперку.

Хлоя:

Встань, торден, бумага водит,
Разврати с вилы глаза,
Розовые водки мажусь,
Поднимается мажусь,
В коруля ильминал Катуля,
А в мажущие мажусь,
Приклевки мажусь без ушаче
Пестро вил ильминал.

Философ:

Постр, маж, жарите, жм-
щит в ладоши.
Я встучу воскревае звану,
И радруби виле мюк
горос ильминал.

Он как башина ел на тору
Эго в них поварит ед-
жестая ильминал,
Ильминал ел на тору,
Эго в них закрывишь на
Коруля Фадрума,
Пестро ел на тору,
И ильминал а ел на тору,
Ильминал а ел на тору,
Где ружье ел на тору,
Ильминал, маж, маж, маж,
Где в обилье,
Цело виле маж, маж не дрожи!

Ильминал.
V-VI-1926.

Мои возражения

А. И. Введенскому, авторитету бессмыслицы
открытое письмо.

Позвольте, подогреть Вас в принципиальном порядке — по следующим пунктам

- а) бессмыслица, как явление вне смысла
- б) ^{анти}фрейдистский принцип (антикларнетно; анти-интонация)
- в) коллоквиальная вещь
- г) птерматика

Часть I

Бессмыслица как явление вне смысла.

Установил значение термина. Ни одно слово, употребляемое в разговорной речи не может быть бессмысленным. Каждое слово имеет объективно существующий определенный смысл. Слово имеет за собой определенную связь со своим значением, которая и придает объективному содержанию слова смысл и есть. Наше дело — установить, как было слово — слова порождены разумом или бессмысленно не имеют. Вот, вот, употребляется слово бессмысленного порядка поэтому центр спора — бессмыслица. Не должно быть термина в понятие существительное. Это слово, слово существительное, которое должно быть ватсом и термином бессмыслица, очевидно при том

РНБ

2005.1640/18

Бессмертие.

Коты на лестницах утрута
Большая рожа приподняв
сидят как будды на перилах,
ревут как трубы, о любви,
Наши кошки, стесанные,
зреть к зрелищу талантов, шившишь,
кокетки! Скалоз на крутом!
Они по кругу ходят боком,
они пьют любовный сокот,
они трясутся на весь дом,
распространяя запах страсти,
Коты режут, отравив пасти,
они как дельфины вверху
в своем серебряном миссу.

Один лишь кот в шухой лубине
сидит, задумчив, не пест,
в его вздернутой ошине
справивают блохи хоробод.
Отпиливая лестнице поганной,
искал помойного ведра,
он держит мир первоначальной
на мозговых своих буграх
Сквозь дверь он чувствует квартиру,
где туча дельфинов ^{одна лишь} ~~испадан~~ ^{пасть}, ?
там от плиты и до сортира
лишь Габриэль тучовища скажут,
там прикус выстроен, как дыба,
на нем, от ужаса трещит,
тахоточная вост рига
в зеленые масляные прищип,
там трубы вышитых животных
лежат на противных бесшестных,
и курим - купим без-
веклатом дней апофроз.

Цирк - 110
86
176.

Кот поднимается, трепещет,
 сомненья нету - замкнут мир
 и лишь одни наши плещут
 туда, где мудрости кушир.
 И кот встает на две ноги,
 идет вперед, поднимая ланос,
 Фрогана лестница. Ни зги
 в шагах. Шарожаются бады,

но поздно. Бессильный прыжок,
 Крик, стоны. Коты на верхних
 впились в распоротое тело -
 мир был разорван. Помертвев
 в шагах, но в трещину брешет.
 где цвет распался, виден был
 семейный сад. На небесах
 однажды котам мала пища,
^{Зернышки} ^{фрукты} ^{фрукты} ^{фрукты}
 отобрана нога. Делать колыхались
 бокашники сжатими телами,
 косяк птицы верещали
 скала, небесах и горами.
 Над ними жемчужный скамь зуб,
 висит коты сжатый труп.

но поздно! Кот на него сев,
 как дьявол, встает, охверев,
 рвет тело, осини отворяет,
 котыми тело вырывает,
 о боте, боте, как насен!
 Всенная ок или олен?

Шла кося без перем и страха
 и любовитным виден был
 семейный сад - котова пища,
 где мезю медленый везодит.
 Деревья дружные карами
 бокашники статили пилами,
 косяк птицы верещали,
 скала небесах и горами.
 Над ними жемчужный скамь зуб,
~~висит коты сжатый труп,~~
 висит коты сжатый труп.

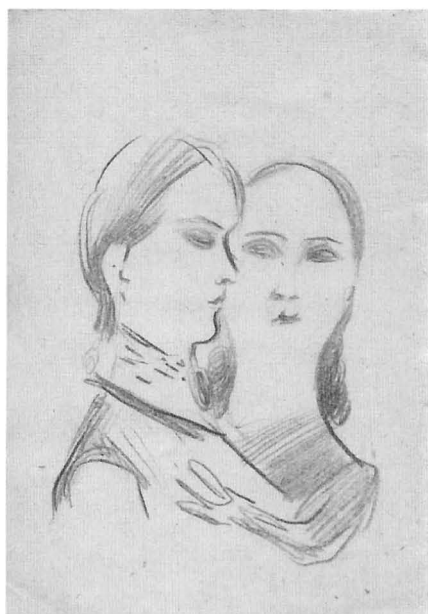
Могах, ты виселищем стал,
 прощай! В мовел сколке
 справился дикий карнавал,
 опять поутра Котки.
 И я на платищу пою,
 и миз совсем не страшно фракой те белий, ватный?
 во продоленье жизни твоей,
правды
 мой ~~счастливый~~ отважной!

66

12 окт. 1928.

«Ксении». 1931. Самодельная книжка. Архив семьи Заболоцких (Москва). Соколов П. И. Обложка

«Ксении». 1931. Соколов П. И. Задняя сторона обложки

«Ксении». 1931. С. 1—2

НЕПРАВИЛЬНОЕ БОГАТСТВО

Павел, чтобы стать богатым,
стал писать стихи канатом.
И помог ему канат:
Павел сделался богат.

НЕУДАЧНАЯ ПРОГУЛКА

Однажды Пуп, покинув Брюхо,
пошел гулять и встретил Ухо.
-С дороги прочь! - вскричал Пупок.
Я в этом мире царь и бог!
- Не спорю, - вымолвило Ухо,
улыбаясь грозные слова,
ты царь и бог, но только - брюха,
а здесь, мой милый, - голова.
Читатель! Если ты не бог,
проверь - на месте - ль твой пупок.

СИЛА ЖЕНЩИНЫ

Монах Ермил в Великую Субботу
за всенощной Ребеночка родил.
^{Звизывая}
Смущалась братия такому анекдоту,
сам архирей руками разводил.
Что-ж оказалось? Бедного Ермила
семь раз насилвала матушка Людмила.
Читатель мой! Конечно, стыд и срам
родить Ребенка, да еще во храме,
но ты подумай - сколько нужно дам,
что-б дать очко вперед моей могучей
даме!

«Ксени». 1931. С. 9—10

КСЕНИИ

Неправильное богатство.
Что такое стишки
Бесполезная ученость
Уединение философа
Раздражение против В.
Болезнь философа
Наставление.
Неудачная прогулка
Сила женщины
Гибель священника
Аполлон и Жу-жу

*П. И. Соколов рисовал
в пивной 21 марта 1931 г.*

«Ксени». 1931. С. 13—14. На с. 13 под оглавлением приписка карандашом: П. И. Соколов рисовал в пивной 21 марта 1931 г.

Пошли на вечер все друзья
 Одея остался и дружица
 в кавине испитая брело мной
 и каиним жмет вверх ногой
 все паровоз безном под Ротнею
 и ноги касаются. Все душим,
 оди на вечер, а дружица
 иголки рудимелье мастовее
 идути, идути... шидит приели
 кавал, пудовое доделала
 кусок ирбрани за хомлом
 торчий задумывали брелом
 великой выграватов скотили
 и кинца дельку на обед
 удийи малютишка косене ити

2

Итак пришла. Одеято ногою
 стояи в тараме выевог
 ирраит в кавите, иголки араа
 гидиот - кинс од тех дурек
 чин - свадом два там
 дичица
 гадате не подоваит вам
 у вас в мане все роване -
 ки все Кордунисе равни

3

Все в тале свернувшие в оторну
 Итиа прикатоу сав Кордунисе
 Здрово пудисит! Здрово
 Итиа во тале Кордун
 Вачице кавине падала
 Ми Савине в тале павид
 а вы павиде кависавом
 черейи окол и поди на осаман.

4

а вине кавале отравной ад:
 дурей пудисит да невоу
 сидит ни кинотнас, прикати,
 испачкали от страха реломе
 а сам Кордунисе прикати мавом
 сидит веркои на мепой вате,
 и кезоме уроби колмо
 Итиа и дивсе покерманом

5

На утро там кавин при тупра
 Лупа - прастите не судра
 Вачице здр в предверие пупа
 сиди и иди поха, поха,
 поха... Велиу колце прикати,
 мавом рудину втру павидит,
 вачице савей на астром,

Бросьте, бросьте, стрекулисты
 Разные стихими писите
 всем на руду на кинот
 это на все справате
 Запомайте сав
 Специальный пуде делал
 Подвигавачей емола,
 а кавитос - мурга с при
 Вачице буди кависавом
 мурга буди кависавом
 Итиа буди мепод мавом
 кавитосу миди мурга
 Итиа буди сав кависавом
 а кавитосу кавитосу - пависавом
 Здрово миди у мепой
 буди буди кавитосу миди
 пависавом - пависавом кавитосу
 кавитосу и не пависавом
 а пависавом миди миди
 буди оторос миди.
 Мавом пудисит пависавом
 пависавом - и кавитосу миди
 а миди миди в миди,
 пависавом на забуде!

Давид, Жанно
 мейз, Лубак - Кав
 Савини с Савини
 Аликсандрович
 в кавитосу.
 Видиме, что в миди
 кависавом. Савини
 Савини миди
 Савини в реломе.
 Кавитосу миди
 Кавитосу миди
 И. Д.

1111

6.

Приди Жанно, а в миди
 Голман, болон прикати мурга.
 Иидит стале. Ки миди мурга
 и стале миди миди миди
 земити, стрелюмиди, это -
 здрим здрим миди -
 а в миди миди миди
 раскати колце стале миди
 миди миди миди миди
 миди миди миди миди
 и кавитосу в миди миди миди
 миди миди миди миди

Стихотворные экспромты «Пошли на вечер все друзья...» и «Бросьте, бросьте, стрекулисты...» с запиской, адресованной Д. И. Хармсу. Автограф. 12 марта 1927 г. Архив семьи Заболоцких (Москва)

К стихотворению «Осень»

~~дай мне, природа, так приятно, чтоб мог
я убедиться~~

Над нами падают кубы
сияет в небе миглая звезда
и тихо все. И только шуми мига
упавшего с ветвей и ^{перед закатом} ~~перед закатом~~ ^{и вдали} ~~и вдали~~
~~И блуждаю час, когда на покатом~~
~~и таломы дует манос завывающе~~

~~перуает~~ и перебивает мир
осень, сиди у клавира.

Черновые записи к стихотворению «Осень» («В овчинной мантии, в короне из собаки...»). 1932. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Статья в Печать
Июль 33г

Примечание

1 ст.	— 13 февр 1929г
2 ст.	— 3 марта 1929
3 ст.	— 17 февр. 1930
4 ст.	— 29 сент 1929
5 ст.	— 1-3 марта 1930
6 ст.	— апрель 1930
7 ст.	} 6 септ. ноя 1929г. и прочие } 7 ст. ноя в 1929г. <u>10</u>

Учен на вода — июль 1932

Лист с записью хронологии завершения частей поэмы «Торжество Земледелия», где отмечены выход разгромной статьи В. В. Ермилова «Юродствующая поэзия и поэзия миллионов» (Правда. 1934. № 199, 21 июля. С. 4) и уход из редакции «Чиж» при Детском отделе Государственного издательства в Ленинграде (ГИЗ), после которого в июне 1932 г. Заболоцкий перешел на работу редактора в Союзфото. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Примечания
к поэме «Деревья»

1. «Равное весу (земли) корни количество вещества могут дать силую размножения создана величественное, не геологическая земля — сам трюмо друи не древоземучей великая древа. Колоний фабри и восточит соли могут дать дру массу вещества в 1.60 — 1.75 сутос... Одни из наиболее медленна размножающиеся организмы — спон — могут дать тоже количество вещества в 1300 лет... Конечно, в ветствии древои ни один организмы не дайт такая количество.»

Акад Вернадский, «Биосфера», стр. 47

Наброски примечаний к поэме «Деревья» (1933). Л. 1. Выписка из книги: Вернадский В. И. Биосфера. I—II. Л., 1926. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Проза.

Согрозаясь от ^{пропавшей} ~~травы~~ ^{травы} над тиром зарница,
Тень от туши лема и стая, и спешалась с травой,
Все труднее дышать, в небе ^{высоко в облаках вал} ~~потоки~~ ^{тебелетя}, ~~пролетается~~,
Ниже стелется птица над безумной моей головой.

Я люблю этот сурак восторга, эту крайнюю погоду вдохновенья,
Человеческий порок травы, веющий холоду на теплой руке,
Эту полноту мыслей и медитативное появление
Первых ^{зачальных промов} ~~сладостных слов~~ ^{-первых слов на родном} ~~на природном~~ языке.

Так из теплой воды поднимается ^{полная светлая} ~~в~~ ^{сияющая} ~~непорочная~~ дева

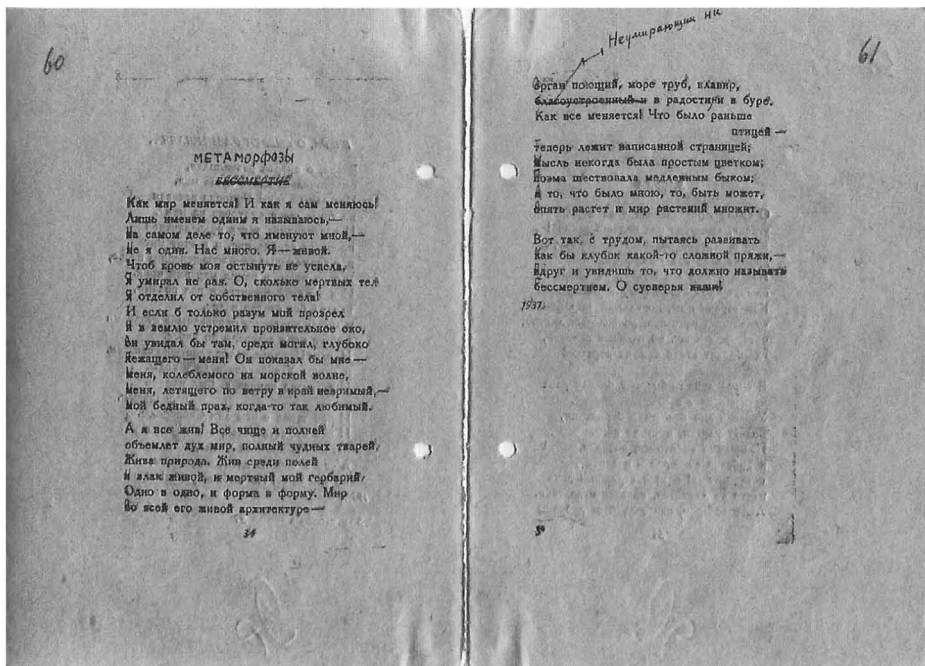
И стекает по телу, замирая в восторге, вода,

Травы падают в обморок, и направо бегут, и налево
~~увидавшие небо стада.~~ ^{увидавшие небо стада.}
~~увидавшие небо стада.~~ ^{увидавшие небо стада.}

А она над водой, над обломками круга земного
Удивленная смотрит в дивном блеске своей ладони
И, шрап промачи, в белом облаке катится слово,
И сияющий поезд на эластичные рвется цветы.

3 мая, 1946

А она над расколоченным озером, над обломками круга земного

«Метаморфозы». Корректурный лист с правкой. Свод 1936—1948. Л. 60—61. Архив семьи Заболоцких (Москва)

СОДЕРЖАНИЕ	
ГОДЫ	
1. Горазова симфония.....	3
2. Горы в степи.....	7
3. Вышла книга.....	11
4. Прошлые.....	15
5. Север.....	17
6. Судья.....	21
7. Вечные дожди.....	29
8. Воздушное путешествие.....	37
9. Хромче.....	39
10. В тайге.....	51
11. Творил дарю.....	53
12. На высокой горе у Тягана.....	57
13. Траг.....	58
ВРЕМЯ ГОДА	
14. Утро.....	73
15. Осень.....	75
16. Далекий.....	77
17. Далекий в саду.....	79
18. Утренняя песня.....	83
19. Утра, о смерти взаимных.....	85
20. Начало зимы.....	87
21. Весна в лесу.....	89
22. Метаморфозы.....	90
23. Школа.....	91
24. Ночной сад.....	95

25. Все, что было в душе.....	97
26. Лесные озеры.....	98
27. Сказки.....	76
28. Сказки.....	77
29. Проще.....	72
30. В этой роще березовой.....	74
31. Вздохи.....	76
32. Голуби мне, окрест, углою.....	78
33. Как зори не встала над оком.....	80
34. Частые, деревья, стая Гавана.....	82
35. Я трюхал лоты выкапите.....	84
36. Свгармо.....	85
37. Веч в Пасекари.....	88
38. Я не ну геронки в природе.....	90
39. Завершаю.....	92
Содержание	
40. Словом волшебный шифр Левенгуза.....	97
41. Кузнечик.....	97
42. Отшель.....	98
43. Дурьяки.....	99
44. Проще.....	101
45. Кани.....	103
46. Прижималось вперед и сардеки.....	105
47. Песня.....	107
48. Веч в Пасекари	108
49. Мир чудес	108
СЛОВО С ПОЛКУ ИГОРЬЕ (1938—1946).....	109

Оглавление Свода 1936—1948. Л. 126—127. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Властивець

Бєть за Прєсної Ваганьковє кладбищє,
Бєть на кладбищє малєнкий скитъ,
Ттам зєна моя, зирная бабуца,
За мошкєной фантомногє епитъ,
Услый гєть з, енту в канцєлярни
Тто ночам не туду з огнѣ,
И не встрєтивъ на всєи полушарин
Чєло вєка, егєстивєт мєня!

Мнє зєна подарила пижаму
И с тєх пор, дороге друзѣ,
Прєдставитѣ обѣи натуралу
И елломентєсть слєпичную з.
Полосатѣ, как тигр зоосадѣ,
И стѣи, леопардѣ епитѣ,
И насєтѣ дєтєльничєй стадо
У котѣ колоссальной мабѣ
У другої рѣ котѣ, в отдалєнии,
Шєвелитѣ суррула моя...
Ворѣ ели или гѣтѣ, тєя не мєня —
Тєя не мєня — да здравствуй з!

Н. Заболоцкий

СТОЛБЦЫ

полный текст

Титульный лист «венецианской книжки» (Свода 1958 г.). На фронтисписе вклеена репродукция картины Анри Руссо (Таможенника) «Поэт и его муза» («La muse inspirant le poète», 1909). Архив семьи Заболоцких (Москва)

Личный архив

1. Рукопись "^{«Стихотворения и поэмы»} ~~«Стихотворения и поэмы»~~", в переплете.
~~Полное собрание стихов 1926 - 1958 г.г., отобранное~~
~~и обработанное для печати, в переплете.~~
2. Рукопись "Столбцы" в венецианском ком. переплете,
обработанная в 1957 году.
3. "Столбцы" изданы, 1929 года, в ком. переплете.
4. "Журн. Визра 1932, № 1-2 с назв. "Столбцы Заболоцкого".
5. Корректура ~~книжки~~ ^{книжки} изданной книги "Стихотворения".
6. "Вторая книга" изданы 1937 года в 2-х томах, в пер.
7. Корректура книги "Стихотворения" изд. 1948 г. до составления.
8. "Стихотворения" изданы 1948 года, в пер.
9. "Стихотворения" изданы 1957 года, в пер.

Внимание!

1 Это поэтика Гайтис подготовила рукопись поэмы и фрагмент стихов и поэм. Я здесь предлагаю только поэмы и главы Стихотворений. Название:

И. Заболотный. Стихотворения и поэмы.
Стихотворения.

Делится на две книги: первая поэмы и поэмы (1926-1933)
вторая Стихотворения (1932-1958)

Следует отметить

Все Стихотворения по тематическому принципу. Там все тематично и по структуре. Запомните "Стихотворения" по описанию, которое имеет в серии Библея с запиской. В тексте этого Библея находится все тематично, перечисленные в описании.

Там же описаны все тематично поэмы Стихотворения, поэмы и Стихотворения. Стихов примерно 170 и поэм 3.

В конце рукописи набо следует добавить фрагменты.

2

Примечания

Эта рукопись выписана в сеп. полное содержание поэмы Стихотворения и поэмы, установленное мной в 1958 году. Все Стихотворения Стихотворения, поэмы либо написанные и написанные мной, а также или Стихотворения или Стихотворения. Вспомогательная в том случае не нужно.

Тексты настоящих рукописей являются, написаны и черновиками опечатаны; прежде опубликованные варианты многих стихов следует заметить некая, приведенная здесь.

И. Заболотный

6 октября 1958 года

Москва

О необходимости обработки русских былин

Русский былинный эпос — наиболее демократический среди других народных эпосов. Центральная его фигура Илья Муромец, крестьянский сын, — защитник родной земли от врага. Он бескорыстно служит родному народу, а никак не князю с его «кособрюхими» боярами. Только один Микула Селянинович, олицетворение народной силы, в состоянии превозмочь «тягу земную», а никак не князь Вольга с его хитроумными затеями. Не менее примечательны в этом смысле и Василий Буслаев, и другие былинные персонажи. Русские былины не только памятник старины, но и могучее средство воспитания советского человека.

В свое время наши былины представляли собою ряд художественно целостных произведений. Сличение многочисленных позднейших интерпретаций, записанных нашими собирателями, убеждает нас в этом. Мысль об отборе наиболее целостных вариантов, а также мысль о воссоздании целостных текстов — дело не новое. Эти мысли появились еще во времена собирания былин, о критическом отборе их мечтал еще Гильфердинг. Былины пытались обрабатывать Л. Н. Толстой и многие другие писатели.

Необходимость отбора и обработки былин диктуется следующими соображениями:

1. Наши былины записаны собирателями на разных стадиях распада старинного народного творчества, в многочисленных

и часто противоречивых интерпретациях их сюжетов. Многие тома этих записей, представляя собой богатейший материал для науки, недоступны для рядового читателя, который, естественно, хочет иметь единый цельный художественный текст.

2. В силу исторически сложившихся обстоятельств наши северные крестьяне-сказители привнесли в былинный язык многие диалектизмы своего края. Эти местные речения и обороты противостоят общенародности наших былин и затрудняют их чтение.

3. Былинный стих, будучи записан на бумагу, из явления музыкально-вокального стал явлением писаной литературы. Известно, что в живом исполнении сказителей он звучит как стих чисто тонический, а в записи часто превращается в «рубленную прозу» (Гильфердинг). Кроме того: множество мелких вставных бессмысленных словечек (то, ти, ка, ва, нунь и пр.), которые вставляются певцами для размера, в писаном тексте необычайно затрудняют чтение, препятствуя естественному движению речи.

Все эти обстоятельства, вместе взятые, приводят к странному положению, которое хорошо охарактеризовал проф. Водовозов. Он пишет: «Получается совершенно недопустимое положение, когда даже высококультурный Читатель в нашей стране, отлично знающий “Илиаду”, “Одиссею”, “Песнь о Роланде”, “Калевалу” и другие народные эпосы, почти не знает великолепного эпоса русского народа».

В наше время интенсивного роста народного самосознания и новой международной роли русского языка дело организации народного эпоса в единое художественное целое следовало бы считать делом общенародного и государственного значения. Создание народа — русские былины должны быть возвращены народу в художественно целостном виде. Это одна из задач советской литературы и науки о народном творчестве.

Работа проф. Водовозова по своду былин в свое время хотя и вызвала некоторые (и притом справедливые) возражения, но детальному и широкому обсуждению не подвергалась. Проф. Водовозова справедливо упрекали за те натяжки, к которым он прибег, желая превратить былины в единое композиционно цельное произведение. Но это лишь одна сторона дела. Другая сторона заключается в следующем: проф. Водовозов, работая с помощью ножиц и клея, составлял былины из разных кусков, взятых из различных записей. В погоне за наибольшей стройностью содержания он пренебрег цельностью былинного стиха, не вмешиваясь в не-

го и механически соединяя стихи различного звучания, записанные собирателями по разным методам. Таким образом, проф. Водозовов, имея добрый замысел, подошел к своей работе робко, половинчато и методологически, с моей точки зрения, неправильно.

Мне кажется, работу над былинами должен выполнить художник слова, поэт, имеющий достаточную научную подготовку и хорошо знающий язык своего народа. В основу его работы должны лечь следующие соображения:

1. Наши былины не представляют собой единого композиционно цельного произведения, хотя многие из них сюжетно связаны между собою. С этим обстоятельством надо считаться. На основе былин можно написать самостоятельное единое произведение, но превратить народные былины в целостный единый свод нельзя. Былины должны оставаться былинами.

2. Каждая из них, в отдельности взятая, должна быть обработана в части содержания на основании отбора и сличения всех записей данного сюжета. Нередко бывает так, что отдельные ценные мотивы сюжета сохраняются только в разрушенных образцах, в былинных сказках, утерявших стихотворный размер. В этих случаях ценный мотив должен быть возвращен в былинку. По своему содержанию каждая в отдельности взятая былина должна быть художественно целостным произведением.

3. Язык должен быть безусловно очищен от диалектизмов. Он должен сохранять свой народный характер во всем его богатстве, должен быть выдержан в былинном стиле и свободен от новейших особенностей литературной речи.

4. Стих должен быть тоническим, былинным, легко читаемым, свободным от вставных словечек. Здесь потребуется смелая и сложная работа художника-поэта.

Воссозданные таким образом былины могут стать действительным достоянием народа, но уже не как произведение вокального творчества, а как произведение книжной общенародной литературы. Особое значение они будут иметь для школ и для воспитания советской молодежи.

Давид Гурамишвили

(К 250-летию со дня рождения поэта)

Мой язык гремел, как било,
Сердце колоколом пело.

Д. Гурамишвили

Длинную и трудную жизнь прожил Давид Гурамишвили. В юности он был похищен лезгинами и увезен в Дагестан. Первая попытка бегства окончилась неудачей: его поймали и наказали жестоко. Гурамишвили бежал снова и вышел к русским поселениям на Тереке. Здесь его радушно встретили и выходили русские поселенцы-казаки. С Терека Гурамишвили перебрался в Астрахань, а оттуда в 1730 году — в Москву, где в то время, добываясь русской помощи, проживал вместе со своей многочисленной свитой грузинский царь-эмигрант Вахтанг VI. Гурамишвили примкнул к грузинской эмиграции; царь сделал его начальником своего арсенала.

Миссия Вахтанга, как известно, была безуспешна, и царь скончался в 1737 году, отказавшись от политической деятельности. После его смерти эмигранты перешли в русское подданство и поступили на военную службу, получив от правительства царицы Анны Иоанновны поместья на Украине. В качестве русского офицера Гурамишвили принимал участие во многих войнах того времени: турецкой, шведской, Семилетней. В Кюстринском сражении 1758 года поэт попал в плен к пруссакам и до конца 1759 года содержался в Магдебургской крепости. В Россию он возвратился больным, неспособным к военной службе и вышел в отставку с чином поручика. С этого времени он удалился на покой в свое миргород-

ское имение, где и умер в 1792 году, почти никому не известным и всеми забытым полуослепшим стариком.

Литературная судьба Гурамишвили столь же необычна, как и его жизнь. В молодые годы он получил некоторую известность в Москве, при дворе Вахтанга VI. Эмигранты знали Гурамишвили в качестве автора стихотворных экспромтов и остроумных маджамы: молодой человек блистал ими за царским столом, развлекая эмигрантскую знать в ее вынужденном бездействии. Но не этим литературным мелочам суждено было составить посмертную славу Гурамишвили. Все лучшие его творения созданы значительно позже. В те годы, когда они создавались, жизнь поэта, видимо, клонилась к концу, и он уже не мог рассчитывать на литературную известность среди своих соотечественников.

Поэзия Гурамишвили вступила в период своего общественного существования только через шестьдесят лет после смерти ее автора, когда были впервые опубликованы его произведения. Удивления достоин тот факт, что рукопись Гурамишвили дошла до нас целой и почти невредимой. В то время как многие рукописи крупнейших грузинских поэтов XIX века были безвозвратно утрачены, все стихотворное наследие Гурамишвили сохранилось полностью в виде авторской рукописи, то есть в идеальной сохранности, устраняющей всякие разночтения. Существует предание о том, что во время путешествия царевича Мириана по Волге рукопись Гурамишвили едва не потонула и была лишь случайно вытащена веслом из воды. Рукопись и до сей поры носит на себе следы размыва чернил, попортившего автопортретный рисунок поэта. Если предание не вымышлено, то можно лишь благодарить счастливый случай, сохранивший Грузии одного из выдающихся ее поэтов.

Всеобщее признание пришло к поэту спустя длительное время после его смерти. Оно было настолько же безусловным и всеобщим, насколько трагична и безысходна была его личная жизненная судьба.

Мировоззрение и творчество Гурамишвили противоречивы. Черты его деятельного отношения к миру к старости слабеют: нравственная и обличительная проповедь, направленная на возрождение родного народа, уступает место настроениям глубокой безнадежности и мистицизма. Славословия разуму и просвещению сменяются религиозными стихами и сетованиями на коварный мир. Эта эволюция была обусловлена у Гурамишвили це-

лым рядом особо трагических обстоятельств как общественного, так и личного характера.

На глазах поэта погибала его родина, его родной народ. От некогда многочисленного грузинского населения в результате пятисотлетнего, сначала монгольского, а затем иранского и турецкого владычества к середине и концу XVIII века оставалась лишь небольшая его часть. Восточные деспоты добивались физического уничтожения грузинского народа или же его полной ассимиляции. Угасал могучий очаг древней культуры, разрушались храмы и крепости, исчезало просвещение, падало искусство.

Личные бедствия Гурамишвили тесно связаны с бедствиями его родины. Всю свою жизнь он должен был провести в эмиграции. До конца своих дней он тосковал о родине. Военным человеком он стал под давлением обстоятельств. Жизнь на Украине сложилась у него неудачно: не один раз падало там его хозяйство и не один раз приходилось ему начинать все сначала. Была неудачной и семейная жизнь поэта: он был бездетен, и это обстоятельство всегда тяготило его. Бедствия поэта усугублялись еще и тем, что любимое свое детище, свою «книгу-сироту», он не мог обнародовать при жизни и умирал, не зная, что станется с нею.

Подобно Камю, он имел право сказать: «Я умираю вместе с моим отечеством».

Во времена Гурамишвили Грузия представляла собой ряд мелких царств, влачивших тяжелое существование под игом иранских и турецких властителей. Еще в половине XVI века Иран и Турция поделили между собой верховную власть в этой стране: Иран получил Восточную, а Турция — Западную Грузию. Шах Ирана являлся верховным правителем Восточной Грузии. Грузинские цари подчинялись ему и получали престол из его рук. Обычно они должны были для этого принять магометанство и сделаться проводниками иранской политики в собственном отечестве.

Вахтанг VI, карталинский царь, с кем связал свою судьбу Гурамишвили, был, по-видимому, не столь государственным мужем, сколь способным литературным деятелем. Это был поэт, переводчик и ученый, создавший в Тбилиси первую типографию и издавший впервые Руставели. Как государственный деятель, он был большим неудачником: долгое время провел в плену у шаха Ирана, где был принужден принять магометанство и этим вернул себе корону Карталинии. Враг Ирана, в дальнейшем он заключил

с Петром I военно-политический союз и овладел Гянджой, ожидая прибытия русского войска. Однако Петру во время персидского похода дальше Дербента продвинуться не удалось. Шах объявил Вахтанга изменником и лишил его престола. Карталинским царем был сделан царь кахетинский Константин: шах решил посеять вражду между царями Восточной Грузии и достиг своей цели. Константин с помощью иранцев и лезгин овладел Тбилиси. Вахтанг обратился за помощью к Турции. Турки вошли в страну, овладели ею и опустошили ее. Константин был убит в неволе, а Вахтанг бежал в Россию. К этому времени Петр уже скончался, а его преемники в отношении Ирана наступательных шагов не предпринимали, уступив ему обратно петровские приобретения. Вахтанг, как было уже сказано, окончил свою жизнь в эмиграции.

В поэме «Бедствия Грузии» Гурамишвили описывает все эти события и дополняет свой рассказ автобиографическими главами.

Примечателен прежде всего выбор современной автору темы и отказ автора от художественного вымысла в пользу исторического бытописания. Здесь Гурамишвили целиком примыкает к позиции одного из своих прогрессивных предшественников, царя-поэта Арчила II, который в свое время выступил как деятельный противник иранского влияния в грузинской поэзии.

Мы должны помнить, что ко времени Гурамишвили иранская литература уже давным-давно утратила свой былой блеск. Времена расцвета иранской культуры, живительными соками которой в какой-то мере питался еще Руставели, миновали, и в литературе Ирана наступил период своеобразного декаданса с его условной, далекой от жизни тематикой, с его неверием в реальную жизнь и пессимизмом, с одной стороны, и проповедью чувственных наслаждений — с другой. Именно такой по преимуществу и была придворная иранская поэзия того времени, и идти по ее стопам, как это делали некоторые грузинские поэты, значило идти по стопам регресса, вырождения, в то время как реальная обстановка в Грузии требовала величайших усилий героизма и самопожертвования ради спасения страны и народа.

Гурамишвили отверг упадочные иранские тенденции поэзии и пошел новой, самостоятельной дорогой. Правда, в поэме «Бедствия Грузии» он еще не поднялся до уровня художественного обобщения и создания характеров, он еще остался в роли летописца событий, участником и свидетелем которых был сам, и дидактиком-патриотом, но и эта позиция была глубоко прогрессивна,

и ее общественная роль не вызывала сомнения. Теперь остается лишь пожалеть, что известность поэта при его жизни не выходила за пределы грузинской эмиграции. На своей родине Гурамишвили мог бы стать крупным деятелем освобождения, так как сила его художественного слова была необычайно велика.

Гурамишвили с большой отчетливостью формулировал свою боевую творческую программу:

Как хорошее прославить,
Коль дурное не ругать?
Если зло во зло не ставить,
Что добром именовать?
Можно ль добрые поступки
У достойного отнять?
Чем оправдывать злодея,
Лучше мучеником стать!

Льстить в лицо, ругать заочно —
Добрым людям не годится.
Чем с неправдой жить на свете,
Лучше с правдой в небо взвиться.
Разве будет виноградарь
Жалким тернием гордиться?
Пусть погибнет плоть за правду,
Но душа возвеселится!

Говорить я буду правду,
Не глашатай я химере.
Недостойных не прославлю,
Не унижусь в лицемерье.
Пусть хоть голову снимают
С плеч моих, — по крайней мере
Не сравню кого попало
С достойным Кахабери.

Обличителю нередко
Не прощают обличенья,
Но стране забвенья правды
Не приносит облегченья, —

Злоумышленники будут
Продолжать злоумышленья.
Выводите зло наружу,
Чтоб страшились искушенья!*

Такова программа общественного и поэтического подвига Гурамишвили. И как эта программа не похожа на поэтические программы других грузинских поэтов XVII—XVIII веков! Во всяком случае, второй крупный поэт этого периода, Теймураз I, весь погруженный в искусственный мир утонченной иранской эстетики, по своим поэтическим устремлениям был диаметрально противоположен Гурамишвили. А ведь Теймураз I многими считался достойным соперником Руставели!

Манифест Гурамишвили является ярким документом в истории грузинского общественного самосознания и новой страницей в истории грузинской поэзии. Порабощенный народ устами своего поэта заявлял о своем национальном бытии, о своей воле к жизни и утверждению своего национального искусства. Значительность этого явления трудно переоценить, если принять во внимание реальную обстановку того времени.

Описывая бедствия Грузии, Гурамишвили обличает грузинскую правящую знать и в первую очередь царей Восточной Грузии — Вахтанга и Константина:

Не смогли цари поладить, —
Зол был каждый и упрям.
Не умели присмотреться
К государственным делам,
Крепко запертые двери
Лютым отперли врагам, —
Привели лезгинов кахи,
Карталинцы — турок к нам.

Как ни странно, но в этой братоубийственной розни Гурамишвили обвиняет в первую очередь не Константина, царя Кахетии, а Вахтанга, своего патрона и покровителя по эмиграции и единомыш-

* Все цитаты по изд.: Д. Гурамишвили. Давитиани. Перевел с грузинского Н. Заболоцкий. М., Гослитиздат, 1955. <Примеч. Н. З.>

ленника по симпатиям к России. Устами царевича Бакара он заявляет по адресу Вахтанга:

Мудрых дел его доньне
Видеть мне не довелось,
Ведь за что он ни возьмется,
Все идет и вкривь и вкось.

Да и сам царь в поэме говорит про себя:

...Что ж мне делать? Я старался
Послужить родной стране,
Но не смог...

Гурамишвили обвиняет Вахтанга в том, что он не захотел договориться с Константином о едином фронте против общего врага, и особенно в том, что Вахтанг вызвал турок, которые разорили страну.

Белена была Вахтангу
В эти дни вкусней нектара... —

замечает по этому поводу Гурамишвили.

Но, обвиняя во многом Вахтанга, Гурамишвили не может не почувствовать его русофильским тенденциям, поэтому его отношение к Вахтангу двойственно.

Очень характерны в поэме высказывания Гурамишвили о Петре Великом. Опять-таки вслед за своим предшественником, Арчиллом, Гурамишвили восхищается деятельностью царя-преобразователя и заявляет о себе как о горячем стороннике его мудрой политики:

Был на севере владыка,
Повелитель всей России —
Петр Великий, нареченный
Императором впервые.
Он для подвигов великих
Заострил мечи тупые.
О его душе бессмертной
Молят господа живые.

Он при жизни неустанно
Об отечестве радел;
Мудрый, щедрый, справедливый,
Он блюсти закон умел;
Всемогущею рукою
Всех врагов он одолел.
Опочивши, продолжает
Он творить немало дел.

Таким образом, политическая ориентация Гурамишвили совпадает с ваханговской. Но в XVIII веке в силу обстоятельств она не могла принести реальных результатов — освобождения Грузии. Гурамишвили и его патрон были пролагателями того пути, который восторжествовал после их смерти, сами же они погибли трагически, не видя плода многолетних своих усилий.

Большой интерес представляют автобиографические главы поэмы. Без них мы, по всей вероятности, никогда не узнали бы о событиях, которые привели поэта в Россию. Гурамишвили рассказывает о своих приключениях с такой искренностью, с таким простодушием и подчас с такой горькой иронией над самим собой, что до сих пор вызывает живое сочувствие читателя. Особенно трогательно изображает поэт свое бегство из лезгинского плена, когда он после двенадцатидневных скитаний в горах Дагестана, умирая от голода, вышел в предгорья, забрался в какой-то виноградник и вдруг услышал церковный звон.

О, как сердце задрожало,
Услыхав церковный звон!
Я вскочил и оглянулся —
И отпрянул, поражен:
Люди истово крестились
Возле церкви у окон.
Вот оно, мое спасенье!
Кончен вражеский полон!

Возместил мне бог сторицей
Все, чего лишил когда-то!
Как безумное, стучало
Сердце, радостью объято,

И рассыпал изо рта я
Там немало винограда,
И бежать хотел я к людям
Из приветливого сада.

Тут внимательней взглянул я
На неведомых людей, —
Кички женщин поднимались,
Словно рожки у чертей.
Испугался я, несчастный,
Новых дьявольских затей
И решил бежать отсюда
И других искать путей.

.....

Решив бежать, поэт набрал в подол винограду и залег в тростник, ожидая темноты. Но тут подстерегала его новая беда: на беглеца набросилась туча комаров и заставила его забыть обо всех опасностях. Доведенный комарами до иступления, он устремился в село и очутился на сельском гумне.

Словно званный гость, внезапно
На гумне я появился.
Окружив меня толпою,
На меня народ дивился.
У любого под рубахой
Крестик маленький светился.
Медный крестик лобызая,
Трижды я перекрестился.

«Лазарь, дай-ка парню хлеба!» —
Кто-то, сжалившись, сказал.
Слово «хлеб» услышав ухом,
Я, как лист, затрепетал,
Закачался на ногах я,
Пошатнулся, застонал
И, как рухнувшее зданье,
Обессиленный, упал.

Слово «хлеб» я знал по-русски,
Слышал я его и ране.
Услыхав его, я понял,
Что на русской я окрайне.
И душа, забыв о муке,
Погрузилась в ликование,
И, как сноп, я там на землю
Повалился без сознания.

Был казак в селенье этом,
Мне ниспосланный судьбою.
Как родной отец за сыном,
Он ухаживал за мною.
Обнял он меня с любовью,
Оросил мне грудь слезою,
Толмача Январу-пшава
Разыскал, привел с собою.

Примечателен весь тон этого рассказа, это внимание к трагическим происшествиям бегства: к рассыпанному изо рта винограду, к страху перед женскими кичками, к нападению комаров. Благодаря этой особенности автобиографических глав поэма «Бедствия Грузии» приобретает убедительность реалистического жизненно-го повествования.

Примечательны также и те теплые краски, которым поэт рисует свою первую встречу с русскими крестьянами. В то время как изображенные в поэме русские цари Петр и Анна предстают перед нами в схематическом, отвлеченном виде, безымянный терской казак, приютивший и вышедший беглеца-грузина, имеет живое лицо, написанное трогательно и любовно.

Обличая соотечественников — царей, феодалов, духовенство, — Гурамишвили противопоставляет им простой народ, с такой любовью изображенный им в поэме «Веселая весна» («Пастух Кацвия»). Некоторые исследователи называют эту поэму пасторальной, подчеркивая этим наименованием ее жанровую условность и, может быть, недостаточную самостоятельность в разработке темы. С этим утверждением можно соглашаться, можно и не соглашаться, но дело явно не в нем, так как оно не дает представления о значении поэмы в целом. А значение ее велико: эта поэма

хотя и идеализирует патриархальный уклад крестьянской жизни и воспеваает этот уклад как правильный и способный поддержать материальное и нравственное благосостояние народа, однако она первая в грузинской литературе поэма о народе.

С точки зрения литературного мастерства Гурамишвили в этой поэме делает шаг вперед. Если «Бедствия Грузии» представляли собой историческую и автобиографическую летопись в стихах, то «Веселая весна» уже носит характер сюжетного произведения с целым рядом действующих лиц, наделенных характерными признаками. И хотя это произведение, видимо, не закончено автором, оно настолько своеобразно и реалистично для того времени, что о нем можно говорить как о новом слове тогдашней грузинской литературы.

Две поэмы Гурамишвили, дополняя одна другую, дают нам ясное представление об общественной позиции автора. И в то же время они не похожи друг на друга. «Бедствия Грузии» — поэма мрачная по колориту, как бы освещенная тусклым отблеском далекого зари; тяжелые картины вражеского засилия сменяются в ней картинами внутренних грузинских раздоров, гневные обличительные строфы нередко переходят в вопль отчаяния и безнадежности. «Веселая весна», наоборот, исполнена душевного равновесия и умиротворения. Она полна добродушной веселости, местами назидательна и всегда преисполнена веры в народную мудрость и ее непререкаемый авторитет.

Кроме двух поэм, Гурамишвили оставил много песен и стихотворений. Эти его произведения очень разнообразны. Большая часть их, написанная в старости, носит характер религиозных размышлений и песнопений, связанных с тем или иным происшествием из жизни поэта (например, в связи с эпизодом в Кюстринском сражении 1758 года, в связи с разорением украинского имения и пр.). Другая часть представляет собой лирические песни, написанные по мотивам русских, украинских и польских песен. Они интересны тем, что обогатили грузинскую поэзию новыми звучаниями и ввели в ее обиход новые стихотворные размеры. Ряд стихов («Спор человека с бранным миром» и подобные) чем-то напоминает древнерусские и украинские вирши. Наконец, ряд стихов с большой долей реалистического содержания можно отнести к числу лучших произведений Гурамишвили и всей грузинской поэзии в целом.

Из этих последних особенно выделяется стихотворение «Зубовка». Так называется селение, расположенное неподалеку от Миргорода. Около Зубовки поэт встретился с женщиной, которой,

видимо, суждено было сыграть немалую роль в его жизни. Приводим полностью это стихотворение.

ЗУБОВКА

(На мотив русской песни «Казак — душа правдивая»)

Я из Зубовки однажды к дому возвращался
И с красоткой чернобровой в поле повстречался.
На лице ее прекрасном родинка чернела,
Красота ее внезапно сердцем овладела!

Я спросил ее: — О солнце, держишь путь куда ты?
Из какого ты селенья, из какой ты хаты?
Я узрел тебя, и сердце стало словно камень,
Окропи меня водою, жжет меня твой пламень!

Осерчав, она сказала: — Грех тебе, злодею!
Как просить ты смеешь, чтобы стала я твоею!
С соловьем любиться розе, не с тобой, вороной! —
Слыша это, я заплакал, в сердце уязвленный.

И она сказала снова: — Прочь, отстань, прошу я!
Не хочу тебя, другому здесь принадлежу я.
Мой супруг тебя красивей, мужественней с виду, —
Обезумел я, почуяв горькую обиду.

А она: — Ни слова больше! Отцепись, проклятый! —
И ударила, ругая, палкой суковатой.
Покачнулся и упал я, потеряв сознание,
И она передо мною встала, как сиянье.

Пожалела, наклонилась и взяла за руку:
— И за что ты, неразумный, принимаешь муку? —
Я сказал: — Из-за тебя я разума лишился,
Не обласканный тобою, с жизнью распостился!

И красавица с улыбкой ласково сказала:
— Если нас с тобой увидят, худо бы не стало.
Встань, пойдем, пора вернуться каждому до дому,
Будешь здесь, так снова выйду я к тебе, дурному.

И ушла она, пропала, чудо черноброво,
Лишь оставила на память ласковое слово.
С той поры я, раб влюбленный, все гляжу на поле,
Лишь пришла бы, ничего я не желаю боле.

— Я приду, — она сказала. Полный ожиданья,
Не могу в тоске по милой я сдержать рыданья.
В час кончины одинокой не она, так кто же
Дверь в загробное селенье мне откроет, боже?

Послужить моей любимой жажду я, унылый.
Переполненное сердце вечно жаждет милой.
У нее в руках, я знаю, чтобы жил и впредь я,
Есть и хлеб существованья и вода бессмертья.

Дай мне, боже, только ею жить в години эти!
Разве есть еще другая, лучшая, на свете?
За меня она, я знаю, вытерпела муки,
Вижу лик ее обмерший, связанные руки.

Где теперь ты, дорогая? Отзовись скорее!
Ты была мне в целом мире всех людей роднее.
Я в аду тебя не вижу, ты в стране господней,
Так возьми ж меня с собою прочь из преисподней!

Многое удивляет и волнует нас в этом стихотворении. Удивительной кажется внезапность чувства, овладевшего поэтом. Любовь не постепенно назревала в нем, но поразила его мгновенно, с одного взгляда и на всю жизнь. Удивительной кажется и образ возлюбленной поэта — это не идеализированная неземная красавица, но живая, реальная женщина, наделенная всеми признаками украинской крестьянки, трезвой, разумной, уважающей своего мужа и вовсе не склонной к мимолетным шашням с этим чудакон-грузином, который ни с того ни с сего повстречался с нею на жизненной ее дороге. Обратите внимание, как она отчитала его и даже «ударил, ругая, палкой суковатой!» Реализм этой сцены доведен до предела, коллизия — до полного обострения. И вдруг... Что случилось с нею? Что произошло в ее душе? Чем тронул, чем пронзил ее этот чудак, упавший к ее ногам? Не красотой же он взял, не мужественностью, не умом и не достатком своим — на-

оборот, он был скорее жалок, беспомощен, смешон даже! Но что-то вдруг тронуло ее, остановило, и сердце, должно быть, подсказало ей, что за всей видимой нелепостью этого внезапного объяснения таится нечто такое, чего она еще не испытала в жизни своей... И она оставляет его со словами обещания и надежды.

И он ждет ее. И ожидание становится смыслом его жизни. Это ожидание так же поразительно, как ожидание рыцаря Тогенбурга в известной балладе Шиллера. Но Тогенбург жаждал увидеть лицо возлюбленной, затворившейся в монастыре и погрузившейся в тишину религиозного успокоения. А что происходит с этой женщиной в стихотворении Гурамишвили?

За меня она, я знаю, вытерпела муки,
Вижу лик ее обмерший, связанные руки.

Поэт не объясняет нам, что случилось с его любимой. Проведал ли муж о ее внезапной любви и истязал ее в порыве ревности? Или родня ее не захотела смириться с изменницей, опозорившей дом и свое честное имя? Мы не знаем этого. И мы не знаем, осталась ли она в живых, эта женщина, или стала жертвой своей внезапной и необъяснимой любви? Во всяком случае, последнюю строфу стихотворения можно воспринимать как прощание с нею: настолько эта строфа пронзительно безутешна.

В области стихосложения Гурамишвили был новатором не только потому, что чрезвычайно искусно ввел в литературный обиход новые типы поэтических произведений. Он, кроме всего прочего, упростил и приблизил к народному языку своей поэзии, а также ввел новые размеры, получившие в дальнейшем название «гурамули». Прислушиваясь к музыке русских и украинских песен, поэт вводил их элементы в свой поэтический обиход, чем значительно преобразовал грузинское стихосложение. Особенно сказалось это на поэтике его лирических произведений.

По единодушному признанию грузинских литературоведов и писателей, Гурамишвили выделяется среди поэтов Грузии исключительной музыкальностью своих произведений. Его версификация безукоризненна, точна и богата, и в этом отношении он является прямым продолжателем Шота Руставели.

Таким образом, и в узком понятии поэтического мастерства творчество Гурамишвили было явлением исключительного значения. По-

этика его противостояла поэтике писателей иранофильского толка, столь искусственной и ограниченной в своей изощренности и оторванности от интересов народа. Недаром его «гурамули» так быстро привились в Грузии и прочно вошли в обиход грузинской поэзии.

Грузинская литература XVII—XVIII веков была ареной борьбы против культурной и политической диктатуры Ирана. Борьба эта была нелегка, тем более что главным защитником иранских традиций в искусстве был не кто иной, как талантливый грузинский поэт — царь Теймураз I (ум. в 1663 г.). Этот Теймураз, всю жизнь борющийся с Ираном как политический деятель, был верным рабом иранской эстетики как поэт: явление в высшей степени характерное, свидетельствующее об исключительной силе иранских влияний. Его «Вардбулбулиани», «Спор вина с устами» и другие подобные сочинения уводили грузинскую литературу на изнеженный и вырождающийся иранский восток. Теймураз, этот второй Руставели в представлении его поклонников, был не одинок в своем иранофильстве: грузинская литература может указать на ряд его продолжателей, пусть не столь одаренных, как он сам (Бесики и другие).

Поэзия Гурамишвили явилась как бы народным ответом на иранофильскую поэзию Теймураза. Порабощенный врагами, народ отверг поэзию своего эстета-царя и творчеством изгнанника Гурамишвили утвердил реалистический путь своего национального искусства. Под пером Гурамишвили зарождалась новая гражданская поэзия Грузии, одухотворенная передовыми идеями своего века. Она боролась за объединение страны перед лицом общего врага, за возрождение народа, за союз Грузии и России.

Грузинская литература в силу исторических условий не могла развиваться последовательно. После великого Руставели она молчала триста лет, придавленная захватчиками, два века приходила в себя после предыдущих потрясений и, наконец, в XVIII веке родила Гурамишвили, который, таким образом, явился отцом новой грузинской литературы и великим продолжателем дела Руставели.

Из его рук грузинская поэзия XIX века получила свое знамя, которое и было достойно поддержано целой плеядой новых талантов: Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели, Важа Пшавела. Только с их помощью грузинская поэзия окончательно преодолела чужеродные влияния и, не колеблясь, вступила на путь своего национального развития.

Мудрость Руставели

Каждая книга имеет свою судьбу, и судьба некоторых книг поистине поразительна. «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели написана в конце XII века, но эта книга до сей поры является настольной книгой грузинского народа. Списки поэмы Руставели в течение веков переходили из рода в род, от отца к сыну, их дарили в приданое на свадьбах, люди заучивали книгу наизусть, а человек, равнодушный к ней, почитался круглым невеждой. Можно сказать, что целые поколения грузинского народа мыслили нравственными категориями Руставели, составив из его афоризмов своеобразный кодекс морали личной и общественной.

Чем объясняется эта многовековая популярность Шота Руставели? Причин этого явления много, но мы рассмотрим лишь одну из них: моральную концепцию Руставели, которая положена в основу его поэмы. Мы сознательно оставим в стороне ряд вопросов, например вопрос о мировоззрении Руставели в целом, вопрос об отражении грузинской истории в образах его поэмы, вопрос о происхождении его философского и нравственного учения, а также вопросы языка и поэтического мастерства.

Впрочем, по вопросам языка и мастерства следует сделать несколько кратких замечаний.

Отметим, что язык Руставели до сих пор доступен и почти полностью понятен любому грузину. К концу XII века грузинский ли-

тературный язык насчитывал уже не менее восьми веков развития. Во времена Руставели он был уже высоко развитым и сильным организмом, способным выразить все богатство народной, научно-философской и художественной мысли того времени. Высокий расцвет феодальной Грузии времен царицы Тамары ставил Грузию в число передовых государств XII века и благоприятствовал международным культурным связям, что, в свою очередь, не могло не способствовать обогащению грузинской речи. Последующие века упадка, вызванные неравной борьбой с восточными деспотиями — борьбой, которая едва не закончилась физическим истреблением грузинского народа, пагубным образом повлияли и на развитие языка. Язык деградировал в той же степени, в какой деградировала вся культура. Руставели родился вовремя. Родись он веком раньше или веком позже, он не получил бы той питательной среды, которая была необходима для полного развития его природного поэтического дарования. Это понятно каждому, кто более или менее знаком с историей Грузии.

Но понятно также и то, что не одна благоприятная питательная среда обусловила появление столь блестящего поэта. В век Руставели жили и подвизались другие знаменитые стихотворцы — Чахрухадзе, Хонели, Тмогвели, — но ни один из них не вывысился над уровнем своего века. Сделать это мог лишь Руставели, который, будучи гениальным мыслителем, поднял литературный язык на небывалую высоту и коренным образом усовершенствовал грузинское стихосложение. Как мастер стиха, он был и остается непревзойденным виртуозом, но заметим сразу, что изощренно отточенная техника его стихосложения лишь подчеркивает непосредственность его живой речи, не насилуя ее самобытного характера, но, наоборот, обогащая ее множеством народных и разговорных оборотов. В других руках столь изощренная техника легко могла бы стать самоцелью, превратиться в блестящую поэтическую игрушку, что, кстати говоря, нередко случалось с иранскими поэтами того времени. С Руставели этого не случилось. Поэтический механизм как бы скрыт в глубине его величавого здания, построенного с благородной и высокочеловечной целью. С какой же целью построено это здание?

Руставели был для своего времени образованным и передовым человеком. Задолго до начала европейского Возрождения он возвестил людям начало новой гуманистической морали. Его идеалы предстают перед нами не в отвлеченных рассуждениях, но в жи-

вом человеческом воплощении, в образах его героев и героинь, в образах сложных, зачастую противоречивых, нимало не похожих на абстрактных носителей той или иной идеи.

Высокие идеалы мужества, верности долгу, служения родине, идеалы бескорыстной дружбы и одухотворенной любви свойственны многим героям Руставели, но в первую очередь носителем их является витязь Автандил, один из главных героев поэмы. Автандил во имя дружбы, ради спасения погибающего друга, бросает все: и свою возлюбленную, и свое высокое звание полководца, и свое богатство. Он ставит себя в положение бездомного бродяги, скитающегося по свету без крова и пищи, осужденного на одиночество и тоску по своей любимой.

Подвиг преображает духовный облик Автандила, и сама природа теперь дивится ему. Заслышав его пение, звери выходят из лесов и идут следом за ним, мертвые камни выступают из реки и плачут вместе с Автандилом.

Моральный облик Автандила с наибольшей силой отражен в его завещании царю Ростевану. Уезжая на поиски друга, Автандил пишет царю:

Не осудишь ты, я знаю, государь, мое решение.
Мудрый друг не бросит друга, несмотря на все лишения.
Вспомни, царь, Платон-философ нам оставил поученье:
«Ложь несет душе и телу бесконечные мученья».

Так как ложь — источник горя, то, покинув царский кров,
Ради страждущего друга ухожу я от пиров.
Для чего и мудрость людям, коль не чтить ее даров?
Знанья мудрых приобщают нас к гармонии миров.

О любви ты, верно, помнишь, что апостолы гласили,
Как в кимвалы ей бряцали, как в Писанье возносили?
«Возвышает человека лишь любовь!» — они твердили.
Прежде всех живущих в мире должен верить им не ты ли?

Есть ли кто презренней труса, удрученного борьбой,
Кто теряется и медлит, смерть увидев пред собой?
Чем он лучше слабой пряжи, этот воин удалой?
Лучше нам гордиться славой, чем добычею иной!

Смерть сквозь горы и ущелья прилетит в одно мгновение,
Храбрецов она и трусов — всех возьмет без промедленья.
И детей и престарелых ожидает погребенье.
Лучше славная кончина, чем постыдное спасенье!*

Мудрость Автандила активна, в этом ее особое отличительное свойство. Цель Автандила заключается в деятельном преодолении зла, в борьбе с ним. Поэтому он мужествен, бесстрашен, вынослив. «Муж обязан быть вынослив, в тяжких бедах пребывая», — говорит он и выполняет это правило на деле.

Однако не нужно думать, что Автандил только неустрашимый воин, мудрец и безупречный служитель своих высоких идеалов. Его поведение не всегда соответствует тем высоким стремлениям, которыми он одержим. Рисуя идеальные стремления героев, Руставели не уходит от правды жизни и не затушевывает их теневых сторон. Это обстоятельство зачастую ставит в тупик литературоведов, склонных к прямолинейным перспективам и признающих в живописи только две краски — белую и черную.

В самом деле, некоторые поступки Автандила идут вразрез с его идеалами. Этот рыцарь дружбы и верный возлюбленный Тинатин неоднократно декларирует свою вассальную преданность царю Ростевану, который также души не чает в своем любимце. Однако, уезжая в первый раз на поиски Таризла, Автандил попросту обманывает Ростевана, причем обман его сопровождается длительной мистификацией: слуга Шермадин по наущению Автандила три года носит его личину и от имени Автандила ведет переписку с царем. Перед своим вторым отъездом Автандил пытается подкупить царского вазира, а затем самовольно бросает свой пост полководца.

Но всего любопытнее поведение Автандила в Гуланшаро, его любовная связь с Фатьмой. Не видя выхода из трудного положения, он забывает о своей возлюбленной, делается любовником Фатьмы и по ее наущению убивает чачнагира-виночерпия и его ни в чем не повинных стражей... Сам Руставели удивлен диковиным поведением своего героя. «Как решился он на это, невозможно нам понять!» — восклицает он.

Таким образом, фигура Автандила менее всего иконописна. Это противоречивый характер, полный земных человеческих

* Все цитаты даны по изд.: «Витязь в тигровой шкуре». Перевел с грузинского Н. Заболоцкий. М., Гослитиздат, 1957. <Примеч. Н. З.>

страстей, посвятивший себя высокой идее, но не оторвавшийся от земли, породившей его.

А земля, породившая Автандила, — страшная земля, залитая слезами и человеческой кровью. Арабы в поэме Руставели сражаются с хатавами, Таризл со стражей Ростевана, с каджами, с дэвами, Автандил — с пиратами, с чачнагиром и его слугами, Фридон — с собственным дядей и его сыновьями, Давар убивает себя кинжалом, слуги Фатьмы топят похитителей Нестап-Дареджан, и вся эта кровавая эпопея завершается небывалой резней в крепости Каджети. Мир средневекового зверства глядит на нас со страниц поэмы, человеческая жизнь здесь не стоит ничего. Ложь, коварство, двуличие, алчность, трусость, клятвопреступления дополняют картину этого неприглядного мира, где живут герои поэмы, одержимые страстью духовного совершенства и в то же время болеющие всеми болезнями века, который их породил.

Если Автандил является убежденным и деятельным противником зла, то его друг Таризл, центральный герой поэмы, сломленный многочисленными неудачами, теряет волю к жизни и становится миджнуром в том смысле, в каком понимал это слово Восток, и, в частности, такие крупные поэты, как Низами и Навои. «Миджнур» есть грузинское видоизменение арабского слова «меджнун», что значит: обезумевший от любви, одержимый неистовой любовью. Удрученное неправдами окружающего мира, восточное воображение искало в любви того состояния экстаза, отрешенности от бытия, которое позволило бы человеку выйти за предел его человеческих способностей и соприкоснуться с непогрешимыми началами мироздания. Имея в основе естественное человеческое чувство, миджнур творил из объекта своей любви высокоидеализированный образ поклонения, соединение с которым, по существу, становилось для него невозможным вне зависимости от реальных жизненных обстоятельств. Так, герой Низами Кейс, когда он получил возможность соединиться с Лейли, должен был отказаться от нее, ибо он уже переступил за грань разумного человеческого бытия. Женщина, предмет любви, теряла для миджнура жизненные очертания и превращалась в символ служения некоему запредельному совершенству. Миджнур, одержимый любовью, обычно бежал от людей в дикие пустыни, скитался в окружении зверей, проникал силою экзальтации в тайны природы и постепенно превращался в безумца. Таким представляется нам образ миджнура, воспетого многими блестящими стихотворцами средневекового Востока.

Руставели тоже славит миджнуров, он и самого себя называет миджнуром во вступлении к своей поэме. Но идеал высокой любви представляется Руставели совсем в ином свете. Его идеальный миджнур от реальной жизни не отрешается. Наоборот, истинная любовь в понимании Руставели возвышает человека, одухотворяет его, обогащает высокими моральными качествами, придает силы в борьбе с трудностями жизни.

Этот идеал одухотворенного деятельного миджнура ничуть не напоминает нам образ безумного Кейса, неспособного бороться за свое счастье. Истинным миджнуром в поэме Руставели является Автандил. Он так же, как и восточные миджнуры, терпит разлуку со своей возлюбленной и скитается по пустыням вдалеке от людей, но все эти скитания преследуют разумную цель: помощь погибающему собрату. Автандил разумен и деятелен, он обладает как раз теми качествами, которых лишен Кейс.

Таризл, витязь в тигровой шкуре, подобно Кейсу, доходит в своем любовном страдании до границ безумия. Вначале это — витязь, наделенный обычными гиперболическими совершенствами, который занят энергичной деятельностью царедворца, совершает воинские подвиги, участвует в дворцовом заговоре, стремится стать главою государства. Любовь к царевне Нестан-Дареджан является побудительной силой его жизнедеятельности, причиной многих его подвигов. После похищения Нестан-Дареджан. Таризл в продолжение десяти лет разыскивает свою возлюбленную, проявляет кипучую энергию в борьбе с ударами судьбы. Но поиски остаются тщетными, надежды угасают, воля к борьбе слабеет, и Таризл, удалившись в пустыню, впадает в отчаяние и постепенно становится миджнуром в том смысле, в каком понимал это слово Восток. В апогее своего отчаяния он живет страстным ожиданием смерти и загробного свидания со своей возлюбленной. В ответ на увещания Автандила он заявляет:

Одного лишь я желаю, умирая от недуга:
Чтобы встретились за гробом я и милая подруга,
Чтобы мы, покинув землю, вновь увидели друг друга...
Пусть друзья меня схоронят: это лучшая услуга.

Разве может жить влюбленный, если милой больше нет?
Ныне радостно иду я за возлюбленной вослед.

Горько милая заплачет, зарыдаю я в ответ!
Мне дороже ста советов сердца собственный совет.

Знай, скажу тебе всю правду: к жизни мне не возвратиться.
Смерть витает надо мною, сердце хочет позабыться.
Уходи же прочь отсюда! Время плоти разложиться,
К сонму духов бестелесных дух мой немощный стремится.

Проникать в твои советы не имею я желанья.
Смерть близка, и жизнь земная — только краткое дыханье.
Мир претит душе безумной, преступил земную грань я.
Я уж там, куда струятся слезы нашего страданья.

В своем каджетском плену царевна Нестан-Дареджан также близка к этому состоянию, она также живет радостным ожиданием загробного свидания со своим возлюбленным. В своем знаменитом послании к Таризлу она пишет:

Помолись, мой милый, богу, чтоб послал он мне спасенье!
Со стихиями земными тяжко мне соединенье.
Воспарив на легких крыльях, я постигну обновленье,
Днем и ночью буду видеть солнца дивное горенье.

Без тебя не светит солнце, ибо ты — его частица!
Зодиак его любимый, ты обязан с солнцем слиться!
Я в лучах тебя увижу, сердце светом озарится!
Горько было жить на свете — сладко с жизнью распротиться!

Таким образом, эти миджнуры приходят к полному отрицанию земного бытия и, отчаявшись в нем, все надежды возлагают на иное совершенное посмертное существование. Предметы видимого мира теряют для них реальные очертания и преобразуются в символы вечного бытия. Шкура тигра становится для Таризла символом его тигроподобной подруги, чалма Нестан-Дареджан делается символом любви Таризла. Даже в образе живой тигрицы, которую Таризл убивает на охоте, ему чудится потерянная царевна:

Меч я бросил и тигрицу, прыгнув на землю, схватил,
Я искал ее лобзаний ради той, кого любил.

Но она рвала мне кожу и рычала что есть сил.
Распался я от боли и прекрасную убил.

Любопытно то обстоятельство, что вера в лучшее загробное бытие, свойственная этим миджнурам Руставели, лишена привычных церковно-религиозных очертаний. Бог для Руставели — понятие не столько религиозное, сколько философское, это лишь условное обозначение могущественного животворного начала, доброго по природе, не имеющего прямого отношения к порокам человеческого существования:

Вседержитель милосерден, это мир исполнен зол.

Пытаясь проникнуть за грань человеческого разума, миджнур устремляется мыслью в пространства вселенной, в мир звезд и планет, родство человека с которыми так сильно выражено в знаменитом астральном гимне Автандила, а также в приведенном выше отрывке из письма Нестан-Дареджан. Пифагорова «гармония миров» и идеи неоплатоников, как это было отмечено в литературоведении, отразились в произведении Руставели значительно явственнее, чем современная ему религиозная христианская концепция. Недаром поэма Руставели испытала столько гонений со стороны грузинского духовенства.

Увидав Тариэла в состоянии, близком к безумию, Автандил обращается к нему с такими словами:

...Это худшее из дел!

Кто из нас не ведал страсти, кто в горниле не горел?
Но никто ж не рвался к смерти, проклиная свой удел!
Почему твоим рассудком нынче дьявол овладел?

Коль ты мудр, то знай, что мудрость так вещает нам с тобою:
Муж не должен убиваться в столкновении с судьбою,
Муж в беде стоять обязан неприступною стеною.
Коль заходит ум за разум, все кончается бедою!

Как ты, мудрый, забываешь это мудрое реченье?
Чем тебе помогут звери утолить твоё влечение?
Где найдешь ты, умирая, ту, чей лик — твоё мученье?
Если ты еще не ранен, брось о ранах попеченье!

Негативная правда отрицания порочного мира, носителем которой является Таризл (так же и Кейс), сталкивается здесь с позитивной правдой Автандила — правдой жизнеутверждающей, правдой борьбы и активного преодоления зла. После многочисленных испытаний правда Автандила побеждает. Силы разума, дружбы и любви торжествуют: Таризл с помощью Автандила возвращается к жизни и обретает в ней все то, что считал навеки утраченным.

По сути дела, Руставели срывает с восточного миджнурства его освященный традицией ореол и тем самым противопоставляет свой активный жизненный идеал глубоко пессимистическому образу безумного Кейса. В этом и заключается поэтический подвиг Руставели-мыслителя, подвиг поистине национального значения. Грузинскому народу суждена была нелегкая судьба. В продолжение столетий он испытал такие потрясения, которые требовали от него величайшего напряжения всех нравственных сил. Понятно, что слово Руставели прочно вошло в грузинское сознание и завоевало себе общенародный авторитет.

Мудрость Руставели заключается также и в том, что он отказался от прямолинейной проповеди своей жизнеутверждающей правды вне сопоставления ее с правдой пассивного отрицания зла, с правдой негативной. Пассивная правда отрицания зла разрешалась в сфере отдельной личности и не выходила за пределы ее, в то время как мужественный голос Руставели призывал к единению и борьбе. Жизнь показала, что правда Руставели была общенародной правдой.

Руставели не нуждается в наших восхвалениях, так как время и люди сделали его книгу бессмертной. Не нуждается он и в извинениях в тех случаях, когда моральные особенности его героев расходятся с нашими собственными идеалами. Но Руставели нуждается в объяснении и толковании. Нужно, чтобы русский читатель, незнакомый с особенностями грузинской истории и культуры, воспринял поэму Руставели во всей возможной ее полноте.

1958

Заметки переводчика

1. Переводчик служит делу дружбы народов, их взаимному обогащению в области культуры. Весь его труд и все его профессиональные навыки определяются этой основной его целью.

2. Перед переводчиком две чаши весов: первая принадлежит автору оригинала, вторая — читателю перевода. Перевод будет хорош в том случае, если чаши весов не выйдут из равновесия.

3. Успех перевода зависит от того, насколько удачно переводчик сочетал меру точности с мерой естественности. Удачно сочетать эти условия может только тот, кто правильно отличает большое от малого и сознательно жертвует малым для достижения большого.

4. Есть переводчики, которые в своих стихотворных переводах стремятся передать особенности иноязычной речи. Это заблуждение: соловей не может куковать кукушкой, а кукушка — кричать дроздом.

5. Хороший поэт может быть плохим переводчиком. Пример тому Тютчев. Хороший поэт может не иметь склонности к переводам. Пример тому Блок. Но плохой поэт не может быть хорошим переводчиком.

6. Некоторые полагают, что хорошая поэзия хороша тем, что все в ней хорошо безотносительно. Это неверно. Хорошая поэзия хороша тем, что все в ней на месте. При переводе на другой язык

обнаруживается масса условностей — попробуй-ка поставить их на свое место в твоём переводе!

7. Переводчиков справедливо упрекают в том, что многие из них не знают языка, с которого переводят. Однако первая и необходимая их обязанность: хорошо знать тот язык, на котором они пишут.

8. Перевод — экзамен для твоей литературной речи. Он показывает, каким количеством слов ты пользуешься и как часто обращаешься к Ушакову и Далю.

9. Подстрочник поэмы подобен развалинам Колизея. Истинный облик постройки может воспроизвести только тот, кто знаком с историей Рима, его бытом, его обычаями, его искусством, развитием его архитектуры. Случайный зритель на это не способен.

10. Плох тот переводчик, у которого все поэты получаются на одно лицо. Такой переводчик интересуется не переводимыми поэтами, а своей собственной особой. Пример тому Бальмонт.

11. Если ты равнодушен, переводя строку за строкой, почему ты думаешь, что читатель будет читать твой перевод с волнением?

12. Если перевод с иностранного языка не читается как хорошее русское произведение — это перевод или посредственный, или неудачный.

13. Лермонтовские «Горные вершины» лучше гетевского оригинала. Вот исключение, которое никогда не станет правилом.

14. Гладкопись — наш особенный враг. Гладкопись говорит о равнодушии сердца и пренебрежении к читателю.

15. Стил и стилизация не одно и то же. Холодная стилизация приводит к искусственности речи.

16. Переводчик, последователь лингвистического метода, подобно жуку, ползает по тексту и рассматривает каждое слово в огромную лупу. В его переводе слова переведены «по науке», но книгу читать трудно, так как перевод художественного произведения не есть перевод слов.

17. Откуда тебе известно, как будут воспринимать переводимого тобой поэта завтра? Ты переводи его таким, каким он представляется нам сегодня.

18. Если переводимое произведение написано в XII веке, это не значит, что его нужно переводить языком «Слова о полку Игореве». Но переводить его языком нашей разговорной речи также не годится.

19. Переводчик, калькирующий грузинские размеры, гонится за малым и теряет при этом большое. Размеры с грехом пополам

получаются, но читать стихи невозможно и понять, о чем в них говорится, также нет возможности.

20. Один переводчик с восточного языка, где нередко встречается десятикратная рифма, мог любое содержание подтянуть к системе: любовь — кровь — свекровь — морковь. Стихи его были более чем удивительны, но они печатались.

21. Существуют образы, которые, будучи выражены автором, заставляют читателей плакать, а в буквальном переводе на другой язык вызывают смех. Неужели ты будешь смешить людей там, где им положено проливать слезы?

22. Откуда ты взял, что творчество переводимого тобой поэта пожаловано тебе в виде пожизненной вотчины? Шекспира переводили десятки раз и будут переводить не меньше. Успех перевода — дело времени; он не может быть столь же долговечен, как успех оригинала.

От переводчика

В этом году я закончил новый полный перевод Шота Руставели и тем самым завершил цикл моих многолетних работ по переводу грузинской классики.

Произведения пяти лучших поэтов Грузии — Ш. Руставели, Д. Гурамишвили, Г. Орбелиани, И. Чавчавадзе, Важа Пшавела — я перевел или полностью, или частью, отобрав их основные поэмы и стихотворения. Выбор этих поэтов не случаен. Они определили развитие грузинской поэзии с XII по XIX век. Это столбовая дорога грузинской классики, отстоявшей свое национальное лицо в борьбе с чужеродными влияниями.

Советская школа поэтического перевода ныне широко признана не только у нас, но и за рубежом. Можно сказать без преувеличения, что ни одна страна не знала и не знает такого расцвета переводческого дела, какой наблюдается у нас. Теперь мы имеем много талантливых поэтов-переводчиков, у нас есть опыт и основы теории. Двадцать — двадцать пять лет тому назад, когда я начинал свою работу переводчика, положение было иное. Элементарные истины, ныне общепринятые, для многих казались спорными. Особенно много путаницы было в вопросах перевода с восточных языков, далеких по своей структуре от русского языка. Иные переводчики, забывая о том, что они являются писателями русскими и обслуживают читателя русского, шли на

поводу иноязычной речи и пытались привить русскому стиху нормы иноязычного стихосложения. Грузинская силлабика с ее преимущественно дактилическим звучанием буквально калькировалась и превращалась в искусственные, неживые русские подоби́я, неудобочитаемые и тем более неудобопонимаемые. По существу это была практика формалистического перевода, к счастью, непродолжительная и ознаменовавшая себя своими незавидными результатами. Другая серия ошибок происходила по той причине, что иные поэты-переводчики смотрели на оригинал как на материал для собственного произведения, где можно было дать полную волю перу и собственным вкусам. Под пером таких переводчиков средневековый поэт приобретал физиономию нашего современника, а народная песня превращалась в книжную вымученную пастораль.

Как показывает опыт, к простым истинам люди приходят не сразу. После формалистических ошибок, лингвистических загибов и переводческого произвола жизнь буквально поставила на ноги то, что для многих стояло на голове. Сама жизнь подсказала, что тот перевод, который не читается как хорошее русское произведение, является переводом неудачным. Вспомнились заветы Белинского. Но с другой стороны оказалось, что не все то, что хорошо звучит по-русски, поэтически соответствует оригиналу. Оказалось, что перед переводчиком две чаши весов, одна из которых принадлежит автору оригинала, а другая — читателю перевода. И нужно, чтобы чаши весов не выходили из равновесия. Практически это значило: умей отличать большое от малого и сознательно жертвуй малым ради большого. Таким образом, многообразные индивидуальные поиски вошли в организованное русло и дали свои положительные результаты.

Однако что же есть большое и что есть малое? Всякая поэзия полна условностей, почти не замечаемых нами в творчестве талантливых поэтов-соотечественников, но резко выступающих на первый план при переводе поэтов иноязычных. Переводчики хорошо знают эту истину. Но эти условности не составляют сущности поэзии. Существо поэзии — в мысли, в мировоззрении автора, в строе его образов, нарушать которые переводчик не правомочен. Но переводчик не только правомочен, но и обязан выразить это существо автора в строе своей собственной речи, максимально приближенной к манере автора. Здесь возникает ряд конфликтов, и от степени одаренности переводчика зависит их разреше-

ние. Хороший переводчик — сам поэт, он чутьем угадывает степень своих правомочий.

Нужно отметить, что нам, переводчикам братских литератур, неизмеримую помощь оказывали и оказывают ученые и литераторы наших республик. Лично я во многом обязан поэту Симону Чиковани, который еще в довоенное время познакомил меня с Грузией, ее историей и культурой и привлек мое внимание к ее литературе. Он редактировал мой перевод поэмы Руставели и в течение многих лет помогал мне своими советами и многочисленными указаниями.

Большую помощь оказали мне и другие грузинские писатели и литературоведы. Из них Г. Леонидзе и Э. Ананишвили редактировали перевод Гурамишвили, а П. Ингороква — перевод Важа Пшавела. Деятельное участие в редакционной работе над моими переводами принимал покойный В. В. Гольцев.

Сложный труд поэта-переводчика был бы невыполним без постоянной помощи этих истинных друзей нашей многонациональной культуры.

1957

Мысль — Образ — Музыка

Сердце поэзии — в ее содержательности. Содержательность стихов зависит от того, что автор имеет за душой, от его поэтического мироощущения и мировоззрения. Будучи художником, поэт обязан снимать с вещей и явлений их привычные обыденные маски, показывать девственность мира, его значение, полное тайн. Привычные сочетания слов, механические формулы поэзии, риторика и менторство оказывают плохую услугу поэзии. Тот, кто видит вещи и явления в их живом образе, найдет живые и необыденные сочетания слов.

Все слова хороши, и почти все они годятся для поэта. Каждое отдельно взятое слово не является словом художественным. Слово получает свой художественный облик лишь в известном сочетании с другими словами. Каковы же эти сочетания?

Это прежде всего — сочетания смыслов. Смыслы слов образуют браки и свадьбы. Сливаясь вместе, смыслы слов преобразуют друг друга и рождают видоизменения смысла. Атомы новых смыслов складываются в гигантские молекулы, которые, в свою очередь, лепят художественный образ. Сочетаниями образов управляет поэтическая мысль.

Подобно тому как в микроскопическом тельце хромосомы предначертан характер будущего организма, — первичные сочетания смыслов определяют собой общий вид и смысл художественного

произведения. Каким же путем идет поэт — от частного к общему или от общего к частному? Думаю, что ни один из этих путей не годится, ибо голая рассудочность неспособна на поэтические подвиги. Ни аналитический, ни синтетический пути в отдельности для поэта непригодны. Поэт работает всем своим существом, бессознательно сочетая в себе оба этих метода.

Но смысл слова — еще не все слово. Слово имеет звучание, Звучание есть второе неотъемлемое свойство слова. Звучание каждого отдельно взятого слова не имеет художественного значения. Художественное звучание возникает также лишь в сочетаниях слов. Сочетания трудно произносимые, где слова трутся друг о друга, мешают друг другу, толкаются и наступают на ноги, — мало пригодны для поэзии. Слова должны обнимать и ласкать друг друга, образовать живые гирлянды и хороводы, они должны петь, трубить и плакать, они должны перекликаться друг с другом, словно влюбленные в лесу, подмигивать друг другу, подавать тайные знаки, назначать друг другу свидания и дуэли. Не знаю, можно ли научиться такому сочетанию слов. Обычно у поэта они получают-ся сами собою, и часто поэт начинает замечать их лишь после того, как стихотворение написано.

Поэт работает всем своим существом одновременно: разумом, сердцем, душою, мускулами. Он работает всем организмом, и чем согласованней будет эта работа, тем выше будет ее качество. Чтобы торжествовала мысль, он воплощает ее в образы. Чтобы работал язык, он извлекает из него всю его музыкальную мощь. Мысль — Образ — Музыка — вот идеальная тройственность, к которой стремится поэт.

1957

<Почему я не сторонник абстрактной поэзии>

Слово есть средство человеческого общения. Слово рисует в человеческом сознании мир внешний и мир внутренний в одинаковой степени. С помощью слова я обращаюсь к людям. Слово вне человеческого общения теряет свой смысл, оно делается необязательным.

Я — человек, часть мира, его произведение. Я — мысль природы и ее разум. Я — часть человеческого общества, его единица. С моей помощью и природа и человечество преобразуют самих себя, совершенствуются, улучшаются. Но так же, как разум еще не постиг всех тайн микрокосма, он и в области макрокосма еще только талантливое дитя, делающее свои первые удивительные открытия.

Я, поэт, живу в мире очаровательных тайн. Они окружают меня всюду. Растения во всем их многообразии — эта трава, эти цветы, эти деревья — могущественное царство первобытной жизни, основа всего живущего, мои братья, питающие меня и плотью своей, и воздухом, — все они живут рядом со мной. Разве я могу отказаться от родства с ними? Изменчивость растительного пейзажа, сочетание листвы и ветвей, игра солнца на плодах земли — это улыбка на лице моего друга, связанного со мной узами кровного родства.

Косноязычный мир животных, человеческие глаза лошадей и собак, младенческие разговоры птиц, героический рев зверя напоминают мне мой вчерашний день. Разве я могу забыть о нем?

Множество человеческих лиц, каждое из которых — живое зеркало внутренней жизни, тончайший инструмент души, полной тайн, — что может быть привлекательней постоянного общения с ними, наблюдения, дружеского сообщества?

Невидимые глазу величественные здания мысли, которые, подобно деятельным призракам, высются над жизнью человеческого мира, воодушевляют меня, укрепляют во мне веру в человека. Усилия лучшей части человечества, которое борется с болезнями рода людского, борется с безумием братоубийственных войн, с порабощением одного человека другим человеком, мужественно проникает в тайники природы и преобразует ее — все это знаменует новый, лучший этап мировой жизни со времен ее возникновения. Многосложный и многообразный мир со всеми его победами и поражениями, с его радостями и печалью, трагедиями и фарсами окружает меня, и сам я — одна из деятельных его частиц. Моя деятельность — мое художественное слово.

Путешествуя в мире очаровательных тайн, истинный художник снимает с вещей и явлений пленку повседневности и говорит своему читателю:

— Тó, что ты привык видеть ежедневно, тó, по чему ты скользишь равнодушным и привычным взором, — на самом деле не обыденно, не буднично, но полно неизъяснимой прелести, большого внутреннего содержания, и в этом смысле — таинственно. Вот я снимаю пленку с твоих глаз: смотри на мир, работай в нем и радуйся, что ты — человек!

Вот почему я не пессимист.

1957

Литература должна служить народу, это верно, но писатель должен прийти к этой мысли сам, и притом каждый своим собственным путем, преодолев на опыте собственные ошибки и заблуждения. Когда придет время зрелости, эти ошибки и заблуждения пойдут ему на пользу, к ним он уже не возвратится, они не будут казаться ему тем запретным, к которому притягивает человека даже простое любопытство.

10 июля 1958

Проза

Автобиография

Мой дед, крестьянин б. Вятской губернии Агафон Яковлевич Заболоцкий, возвратившись на родину после двадцатипятилетней николаевской службы, записался в мещане своего уездного городка (Уржум) и стал служить лесным объездчиком. Моего отца Алексея Агафоновича он определил в Казанское сельскохозяйственное училище, выхлопотав ему казенную стипендию.

Отец был участковым агрономом сначала Казанского, а потом Вятского земства. За сорокалетнюю работу он, кажется, преуспел в своем деле, и с его помощью значительная часть б. Уржумского уезда ликвидировала трехполье еще до революции. После революции отец заведовал совхозами Уржумского района и работал почти до самой смерти. Умер он в 1929 году, 65 лет от роду.

Я родился в 1903 году 24 апреля старого стиля (7 мая нового стиля) в Казани. В ту пору отец служил агрономом на с/х ферме Казанского земства, в семи километрах от города. В 1910 году отец получил место участкового агронома в Уржумском уезде Вятской губернии, и семья переехала в с. Сернур этого уезда. Здесь я окончил три класса начальной школы, здесь отложились в моем сознании первоначальные впечатления русской природы, здесь я начал писать стихи. Семилетним ребенком я уже выбрал свою будущую профессию.

В 1913 году я был принят в Уржумское реальное училище и с этого времени жил вне семьи, приезжая домой только на канику-

лы. Мой юношеский мир складывался в годы первой мировой войны в обстановке маленького провинциального городка, расположенного за 180 километров от железной дороги. Меня эта жизнь мало устраивала. Я рвался в центр, к живой жизни, к искусству.

Первые годы революции я встретил четырнадцати-пятнадцатилетним мальчиком. В городе появилось много новой интеллигенции. Были и столичные люди — музыканты, учителя, актеры. Некоторые из них поощряли мои литературные опыты, советовали больше работать, ехать в центр. Намерение сделаться писателем окрепло во мне.

Весной 1920 года я окончил школу и осенью приехал в Москву, где был принят на первый курс историко-филологического факультета Первого Московского университета. Однако устроиться в Москве мне не удалось, и в августе 1921 года я уехал в Ленинград и поступил в Педагогический институт им. Герцена по отделению языка и литературы общественно-экономического факультета. Педагогом я быть не собирался и хотел лишь получить литературное образование, необходимое для писательской работы. Жил в студенческом общежитии. Много писал, подражая то Маяковскому, то Блоку, то Есенину. Собственного голоса не находил. Считался способным студентом и одно время даже думал посвятить себя всецело науке. Но привязанность к поэзии оказалась сильнее, и мечты о научной работе были оставлены.

В 1925 году я окончил институт. За моей душой была объемистая тетрадь плохих стихов, мое имущество легко укладывалось в маленькую корзинку. В 1926 году я был призван в армию.

Военную службу я отбывал в Ленинграде, на Выборгской стороне, в команде краткосрочников 59-го стрелкового полка 20-й пехотной дивизии. Наша большая стенгазета, в редакцию которой я входил, считалась лучшей стенгазетой в округе. В 1927 году я сдал экзамен на командира взвода и был уволен в запас.

По выходе из армии я начал работать в детской литературе (Ленинградское отделение Государственного издательства). За десять лет работы я напечатал ряд стихотворений и рассказов в журналах «Еж», «Чиж», «Пионер», «Костер», а также выпустил несколько отдельных книг для детей. Наиболее существенными из них считаю свои обработки Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (вышло четыре издания) и де Костера «Тиль Уленшпигель» (вышло два издания).

Детская литература, однако, не исчерпывала моих интересов, и я продолжал писать лирические стихи. По выходе из армии я попал в обстановку последних лет нэпа. Хищнический быт всякого рода дельцов и предпринимателей был глубоко чужд и враждебен мне. Сатирическое изображение этого быта стало темой моих стихов 1927—1928 годов, которые впоследствии составили книжку «Столбцы».

В эти годы я уже был членом сначала Ленинградского союза поэтов, а потом Всероссийского союза писателей. В моих стихах замечали влияние Велимира Хлебникова. В 1928 году я несколько раз выступал с другими поэтами в Ленинградском Доме печати под флагом «левого искусства». Особых лавров не стяжал, но мои стихи были, по крайней мере, удобопонятны.

Понемногу я начал печататься в литературных страницах «Ленинградской правды», в журнале «Звезда». В 1929 году Издательство писателей в Ленинграде выпустило первую книжку моих стихов «Столбцы». В прессе появилось несколько статей и много рецензий. Наряду с одобрительными отзывами слышались предостерегающие голоса против моего увлечения формальными поэскими.

В эти годы (1929—1930) я работал над новой поэмой о коллективизации и колхозном строительстве, в которой пытался показать отживший собственнический уклад старой деревни и его борьбу с новым. Поэма «Торжество Земледелия» была напечатана в 1933 году в журнале «Звезда». Однако «Правда» подвергла мою поэму жестокой критике, правильно указав, что я не сумел изобразить новых отношений в деревне.

С 1935 по 1938 год я напечатал ряд новых стихов, из которых «Горийская симфония», «Север», «Седов» и др. неоднократно впоследствии перепечатывались и были хорошо встречены критикой. Участвовал в работе пленумов ССП в Минске (1935) и Тбилиси (1937). Был несколько раз в Грузии и переводил грузинских поэтов на русский язык. За перевод Руставели «Витязь в тигровой шкуре» был награжден грамотой ЦИКа Грузии. Был членом Бюро секции поэтов Ленинградского отделения ССП и проводил в Союзе общественную работу. В 1937 году выпустил сборник стихов «Вторая книга», в который вошли стихи 1935—1937 годов.

В 1930 году я женился на Е. В. Клыковой. В 1932 году у нас родился сын Никита, в 1937 году — дочь Наталья. Все время жил в Ленинграде (канал Грибоедова, 9) в двухкомнатной квартире

Литфонда ССП. Выезжал из города только по командировкам Союза и для лечения — в Крым и на Кавказ.

Так продолжалось до 19 марта 1938 года, когда я был арестован органами НКВД. Постановлением Особого совещания НКВД по делу УНКВД Ленинградской области я был приговорен к пяти годам заключения в ИТЛ. Я и до сих пор убежден, что это было роковым следствием судебной ошибки.

По ходатайству администрации лагеря я был освобожден из заключения 18 августа 1944 года и оставлен в лагере в качестве вольнонаемного. Моя семья, которая провела часть блокады в Ленинграде и была эвакуирована в Кировскую область, к этому времени приехала ко мне в Алтайский край.

В феврале 1945 года я был переведен на новое строительство в г. Караганду, где в конце года меня вместе с другими работниками передали в систему Наркомугля. Здесь, в тресте Шахтстрой, я работал до мая 1946 года, когда Министерство госбезопасности разрешило мне переехать в центр и продолжать литературную работу. Я уволился из треста, переехал на жительство в Москву и был восстановлен в Союзе советских писателей, членом которого состоял со времени организации Союза.

10 марта 1948

Ранние годы

Наши предки происходят из крестьян деревни Красная Гора Уржумского уезда Вятской губернии. Деревня расположена на высоком берегу реки Вятки, рядом с городищем, где, по преданию, было укрепление ушкуйников, пришедших в старые времена из Новгорода или Пскова. Возможно, что и наши предки приходится сродни этим своевольным колонизаторам Вятского края.

Прадедом моим был некий Яков, крестьянин, а дедом — сын его Агафон, личность, как мне представляется, во многих отношениях незаурядная. Высокого роста, косая сажень в плечах, он до кончины своей был физически необычайно силен, гнул в трубку медные екатерининские пятаки и в то же время отличался большим простодушием и доверчивостью к людям. В николаевские времена он двадцать пять лет прослужил на военной службе, отбился от крестьянства и, выйдя в отставку, записался в уржумские мещане. Работал он где-то в лесничестве лесным объездчиком. Когда в Крымскую войну разнесся слух о бедствиях русской армии, дед мой стал во главе дружины добровольцев и повел ее пешком через всю Россию на выручку Севастополя. Вернули его откуда-то из-под Курска: Севастополь пал, не дождавшись своего нового защитника.

Сам я деда не помню, но зато хорошо помню его жену, мою бабу, тихую, безропотную старушку, которую дед держал в страхе

Божием. На фотографиях рядом с дедом она выглядит весьма слабым и смиренным созданием. Не думаю, что жизнь ее с супругом была особенно сладкой. Деда она пережила: Агафон умер еще в крепких летах от апоплексического удара.

Одного из двух своих сыновей, моего отца Алексея Агафоновича, дед умудрился обучить в Казанском сельскохозяйственном училище на казенную стипендию. Отец стал агрономом, человеком умственного труда, — первый в длинном ряду своих предков-земледельцев. По своему воспитанию, нраву и характеру работы он стоял где-то на полпути между крестьянством и тогдашней интеллигенцией. Не столь теоретик, сколь убежденный практик, он около сорока лет проработал с крестьянами, разъезжая по полям своего участка, чуть ли не треть уезда перевел с трехполья на многополье и уже в советское время, шестидесятилетним стариком, был чествуем как герой труда, о чем и до сих пор в моих бумагах хранится немудрая уездная грамота.

Отцу были свойственны многие черты старозаветной патриархальности, которые каким-то странным образом уживались в нем с его наукой и с его борьбой против земледельческой косности крестьянства. Высокий, видный собою, с красивой черной шевелюрой, он носил свою светло-рыжую бороду на два клина, ходил в поддевке и русских сапогах, был умеренно религиозен, науки почитал, в высокие дела мира сего предпочитал не вмешиваться и жил интересами своей непосредственной работы и заботами своего многочисленного семейства.

Семью он старался держать в строгости, руководствуясь, вероятно, взглядами, унаследованными с детства, но уже и среда была не та, и времена были другие. Женился он поздно, в сорокалетнем возрасте, и взял себе в жены школьную учительницу из уездного города Нолинска, мою будущую мать, — девушку, сочувствующую революционным идеям своего времени. Брак родителей был неудачен во всех отношениях. Трудно представить себе, что толкнуло друг к другу этих людей, столь различных по воспитанию и складу характера. Семейные раздоры были обычными картинами моего детства.

Я был первым ребенком в семье и родился в 1903 г. 24 апреля под Казанью, на ферме, где отец служил агрономом. Когда мне было лет шесть, у отца случилась какая-то служебная неприятность, в результате которой мы переехали сначала в село Кукмор, а потом в Вятскую губернию. Это был мрачный период в жизни отца: некоторое время он был без работы, в Кукморе служил даже не

по специальности — страховым агентом и выпивал с горя. Впрочем, период этот длился недолго: в 1910 г. мы перебрались в родной отцу Уржумский уезд, где отец снова получил место агронома в селе Сернур.

Село было небольшое: площадь с церковью, волостным правлением и домами причта и две длинные улицы, примыкающие к ней с двух концов, — Нурбель и Низовка. Под прямым углом к этим улицам, к площади примыкали две короткие улочки: на одной была сельская школа, а на другой — больница. Недалеко от школы поселились и мы в длинном бревенчатом доме, разделенном перегородками на отдельные комнаты-клетушки.

Удивительные были места в этом Сернуре и его окрестностях! Помнится мне Епифаниевская ферма — поместье какого-то старозаветного богатея-священника — черный дряхлый дом из столетних бревен, величественный огромный сад, пруды, заросшие ивами, и бесконечные уголья: луга и рощи. Мои первые неизгладимые впечатления природы связаны с этими местами. Вдоволь наслушался я там соловьев, вдоволь насмотрелся закатов и всей целомудренной прелести растительного мира. Свою сознательную жизнь я почти полностью прожил в больших городах, но чудесная природа Сернура никогда не умирала в моей душе и отобразилась во многих моих стихотворениях.

А человеческая жизнь вокруг была такая скудная! Особенно бедствовали марийцы — исконные жители этого края. Нищета, голод, трахома сживали их со свету. Купеческое сословие, дома священников — они стояли как-то в стороне от нашей семьи: по скудости средств отец не мог, да и не хотел стоять на равной ноге с ними. Мы, дети, однако ж, знались между собою, у нас были общие интересы, игры. В 1912 г., когда повсюду праздновалось столетие наполеоновской войны, мы, мальчишки, бредили Кутузовым, Багратионом, Платовым и знали как свои пять пальцев всех героев Двенадцатого года. Увешанные бумажными орденами, деревянными саблями, мы с пиками наперевес носились по окрестным садам и вели ожесточенные бои с зарослями крапивы, которая изображала собой воинство Бонапарта. Я неизменно был атаманом казачьих войск Платовым и никогда не соглашался на более почетные роли, ибо Платов представлялся мне образцом русского геройства, удали и молодечества.

В начальной школе я учился старательно. Но школа была бедная и скудная, ученики — крестьянские мальчишки, и среди них —

много мариЙцев, изнуренных нуждою. Священник о. Сергей бивал нас линейкой по рукам и ставил на горох в угол. Однажды зимой, в люТый мороз, в село принесли чудотворную икону, и мой товарищ, мариЙский мальчик Ваня Мамаев, в худой своей одежке, с утра до ночи ходил с монахами по домам, таская церковный фонарь на длинной палке. Бедняга замерз до полусмерти, измучился и получил в награду лаковую картинку с изображением Николая Чудотворца. Я завидовал его счастьем самой черной завистью.

Уржум, ближайший уездный город, был в шестидесяти верстах от нашего села. В Уржуме было реальное училище, отлично оборудованное в новом корпусе, построенном на средства местного земства — одного из передовых земств тогдашней России. В 1913 г., десятилетним мальчиком, я сдавал туда вступительные экзамены. Экзамены шли в огромном зале. Перед стеклянной дверью в этот зал толпились и волновались родители. Когда мать провела меня в это святилище науки, я слышал, как кто-то сказал в толпе: «Ну, этот сдаст. Смотрите, лоб-то какой обширный!» И действительно, сначала все шло благополучно. Я хорошо отвечал по устным предметам — русскому языку, Закону Божьему, арифметике. Но письменная арифметика подвела: в задачке я что-то напутал, долго бился, отчаялся и, каюсь, малодушно всплакнул, сидя на своей парте. К счастью, в мой листочек заглянул подошедший сзади учитель и, усмехнувшись, ткнул пальцем куда следовало. Я увидел ошибку, и задачка решилась. В списке принятых оказалась и моя фамилия.

Это было великое, несказанное счастье! Мой мир раздвинулся до громадных пределов, ибо крохотный Уржум представлялся моему взору колоссальным городом, полным всяких чудес. Как была прекрасна эта Большая улица с великолепным красного кирпича собором! Как пленительны были звуки рояля, доносившиеся из открытых окон купеческого дома, — звуки, еще никогда в жизни не слышанные мною! А городской сад с оркестром, а городские по углам, а магазины, полные необычайно дорогих и прекрасных вещей!

А эти милые гимназисточки в коричневых платьицах с белыми передничками, красавицы — все как одна! — на которых я боялся поднять глаза, смущаясь и робея перед лицом их нежной прелести! Недаром вот уже три года, как я писал стихи, и, читая поэтов, понабрался у них всякой всячины!

У моего отца была библиотека — книжный шкаф, наполненный книгами. С 1900 г. отец выписывал «Ниву», и понемногу из приложений к этому журналу у него составилось порядочное собрание русской классики, которое он старательно переплетал и приумножал случайными покупками. Этот отцовский шкаф с раннего детства стал моим любимым наставником и воспитателем. За стеклянной его дверцей, наклеенное на картоночку, виднелось наставление, вырезанное отцом из календаря. Я сотни раз читал его и теперь, сорок пять лет спустя, дословно помню его немудреное содержание. Наставление гласило: «Милый друг! Люби и уважай книги. Книги — плод ума человеческого. Береги их, не рви и не пачкай. Написать книгу нелегко. Для многих книги — все равно что хлеб».

Сам-то отец, говоря по правде, не так уж часто заглядывал в свой шкаф, он скорее уважал его, чем любил, — однако детская душа восприняла его календарную премудрость со всей пылкостью и непосредственностью детства. К тому же каждая книга, прочитанная мной, убеждала меня в правильности этого наставления. Здесь, около книжного шкафа с его календарной панацеей, я навсегда выбрал себе профессию и стал писателем, сам еще не вполне понимая смысл этого большого для меня события.

И вот я — реалист. На мне великолепная черного сукна фуражка с лаковым козырьком, блестящим гербом и желтыми кантами. Я одет в черную, с теми же кантами, шинель, и пуговицы мои золотого цвета. Однако парадная форма положена нам голубая, и потому нас, реалистов, дразнят: «Яичница с луком!» Но кто дразнит? Ученики какого-то городского училища. Это — от зависти. Зависть же оттого, что в городе одна-единственная женская гимназия, а мужских училищ два — реальное и городское. Мы, как кавалеры, без особенного усилия забиваем их — городских. Отсюда наши вековечные распри.

Иной раз эти распри принимают серьезный оборот. В городе существует заброшенное Митрофаньевское кладбище — место свиданий и любовных встреч. Бывают вечера, когда по незримо-му телеграфу передается весть: «Наших бьют!» Тогда все реалисты, наперекор всем установлениям и порядкам, устремляются к Митрофанию и вступают в бой с городскими. Орудиями боя чаще всего служат кожаные форменные ремни, обернутые вокруг ладони. Медная бляха, направленная ребром на противника, действует как булава и может натворить немало бед. Почти всегда по-

бедителями выходим мы, реалисты, но кое-когда достается и нам, если мы проморгаем нужное время.

Но как тяжело вдали от дома! Я устроен «на хлеба» к хозяйке Таисии Алексеевне. Вместе со мной в комнате живет еще один мальчик.

Нас кормят, нам стирают белье, за нами приглядывают, и все это стоит нашим отцам недешево — по тринадцать рублей с брата в месяц. Наш надзиратель «Бобка», а то и сам инспектор могут нагрянуть к нам в любой вечер: после семи часов вечера мы не имеем права появляться на улице. Но где же набраться силы, чтобы выполнять это предписание? Здесь, в этом великолепном городе, действует кинематограф «Фурор», а там идут картины с участием Веры Холодной и несравненного Мозжухина! Приходится идти на то, что старшие наряжают меня девчонкой и тащат с собой на очередной киносеанс. Все как-то сходило с рук, но однажды мы попались: в наше отсутствие явился на квартиру инспектор и устроил скандал. К счастью, в этот вечер горела городская лесопилка, и мы отговорились тем, что были на пожаре. В кондуит мы все же попали, но это было полбеда.

Реальное училище было великолепно. Каждое утро, раздевшись внизу, я, придерживая рукой ранец, поднимался по двум пролетам лестницы и в трех шагах от инспектора щелкал каблучками, кланялся и старался прошмыгнуть дальше. Но это не всегда удавалось. Образец педантизма, немец-инспектор Силяндер был неумолимо строг. Заметив несвеженачищенные ботинки, он отсылал нерадивого вниз, где под лестницей стояла скамья со щетками и ваксой. Там надлежало привести обувь в порядок и процедуру представления повторить снова. В перемену, когда мы беззаботно бегали по коридору или гуляли по залу, к нам мог подойти надзиратель, расстегнуть воротник блузы и проверить белье. И горе тому, у кого белье было цветное или недостаточно чистое, — неряха попадал в кондуит или получал строгий выговор от начальства. Так школа приучала нас следить за собой, и это было необходимо, так как состав учеников у нас был пестрый — были тут дети и городской интеллигенции, и дети чиновников, и дети купцов, и много крестьянских детей. Жизненные навыки у нас были в одно и то же время и разнообразны и недостаточны.

Наш учебный день начинался в актовом зале общей молитвой. Здесь, на передней стене, к которой мы становились лицом, висел большой, до самого потолка, парадный портрет царя в золотой ра-

ме. Царь был изображен в мантии и во всех регалиях. Классы выстраивались в установленном порядке, но из них выделялся хор, который становился с левой стороны. Когда все приходило в порядок и учителя, одетые в мундиры, занимали свои места, в зале появлялся директор, и молитва начиналась. Сначала какой-нибудь младенец-новичок читал «Царю небесный», потом пели, потом отец Михаил, наш законоучитель, вечно страдающий флюсом, жиденьким тенорком читал главу из Евангелия, и все это заканчивалось пением гимна «Боже, царя храни». Затем мы с облегчением разбегались по классам.

Оборудование школы было не только хорошо, но сделало бы честь любому столичному училищу. Впоследствии, будучи ленинградским студентом, я давал пробные уроки в некоторых школах Ленинграда, но ни одна из них не шла в сравнение с нашим реальным училищем, расположенным в ста восьмидесяти километрах от железной дороги. У нас были большие, чистые и светлые классы, отличные кабинеты и аудитории по физике и химии, где скамьи располагались амфитеатром, и нам отовсюду были видны те опыты, которые демонстрировал учитель. Особенно великолепен был класс для рисования. Это тоже был амфитеатр, где каждый из нас имел отдельный мольберт. Вокруг стояли статуи — копии античных скульптур. Рисование вместе с математикой считались у нас важнейшими предметами, нас обучали владеть и карандашом, и акварелью, и маслом. У нас были свои местные художники-знаменитости, и вообще живопись была предметом всеобщего увлечения. Хорош был также гимнастический зал с его оборудованием: турником, кожаной кобылой, параллельными брусьями, канатами и шестами. На праздниках «сокольской» гимнастики мы выступали в специальных рубашках с трехцветными поясами, и любоваться нашими выступлениями приходил весь город.

Круг учителей был пестрый. Общей нашей любовью стал Владислав Павлович Спасский, учитель истории, еще молодой тогда человек. В то время когда прочие учителя ходили в форменных сюртуках, он почему-то носил пиджак, правда, с теми же лацканами и пуговицами. С принятыми у нас учебниками Иванова он считался мало, основными движущими силами истории считал материальное бытие человечества и по основным вопросам давал свои формулировки, которые заставлял записывать в тетрадь и требовал от нас хорошего их понимания. Никакие ссылки на учебник не помогали иному лентяю в его ответах — уделом его была неиз-

менная двойка в дневнике. Это обстоятельство долгое время обезкураживало нас, но со временем мы поняли, что Спасский — человек самостоятельной мысли, и это обстоятельство необычайно подняло его авторитет в наших глазах. В жизни он был малоразговорчив, сосредоточен и никогда не был с нами запанибрата. Мы уважали его и гордились тем, что он был нашим классным наставником с первого класса.

Учитель естествоведения был высок, кривоват на один глаз, но преподавал увлекательно, был любитель посмеяться и перед канникулами часто читал нам Чехова, причем читал так уморительно и так заразительно смеялся сам, что мы всем классом, конечно, дружно вторили ему. Это был хороший, дружелюбно настроенный к нам и прогрессивный человек, как то показало его поведение после революции.

Федор Логинович Логинов, учитель рисования, красавец мужчина, кумир уездных дам, пользовался нашей любовью именно потому, что преподавал любезное нашему сердцу рисование, а также потому, что имел порядочный баритон и недурно пел на наших концертах.

Безусловное влияние на нас имела учительница немецкого языка Эльза Густавовна, по мужу Сушкова. В своем синем форменном платье, педантично-аккуратная и в то же время моложавая и миловидная, она была с нами настойчива и трудолюбива. Часто на переменах мы слышали, как она беседует по-немецки с инспектором, и этот свободный иноязычный разговор на нас, провинциальных мальчуганов, производил большое впечатление.

Зато всем классом, дружно, как по уговору, мы ненавидели нашу француженку Елизавету Осиповну Вейль. Это была низенькая, чопорная, в седых аккуратных буклях, старая дева, и во всех ее манерах было что-то такое, что нам, маленьким медвежатам, казалось глубоко чуждым и враждебным. Она почему-то ходила с тростью и часто гуляла по городу со своей отвратительной болонкой. С классом у нее не было общего языка, она была придирчива и нажила себе среди нас немало врагов. В первом же классе мы однажды устроили на ее уроке целое представление. Старая дева имела привычку довольно часто чихать. Чихнув, она величественно открывала свой ридикюль, вынимала платочек, и мы были обязаны сказать ей хором: «А вотр сантэ!»

Пашка Коршунов принес в класс нюхательного табаку и в перемену, перед французским языком, покуда все мы развлекались

в зале, рассыпал табак по партам, причем изрядное количество его попало и на учительскую кафедру. Начался урок. Все шло по заведенному порядку, уже было выяснено, какое «ожордви» число и кто из учеников «сонтапсан», как вдруг учительница вынула платок и чихнула.

— А вотр сантэ, — сказали мы, и занятия продолжались.

Но вот французенка чихнула во второй, в третий, в четвертый раз.

— А вотр сантэ! А вотр сантэ! — отвечали мы.

И вдруг и справа и слева послышались чиханья, сперва легкие и короткие, потом все более ожесточенные и наконец превратившиеся в сплошное безобразие. Старушка же, закрывшись платочком, чихала непрерывно, слезы ручьем текли по ее лицу, и класс, сам изнемогая от нестерпимого зуда в носу и глотке, кричал, захлебываясь:

— А вотр сантэ, а вотр сантэ, мадемуазель!

Кончилось дело тем, что французенка выбежала за дверь и Пашка Коршунов в одну минуту замел все следы своего преступления. Явился инспектор. После уроков мы два часа простояли на ногах всем классом. Пашку Коршунова мы не выдали.

В первые дни революции, когда я учился в четвертом классе, в квартире французенки были выбиты камнями все окна, и с тех пор она исчезла с нашего горизонта. Нечего говорить о том, что по-французски мы были «ни в зуб ногой».

Мальчишеских дурачеств было достаточно, но любопытно, что проявлялись они лишь в отношении немногих, особенно нелюбимых нами учителей. Однажды нам, наблюдательным бесенятам, показалось, и, может быть, не без некоторого основания, что Спасский и немка равнодушны друг к другу. Тотчас на классной доске появилась огромная надпись мелом: «В. П. = Э. Г.». То есть Владислав Павлович равняется Эльзе Густавовне. Немка, увидев эту надпись, покраснела и поспешно вышла из класса. Но едва в класс вошел Спасский и увидел наше произведение, он спокойно сел за кафедру и обычным голосом сказал:

— Дежурный, сотрите с доски.

Это было сказано так ровно, спокойно и твердо, что класс сразу понял: тут шутить нельзя. И шутка больше не повторялась.

Батюшку, отца Михаила, мы не ставили ни во что. Это был удивительный неудачник, ни в ком не вызывающий сожаления. Когда-то он окончил юридический факультет университета, но

потом, по убеждениям, принял духовный сан. Со своим вечным флюсом, с багрово-сизым носом, с бабьим тенорком и мочальными волосиками, он производил жалкое впечатление. Жена ему ежегодно рожала по очередному младенцу, и это тоже смешило нас. Однажды наши озорники прибили ему калоши гвоздями к полу, так что батюшка, надевая их, едва не растянулся и упал бы, если бы не подвернувшийся под руку швейцар Василий. На уроках, ко всеобщей нашей потехе, он повествовал об Ионе во чреве кита и всем ставил или пятерки, или единицы. Уважать его оснований не было.

Остальные учителя были ни то ни се. Русский язык преподавал Иван Савельевич Баймеков, мариец по-национальности, арифметику и алгебру — молодой белокрысый Беляев — личности, ничем не примечательные. Учителем гимнастики был некто Холодковский, он же надзиратель, он же Бобка. В нем чувствовалось нечто от старозаветного педеля: с начальством он был угодлив, со старшеклассниками держался запанибрата, и они угощали его папиросами в уборной. Мы, младшие, его вниманием не пользовались, но инстинктивно считали его предателем и не доверяли ему.

Во главе училища стоял директор Богатырев Михаил Федорович. Швейцар Василий, раздевая его внизу, величал его: «Ваше превосходительство». Директор был представителен, красив в своей живописной седине, к тому же он считался незаурядным математиком и великолепным шахматистом. Но он стоял так высоко над нами и так мало общался с младшими классами, что мы долгое время не имели о нем определенного мнения.

Из моих новых товарищей я сразу же подружился с Мишей Ивановым, сыном учительницы женской гимназии. Это был нежный тонкий мальчик с прекрасными темными глазами, впечатлительный, скромный, большой любитель рисования, сразу сделавший большие успехи по этому предмету. Сам же я был в детстве порядочный увалень, малоподвижный, застенчивый и втайне честолюбивый и настороженный. Когда, бывало, мать говорила мне в детстве: «Ты пошел бы погулять, Коля!» — я неизменно отвечал ей: «Нет, я лучше посижу». И сидел один в молчании, и мне нисколько не было скучно, и голова моя была, очевидно, занята какими-то важными размышлениями. С нервным и хрупким Мишей Ивановым нас сблизила, как видно, противоположность темперамента при общем сходстве интересов: мы оба были поклонниками искусства. Наша дружба была верной и прочной за все

время нашего ученичества. Мы поверяли друг другу самые интимные свои тайны, делились самыми смелыми своими надеждами. А их было уже немало в те ранние наши годы!

Оба мы были влюблены — постоянно и безусловно. Разница была лишь в том, что Миша никогда не изменял в своих мечтах юной и прелестной Ниночке Перельман, — мои же предметы менялись почти еженедельно. Уж если говорить по правде, то еще в Сернуре я был безнадежно влюблен в свою маленькую соседку Еню Баранову. Ее полное имя было Евгения, но все, по домашней привычке, звали ее почему-то Еня, а не Женя. У Ени были красивые серые глаза, которые своей чистой округлостью заставляли вспоминать о ее фамилии, но это придавало ей лишь особую прелесть. После долгих мучительных колебаний я однажды совершенно неожиданно сказал ей басом: «Я люблю вас, Еня!» Еня с недоумением и полным непониманием происходящего подняла на меня свои чистые бараньи глазки, и, увидав их, я побагровел от стыда, повернулся и ударился в малодушное бегство. Через несколько дней после этого события нас обоих отвезли в Уржум и отдали меня в реальное училище, а ее — в гимназию. И надо же было так случиться, что ежедневно утром, по дороге в школу, мы непременно встречались с нею, и она смотрела на меня так вопрошительно, так недоумевающе... Я же, надувшись, едва кланялся ей: этим способом я, несчастный, мстил ей за свое невыразимое позорище.

Потом появилась у меня другая любовь — бледная, как лилия, дочка немца-провизора Рита Витман. В своей круглой гимназической шапочке со значком, загадочная и молчаливая, она была, безусловно, воплощением совершенства, но объяснить с нею я уже не мог, и она никогда не узнала о том, как мечтал о ней этот краснощекий реалистик, какие пламенные стихи посвящал он ее красоте!

Вслед за Ритой Витман появились у меня и другие предметы воздыхания, и среди них — курносая и разбитная Нина Пантюхина. С этой девицей был у меня хотя и не длинный, но деятельный роман. В начале немецкой войны мы собирали пожертвования в пользу раненых воинов. Ходили по домам парами: реалист и гимназистка. Реалист носил кружку для денег, гимназистка — щиток с металлическими жетонами, которые прикалывались на грудь жертвователям. Во всем этом деле моей неизменной дамой была Нина. И на каждой лестнице, прежде чем дернуть за ручку

звонка, мы, да простит нам Господь Бог, целовались с удовольствием и увлечением. Таким образом я мало-помалу начинал постигать искусство любви, в то время как мой бедный друг Миша Иванов кротко и безнадежно мечтал о своей красавице и не дерзал даже близко подходить к ней!

Роман Миши Иванова с Ниной Перельман кончился трагически. Были в нашем классе два оболтуса — Митька Окунев и Петька Ливанов. Эти великовозрастные парни, аккуратные второгодники, сидели рядом на «Камчатке» и были воплощением всех пороков, доступных нашему воображению. Они не учили уроков, дерзили учителям, курили, немилосердно угнетали нас щелчками, пинками и подзатыльниками. Ливанов имел при этом необычайно выдающийся кадык и пел в хоре басом. Огненно-рыжий, весь в веснушках, Митька Окунев был удалец по дамской части. Когда, после исчезновения француженки Вейль, на ее место была назначена новая учительница — великолепная, с пышными формами шатенка, — Митька Окунев, будучи вызван к ответу, принимал фатоватую позу ловеласа и молча упирался своими наглыми глазищами в эту новоприбывшую красавицу. И весь класс, замирая, видел, как лицо ее начинало покрываться багровым румянцем. Она краснела вся, до самых ушей, даже шея ее краснела, на глазах ее появлялись слезы, и наконец, захлопнув журнал, она убежала из класса... Товарищ этого молодца — Петька Ливанов — в последние годы нашего ученичества соблазнил бедняжку Нину Перельман и бросил ее, а Миша Иванов, неизменный и молчаливый ее поклонник, сошел с ума в Москве, куда он уехал поступать в художественное училище. Через несколько лет он умер в Уржуме, у своих родных...

Маленький захолустный Уржум впоследствии прославился как родина С. М. Кирова. В мое время это был обычный мещанский городок, окруженный морем полей и лесов северо-восточной части России. Были в нем два мизерных заводика — кожевенный и спирто-водочный, в семи верстах — пристань на судоходной Вятке. Отцы города — местное купечество — развлекались в Обществе трезвости, своеобразном городском клубе. Было пять-шесть церквей, театр в виде длинного деревянного барака под названием «Аудитория», земская управа, воинское присутствие, номера Потапова и еще кого-то, весьма основательный острог на площади, аптека, казарма местного гарнизона. Гарнизон состоял из роты солдат под командой бравого поручика, кривого на один глаз, но лихого, в перчатках и при шпаге. Существовала пожар-

ная команда с ее выдающимся духовым оркестром. На парадах по царским дням мы имели удовольствие наблюдать все это храброе воинство. Парад принимал настоящий генерал, правда, в отставке, по фамилии Смирнов. Эта еле двигающаяся развалина, одетая в древний мундир, белые штаны и треуголку, с трудом вылезала из собора, воинство брало «на караул», и еле слышный старческий голосок поздравлял его с тезоименитством государя императора. Воинство гаркало в ответ, неистово подавал команду поручик, пожарники, хлебнув заблаговременно по чарке, взывали на своих трубах и литаврах, и рота дефилировала к казарме. Толпа торговков, шумя и толкаясь, провожала своих любезных восторженными взглядами и восклицаниями.

Каждую субботу и воскресенье мы обязаны были являться к обедне и всенощной. Мы, реалисты, построены в ряды, стояли в правом приделе собора, гимназистки в своих белых передничках — в левом. За спиной дежурило начальство, наблюдая за нашим поведением. Дневные службы я не любил: это тоскливое двухчасовое стояние на ногах, и притом на виду у инспектора, удручало всю нашу братию. Мудрено было жить божественными мыслями, если каждую минуту можно было ожидать замечания за то, что не крестишься и не кланяешься там, где это положено правилами. Но тихие всенощные в полутемной, мерцающей огоньками церкви невольно располагали к задумчивости и сладкой грусти. Хор был отличный, и, когда девичьи голоса пели «Слава в вышних Богу» или «Свете тихий», слезы подступали к горлу, и я по-мальчишески верил во что-то высшее и милосердное, что парит высоко над нами и, наверное, поможет мне добиться настоящего человеческого счастья.

Иногда мы прислуживали в соборе. Одетые в негнущиеся стихари, двое или трое из нас ходили зажигать и тушить свечи перед иконами, помогали в алтаре и потихоньку попивали «теплоту» — разведенное в теплой воде красное вино, которым запивают причастие. Но, будучи служками, мы несли еще и другие, не установленные начальством и совершенно добровольные обязанности. Пачки любовных записок переходили с нашей помощью от реалистов к гимназисткам и обратно в продолжение всей службы. Это дело требовало ловкости и умения, но мы быстро освоились с ним и почти никогда не попадались в лапы начальства.

Большим воскресным событием был еженедельный базар, собиравшийся на площади перед острогом. Сюда съезжались кре-

стьяне со всего уезда. Везли скот, мясо, муку, дрова, пеньку и все то, что можно было вывезти из деревни. Домохозяйки всех рангов с озабоченными и вдохновенными лицами сновали в этой толпе: провизия закупалась на всю неделю, было о чем позаботиться. Бойко работала «монополька». Начиная с полудня вокруг нее лежали живые трупы, слышался бабий вой, воздух наполнялся смрадом пережженного спирта, песнями и руганью. Не отставало от «монопольки» и Общество трезвости. По крутым его ступенькам посетители зачастую съезжали на спине и лишь с помощью городского могли подняться на собственные конечности.

На фоне этой замкнутой и десятками лет узаконенной жизни резко выделялась и влекла нас к себе другая жизнь, не слишком богатая, но все же заметная и все более растущая. В «Аудитории» регулярно работал и давал свои незамысловатые спектакли любительский драматический кружок. Существовало музыкальное училище, музыка повсюду пользовалась почетом и любовью. В первый год моего ученичества у нас в реальном училище силами учителей, интеллигенции и старшеклассников ставилась (полностью!) «Аида». Правда, опера шла под аккомпанемент рояля и с помощью лишь местных ограниченных средств — но шла! Концерты давались регулярно то там, то тут. Работали две приличные библиотеки. И впоследствии, в первые годы революции, когда, спасаясь от голода, хлынула к нам из столиц артистическая интеллигенция, она нашла в Уржуме добрую почву для работы, понимание и всеобщее поклонение.

По временам из Сернура приезжал отец и забирал меня к себе в номера Потапова. Здесь мы вели роскошную жизнь — лакомились икрой, копченой рыбкой, сыром. Все это были деликатесы, недоступные нам в обычной жизни. На рождественские и пасхальные каникулы отец увозил меня домой, в Сернур.

Чудесные зимние дороги — одно из лучших моих детских воспоминаний. Отец ездил на паре казенных лошадей в крытой повозке или кошевых санях. Он был в тулупе поверх полушубка, в огромных валенках — настоящий богатырь-бородач. Соответственным образом одевали и меня. Усевшись в повозку, мы покрывали ноги меховым одеялом и уже не могли под тяжестью одежды двинуть ни рукой, ни ногой. Ямщик влезал на козлы, разбирал вожжи, вздрагивал колокольчик на дуге у коренного, и мы трогались. Предстоял целый день пути при 20—25-градусном морозе.

И зима, огромная, просторная, нестерпимо блистающая на снежных пустынях полей, раздвигала передо мной свои диковинные картины. Поля были беспредельны, и лишь далеко на горизонте темнела полоска леса. Снег скрипел, пел и визжал под полозьями; дребезжал колокольчик; развеивая свои седые, покрытые инеем гривы, храпели лошади и протяжно покрикивал ямщик, похожий на рождественского деда с ледяными сосульками в замерзшей бороде. По временам мы ехали лесом, и это было сказочное государство сна, таинственное и неподвижное. И только заячьи следы на снегу да легкий трепет какой-то зимней птички, мгновенно вспорхнувшей с елки и уронившей в сугроб целую охапку снега, говорили о том, что не все здесь мертво и неподвижно, что жизнь продолжается, тихая, скрытная, беззвучная, но никогда не умирающая до конца.

Совсем другой была природа под пасху. Она оживала вся сразу и, окончательно еще не проснувшись, была наполнена смутным и тревожным шумом постепенного своего пробуждения. Темнел и с мелодичным, еле слышным звоном таял снег; ручьи уже начинали свои бесшабашные танцы; падали капли; скот радостно и сдержанно шумел в деревнях и просился на волю. И реки, эти замерзшие царственные красавицы, вздрагивали, покрывались туманом и уже грозили нам неисчислимыми бедами. Однажды мы с отцом попали в разводье. Лошади успели проскочить, но тяжелая повозка провалилась и уперлась передком в твердую льдину. Вода хлестала через нас по меховому одеялу, и мы были на волосок от гибели. Но добрые кони вынесли, и опасность миновала.

Кормили лошадей на полдороге, в марийской деревне Часовня. Тут мы отдыхали, пили чай в вонючей, грязной избе, окруженные полуголыми ребятишками, и с полатей, посасывая длинную трубку, неподвижно смотрела на нас дряхлая лысая старуха — существо, лишь отдаленно похожее на человека. Домой приезжали поздно, при свете звезд, когда все село уже спало и только в нашем доме светился огонек: домашние ждали нас.

Семье жилось нелегко. Детей у матери было шестеро, и я — старший из них. Погруженная в домашние заботы, мать старилась раньше времени и томилась в захолустье. Когда-то радостная и веселая, теперь она видела всю безвыходность своего неудачного супружества и нерастраченные душевные силы свои выражала в исступленной любви к детям. Она чувствовала, что настоящая живая жизнь идет где-то стороной, далеко от нее, сама же

она обречена на медленное душевное умирание. Она с гордостью рассказывала нам, что есть на свете люди, которые желают добра народу и борются за его счастье, и за это их гонят и преследуют; что сестра ее, тетя Миля, сидела в тюрьме за нелегальную работу, так же как сидел один из отцовых племянников, студент, известный в нашей семье под кличкой Коля-большой, в отличие от меня — Коли-маленького. Коля-большой по временам приезжал к нам со своей неизменной гитарой и собирал вокруг себя целую толпу местной молодежи. Он славно пел свои неведомые нам студенческие песни и всем своим веселым видом вовсе не напоминал подвижника, пострадавшего за народ. Это была загадка, разгадать которую я был еще не в силах.

В 1914 г., когда я учился во втором классе, началась немецкая война. Но она была так далеко от нас и так мало поддавалась нашему представлению, что вначале больших перемен в нашу жизнь не внесла. Однажды приезжали в училище бывшие наши выпускники, теперь молодые прапорщики, отправляющиеся на фронт, прощаться с директором и учителями. Они были в новеньких защитных куртках, в погонах, с сабельками. Мы, разинув рот, наблюдали издали за ними и мучительно завидовали им. Потом разнесся слух, что убили одного из них — Кошкина. Труп его в свинцовом гробу привезли в город, и все реальное училище хоронило его на городском кладбище. По этому поводу я написал весьма патриотическое стихотворение «На смерть Кошкина» и долгое время считал его образцом изящной словесности.

Во всех домах появились карты военных действий с передвигающимися флажками, отмечающими линию фронта. Вначале все это занимало нас, особенно во время прусского наступления, но затем, когда обнаружилось, что флажки передвигаются не только вперед, но и назад, и даже далеко назад, — игра постепенно приелась, и мы охладели к ней. И только буйные крики пьяных новобранцев да женский плач, которые все чаще слышались у воинского присутствия, напоминали нам о том, что в мире творится нечто страшное и беспощадное, нимало не похожее на это безмятежное передвигание флажков в глубине уржумского захолустья.

История моего заключения

1

Это случилось в Ленинграде 19 марта 1938 года. Секретарь Ленинградского отделения Союза писателей Мирошниченко вызвал меня в Союз по срочному делу. В его кабинете сидели два неизвестных мне человека в гражданской одежде.

— Эти товарищи хотят говорить с вами, — сказал Мирошниченко. Один из незнакомцев показал мне свой документ сотрудника НКВД.

— Мы должны переговорить с вами у вас на дому, — сказал он. В ожидавшей меня машине мы приехали ко мне домой, на канал Грибоедова. Жена лежала с ангиной в моей комнате. Я объяснил ей, в чем дело. Сотрудники НКВД предъявили мне ордер на арест.

— Вот до чего мы дожили, — сказал я, обнимая жену и показывая ей ордер.

Начался обыск. Отобрали два чемодана рукописей и книг. Я попрощался с семьей. Младшей дочке было в то время 11 месяцев. Когда я целовал ее, она впервые пролепетала: «Папа!» Мы вышли и прошли коридором к выходу на лестницу. Тут жена с криком ужаса догнала нас. В дверях мы расстались.

Меня привели в Дом предварительного заключения (ДПЗ), соединенный с так называемым Большим домом на Литейном проспекте. Обыскали, отобрали чемодан, шарф, подтяжки, воротничок, срезали металлические пуговицы с костюма, заперли в кро-

шечную камеру. Через некоторое время велели оставить вещи в какой-то другой камере и коридорами повели на допрос.

Начался допрос, который продолжался около четырех суток без перерыва. Вслед за первыми фразами послышалась брань, крик, угрозы. Ввиду моего отказа признать за собой какие-либо преступления, меня вывели из общей комнаты следователей, и с этого времени допрос велся, главным образом, в кабинете моего следователя Лупандина (Николая Николаевича) и его заместителя Меркурьева. Этот последний был мобилизован в помощь сотрудникам НКВД, которые в то время не справлялись с делами, ввиду большого количества арестованных.

Следователи настаивали на том, чтобы я сознался в своих преступлениях против Советской власти. Так как этих преступлений я за собою не знал, то понятно, что и сознаваться мне было не в чем.

— Знаешь ли ты, что говорил Горький о тех врагах, которые не сдаются? — спрашивал следователь. — Их уничтожают!

— Это не имеет ко мне отношения, — отвечал я.

Апелляция к Горькому повторялась всякий раз, когда в кабинет входил какой-либо посторонний следователь и узнавал, что допрашивают писателя.

Я протестовал против незаконного ареста, против грубого обращения, криков и брани, ссылаясь на права, которыми я, как и всякий гражданин, обладаю по Советской Конституции.

— Действие конституции кончается у нашего порога, — издевательски отвечал следователь.

Первые дни меня не били, стараясь разложить меня морально и измотать физически. Мне не давали пищи. Не разрешали спать. Следователи сменяли друг друга, я же неподвижно сидел на стуле перед следовательским столом — сутки за сутками. За стеной, в соседнем кабинете, по временам слышались чьи-то неистовые вопли. Ноги мои стали опухать, и на третьи сутки мне пришлось разорвать ботинки, так как я не мог более переносить боли в стопах. Сознание стало затуманиваться, и я все силы напрягал для того, чтобы отвечать разумно и не допустить какой-либо несправедливости в отношении тех людей, о которых меня спрашивали. Впрочем, допрос иногда прерывался и мы сидели молча. Следователь что-то писал, я пытался дремать, но он тотчас будил меня.

По ходу допроса выяснялось, что НКВД пытается сколотить дело о некоей контрреволюционной писательской организации. Гла-

вой организации предполагалось сделать Н. С. Тихонова. В качестве членов должны были фигурировать писатели-ленинградцы, к этому времени уже арестованные: Бенедикт Лившиц, Елена Тагер, Георгий Куклин, кажется, Борис Корнилов, кто-то еще и, наконец, я. Усиленно допытывались сведений о Федине и Маршаке. Неоднократно шла речь о Н. М. Олейникове, Т. И. Табидзе, Д. И. Хармсе и А. И. Введенском — поэтах, с которыми я был связан старым знакомством и общими литературными интересами. В особую вину мне ставилась моя поэма «Торжество Земледелия», которая была напечатана Тихоновым в журнале «Звезда» в 1933 году. Зачитывались «изобличающие» меня «показания» Лившица и Тагер, однако прочитать их собственными глазами мне не давали. Я требовал очной ставки с Лившицем и Тагер, но ее не получил.

На четвертые сутки, в результате нервного напряжения, голода и бессонницы, я начал постепенно терять ясность рассудка. Помнится, я уже сам кричал на следователей и грозил им. Появились признаки галлюцинации: на стене и паркетном полу кабинета я видел непрерывное движение каких-то фигур. Вспоминается, как однажды я сидел перед целым синклитом следователей. Я уже нимало не боялся их и презирал их. Перед моими глазами перелистывалась какая-то огромная воображаемая мной книга, и на каждой ее странице я видел все новые и новые изображения. Не обращая ни на что внимания, я разъяснял следователям содержание этих картин. Мне сейчас трудно определить мое тогдашнее состояние, но помнится, я чувствовал внутреннее облегчение и торжество свое перед этими людьми, которым не удается сделать меня бесчестным человеком. Сознание, очевидно, еще теплилось во мне, если я запомнил это обстоятельство и помню его до сих пор.

Не знаю, сколько времени это продолжалось. Наконец, меня вытолкнули в другую комнату. Оглушенный ударом сзади, я упал, стал подниматься, но последовал второй удар, в лицо. Я потерял сознание. Очнулся я, захлебываясь от воды, которую кто-то лил на меня. Меня подняли на руки и, мне показалось, начали срывать с меня одежду. Я снова потерял сознание. Едва я пришел в себя, как какие-то неизвестные мне парни поволокли меня по каменным коридорам тюрьмы, избивая меня и издеваясь над моей беззащитностью. Они втащили меня в камеру с железной решетчатой дверью, уровень пола которой был ниже пола коридора, и заперли в ней. Как только я очнулся (не знаю, как скоро случи-

лось это), первой мыслью моей было: защищаться! Защищаться, не дать убить себя этим людям, или, по крайней мере, не отдать свою жизнь даром! В камере стояла тяжелая железная койка. Я подтащил ее к решетчатой двери и подпер ее спинкой дверную ручку. Чтобы ручка не соскочила со спинки, я прикрутил ее к кровати полотенцем, которое было на мне вместо шарфа. За этим занятием я был застигнут моими мучителями. Они бросились к двери, чтобы раскрутить полотенце, но я схватил стоящую в углу швабру и, пользуясь ею, как пикой, оборонялся, насколько мог, и скоро отогнал от двери всех тюремщиков. Чтобы справиться со мной, им пришлось подтащить к двери пожарный шланг и привести его в действие. Струя воды под сильным напором ударила в меня и обожгла тело. Меня загнали этой струей в угол и, после долгих усилий, вломились в камеру целой толпой. Тут меня жестоко избили, испинали сапогами, и врачи впоследствии удивлялись, как остались целы мои внутренности, — настолько велики были следы истязаний.

Я очнулся от невыносимой боли в правой руке. С завернутыми назад руками я лежал, прикрученный к железным перекладинам койки. Одна из перекладин врезалась в руку и нестерпимо мучила меня. Мне чудилось, что вода заливает камеру, что уровень ее поднимается все выше и выше, что через мгновение меня зальет с головой. Я кричал в отчаянье и требовал, чтобы какой-то губернатор приказал освободить меня. Это продолжалось бесконечно долго. Дальше все путается в моем сознании. Вспоминаю, что я пришел в себя на деревянных нарах. Все вокруг было мокро, одежда промокла насквозь, рядом валялся пиджак, тоже мокрый и тяжелый, как камень. Затем как сквозь сон помню, что какие-то люди волокли меня под руки по двору... Когда сознание снова вернулось ко мне, я был уже в больнице для умалишенных.

Тюремная больница Института судебной психиатрии помещалась недалеко от Дома предварительного заключения. Здесь меня держали, если я не ошибаюсь, около двух недель, сначала в буйном, потом в тихом отделениях.

Состояние мое было тяжелое: я был потрясен и доведен до невменяемости, физически же измучен истязаниями, голодом и бессонницей. Но остаток сознания еще теплился во мне или возвращался ко мне по временам. Так, я хорошо запомнил, как, раздевая меня и принимая от меня одежду, волновалась медицинская сестра: у нее тряслись руки и дрожали губы. Не помню и не знаю,

как лечили меня на первых порах. Помню только, что я пил по целой стопке какую-то мутную жидкость, от которой голова делалась деревянной и бесчувственной. Вначале, в припадке отчаянья я торопился рассказать врачам обо всем, что было со мною. Но врачи лишь твердили мне: «Вы должны успокоиться, чтобы оправдать себя перед судом». Больница в эти дни была моим убежищем, а врачи, если и не очень лечили, то, по крайней мере, не мучили меня. Из них я помню врача Гонтарева и женщину-врача Келчевскую (имя ее Нина, отчества не помню).

Из больных мне вспоминается умалишенный, который, изображая громкоговоритель, часто вставал в моем изголовье и трубным голосом произносил величания Сталину. Другой бегал на четвереньках, лая по-собачьи. Это были самые беспокойные люди. На других безумие накатывало лишь по временам. В обычное время они молчали, саркастически улыбаясь и жестикулируя, или неподвижно лежали на своих постелях.

Через несколько дней я стал приходить в себя и с ужасом понял, что мне предстоит скорое возвращение в дом пыток. Это случилось на одном из медицинских осмотров, когда на вопрос врача, откуда взялись черные кровоподтеки на моем теле, я ответил: «Упал и ушибся». Я заметил, как переглянулись врачи: им стало ясно, что сознание вернулось ко мне, и я уже не хочу винить следователей, чтобы не ухудшить своего положения. Однако я был еще очень слаб, психически неустойчив, с трудом дышал от боли при каждом вдохе, и это обстоятельство на несколько дней отсрочило мою выписку.

Возвращаясь в тюрьму, я ожидал, что меня снова возьмут на допрос, и приготовился ко всему, лишь бы не наклеветать ни на себя, ни на других. На допрос меня, однако, не повели, но втолкнули в одну из больших общих камер, до отказа наполненную заключенными. Это была большая, человек на 12—15, комната, с решетчатой дверью, выходящей в тюремный коридор. Людей в ней было человек 70—80, а по временам доходило и до 100. Облака пара и специфическое тюремное зловоние неслись из нее в коридор, и я помню, как они поразили меня. Дверь с трудом закрылась за мной, и я оказался в толпе людей, стоящих вплотную друг возле друга или сидящих беспорядочными кучами по всей камере. Узнав, что новичок — писатель, соседи заявили мне, что в камере есть и другие писатели, и вскоре привели ко мне П. Н. Медведева и Д. И. Выгодского, арестованных ранее меня. Увидав меня в жал-

ком моем положении, товарищи пристроили меня в какой-то угол. Так началась моя тюремная жизнь в прямом значении этого слова.

2

Большинство свободных людей отличаются от несвободных общими характерными для них признаками. Они достаточно уверены в себе, в той или иной мере обладают чувством собственного достоинства, спокойно и разумно реагируют на внешние раздражения... В годы моего заключения средний человек, без всякой уважительной причины лишенный свободы, униженный, оскорбленный, напуганный и сбитый с толку той фантастической действительностью, в которую он внезапно попадал, чаще всего терял особенности, присущие ему на свободе. Как пойманный в силки заяц, он беспомощно метался в них, ломился в открытые двери, доказывая свою невинность, дрожал от страха перед ничтожными выродками, потерявшими свое человекоподобие, всех подозревал, терял веру в самых близких людей и сам обнаруживал наиболее низменные свои черты, доселе скрытые от постороннего глаза. Через несколько дней тюремной обработки черты раба явственно выступали на его облике, и ложь, возведенная на него, начинала пускать свои корни в его смятенную и дрожащую душу,

В ДПЗ, где заключенные содержались в период следствия, этот процесс духовного растрепания людей только лишь начинался. Здесь можно было наблюдать все виды отчаянья, все проявления холодной безнадежности, конвульсивного истерического веселья и цинического наплевательства на все на свете, в том числе и на собственную жизнь. Странно было видеть этих взрослых людей, то рыдающих, то падающих в обморок, то трясущихся от страха, затравленных и жалких. Мне рассказывали, что писатель Адриан Пиотровский, сидевший в камере незадолго до меня, потерял от горя всякий облик человеческий, метался по камере, царапал грудь каким-то гвоздем и устраивал по ночам постыдные вещи на глазах у всей камеры. Но рекорд в этом отношении побил, кажется, Валентин Стенич, сидевший в камере по соседству. Эстет, сноб и гурман в обычной жизни, он, по рассказам заключенных, быстро нашел со следователями общий язык и за пачку папирос подписывал любые показания. Справедливость требует сказать, что наряду с этими людьми были и другие, сохранившие ценой

величайших усилий свое человеческое достоинство. Зачастую эти порядочные люди до ареста были совсем маленькими скромными винтиками нашего общества, в то время как великие люди мира сего нередко превращались в тюрьме в жалкое подобие человека. Тюрьма выводила людей на чистую воду, только не в том смысле, как этого хотели Заковский и его начальство.

Весь этот процесс разложения человека проходил на глазах у всей камеры. Человек не мог здесь уединиться ни на миг и даже свою нужду отправлял он в открытой уборной, находившейся тут же. Тот, кто хотел плакать, — плакал при всех, и чувство естественного стыда удешевляло его муки. Тот, кто хотел покончить с собою, — ночью, под одеялом, сжав зубы, осколком стекла пытался вскрыть вены на руке, но чей-либо бессонный взор быстро обнаруживал самоубийцу, и товарищи обезоруживали его. Эта жизнь на людях была добавочной пыткой, но в то же время она помогла многим перенести их невыносимые мучения.

Камера, куда я попал, была подобна огромному, вечно жужжавшему муравейнику, где люди целый день топтались друг подле друга, дышали чужими испарениями, ходили, перешагивая через лежащие тела, ссорились и мирились, плакали и смеялись. Уголовники были здесь смешаны с политическими, но в 1937—1938 годах политических было в десять раз больше, чем уголовных, и потому в тюрьме уголовники держались робко и неуверенно. Они были нашими владыками в лагерях, в тюрьме же были едва заметны. Во главе камеры стоял выборный староста по фамилии Гетман. От него зависел распорядок нашей жизни. Он сообразно тюремному стажу распределял места — где кому спать и сидеть, он распределял довольствие и наблюдал за порядком. Большая слаженность и дисциплина требовались для того, чтобы всем устроиться на ночь. Места было столько, что люди могли лечь только на бок, вплотную прижавшись друг к другу, да и то не все враз, но в две очереди. Устройство на ночь происходило по команде старосты, и это было удивительное зрелище соразмерных, точно рассчитанных движений и перемещений, выработанных многими «поколениями» заключенных, принужденных жить в одной тесно спрессованной толпе, и постепенно передающих новичкам свои навыки.

Днем камера жила вялой и скучной жизнью. Каждое пустяковое житейское дело: пришить пуговицу, починить разорванное платье, сходить в уборную, — выросло здесь в целую проблему. Так, для того чтобы сходить в уборную, нужно было отстоять

в очереди не менее чем полчаса. Оживление в дневной расписание вносили только завтрак, обед и ужин. В ДПЗ кормили сносно, заключенные не голодали. Другим развлечением были обыски. Обыски устраивались регулярно и носили униженный характер. Цели своей они достигали только отчасти, так как любой заключенный знает десятки способов, как уберечь свою иголку, огрызок карандаша или самое большое свое сокровище — перочинный ножичек или лезвие от самобрейки. На допросы в течение дня заключенных почти не вызывали.

Допросы начинались ночью, когда весь многоэтажный застенок на Литейном проспекте озарялся сотнями огней, и сотни сержантов, лейтенантов и капитанов госбезопасности вместе со своими подручными приступали к очередной работе. Огромный каменный двор здания, куда выходили открытые окна кабинетов, наполнялся стоном и душераздирающими воплями избиваемых людей. Вся камера вздрагивала, точно электрический ток внезапно пробежал по ней, и немой ужас снова появлялся в глазах заключенных. Часто, чтобы заглушить эти вопли, во дворе ставились тяжелые грузовики с работающими моторами. Но за треском моторов наше воображение рисовало уже нечто совершенно неопишечное, и наше нервное возбуждение доходило до крайней степени.

От времени до времени брали на допрос того или другого заключенного. Процесс вызова был такой.

— Иванов! — кричал, подходя к решетке двери, тюремный служащий.

— Василий Петрович! — должен был ответить заключенный, называя свое имя-отчество.

— К следователю!

Заключенного выводили из камеры, обыскивали и вели коридорами в здание НКВД. На всех коридорах были устроены деревянные, наглухо закрывающиеся, будки, нечто вроде шкафов или телефонных будок. Во избежание встреч с другими арестованными, которые показывались в конце коридора, заключенного обычно вталкивали в одну из таких будок, где он должен был ждать, пока куда встречного уедут дальше.

По временам в камеру возвращались уже допрошенные; зачастую их вталкивали в полной прострации, и они падали на наши руки; других же почти вносили, и мы потом долго ухаживали за этими несчастными, прикладывая холодные компрессы и отпаивая их водой. Впрочем, нередко бывало и так, что тюремщик при-

ходил лишь за вещами заключенного, а сам заключенный, вызванный на допрос, в камеру уже не возвращался.

Издевательство и побои испытывал в то время каждый, кто пытался вести себя на допросах не так, как это было угодно следователю, то есть попросту говоря, всякий, кто не хотел быть клеветником.

Д. И. Выгодского, честнейшего человека, талантливого писателя, старика, следователь таскал за бороду и плевал ему в лицо. Шестидесятилетнего профессора математики, моего соседа по камере, большого печенью (фамилию его не могу припомнить), следователь-садист ставил на четвереньки и целыми часами держал в таком положении, чтобы обострить болезнь и вызвать нестерпимые боли. Однажды, по дороге на допрос, меня по ошибке втолкнули в чужой кабинет, и я видел, как красивая молодая женщина в черном платье ударила следователя по лицу и тот схватил ее за волосы, повалил на пол и стал пинать ее сапогами. Меня тотчас же выволокли из комнаты, и я слышал за спиной ее ужасные вопли.

Чем объясняли заключенные эти вопиющие извращения в следственном деле, эти бесчеловечные пытки и истязания? Большинство было убеждено в том, что их всерьез принимают за великих преступников. Рассказывали об одном несчастном, который при каждом избиении неистово кричал: «Да здравствует Сталин!» Два молодца лупили его резиновыми дубинками, завернутыми в газету, а он, корчась от боли, славословил Сталина, желая этим доказать свою правоту. Тень догадки мелькала в головах наиболее здравомыслящих людей, а иные, очевидно, были недалеко от истинного понимания дела, но все они, затравленные и терроризированные, не имели смелости поделиться мыслями друг с другом, так как не без основания полагали, что и в камере снуют соглядатаи и тайные осведомители, вольные и невольные. В моей голове созрела странная уверенность в том, что мы находимся в руках фашистов, которые под носом у нашей власти нашли способ уничтожать советских людей, действуя в самом центре советской карательной системы. Эту свою догадку я сообщил одному старому партийцу, сидевшему со мной, и с ужасом в глазах он сознался мне, что и сам думает то же, но не смеет никому заикнуться об этом. И действительно, чем иным могли мы объяснить все те ужасы, которые происходили с нами, — мы, советские люди, воспитанные в духе преданности делу социализма?

Только теперь восемнадцать лет спустя, жизнь, наконец, показала мне, в чем мы были правы и в чем заблуждались...

После возвращения из больницы меня оставили в покое и долгое время к следователю не вызывали. Когда же допросы возобновились, — а их было еще несколько, — никто меня больше не бил, дело ограничивалось обычными угрозами и бранью. Я стоял на своем, следствие топталось на месте. Наконец, в августе месяце, я был вызван «с вещами» и переведен в Кресты.

Я помню этот жаркий день, когда одетый в драповое пальто, со свертком белья под мышкой, я был приведен в маленькую камеру Крестов, рассчитанную на двух заключенных. Десять голых человеческих фигур, истекающих потом и изнемогающих от жары, сидели, как индийские божки, на корточках вдоль стен по всему периметру камеры. Поздоровавшись, я разделся догола и сел между ними, одиннадцатый по счету. Вскоре подо мной на каменном полу образовалось большое влажное пятно. Так началась моя жизнь в Крестах.

В камере стояла одна железная койка и на ней спал старый капитан Северного флота, общепризнанный староста камеры. У него не действовали ноги, отбитые на допросе в Архангельске. Старый морской волк, привыкший смотреть в глаза смерти, теперь он был беспомощен, как ребенок.

В Крестах меня на допросы не водили: следствие было, очевидно, закончено. Сразу и резко ухудшилось питание, и если бы мы не имели права прикупать продукты на собственные деньги, мы сидели бы полуголодом.

В начале октября мне было объявлено под расписку, что я приговорен Особым совещанием (то есть без суда) к пяти годам лагерей «за троцкистскую контрреволюционную деятельность». 5 октября я сообщил об этом жене, и мне было разрешено свидание с нею: предполагалась скорая отправка на этап.

Свидание состоялось в конце месяца. Жена держалась благо-разумно, хотя ее с маленькими детьми уже высылали из города и моя участь была ей известна. Я получил от нее мешок с необходимыми вещами, и мы расстались, не зная, увидимся ли еще когда-нибудь...

Этап тронулся 8 ноября, на другой день после отъезда моей семьи из Ленинграда. Везли нас в теплушках, под сильной охраной, и дня через два мы оказались в Свердловской пересыльной тюрьме, где просидели около месяца. С 5 декабря, Дня Советской Кон-

ституции, начался наш великий сибирский этап — целая одиссея фантастических переживаний, о которой следует рассказать по-подробнее.

Везли нас с такими предосторожностями, как будто мы были не обыкновенные люди, забытые, замордованные и несчастные, но какие-то сверхъестественные злодеи, способные в каждую минуту взорвать всю вселенную, дай только нам шаг ступить свободное. Наш поезд, состоящий из бесконечного ряда тюремных теплушек, представлял собой диковинное зрелище. На крышах вагонов были установлены прожектора, заливавшие светом окрестности. Тут и там, на крышах и площадках торчали пулеметы, было великое множество охраны, на остановках выпускались собаки-овчарки, готовые растерзать любого беглеца. В те редкие дни, когда нас выводили в баню или вели в какую-либо пересылку, нас выстраивали рядами, ставили на колени в снег, завертывали руки за спину. В таком положении мы стояли и ждали, пока не закончится процедура проверки, а вокруг смотрели на нас десятки ружейных дул, и сзади, насадая на наши пятки, яростно выли овчарки, вырываясь из рук проводников. Шли в затылок друг другу.

— Шаг в сторону — открываю огонь! — было обычное предупреждение.

Впрочем, за весь двухмесячный путь из вагона мы выходили только в Новосибирске, Иркутске и Чите. Нечего и говорить, что посторонних людей к нам не подпускали и за версту.

Шестьдесят с лишком дней мы тащились по Сибирской магистральной, простаивая целыми сутками на запасных путях. В теплушке было, помнится, человек сорок народу. Стояла лютая зима, морозы с каждым днем все крепчали и крепчали. Посередине вагона топилась маленькая чугунная печурка, около которой сидел дневальный и смотрел за нею. Вначале мы жили на два этажа — одна половина людей помещалась внизу, а вторая вверху, на высоких нарах, устроенных по обе стороны вагона, на уровне немного ниже человеческого роста. Но вскоре нестерпимый мороз загнал всех нижних жителей на нары, но и здесь, сбившись в кучу и согревая друг друга собственными телами, мы жестоко страдали от холодов. Понемногу жизнь превратилась в чисто физиологическое существование, лишённое духовных интересов, где все заботы человека сводились лишь к тому, чтобы не умереть от голода и жажды, не замерзнуть и не быть застреленным, подобно зачумленной собаке...

В день полагалось на человека 300 граммов хлеба, дважды в день кипятка и обед из жидкой «баланды» и черпачка каши. Голодным и иззябшим людям этой пищи, конечно, не хватало. Но и этот жалкий паек выдавался нерегулярно и, очевидно, не всегда по вине обслуживающих нас привилегированных уголовных заключенных. Дело в том, что снабжение всей этой громады арестованных людей, двигавшихся в то время по Сибири нескончаемыми эшелонами, представляло собой сложную хозяйственную задачу. На многих станциях из-за лютых холодов и нераспорядительности начальства невозможно было снабдить людей даже водой. Однажды мы около трех суток почти не получали воды и, встречая новый 1939 год где-то около Байкала, должны были лизать черные закоптелые сосульки, наросшие на стенах вагона от наших же собственных испарений. Это новогоднее пиршество мне не удастся забыть до конца жизни.

В том же вагоне я впервые столкнулся с миром уголовников, которые стали проклятием для нас, осужденных владеть свое существование рядом с ними, а зачастую под их началом.

Уголовники — воры-рецидивисты, грабители, бандиты, убийцы со всей многочисленной свитой своих единомышленников, соучастников и подручных различных мастей и оттенков, — народ особый, представляющий собой общественную категорию, сложившуюся на протяжении многих лет, выработавшую свои особые нормы жизни, свою особую мораль и даже особую эстетику. Эти люди жили по своим собственным законам, и законы их были крепче, чем законы любого государства. У них были свои вожаки, одно слово которых могло стоить жизни любому рядовому члену их касты. Все они были связаны между собой общностью своих взглядов на жизнь, и у них эти взгляды не отделялись от их житейской практики. Исконные жители тюрем и лагерей, они искренне и глубоко презирали нас — разнокалиберную, пеструю, сбитую с толка толпу случайных посетителей их захребетного мира. С их точки зрения, мы были жалкой тварью, не заслуживающей уважения и подлежащей самой беспощадной эксплуатации и смерти. И тогда, когда это зависело от них, они со спокойной совестью уничтожали нас с прямого или косвенного благословения лагерного начальства.

Я держусь того мнения, что значительная часть уголовников действительно незаурядный народ. Это действительно чем-то выдающиеся люди, способности которых по тем или иным причинам

развились по преступному пути, враждебному разумным нормам человеческого общежития. Во имя своей морали почти все они были способны на необычайные, порой героические поступки; они без страха шли на смерть, ибо презрение товарищей было для них во сто раз страшнее любой смерти. Правда, в мое время наиболее крупные вожаки уголовного мира были уже уничтожены. О них ходили лишь легенды, и все уголовное население лагерей видело в этих легендах свой идеал и старалось жить по заветам своих героев. Крупных вожаков уже не было, но идеология их была жива и невредима.

Как-то само собой наш вагон распался на две части: 58-я статья поселилась на одних нарах, уголовники — на других. Обреченные на сосуществование, мы с затаенной враждой смотрели друг на друга, и лишь по временам эта вражда прорывалась наружу. Вспыхивали яростные ссоры, готовые всякую минуту перейти в побоище. Помню, как однажды, без всякого повода с моей стороны, замахнулся на меня поленом один из наших уголовников, подверженный припадкам и каким-то молниеносным истерикам. Товарищи удержали его, и я остался невредимым. Однако атмосфера особой психической напряженности не проходила ни на миг и накладывала свой отпечаток на нашу вагонную жизнь.

От времени до времени в вагон являлось начальство с поверкой. Для того чтобы пересчитать людей, нас перегоняли на одни нары. С этих нар по особой команде мы переползали по доске на другие нары, и в это время производился счет. Как сейчас вижу эту картину: черные от копоти, заросшие бородами, мы, как обезьяны, ползем друг за другом на четвереньках по доске, освещаемые тусклым светом фонарей, а малограмотная стража держит нас под наведенными винтовками и считает, считает, путаясь в своей мудреной цифири.

Нас заедали насекомые, и две бани, устроенные нам в Иркутске и Чите, не избавили нас от этого бедствия. Обе эти бани были сушим испытанием для нас. Каждая из них была похожа на преисподнюю, наполненную дико гогочущей толпой бесов и бесенят. О мытье нечего было и думать. Счастливец чувствовал себя тот, кому удавалось спасти от уголовников свои носильные вещи. Потеря вещей обозначала собой почти верную смерть в дороге. Так оно и случилось с некоторыми несчастными: они погибли в эшелоне, не доехав до лагеря. В нашем вагоне смертных случаев не было.

Два с лишним месяца тянулся наш скорбный поезд по Сибирской магистрали. Два маленьких заледенелых оконца под потолком лишь на короткое время дня робко освещали нашу теплушку. В остальное время горел огарок свечи в фонаре, а когда не давали свечи, весь вагон погружался в непроглядный мрак. Тесно прижавшись друг к другу, мы лежали в этой первобытной тьме, внимая стуку колес и предаваясь безутешным думам о своей участи. По утрам лишь краем глаза видели мы в окно беспредельные просторы сибирских полей, бесконечную занесенную снегом тайгу, тени сел и городов, осененные столбами вертикального дыма, фантастические отвесные скалы байкальского побережья... Нас везли все дальше и дальше, на Дальний Восток, на край света...

В первых числах февраля прибыли мы в Хабаровск. Долго стояли здесь. Потом вдруг потянулись обратно, доехали до Волочаевки и повернули с магистрали к северу по новой железнодорожной ветке. По обе стороны дороги замелькали колонны лагерей с их караульными вышками и поселки из новеньких пряничных домиков, построенных по одному образцу. Царство БАМа встречало нас, своих новых поселенцев. Поезд остановился, загрохотали засовы, и мы вышли из своих убежищ в этот новый мир, залитый солнцем, закованный в пятидесятиградусный холод, окруженный видениями тонких, уходящих в самое небо дальневосточных берез.

Так мы прибыли в город Комсомольск-на-Амуре.

<1956>

Сто писем 1938—1944 года

1

5.Х.38.

Родная моя Катенька, милый мой сынок Никитушка, ангел мой Наташечка, здравствуйте, родные мои!

Я жив и здоров, и душа моя всегда с вами. Я получил пять лет лагерей. Срок исчисляется со дня ареста. Не горюй и не плачь, родная Катя. Трудно тебе будет, но нужно сохранить и себя, и детей. Я верю в тебя и надеюсь, что наше счастье потом вернется к нам. Нас, родная, могут скоро отправить, приходи скорее на свидание. М. б., успеешь. Захвати с собой, если можно, вещевую передачу: 1) мешок вещевого без пряжек и ремней, на толстых лямках, 2) пару мешочков для продуктов, 3) бурки, 4) что-нибудь вместо тепл.<ого> шарфа, 5) мои черные нов.<ые> ботинки с галош.<ами>, 6) старые черные брюки, 7) портянки и 2 пары носков, 8) пары по 2 маек и трусов, 9) простыню старую или тряпку, 10) мал.<енькие> наволочки. Мои деньги в ДПЗ, захвати рублей 300, здесь договоримся. Не забудь захватить паспорт. Что мои деточки? Помнят ли папу? Всегда, всегда буду тверд и крепок с мыслью, что увижу вас и буду с вами. Жду тебя, м. б., успеешь. Захвати письмо и проси свидания, т. к. мы готовимся к этапу. Крепко, крепко целую моих бесконечно дорогих и милых, обнимаю, ласкаю. Будьте здоровы. Напишу при первой возможности. У меня пропали все старые болезни, и я здоров вполне. Захвати ваши фотографии для меня. Наташень-

ке дочке сегодня 1½ года. Мой дорогой праздник. Никитушка, будь умным. Целую дорогую твою головку. Катя, родная, будь здорова. Целую ручки твои. Наташечка, будь здорова, бесконечно родная моя.

Ваш папа
Н. Заболоцкий.
Арсенальная наб., д. 5.

2

5 ноября 1938.

Родная моя Катя, милые мои дети!

Как вы доехали, не простудились ли, все ли у вас благополучно? Душа болит за вас. Как, Катенька, у тебя с деньгами? Получила ли мои деньги по доверенности в ДПЗ, в Управлении по охране авторских прав и облигации в Детиздате? Обо всем этом не забудь несколько раз написать мне, т. к. если ты не получила, я буду хлопотать из лагеря. Нашла ли комнату? Говорят, что в Уржуме это не так трудно. Также говорят, что там сравнительно дешево молоко и гречневая крупа. Хорошо, если бы это было так. Только белого хлеба, говорят, нет. Для детей это плохо.

Сегодня пятое, вы еще в Ленинграде. Постоянно думаю о вас. Я здоров, сегодня получил по выписке слив. <очное> масло и колбасу.

Все вещи приготовлены к дороге. Но когда поедем — не знаю. Так что пиши мне по старому адресу кратенько, не забывай посылать конверты с марками. Напишу с первой возможностью, если буду здесь — то 15-го.

Целую крепко тебя, родная моя, и только одного желаю, что бы ты и дети наши были здоровы и сыты. Никитушку и Наташеньку целую и обнимаю. Берегите себя и помните своего папу.

Ваш Н. Заболоц. <кий>

<Далее крупными печатными буквами>

Родной мой мальчик, любимый мой Никитушка!

Теперь ты стал настоящим путешественником. Нравится ли тебе Уржум? Зимой ты будешь там кататься на санках. Не простужайся, родной. Люби нашу милую мамочку и помогай ей, чем можешь. Люби и береги сестреночку — она еще такая маленькая.

Проза [646]

Папа крепко-крепко любит тебя. Жди папу, он вернется. Только будь, милый, умным и терпеливым.

Твой папа

<На отдельном листке, крупно>

8/XI—38.

Милая Катя!

Уезжаю. Целую всех. Напишу с первой возможностью. Здоров.

Н. Заболоц.<кий>

3

24 ноября 1938 г.

Родная моя Катя!

Я все еще сижу в Свердловске. Если это письмо дойдет до тебя не слишком поздно, сразу напиши мне по адресу: г. Свердловск, тюрьма № 1 Пересыльная, кам.<ера> 88, мне. Напиши, как доехали, где устроились, как живете, здоровы ли? Не застудилась ли моя доченька? Поправляется ли здоровье у Никитушки? Хорошо, если бы операцию удалось сделать в Ленинграде, а то болезнь может оказаться серьезнее, чем думают, и слишком затянется. Береги, родная, детей. Есть ли возможность устроиться на работу? Как у тебя с деньгами? Все мои деньги в Ленинграде, неплохо, если бы послала телеграфом руб. 30, но не больше. В письмах никогда не забывай посылать бумагу, марки, конверты и обязательно сообщи адрес — куда писать доплатным. Что касается меня, то я вполне здоров и готовлюсь в дальний путь, очевидно, на восток. Одежда, благодаря тебе, у меня теплая, есть все. Постоянно думаю о вас, родные мои, ненаглядные мои. Может быть, в дороге придется пробыть очень долго, и если вначале писем не будет, очень не беспокойся. Только не забывайте вашего папу, который надеется еще пожить с вами и быть полезным для вас. Продавай, Катя, что можно — книги, мои костюмы, только бы дети были сыты. Это самое главное. Родная женка моя! Будь здорова, крепись, будь благоразумна, не отчаивайся. Строй свою жизнь получше, все решения твои я одобрю и буду всегда верным тебе. Целую крепко и обнимаю всех вас и жду с нетерпением весточки.

Ваш Н. Заболоцкий.

4 дек. <абря> 1938.

Родная моя Катя!

Я в Свердловске. Мой адрес: Свердловск, тюрьма № 1, камера 88, мне. Напиши, родная, сразу как получишь письмо — что с вами, здоровы ли, как доехали и устроились. Можно сюда посылать и деньги, и посылки, но мы можем уехать каждый день. Если ты в состоянии и деньги у тебя действительно есть, перешли телеграфом 30 руб., но не больше. Мои деньги в Ленинграде. Напиши, получила ли их по моим доверенностям, и не забывай к каждому письму прилагать бумагу, пару марок, и обязательно сообщи адрес, чтобы я имел возможность писать доплатным. Здоровы ли Никитушка и Наташечка, не простудились ли в дороге? Есть ли возможность устроиться на работу? Продавай вещи, только чтобы дети были сыты. Я жив и здоров, ожидаю этапа, вероятно, на восток, точно не знаю. Не знаю также, сколько времени пробуду в дороге, может быть, долго. Напишу с первой возможностью, но если не очень скоро — особенно не беспокойся. Отсюда письма пишем 5, 15, 25 каждого месяца, с воли писать нам можно без ограничения. Жду твоих писем. Напиши — дорогая ли жизнь в Уржуме и сколько ты можешь протянуть. Если в будущем дело коснется посылок — то нужнее всего здесь черные сухари, сахар, немного сала. На деньги здесь можно покупать некоторые продукты. Так, например, я имел возможность приобрести 6 кило сухарей. Их мне хватит недели на две. Синий костюм очень хорош, хороши также сапоги и теплые вещи. Большое спасибо за них. Духом я не падаю, все жду, что мое дело еще пересмотрят, и я буду освобожден. Нужно много терпения. Только бы вы были здоровы и сыты, родные мои. Целую тебя крепко, будь здорова, благоразумна и терпелива. Целую Никитушку, родного моего сыночка и доченьку мою родную. Прошла ли родинка на ее подбородочке? Как у Никитушки с носоглоткой? До свидания, милые мои. Жду письма.

Ваш Н. Заболоцкий.

27 февр. <аля> 1939 г.

Родная моя Катенька, милые мои дети!

Я здоров и две недели назад отправил тебе первое письмо. Ответу еще быть рано, но жду его с нетерпением. Мой адрес:

г. Комсомольск-на-Амуре, Востлаг НКВД, 15 отделение, 2 колонна, мне.

Работаю на общих работах. Хотя с непривычки и трудно, но все же норму начал давать. Просил послать у тебя, если ты в силах, 50 р. и посылку — сала, сахару, мыла, пару простого белья, 2 пары носков и портянок. Еще, дорогая, я нуждаюсь в витамине С (ц). Говорят, он продается в виде таблеток руб. 1⁵⁰ коробка. Также хорошо бы луку, чесноку. Вещей посылать сюда ценных не нужно.

Родные мои, не проходит часа, чтобы не подумал о вас. О детях наших тоскую. Я, Катя, и о тебе горюю. Жаль мне вас. Что с вами? Пиши сразу, как получишь письмо, и чаще. Я могу тебе писать 2 раза в м<еся>ц. О себе, о детях пиши. Адреса твоего еще не знаю. Пошли бумаги, марок.

Родная, я живу одной надеждой, что дело мое будет пересмотрено. Жду и верю, что будет так. 18го февраля послал заявление наркомку.

Надейся и ты, родная. Как бы мне ни было трудно, буду стараться терпеливо ожидать ответа наркома. Родная моя, целую тебя крепко, крепко. Ласкаю и целую родного Никитушку и Наташечку. Если б только знал я, как вы и что с вами.

Будьте же здоровы, терпеливы и благоразумны

Любящий вас папа

Н. Заболоцкий.

Очки бы мне нужно от близорукости — 1,75 D

Пошли, если можно заказать, в футляре.

6

14 апр.<еля> 1939 г.

Родная моя Катенька, милые мои дети!

Сегодня я получил первое письмо от вас — от 23 марта, а два дня назад — вторую телеграмму о высылке доверенности. Бесконечно рад, что вы здоровы и живете относительно сносно. Из контекста письма вижу, что средства твои, Катя, на исходе. Подумай о том, что можно продать. В первую очередь ликвидируй мою библиотеку и мои костюмы. Если будешь работать — хорошо, а эти деньги будешь добавлять к своей зарплате, чтобы дети были сыты. Милая моя, в первых письмах я просил денег и посылок. Напрасно я об этом писал тебе. Не могу я отрывать у детей последнее, тем

более, что я сыт, не голодаю. Правда, небольшая посылка здесь далеко не лишнее дело, но деньги — их можно не посылать. Я работаю чертежником, и мне положено вознаграждение 30 р. в месяц. Это вполне достаточная по нашему положению сумма — ее хватит на сахар, на махорку. Питание получаю улучшенное, и теперь чувствую себя значительно лучше, чем в первые дни. Нет никаких оснований сильно беспокоиться обо мне, родная. Нужно думать о детях, о самой себе. Не забывай, родная, о самой себе. Я знаю, какая ты у меня самозабвенная, — не поешь, не попьешь вовремя, не поспишь. Родная, издали прошу тебя — ради детей, ради меня не забывай о себе. Подумай, что будет с детьми, если ты не выдержишь. Заботься о себе, прошу тебя. Забота о себе все равно что забота о детях.

Будешь работать — много времени пойдет на работу. Трудновато будет. Но ты не унывай. Я тоже вспомнил здесь свою старую чертежную работу, и через несколько дней дело пошло. Пойдет и у тебя, и с каждым днем будет работать легче.

По временам сильно тоскую о детях. Очень обрадовала ты меня, что Никитка не температурит. Есть ли в Уржуме врачи, и показывала ли ты им мальчика? В Уржуме климат сухой и континентальный; по-моему, он для Никитки должен быть хорош. Постарайся не очень кутать мальчика. Какой у него аппетит? Много ли бывает на воздухе? Центрального отопления, конечно, нет; и это, с одной стороны, для его носоглотки хорошо. Теперь он будет быстро превращаться из ребенка в мальчика, — посматривай за ним и старайся душевно быть близка ему, твое влияние на него в этом возрасте может иметь решающее значение в образовании его характера.

Здоровенькая ли моя дочка? Как родинка у нее на подбородке? Прошла или нет? Как ты ее кормишь, и, вообще, как вы питаетесь? Ты не пишешь — почем в Уржуме продукты, есть ли они, и какие? Конечно, перемена в питании у детей большая, но если есть простая, но питательная пища — молоко, масло, мясо, зелень — то, может быть, это и к лучшему.

Вспоминаю, как укачивал мою доченьку, как пел ей песенки, — большую роль в моей жизни сыграли эти минуты, и не забыть мне их никогда.

Вот, моя родная, как нежданно-негаданно повернулась наша жизнь. Но будем благоразумными: дело мое не могут не пересмотреть, — я твердо в этом уверен. Хорошо, что и ты послала нар-

кому заявление. Теперь нужно терпеливо ждать, и, если будет необходимость, снова подать жалобу. Я жду и работаю, и стараюсь не поддаваться тоске, так как моя жизнь еще нужна вам, мои родные.

Доверенность непосредственно тебе послать не могу. Посылаю ее в Управление Востлага. Там ее заверят и пошлют тебе. Таков порядок.

О здоровье моем не беспокойся, я здоров. Удивительное дело: в Ленинграде, бывало, часто бывал у меня то грипп, то ангина, — здесь пока не болею ничем. В посылке, если посылаешь ее, — хорошо бы получить чесноку или луку, — то, что заключает в себе витамин С. Сухарей не нужно — хлеба вполне хватает. Жиры, сахар, бумага, марки, носки, портянки — в этом недостаток. У очков сломалась оправа, — если нет стекол — хорошо бы получить одну оправу. Вот, в сущности, и все, что мне нужно. Хороших вещей посылать не нужно — бесполезно; деньги, если пойдет так, как теперь, — будут, — так что обо мне не беспокойся. Пиши чаще и не забывай в письмах и посылках посылать бумагу, конверты, марки. Будь здорова, родная моя женка, целую и обнимаю тебя крепко. Целую моих родных деток, ласкаю мысленно их. До свидания, родные мои.

Ваш папа
Н. Заболоцкий.

<Далее печатными буквами.>

Родной мой Никитушка! Большой мой мальчик! Мама пишет, что ты ей хороший помощник. Папа очень-очень любит тебя; люби мамочку и Наташеньку, и помогай им. Расти умным и здоровеньким, и все будет хорошо. Целую тебя крепко, родной мой. Будь здоров. Ты уже начинаешь хорошо писать — папа очень рад этому.

Твой папа.

7

4 мая 1939 г.

Родная моя Катя, милые мои дети!

Я жив и здоров, чувствую себя нормально. Все у меня по-старому. Получил от вас письмо, открытку и телеграммы. Денег и посылку еще не получил. Денег больше не посылай, мне хватит

этих. Доверенности послал в Управление Востлага, там их заверят и пошлют тебе.

Через три дня день моего рождения, стукнет 36 лет. Дело движется к внушительному возрасту. Каждый день думаю о вас; и встаю и ложусь спать с мыслями о вас, мои дорогие. Ваши образы стали моей мечтой, и я храню их глубоко в душе, как самое святое в моей жизни. Стараюсь себе представить, как мы встретимся потом, как обнимем друг друга. Будьте терпеливы, мои милые; я верю, что наши несчастья долго продолжаться не будут и мое дело будет пересмотрено. На мои заявления пока нет ответа, буду писать еще.

С нетерпением жду посылки, хочется получить карточки детей. Прошу тебя, Катя, пошли обязательно твою карточку, наверно, ты исхудала и не хочешь, чтобы я видел это. Пошли обязательно, прошу тебя. Лучше маленьких размеров, чтобы удобнее было хранить.

После тюрьмы я поправился, т. к. воздух здесь лучше и кормлюсь тоже несравненно лучше. Пищи хватает, сыт всегда. Недостаток только в сахаре, в жирах, но и те бывают время от времени. Из одежды недостаток в носках, портянках и в том, о чем писал раньше, и что ты, вероятно, выслала. Старый макинтош мне пригодится, только ничего хорошего мне сюда не посылай из одежды, — это бесцельно и бесполезно. Много, почти все время работаю в конторе, черчу.

Напиши, Катенька, устроилась ли ты на работу — куда, и как работается, и как себя чувствуешь. О детях больше пиши, скучаю без них. Никитушке осенью в школу идти. Вспоминает ли обо мне мой сынок, помнит ли отца? Жаль, какое горе у мальчика в таком возрасте. Мало представляю себе, как вы живете. Здесь, в глухой тайге, даже такой городок, как Уржум, кажется очень культурным местом. Что представляет собой он теперь? Дочку совсем мало себе представляю. Такое в младенчестве неопределенное личико. Теперь, вероятно, она уже выглядит более определенно. До свидания, мои родные. Надо идти работать. Будьте здоровы, крепко вас целую и обнимаю. Чаше пиши, Катенька; с воли можно писать без ограничения, мы же можем писать дважды в месяц. Будь здорова, моя родная, спасибо за посылку и деньги. Надеюсь их скоро получить.

Ваш Н. Заболоцкий.

14 мая 1939 г.

Родная моя Катя, милые мои дети!

Я жив и здоров, и живу по-старому. Ваши два письма и две телеграммы я получил, о чем уже сообщал вам. Завтра обещают привезти посылки, говорят, есть посылка и мне. Спасибо, женка¹, что не забываешь меня. Каждый день беспрестанно думаю о вас, вспоминаю родные мелочи нашей жизни, и часто целые эпизоды как бы снова проходят перед моими глазами. Снятся по ночам дети, мои милые, родные, беззащитные. Тяжело бывает на душе, но мысль о том, что не вечно будут продолжаться эти несчастья, утешает меня. Пока извещения о пересмотре дела еще нет, но я уверен, что оно будет...

Пиши мне чаще, Катя. Последнее письмо (открытка) было от 27 марта.

Я пишу тебе дважды в месяц, как это нам разрешается; и если я не уеду дальше, то буду писать так и впредь.

Пришла весна, солнечные дни чередуются с дождями. Представляю себе весну в Уржуме. Конечно, ни на какую дачу вы не поедете, дети будут в городе. Раньше летом хорошо было в саду около старой Митрофаниевской церкви². Я не знаю, как называлась раньше ул. Чернышевского³, и потому не могу представить себе, где вы живете. Почему-то кажется, что это должно быть недалеко от Митрофаниевского сада, и дети могут там гулять.

Устроилась ли ты на работу, Катя? Получила ли доверенность на облигации? Денег мне больше не посылай. Лучше, если будет когда возможность, пошлешь маленькую посылку. Ты уже знаешь, что нужно посылать. Я сыт, так что сухарей посылать не надо. Нужны из продуктов сало, сахар, лук, чеснок. Из одежды — портянки, носки, рукавицы, нос.<овые> платки. Ты спрашиваешь — курю ли я — да, курю, — махорку. Может быть, пошлешь какой кисетик побольше, — для махорки. Целый день у меня проходит в работе. Извещения о пересылке моих жалоб наркомму и <в> Президиум Верховного Совета я еще не получал.

Хотелось бы, родные мои, говорить с вами не словами этого лаконичного письма, но крепко вас обнять, заглянуть в ваши глаза, чтобы снова почувствовать, как вы живете и что носите в своей душе. Но вы далеко, и я один среди этих лесов.

До свидания, мои милые, целую вас крепко. Будем надеяться, будем хлопотать, чтобы пересмотрели дело. Только не болейте и будьте здоровы.

Ваш папа
Н. Заболоцкий.

9

30 мая 1939 г.

Родная моя Катенька, милые мои дети!

В течение последних двух недель я получил от вас две посылки — одну мартовскую, продуктовую, другую — с очками и витаминами, и письмо от 28.IV. Также получил по переводу 50 р. денег. Милая Катя, спасибо тебе за все твои заботы. Все отлично сохранилось, и я до сих пор живу с салом, сахаром и луком. Не мог удержаться от слез, увидев лица моих детей. Никитушка такой милый, и личико такое осмысленное. Наташенькино личико для меня совсем новое. В нем есть и твои, и мои черты. Теперь я каждый день заочно вижусь с моими родными далекими детками, и только тебя, моя родная жена, нет у меня. Ты пишешь о какой-то фотографии в заказном — ее я еще не получал. Пошли свою фотографию, но только мне лучше посылать фотографии совсем маленького формата.

Я жив и здоров, живу по-старому и пишу тебе аккуратно каждые 2 недели. Что ты долго не получаешь писем — объясняю распутицей, теперь ты, вероятно, их уже получила. Говорят, на мое имя есть в Управлении еще какая-то посылка, это, вероятно, ты успела послать новую. Милая Катя, не расходишься слишком на меня, — я сыт, голодом не сижу. Посылай только самое необходимое — сало, сахар, чеснок. Одежду и белье — то, о [от] чем я не прошу специально, — не посылай, это не достигает цели. Портянок у меня теперь достаточно, носки и пара белья есть. Если найдутся какие-нибудь здоровые рукавицы — они были бы не лишни. Полотенце небольшое, несколько нос.<овых> платков, самый дешевый какой-нибудь, клеенчатый, что ли, бумажник, кружку эмалир.<ованную> на ½ литра, кисет под махорку, — вот и все, что мне еще нужно. Доверенность на получение облигаций я послал тебе через Управление лагеря. Они должны переслать — таков порядок. Зимние вещи тоже мне не посылай. Когда будет нужно — я попрошу валенки простые, которые хорошо было бы выменять на мои новые фетровые (если они сохранились).

Проза [654]

Обо мне не беспокойся, родная. Только пиши мне чаще о себе и о детях. Работаешь ли ты, здорова ли, как дети, собираешь ли Никитушку в школу, как вам живется вообще. Мой адрес прежний, но «15 отд.» писать не нужно. Просто пиши: г. Комс.<омольск>-на-Амуре, Востлаг НКВД, 2 колонна, мне.

На днях подаю жалобу на имя Верховного Прокурора СССР. На прежние жалобы ответа еще пока не пришло.

Ну, до свидания, мои родные. Крепко тебя целую и обнимаю, будь здорова и береги себя и детей. Целую Никитушку и Наташеньку, моих милых деток. Будьте здоровы, терпеливы и благо-разумны.

Ваш Н. Заболоцкий.

10

14 июня 1939 г.

Родная моя Катенька, милые мои детки, здравствуйте, дорогие мои!

Твои письма, Катя, от 28 апр.<еля> и 6 мая я получил. Получил также в свое время посылку мартовскую от тебя, и две от Лиды¹ — одну с очками и витаминами, — другую недавно — с продуктами на 3 кило. Спасибо вам за ваши заботы, передай мою благодарность Лиде, только совестно мне — она мало зарабатывает, и расходы ее на меня — излишни. Получил также в свое время 50 р. денег от тебя — не знаю — почтовый или телеграфный это перевод — ты не пишешь, какую сумму ты выслала. Я живу и работаю по-прежнему; я совершенно здоров и чувствую себя хорошо. Питаюсь неплохо, особенно подкрепился посылками. Сало отлично переносит дорогу, лук и чес[т]нок в твоей посылке не испортился и посейчас, в Лидиной же посылке почти весь сгнил — вероятно, он и в Ленинграде был несвежий. Обедаю и завтракаю всегда с чесноком и благоухаю целый день — чеснок я очень люблю, и от цинги он — хорошее противоядие. Одежды у меня есть в достаточном количестве, — синяя куртка и брюки служат хорошо, ботинки в запасе, одеяло выручает по ночам. Ношу и казенные вещи; скоро, вероятно, выдадут хорошие, новые. За неимением пальто носил бушлат, [зи] к зиме надеюсь получить новый. На хранении свитер, черн.<ая> рубашка, плащ, ботинки. Белье есть одна пара, да больше и не нужно — ношу казенное. Носки и портянки, благодаря тебе, есть теперь в достаточном количестве.

Толстые большие портянки нужны зимой, их теперь у меня достаточно. Летом для ботинок нужны маленькие, вроде тех черных суконных, что ты передала в тюрьму. При случае пошли таких маленьких одну пару, — хорошо бы теплых. К зиме, как я тебе уже сообщал, мне нужны будут, вероятно, простые валенки (не выше колен), которые хорошо было бы выменять на мои фетровые (если они еще сохранились). Из мелочей нужна ½ литровая эмал.<ированная> кружка, кисет для махорки, бумажник какой-нибудь плоховатенький. В общем же, я имею и одежду, и белье, и беспокоиться на этот счет не следует. Каждую ночь сплю на Никитушкиной подушечке и вспоминаю моего дорогого мальчика.

И спать ложусь, и просыпаюсь с мыслью о вас, мои родные. В ожидании пересмотра дела, подал еще одно заявление в Москву, Верховному Прокурору СССР. Доверенность на получение [денег] облигаций переслал тебе через управление Востлага — получила ли ты ее? Напиши, когда послано письмо в Москву.

Рад я, что покуда ты еще перебиваешься с деньгами. Но что будет дальше? И есть ли возможность устроиться на работу? Ты пишешь, что не продала классиков из моей библиотеки, — продай прежде всего 20 томов в картонных крышках библиотеки Брокгауза и Эфрона — Шекспира, Шиллера, Пушкина, Мольера, Байрона. Это библиотека стоила мне 1700 р. Вероятно, она и сейчас стоит не дешевле, — только продавать нужно целым комплектом. Вообще, хотелось бы, чтобы из моей библиотеки сохранились лишь немногие книги: Пушкина однотомник, Тютчева томик, Баратынского два тома, Гоголь, Сковорода, *Лермонтов*, *Достоевский**, книги, относящиеся к «Слову о Полку Игореве» и Руставели. Есть также малоценные, но нужные мне книги, напр., Памятники отречен.<ной> л<итерату>ры², библиотека Чудинова (Нибелунги и пр.)³. И это, кажется, все. Остальные книги продавай, когда придется туго. Так же можешь поступить и с моими костюмами — не в них счастье. Были бы сыты, обуты и одеты детишки.

Надеюсь, что дело пересмотрят, и я вернусь к вам. Говорят, теперь пересматривают многие дела. Нужно и тебе надеяться, моя женка. Как-то ты там живешь без меня? Как бы я хотел теперь быть около тебя и заботиться о тебе и о детях так, как не заботился никогда. Из твоего письма стал вырисовываться образ Наташеньки; милая дочка — я стараюсь ее представить себе, и, кажет-

* Вписано над строкой.

ся, это по временам мне удастся. Мои дети сыграли в моей жизни очень большую и очень важную роль — и я благодарен им за это. И эта песенка «Мужики по избам спят...»⁴ — я слышал ее в самые тяжелые минуты. Но пусть прошлое будет прошлым, старые страдания остаются позади, нужно верить в торжество правды и добиваться ее, хлопотать, как это только лишь можно.

И еще раз прошу тебя, милая моя Катя, думая о детях, не забывай и о себе. Береги, сколько можно, себя. Я знаю, что подчас тебе бывает еще труднее, чем мне. Будь тверда и верь, что все уладится.

Крепко тебя целую, моя родная Катя. Когда выпадет свободная минутка, пиши мне. Твои письма — одна моя радость. Если бы ты знала, с каким восторгом, с каким смешанным чувством радости и беспокойства они встречаются! Пиши мне чаще о себе и детях.

Родных моих деток целую крепко и обнимаю. Будьте здоровы, мои маленькие, не болейте, любите маму и помогайте ей.

Ваш папа
Н. Заболоцкий.

Пошли мне свою фотографию — маленькую.

11

29 июня 1939 г.

Родная моя Катенька!

Получил твое милое письмо от 28 мая, перед этим получил от 13/V. Вообще, твои письма доходят до меня довольно аккуратно. Получил также второй денежный перевод на 50 р. и посылку. Родная моя, спасибо тебе за твои заботы и за твои милые письма. Они согревают меня. Посылки ты хочешь посылать дважды в месяц — это дорого, — посылай 1 раз, если есть возможность. Лук, пожалуйста, не посылай, посылай один чеснок.

Портянок больше не надо, их вполне достаточно. Сегодня получил сообщение, что моя жалоба Верховному Прокурору СССР отправлена из Управления по адресу 20 июня. Другие жалобы пошлю вторично. Доверенность послал через Управление, когда выйдет — напишу. Карточку детей получил тоже. Родных моих деток всей душой обнимаю, люблю всех вас, мои родные, вы одни всегда в мыслях моих. Говорят, что жалобы теперь разбираются быстрее.

Я надеюсь, что и мое дело пойдет на пересмотр. Родная, будь тверда, будь терпелива. Много дел пересматривается. Заботься

сколь возможно о себе самой, ты для меня и для детей — надежда и счастье. Крепко тебя целую, прости, что писать больше некогда. Обнимаю моих детишек Никитушку, мою маленькую красавицу дочку, воображаю ее себе, и она так же согревает своего папку, как и мамочкины письма

Будьте здоровы родные, мои ненаглядные, чтобы встретились мы все радостно и забыли о нашем неожиданном горе.

Всех крепко обнимаю и целую.

Ваш Н. Заболоцкий.

12

14 июля 1939 г.

Родная моя Катенька, милые мои дети!

Я жив и здоров. Письмо ваше с фотокарточкой от 5 июня получил. Поправилась ли моя доченька, напиши скорее, Катя. На карточке она выглядит настоящей красавицей, и я не налюбуюсь на нее. Подрос Никитка. А ты, моя родная, похудела, конечно, и много затаенного горя в твоих глазах. Как бы хотел я быть около тебя, помочь тебе, утешить тебя. Вспоминаю я, как раньше болели дети, как мы вместе ухаживали за ними. Теперь все легло на твои плечи. Держись, не унывай, женка. Нужно ждать, надеяться, хлопотать.

Моя жалоба прокурору СССР направлена Управлением Востлага по адресу 20 июня. Жалоба Наркому Внутр. дел послана в Управление 30 июня, извещения об отправке по адресу пока нет. Заявления с доверенностями на твое имя посланы раньше, сразу после твоего письма.

Дела многих заключенных, имеющих по суду большие сроки, пересматриваются, и приговоры часто отменяются. С нами дело тише. Вероятно, не дошла очередь.

Милая Катя, я сыт, не беспокойся. Дважды получал твои деньги, мартовскую и майскую посылки. Луку, пожалуй, больше не посылай, я больше люблю чеснок, да и весит он меньше. У меня есть еще и тот и другой.

Родная моя, сейчас очень некогда, конечно. В будущем постараюсь писать больше. Крепко целую всех вас, родные мои. Моя душа всегда с вами, и только для вас я и храню мою жизнь. Будем ждать, что правда со временем будет явной, решение обо мне от-

меня, и я снова буду с вами, родные мои. Будьте здоровы, не болейте, не забывайте вашего папу.

Н. Заболоцкий.

13

13 августа 1939.

Родная моя Катя, милые мои дети!

Я жив и здоров. У меня все по старому. 27.VII.39 мое заявление Наркому Вн.<утренних> Дел ушло в Москву. Заявление Верховному Прокурору ушло еще раньше. Последнее письмо от тебя было 8 июня, после этого была только телеграмма.

Посылку от 20 июня получил, спасибо за сало, сахар и пр. Все это хорошо дополняет питание. Я сыт. Если сумеешь послать посылку к зиме, не забудь о валенках. Остальное у меня более или менее в порядке. Вместо сала можно посылать масло в бутылке или банке. Разрешаются и др. продукты, напр. — консервы и пр., но на них расходоваться не надо. Впрочем, если можешь послать манной крупы — пошли, на случай желудочного. Не забывай о бумаге, марках, конвертах.

Последнее время каждую ночь вижу вас во сне, милые мои. Сознание, что ничем не могу вам помочь, — тяготит меня. Но душа моя всегда только с вами.

Хочется думать, что пересмотр моего дела не затянется слишком долго. Но гадать трудно, будучи оторванным от жизни. Будем ждать, терпеливо ждать и работать.

Тысяча вопросов о вашей жизни теснятся в голове, и ты, конечно, знаешь их. Пиши подробней о детях, о своем и детей здоровье, работаешь ли, и где дети, учится ли Никитушка мой?..

Обо мне думать особенно нечего — здоровье я пока сохранил — все остальное зависит [от] не от нас с тобою. Уверен, что когда очередь дойдет до меня, судьба моя изменится к лучшему.

До свидания, родные мои. Крепко, крепко целую вас, моих единственных — дорогих и милых. Будьте здоровы, будьте терпеливы и благодарны.

Ваш Н. Заболоцкий.

В Правление Союза Советских Писателей
б.<ывшего> члена ССП, ныне заключенного
Заболоцкого Николая Алексеевича

Заявление

Я арестован в Ленинграде 19 марта 1938 г. и по постановлению Особого Совещания при Нар.<одном> Комиссаре Вн.<утренних> Дел СССР от 2 сент. 1939 г. (дело № 438338) отправлен в испр.<авительно>-труд.<овые> лагеря НКВД сроком на 5 лет за «контрреволюционную троцкистскую деятельность».

Как писатель-профессионал, никакой другой деятельностью, кроме деятельности литературной, я не занимался. Следовательно, «контрреволюционной троцкистской деятельностью» названа моя литературная работа, в первую очередь моя поэма «Торжество Земледелия», написанная мной в 1929—30 г.г. и напечатанная в ленинградском журнале «Звезда» за 1933 № 2—3¹.

Правлению ВССП история с этой поэмой в общих чертах известна. Поэма формалистическая: утопическая и пасторальная. В ней переплетены сложные влияния Хлебникова, Гете, старой западной пасторали. Весь этот сложный формалистический аппарат был привлечен для оформления большого советского произведения, которое, по моим представлениям, должно было стать апофеозом коллективизации в деревне, гимном в честь нового человеческого общества и обновленной природы. Критика беспощадно обрушилась на меня за эту поэму; поэма была объявлена кулацкой, враждебной советскому строю.

Теперь, когда мы твердо стоим на позициях социалистического реализма, мне совершенно ясна моя методологическая ошибка 1929 г., повлекшая за собой столь неожиданные плачевные результаты; ясно, что односторонние формалистические поиски в искусстве к добру не приводят. В 1929 г., и позже, я не понимал этого. Даже после краха поэмы я не сразу это понял. Вначале мне казалось, что меня не понимают, как не понимают в первый момент того, кто говорит в поэзии новое слово. Со временем, когда ошибка стала для меня ясной, я по собственному почину выступил на дискуссии о формализме в Ленингр. Доме Писателя им. Маяковского с детальной критикой своей ошибки. Мое выступление было тогда напечатано в газете «Лит.<ературный> Ленинград»².

Правлению известно, что моя последующая литературная работа была почти полностью одобрена советской критикой и общественностью. Многие мои стихи («Север», «Горийская симфония», «Седов», «Прощание» и др.)³ получили широкую известность. За свой перевод «Витязя в тигровой шкуре» Руставели я был награжден грамотой ЦИК'а Грузии⁴. Моими стихами интересовался Ромэн Роллан⁵.

Арест не дал мне возможности закончить мой перевод «Слова о полку Игореве». На очереди была другая, рассчитанная на несколько лет работа — первый полный перевод на рус. язык знаменитой поэмы Фирдуси «Шах Намэ».

Мое положение таково. В заключении я нахожусь около 1½ лет, постепенно теряя не только свои литературные способности, но и вообще качества культурного человека. Ни о какой литературной работе в данных условиях не может быть и речи. Моя семья — жена с двумя маленькими детьми 7 и 2 лет — без средств к существованию высланы в глушь Кировской области (г. Уржум). На мои жалобы Верх.<овному> Прокурору СССР и Нар.<одному> Комиссару Вн.<утренних> Дел СССР — ответа пока не имею.

Перед партией, правительством и народом — моя совесть чиста: никакого преступления перед ними я не совершал. То, что случилось с моей поэмой, — результат моих постоянных литературных поисков, где ошибки неизбежны. Одна из моих невольных ошибок стала роковой для меня и моей несчастной семьи.

Как быв.<ший> член ССП, прошу правление Союза обратиться по моему делу в ЦК ВКП(б). Прошу дать компетентный отзыв о моей литературной работе, о ее художественном и политическом значении. Дело мое должно быть заново пересмотрено. Предварительное обвинение меня в принадлежности к контр-револ.<юционной> писательской организации, которая, во главе с Н. С. Тихоновым, будто бы печатала в ленингр.<адской> прессе свои контр-рев.<олюционные> литературные произведения, — должно быть окончательно и полностью снято, и писатели Лившиц Б. К. и Тагер Е. М., давшие «показания» по этому делу, должны быть изобличены как лжесвидетели.

Правление должно учесть, что дело идет о физической и литературной жизни советского поэта, который на благо советской культуры готов отдать все свои силы и способности.

Н. Заболоцкий.

г. Комсомольск-на-Амуре, Востлаг НКВД

27 колонна, Проектное Бюро

13.VIII.39.

14 сент. <ября> 1939 г.

Милая Катя, милые мои дети!

Здравствуйте. Я жив и здоров и живу так, как и прежде. За последние два месяца, Катя, получал от тебя только телеграммы. Этот вид сообщения, как видно, наиболее верный, поэтому прошу тебя хотя бы раз в месяц телеграфировать мне. Получаю также аккуратно посылки — последняя была с розов. <ыми> портяночками, которые, кстати, очень хороши. В последней телеграмме ты общаешь о поездке в Ленинград, пишу поэтому по ленинградскому адресу. Приближается зима. Если есть возможность, пришли теплые вещи, самое главное — валенки, — хорошо бы с калошами на них. Также было бы хорошо, если бы в Ленинграде нашелся какой-нибудь меховой (овчинный, скажем) пиджак, верхний или полупальто, хотя нагольный, все равно, — поношенный, старый — тоже хорошо. Конечно, недорогой.

Если попадетсЯ меховая шапка, — полный треух, чтобы хорошо со всех сторон закрывала, — тоже недурно бы. Моя эта шапка по здешним зимам легковата и не закрывается со всех сторон. Вот и все, что нужно. Но если нет, то как-нибудь и так обойдусь, тогда только валенки. Еще нужен ремень к брюкам — поглубже, покрепче.

Не знаю, застанет ли тебя в Ленинграде это письмо, и не знаю, по какому адресу писать следующее — через две недели. Сообщи, долго ли пробудешь в Ленинграде, и о выезде телеграфируй.

Милая Катя, мои заявления прокурору, Наркому Вн. <утренних> Дел и И. В. Сталину отправлены. Жду результатов.

Как-то живете вы, мои бедные путешественники? Думаю о вас и часто вижу вас во сне. Жизнь проходит в работе и ожидании. Больше всего хотелось бы быть вместе с вами и снова заниматься литературой.

Обнимаю вас, мои родные, и крепко целую всех. Будьте же здоровы и терпеливы.

Ваш папа
Н. Заболоцкий.

Не забывай в посылке посылать бумагу и конверты с марками.

Вечер. Сейчас получил посылку твою от 8 августа. Спасибо. Пошли из Ленинграда что-нибудь вкусного, если можно. Соскучился.

30 сент. <ября> 1939.

Родная моя Катенька!

Получил твою телеграмму от 9 числа. Я полон надежд и благодарности — за все твои хлопоты. Твердо верю, что пересмотр дела будет в мою пользу. Жду от тебя подробного письма, т. к. краткие слова телеграммы не дают подробного представления, — в частности, — назначено дело к пересмотру, или только обещали назначить. Во всяком случае, следует еще запастись терпением и тебе, и мне, ибо все это делается, вероятно, не так быстро. Напиши, где ты теперь будешь жить, — нельзя ли тебе остаться в Ленинграде?

Я здоров и работаю по-прежнему. В ночь на сегодня выпал первый снег. Начинается зима. Мы в бараке, который сами отеплили. Получили уже часть теплой одежды, так что я в тепле. Чувствую себя хорошо, т. к. верю в скорое свое оправдание. На днях мы проводили на свободу одного из своих товарищей.

Довольно регулярно читаем газеты. Это нам разрешено. Радуясь успехам нашей страны, освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии.

Работаю и по вечерам мечтаю о свободе, о вас, мои милые, о любимой работе, о том времени, когда я снова смогу поцеловать милых моих и прижать всех вас к моему сердцу...

Последнюю посылку твою, Катя, получил из Уржума от конца августа. Если сможешь послать посылку из Ленинграда, то хорошо, если бы ты прислала клюквенного экстракта в бутылочке, кальцекса несколько тюбиков, папирос, меду, витамина С. Если будет время и возможность, хорошо бы было приготовить следующее: послать мне масла с медом. Делается так: сливочное несоленое масло и мед растапливают, [и] смешивают в одинаковых пропорциях и сливают в металлическую банку. Смесь застывает и употребляется с хлебом. Очень питательно и сладко. У меня здесь мало сладкого, было бы очень хорошо. Один из товарищей получает эту смесь и на глазах поправляется. Но все это, конечно, если есть возможность.

Нет денег — продай мои книги, в первую очередь — Брокгауза и Эфрона — Шекспир, Байрон, Шиллер и пр. Костюмы мои можно продать. Не в них счастье. В общем, тебе там виднее.

Как ты с ребятами управляешься, не представляю себе. Измучилась ты, вероятно, бедная моя, измоталась. И, вместе с тем, ин-

интересно мне тебя представить в положении самостоятельной женщины, на которую свалилось столько дел. Эх, только бы поскорее мне освободиться, чтобы дать тебе вздохнуть поспокойнее, чтобы Никитушка снова увидел своего папку, чтобы Наташенька познакомилась с ним. Милые мои, крепко вас всех целую и обнимаю. Будьте здоровы, не горюйте, не отчаивайтесь. Ваш папа всей душой всегда с вами, будет время, и опять мы будем вместе. Жду твоих писем, Катя, и телеграмм. За все последнее время — из Ленинграда получил только 2 телеграммы. Пиши чаще.

Ваш папа
Н. Заболоцкий.

16

15 декабря 1939 г.

С Новым Годом, милая моя Катя, с Новым Годом, родные мои детки!

Будьте здоровы, не болейте и пусть ваша жизнь в этом году будет не так печальна и грустна, как в прошедшем.

Я, милая Катя, жив и здоров, выгляжу хорошо и духом не падаю. Стоит суровая зима, морозы доходят порой до 40°, но мы работаем в помещении, и у нас тепло. Пока жизнь идет по-старому, и больших изменений нет. Питаюсь последнее время значительно лучше, т. к. в ларьке появилась баклажанная икра, и я имел возможность купить несколько банок, кроме того [ес], была местная кетовая икра. Зарабатываю 45 р. в месяц, а однажды получил из тюремных денег 50 р. Скоро еще обещали выдать.

За эти две недели получил от тебя, Катя, 2 открытки и телеграмму. Радуюсь, что вы в Ленинграде. Кроме того, полчаса назад принесли посылку, за которую очень благодарю. Шапка прекрасная, и как раз по голове, очень удачная, только, вероятно, очень дорогая. Спасибо за продукты. Все в отличной сохранности. При посылке нужно класть листочек с перечнем всего посылаемого, ну, пару слов о здоровье. Милая Катя, я чувствую, что у тебя с деньгами плохо. Не посылай больше посылок. Если очень туго будет [придется], тогда попрошу сам. Теперь же я обеспечен пока, и ты не расходишься. Эта же посылка будет мне от вас новогодним подарком, дорогие мои.

Я имею возможность слушать радиопередачи, и поэтому более или менее в курсе событий, которые так всех интересуют. Кроме того, иногда имею возможность прочесть книгу-другую, от чего

уже давно отвык. Таким образом, моя жизнь стала не так однообразна, как раньше. Работаю по-прежнему почти весь день, но работа эта мне нравится.

Очень радуюсь, что ты, наконец, получила мои письма. Я их пишу регулярно, как всегда — раз в две недели. При задержке не беспокойся очень: и расстояние большое, и адрес может перемениться.

Пиши мне — возвратили ли тебе квартиру. В случае отказа, м. б., вместо нее дадут другую? Все же должны учесть, что мы внесли пай.

Здоровы ли вы, мои милые, где, у кого вы скитаетесь? Пиши, Катя, почаще, хотя открытками. Спасибо за бумагу, ремешок, продукты, и особенно шапку. Я бы такой шапки, вероятно, и в Ленинграде не носил. Как мои детки живут и помнят ли папу?

Уже стали такими печальными мои воспоминания о них, точно я на другом свете живу.

Но будем надеяться, что дело пересмотрят.

Хотелось бы передать в письме всю печаль и сознание своей беспомощности — при воспоминании о воле, — всю мою нежную любовь к вам — единственным, — что меня еще привлекает к жизни. Но словами не перескажешь всего, и, вероятно, лишь в воображении своем, милая Катя, ты это представляешь себе.

До свидания, мои милые, мои любимые. Спасибо за вашу память и любовь.

Ваш Н. Заболоцкий.

17

29 декабря 1939.

Родная моя Катя! Милые мои дети!

Через два дня Новый год, еще раз поздравляю всех вас, целую, желаю здоровья и счастья. Сегодня получилась от вас новогодняя телеграмма; спасибо за поздравления и добрые вести о пересмотре дела. Перед этим была телеграмма о передаче дела ленинградскому областному прокурору. Радостно узнать, что дело мое сдвинулось с мертвой точки; крепко надеюсь и жду, что теперь оно примет другой оборот. Милая Катя, в обеих телеграммах ты пишешь, что «дети здоровы», о своем же здоровье как бы умалчиваешь. У меня возникают подозрения, и я начинаю беспокоиться о твоём здоровье. Когда все здоровы, ты пиши «все здоровы»;

о своем же здоровье напиши отдельно. Я с такой нежностью думаю всегда о тебе, ты мне дорога, как никогда, и для детей наших ты теперь единственная опора. Думаю, что, когда я вернусь домой, я буду для тебя лучшим мужем и другом, чем был раньше.

Я здоров, и нового у меня почти нет. Сыт, в тепле, очень много работаю. Твои заботы обо мне и телеграммы крепко поддерживают меня, и я очень тебе за все благодарен.

Рад, очень рад, что хотя временную комнату вы получили. Я не знаю, что это за квартира — кажется, где-то внизу¹. Пишу пока еще по адресу Лиды, если нужно писать по новому адресу — общи. Твоя посылка еще держится, и я питаюсь хорошо. В особенности хорош был язык. Масла съел половину. Чеснок, правда, весь промерз и испортился, несмотря на тщательную упаковку в вату. Я уже писал, милая Катя, что посылок больше слать не надо, нужно экономить то небольшое, что у тебя осталось, да и я здесь не сижу голодом.

Быстро идет время. Уже декабрь проходит — один из двух самых морозных месяцев. Погода неровная — то ниже 40°, то довольно мягкая. Нужно сказать, что здешние морозы переносятся значительно легче, чем в Ленинграде. Всю зиму живет с нами в бараке маленький бурундук — нечто вроде белочки — полосатый, маленький. Привык к людям и бегаёт под ногами. Поймали дятла, и он несколько дней жил у нас в клетке, немилосердно долбил палки, жрал гусениц, которых мы вытаскивали из дров, наконец, мы его выпустили. Все эти маленькие забавы иногда скрашивают наши, правда, очень короткие досуги. Слушаем радио, и оно все время говорит сердцу о другом мире — свободном и далеком. Потом опять работа и привычные думы о вас, мои родные. Так идет жизнь и близится март месяц — когда исполнится два года со дня моего ареста. Два года! Сколько мы пережили за это время — и ты, и я! До свидания, моя родная женка, пиши мне также [и] письма, я их давно уже не получал. Никитушку, Наташеньку крепко целую и обнимаю, будьте все здоровы и терпеливы.

Крепко целую тебя.
Твой Н. Заболоцкий.

<Далее карандашом>

1 января 1940 г. Вот уже и Новый год. В 12 часов я мысленно поздравил вас, мои милые. Встречали праздник хорошо: за хорошую

работу начальство выдало нам продуктов — колбасы, консервов, печенья — так что получилось на брата по доброй посылке. Как-то встречали праздник вы? Верю, что будущий Новый год будем встречать вместе. Целую крепко всех вас.

НЗ.

18

12 января 1940 года.

Милая моя Катя!

Еще раз поздравляю тебя с Новым Годом, желаю здоровья и терпения. Твою поздравительную телеграмму от 1 янв.<аря> получил. Благодарю за поздравления всех, и крепко целую. Получил также письмо — твое от 10 декабря и Никитушкино. Мальчика моего поздравляю с днем рождения¹. Посылаю ему отдельное письмо.

Твои вести о пересмотре моего дела крепко меня радуют. Прошу тебя писать мне чаще и сообщать сколь можно полнее о ходе дела. Надеюсь, что теперь истина будет восстановлена и с моего имени будет снято это черное пятно.

Представляю я себе, как ты мыкалась в Ленинграде, пока не получила комнаты. О получении комнаты я знаю только из телеграммы, — напиши мне — где она и что значит, что тебе дали ее «временно»?

Твою ноябрьскую посылку я получил своевременно, о чем уже сообщал тебе. Остальные, вероятно, получу в скором времени. Благодарю тебя и деда¹ за высылку пиджака. Что валенки старые — это ничего, здесь их и подшить можно; новых покупать и высылать не нужно: не к чему. Также, Катя, воздержись от высылки продуктов — побереги то небольшое, что у тебя осталось. Если будет крайняя нужда — я попрошу сам.

Ты не можешь себе представить, как меня трогает и поддерживает ваша постоянная забота обо мне. Почти каждый вечер перед сном я прочитываю твои последние письма и телеграммы, и переношусь мыслью к вам. По ночам вижу всех вас во сне. Так и живу изо дня в день одной надеждой вернуться к вам — оправданным и равноправным человеком.

Больших перемен в моей жизни пока нет. Жизнь проходит в работе, которой занят с утра до ночи. Стоят суровые январские морозы, и я, признаться, с нетерпением жду валенок. Очень выгру-

чают меня кроме казенных вещей шерстяные чулки, кот.<орые> ты принесла мне когда-то в передаче, а также свитер. Свитер уже не раз выручал меня, спасает он меня и теперь. Прекрасная вещь, как будто связанная специально для севера. Спасибо за нее.

Если будет перемена адреса, ты узнаешь [но] о ней по перерыву в переписке. Само собой разумеется, что по прибытии на новое место я сразу напишу тебе. Ты же не прекращай писать по старому адресу, ибо эти письма дойдут до меня.

<Далее черными чернилами>

За декабрь месяц я уже получил 60 руб. промвознаграждения (так называется зарплата заключенных). На днях еще получу премиальных сколько-то (руб. 30), их выписали нам, 4-ем чертежникам за работу.

Что касается порядка пересмотра дел, то родственники заключенных, чьи дела находятся на пересмотре, — пишут, что по рассмотрении дела облпрокуратурой, дело направляется <в> верховн.<ую> прокуратуру, и в случае, если он утвердит, дело переходит в НКВД (Особ.<ое> совещание?), где дело получит окончательное разрешение. Не знаю, насколько все это правильно.

Ну, до свидания, родная моя. Сегодня принесли много писем — мне что-то нет. Почаще пиши, хотя понемногу. Целую всех вас — тебя, Никитушку, родную мою доченьку. Будьте здоровы, милые. Будем надеяться на лучшие дни.

Ваш Н. Заболоцкий.

<На двух отдельных листах, крупно, чертежным почерком; черные чернила>

10 января 1940 года.

Мой милый мальчик!

Поздравляю тебя с днем твоего рождения, крепко целую и обнимаю тебя. Будь здоров, мой родной, расти большой и умный, помогай, чем можешь, мамочке, береги Наташеньку. Папа все время помнит о тебе и очень по тебе соскучился.

Теперь, мой милый, ты уж совсем большой мальчик: тебе 8 лет. Недавно я получил твое письмо, ты уже начинаешь хорошо писать. Когда папе было 8 лет, он уже ходил в школу. Будущей осенью пойдешь в школу и ты. Я уверен, что ты постарайся учиться хорошо. И мама, и папа будут рады этому.

Я, мой милый, живу далеко-далеко от тебя. Здесь на севере еще совсем недавно был один сплошной лес-тайга, да стояли невысокие горы-сопки. Людей почти совсем не было. Одни дикие звери бродили кругом. Теперь в этот дикий и безлюдный край пришли люди: они строят города, заводы, рубят лес, сеют хлеб и добывают из земли полезные металлы. Скоро этот край будет удобным для жизни.

Летом здесь очень интересно. На горах-сопках растут большие яркие цветы, вроде пионов. Они совсем дикие. В воздухе летают жуки и мухи, каких у нас в Ленинграде нет. Очень много жуков-[наездников]усачей с длинными-длинными усами. Сам жук ростом сантиметра 4, а усы сантиметров 12. У этого жука такая сила, что когда он вцепится лапами в кепку, а его самого поднимают за спинку, то он тащит кепку вместе с собой.

Осенью мы поймали бурундука — вроде маленькой белочки, и посадили его в клетку. Он несколько месяцев жил с нами и совсем было привык к нам. Недавно он сбежал. Это очень милый, приятный зверушка.

<Рисунок, изображающий бурундука>

Он рыжевато-серый с полосками. Особенно приятен он, когда сидит на задних лапках, а передними достает из коробки горох и отправляет в рот.

Здесь много дятлов. Недавно один дятел прожил у нас в клетке несколько дней. Питаются дятлы гусеницами, которых достают из деревьев. У дятла очень крепкий клюв, он стучит им и легко разрушает древесину. В течение дня наш дятел перебил клювом толстую палку. Дятла мы выпустили.

Ловили мы и синиц, это — веселые, приятные птицы, но, к сожалению, в бараке они жить не могут — для них здесь жарко и душно.

Зимой здесь очень холодно, много холодней, чем в Ленинграде.

Вот, мой милый, какое длинное письмо я тебе написал. Теперь мне пора спать. До свиданья, мой сынок. Будь здоров, люби и слушайся мамочку. Когда папа вернется домой, он крепко поцелует тебя.

Пиши мне письма, и напоминай мамочке, что бы она писала почаще.

Твой папа
Н. Заболоцкий.

30 января 1940 г.

Милая Катя, милые мои дети!

Я жив и здоров по-прежнему, и адрес мой пока старый. За последние две недели, милая Катя, ни писем, ни телеграмм от тебя не было. Возможно, конечно, что они задерживаются в пути, тем более, что посылки от 7 декабря и с одеждой я также пока еще не получил. С нетерпением жду от тебя вестей о пересмотре моего дела, и тем более печально, что письма где-то задерживаются.

Я живу сносно, зарабатываю 50—60 руб. в месяц и имею возможность получать деньги с личного счета. Снабжение продуктами стало лучше — покупаю лапшу, иногда варенье сливовое и еще кое-что. Так что, в общем, я сыт всегда.

Как-то живете вы, мои милые? Каждый день засыпаю и просыпаюсь утром — с мыслью о вас. Медленно тянется время, однообразно идет жизнь. Внутреннее одиночество стало уже привычным; чувствительность, видимо, притупляется. Привычно-печальными стали мысли о семье, только иной раз, когда особенно ярко представишь себе безысходное ваше положение и горе — тогда невольно мучительно становится на душе.

Но я все надеюсь на пересмотр, все верю, что положение наше должно измениться.

Милая Катя, пиши хотя понемногу, но почаще. Письма твои — единственная радость для меня.

Крепко, крепко целую вас, мои родные. Будьте здоровы и терпеливы.

Ваш Н. Заболоцкий.

15 февраля 1940 г.

Милая Катя!

Я здоров и живу по-старому. В течение этих двух недель получил от тебя две телеграммы — от 23 и 26 января. Благодарю за них и жду известий о дальнейшем ходе дела.

Получили ли вы мои письма — поздравительные ко дню твоего рождения¹ и письмо Никитушке — ко дню его рождения? В эти дни я мысленно был с вами, родные мои.

Мой адрес теперь новый, хотя я и на старом месте. Вот он: Комсомольск-на-Амуре, [Нижне-Амурлаг НКВД], Почтовый ящик № 215. Поселок Старт * 27 колонна, Проектно-Сметное отделение, мне. Но все, посланное по старому адресу, дойдет до меня также, так что не беспокойся.

Посылка еще не получил — с ними какая-то задержка. Вероятно, получу на днях.

В жизни моей изменений нет. Сыт, питаюсь сносно. Работаю по-старому много. Все думаю о вас и почти каждую ночь вижу во сне Ленинград.

Что с вами, как и что вы? По телеграммам очень трудно судить об этом, а писем от тебя не имею с 10 декабря.

Милые мои, крепко целую и обнимаю вас, и живу одной только надеждой снова жить с вами.

Ваш Н. Заболоцкий.

21

29 февраля 1940 года.

Милая моя Катя!

За прошедшие две недели не получил от тебя ни писем, ни телеграмм. Таким образом, последнее письмо было от 10 декабря, а телеграмма от 25 января. Молчание твое пугает меня, хотя возможно, что письма задерживаются где-то в пути.

Я жив и здоров, и живу пока по-старому. Получилась твоя первая посылка — с продуктами и концентратами. Все это очень вкусно и хорошо. Мед с маслом — прелесть, только совесть мою мучает, что все это доставило тебе много хлопот. Из концентратов лучше всего получаются котлеты. Хороши также — кисель сухой — его можно готовить очень быстро, и получается вкусно. Посылки с вещами еще не пришли — лежат где-то неразобранные, — вероятно, скоро получу. Но я в тепле, и ты об одежде не беспокойся. В будущем она пригодится.

Посылка, Катя, больше не шли: это слишком дорогое удовольствие и стоит больших хлопот. С другой стороны — я теперь совершенно оправился и здоров, так что вполне могу обойтись без посылок. Когда будет нужно — я попрошу сам.

Мучительно болит сердце о вас, родные мои.

* Вписано над строкой, чертежным почерком.

Помнишь, Катя, — в тюрьме на свидании ты спрашивала — брать детей с собой в Уржум или оставить. Я посоветовал тебе брать с собой. Не знаю, правильно ли я сделал. Это тебе доставило множество трудностей, и я не знаю хорошо — здорова ли ты теперь. Но мне, милая Катя, казалось, что если бы ты тогда поехала одна — куда-то в чужой город, после всех этих потрясений, и еще оторвалась от детей, — ты бы совсем сошла с ума от горя и одиночества. Мне всегда казалось, что хотя в трудные минуты жизни дети, с одной стороны, и отягощают нас, но с другой — они укрепляют нашу волю и любовь, и заботы от них отвлекают нас от собственного горя.

Я не знаю, каково твое положение теперь и как пойдут наши дела дальше. Уже кончается второй год этого нашего несчастья. Думаю, что твои денежные дела очень плохи; работать же — с детьми — почти невозможно. Поэтому иногда мне в голову приходит мысль: если есть возможность [есть] пристроить детей куда-нибудь, где им было бы хорошо, то теперь, может быть, это и нужно сделать. Мне нелегко это советовать тебе, ты знаешь, как болит о детях мое сердце, — но если есть необходимость и возможность, — подумай об этом. Конечно, может быть, и сама ты не раз думала об этом.

Я не знаю, как идет пересмотр моего дела, но я уверен, что рано или поздно с меня будет снято это чудовищное обвинение. Мой разум подсказывает мне, что иначе быть не может. Следовательно — несчастья наши временные, и мы должны всегда думать о том, как лучше сделать, чтобы сохранить детей в это время.

Тебе же без работы не прожить ни в Ленинграде, ни в провинции, — и ни при каких условиях.

Напиши мне, что ты думаешь обо всем этом. Вообще, если можно, прошу тебя — пиши мне немного чаще — ну хотя бы раз в неделю или в 10 дней. Хотя понемногу. И не забывай повторять главного. Я так давно не имею от тебя писем. Получаешь ли ты мои, которые я пишу тебе аккуратно?

Здоровы ли вы, милые мои? Помнят ли ребятки своего папу? Никитушка, вероятно, помнит хорошо, а в представлении у дочки «папа», — вероятно, очень неопределенное и неясное понятие. Проходит ли у Никиты носоглотка, и лечишь ли ты его? Пиши мне, не приукрашивая действительности. Не забывай о себе, Катя.

Зима, как видно, идет к концу. Стоит ветряная теплая погода, с метелями. Мои валенки и полушубок где-то мирно лежат и ждут

своей очереди. Но нужно сказать, что морозы еще могут быть и немаленькие. В прошлом году 1 мая было очень холодно, — был снег и ледяной ветер.

Милые мои, крепко целую всех вас и обнимаю. Будьте здоровы и не забывайте вашего папу.

Н. Заболоцкий.

Получила ли ты письмо с моим новым адресом: г. Комсомольск-на-Амуре. Почтовый ящик 215 Поселок Старт. Колонна № 27. Проектное Бюро. Мне.

Все, отправленное по старому адресу, дойдет также — место это то же самое.

Только что получил твою телеграмму от 24/II с извещением, что Верховная прокуратура обещает благоприятный исход. Сама понимаешь, как меня это обрадовало. Спасибо, Катя, за все твои хлопоты. Не понимаю, что с квартирой. Разве ты из нее выезжала? Очевидно, я не получил каких-то писем. Напиши.

НЗ.

22

13 марта 1940.

Милая моя Катя!

За последние две недели получил от тебя две телеграммы, от 3 и 8 марта, и письмо от 9 января. Перед этим была получена телеграмма от 21 февр. с сообщением о поступлении дела из облпрокуратуры в Прокуратуру Союза, о чем я уже писал тебе в предыдущем письме. Судя по последним телеграммам и письму, ты ждешь окончания пересмотра моего дела буквально на днях. По всей видимости, ты не знаешь, что весь процесс пересмотра может тянуться очень долго. Заключенный, дело которого опротестовано Верховным Прокурором два-три месяца назад (судя по письмам родственников), — до сих пор еще ждет здесь окончательного разрешения дела в НКВД. Так что будь терпелива и ты. Я твердо верю в то, что пересмотр моего дела освободит меня из заключения, но все это делается не так быстро. Нужно справляться о положении дела — если есть возможность, торопить и ждать.

Я жив и здоров. Больших изменений в моей жизни нет. Большую радость доставляют твои письма и телеграммы, хотя не все из них понятно, т. к. письма запаздывают. Так, я только могу догадываться, что по каким-то причинам ты должна была выехать из кв. 18, а потом снова вернулась. Как, что и почему — не знаю.

Самая большая моя радость — что ты и дети здоровы. Мальчика я уже поздравлял с днем его рождения и послал ему отдельное письмо. Получил ли он его? Когда получится это письмо — и дочке моей будет 3 года¹. Целую и крепко обнимаю мою милую доченьку. Помню, как горячо целовал я ее в последний раз — ручки и ножки ее, она смеялась и тихонько говорила «папа». Тогда ей было всего 11 месяцев. Я покинул ее, но как долго она, как живая, была перед моими глазами. Я никогда не думал раньше, что так можно любить детей.

19-го марта, через 6 дней, исполнится 2 года моего заключения. Два года из лучшего времени человеческой жизни. Как странно сложилась моя судьба.

Вчера я был очень удивлен. Как всегда, склонившись над столом, я работал. В другом конце барака говорило радио. Транслировалась Москва. Вдруг слышу — артист читает что-то знакомое. Со второй строчки узнаю — мой перевод Руставели! Битву Автандила с пиратами. Читал актер неважно — но все сердце мое затрепетало от этих полузабытых, но близких строк, и голос московского чтеца прозвучал, как голос с того света.

И дальше была музыка — Фантастическая симфония Берлиоза². Это потрясающая вещь, особенно 4 часть. Радио в тайге — большая радость.

Сегодня радио сообщило нам еще новую радостную весть — о заключении мира с Финляндией, по которому Советский Союз добился всего, чего желал. Ты понимаешь, как радостно знать, что безопасность родного Ленинграда теперь обеспечена.

Из посылок, милая Катя, как я уже сообщал, я получил только одну продуктовую — в плоском ящике — с концентратами и пр. Валенки и пиджак еще не получил — по всей вероятности — местные задержки. Обещают привезти через несколько дней.

Уже совсем было наступали весенние дни, но вдруг погода снова изменилась: зима настоящая. Думаю, что если вещи получу на днях, — я еще успею их поносить.

Представляю себе, как ты замоталась и измучилась, родная моя. Как хочется тихо, молча посидеть рядом с тобой, ничего не говорить, так, чтобы понемногу отходили и успокаивались наши

души. Чтобы все прошлое, как мучительная болезнь, отошло назад и все существо отдыхало бы от пережитых бурь. Будет ли это? Будет. Будем терпеливы. Не будем волноваться и разжигать нетерпением сердце. Будем терпеливы.

Крепко целую и обнимаю тебя, моя родная, и милых наших детей. Коле и Сане³ передай мой сердечный привет. Будьте здоровы, мои бесконечно дорогие.

Ваш Н. Заболоцкий.

15го, вечер. Милая Катя, сейчас совершенно неожиданно получил две посылки — с валенками, пиджаком и продуктами в них. Лук и чеснок совершенно разложились, и все пахнет особым запахом разложившегося чеснока. Но это не смущает меня — ибо все в пору, а консервы — конечно, пахнуть не будут. Большое спасибо. Только балуешь ты меня. Сейчас сию уже в валенках. Сейчас буду пробовать продукты. Будьте здоровы.

НЗ.

23

30 марта 1940.

Милая моя Катя, родные мои детки!

Я жив и здоров и живу пока по-старому. За последние две недели получил твою, Катя, телеграмму от 14-го о задержке пересмотра в виду разбора параллельных дел. Несколько непонятно — что нужно понимать под названием «параллельные дела». Я понимаю — дела «однодельцев» — так это или нет? Во всяком случае, с нетерпением жду дальнейших результатов.

Как уже сообщал тебе — посылки с полушубком и валенками я получил. Всем посланным очень доволен, спасибо. Все идет в дело — вплоть до обшивки посылки, — которой я обшил уже свой матрасик собственного изделия.

Пишем все нет и нет. Хорошо, что телеграммы ходят регулярно. Получаешь ли ты мои письма, которые я шлю регулярно каждые 2 недели?

Все время уходит на работу. Сейчас однообразно идут дни. Очень часто вижу всех вас во сне. Как вы живете и что с вами — не могу представить...

Наташеньке в апреле будет 3 года. Я поздравлял уже мою доченьку в том письме, сейчас снова крепко целую ее и обнимаю.

Милого мальчика моего обнимаю. Мою бедную женку целую — когда свидимся?

Темно на душе, но верю, что распутается этот узел, и мы снова будем вместе. Родные мои, будьте же здоровы.

Ваш Н. Заболоцкий.

Я очень тороплюсь.

24

15 апреля 1940.

Милая моя Катя, мил<ые мои>* детки!

Я жив и здоров, и жи<ву по-ста>рому. За истекшие две недели, Катя, о<т те>бя две телеграммы от 25.III и от 5.IV — в день рождения Наташеньки. Кроме того, вчера пришло запоздавшее письмо от 15 февраля. Радуюсь, что все вы здоровы, мои дорогие, что живете хотя и в тесноте, но в тепле. Крепко целую всех вас, и мой сердечный привет Сане и Коле с женами.

Судя по письму, милая Катя, ты уж очень быстро ждешь окончания пересмотра моего дела. Наберись терпения, женка, все это не так быстро делается. Нужно узнавать от времени до времени — в каком положении пересмотр, толкать, справляться, и — ждать. Жду от тебя дальнейших сообщений, жду с нетерпением.

Я все на старом месте, хотя реорганизация еще не кончилась. Больших изменений в жизни нет. Кроме того, что стало теплее, тает снег, все ярче солнце, все ближе весна.

Заключенные поют в своей песне «Не для меня придет весна...»¹ А я все жду и надеюсь, что и для меня придет весна...

Милая Катя, очень возможно, если не будет больших изменений, я скоро буду просить тебя об одной вещи.

Для работы мне была бы желательна своя готовальня и кое-какие мелкие чертежные инструменты.

Покуда их еще не нуж<но, но> возможно, что они будут нужны, я напишу тебе об этом <сп>ециально.

Готовальня простая, без затей, напр., № 1112 Московского завода Авиаприбор, или какая-нибудь другая, но вполне исправная, — с кронциркулем (заклепочником) и пр. Спроси, нет ли у знакомых, где-нибудь. Новая — она стоит, вероятно, рублей 75. Кроме этого,

* Бумага повреждена.

нужны треугольники из пластмассы (прозрачные), 45°—30°, штуки две-три; кнопки, линейечку из пластмассы с делениями.

Пока что все это не покупай; только наведи при случае справочку — сколько все это стоит, и сообщи мне.

Чувствую я себя, в общем, ничего, все время уходит на работу. Зарабатываю 40 руб. в месяц. Кой-когда даже покупаю в ларьке котлеты (когда бывают). Хлеба, каши хватает.

В связи с местными переменами с января не получал денег с личного счета, где их еще 800 руб.

Обувь и одежда в порядке. Баня — раз в 10 дней. Белье стирают. Койка — топчан — отдельная.

Так идут день за днем. Твои письма и телеграммы — одна радость. Пиши, не забывай, родная.

Крепко целую и обнимаю тебя, моего большого сыночка, мою славную трехлетнюю дочку.

Будьте здоровы, мои дорогие, не забывайте вашего папу.

Н. Заболоцкий.

25

30 апреля 1940 г.

Милая моя Катя, родные мои детки, здравствуйте!

Снова пришло время писать вам, но, говоря по правде, и писать-то не о чем... Живу, вернее сказать, — существую — по-старому. Все время заполнено работой и привычно-горькими думами о семье. Мечтаю о вас теперь так, как когда-то мечтал о будущих прекрасных поэмах и стихах. Почти каждую ночь вижу во сне детей; тогда, пользуясь этим минутным счастьем, стараюсь глубоко-глубоко заглянуть в Никитушкины глаза, чтобы почувствовать его маленькую, родную душу, и все прошу его: «Смотри еще, смотри на папу, сынок». У него такие мягкие, чистые волосики, по-детски душистые, пахнут птичками (как написано где-то)¹. Во сне всегда вижу себя свободным, и это дает счастье. Счастье во сне.

Самая страшная острота всего этого несчастья уже прошла; осталось тяжелое утомление души, насквозь изболевшей.

Последняя телеграмма была, Катя, от 5 числа, в день рождения Наташеньки. С тех пор нет ничего. Пиши мне, и смотри, не приукрашивай правды.

Я сыт. Хлеба и каши хватает. Заработок теперь 30—40 р., но покупать почти нечего.

Сегодня и завтра — свободные дни. Пользуюсь этим и сплю — сплю — может быть, увижу во сне вас.

Я писал о готовальне, — ее покупать не надо; если понадобится — сообщу.

1 мая. Стоят теплые дни, хотя солнце показывается редко. Сегодня пересмотрел все твои телеграммы и письма (последнее было от 15 февраля). 25 янв. весь материал по пересмотру поступил в Прокуратуру Союза; значит, уже 3 месяца — февраль, март и апрель — дело задерживается в Москве. Последние месяцы ты избаловала меня телеграммами — было по две в декабре, январе, феврале, марте; только в апреле одна — от 5-го числа. Скучаю без них, хотя вполне допускаю, что где-то они задержались.

Год тому назад в мае ты писала, что у тебя вышла половина денег. Не приложу ума — на что ты живешь теперь. Продавай, что можешь.

До свидания, родная моя, обнимаю и целую тебя, твои милые ручки. Сильно ударила нас жизнь, выдержим ли мы? Надо выдерживать — дети требуют. Только не болей, Катя. Никитушку и Наташеньку обнимаю, моих милых деток. Береги их, сколько можешь. Может быть, и мы когда-нибудь отдохнем с тобою, моя милая жена. Уже третий год идет.

Твой Н. Заболоцкий.

26

15 мая 1940 г.

Милая Катя,

я здоров и живу по-старому. Получил твою телеграмму с поздравлением. Спасибо. Сообщи подробнее о здоровье Наташи и совсем ли ты переехала на Сиверскую¹. Писем от тебя все нет. За все время с января м<еся>ца получил только 2 письма. Подходит весна; но май стоит пасмурный — это в порядке здешних мест. Летом и жить и работать будет несколько приятнее. Жду с нетерпением сообщений о результатах пересмотра дела. Передай привет Сане, телеграмму я получил и был очень тронут вниманием и памятью. Целую всех вас, мои дорогие. Если есть возможность, вышли, Катя, конверты, марок и бумаги. Впрочем, посылки из Ленинграда, кажется, не принимают. Я в отно-

шении питания живу как и раньше, кажется, предвидится некоторое улучшение снабжения. Целую всех вас, мои дорогие. Будьте здоровы.
Ваш Н. Заболоцкий.

27

24 мая 1940 г.

Милая моя Катя!

Получил на этих днях три твоих открытки — две апрельские и от 1 мая. Спасибо за поздравления. Я здоров и живу по-старому. Скоро будем переезжать в другое помещение поблизости, где будет удобно жить и работать. Адрес несколько изменится — напишу, когда переедем. Теперь мы в ведении Управления лагеря, и наше учреждение называется Проектно-Сметный отдел. Впрочем, вот [ящ] адрес: Комсомольск-на-Амуре. Почтовый ящик 99 Комендантский ОЛП Проектно-Сметный Отдел, мне.

Хочу твоих сообщений о здоровье дочки. Береги Никитушку, приглядывай за ним, чтобы уж как-нибудь не очень скучал об отце, люби его и будь душевно близка к нему. Часто вижу его во сне и почему-то о нем болит душа. Ты все не пишешь о его здоровье. Как теперь его носоглотка?

И вообще — каков характер, производит ли он впечатление болезненного ребенка или нет. Береги его от улицы, не предоставляй его самому себе. Он теперь входит в мальчишеский возраст — тут нужен был бы отец. Но я верю, что ты так душевно близка к детям, и они любят тебя, родная; обнимаю и целую деток. Будь терпелива; если можешь — наведи справки через Союз.

Если надумаешь послать посылку — положи чесноку, витамин «С», махорки, кальцексу. Белья у меня достаточно. Как и раньше — нужны жиры и сладкое. Почта теперь аккуратнее; пиши чаще, родная. Будьте же здоровы

ваш Н. Заболоцкий.

28

25 июня 1940.

Моя милая Катя!

На днях получил твое письмо от 31 мая 1940 о том, что Верховная Прокуратура передала мое дело в НКВД для утверждения отмены приговора.

Я всегда твердо верил в то, что мой приговор будет отменен, и я буду реабилитирован. Тем не менее, твое письмо так сильно подействовало на меня, что я до сих пор хожу под его впечатлением. Легче стало жить на свете. Каждую ночь вижу во сне вас, мои дорогие, и Ленинград. Верю, что уже не так долго ждать мне окончательного разрешения дела в НКВД.

Жаль, милая Катя, что так лаконично сообщаем тебе эту радостную весть. По контексту я понимаю, что дело идет о реабилитации. Но юстиция знает 4 причины отмены приговоров: 1) за отсутствием состава преступления, 2) ввиду того, что приговор сделан не по существу преступления (т. е. приговор не соответствует преступлению), 3) ввиду мягкости приговора, и 4) ввиду того, что дело недорасследовано и нуждается в дополнительном рассмотрении.

Судя по твоему письму, я делаю заключение, что Прокуратура отменяет приговор за отсутствием состава преступления. Подтверди это в следующем письме, если ты в курсе дела.

Поразила меня карточка детей. Какие большие они стали! Никитка совсем уже мальчик и смотрит так серьезно. Он очень хорошо пишет. Наташенька такая милая и толстая. Почему ты опять не снялась с детьми?

Спасибо тебе за то, что ты сохранила и сберегла детей. Одной тебе они обязаны всем. Я очень хорошо знаю, моя милая женка, что часто тебе приходилось труднее, чем мне. Но ты должна чувствовать, что дети, ради которых нам так часто приходится переносить столько трудностей, — они же и спасают самих нас, дают нам силы в нашем несчастье. Так уж нас устроила природа. Чего не вытерпишь ради детей. Порой жизнь кажется такой нестерпимой, но как только вспомнишь детей, — чувствуешь — надо жить, надо добиваться правды; веришь — что минуют беды, и жизнь снова вступит в свое нормальное течение.

Ты просишь меня беречь себя — я более чем прошу тебя о том же. Ты не должна забывать о себе. Ведь при твоей просьбе я иногда улыбаюсь, но все же нахожу некоторые возможности исполнять ее. Я знаю, как трудно тебе заботиться о себе. Но сколь возможно, ты должна научиться делать это — для детей же в первую очередь, наконец, — для меня, который теперь уже имеет реальную надежду возвратиться к семье, — к тебе и детям.

Я, к счастью, физически здоров, и за все мое заключение болел очень мало. Мой организм оказался крепче, чем я сам предпо-

лагал. Душевно я, конечно, очень утомлен от всего пережитого. Но я отдохну, когда буду с семьей.

В моей жизни больших изменений нет. Живем мы на старом месте, почему я и прошу писать по старому адресу, на поселок Старт. Когда будем переезжать — в точности неизвестно. Питание, как я уже писал тебе, у нас улучшилось, и я всегда сыт. Нет только сладкого. С работой своей я вполне справляюсь и за этот месяц, думаю, буду иметь выработку не менее 120% нормы, хотя нормы у нас нелегкие. Белья у меня достаточно, обувь в порядке. Сейчас у меня длинная борода и усы, но так как устанавливаются теплые летние дни, я на днях сбрею всю эту историю и опять буду ходить бритым.

Недавно удалось прочитать «Войну и мир» Толстого. Эта книга доставила мне столько счастливых минут, и мне так было жаль, что не было тебя вместе со мной, чтобы поделиться впечатлениями. Как я люблю Толстого! Какой он умный наблюдатель жизни и какой большой художник!

Твое решение не ехать в Уржум за вещами, так как дети дорожке, — я вполне одобряю. Относительно готовальни — ничего покупать и посылать не надо, т. к. сейчас у меня есть хорошие инструменты, и я ни в чем этом не нуждаюсь. Сыты ли вы, родные мои? Скорее бы, скорее мог я снова кормить наших милых детей!

До свидания, моя женка, крепко целую тебя и благодарю за радостное письмо. Я терпеливо жду своей очереди, и уверен, что все будет хорошо. Целую моих больших деток.

Будьте здоровы и не забывайте вашего папу. Сердечный привет деду.

Ваш Н. Заболоцкий.

Я пишу на Ленинградский адрес. М. б., писать на Сиверскую? Напиши. Пошли конвертов. Марки у меня есть.

29

9 июня 1940 г.

Милая Катя!

Получил твое письмо (из вагона) и телеграмму об общей задержке. Мне так трудно объяснить себе все это, т. к. вдали от жизни быстро отстаешь и ничего толком не знаешь. Пиши, милая, поподробнее и объясни, как можешь.

Я рад, что вы здоровы и на Сиверской. Конечно, жизнь теперь стала совсем другой, и ты уже узнала — что такое нужда. Но все же я рад, что вы в Ленинграде и на Сиверской.

Я здоров. Делают прививки от тифа, я переносу довольно легко. Питание стало лучше. Катя, если придумаешь послать небольшую посылку со временем — мне нужна какая-нибудь фуражка, размер головы — 58, хотя старая какая-нибудь. Из пищи нужно главным образом что-нибудь сладкое и вит.<амин> С. Впрочем, не заботься очень, ибо проживу и так.

Я вырабатываю выше нормы, за прошлый месяц — 104%; за первую пятидневку этого месяца — 150%. Сейчас ночь, но ждет срочная работа, потому очень тороплюсь. До свидания, моя дорогая, целую крепко тебя и детей. Милые, будьте здоровы, я скоро опять напишу. Конвертов пошли, и не забывай проставлять дату на письмах. Это для меня важно. Будьте здоровы, родные мои. Жду писем с нетерпением.

Н. Заболоцкий.

Катя, пиши пока лучше по старому адресу:

Комс.<омольск>-на-Амуре
п/я 215 [Проектный отдел] Поселок Старт, 27 кол.<онна>
Проектное Бюро мне
Получила ли ты 3 мои открытки?

30

10 июля.

Милая Катя!

Получил твое запоздавшее письмо [от] с письмами детей и письмо от 14 июня. В прошлом большом письме писал тебе о получении письма с сообщением об отмене приговора Верх. Прокуратурой. Спасибо за письма всем вам, мои дорогие. Я жив и здоров, живу по-старому. В воскресенье 14-го напишу письмо. Жду терпеливо окончания дела. Рад, что вы все здоровы и на Сиверской. Сейчас приступаю к работе. Целую всех

Ваш папа
Н. Заболоцкий.

Получила ли ты мое большое письмо, посланное недели 2 назад?

Проза [682]

Лидия Андреевна Заболотская (урожд. Дьяконова) с сыном Колей. Казань, 1903

Семья Заболотских: Алексей Агафонович, Лидия Андреевна и Николай. 1904. Кировский областной краеведческий музей

Анна Ивановна Заболотская с внуками Колей и Верой. 1906. Надпись на обороте: Бабушка Анна, Коля и Верушка. Фотография из альбома Л. В. Дьяконова. Кировский областной краеведческий музей

Коля Заболотский. Казань, фотоателье Соломона Фельзера. 1908

Коля Заболотский — ученик Уржумского реального училища. 17 августа 1913 г. Архив семьи Заболотских (Москва)

Миша Касьянов — ученик Уржумского реального училища (УРУ). 1912. Личный архив М. Н. Липатовой (Москва)

Николай Заболотский. Уржум, 30 марта 1919 г. Архив семьи Заболотских (Москва)

Николай Заболотский. Петроград, 1921. На обороте: От сына Коли — студента Петроградского института имени Герцена. Архив семьи Заболотских (Москва)

Н. Заболотский (стоит справа) среди товарищей по Педагогическому институту им. А. И. Герцена. Слева сидит Катя Ефимова, адресат несохранившихся стихотворений. Петроград, 1921

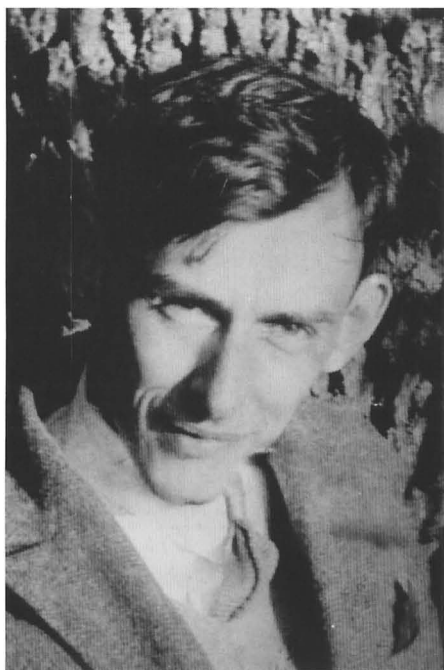
Н. Заболотский в первые месяцы военной службы среди товарищей по Педагогическому институту им. А. И. Герцена. Справа сверху — К. Н. Боголюбов, внизу — Катя Ефимова. Ленинград, 19 января 1927 г.

Николай Заболоцкий. Ленинград, 1932

Катя Клыкова. 1929

Константин Вагинов. Начало 1930-х гг.
Рукописный отдел Института русской литературы
(Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург)

Даниил Хармс. Фрагмент фотографии
с А. И. Порет. Ленинград, 1930-е гг.

Александр Введенский и Николай Олейников. Ленинград, начало 1930-х гг.

В редакции «Ежа». Н. А. Заболоцкий в окружении двух неизвестных, Е. Л. Шварц, С. Я. Маршак (?). Сидит Н. Л. Дилакторская (?). Ленинград, конец 1920-х гг. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Б. Б. Малаховский. Шарж на Н. А. Заболоцкого. Не позже первой половины 1937 г. Личный архив М. Н. Томашевской (Москва)

Н. А. Заболоцкий с женой и сыном. Сестрорецк, 1935. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Н. А. Заболоцкий. Фото В. В. Гольцева. Гори, 1937. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Н. А. Заболоцкий и С. И. Чиковани. Тбилиси, октябрь 1936 г. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Н. Л. Степанов. На обороте надпись: «Дорогому Николаю Алексеевичу Заболоцкому от старого Януса. Н. Степанов. 14.VI.48». Архив семьи Заболоцких (Москва)

Екатерина Васильевна Заболоцкая с детьми, Наташей и Никитой, во время ссылки. Уржум, 1939

Первая фотография после приезда из Караганды, сделана для получения документов, разрешающих жить в столице. Москва, апрель 1946 г. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Н. А. Заболоцкий, А. П. Межиров, Н. С. Тихонов, П. Г. Антокольский. Тбилиси, май 1947 г. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Н. А. Заболоцкий с женой Екатериной Васильевной и дочерью Наташей, в новой квартире. Москва, 1948. Фото Н. Н. Заболоцкого. Архив семьи Заболоцких (Москва)

В новой квартире (ул. Беговая, д. 1-а, корп. 29, кв. 1), полученной в июне 1948 г. Фото Н. Н. Заболоцкого. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Москва, 1951. Фото Н. Н. Заболоцкого. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Москва, 19 июня 1952 г. Фото Н. Н. Заболоцкого. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Н. А. Заболоцкий среди делегации советских писателей (В. М. Инбер, А. А. Прокофьев, Л. Н. Мартынов, Б. А. Слуцкий, С. В. Смирнов, А. Т. Твардовский и др.) перед возложением венка на могилу Данте. Равенна, 13 октября 1957 г. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Н. А. Заболоцкий принимает в гостях итальянского слависта и поэта Анджело Мария Рипеллино. Москва, 1958. Фото Н. Н. Заболоцкой. Архив семьи Заболоцких (Москва)

В саду. Таруса, 1958. Фото Н. Н. Заболоцкой. Архив семьи Заболоцких (Москва)

14 июля 1940 г.

Милая Катя, милые детки! Здравствуйте, родные мои.

Как я уже писал, милая Катя, твои письма от 28 мая и 18 июня я получил. Спасибо деткам за их письмецо, крепко обнимаю и целую Никитушку-грамотея и Наташеньку за ее милые каракульки. Я все живу под впечатлением отмены моего приговора Верховной прокуратурой и передачи дела на утверждение в НКВД. Очень жалко, Катя, что ты так коротко пишешь об этом, а в последнем письме от 18 июня и вообще ничего не упоминаешь. Напиши, если можно, поподробнее, — сама ли ты была в Прокуратуре, или кто другой.

Дело в том, что последнее время на имя заключенных стали поступать из Верх. Прокуратуры извещения (от марта месяца), что дела приняты на пересмотр. Такого извещения я еще не получал, хотя пересмотр в Прокуратуре, судя по твоим сообщениям, начался еще в декабре прошлого года. Меня это несколько беспокоит; я хотел бы удостовериться более точно и подробно. Впрочем, я терпеливо жду дальнейших известий, тем более, что в Москве будто процедура пересмотра сейчас убыстряется.

Теперь лето; народ, вероятно, разъехался по дачам и курортам, и всяческие справки тебе наводить трудно, тем более и сама ты на Сиверской, и дети не отпускают. Но если появится какая-либо возможность — побывай в Прокуратуре, поторопи и справься о положении дела, и сразу напиши мне. Верю, что тебе некогда, но пиши хотя понемногу, но почаще. Пользуйся тем, что сейчас наша переписка протекает нормально. Я ведь не свободный человек, сегодня — здесь, завтра — там.

Писать о своей жизни почти нечего: жив и здоров, весь день по-прежнему занят на работе, сыт, — каши, хлеба и супу хватает. В мыслях моих постоянно — ты и дети; и во сне вижу только вас и Ленинград. Через 2 месяца минет половина моего срока; сколько пережитого за плечами! Мучительно хочется жить жизнью культурного человека — я так отвык от книг, от стихов, от литературы.

Кроме сладкого я ни в чем особенно не нуждаюсь, так что о посылках ты не беспокойся. Даже витамин С я немножко достал. Будь только сама здорова, береги себя и детей, и не забывай писать мне почаще, и посылать мне конверты. Марки у меня есть.

Конверты мне нужны готовые. Ну, до свидания, родные мои, целую и обнимаю всех вас

Ваш Н. Заболоцкий.

Фото детей я получил — уже сообщал тебе об этом. Спасибо, — какие они большие!

32

21 июля 1940

Милая Катя!

Получил твое письмо от 28 июня и телеграмму от 16-го. Спасибо за посылку; ее я еще не получил; думаю, что получу на днях. Я живу по-старому; нового почти нет. Каждый день жду новостей, но их нет пока. Долго тянется дело.

Сегодня выходной день. Перебрал белье и занимался починкой. Шерстяные чулки, кот.<орые> ты в свое время принесла в тюрьму, проносились в ступнях — я их хорошо починил и заштопал другими шерст. носками, кот.<орые> уже износились совсем. Валенки нынче зимой носил мало; в них нужно немного подшить подошву, и они еще вполне прослужат зиму. Шапка есть, пиджак меховой, варежки и рукавицы в порядке, свитер цел, — к зиме мои вещи, следовательно, в порядке, если все будет благополучно. Для лета есть одна рубашка верхняя (кот.<орые> ты послала в посылке), и нижнего белья вполне достаточно, носков 4—5 пар. Единственно, чего у меня нет и что мне никак не удастся достать, — это летней фуражки к плащу.

Нужно сказать, что нынешнее лето совсем не похоже на прошлогоднее. Уже июль кончается, а солнечных дней мы еще и не видали. Очень дождливая погода перемежается туманными теплыми днями; тайга цветет, а настоящего лета нет и нет. Впрочем, я сам от этого мало страдаю; наоборот, жару я переношу с большим трудом.

Я уже несколько раз сообщал тебе, что фото детей я получил в том письме, где ты писала об отмене приговора Верховной Прокуратуры (от 29 мая). Было бы [л] интересно знать, когда Верх.<овная> Прокуратура ожидает утверждения своего постановления.

Рад, что все вы здоровы, родные мои; это утешает и ободряет меня в моем несчастье. Если бы Никитушкино здоровье толь-

ко подправить; мальчику трудно будет, когда он будет ходить в школу.

Никитушкины и Наташенькины письма я получил с запозданием; благодарю детей, и напишу им отдельно, когда буду посвободнее.

Милая Катя, посылок регулярно мне не посылай, т. к. я остро не нуждаюсь, ибо всегда сыт, и если чего у меня не хватает — то сахару и мелочей, а остальное все не обязательно.

Время от времени посылай Вит.<амин> С, кальцекс, сахар. Если будет большая нужда — напишу сам; так мне не хочется лишать вас того небольшого, что вы имеете. Зарабатываю я 45 р. в м<еся>ц, но покупать почти нечего. Из тюремных денег на моем счету должно быть еще 760 руб.

Много работаю и перевыполняю норму, причем качество моей работы неизменно получает отзыв «хорошо». В сущности говоря, через год я мог бы уже стать техником и выполнять несложные самостоятельные проектировочные работы. Нужно только повторить математику и почитать кое-что по строительному делу. А у меня на это буквально не остается времени, т. к. все оно занято работой.

Милые мои, целую крепко вас и обнимаю. Будьте здоровы, не болейте и не забывайте вашего папу.

Н. Заболоцкий.

33

28 июля 1940

Милая Катя!

На этих днях получил твое письмо от 8 июля и телеграмму. Спасибо за них. Посылку еще пока не получил. Рад, что все вы здоровы и немного отдохнули на Сиверской от своих мытарств. Я живу по-старому, все — в ожидании окончательного разрешения дела. Я здоров и чувствую себя нормально. Все то, что ты пишешь о детях, волнует и удивляет меня, и никак не могу я себе представить Никитушку, который кончает Тома Сойера, и Наташеньку, которая слушает стихи. Я так тоскую о их миллом детстве, которое проходит вдалеке от меня. Но я верю в то, что скоро мы будем вместе. Целую всех вас, родные мои. Милая Катя, пиши мне теперь по новому адресу, указанному на обороте. Я довольно часто пишу тебе.

Ваш Н. Заболоцкий.

3 августа 1940

Милая Катя!

Жизнь моя течет по-старому, и никаких существенных изменений у меня нет. Лето подходит к концу, но мы его почти не видали, т. к. было всего несколько солнечных дней; остальное время — пасмурная погода и дождь. Впереди осень и зима — будущее туманно, неопределенно...

Все время уходит на работу. За июль выработал 116,5% при хорошем качестве. Всегда думаю о тебе, о детях; реже — об искусстве. Мой душевный инструмент поэта грубеет без дела; восприятие вещей меркнет, но внутренне я чувствую себя, несмотря на утомление, на всю душевную усталость, на всю бесконечную тягость постоянного ожидания, — чувствую себя целостным человеком, который мог бы еще жить и работать.

Физически я здоров. Недели две назад начали было немного болеть ноги — те характерные боли, которые были тогда. Потом это быстро прошло и не повторялось больше. Я стал думать, что же изменилось за это время в моей жизни. Питался я так же, образ жизни вел тот же, единственно, что изменилось в период между появлением боли и выздоровлением, это то, что я начал регулярно пить витамин С (в жидком виде), который достал (как я уже писал тебе). Уж не витамин ли явился нужным для меня лекарством?

Я стал припоминать — как я выздоравливал в 1935 году и после, когда ездил на Мцхету¹. Я тогда принимал ванны и питался на юге не так, как дома — там было очень много фруктов, которые я потреблял в большом количестве. Не эти ли фрукты меня исцелили? Прибавь к этому еще одно соображение: в 1923 г., будучи студентом, я болел цингой, и цинга у меня проявлялась в той же самой правой ноге. М. б., у меня вообще есть предрасположение к цинге, и дома я питался не так, как следовало, т. е. слишком мало употреблял в пищу витаминных продуктов. Короче говоря, я сильно подозреваю теперь, что в 1935 г. и позже вовсе не эндоартериит и не ангионевроз, а самая обыкновенная цинга, которую врачи не усмотрели, что с ними случается нередко. Между тем — цинга [случается] встречается в больших городах и не так уж редко, как принято думать. Недаром диагноз же не хотели тогда подтверждать другие врачи, и он по существу остался неустановленным.

Сейчас я пью вит.<амин> С регулярно и совершенно здоров.

Писем твоих последнюю неделю не было, посылка также еще пока не пришла.

Знаешь что, Катя. К зиме мне нужны были бы какие-нибудь штаны. Раздобудь где-нибудь, и со временем пришли мне. Пусть они будут старые и неважные; нужно только, чтобы они были крепкие, прочные, с пуговицами и карманами. Тогда же положи, кстати, иглол пару, ниток, мыла кусок. Все это не срочно, и ты не торопись очень, пошлешь, когда придется.

Что писать о себе? Я работаю, работаю, и душа моя всегда вместе с вами, всегда около вас. Чувствую себя совсем-совсем немолодым человеком, и тем тягостней отсутствие тебя и детей. Но что говорить об этом!

Воспоминания, обрывки прошлой жизни теснятся временами в голове. Как Никитушка прятался в уголок за дверь и выбегал потом оттуда, как, бывало, закинув голову — смеялся он самозабвенно-весело; его мягкие светлые волосики; как на Сиверской полез под стол и хотел там встать, и ушибся (когда еще только что начал ходить), как однажды утром, когда я спал на кушетке, он дергал «волосульки» на ноге, как смотрел на меня, когда я брился, как рисовал машину, «которая делает сметану». Как родилась девочка, как я укладывал ее. А как болели дети. И какая ты была у меня хорошая, милая жена, и как я не умел по-настоящему ценить тебя. И много, много другого. Я гоню их от себя — эти воспоминания, они не дают спать, и тоска становится в такие минуты почти физической болью. И как же страдаешь ты, родная моя! Что было бы с нами, если не дети с тобою и не работа у меня.

Но я твердо верю, что все это изменится.

До свидания, родная. Не брани меня за грустное письмо и не расстраивайся. Я уже привык, если можно привыкнуть. Целую тебя и крепко обнимаю моих любимых детей. Будьте здоровы, мои милые.

Ваш Н. Заболоцкий.

Еще прошу тебя: пиши обо всем только правду; я жду твоих писем.

Письма пиши по адресу

Комс.<омольск>-на-Амуре. Почт.<овый> ящ.<ик> № 99

[Поселок Старт. Проектно-Сметный Отдел]* мне.

* Густо зачеркнуто простым карандашом.

13 августа 1940 г.

Моя милая Катя!

На днях получил твою телеграмму от 5-го числа о переправке дела и посылку от 22 июня. Спасибо, милая, за все. Мне немного смешно на самого себя — как я, взрослый человек, уже немало испытавший в жизни, — и с таким волнением распечатываю твой ящик, вытаскиваю конфеты и пр. Вдалеке от <...>* немного ребенком. Вся посылка в порядке; бекон очень вкусный; впрочем, и все остальное — тоже. Теперь я каждый день закусываю хлебом с салом и пью сладкий чай. Не вздумай только часто посылать посылки; я имею небольшое представление — что это стоит теперь, да и в Лугу ездить неинтересно.

Живу я и работаю по-старому. Здоров, и чувствую себя нормально. Адрес теперь нужно писать так: Комсомольск-на-Амуре, Почтовый ящик 99/к [Стро] Проектно-Сметный отдел, мне. (Девяносто девять дробь К). Я все на старом месте. Не знаю, будут ли изменения. Все возможно.

Письма от тебя, Катя, получаю нечасто. Об опротестовании дела Верх. Прокуратурой было от тебя только короткое сообщение в письме от 29 мая, из которого не все было для меня ясно. В последующих письмах об этом ты ничего не писала. Будет ли пересматривать дело новый прокурор?

Лучшее утешение для меня — ваше здоровье. Очень радуюсь, что лето были вы на Сиверской и дети имели возможность дышать свежим воздухом.

До свидания, моя родная; крепко целую тебя и детей. Спасибо за посылку и телеграмму. Жду и крепко надеюсь, что жизнь наша устроится снова.

Твой Н. Заболоцкий.

25 августа 1940 г.

Милая Катя!

Давно не получал писем от тебя — с начала июля; последняя телеграмма от 5 авг. Я здоров, живу и работаю по-старому.

* Строка на сгибе не читается.

Скоро, вероятно, будем переезжать — недалеко; адрес будет тот же. Стоят хорошие летние дни, но ночи стали уже холодные, по-осеннему, как это бывает здесь под осень. Пиши почаще, родная. Пошел ли в школу Никитушка и переехали ли вы в город? Милая, крепко целую и обнимаю тебя и детей. Будьте здоровы. Каждый день мысленно я с вами.

Ваш Н. Заболоцкий.

37

1 сент. <ября> 1940 г.*

Милая Катя!

Давно нет писем от тебя. Когда очень некогда — черкни хотя бы открытку. Я здоров и живу по-старому. Не отчаивайся, родная, задержке дел. Береги себя и детей. Вероятно, сейчас ты устраиваешь Никитушку в школу. Напиши, когда выберешь минутку, по-подробнее о себе и детях. Я все тот же, и ты, и дети так же дороги для меня.

Как я тебе уже писал — посылку твою я получил недели три тому назад — все в исправности. Последняя телеграмма твоя была от 5 авг. Писем же не было с июля.

Очень прошу тебя — не огорчайся; нужно ждать и надеяться, что все будет разобрано. Крепко целую всех вас и обнимаю. Пишу вам очень аккуратно — получаешь ли мои письма?

Ваш Н. Заболоцкий.

38

15 [августа] сентября 1940 г.

Милая моя Катя!

Вчера получил три твоих письма от 11, 16 и 17 августа — первые после долгого перерыва. Очень беспокоился о вас, хотя я думал, что это случайная задержка. Бесконечно рад, что все вы здоровы и живете более или менее сносно. Это — самое большое мое утешение; оно дает мне силу продолжать жить.

Милая Катя, мне кажется, что разбор моего дела задержался по причинам общего порядка. По крайней мере — не я один остаюсь в лагерях с приговором, опротестованным Верховной Прокуратурой.

* Дата — синими чернилами.

Но, как ни долго тянется дело, все же надо иметь в виду, что только одна полная реабилитация моя может вернуть нам старую жизнь. Если я останусь нереабилитированным, если буду продолжать жить с этим незаслуженным клеймом — наша жизнь прежней не станет никогда; и все в ней будет условно. Этого забывать нельзя, и потому нельзя прекращать своих усилий добиться справедливости. Пусть это будет не сейчас, пусть это будет позже — но добиваться нужно.

Еще раз прошу тебя написать мне подробнее — в каком положении остановилось дело. В майском письме ты писала: «В Москве Верх.<овная> Прокуратура передала мое дело в НКВД для утверждения отмены приговора». В августе ты пишешь: «Все время обещали близкий хороший конец. Но вот все еще тянется». Как согласовать это? Ушло все-таки дело из Верх.<овной> Прок.<уратуры> в НКВД или нет? И если да, то о чем ходатайствовал Верх.<овный> Прокурор — об отмене приговора и реабилитации, или нет? [Л] Ответь мне на этот вопрос ясно, чтобы я мог знать, где именно задерживается дело — в Верх.<овной> Прокуратуре или в НКВД — нужно же мне знать, куда писать снова.

Через четыре дня — половина моего срока. Будет ли вторая половина легче первой? Один заключенный-крестьянин говорил: «Когда идешь домой с тяжелой ношей, то до полдороги еще ничего, — а там, чем ближе к дому, — тем тяжелее и тяжелее». А там, если и вернусь, — то где позволят жить, где и как работать и прочее. Но загадывать еще рано. Времени впереди еще достаточно.

Первая половина прошла. За все время я покорно и терпеливо выносил все лишения, которые выпали мне. За мной нет ни единого замечания, ни одного отказа от работы, ни одного случая непослушания. Неизменно выполняю нормы до 120% (при наших чрезвычайно жестких нормах), причем качество работы на «хорошо» и «отлично». Все это не так легко дается, но я стараюсь работать возможно лучше.

Уже осень. Ночи очень холодные, уже вода на дворе подмерзает к утру. Днем солнце — осеннее, не горячее. Живу по-старому, в ожидании перевода в Комсомольск. На зиму у меня — два шерстяных одеяла, мех.<овой> пиджак, шапка, валенки. Здоров, ноги не болят. Сыт; кормят лучше, чем прошлой зимой; нужда только в сахаре, сале да махорке (табаке).

Письма твои доставили много радости. Стараюсь по твоим описаниям и фотографиям представить себе детей. Наташенька представляется плохо, хотя и на фотографиях она — очаровательная

девчурка, особенно — на той, где она сидит у тебя на коленях. Смотрю на ваши фотографии, и горько мне за ваше одиночество. Ты похудела, женка. Одному освободившемуся заключенному рассказывали, что его измученная похудевшая жена с момента получения вести о его освобождении вдруг начала полнеть и поправляться с каждым днем, так, что он, приехав, нашел ее полной и цветущей. Будем надеяться, что и с тобой когда-нибудь случится это. Только не болей, береги себя и ребят.

[Денег] Денег мне высылать не нужно, они ни к чему. Сам с удовольствием переслал бы тебе те 700 руб., которые у меня еще где-то болтаются в Финотделе, если бы мог сделать это. Еще раз предпринимаю попытку [по] выслать тебе доверенность на получение облигаций — их там на 1500 руб.

До свидания, родная. Спасибо за все хлопоты и заботы. Крепко целую и обнимаю тебя и милых деток. Будем верить в правду, в людей; будем верить в лучшее будущее. Привет деду и знакомым.

Твой Коля.

19го сент.<ября> Письмо отправляю сегодня, вместе с доверенностью. Жду писем. НЗ.*

Н. А. Заболоцкий. Комсомольск-на-Амуре п/я 99/к Проектный отдел.

Пиши мне по этому адресу.

39

28 сентября 1940.

Милая Катя!

Я жив и здоров. Живу по-старому на старом месте, и нового у меня ничего нет. Работаю архитектурным чертежником; те свободные минуты, которые остаются от 11 ч. работы, — отдаю технической литературе и понемногу повышаю свой технический минимум. Стоят последние дни осени, ожидаем снега с часу на час...

Письма твои получаю редко. Как уже сообщал, в течение последнего месяца получил разом 3 твоих письма с фото детей. С тех пор ничего не получал и не знаю, что с вами.

* Приписка черными чернилами.

Ввиду того, что абсолютно все время занято, — некогда скучать и тосковать. Кончишь работу, засыпаешь, как убитый, и, если и просыпаешься, — то только от холода. Так идут день за днем — одинаковые, без переживаний, без мысли. Очень рад, что стал теперь заниматься техникой, чем заполняю пустоту в голове, с которой никогда жить еще не приходилось.

Что мне нужно? Штаны. Какие-нибудь старые, что ли, только чтобы были прочные и потеплее. Вид их безразличен, и кто носил раньше — тоже. Если подвернется случай — вышли, пожалуйста. А то эти синие уже носятся, не снимая, 2 года, и уже разваливаются, не говоря уже о том, что вид имеют самый фантастический. И если будешь их высылать, пожалуйста, не забудь махорки или табаку, хотя самого дешевого, но побольше. Пропадаю без табаку, и достать негде. Впрочем, и штаны, и табак не важны, ибо можно обойтись и без них.

В последнем письме выслал тебе доверенность на полученные облигаций. Это уже третья по счету. Сообщи, получила ли ее. И прошу написать правду о результатах дела, не скрывая ее от меня (если она тебе известна).

Что еще написать тебе? Все вы, мои родные, по ком я сходил с ума столько времени, теперь глубоко-глубоко погребены в моей душе, и уже мысль моя с робостью и болью старается не касаться этого наболевшего места. Что толку? Надо жить, пока живется, и ждать того времени, когда твоя жизнь снова будет походить на жизнь человеческую.

До свидания, родная. Целую и обнимаю тебя и детей, и всем сердцем желаю вам терпения и здоровья.

Ваш Н. Заболоцкий.

40

7 октября 1940.

Милая моя Катя!

На днях совершенно неожиданно получил две твои посылки, посланные 6-го сентября. Большое спасибо за них; но зачем ты так много тратишь денег на все эти продукты? Было бы довольно кило сахару, кило сала, пачку табаку. Конечно, все это вкусно и полезно, но меня мучает совесть, что я отнимаю от вас последнее.

Все пришло в исправности; чеснок не испортился. Теперь я аккуратно принимаю вит.<амин> С, пью чай с сахаром и подклады-

ваю сала в кашу. Особенно хорошо, что не забыла табаку — здесь с ним плохо. Но папирос не стоит посылать — они дороги и не экономичны, лучше самый простой табак в пачках или махорку, если она есть.

Писем от тебя нет, где-то задержались. Жду их на днях.

Я живу по-старому. Работа стала интереснее; я накопил опыт, и говорят, что из меня вышел бы неплохой архитектор.

Спасибо за носки; они пришли кстати — сегодня выпал первый снег. В прошлом году снег выпал 1 сентября, нынче — на неделю позже.

Как-то вы живете, мои дорогие? Теперь, конечно, вы уже в Ленинграде, — как устроились на зиму? Пошел ли в школу мой милый мальчик? Сегодня видел сон о вас, сон был страшный, и я проснулся с тяжелым чувством на душе. Ах, милая Катя, как бесконечно тяжело, неожиданно и страшно все то, что случилось с нами...

Как ты чувствуешь себя, моя дорогая? Прошла ли первая боль, и свыклась ли ты хотя немного со своей новой судьбой?

Не знаю, как пойдет дальше наша жизнь, но пока я здоров, и терпеливо жду того дня, когда наконец разберется все это несчастное дело и справедливость будет восстановлена. Я не могу поверить в то, что это не случится.

Я довольно аккуратно пишу тебе — получаешь ли мои письма. Сообщи, получила ли доверенность на получение облигаций, высланную тебе недавно?

Сообщи также — от чего нужно это лекарство камф.<ора> рублини¹, и по сколько шариков через сколько часов. Я в этом деле плохо понимаю, так что ты меня проинструктируй. Это кажется — желудочные.

Больше писать почти что не о чем, да и на работу пора. Крепко целую и обнимаю тебя, моего маленького школьника, мою милую доченьку. Будьте здоровы, мои дорогие, не болейте и не забывайте вашего папу

Ваш Н. Заболоцкий.

41

20^{оо} октября 1940.

Моя милая Катя!

Последнее время я довольно аккуратно получаю твои письма и телеграммы. Получил оба письма с фотокарточками, две теле-

граммы октябрьские и старую сентябрьскую открытку. О получении двух посылок от 6 сент. я уже сообщал, — они тянутся у меня до сих пор и сильно меня подкрепляют. Из карточек особенно приятны те, что с дедом. Там и ты хорошо вышла, и ребята выглядят довольно живо. Натальюшка, должно быть, очень забавная и милая девочка, и мне очень горько, что детство ее отнято у меня. Никитушка вытянулся, но худощав; выглядит подростком. У тебя такое милое выражение лица — там, где ты разговариваешь с Наташей. А дед, видимо, совсем плохо видит.

Ты просишь сообщить — как выгляжу я. Каким я был в тюрьме — ты помнишь — без особых перемен. В январе-феврале-марте того же года я был совсем не похож на себя; сейчас же снова вернулся в норму. Особенно сегодня, когда я подстригся и побрился, — взглянув в зеркало, я решил, что выгляжу совсем неплохо. Правда, говорят, у меня уже пробиваются кое-где седые волосы, что неудивительно, и спереди и на макушке прическа стала редеть. Но признаки этого были и на воле.

Конечно, мой внешний вид сильно отличается от прежнего по платью и по положению, которое я занимаю. Но я стараюсь быть аккуратным. Рваной одежды у меня нет, все подшито; нет ни одной оторванной пуговицы. Правда, ленюсь штопать носки, но их у меня много, и я их *ношу** аккуратно. Все делаю себе сам. Из посылочного ящика (который был новенький и аккуратный) я сделал себе чемоданчик — немного похожий на настоящие фанерные — с крышкой и ручкой.

Ты просишь выслать доверенность на получение пая; я делаю вывод, что у тебя появилась возможность получить его. Вышло с первой возможностью в самый короткий срок, но здесь все не так быстро делается. Доверенность на получение облигаций выслал в сентябре — получила ли ее, сообщи.

Денег мне не высылай. Как только мы переедем в Комсомольск, приму все меры к тому, чтобы переслать тебе руб. 500 из своих денег, кот.<орые> без толку валяются где-то в финчасти.

О деле моем в письмах твоих почти нет сообщений, из этого делаю вывод, что после опротестования Верх. Прокуратурой — пересмотр опять затянулся. Но не все делается быстро. Я продолжаю ждать и надеяться на освобождение.

До свидания, родная. Перед посылкой письма припишу еще.

* Слово вписано над строкой.

Я здоров, ноги совсем не болят. Витамином С теперь обеспечен надолго, спасибо. Если вышлешь махорочки, буду очень благодарен.

Н. Заболоцкий.

Крепко целую и обнимаю тебя и детей. Привет деду и знакомым*.

42

1 ноября 1940 г.

Мой милый мальчик, мой любимый сынок!

Прости, родной мой, папу за то, что он так редко тебе пишет. Папа очень занят, но все же он будет стараться писать тебе чаще.

Сынок, я очень рад за тебя — теперь ты — школьник, и начал учиться по-настоящему. Помни, милый, что если ты будешь учиться хорошо, ты так обрадуешь и меня, и мамочку, и самому себе сделаешь столько полезного. Когда-то давно-давно я маленьким мальчиком тоже в первый раз пошел в школу. Я учился неплохо, и, помню, учительница часто говорила маме (папиной маме), что Коля учится хорошо, что он один из лучших учеников. Я помню, как это было приятно и мне, и моему папе, и маме. Сыночек, прошу тебя, напиши мне — как ты учишься. Если сейчас тебе кажется, что ты пишешь и читаешь лучше других, — то не складывай рук и не откладывай книжки в дальний угол — помни, что должен знать в тысячу раз больше, чем ты знаешь теперь, и писать, и читать тоже должен в тысячу раз лучше. И ты всему этому научишься, весь секрет в том, чтобы заниматься каждый день. Я крепко на тебя надеюсь и жду от тебя, что ты будешь хорошим учеником. И еще, родной мой, помни всегда — люби крепко-крепко свою мамочку. Люби ее больше всех, и помни, что так любить, как она тебя любит, — немногие люди умеют любить. Мамочке нелегко жить; может быть, иногда она и скажет тебе что-нибудь неприятное, и поругает, но ты, мой родной, мой маленький взрослый сынок, не сердись на маму; ты ее послушайся, помоги ей, и сам увидишь, что все будет хорошо. И мамочке будет приятно, и сам ты почувствуешь, что хорошо сделал, как настоящий справедливый человек.

* Подпись и приписка после нее — черными чернилами.

Никитушка, сейчас папа еще не может вернуться к вам. Но когда папа вернется — подумай, как тебе приятно будет рассказать ему — как ты любил и берег свою мамочку.

Папа твой каждый день, каждый час помнит о тебе, и так тебя любит, как любит только мамочку и Наташеньку. Будь же здоров, мой любимый, учись хорошо, и помни, что твоя мамочка — твой самый лучший друг, а Наташенька — твоя и мамочкина маленькая воспитанница.

Целую тебя в твои светлые волосики и крепко обнимаю. Не забывай папу и пиши ему.

Твой папа Н. Заболоцкий.

43

3 ноября 1940.

Милая моя Катя!

Я стал хорошо получать твои письма и телеграммы. Последнее письмо было от 6 и 12 сент. Я по несколько раз перечитывал твои письма и всей душой переживаю то, о чем ты пишешь. Так жаль Никитушку. Но я верю в тебя, что у вас с ним все наладится. Посылаю ему письмецо и постараюсь писать чаще. Рад, что получила доверенность на облигации. Я послал еще доверенность на кв.<артирный> пай — получила ли ты ее? Если материал на брюки не купила — покупать не нужно; ведь могут же найтись какие-нибудь поношенные. Нельзя расходовать деньги на это. Наконец я в Комсомольске, и условия жизни изменились. Живем теперь в тепле. Только ходить приходится далеко и много, так что устаю. Здесь всего еще 2 дня, и жизнь еще не вошла в колею. Адрес тот же, работаю в управлении.

Тронут был письмом, посланным Василием Алексеевичем¹; может быть, напишу и я. Несмотря на все задержки, я продолжаю очень твердо верить, что в недалеком будущем меня освободят.

Доверенность на получение вещей из тюрьмы постараюсь послать побыстрее. Сейчас же я тороплюсь отправить это письмо, чтобы Никитушка поскорее получил мою записку.

Я совершенно здоров, питаюсь, как и раньше, одет и обут, сплю в тепле. Крепко целую всех вас, мои родные, береги себя и деток. Скоро напишу еще.

Твой Н. Заболоцкий.

11 ноября 1940 г.

Мой милая Катя!

Вот и прошли праздники, и я хорошо отдохнул в течение этих трех дней. Понемногу обживаемся на новом месте в Комсомольске, и привыкаем к новым условиям. Ходить приходится в день в общей сложности километров по 12 — до места работы и обратно. Это отчасти и хорошо, т. к. это время проводим на свежем воздухе и в движении, что представляет хороший контраст моей неподвижной работе. Плохая сторона хождений — время отдыха сокращается вдвое, и в результате значительно больше устаешь. Зато работаю теперь в настоящем большом каменном здании. Я так отвык за эти годы от настоящих домов, что вначале даже странно было видеть себя в обстановке городского дома. В бараке, где живем, удобства меньше, но зато тепло. Адрес мой несколько меняется. Письма нужно адресовать так: г. Комсомольск-на-Амуре, п/я 99/к, Штабная колонна, мне. Этот адрес обязателен; письма, согласно приказа, будут приниматься только с этим адресом. Название отдела проставлять не нужно.

На праздниках выдали зимнее теплое обмундирование, хорошего — для лагеря — качества: теплый бушлат, шапку-финку, ватные брюки, шарф, рубашку. Кажется, выдадут еще теплые бурки. Так что я теперь обеспечен на все время работы в Управлении еще и казенной теплой одеждой. Кормежка сносная, и количественно ее, в общем, хватает. Правда, нет жиров и сахара; сильная нехватка табаку.

Совсем случайно попался в руки мой Руставели, причем на главном листе стоит «Перевод с грузинского. Обработка для юности»¹, и все. Грустно было видеть эту осиротелую книгу, хотя и утешительно было узнать, что работа даром не пропала и не опорожена по существу. В случайно и редко попадающихся книгах читаю иногда чужие стихи и по ним стараюсь почувствовать, чем и как живут старые знакомые. Грустно было прочесть Санины стихи «Давным-давно, не зная почему...»².

14го ноября. Вчера получил твое письмо от 25/Х — с сообщением об ответе Прокуратуры. Оно удивило меня — в особенности если учесть майское сообщение об отмене приговора. За меня ты

не бойся, моя родная, — я спокойно читал его; только бесконечно жаль было тебя и детей. Непокойное время теперь.

Что касается дальнейших заявлений, то я подумаю, и может быть, в дальнейшем напишу. Видишь ли: невозможно оправдаться, не зная конкретно, в чем тебя обвиняют. Ведь если бы было все-ррез все то, о чем я писал раньше и в чем меня конкретно обвиняли, — я бы теперь был уже на воле. Оно, по-видимому, так и вышло: со своим заявлением я ломился в открытую дверь. А в чем дело — угадать невозможно.

Доверенность на получение пая я выслал тебе в октябре — теперь ты, очевидно, уже получила ее. Несколько раз сообщал тебе о получении двух сентябрьских посылок из Луги — аккуратно ли ты получаешь мои письма? Сейчас я не понял хорошенько — ты еще две посылки послала или пишешь о тех двух? Имей в виду на всякий случай, что я решительно прошу тебя не беспокоиться обо мне и часто посылки не высылать. Я сыт, обут и одет, и живу сносно, ты же должна думать не только о себе, но и о детях.

Скоро кончится 8-й месяц 3-го года. Время идет. Будем жить и работать, и надеяться, что через 2 года мы будем вместе. Это как будто все, что нам остается и что подсказывается нам нашим благоразумием. Крепко целую тебя и благодарю за все, моя родная; только не отчаивайся, береги себя и детей. Никитушку и Наташеньку нежно целую. Получил ли Никитушка мое письмо, высланное с неделю назад?

Твой Н. Заболоцкий.

45

28.XI.40.

Моя милая Катя!

Урываю несколько минут, чтобы написать коротенькое письмо. Дело в том, что теперь я занят на очень срочной работе, которая продлится до конца декабря¹. Работаю круглый день и едва урываю время для 5—6-часового сна. Исполняю обязанности и художника, и чертежника, и кого хочешь. Хотя и устаю, но все это связано с большим улучшением питания, поэтому затрата энергии все же компенсируется.

Я здоров; письма твои получаю довольно аккуратно. Настроениями и прочими переживаниями заниматься совершенно некогда, но вообще я спокоен и живу надеждой снова увидеть вас. Не

покидает меня надежда; так уж устроено нутро невинного человека, что, несмотря ни на [что] *какие печали**, — он все ждет и верит, что вот-вот вернется он в семью родную.

Получил сообщение твое о высылке посылки с вещами — пока посылка еще не дошла. Спасибо, родная, за заботу; но не забывай, что здесь целесообразно довольствоваться только *самым*** необходимым. А кроме того, мы, как я уже писал, получили казенные зимние брюки, бушлаты, шапки, и потому ходим в тепле. Вообще, пока что эта зима проходит благополучнее прошлогодней.

Морозы здесь доходят в декабре-январе до 50° и выше, но их переносить легче, чем в Ленинграде или Москве. Здешние 50° я приравнял бы ленинградским 20—25°. Сейчас холода еще сравнительно небольшие, думаю — не ниже -20°—25°. Недавно, идя на работу, наблюдали интересное явление: солнце на восходе отбрасывало три луча, из которых два шли прямо, вправо и влево, а третий — перпендикулярно вверх. При этом на небе было еще нечто, похожее на часть радуги. Любопытный здесь край.

Работая в обстановке городского каменного дома, в учреждении, я уже понемногу стал забывать о той жизни, которую вел так недавно. Здесь паровое отопление и некоторые удобства.

Рад, что доверенность на кв.<артирный> пай ты получила; напиши — получила ли самый пай. Это будет тебе все же некоторая поддержка.

Как-то живете вы, родные мои? Что мой маленький школьник, что доченька?

Крепко обнимаю и целую всех вас. Скоро напишу еще, когда выберу время.

Ваш Н. Заблоц.<кий>

46

3 декабря 1940.

Моя родная Катя!

Получил две твои посылки с лыжн.<ым> костюмом и продуктами. И костюм, и белье — все впору и все очень хорошо. Теперь уже в костюме хожу. Я в тепле. Трогательна твоя забота обо мне и предусмотрительность — точно ты знала, что нужна свечка,

* Слова вписаны над строкой.

** Слово вписано над строкой.

мундштук, мочалка, мыло — конечно, все это сразу пошло в дело, и очень облегчает мою жизнь. Спасибо за все; благодарю ребяток за конфетки — я съел их за здоровье Никитушки и Наташеньки.

И тем более горько мне и обидно за самого себя, что на меня точно затмение какое нашло, и я непростительно забыл поздравить тебя вовремя с днем твоего рождения. Правда, я замотался с работой, как никогда, мало сплю, и дома почти совсем не бываю, а когда бываю — то только сплю. Но все это не извинение, и я знаю, как печально было тебе не получить моего поздравительного письмеца. Все эти дни я чувствую себя таким поганцем, что противно самому себе.

Но верь мне, Катя, что ты и дети дороже всего для меня, и я живу одной надеждой снова жить с вами и жить для вас. Это всегда придавало мне силы в моих несчастиях, и сейчас только это поддерживает меня. Поэтому уж ты как-нибудь не очень сильно сердись на твоего непутевого мужа, [и] о [прими с] которым ты так заботишься даже в теперешней твоей нелегкой жизни, и прими его запоздалое поздравление. Целую твои ручки и желаю тебе здоровья и возвращения лучшей жизни. Кто знает, может быть, не так уж долго нам и ждать ее.

Я здоров и по-старому работаю в управлении. Но сейчас у меня очень спешная художеств.<енная> работа, и я занят дни и ночи. Питаюсь хорошо. Обед это время получаем из столовой для вольнонаемных, и иногда он бывает не хуже домашнего. Если бы ты знала, как это вкусно после двух лет лагерного питания.

Теперь еще есть посылка, и я, таким образом, подправляюсь и возвращаю питанием недостаток сна.

Я всем обеспечен и белья мне больше не нужно никакого, так же и брюк. Всякая немного лишняя вещь в нашем обиходе очень обременительна; я же сильно оброс вещами — так что отказываюсь даже от некоторых казенных. Но, конечно, в своем ходить приятнее — когда это разрешается.

Получила ли ты пай, и окончилось ли все это дело? Как идут твои кофты? Что детки мои?

До свидания, родная. Надо работать. Целую крепко тебя и детей. Спасибо за посылки и не очень сильно постарайся сердиться на меня.

Твой Коля.

В отношении заявления — мне кажется — ты делала все возможное. Благодарю за все хлопоты.

6 дек. <абря>

Едва имею несколько минут, чтобы написать пару слов. Получил сегодня твою открытку от 17 ноября. Кажется, сама скорбь писала это маленькое письмецо. «Устала немного» — пишешь ты, и я готов плакать над этим «немного», моя бедная детка, мой усталый друг. И образ болезненного одинокого мальчика с его детским горем встает передо мной — твой «индюшонок». Может быть, мы и будем вместе, и отдохнем, и детей вырастим, — но душа моя так незаслуженно, так ужасно ужалена на веки веков. Неужели во всем этом есть какой-то смысл, который нам непонятен?

К.

Я писал Никитушке — получил ли он мое письмо. Я уже работаю и по ночам, — теперь у меня горячее время. Все рисую. Питаюсь хорошо, но сплю в три раза меньше, чем дома.

47

18 декабря 1940 г.

С Новым Годом, моя милая Катя, мои дорогие детки!

Вот и еще один год за нашими плечами. Будем надеяться, что будущий год будет счастливее этого.

Я жив и здоров, живу и работаю по-старому. Как я уже сообщал, я своевременно получил твою телеграмму о пересмотре дела, назначенном НКВД. Я с нетерпением жду дальнейших вестей, хотя ты едва ли сможешь навести справки.

Вчера получил письмецо от Никитушки; и очень горжусь его успехами в школе. Когда буду <писать> новогодние — напишу ему отдельно.

Сейчас я очень занят и буду так занят, вероятно, еще недели две.

Зима здесь стоит нынче не такая суровая, как в прошлом году, только ветрено временами очень сильно. Я живу и работаю в тепле, и в значительно лучших условиях, чем в прошлом году.

Все у меня есть — белье и одежда, благодаря тебе, — в порядке. На днях обещали подшить валенки, — так что и с этой стороны все будет в порядке. Так что об этом беспокоиться нечего. Кормлюсь тоже это время очень неплохо.

Желаю вам, мои родные, встретить Новый Год здоровыми, в тепле, и сытыми. Крепко всех вас обнимаю и целую.

Ваш Н. Заболоцкий.

Твое письмо от 25.XI тоже получил. Как я уже сообщал, все твои посылки получил, и все в них в порядке. Спасибо за теплое белье, махорку и все другое*.

48

26.XII.40.

Еще раз с Новым Годом, моя милая женка!

Тому назад с неделю послал тебе поздравление; получила ли ты его?

Твою новогоднюю телеграмму я получил на днях; спасибо за добрые пожелания. Будь же и ты здорова в этом году, береги себя и ребяток. Будем надеяться, что ожидания наши оправдаются в этом году, и я буду на свободе.

Очень я рад, что ты получила квартирный пай; все-таки это будет тебе некоторое подспорье.

Я здоров и работаю по-старому. Ожидаются некоторые изменения, и, может быть, придется переезжать на новые места. Но это едва ли в ближайшее время, и вообще не наверняка.

Погода установилась зимняя, и морозы по временам уже переваливают за -40° . Но в такие дни меня выручает опять тот старый свитер — я разворачиваю его воротник, и он покрывает почти все лицо и затылок поверх шапки, и отлично защищает от мороза и ветра. Валенки сегодня на ночь отдаю в подшивку, которую уже достал. Так что все у меня в порядке.

Питаюсь хорошо — как и за все это время спешной работы.

Все жду результатов по пересмотру дела, но, кажется, комиссия по пересмотру сейчас временно не работает. Не знаю, насколько это правильно.

Ну, будь здорова, моя родная, целую твои ручки. Береги себя и детей.

Твой Н. Заболоцкий.

* Текст после подписи — химическим карандашом.

Посылаю ребятам письма с картинками, — пусть они будут им вместо новогодних подарков от меня.

<В верхней половине листа — рисунок, изображающий ледокол; акварель. Текст крупно, чертежным почерком>

С Новым Годом, мой любимый сынок!

Желаю тебе в этом году здоровья и хорошего ученья. Спасибо тебе, родной, за отличные отметки. Я горжусь тобой и надеюсь, что ты будешь отличником всегда. Твое письмо я получил. Не забывай, милый, папу, и пиши ему почаще.

Крепко тебя целую. Поцелуй за меня мамочку.

Твой папа

Н. Заболоцкий.

26/ХІІ—40.

<Вверху листа — ряд из трех однотипных (возможно, по трафарету) изображений коровы; внизу — ряд из пяти поросят; раскрашено акварелью>

С Новым Годом, моя маленькая дочка!

Расти в этом году большая и умненькая, люби мамочку и Никитушку. Папа целует твои маленькие ручки, носик, ушки. Не хворай и не забывай своего папку.

Твой папа

Н. Заболоцкий.

26/ХІІ—40.

49

4 января 1941.

Моя милая Катя!

Вот и 41-й год. До трех лет остается немного больше двух месяцев.

31го пришел с работы, пью свою кружку чаю — слышу: по радио из Москвы поздравляют с Новым годом. Слышатся тосты и звон новогодних бокалов. Моя кружка с кипятком мало напоминала бокал, барак же совсем не походил на праздничную залу. Вдруг приносят бандероль. Открываю: два томика Пушкина. Повело таким теплом дружбы и участия. Спасибо. Так с Пушкиным

я и встретил мой Новый год, мысленно поздравляя всех вас, мои дорогие, и всех друзей и знакомых.

Жизнь идет своим чередом, с очередными огорчениями, маленькими радостями, упорной работой и ожиданием — бесконечным ожиданием. Невольно думаешь — что впереди? Судьбы здесь так непостоянны, а весть из Москвы все не идет...

Получила ли ты мои новогодние письма, и получили ли ребятки мои письма с картинками?

Твое письмо от 13 декабря я получил своевременно. Всего 2 недели шло. Спасибо за все хлопоты. Будем ждать. Рад, что все вы здоровы и что кварт.<ирный> пай немножко поможет вам. Корнея Ив.<ановича>¹ благодарю за привет и за все. Так хочется крепко пожать ему руку.

Все это время я хорошо питаюсь. Мне повезло. Уже более месяца я имею очень приличный обед — иногда даже не хуже домашнего. И есть надежда, что это будет продолжаться еще дней 10. В моем положении это большая удача. Впрочем, — и работаю же — не покладая рук.

Когда я возвращаюсь ночью с работы, — мне хочется думать, думать, думать. Но думать некогда. Усталость берет свое. Повоевав с клопами, я засыпаю мертвым сном.

Теперь иногда я читаю Пушкина. И по временам он представляется гениальным молодым человеком. Молодым — потому что по годам я представляю себе себя самого значительно более старым, чем Пушкин.

До свидания, родная. Крепко целую деток и тебя. Постараюсь еще написать вскоре.

Если есть возможность — пошли марок. Конвертов и бумаги у меня достаточно, но марок уже штуки 3 осталось.

Твой Коля.

50

9 янв.<аря 1940 г.>

Моя родн<ная>* Катя!

Получил твое письмо от 20 дек. Спасибо за новогодние пожелания; получила ли ты мои новогодние письма? Рад, что ты получила пай. В отношении библиотеки ты не стесняйся. Если мне

* Бумага повреждена.

останутся — Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Баратынский, Сковорода, Циолковский, Гете, Хлебников, — то все остальное при нужде можно продать, и в первую очередь — библиотеку Брокгауза — она наиболее ценная. Хорошо, если бы сохранились словарь Даля и иностр. языков.

Поздравляю моего сына со днем рождения. Теперь он уже очень большой мальчик, и мне так больно, что в это время с ним нет отца. Меня радует, что он учится старательно, только здоровье его беспокоит. Что бы все-таки предпринять с его носоглоткой? В более зрелом возрасте лечиться будет трудно.

Родная, я здоров и продолжаю мою работу. Стал в морозы носить посланное тобой теплое белье. Оно очень теплое и приятное. Давно не носил таких доброкачественных вещей.

Нового ничего, или почти ничего. Так хотелось бы побыть около тебя, приласкать, утешить. Каким бы счастьем было видеть около себя детей, заботиться о них и о тебе. Возраст и все эти несчастья, кажется, все больше и больше привязывают меня к вам, мои родные, и я не дождусь того времени, когда увижу вас.

Целую тебя, родная, и деток. Будьте здоровы. Пишу вам часто.
Ваш Н. Заболоцкий.

9 января 1941.

Мой любимый сынок!

Поздравляю тебя с днем рождения, желаю тебе здоровья, хорошего ученья и множества новых интересов, которые ты получишь в школе и из книг. Вот тебе уже 9 лет. Ты уже совсем большой, милый. Мне было 9 лет в 1912 году. В то время праздновали 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. Мы, дети, очень увлекались рассказами об этой войне. Летом мы целыми днями играли в войну: наделали себе из бумаги треуголок, из палок — сабель, пик, ружей, и храбро сражались с крапивой, которая изображала собой французов¹. 9 лет я отлично знал, кто такие были Наполеон, Кутузов, Барклай де Толли. Памятники Кутузову и Барклаю стоят около Казанского Собора. Мама объяснит тебе — кто такие были эти люди.

Когда я хочу себе представить тебя, то вспоминаю себя самого девятилетним мальчиком². И это уже совсем не тот Никитка — маленький, которого я оставил в Ленинграде около 3^х лет назад. Придется нам с тобой снова знакомиться, сынок. Ну, будь здоров, родной. Люби мамочку и сестренку, помогай им и учись хорошо.

Мне будет очень, очень приятно узнать о твоих новых хороших и отличных отметках.

Твой папа
Н. Заболоцкий.

Поцелуй за меня мамочку и Наташеньку.

51

31 января 1941 г.

Моя милая Катя, милые детки!

Здравствуйте. Уже, наверное, недели две не писал вам, — очень был крепко занят. Теперь моя срочная работа идет к концу, и в начале февраля буду уже работать по-старому. Я здоров и чувствую себя нормально. За эти два месяца хороших обедов я достаточно подкормился, хотя работать приходится с утра до ночи. Никаких особенных новостей нет; вся жизнь в работе и все новости касаются только работы.

Возвращаясь в 12 ч. ночи домой и ложась спать, успеваю прочитать 2—3 стихотворения Пушкина, а дальше глаза уже слипаются. Утром, пока одеваюсь и пью чай (на что уходит минут 20) — слушаю радио. Я так привык за все это время к радиопередачам, что когда радио не работает — уже кажется — чего-то не хватает.

За работой незаметно как бежит время. Кончился январь — зима на исходе, а, кажется, она только вчера началась. Нужно, однако, сказать, что февраль и март — здесь еще очень холодные месяцы, а снег в апреле — дело совсем обычное. Так что теплых дней еще надо ждать да ждать. Но все же декабрь и январь это самые лютые морозы.

Я в тепле; валенки в свое время подшил, и они выручили меня. Я ни разу не поморозился и не простудился.

Письма за последнее время от тебя стали приходить не очень часто, получил только открытку от 1 января. Рад я, что вы здоровы и встретили в тепле и сытые. Спасибо всем за поздравления и тебе, и деткам, и знакомым. Получили ли ребятки мои письма с картинками и Никитушка — мое письмо ко дню рождения?

О пересмотре ты ничего не пишешь — значит, ничего нового не знаешь. Я так настойчиво и терпеливо ждал все эти годы моего освобождения, что чувства теперь притупились, и самое ожи-

дание, пока бесплодное, стало как бы нормальным, обычным явлением.

Через полтора месяца исполнится 3 года моего заключения. Недешево достались нам эти 3 года!

До свидания, родная моя; надо работать. Целую твои ручки. Когда свидимся мы с тобой?

Ребяток целую и обнимаю. Будьте здоровы, не болейте.

Ваш Н. Заболоцкий.

52

24 февраля 1941.

Милая Катя!

Письма твои и Никитушкины получаю аккуратно. Последнее письмо твое было от 5 февраля, и, кроме того, — телеграмма. Я очень рад переизданию Рабле и Руставели¹. Доверенность написана, подана и будет на днях выслана; ты ее получишь через милицию или НКВД — таков теперь общий порядок. Сообщи мне о получении. Рад я также, что дети получили мои письма. Получил ли Никитушка мое письмо ко дню его рождения, посланное своевременно в начале января?

Очень радуют меня твои письма, где ты описываешь жизнь и характер детей. Я мало представляю Наташу, но воображаю ее довольно живо по твоему описанию. В отношении Никитки, — меня несколько беспокоит, что его задаривают игрушками, и он мало читает. Кто знает — как жизнь сложится дальше, может, ему будет не так сладко житься, и после его дорогих игрушек уже ничто не будет привлекать его. Мне хотелось бы, чтобы уже если дарить — то дарили бы ему книги, что ли, чтобы приучался к чтению. Вообще, Катя, смотри за мальчиком попристальнее, береги от дурных влияний, следи, чтобы невинная детская шалость не перешла в одно прекрасное время в хулиганство. Мне хотелось бы, чтобы мальчик рос, уважая труд и любя работу, увлекался бы работой, учением. И еще хотелось бы, чтобы душевная близость между тобой и им не прерывалась, и вы были бы друзьями. А для этого нужно, конечно, чтобы вы оба по-настоящему уважали друг друга.

Ты можешь все это сделать, так как ты чутьем понимаешь, что делается в его душе.

Я живу и работаю по-старому. Срочная работа окончилась; более двух месяцев питался хорошо и подкрепился за это время. Те-

перь питаюсь по-старому — хлеба и каши хватает, иногда — редко — удается прикупить кое-что, но мало. Только сладкого нет ничего. Уже привык к этому. Насчет посылок ты не беспокойся — это и дорого, и трудно. И, кроме того, посылки теперь что-то плохо приходят и теряются многие. Не знаю уж, когда я получу эту, высланную тобой. Спасибо, что не забыла положить фуражку. Она мне понадобится. Сообщи, когда получу. Вообще же я стал почти равнодушен к вещам — слишком уже все это ненадежная [вещь] штука, — [то] сегодня есть — завтра нет.

Уже чувствуется первое робкое дыхание весны. Миновали вьюги с ураганными ветрами, которые доставляли нам много неприятностей во время ходьбы. По утрам еще стоят морозы в 30—40°, но днем начинает играть солнце и воздух быстро теплеет. Все это, конечно, еще начало, еще будут и морозы, и вьюги, но все же весна уже где-то тут, и она уже делает свое дело. Скоро скажем: — Вот и еще одна зима с плеч долой.

До свидания, моя родная. Спасибо тебе и Коле за письма. Они — мое утешение в невеселой и нелегкой жизни. Крепко целую тебя и детей. Будьте здоровы и берегите себя.

Твой Коля.
Н. Заболоцкий.

Сообщи точно, когда выслана посылка, чтобы я мог навести справки.

53

9 марта 1941.

Милая Катя!

4го марта Управление лагеря выслало на имя Начальника УНКВД Ленинградской области мою доверенность на твое имя — на получение гонорара за переиздание моих переводов и на заключение договоров — если в этом будет необходимость. Последний пункт я вставил потому, что при аресте все мои договора были у меня отобраны; у издательства же может встретиться необходимость заключить договор на переиздание какого-либо из моих старых переводов. По всей вероятности, Нач.<альник> НКВД зовет тебя и вручит тебе эту доверенность.

Твое последнее письмо было от 15 февраля. Было бы приятно, если был переиздан Руставели. Я рад, что все вы здоровы.

Проза [708]

Посылки я еще не получил — сообщи, от какого числа она выслана.

Я живу почти так же, как раньше, только мы переехали на соседнюю Колонну — Комендантскую. Так что вместо «Штабная Колонна» в адресе нужно указывать «Комендантская Колонна». Жилище несколько лучше, питание такое же. Последнее время удается покупать не очищенную от пленок кетовую икру, и она очень поддерживает меня. Это местный продукт — питательный и сравнительно дешевый — 14 р. кило. Жаль, что редко бывает.

Продолжаю чертежную работу.

Начинает немного подтаивать, так что приближение весны уже чувствуется. 12^{то} числа исполнится 3 года моего заключения, и я разменяю предпоследний год.

Очень тороплюсь, моя родная. Крепко целую тебя и детей. Будь поспокойней, насколько возможно.

Будьте здоровы, родные. Постараюсь написать вскоре.

Свободного времени почти нет — очень, очень мало.

Твой Н. Заболоцкий.

54

23 марта 1941 г.

Моя милая Катя!

Ты не должна сердиться на меня за то, что я не очень часто пишу тебе это время. Верь совести — нет ни минуты свободной; из всего дня есть только один час, когда могу отдохнуть, да и тот в сумерках. Я здоров и работаю по-прежнему. Вчера получил годовую посылку. Спасибо, родная. От каждого сверточка твоего веет такой любовью и внимательностью, что без волнения я не могу разворачивать их. Но я чувствую, как трудно было все это достать, сколько стоило тебе хлопот и времени эта посылка.

Между прочим, я, не зная обратного адреса, с затруднением получил ее. Оказывается, надо сообщать в письме обратный адрес.

Фуражка очень хороша, и по моему положению даже слишком франтовата. Масло с медом и все другое напомнили мне лучшие времена, когда мы ни в чем не нуждались...

В отношении моей здешней работы могут быть улучшения, и, возможно, мне разрешат работать по специальности педагогом. Но это еще не выяснилось окончательно. Если разрешат — условия жизни, возможно, будут лучше.

Поздравляю мою доченьку с днем ее рождения, крепко целую ее. Теперь ей четыре года — милый возраст. Как я люблю детей в этом возрасте!

Я не знаю, получил ли Никитушка мое письмо ко дню его рождения? Неужели оно потерялось?

Телеграмму твою о доверенности я получил, и доверенность, как я уже сообщал, выслана тебе 4 марта на имя Нач-ка Ленинградского УНКВД, который вызовет тебя и вручит доверенность. Таков теперь общий порядок. Сообщи о получении.

Если можно, вышли бандеролью Руставели и Рабле. Других книг не нужно пока.

По временам очень устаю и настроение портится. И в такие минуты я вас вспоминаю, как тяжело тебе одной с детьми, как ты устаешь безмерно, как ложишься поздно одна, когда дети спят, и некому приласкать и утешить тебя. И тогда я мысленно всегда с тобой, и целую твои усталые руки, и глажу твои волосы, и утешаю тебя. Уже три года ушло от нас.

Много у меня мелких забот. Условия таковы, что мелкие дела здесь делаются в десять раз труднее, чем на воле. Напр. — получить личные деньги, подшить валенки и пр. Иногда это вырастает в целую проблему, и много сделать не удается.

Если (скажем летом) удастся послать маленькую посылку — положи одни крепкие и прочные кальсоны. Рубашек достаточно. Но если задумаешь послать, — то темную косоворотку, — чтобы можно было носить сверху. Но это совсем не обязательно.

Валенки меня носили всю зиму, проделывая по 12 килом. в день. Очень теплые, хотя и страшные на вид. Все над ними посмеиваются, и я в первую очередь. Сейчас в починке.

Было несколько совсем весенних дней, и сейчас снова страшнейший ветер, холод и зима. Но это уже последние дни.

До свидания, родная. Спасибо за посылку. Буду стараться писать чаще, хотя открытки.

Крепко целую тебя и милых моих детей, которых благодарю за письма, картинки, за перышки и конфетки.

Твой Коля.
Н. Заболоцкий.

30 марта 1941 г.

Милая Катя!

Вчера получил Никитушкино письмо с маленькой карточкой Наташи. Благодарю моего мальчика. Впрочем, я вижу, что он шалун — таких нарисовал в письме загогулин и раскоряк, каких я давно не видал. Неужели он и в школьных тетрадках так пишет? В письме-то это не беда, но в школе ему может влететь за неаккуратность, ты ему как-нибудь скажи об этом помягче.

Я живу по-старому, и работаю тоже. В отношении педагогической работы — это мне не разрешено. Так что буду работать, как и до сих пор.

Нового у меня ничего нет. Письмо последнее отправил тебе в прошлое воскресенье. Посылку получил неделю назад, и она все еще держится у меня и поддерживает. Очень хорош кисель — его быстро можно приготовить, и он очень вкусен. Масло с медом я съел как манну небесную. Буквально чувствуешь, что каждая ложка прибавляет ложку крови.

Ничего не читаю и ничего не пишу — совершенно нет времени. На сон выкраивается не больше 6 часов. Как ляжешь на один бок — с того бока и встанешь. Устаю.

Но чувствую себя здоровым, и когда удастся выспаться — то и самочувствие и настроение делаются лучше.

Весна здесь уже вступает в свои права: [зим] ночью все замерзает, но к половине дня все развозит, и дорога стала труднее. Валенки сдал в архив и хожу уже в ботиках.

Иногда нестерпимо скучаю о детях. Уже стараюсь не думать. И что толку?

Вот, родная моя, так и живу. Как здесь говорят — разменял предпоследний год. Грядущее туманно, но так хотелось бы верить, что снято же в конце концов будет с меня это обвинение.

До свидания, родная моя. Целую твои усталые руки, твои милые глаза. И желаю тебе терпения и душевного равновесия.

Такая уж судьба наша. Ребятишек целую и обнимаю. Будьте здоровы, родные мои.

Твой Коля.
Н. Заболоцкий.

6 апреля 1941.

Милая Катя!

На этой неделе получил от тебя письмо от 3 марта, телеграмму с извещением о получении доверенности и бандероль с 4 книжечками поэтов. Я рад, что доверенность получена, и хорошо, если и ты что-нибудь получишь по ней. Спасибо за милое письмо и книги. Книжечка Баратынского доставляет мне много радости. Перед сном и в перерывы я успеваю прочесть несколько стихотворений и ношу эту книжечку всегда с собой. Мировоззрение Баратынского, конечно, не совпадает с моим, но его темы и то, что он поэт думающий, мыслящий, — приближает его ко мне, и мне часто приходит в голову, что Баратынский и Тютчев восполнили в русской поэзии XIX века то, чего так недоставало Пушкину и что с такой чудесной силой проявилось в Гете. Но Баратынский нравится мне не только как мыслящий человек, но и как поэт; в стихах его позднего периода (которые написаны им примерно в моем возрасте и старше) у него много поэтической смелости, не в пример молодым его стихам, французистым по манере, — в духе того времени. И нужно сказать тебе, что горько становится: не имею возможности писать сам. И приходит в голову вопрос — неужели только один я теряю от этого? Я чувствую, что мог бы сделать еще немало и мог бы писать лучше, чем раньше.

Ты пишешь о свидании. Даже если бы его разрешили, — нет никакого смысла затевать это дело. Не говоря о деньгах, которых нет, — подумай, сколько трудов и лишений доставит тебе эта дорога — сюда, на край света. Приедешь измученная, усталая, издерганная, и для чего же — для того, чтобы провести со мной несколько часов. Ни тебе, ни мне легче от этого не будет; наоборот, мы только еще сильнее растравим нашу рану. Не подумай, что мне не хочется видеть тебя. За один только взгляд я бы согласился бог знает что отдать, но трезво обдумав положение дела, мне кажется, что ехать не следует...

Живу так же, как раньше. Весна нынче медленная, то растает, то снова подмораживает.

Недели две тянулась посылка, и я подкрепился ей. Возможно, что скоро наладится получение личных денег, тогда буду в состоянии кое-что прикупать из ларька. В общем, жизнь стала очень однообразной, со всеми ее трудностями. В делах застой, и нового ничего не слышно.

До свидания, моя родная. Целую тебя и детей. Пишу тебе регулярно каждое воскресенье. Твои письма тоже доходят, кажется, аккуратно, и я рад, что судьба не лишает меня этой моей последней радости.

Твой Коля.
Н. Заболоцкий.

57

19 апреля 1941 г.

Моя милая Катя!

На этой неделе получил телеграмму о высылке хрестоматии¹. Очень благодарю тебя за это; ты мне оказала большую услугу.

Живу по-старому. Совсем было наступили весенние дни, но вдруг погода испортилась снова — снег, дождь, грязь по колено, ветер, — но тепло, переходы снова стали трудными, но это, конечно, не надолго. Станный здесь климат — к нему нужно долго привыкать.

Быстро бегут дни. Работа гонит их вперед с неудержимой силой. Теперь встаю в 7 утра и возвращаюсь в барак в 12 ч. ночи; в час я уже сплю мертвым сном. И не знаю, долго ли это все продлится. Весной возможны всякие перемены.

Стал и я стареть. Все явственней обозначается лысина, появились морщины, в коже нет прежней упругости и свежести. Время и лишения делают свое дело. И от жизни так отвыкаю. Милые вы мои! Как вы далеко и как нестерпимо хочется быть вместе с вами.

Когда ты получишь ответ относительно пересмотра дела — ты немедленно сообщи мне, и не откладывай, как тогда. Уже более 3 лет я живу одними ожиданиями, и, может быть, определенность была бы лучше. Я ко многому привык и не нужно ничего скрывать от меня.

Много раз я старался представить себе, как ты там живешь одна, с детьми, без домработницы. И совсем не представляю себе — во что вы одеваетесь, во что обуваетесь. Твое зимнее пальто уже в 38 г. было старое, — что же носишь ты теперь? Я представляю себе — как хочется тебе иногда купить себе что-нибудь — шляпу, чулки — и не на что. Все это в одно мгновение оказалось отрезанным от меня: из одной жизни я провалился в другую, и смотрю теперь оттуда на вас глазами иного человека, малопонятного для вас и уже многими, вероятно, забытого.

Если бы я мог как следует отдохнуть, отоспаться и передумать много, много мыслей, которые уже давно ждут своей очереди и которыми заниматься некогда. Моя голова еще хочет думать — она еще не утратила этой способности — и одно это обстоятельство уже радует меня. Не мне одному тяжело в заключении, но мне тяжелее, чем многим другим, потому, что природа одарила меня умом и талантом².

Если бы я мог теперь писать — я бы стал писать о природе. Чем старше я становлюсь, тем ближе мне делается природа. И теперь она стоит передо мной, как огромная тема, и все то, что я писал о природе до сих пор, мне кажется только небольшими и робкими попытками подойти к этой теме.

До свидания, родная. Крепко целую и обнимаю тебя и детей, с которыми мысленно я всегда вместе и о которых я так тоскую. Будьте здоровы.

Ваш Н. Заболоцкий.

Ник. Ал. Заболоцкий, Комендант.<ская> Колонна

58

3 мая 1941 г.

Милая Катя!

Я живу по-старому, нового ничего нет. Писем твоих на этой неделе не получал — только две открытки от начала марта — местная временная задержка. За майские дни я хорошо отдохнул. Питаюсь лучше, чем раньше. Погода установилась ровная, весенняя. Грязь уже сходит, и ходить стало удобнее. Нового совсем ничего нет, жизнь очень однообразная, один день похож на другой.

Крепко целую тебя и детей, и жду твоих писем.

Н. Заболоцкий.

59

8 мая 1941.

Милая Катя, милые детки!

Спасибо за поздравления, я сегодня получил вашу телеграмму. Вчерашний день рождения прошел у меня мирно и хорошо. День выдался ясный, солнечный и теплый; уже несколько дней хожу на работу в плаще и фуражке, что очень приятно — после тяжелого и надоевшего за зиму бушлата. В перерыве на завтрак пили чай

с вареньем и белыми булочками. Таким образом, я вступил в новый год своего существования — 39-й, что само по себе не столь уж радостно, но, правда, пока еще не слишком и печально.

В общем, живу я по-старому, и все мои новости и интересы вращаются вокруг работы, — что касается свободных часов, то они ежедневно проходят как две капли воды похожие друг на друга — хождение на колонну или на работу, еда, сон.

Кормежка стала лучше — супы вкуснее, на второе каша гречневая или пшенная. Так как теперь имею возможность получать ежемесячно из личных денег рублей по 50, то эти деньги с прибавкой заработка — 45 р. — позволяют прикупать кое-что из еды, и питание, таким образом, в общем делается значительно лучше.

С вашими письмами сейчас какая-то местная задержка, — которая, видимо, постепенно рассосется. Получил лишь твои открытки от первых чисел марта месяца, писем же не получал давно, также не получил еще и книги.

Кроме газет, почти ничего не читаю — и времени нет, и книг тоже нет. По-прежнему — есть радио, так что я более или менее в курсе всех новостей.

Что касается работы, то я вполне с ней справляюсь и выполняю ежемесячную норму до 120—125% при хорошем и отличном качестве. За все время не имел никаких замечаний, выговоров и пр. Работать, правда, приходится немало.

Очень печально, что о вас почти ничего не знаю нового — как вы живете, как Никитушкино учение, как выяснились дела с деньгами в Детгиздате, где и как собираетесь проводить лето. И ведь жить вам без меня еще почти два года — целая вечность!

Часто вспоминаю я Никиткино детство — как он на Сиверской впервые встал на ножки, как лазил под стол за мячом, и, разогнувшись там — ушибся, что послужило ему уроком, как играли в прятки, как он наблюдал за моим бритьем, а я строил ему невероятные рожи, что доставляло ему столько удовольствия; как дочку укачивал; как она тихонько сказала «папа» — тогда, — прощаясь со мной. Или это только почудилось мне? Пиши, Катя, о ребятах. Судьба оторвала меня от дочки; детство ее проходит без меня.

Силы жизни еще живы во мне. Просыпаясь утром, я еще ощущаю приток свежих сил, и первое, что мне хочется, — это вспомнить о чем-нибудь хорошем, что давало бы надежду и поддерживало бодрость духа. Много раз пробовал я трезво размышлять о всем этом моем несчастном деле — но тут так много для меня

непонятного, что размышления мои не приводят ни к чему. И, кажется, только и радости у меня — что вы живы, здоровы, и я, может быть, еще понадоблюсь вам когда-нибудь — когда буду снова свободен.

До свидания, родная моя. Крепко целую тебя, Никитушку, дочку. Будьте здоровы, не болейте, не забывайте папу, который вас так любит.

Н. Заболоцкий.

60

18 мая 1941 г.

Моя милая Катя!

На этой неделе сразу получил от тебя несколько писем и открыток — от 6, 11, 13 апреля. Очень радуюсь, что все вы здоровы и хорошо провели день рождения Наташеньки. Я уже давно отправил письмо с поздравлением моей дочке — получили ли вы его?

Напишу прежде всего относительно договоров с Детиздатом. Сказать по правде — все эти дела уже затуманились у меня в голове и заслонились тремя годами всех этих событий и переживаний. Помню же вот что:

На Рабле и Уленшпигеля договора были по 750 руб. лист (окончательные, т. к. на Рабле были еще старые с меньшим гонораром). Рабле вышло 2 издания, третье издание в 38 году было набрано, сверстано и подписано к печати¹. За него у меня было получено действительно, кажется, тысячи четыре. Уленшпигель вышло одно издание, готовилась школьная серия² (*или, кажется, она вышла*)*. На школьные серии этих книг были особые договора на ту же сумму. Срок действия всех этих договоров — 5 лет, так что нужно обратить внимание, не вышел ли их срок.

Что касается Руставели то договор на него по 5 р. строка, вышло одно издание³, был заключен договор на школьную серию, и вся подготовительная работа была произведена, и рукопись (т. е. книга, с переработками) была принята и одобрена. Кажется, и по этому договору была получена какая-то сумма, а м. б. и нет — надо справиться. Если и была получена — то за проделанную работу, которая не была выпущена не по моей вине.

* Вписано над строкой.

«Слово о полку» — договор был заключен и аванс 5 т. получен. Рукопись должна была быть представлена к 1 янв. 1939 года, она была в работе и сделана $\frac{1}{3}$, не представлена ввиду ареста.

Все же прочие деньги получены были, как полагалось по авторскому праву за работу, сделанную, представленную и одобренную издательством. Как вы уж будете договариваться относительно оплаты за издание 41 г.⁴, я не знаю, т. к. теперь, кажется, есть какие-то изменения в авторском праве, которых я не знаю, а также потому, что автор находится в положении специфическом и сам не имеет возможность и права принимать участие в этом.

Во всяком случае, юрист сможет без труда разобраться в этих делах, и сумма оплаты, вероятно, будет определена согласно существующих узаконений.

Как я уже сообщал — новогоднюю посылку я давно получил; кроме того, до меня дошли слухи, что на мое имя есть денежный перевод 50 руб. Если [т] это правильно, и деньги эти выслала ты, — то сделала это напрасно. У меня на личном счету еще 610 рублей денег, из которых в месяц мне выдают по 50 руб., т. что этих денег хватит надолго даже при условии, что эти выдачи будут аккуратно продолжаться. Денег мне не шли. А если будет когда-нибудь возможность послать небольшую посылочку, то прошу в нее положить вот что: кальсоны одни; рубашку темную — косоворотку или с воротником пришитым (об этом я уже как-то писал). Затем хорошо было бы какой-нибудь ночной колпак или вязаную шапочку (какую носят дети), чтобы закрывать голову на ночь и чтобы можно было натянуть на уши. М. б., есть старая детская. Затем — шнурков для ботинок пары 2—3, марки и витамин С, который, хотя и недешево стоит, но, кажется, приносит мне очень большую пользу. Я его очень аккуратно принимаю и чувствую себя здоровым.

Хрестоматию я получил через 2 месяца после высылки — так что лучше слать обычной почтой.

Работаю по-прежнему, черчу. С работой вполне справляюсь, и начальство моей работой довольны. Не знаю, как будет дальше — возможны перемещения.

Во всяком случае, обо мне ты не очень беспокойся; все твои советы и просьбы о здоровье я постоянно имею в виду и стараюсь осуществлять их. В свою очередь, прошу и тебя не забывать о своем здоровье, и, заботясь о детях, не забывать и о самой себе.

Итак, скоро у Никитки каникулы, и вы, вероятно, поедете на Сиверскую. Передай мой сердечный привет деду и всем знакомым.

Тебя же, моя родная, крепко благодарю, что не забываешь меня; жду с нетерпением того времени, когда будем вместе. Будь же здорова, не болей, крепко целую тебя и ребяток.

Стараюсь писать тебе каждую неделю.

Питаюсь я лучше, чем раньше.

Твой Н. Заболоцкий.

Здесь теплые весенние дни; удивительно, что в Ленинграде нынче так много снега. Иногда у нас бывает кино и выступления ансамбля. Спасибо Никитушке за его фотографии — они неплохие и Наташенька на них очень забавна.

61

25 мая 1941 г.

Милая Катя!

Получил твою телеграмму о переходе Никитушки в след.<ующий> класс и об отъезде на Сиверскую. Моего милого сыночка поздравляю и благодарю за хорошие отметки. Очень рад, что вы проведете лето на даче. Я мало представляю — что ты могла получить из Сов.<етского> Писателя и Всероскомдрама¹ — вероятно, какую-нибудь мелочь. Но и она, конечно, тебе пригодится. Напиши, чем кончились дела в Детиздате. Я живу и работаю по-старому. Сегодня уже совсем летний день, на улице жарко, много пыли. Ничего нового у меня нет; уходит день за днем — похожие [на] друг на друга: время уходит на работу. Пишу тебе регулярно — получаешь ли ты мои письма? Будь здорова, моя родная, крепко целую тебя, Никитушку и Наташеньку.

Твой Н. Заболоцкий.

Только что получил 2 твои письма от конца апреля и одно от Коли. Спасибо. Если выслала посылку — сообщи адрес отправления. Скоро напишу.

62

30 мая 1941 г.

Милая моя Катя!

Ты не можешь представить себе, сколько радости доставили мне твои письма от 18—23 апреля и 6 мая, которые я получил от тебя на этих днях. Теперь, когда я знаю, что ты получила эти деньги,

Проза [718]

а также получишь с Детиздата 5 т. <сысяч>, мне стало куда спокойнее за вас, мои родные. Я благодарю мою судьбу за то, что старые мои работы еще полезны для вас. Не каждому выпадает на долю такое счастье, и я особенно ценю и дорожу им — милая, любящая, терпеливая, благоразумная, и наши милые дети, которые дороже всего для нас с тобой, — а через вас и я счастлив. Волей и весной повеяло от твоих писем — и я опять полон надежды на будущее.

Я так рад, что напечатан перевод Орбелиани¹, — уж мне казалось, что он пропадет где-нибудь. Любопытно — поставлена ли там фамилия. Вообще говоря, я не имею ничего против того, чтобы мои переработки классиков и переводы переиздавались без фамилии, поскольку это разрешено соответствующими органами, — лишь бы это доставляло вам какую-то пользу. Если будет необходимость перезаключить договора на другие произведения — ты имеешь на это мою доверенность. Что касается гонорара — сообразуйся с прежними цифрами, а также посоветуйся с юристом. Сообрази также мне при случае — погашается ли с этой оплатой долг за «Слово о полку Игореве», или нет.

Хорошо получилось с деньгами из Всероскомдрама. Я и не предполагал, что там столько наберется.

Как я уже писал, полную хрестоматию я получил, сокращенную — еще нет. Но работаю я на прежней работе, т. к. педагогическая мне не разрешена, как я уже писал. Если ты Рабле и Руставели не выслала еще — то и не высылай их, т. к. я не могу переобременяться книгами; если же найдутся какие-нибудь портативные издания Тютчева — то я очень хотел бы его получить, причем меня интересуют исключительно философские и лирические его стихи — все же остальное не нужно.

Вчера неожиданно быстро получил посылку из Новгорода. Спасибо, родная, за все; только балуешь ты меня, и многие вещи шлешь слишком хорошие и дорогие для моего положения. Ты понимаешь, — не все то благоразумно держать здесь, что на воле. Например: сандалии — слишком дорогая и роскошная вещь — здесь были бы уместнее простые, грубые туфли на резинке. Трубка и табак годятся более для падишаха, а не для заключенного. Слов нет — этот подарок приятен и привлекателен, — но это слишком большая трата денег². Однако, я постараюсь употребить его с пользой. Все остальное — рубашка верхняя и нижняя, и белье, и все продукты очень хороши, особенно трогательны эти детские конфетки — очевидно, из маленьких сбережений Никитуш-

ки и Наташеньки. Как трогательна до слез их любовь к отцу! Вообще, Катя, имей на всякий случай в виду вот что: [если уж] целесообразно посылать мне только продукты: сахар, дешевые конфеты и жиры (ну, и мелочь). Относительно одежды, обуви и пр. — не высылай мне ничего за исключением того, что я сам прошу в письмах. Я рискую переобремениться, и, вообще, все это может не принести никакой пользы. У меня теперь есть все; единственно не хватало кальсон и верх.<ней> руб.<ашки> — но и те ты теперь прислала.

Безусловно, летом сандалии будут очень хороши, но мне просто жаль таскать тут хорошие вещи. Кстати говоря — в посылке было письмо от Ал. Вас., кот.<орая>³ пишет, что твоя посылка была 9 кгр. весом, принимали же на почте 8 — поэтому она вынула сахар в пачках и колбасу. Все остальное получено в полной сохранности, и очень благодарю тебя за твои милые заботы и предусмотрительность.

Получились также и деньги — 50 руб. Денег высылать не нужно, и зимой они тоже не нужны были. Теперь я получаю их ежемесячно по 50 руб., и на моем счету 610 руб. — как видишь, и в этом отношении я обеспечен.

Я каждый день прочитываю твои письма и рассматриваю карточки. Никитку я представляю себе довольно живо, хотя он сильно повзрослел. Но на Наташу я смотрю с любопытством и удивлением — мы так мало знакомы друг с другом, и она так быстро растет и меняется. Желая всем вам хорошенько отдохнуть на Сиверской, поздороветь.

Получил я и Колино письмо, и благодарю его от всей души за все. Напиши мне — что с его здоровьем — хворает ли, и что говорят врачи, где будет отдыхать, и как Алешенька и Л.<идия> К.<онстантиновна>?⁴ Всем им сердечный мой привет. Кланяйся также и деду, и напиши о его здоровье. Я, родная, живу по-прежнему, здоров и в письмах, которые часто шлю тебе, уже писал о себе не раз. Нового ничего. Будь здорова, родная моя, спасибо за письма и посылку. Крепко целую тебя. Ребяткам пишу отдельно.

Твой Н. Заболоцкий.

Мне бы очень хотелось иметь хорошую твою фотографию. Снимись, милая, как-нибудь и пошли мне — например — размером с открытку. Только хорошенько снимись.

30 мая 1941 г.

Мои дорогие детки, Никитушка и Наташенька!

Ваши карточки в письме и конфетки в посылке я получил. Карточки очень даже неплохие, и я каждый день их рассматриваю. Конфетки — прекрасные. Как только я съедаю конфетку, я говорю: — Вот я поцеловал маленький Наташенькин пальчик. Съедаю другую и говорю: — Вот я поцеловал Никиткино ухо. А как только посмотрю на карточку и увижу — какой большой вырос Никита, я думаю: наверное, ухо у него теперь с целую тарелку — что же я его целую, это уж даже неприлично. Наташенька тоже выросла, но пальчики у нее еще, вероятно, маленькие — не больше конфетки, поэтому целовать их очень приятно, — *они** даже вкуснее самых вкусных шоколадок.

Никиту Николаевича поздравляю с переходом во 2^й класс и с отличными отметками. Я его теперь очень уважаю и даже немножко побаиваюсь — вдруг он заметит у меня в письме ошибку или кляксу. Кроме того — он фотограф, а я снимать не умею. Умею только ботинки с себя снимать, когда ложусь спать, а карточки — не умею. Когда я вернусь — Никита Николаевич, вероятно, уже будет разговаривать по-французски, и я буду у него учиться.

А с Наташенькой мы будем играть в лошадки. Она еще будет не очень большая, и ей будет удобно сидеть у меня на спине. Я [же] научился здесь быстро ходить, — если же стану на 4 ноги, то из меня [может] получится недурная лошадка.

До свидания, детки. Поправляйтесь хорошенько на Сиверской, загорайте на солнышке, отдыхайте. Целую вас и обнимаю.

Ваш папа
Н. Заболоцкий.

63

24 июня 1941.

Родная Катенька, милые детки!

С этой колонны уезжаю. Я вполне здоров. По прибытии на новое место и при первой возможности напишу и сообщу адрес. Не волнуйся очень, если письмо придет не скоро. Любимая моя! Целую твои ручки. Сколько можно, береги детей и себя.

Твой Коля.

* Вписано над строкой.

14 ноября 1941 г.

Милая Катя!

Я здоров и на старой работе. Мой адрес: Комсомольск-на-Амуре, п/я 99, пос. Старт, Колонна 51 (Ширпотреб), мне. Жду твоего письма. Последнее было от 5 июля.

Целую тебя и детей.

Н. Заболоцкий.

10 марта 1942 г.

Милая Катя!

Вчера получил телеграмму из Костромы, причем не совсем понял из нее — не то ты временно находишься у Лиды с детьми, не то дети у Лиды, и она телеграфирует мне, а ты уже в Уржуме. С нетерпением жду письма от вас, мои бедные странники. Рад, что все вы здоровы после всех несчастий, которые приключились с нами.

Я, милая Катя, тоже здоров и работаю пока по-старому. Все время уходит на работу. Но я сыт, одет и обут, и живу сносно.

Теперь буду ждать твоих писем, родная. Напиши, что произошло с вами и о судьбе знакомых — вероятно, в их жизни немало также перемен.

Крепко целую и обнимаю тебя и милых наших детей.

Твой Н. Заболоцкий.

14 апреля 1942.

Милая Катя!

Я жив и здоров; живу сносно. Адрес мой переменялся, теперь нужно писать: Комсомольск-на-Амуре, п/я 99/7 Колонна № 12, Проектное Бюро, мне.

Последнее твое письмо было от 5 июля прошлого года; после этого письма я получил только две телеграммы — новогоднюю и из Костромы. Последнюю телеграмму не совсем понял, и теперь не знаю — с тобой ли дети, или ты их оставила у сестры. Мало представляю себе — как вы там живете. Если получишь это пись-

мо и будет возможность — пошли телеграмму, — они, кажется, идут лучше.

Жду вестей от тебя. Крепко целую всех.

Ваш Н. Заболоцкий.

67

23 апреля 1942 г.

Милая Катя!

Я жив и здоров, но очень беспокоюсь о тебе и детях, т. к. кроме двух телеграмм — новогодней и из Костромы — ничего от тебя не получаю с прошлого лета. Возможно, конечно, что письма где-то бродят, т. к. адрес мой изменился. Жду твоих писем по адресу: Комсомольск-на-Амуре п. я. 99/7 12 Колонна, Проектное Бюро, мне. Если возможно — телеграфируй. Целую тебя и детей.

Ваш Н. Заболоцкий.

68

3 июня 1942 г.

Милая Катя!

С большим запозданием нашла меня твоя телеграмма из Кирова от апреля м<еся>ца. Вероятно, сейчас ты уже в Уржуме. На всякий случай посылаю открытки по уржумскому и кировскому адресам¹. Получила ли ты мои письма с этой Колонны? Я за весь этот год получил от тебя только три телеграммы, поэтому о судьбе твоей знаю очень мало. Я здоров и живу сносно. Писать мне нужно по адресу, написанному на обороте. Задержку твоих писем объясняю переменой моего адреса. Я сыт, одежда и обувь в порядке. Имею возможность регулярно читать газеты. Здорова ли ты, здоровы ли дети? И как вы там живете, дорогие мои? Крепко целую всех вас. Сердечный привет Жене и Ек.<атерине> Ив.<ановне>².

Твой Н. Заболоцкий.

69

15 июля 1942 г.

Моя милая Катя!

Вчера я получил, наконец, твою телеграмму из Уржума. Я уже потерял было надежду, что наша переписка снова наладится, и не

знал точно — где вы и что с вами. Теперь мне стало спокойнее. С нетерпением жду посланного письма.

Я здоров и работаю по той же специальности. Прошлая зима прошла однообразно, но удачно в том отношении, что было хорошее теплое помещение. Теперь помещение для лета тоже хорошее, хотя несколько холоднее. До зимы, однако, еще далеко, и неизвестно — где мы будем к тому времени.

Живу, в общем, по нашим условиям, неплохо. Конечно, далеко не так, как раньше, но все же жить можно. Самая необходимая одежда и белье есть.

Как-то огрубел внутренне за эти годы, и многие ощущения притупились. Может быть, сам организм вырабатывает этим самым средство для самозащиты — ибо разве может человек на протяжении нескольких лет находиться в непрерывном волнении и тревоге?

С трудом могу представить себе, как ты жива до сих пор, если с тобой не произошло того же. Я знаю, что ты впечатлительнее меня и нервы твои легче возбуждаются. Какая мука, если ты не стала теперь спокойнее за детей и за себя!

Напиши, родная, как работается, как ты себя чувствуешь и что теперь представляют собой наши дети.

Я знаю, что тебе очень трудно живется. Хотелось бы мне приласкать тебя и утешить. Но что значат в письме — легковесные слова утешения? Одно только ты должна всегда помнить: если судьба еще позволит нам быть вместе, я ничего лучшего для себя не мыслю — как жить для детей и для тебя. Будем надеяться — без надежды трудно жить.

Горько думать, что трудно детям. Учится ли или будет ли учиться Никитушка? И как вы кормитесь. Конечно, вещи, какие еще были — все осталось в Ленинграде, и теперь у тебя едва ли есть даже самое необходимое. Друг мой, я уже тысячу раз все это передумал, и единственным утешением моим было лишь то, что сами вы живы и здоровы. Я буду возможно чаще писать тебе, пиши и ты, и основное повторяй, т. к. часть писем, видимо, просто теряется.

Всех вас, мои родные, крепко обнимаю и целую — тебя, Никитушку, Наташеньку.

Милые детки, живите дружно, помогайте мамочке и любите ее. Папа вас всегда помнит и любит.

Ваш Н. Заболоцкий.

7 августа 1942 г.

Милая моя Катя, милый Никитушка, милая Наташенька!

Здравствуйте, мои дорогие. Я получил вашу телеграмму о том, что вы нашли комнату и наконец — сегодня — открытку и Никитушкино письмо. Милая Катя, это после годового перерыва — первое твое письмо, которое я получаю, до сих пор были одни телеграммы. Из Никитушкиного письма я узнал отчасти о тех мытарствах, которые вам пришлось испытать. Друг мой, как хотел бы я помочь тебе и утешить тебя... Я знаю, и без письма я чувствовал, как тяжело тебе. Не падай духом, моя родная. Сама знаешь — всем сейчас нелегко. Надо собраться с силами и уж как-нибудь до конца вытерпеть эти беды. Иного выхода нет. Не век же они будут продолжаться.

Весной кончится мой срок, и мы как-нибудь будем налаживать нашу жизнь.

Спасибо Никитушке за письмо. Должно быть, помучилась ты в Кирове с его скарлатиной. Удалось ли совершенно ликвидировать осложнения, и как теперь он чувствует себя. Наташа, судя по карточке, раньше была полненькая; теперь — ты пишешь — она вытянулась и похудела. Я совсем не представляю себе ее, но люблю мою доченьку от этого еще больше. Помнишь, как, бывало, я убаюкивал ее в старое время?

Друг мой, я рад, что вы кое-как кормитесь, но, конечно, знаю, что денег у вас совсем нет и продать нечего. Я буду просить весь остаток моих личных денег перевести вам, но если это и разрешат, то это очень немного...

[Покая я] Пока я живу по-старому, но, конечно, не знаю — что будет завтра и судить об этом очень трудно — особенно в наше тревожное время. Но я рад, что теперь я уже твердо знаю твой уржумский адрес, и, в случае переезда, с первой возможностью сразу сообщу тебе. Пока я здоров, чувствую себя вполне хорошо, самая необходимая одежда и обувь есть, и в это отношении, возможно, у меня дело даже более сносно, чем у вас, — ведь дети растут и требуют новой обуви и одежды, а мы с тобой уже давно расти перестали.

Никитушке нужно больше читать, если позволяют обстоятельства. Тогда он[а] и писать будет правильнее, т. к. будет привыкать к печатным словам. Это хорошо, что он входит во вкус чтения.

Милая Катя, я знаю, что времени у тебя совсем нет, могу считать только на твои открытки. Но и они для меня большая радость. Марок мне не посылай — они у меня есть, и их достаточно. Пиши только правду о здоровье и жизни. Уже одно то, что я по временам буду слышать тебя, — будет для меня счастьем, — многие не имеют этого счастья.

Я круглый день в работе, и потому время идет быстро. Незаметно пролетело лето и близится осень. Но лето здесь начинается поздно в июне, даже в середине июня, и осень обычно стоит ясная и продолжительная.

До свидания, родные мои. Целую ваши ручки, Катенька, Никитушка, Наташенька. Будьте здоровы и помогайте друг другу. Дети, помогайте мамочке и любите ее. Папа всех вас помнит и любит.

Ваш Н. Заболоцкий.

71

30 августа 1942 г.

Милая Катя, милые мои детки!

Я жив и здоров, и живу пока по-старому. Готовлюсь к зиме, хотя сентябрь еще, думаю, здесь простоят теплый и хороший. Как уже сообщал вам в последнем письме, — ваши письма — открытку и Никитушкино письмо, — я получил. После этих писем вестей от вас не было.

Никаких особенных новостей у меня нет. Жизнь, конечно, стала сложнее, поэтому стали примитивнее желания, и больше уходит времени на то, что раньше делалось само собой. Не всегда бьет махорка, которую я стал курить значительно меньше, но бросить которую все еще не могу. Да, признаться, и не слишком хочется — ведь это последняя забава, которая еще более или менее доступна мне. А, кроме того, — бросишь курить — увеличится аппетит, что тоже не устраивает.

Но вообще чувствую себя здоровым и работаю, как всегда.

Подал заявление о переводе вам остатков личных денег — еще не сообщили — перевели их или нет, сам же пока справки навести не могу.

Раньше меня очень огорчало, что я почти не имею возможности ничего читать, кроме местной газеты. Теперь же, когда и на воле не до чтения, я как-то смирился с этим. Но как я буду счаст-

лив, если когда-нибудь снова смогу перечитать «Войну и мир» или «Анну Каренину»!

Милые мои, как-то вы живете? Никитушка, вероятно, пойдет учиться, а где же и с кем будет оставаться Наташенька? Здоровы ли вы, мои родные, и как ты чувствуешь себя, Катя? Крепись, моя женка, не горюй. Переживется тяжелое время, отдохнешь и ты.

Милая Катя, напиши мне, что тебе известно о судьбе брата — жив ли он и где находится?¹ И где Андрей Иванович?² Из Никитушкина письма я узнал, что Лида тоже работает в Уржуме. Передай ей мой сердечный привет.

До свидания, мои родные. Крепко целую вас всех и обнимаю. Не забывайте папу и пишите почаще, хотя и понемногу.

Ваш Н. Заболоцкий.

72

НК Связи СССР

ТАЛОН

к переводу по почте

на 196 р. — к.

От кого Заболоцкого Николая Алексеевича

Адрес Комсомольск п/я 99

ДЛЯ ПИСЬМА

Перевод личные деньги з/к Заболоцкого Ник. Ал. жене Заболоцк.<ой> Е. В.

Ст.<арший> бух<галтер> РО 8/IX—42 г.

Рекомендуется оплачивать доставку перевода на дом при его подаче

73

11 октября 1942 г.

Милая моя Катя!

Разом получил твое письмо и телеграмму — после долгого перерыва. Конечно, я очень рад, что вы живете более или менее сносно. Я тоже здоров и живу по-старому. Возможно, что поедем ближе к городу, и тогда сообщу тебе новый адрес.

Мои личные деньги (200 руб. или около того<->) в середине сентября переведены тебе Финотделом нашего Управления. Я бу-

ду очень доволен, если они тебе хотя немного пригодятся, здесь же они для меня бесполезны.

Никаких особенных новостей у меня нет. Все время уходит в работе. Осень нынче затяжная и с дождями, только сегодня славный и ясный день. К зиме я подготовился — одежда и обувь в порядке. Как-то вы будете зимовать нынче, детки мои? Вероятно, и валенок нет у вас? Будет, Катя, нужда, — что можно продай. Впрочем, и сама ты понимаешь, что ваша жизнь и здоровье для меня дороже всего.

Пошел ли в школу сынок? Наверное, ему порядочно подгонять придется.

Ну, до свидания родные. Целую всех крепко, Никитушку, Наташеньку, и тебя, женка. И поздравляю тебя с наступающим днем рождения, и желаю провести его спокойно и без волнения. Теперь ты у меня совсем взрослая стала, и умеешь справляться со всеми премудростями жизни. Хотелось бы посмотреть на тебя.

Твой Н. Заболоцкий.

74

29 октября 1942 г.

Милая Катя!

Я жив и здоров. Мой новый адрес: г. Комсомольск-на-Амуре, п/я 215/17, мне. Адрес новый, а место старое: год с лишком назад я уже работаю здесь. Работаю по-прежнему, и живу неплохо. Есть надежда на улучшение бытовых условий.

Письма твои были: открытка и телеграмма, на кот.<орую> уже ответил. Жду вестей и крепко вас целую.

Твой Н. Заболоцкий.

Получила ли ты деньги — руб. 200, переведенные в сентябре Финотделом Управления?

75

29 ноября 1942 г.

Милая Катя!

Вестей от тебя давным-давно нет. Живы ли вы, здоровы ли вы?

Я жив и здоров, и, как уже сообщал, мой адрес теперь новый: Комсомольск-на-Амуре, почтовый ящик 215/17 — мне. Я на старой работе.

Писать тебе не о чем. Вся жизнь в надежде на будущее, когда снова будем вместе, моя любимая. Крепко целую и обнимаю тебя и детей, и жду писем.

Твой Н. Заболоцкий.

76

6715 КОМСОМОЛЬСКА НА АМУРЕ
УРЖУМ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ УЛИЦА СВОБОДЫ 60 ЗАБОЛОЦКОЙ
=ЗДОРОВ ПИШИ АДРЕСУ КОМСОМОЛЬСК НА АМУРЕ ПОЧТОВЫЙ
ЯЩИК 215 ДРОБЬ 17 ЗАБОЛОЦКИЙ+

77

19 марта 1943 г.

Моя милая Катя!

Открытку твою и письма от 30/ХІІ, 10 и 21 янв. я получил, и посылку от 30 окт. получил тоже уже давно, о чем уже писал тебе. Спасибо за все.

Я здоров и на днях, очевидно, уезжаю отсюда на Алтай. Я оставлен здесь до конца войны, но, если уеду, буду жить значительно ближе к тебе, и письма будут ходить, вероятно, быстрее. Там, куда мы едем, говорят, значительно дешевле, чем здесь, и климатические условия мягче. Впрочем, как только я приеду на новое место (и это будет, вероятно, в начале мая), я тебе сразу напишу и сообщу новый адрес.

Так, мой друг, я вступаю в новый период своей жизни, который не радует меня и не огорчает, так как чувства уже притупились, и продолжение несчастья не кажется более ужасным, чем то, которое случилось 5 лет назад. Я знаю, что мои дети нуждаются в моей жизни, остаток которой еще может быть полезен для них. Поэтому будем жить и работать добросовестно, как и до сих пор.

Невеселую жизнь устроил я тебе, помимо желанья, но крепись, моя Катя. Может быть, когда-нибудь мы с тобой — старые старикашки — будем сидеть около печечки, рука в руку, вспоминая горькое прошлое, а наши большие умные дети с любовью и заботливостью будут оберегать наш покой и украшать нашу старость. Целую твои руки, моя хорошая, только будь здорова и не теряй ровность характера. Детям я пишу отдельные письма. Лиде пере-

дай мой сердечный привет; тоже и ей несладко живется, и столько времени. Если будут известия о брате, сообщи мне. Может быть, приехав на место, я попрошу через тебя Евг. Льв., чтобы он послал мне какие-нибудь куртку и брюки, хотя старые. Но об этом потом.

До свидания, милая, будь здорова.

Твой Н. Заболоцкий.

19 марта 1943 г.

Мой милый Никитушка!

Твои письма от 17 декабря и январское я получил. Спасибо за них, сынок. Первое письмо — длинное — было для меня очень интересно, из него я узнал о вашей жизни — маме ведь некогда написать обо всем, ты уж помогай ей, сынок. Второе письмо обрадовало меня — ты, я вижу, хорошо учишься и имеешь отличные отметки. Я и по письмам вижу, что у тебя становится все меньше ошибок, это хорошо. Только ты смотри, не зазнавайся, учиться надо еще много. Секрет в том, что работать нужно каждый день, терпеливо, настойчиво. Сегодня научись кой-чему, завтра — кой-чему — а пройдет год, пять лет, десять лет, — глядишь, все это вместе сложится, и ты будешь знать много-много, и самому тебе, и другим людям от твоих знаний будет большая польза. И еще я рад, что с сестренкой ты живешь дружно. Береги ее, мальчик. Она у нас самая маленькая, как цветочек. Мама на работе. А ты, сколько можешь, смотри за цветочком, чтобы он хорошо рос и чтобы никто его не обижал.

Твои письма радуют меня — пиши их почаще. Обо всем пиши — о том, как дома живете, как в школе учишься, с кем дружишь, как с мамой живешь — дружно ли, довольна ли она тобой, какие книги читаешь, и какие тебе больше нравятся. Когда я вернусь к вам, мы с тобой познакомимся по-настоящему, а теперь пока будем переписываться. До свидания, милый. Целую тебя, будь здоров.

Твой папа Н. Заболоцкий.

<Далее чертежным почерком>

19 марта 1943 г.

Моя милая Наташенька!

Твое письмо и картиночки я получил. Спасибо, дочка, что не забываешь папу. Когда я уехал от вас, ты была маленькая-маленькая, как котенок. Я носил тебя на руках и пел:

— Бай, бай, баю-бай,
Пойди бука под сарай.

Ты послушаешь меня и заснешь, глупенькая. А Никитка спал в своей кроватке рядом с тобой. Однажды вечером мама ушла куда-то, а я работал в своей комнате. Прихожу посмотреть, вижу — Никитка свалился с кроватки вместе с одеялом и спит на ковре, даже не проснулся. Маленькие еще вы были.

А теперь тебе уже скоро будет шесть лет, ты уж и буквы знаешь, и писать немножко умеешь.

Расти, доченька, большая и умная. Когда папа вернется к вам, он снова возьмет тебя на руки и запоеет «баю-бай». А ты уж тогда засмеешься и скажешь: «Я, папка, не кукла; я — Наталия Николаевна, прошу обращаться со мной осторожнее».

До свидания, доченька. Целую твои маленькие пальчики.

Живи дружно с мамочкой и Никитушкой, слушайся их.

Папа любит тебя и всегда о тебе помнит.

Твой папа
Н. Заболоцкий.

78

23.IV.43 г.

Милая Катя!

До сих пор я еще в Комсомольске. Очевидно, на днях выезжаю в Алтай. Как я уже сообщал тебе, я здесь оставлен до конца войны. Я здоров. Сегодня получил письмецо от Наташеньки с картинками. Спасибо, дочка. Получили ли мое предыдущее письмо с письмами для детей?

Очень тороплюсь. До свидания, родные мои, с нового места сразу напишу. Целую всех.

Ваш Н. Заболоцкий.

79

4/7 20 0 <Подпись>

Михайловское 420 20 29/5

Уржум Кир.<овской> обл.<асти> Октябрьская 41 Заболоцкой=

Здоров вышлите костюм немного белья Калунда <sic> Омской Михайловское п/я нр 308 дробь 13

Коля

29 августа 1943 г.

Моя милая Катя!

На днях получил твое письмо от 1 августа и перед этим — денежный перевод на 500 руб. Спасибо тебе, родная, за твои заботы обо мне, только жалею я, что ты выслала эти деньги. Их я буду получать равными долями в течение 5 месяцев; конечно, они более чем удваивают мой бюджет и значительно улучшают мое питание, но все же сразу израсходовать их я не могу. Должен сказать тебе, что с наступлением осенних месяцев жизнь стала значительно лучше в отношении питания — появились овощи — много огурцов, арбузов. Огурцы мы можем покупать по твердым ценам, и потому я помногу ем их. Кормят также лучше, чем в Комсомольске. Желудок не сразу приспособился к перемене пищи после долгого перерыва; но теперь справился, и все пошло исправно. По временам я даже имею немного молока, иногда — арбуз. После долгого поста все это кажется волшебной-приятной пищей. Между прочим — ты, вероятно, помнишь, что я не ел помидоры. Теперь я с жадностью съедаю их, когда они попадают мне, и готов есть их сколько угодно, но, к сожалению, они для меня дороги.

Если ты действительно сумеешь выслать мне небольшую посылку с бельем и одеждой, я надеюсь как-нибудь перебиться и эту зиму. Я знаю, как трудно тебе. В начале лета мне тоже было чрезвычайно трудно; теперь легче, хотя занят с утра до ночи.

Смотрю на фотографию Наташеньки моей, и, кажется, сердце мое расколется пополам, как только я встречу с вами, родные мои. Ты называешь наших детей «особенными». Да, они особенные — наши дорогие дети. Как видно, печать лишений и невзгод уже отражается в их глазках. О, как я люблю их, как болит за них душа! Как я буду счастлив, если сумею скрасить когда-нибудь их дальнейшую жизнь, освободить их и тебя от нужды и горя! Крепись сколько можно, друг мой.

После Комсомольска длинное и ясное здешнее лето радует меня. Каждый день я проделываю километров 9 пешком по дороге на работу и обратно — и наблюдаю природу, и загорел весь, и покреп. Но, кажется, лето уже на исходе. Начинаются ветры, ночи становятся прохладными, и в нашей землянке мы уже чувствуем наступление осенних дней.

Зимы здесь, говорят, суровые, но они короче, чем в Комсомольске, и, вероятно, более снежные, чем там. Между прочим, — ты не-

правильно пишешь адрес. Нужно писать не «Калунда», а «Кулунда». Это — ж. д. станция южнее Новосибирска, по направлению к Славгороду, недалеко от Казахстана. Посмотри по большой карте. Мы живем в селе Михайловском, кил. за 100 дальше.

Я очень рад, что твои огороды несколько поддержат тебя зимой. Без огородов теперь никто не живет. Напиши мне, каков у тебя урожай и надолго ли тебе его хватит?

А все-таки, Катя, ты, м. б., напишешь Евг.<ению> Л.<ьвовичу>, что я прошу его выслать мне какой-нибудь его старый костюм. Боюсь, что холодно будет зимой без пиджака или* куртки. А у него, может быть, валяется без дела.

Как только будет готова Никитушкина карточка — не забудь послать. А ты сама разве не снималась? Я хотел бы посмотреть на тебя — ты знаешь это.

От чего умерла Пелагея Сем.<еновна>? И где?¹ Я очень жалею о ее смерти; хотелось бы, чтобы и она дожила до лучших дней.

До свидания, моя Катя. Получаешь ли ты мои письма? После телеграммы это — уже третье. Целую тебя и обнимаю; деток моих тоже. Будьте здоровы, мои родные. Писем твоих жду; получить от тебя письмо — праздник для меня в моей скудной и однообразно-напряженной жизни.

Твой Н. Заболоцкий.

81

9 ноября 1943.

Моя милая Катя!

С 1 августа не имею от тебя никаких вестей. Беспokoюсь и тоскую о вас. Живу по-старому, сносно. Сыт, одет, обут. Наступила зима. Здесь зимы снежные, с ветрами. Вижу вас всех во сне. Неужели что-нибудь случилось с тобой, с детьми? Получаешь ли мои письма? Последнее время редко писал тебе.

Пиши мне, хотя по несколько строчек. Здоровье мое удовлетворительное, хотя сердце начинает гулять¹.

Жду вестей о тебе, о детях. Я все тот же, все так же люблю, люблю всех вас. Напиши, Катя. Целую всех и обнимаю.

Твой Н. Заболоцкий.

* Буквы *ли* вписаны над строкой.

28 ноября 1943 г.

Моя милая Катя!

После трехмесячного перерыва получил вчера твоё письмо от 11 октября. Никитушкино письмо, видимо, затерялось, но если оно в отдельном конверте — может быть, оно ещё дойдет до меня. Рад, что окончилась твоя огородная кампания и что зимой хотя что-нибудь у тебя будет. Я представляю себе, как измучилась ты, и наши полузаброшенные дети так и стоят перед глазами. Но что можешь сделать ты? И так ты делаешь много больше того, что в твоих силах.

О посылке ты не беспокойся, родная. Теперь мои дела поправились: у меня крепкая обувь, есть защитная куртка, брюки и в.<атная> телогрейка, и вообще теперь у меня есть почти все необходимое из одежды. Есть 2 пары белья.

Я чувствую себя сносно, питаюсь тоже. Если все же возьмут посылку, то серую курточку можно послать, и легкие брюки. Курт<к>у, если не подшила ватой, — не подшивай; но если уже подшила, то хорошо и подшитая. Ну, пару белья, носки, и все. На жиры не траться, лучше пусть детям. Я не голоден и выгляжу неплохо.

Относительно твоей поездки — рискованное это дело. Я не знаю, дадут ли свидание. Денег потратишь много. В дороге мученья. Да и мы можем отсюда уехать обратно. Как ни тяжело, а не советую, Катя. И рад бы всей душой увидеться, но разум подсказывает другое. И ни к кому не ездят. И детей как оставить?

Надо ждать. Может быть, уж не так долго осталось.

Получил от Коли из Молотова письмо и сегодня ему отвечаю. Нелегко, видно, им всем достается. Для всех эти годы — переломные, надо вытерпеть их.

Рад, что теперь с комнатой у тебя лучше. Это очень много значит. Хотя дома будет поспокойнее.

Как выглядят наши дети? Очень плохенькие или нет?

Переписываешься ли ты с Женей¹, есть ли сведения о брате? Установлено ли, что он погиб, или это еще неизвестно?

Что еще нового о знакомых? Коля пишет, что Дан.<иил> Ив.<анович> и Ал-<ексан>др Ив.<анович> умерли. При каких обстоятельствах — не пишет². Много знакомых сейчас в Молотове (Перми). Пишет, что квартира Коли в Ленинграде погибла. Напи-

ши, осталось ли что-нибудь от моей библиотеки? Хотя все это теперь дело десятое.

Пишу почти в темноте, поэтому кончаю. Крепко целую тебя, моего любимого мальчика, мою родную доченьку. Как часто-часто мысленно я бываю с вами, кажется, вся душа улетает к вам и беседует с вами. Целую твои ручки, милый друг мой, жена моя. Береги себя, сколько можно. Только бы ты была здорова.

Твой Н. Заболоцкий.

83

6/XII—43 г.

Милая Катя, спасибо за посылку и письмо от 13/XI, которые я получил на днях.

Не беспокойся за меня: я здоров, и теплой одеждой на зиму вполне обеспечен, валенки тоже есть, так что их посылать не надо. Брюки тоже есть. И вообще последнее время я жил значительно лучше, чем раньше, подправился и чувствую себя неплохо. В посылке все хорошо и все годится. 80 руб. положены на личный счет, т. к. разрешается в посылке не более 50 р. Но они будут выданы мне в свое время. Все в посылке будет использовано, включая обшивку с ее уголками.

Не думай, что я жалею проданные вещи. Я и раньше был не слишком большой собственник, а теперь тем более. Если целы костюмы — нужно будет — продай, не думай.

О Никите: врачи говорят, что это операция (с его полипом) несложная, но связанная с сильным кровотечением. Нужно предварительно исследовать — хорошо ли свертывается кровь. Впрочем, [ее] я еще поговорю с одним врачом и сообщу тебе свои соображения. Рад, что мальчик хорошо учится и что девочка здорова.

Милые мои детки, милая мамочка, держитесь, не болейте. Теперь уж, кажется, недолго нам ждать нашей встречи.

Получила ли телеграмму мою и письмо заказное? Николаю Егоровичу передай мой сердечный привет, ему ответчу на днях. Сейчас очень тороплюсь и пишу в полутьме.

Целую и обнимаю всех крепко, родные мои. Все тебя хвалят, милая мамочка, но я знаю, чего тебе стоит эта жизнь. Дай бог тебе силы и здоровья.

Твой Н. Заболоцкий.

23 декабря 1943 г.

С Новым Годом, милая моя Катя, родные мои Никитушка и Наташенька!

Крепко вас целую и желаю благополучия и здоровья в новом 44 году! Надеюсь, что этот год принесет нам победу и приблизит час нашей встречи. Последнее время довольно часто пишу вам; получаете ли письма мои? Как посылку, так и перевод на 100 рублей, я получил, о чем уже писал и благодарил тебя, милая Катя. Я живу и работаю по-старому; здоровье мое неплохо.

Здесь установилась настоящая русская зима, знакомая мне с детства. Она мягче и солнечнее, чем в Комсомольске; много снега, и мне доставляет удовольствие ходить на работу и обратно — по настоящему сосновому перелеску, занесенному снегом. Я тепло одет и не страдаю от холода. Куртка очень хороша на работе — теплая и легкая.

Жду от вас писем. Мой сердечный привет Лиде, Николаю Егоровичу¹.

Люб.<ящий> вас
Н. Заболоцкий.

11 янв.<аря> 1944 г.

Милая Катя!

Получил сейчас твои письма от 6 и 13 дек.<абря>. Удивляюсь, что ты не получаешь моих писем, которые я посылаю довольно регулярно. Посылку и 100 рублей я своевременно получил, о чем уже много раз писал тебе. Взволновали меня твои сообщения об отзыве Фадеева. Только я мало что смыслю в этих делах; не напишет ли Коля подробнее? Предпринимать что-либо я не могу и не знаю как. И когда же прольется свет на все это страшное дело?

О стихах «Осада Козельска» — вещь незаконченная¹. Закончены только 2 первые части. Третья часть не написана вовсе. Сколько помню, — кончается 2 часть скорбными строфами о защитниках города, павших во время осады. Сохранились ли эти черновики?

Одежды у меня пока достаточно. Обувь есть. Живу сносно. Вижу вас во сне и тоскую.

Целую всех. Будь здорова, родная. Напишу еще скоро. Сейчас очень поздно.

Н. Заболоцкий.

85а

11 янв.<аря> 1944 г.

Мой милый Никита!

Поздравляю тебя с днем твоего рождения. Будь здоров, мальчик, и учись так же хорошо, как учишься и теперь.

Когда я покидал тебя, ты был еще совсем ребенком. Теперь ты уже совсем другой, почти взрослый, и я, должно быть, совсем не знаю тебя. Как и всякому отцу, мне хотелось бы видеть в тебе только хорошее, чтобы потом гордиться тобою. И я надеюсь, что мы подружмся с тобою, когда встретимся снова.

Я живу сносно, и почти все мое время уходит на работу. Часто вижу тебя во сне — тебя, маму, Наташеньку. Письмо твое, где ты пишешь об отметках за первую четверть, я получил и порадовался за тебя.

Пиши мне чаще, Никитушка. Пиши о мамочке, о сестренке, о себе. Маме писать некогда — ты сам знаешь.

До свидания, милый. Крепко целую тебя, Наташеньку, мамочку. И жду ваших писем.

Твой папа

Н. Заболоцкий.

86

23 января 1944 г.

Милая Катя!

Я довольно аккуратно получаю твои и Никиткины письма и сам отвечаю на них регулярно. Удивляюсь, что ты получаешь так мало моих писем. Последние письма твои были от конца декабря.

Я живу без больших перемен — так же, как раньше. Все время на чертежной работе. Удивительно, что зрение еще не сдает, а то было бы плохо. Одет и обут. Питаюсь то лучше, то хуже, но в общем — значительно лучше, чем на Дальнем Востоке. Твою посылку и первые 100 рублей давно и своевременно получил, о чем уже сообщал тебе несколько раз. Декабрьские 100 рублей где-то еще гуляют. От холода не страдаю, т. к. землянка довольно теплая, и,

кроме того, — зима здесь стоит пока очень мягкая. Не знаю, долго ли это продлится. В феврале и марте здесь обычно бывают сильные метели с заносами.

Как видно, я порядочно отупел, т. к. примитивно-житейские заботы и дела выматывают все силы, и думать времени не остается. И читать — некогда и нечего. А если и соберутся в голову мысли — так бродят они беспорядочно, как козы без пастуха, и толку от них никакого. Должно быть, я устал от этих шести лет.

Друг мой, как хорошо было бы почитать!

Получив письмо от Николая Леонидовича, я ему ответил заказным, но письмо возвратилось обратно, так как адресат выехал. Ну, я доволен за него. По всей видимости, скоро теперь он сможет и в Ленинград возвратиться.

Как это ни странно, но после того как мы расстались, я почти не встречал людей, серьезно интересующихся литературой. Приходится признать, что литературный мир — это только маленький остров — в океане равнодушных к искусству людей.

Вначале меня взволновало твое сообщение об отзыве Фадеева. Но теперь я думаю, что все это — старые дела. Ведь все на свете забывается. Может быть, 2—3 человека еще и помнят обо мне. Но что значит их слабый голос в грохоте и потрясениях наших дней! От судьбы не уйдешь — как говорит народ.

4 февраля.

Получил сегодня письмо от Коли из Москвы, на которое отвечаю. Декабрьские 100 р. также пришли и зачислены на мой личный счет. Ничего нового у меня нет.

Будь здорова, милая; целую тебя и детей.

Твой Коля.

87

18 февраля 1944 г.

Моя милая Катя!

Сегодня получил два январские твои письма, и перед этим — открытку. Друг мой милый, ведь это первые письма, из которых

Проза [738]

я узнал, что было с вами в Ленинграде до эвакуации. Сердце дрожит за вас, хоть и прошло все это и стало прошлым. Сама судьба сберегла вас, мои родные, и уж не хочу я больше роптать на нее, раз приключилось это чудо. Ах вы, мои маленькие герои, сколько вам пришлось вынести и пережить! Да, Катя, необычайная жизнь выпала на долю нам, и что-то еще впереди будет...

Друг мой, стоит ли тут говорить о библиотеке, о костюмах! Тысячу раз права ты, когда продала книги, и вообще — может быть, наибольшая польза, которую могли дать мои книги, — это та польза, которую ты получила от [них] *продажи их**. Я совершенно серьезно говорю это. Ибо мудрость книг — вокруг нас, а жизнь наша и детей наших — одна-единственная, и не повторяется больше.

И зачем ты хранишь мой черный костюм, глупенькая? На что он мне? Что я, хуже буду без него, если освобожусь когда-нибудь? Продай его при первом удобном случае, и пусть дети съедят лишний кусочек. Видит бог, никогда не услышишь ты от меня ничего похожего на упрек, — т. к. в жизни ты, по всей видимости, поступаешь умнее и лучше меня, и я глубоко верю, что судьба еще вознаградит тебя за все лишения и беды, которые перенесла и носишь ты, моя милая. Я, кажется, тоже стал немного другой; по крайней мере, уже не привлекают меня в жизни ни костюмы, ни деньги, и живая человеческая душа теперь осталась единственно ценной.

Я все же так плохо знаю, что творится в жизни, что боюсь что-либо советовать тебе о переезде в Ленинград. Советую тебе крепко списаться с Колей Степановым и подождать, пока он переедет первый и сообщит тебе. Я был бы глубоко счастлив, если бы жизнь там быстро наладилась, и вы все, мои дорогие, снова съехались на старые места. Представляю, что тебе там было бы душевно легче с друзьями. Но смотри сама. Может быть, женщинам и детям еще рановато выезжать. Коля тебе не посоветует дурного. Спроси у него.

И Жене¹ и Томашевским² прошу передать мой сердечный привет. Запроси Женю о судьбе брата и сообщи мне. Жаль мне брата, так жаль, вся жизнь была у него впереди и за спиной было так мало радостного.

Милая Катя, вчера я сдал большое заявление о пересмотре моего дела — на имя Наркома Вн.<утренних> Дел для передачи в Осо-

* Вписано над строкой.

бое совещание. По всей видимости, его скоро перешлют в Москву. Оно подробное, на 11 страниц текста. Буду ждать ответа.

Что касается меня, то обо мне ты не беспокойся. Сейчас моя жизнь идет сносно; я одет и обут, всю зиму хожу в валенках, кот.<орых>, надеюсь, хватит до весны. Зима здесь на редкость мягкая, и от холода я не страдаю. Кормят значительно лучше, чем в Комсомольске, и я за это время подкормился и чувствую себя неплохо. Конечно, положение мое прежнее, и я не знаю, что со мной будет завтра, но жизнь научила жить сегодняшним днем. Ты просишь написать — что я ем. Друг мой, я ем самые замечательные вещи: щи с капустой, кашу пшеничную и пшенную, иногда лапшу, а также и хлеб. Уверяю тебя, что все это очень вкусно, и там бывает масло, и я не отказался бы еще от лишней порции. Серьезно, не беспокойся обо мне. А вот напиши-ка ты мне: что ты ешь? И помнишь ли ты ту вазу с апельсинами, которая когда-то стояла на нашем столе?

От Коли из Москвы получил небольшое письмецо, на которое послал ответ заказным, и теперь жду нового письма.

Если у тебя когда-ниб.<удь> выпадет минутка свободная, напиши мне поподробнее о том, что было с вами в Ленинграде и как вы эвакуировались. В те времена писем от вас не было, не до писем было в те времена.

Целую тебя, родная, целую Никитушку, Наташеньку. Душа моя всегда с вами. Все надеюсь и жду нашей встречи.

Пиши, Катя. Письма твои — радость для меня.

Денег мне не шли, мой друг. Вам они нужнее.

Твой Н. Заболоцкий.

88

30 марта 1944 г.

Милая Катя!

Давно уже получил два твои февральские письма, но все не мог собраться ответить. Числа 4-го этого месяца ушло в Москву мое заявление Наркому Вн.<утренних> Дел для Особого совещания — о пересмотре дела. В скором времени ответа не жду, но надеюсь, что летом или к осени ответят.

Что написать о моей жизни? Все по-старому пока. Долго ли продлится — не знаю, но вероятно, рано ли, поздно ли, придется ехать в новые или, быть может, старые места, что весьма не хотелось бы.

Проза [740]

Получил на днях от Коли из Москвы письмо, Ю.Н. Тынянов умер после долгих и тяжелых страданий¹. Эта смерть очень огорчила меня, и я несколько дней хожу под тяжелым впечатлением этой утраты. Юрий Н.<иколаевич> был всегда так внимателен ко мне, с первых шагов моей лит.<ературной> работы, и я был ему во многом обязан.

Коля собирается в Ленинград недели на две, чтобы устроить там свои дела. Видимо, по возвращении он напишет тебе и посоветует относительно переезда. Сам он и семья не торопятся переезжать и проживут в Москве, может быть, с полгода.

Коля все ободряет меня. Сам много работает и собирается писать докторскую диссертацию. Живут, судя по его словам, сносно.

Здесь весна, и я давным-давно хожу в одной телогрейке. Когда после работы выходишь из этих прокуренных комнат и когда сладкий воздух весны пахнет в лицо, — так захочется жить, работать, писать, общаться с культурными людьми. И уж ничего не страшно — у ног природы и счастье, и покой, и мысль.

Не знаю уж, друг мой, когда и как окончатся наши приключения. После твоего письма как-то особенно мучительно стало жаль детей. Им нужен отец, особенно Никите. Я очень это чувствую, и с каждым годом все больше. Мне кажется, мы сошлись бы с мальчуганом. Нехорошо, что эта мысль об отце будет такой болезненной в его сердце.

У тебя, наверно, все работа и работа, и уже пора думать об огороде. Как вы будете справляться, милые вы мои. Повторяю — костюмы мои ты в любое время продавай и не думай их хранить. Вероятно, нужны будут деньги на огород, семена и пр.

Ну, вот и все. Каждый вечер мы жадно слушаем радио, и хорошие вести с фронта ободряют и вселяют надежды.

До свидания. Крепко целую и обнимаю тебя и детей. Будьте здоровы, дорогие мои, и пишите мне чаще. Мартовских писем совсем от вас не было.

Твой Н. Заболоцкий.

89

21 апреля 1944 г.

Милая Катя!

Твои мартовские письма от 2 и 21 числа, а также перевод на 100 руб. я получил, спасибо. Я здоров, и пока живу и работаю по-

старому. Здесь давно весна, большие подснежники, мы ходим в телогрейках. Не знаю, как долго мы проживем здесь, но думается, что летом или осенью двинемся в другие места, м. б., на старые. От К.<оли> Степанова имел уже два письма. В ответах ему я между прочим набросал свои воспоминания о природе Дальнего Востока. Мне хотелось бы, чтобы и ты их прочла, поэтому переписываю их здесь для тебя.

Это — особая страна, не похожая на наши места; мир, к которому надо привыкнуть. Прежде всего, это не равнина, не долина, — это необозримое море каменистых холмов и гор-сопок, поросших тайгой. Природа еще девственна здесь, и хлябь еще не отделилась от суши вполне, как это бывает в местности, освоенной человеком. Во всей своей торжественной дикости и жестокости предстанет здесь природа. Не будешь ты тут разгуливать по удобным дорогам, восторгаться красотой мощных дубов и живописным расположением рощ и речек, — придется тебе перескакивать с кочки на кочку, утопать в ржавой воде, страдать от комаров и мошек, которые тучами носятся в воздухе, представляя собой настоящее бедствие для человека и животных. Поднимаясь на сопку, напрасно будешь ты надеяться, что наконец-то твоя нога ступит на твердую сухую почву, — нет, и на сопке та же хлябь, те же кочки.

И тайга — это вовсе не величественный лес огромных деревьев. Горько разочаруешься ты с первого взгляда, встретив здесь главным образом малорослые, довольно тонкие в обхвате хвойные породы, которые беспорядочными зарослями тянутся в бесконечные дали, то поднимаясь на сопки, то спускаясь вниз. Есть тут, конечно, и величественные красноватые лиственницы, и дубы, и бархат, но не они представляют общий фон, но именно эта неказистая, переплетенная глухая тайга, — и страшная, и привлекательная в одно и то же время.

Приходилось мне бывать на тушении лесных пожаров. Тайга летом горит часто, и бороться с пожарами трудно. Ночью можно видеть, как огненные струи бегут по склонам сопки, как понемногу пламя овладевает вершиной и начинает гулять по ней, заливая небо багровым заревом, видимым за десятки километров. В тайге страшно. Пламя летит где-то вверху по листве. Еще где-то далеко бушует пожар, но треск его все ближе и ближе. Еще не горит ничего вокруг, но вот вверху вспыхнула ветка, другая, — не заметишь,

как и когда загорелась она, и вот уже понеслись во все стороны искры, и скоро целые охапки пламени вспыхивают над головой, и побежали по стволу огненные струи. Уже давно, гонимые жаром, улетели птицы; волки, зайцы и все зверье, позабыв о вражде, не чуя человека, ломаются прочь, не разбирая дороги. И вся эта первобытная хлябь, что под ногами, зашевелилась, поползла, засуетилась, полетела, начала карабкаться во все стороны, потревоженная близостью огня. Вся тварь насекомая, которую и не видишь никогда, полубесформенная, многоногая, слепая, одурелая, — мечется в воздухе, лезет в нос, в глотку, ползет по ногам — воистину — страшное зрелище.

Насекомых здесь великое множество, и многие из них примечательно красивы. Бабочки огромны, и расцветка их прекрасна. Дыхание каких-то южных морей чувствуется в этой замечательной окраске. Великое множество жуков, иные из них — настоящие великаны с усами в вершок и более. Летом сопки покрываются морем чудесных цветов — огромные белые лилии, багровые пионы, жасмин в человеческий рост, багульник, — все это напоминает собой южные цветы, выведенные рукой человека, а не дико растущие по воле божией. И климат здесь — какое-то странное смешение сурово-континентального и приморского, что накладывает своеобразную печать на всю природу Дальнего Востока.

Но почва камениста. Я не знаю тех геологических бурь, которые сотворили здесь всю эту каменную кутерьму, но стоит только снять растительный слой, как лопата натывается на глину и камень. В карьере мы обнажаем и взламываем вековечные пласты каменных пород, и странно видеть их матовую поверхность, впервые от сотворения мира обнаженную и увидавшую солнечный свет.

Когда-нибудь, проезжая к берегам Охотского моря и наблюдая природу из окна вагона, путешественник будет изумлен величественным зрелищем, которое откроется перед его глазами. С вершин сопки он увидит вздыбленное каменное море, как бы застывшее в момент крайнего напряжения бури. Каменное море, поросшее лесом, изрезанное горными речками, то мелководными, то бурными и широкими — в период таяния снегов, и что ни поворот, то новые изменчивые картины в новом аспекте света и теней будут внезапно появляться перед его глазами. Но это будет потом. Сейчас здесь суровый, нелегкий человеческий труд.

Лето здесь дождливо, но осенние месяцы — сентябрь, октябрь — прекрасны всегда. Устанавливается сухая погода, мирное осеннее солнце заливает светом начинающую желтеть тайгу, и вся природа как бы успокаивается в преддверии зимы — величественной дальневосточной зимы.

Зимние холода суровы — до 40 и 50°, но температура эта переносится сравнительно легче, чем такая же в России. По ночам черное-черное небо, усеянное блистательным скопищем ярких звезд, висит над белоснежным миром. Лютый мороз. Над поселком, где печи топятся круглые сутки, стоит многоствольная, почти неподвижная колоннада дымов. Почти неподвижен и колоссально высок каждый из этих белых столбов, и только где-то высоко-высоко вверху складывается он пластом, подпирая черное небо. Совсем-совсем низко, упираясь хвостом в горизонт, блистает Большая Медведица. И сидит на столбе, над бараками, уставившись оком в сугробы, неподвижная полярная сова, стерегущая крыс, которые водятся тут у жилья в превеликом множестве.

Утром, когда в морозном тумане поднимается из-за горизонта смутно-багровое солнце, можно нередко видеть на небе примечательные огненные столбы, которые в силу каких-то атмосферных причин образуют вокруг солнца нечто вроде скрещенных прожекторных лучей. И еще любопытно: вдруг вспыхивает яркая радуга и так висит над снегом, точно нарисованная, удивляя собой непривычных людей.

Весна большей частью медленная, с большим количеством воды и грязи непролазной. Но вот вода сошла, почва подсохла, как будто устанавливается лето. Но тут начинаются паводки. Постепенно собирая воду с дальних сопок, набухают мелкие речки, вода все прибывает и прибывает, и вот, круша и ломая лесные завалы, уже несется она с ревом и грохотом. Нередко можно видеть, как водяной вал высотой в метр и более перекачивается через кучи обрушенных деревьев, и тогда безобидная мелкая речушка в один миг превращается в грозно ревущее море.

И много еще разных разностей можно написать о тех краях. Можно упомянуть о вечной мерзлоте, когда, выпираемые застывшей водой, целые груды камней сами собой вылезают на земную поверхность; о дико растущем винограде, который мирно уживается рядом с северной клюквой; о птицах, которые здесь не поют (кстати говоря, цветы здесь без запаха, за исключением ландыша);

о милых маленьких бурундуках, и т. д. Наконец, особого описания требует Амур, который, подобно гигантской ленте, извиваясь, катит свои волны у подножия бесчисленных сопок, и ветры, как по трубе, летят над ним, следуя по течению, так как сопки не дают им прорваться в глубь страны.

Но мое письмо — это только беспорядочный набросок, обо всем нет времени написать.

До свидания, милая Катя! Твои дорогие письма — одна для меня радость; пиши. Я скоро напишу еще. Спасибо Никитушке за письмо. Наташеньку поздравляю с днем рождения. Милые мои, какие вы большие стали. Целую твои ручки, целую детей.

Ваш Н. Заболоцкий.

90

23 апр.<еля> 1944.

Милая Катя,

сегодня совершенно неожиданно получил от тебя эту роскошную посылку и удивился, честное слово, откуда ты взяла столько денег, чтобы купить это масло. Ведь по нашим временам это целое состояние. Детям оно было бы нужнее, но уж раз послала — спасибо за все, поем за ваше здоровье. Очень обрадовали меня носки, ибо по этой части у меня дефицит. Я их снаружи подшиваю лоскутками — они дольше держатся. А в одних портянках все еще ходить не научился — вылезают из ботинок. Я живу неплохо, и, во всяком случае, лучше, чем в Комсомольске.

И за уголки спасибо¹.

Сегодня у меня выходной — первый за долгое время, и я отлично его провел, упражняясь около твоей посылки.

Еще я рад тому, что у меня начинает работать голова, и, несмотря на работу, я теперь довольно много думаю. По дороге на работу и обратно стараюсь ходить один, наблюдаю природу, и это составляет мне величайшее наслаждение². Ведь теперь весна, сколько перемен в природе!

До свидания, родная моя. Спасибо за заботы.

Твой Н. Заболоцкий.

12 мая 1944.

Милая Катя!

Что-то давно нет от тебя писем. В конце апреля уже получил твою посылку, а писем с упоминанием о ней все нет.

Последнее мое письмо к тебе было с воспоминаниями о Дальнем Востоке, послано в конце апреля заказным. Получила ли ты его?

Все это время я жил неплохо и, благодаря твоей посылке, подкормился. Совсем уж было установилась весна, было совсем жарко, но 10го числа позавчера выпал снег, который шел и вчера, и сегодня. Правда, он тает, и я думаю, что на днях весна снова возвратится к нам. У окрестных крестьян коровы стали давать молоко, и я имею возможность иногда покупать молоко по 20 р. литр.

У меня новость. Решили мы с товарищем посадить огород. Уж не знаю, доживем мы тут до овощей или нет, и сумеем ли уберечь от воров, но решили засадить маленький огородик. Обнесли его колючей проволокой, землю вскопали. Посадили на двоих 80 кустов картофеля, грядку моркови; оставили 2 гряды для огурцов, грядку для свеклы, дыни и пр., и особое место для помидоров. Огородик небольшой, но мы думаем наверстать тщательностью обработки и удобрением. Землю мы унавозили. Семена достали, правда, не все. Обещали нам и рассады для помидоров. Если доживем до осени, то думаем подкормиться на овощах. Рядом с нашим огородом уже появился другой, и еще совсем маленький — третий. Пример заразителен.

Жизнь идет без больших перемен, в работе.

7го числа стукнул мне 41 годок. Как раз в тот день было воскресенье, и я все копался на огороде. Уже немало прожито на свете.

Как-то вы живете, родные мои. События развиваются быстро, и я думаю, что не так долго, и конец войны. Может быть, проживем еще все вместе. Но я не хотел бы жить в Уржуме.

От Коли не имею писем. Я послал ему в ответ на его второе письмо уже два письма, но ответа пока не получил. Чувствую, что все теперь по-иному, и, конечно, наша жизнь будет уже не повторением старой, а совсем другая. Мне-то лично уже немного от нее нужно, только бы детям и тебе помочь. Впрочем, видно будет потом.

Что ты измучилась — это понятно. Лишь бы здорова была. Все-таки я надеюсь, что со мной легче тебе будет, и ты отдохнешь.

Дети большие стали. Отвык я от них. У Никиты теперь уже своя жизнь, в значительной степени самостоятельная, и к ней надо будет привыкнуть. Наташа в школу пойдет. Останемся мы с тобой вдвоем, огород засадим, будем репу сажать да в дурачки играть на старости лет.

Ну, до свидания, обо мне пока не беспокойся, я живу сравнительно неплохо и выгляжу тоже. А теперь лето идет. Целую тебя и детей. Пиши мне почаще.

Твой Н. Заболоцкий.

92

18 мая 1944 г.

Милая Катя!

Сегодня получил сразу 3 твоих мартовских и апрельских письма и одно от Никиты — с фотокарточкой. Я очень рад, что ты продала мой костюм, умно сделала, — по крайней мере, польза получилась. Дóроги у вас продукты. Масло здесь топленое — 400 р. литр, картофель руб. 300 пуд, молоко 20 р. литр, табак-самосад приличный 6—8 рублей стакан. Когда у меня бывают деньги, я покупаю молоко, и это очень подкрепляет меня. Твоя посылка, я вижу, обошлась тебе недешево. Правда, я около месяца жил с ней припеваючи, и хорошо подкормился. Денег еще не получал, т. к. только что узнал о них.

Какие большие стали наши дети. Я очень доволен, что у Никиты хорошо идет учение. Судя по отметкам, лучшего и желать нельзя. Это очень хорошо. Мальчику придется, как видно, самому пробивать себе дорогу, а в дальнейшем при поступлении в вуз будут, конечно, в первую голову учитываться способности и знания. Было бы хорошо, если бы он больше читал. Чтение классиков поможет ему овладеть языком и грамматикой. В его годы я уже порядочно знал русскую литературу.

Бедная моя дочка, должно быть, я крепко бы к ней привязался. Теперь вот я всякую свободную минуту копаюсь на своем маленьком огорожке, о котором я уже писал тебе, и думаю — как было бы хорошо, если бы я копался не здесь, а там, около своего домишки, и были бы тут дети и ты, и ничего бы большего от жизни не требовать, а только работать спокойно и чувствовать вас около себя.

События быстро развиваются, и я вместе со всеми жду близкой развязки. Вместе с этим укрепляется надежда на встречу с вами, родные мои.

Н. Заболоцкий.

92а

24 мая 1944.

Моя милая Катя!

Теперь № почт.<ового> ящика 308/2, но и по старому доходят.*

Получил еще письмо твое от 20 апр. Оно такое печальное. Моя милая, ты твердо помни, теперь одно: самое тяжелое уже за плечами, оно уже прожито. Теперь очень важно не сдать эти последние тяжелые месяцы. Я очень надеюсь, и имею на это основания, что судьба моя может скоро измениться, и, может быть, час нашей встречи даже ближе, чем мы думаем.

Ты пишешь — «жизнь прошла мимо». Нет, это неверно. Для всего народа эти годы были очень тяжелыми. Посмотри, сколько вокруг людей, потерявших своих близких. Они не виноваты в этом. Мы с тобой тоже много пережили. Но мимо ли нас прошла эта жизнь? Когда ты очнешься, отдохнешь, разберешься в своих мыслях и чувствах, — ты поймешь, что не даром прошли эти годы; они не только выматывали твои силы, но и в то же время обогащали тебя, твою душу, — и она, хотя и израненная, — будет потом крепче, спокойнее и мудрее, чем была прежде.

Время моего душевного отчаяния давно ушло, и я понял в жизни многое такое, о чем не думал прежде. Я стал спокойнее, нет во мне никакой злобы, и я люблю эту жизнь со всеми ее радостями и великими страданиями, которые выпали на нашу долю.

И ты не горюй особенно, что Никите нечего написать мне. Ну, разве же это непонятно? Ведь мальчик вырос и стал совсем другим. Весь его внутренний мир, которым он теперь живет, возник без меня и помимо меня. Ведь он все еще продолжает видеть меня глазами 6-летнего мальчика, а ему уже 12 лет. Ну, о чем ему писать мне? Тем более что и мысль в письме выразить для него не так-то еще просто. Не беда все это. Когда мы встретимся, когда он снова привыкнет ко мне, — все снова наладится.

* В правом верхнем углу листа.

Получил письма от Коли и Вениам. <ина> Ал<ексан>д<рови>ча¹. Коля в начале мая должен был ехать на 2—3 недели в Молотов, ликвидировать свои хвосты. В.<ениамин> А.<лександрович> написал очень теплое письмо, я ему отвечаю особо.

Спасибо, родная, за поздравления, за посылку и деньги. Все это уже я получил и хорошо поправился, и теперь каждый день пью молоко. Будь здорова, родная. Желаю тебе спокойствия и терпения душевного. Не теряй надежды. Обо мне не хлопочи — все это делается помимо тебя. Целую и обнимаю тебя, Никитушку, доченьку.

Твой Н. Заболоцкий.

Посадил маленький огородик, если доживу здесь до овощей — будет поддержка*.

93

6 июня 1944 г.

Милый Никита!

Я получил твое письмо, твои отметки хорошие, я рад, что ты хорошо учишься. Стихи твои мне тоже понравились¹, и главным образом, тем понравились, что в них почти нет лишних слов, все описано кратко, сжато, даже сурово как-то, мне кажется, у тебя так получилось именно потому, что ты сам испытал на себе всю ту жизнь, которую ты изображаешь. Мне было бы интересно прочесть все твое стихотворение целиком; жаль, если ты его не вспомнишь.

Я живу лучше, чем раньше, и все больше надеюсь, что мы довольно скоро встретимся. И я очень бы хотел, чтобы все вы — и ты, и мамочка, и Наташенька — были живы-здоровы и мужественно перенесли все те трудности, которые еще осталось вам перенести.

Недавно произошел со мной любопытный случай, о котором я хочу тебе написать.

Я шел на работу, один, мимо кладбища. Задумался и мало замечал, что творится вокруг. Вдруг слышу — сзади меня кто-то окликает. Оглянулся, вижу — с кладбища идет ко мне какая-то старуш-

* Вертикальная запись на левом поле листа.

ка и зовет меня. Я подошел к ней. Протягивает мне пару бубликов и яичко вареное.

— Не откажите, примите.

Сначала я даже не понял, в чем дело, но потом сообразил.

— Похоронили кого-нибудь? — спрашиваю. Она объяснила, что один сын у нее убит на войне, второго похоронила здесь две недели тому назад, и теперь осталась одна на свете. Заплакала и пошла.

Я взял ее бублики, поклонился ей, поблагодарил и пошел дальше.

Видишь, сколько горя на свете у людей. И все-таки они живут, и даже как-то умеют другим помогать. Есть чему поучиться нам у этой старушки, которая, соблюдая старый русский обычай, подала свою поминальную милостыню мне, заключенному писателю.

Весь день я ходил, вспоминая эту старушку, и, вероятно, долго ее не забуду.

Будь здоров, мой дорогой мальчик. Если будет возможность, побольше читай, особенно классиков.

Поцелуй маму и Наташеньку, и на каникулах желаю тебе хорошо отдохнуть.

Милый мой. Сейчас пришли вести о том, что союзники высадились в Сев.<ерной> Франции. Будем надеяться, что конец войны недалек.

До свидания, милый. Жду твоих писем.

Любящий тебя Н. Заболоцкий.

94

3 июля 1944.

Милая Катя!

Пишу наспех: много работы, совсем нет времени. Жив и здоров, живу по-старому, ничего особенно нового нет. Жду выяснения дел, думаю, в конце месяца выяснятся.

Письма твои последние были от мая месяца, когда ты приступала к огородам. Получил также письмо от Коли и книжку Тютчева — бандероль, чему очень рад.

Между дел занимаемся своим маленьким огородом, — картошка наша растет, помидоры, огурцы. Если здесь задержимся до осени, то будет неплохое добавление к питанию. На мою долю будет до 40 кустов картошки и пр.

Проза [750]

Каждое утро жадно слушаем радио — наступление так быстро развивается, что надежды на близкое и счастливое окончание войны растут с каждым днем.

Последнее письмо я писал Никите, получил ли он его?

Лето в разгаре, перепадают дожди, которые радуют сердце огородников. Сплю на воздухе, спасаясь от клопов.

А в общем живу сегодняшним днем, и уж мало думаю о том, что будет завтра, ибо знаю, что возможны всякие перемены, и притом неожиданные.

Как ты управляешься с огородом? И что решила со своей работой? До сих пор не имею сведений, что в Ленинграде — сохранилась Сиверская или нет.

Где-то мы встретимся? В большие города меня уже мало тянет, мне нравится огородничать.

Как наши дети? Знаю, что и ты крутишься, как белка в колесе, ну, пиши, хотя понемногу.

Целую вас, милые мои, и обнимаю, и жду писем.

Твой Коля.
Н. Заболоцкий.

95

16 июля 1944 г.

Милая Катя!

Вчера получил два твоих письма от июня месяца — одно из них без даты. Я рад, что вы пока что сносно живете. Я тоже живу по-старому, ничего особенно нового пока нет. Ожидаю ответа из Москвы.

Огородик наш пышно расцвел, и мы уже пожинаем первые плоды наших трудов. Уже сняли на двоих 20 шт. огурцов и, наверное, корней 40 редьки, которая выросла у нас вместо редиски. Картофель дважды окучивали, сейчас он зацветает, и недели через две мы надеемся попробовать молодой картошки. Десятка полтора тыкв, десятка два дынь — пока что ростом с огурец и меньше. Очень много плодов на помидорах, с которыми мы много возимся — пасынкуем и прочее. Самый большой плод сейчас сантиметра 4 в диаметре. Нужно сказать, что нынче нам очень помогают дожди, которых здесь довольно много; они избавляют нас от полива. Вообще, ожидается хороший урожай овощей. Пока что первые огурцы на рынке стоят 3 или 5 р. штука, но, конечно, очень

скоро они падут в цене и со временем, я думаю, будут дешевле рубля. Здешние почвы очень подходят для арбузов и дынь, но они будут позже. Огородик нам поможет прожить ближайшие месяцы и, надеюсь, даст хороший сбор, т. к. мы его очень тщательно обрабатываем, — он же очень небольшой — шагов 20 в длину и шагов 5—6 в ширину (на двоих). Мы и спим в этом огорожке, спасаясь от клопов. Правда, часто посреди ночи мы, спасаясь от дождя, вскакиваем и несемся с постелями в барак, но едва только кончается дождь, мы снова вылезаем на воздух. Ложимся спать после вечерней работы в 12 ч. ночи, встаем в 6:30.

Все это время в продаже у крестьян было много молока по 20 р. литр, теперь — 15 руб. Кроме того, в большом ходу здесь т. наз. «ряженка» — предмет наших вождлений. Это нечто вроде варенца — топится молоко и затем заквашивается. Очень вкусная вещь. Стоит 4—5 р. стакан, тоже р. 20 литр. Уже мы два-три раза ели с ней салат из собственных овощей, с огурчиками. После Комсомольска все это кажется райской едой, и я поправляюсь. Все это время еще тянулись твои деньги, и я не нуждался. Табак здесь руб. 8 стакан.

Все последнее время, как ты знаешь, идет грандиозное наступление в Белоруссии, и мы жадно слушаем радио. Теперь и конец войны не за горами.

Ты спрашиваешь меня — в чем я нуждаюсь. По правде говоря, я довольно во многих вещах нуждаюсь, но во 1) у тебя нет этих вещей и 2) высылать их мне сейчас, пожалуй, несвоевременно, т. к. положение пока что не выяснено. Все-таки самое важное сейчас — это питание, которое здесь, как видно, все же дешевле, чем у вас. Значит, дело в деньгах. Может быть, со временем я попрошу Колю выслать мне немного денег. Это меня устроит, и тебе беспокоиться за меня не следует.

Ну вот, пока и все мои дела. Время все уходит на работу, на ударники¹ и пр. Почитать нечего, да и некогда. Написать письмо едва минуту урвешь. Но зато время летит быстро.

До свидания, моя родная. Целую крепко тебя и детей. Будьте здоровы и пишите. Жду писем.

Твой Н. Заболоцкий.

6 августа 1944.

Милая Катя!

Пока в жизни моей никаких перемен нет. Но пребывание наше здесь постепенно подходит к концу, и куда мы поедем дальше, пока неизвестно. В связи с окончанием работ возможны всякие изменения в нашем положении, но все это сейчас еще очень туманно, и я не знаю, как обернется...

Живу ничего, неплохо, не голоден. Появляются овощи. Со своего огородика сняли на двоих десятков восемь огурцов, вчера сняли первый десяток красных помидоров. Зреет с десятка-другой дынь, не очень крупных, правда. Тыквы уже здоровые, но они созреют позднее. Пробовали смотреть картошку — клубней очень много, но мелкие. Пробовали, правда, недели две назад. Решили не тревожить ее до конца месяца. Надеемся снять неплохой урожай.

Правда, лето стоит не очень жаркое, а по ночам стало уже совсем холодно. Сплю все еще на дворе и чувствую себя хорошо; сердце тоже больше не тревожит; как видно, я все-таки здесь подправился.

В здешних местах великолепные урожаи проса. Растение очень неприхотливое, растет даже на невспаханной почве, и урожайность его во много раз больше пшеницы или ржи. Пшенная каша часто бывает на нашем столе, о чем мы и не мечтали в Комсомольске.

Работа идет своим чередом, времени остается мало, но последнее время я все же умудряюсь немного читать — всякие случайные книжки. Прочитал «Собор Парижской Богоматери» Гюго, книжку Гейне, статьи Вересаева. Я бесконечно далек от всякой литературы, и искусство стало для меня атрибутом далекого светлого существования, о котором можно только вспоминать.

Газеты я читаю довольно регулярно, также каждый день слушаю радио и сводки Информбюро. События развиваются столь стремительно, что уже нет никакого сомнения в том, что близок конец войны. Все это очень радует и дает зарядку на весь рабочий день.

Давно не получаю писем ни от тебя, ни от Коли. Понимаю, что работа и огород отнимают у тебя все время. Когда выберешь свободную минуту, напиши о своей жизни, о детях, об огороде. Каковы виды на урожай овощей?

Друг мой, не теряя надежды, будь спокойна и терпелива. Не исключена возможность, что скоро ты получишь от меня радостные вести. Только береги себя и детей.

Крепко целую и обнимаю тебя, Никитушку, Наташеньку. Будьте здоровы, мои дорогие, любимые.

Твой Н. Заболоцкий.

97

29 августа 1944 г.

Моя милая Катя!

Уже 10 дней прошло после моего освобождения, и я только теперь могу написать тебе письмо. Сразу на голову свалилось столько дел и хлопот, что едва хватило времени, чтобы послать тебе телеграмму. Получила ли ты ее?

Итак, по порядку.

По постановлению Особого Совещания в Москве я был освобожден 18 августа с оставлением здесь в качестве вольнонаемного до конца войны (освобожден по директиве № 185 п. 2).

Не исключена возможность, что в дальнейшем я попаду в Армию, но пока оставлен здесь и оформлен в должности техника-чертежника с окладом 600—700 руб. в м<еся>ц и снабжением, которое следует по должности. Оно вкратце сводится к следующему: хлеба 700 гр., обеды и завтраки в столовой, ну, и еще какие-то блага, в курс которых я еще не вошел. Все это не бог весть как жирно, но по нашему времени, в особенности — по сравнению с тем, что было у меня недавно, — это очень хорошо. Жизнь значительно изменилась, я питаюсь сытно и вкусно.

Вместе со мной освободились два инженера, и мы трое усиленно ищем квартиру, т. е. комнату в крестьянской избе. Несмотря на то, что мы на это затратили много времени и хлопот, — пока еще ничего твердого не получили, но надеемся в скором времени все же найти пристанище. Пока же ютимся на краю села в грязноватой избушке, но это — временно.

Таким образом, милая Катя, хотя жизнь моя коренным образом изменилась, но это не совсем то, что ты ждала. По всей видимости, я имею право выписать к себе семью, но, т. к. мы здесь кончаем свои дела и через месяц-полтора выезжаем отсюда по новому назначению (еще неизвестно куда), то делать это пока бессмысленно, и нужно, по крайней мере, ждать того времени, когда мы при-

едем на новое место и оседем там. Трудно сказать — где это будет, и наше окончательное решение будет зависеть от того, насколько будут для нас пригодны условия будущего нашего существования.

Но, дорогая моя, ты не должна разочаровываться. Учти реальные условия нашего времени, подумай и пойми, что если этот поворот в моей судьбе и не обозначает пока нашего немедленно свидания, то он является большим и решающим шагом к нашей дальнейшей совместной жизни, которая теперь совсем недалеко от нас. Если ты все это учтешь, если ты вполне доверишься мне и моему страстному желанию прилететь к вам, родные мои, — это было бы все, чего я хотел бы от тебя в эту минуту. Я еще много не знаю, и не совсем ясно себе представляю, как я буду жить в дальнейшем, но очень возможно, что, если ты и дети приедете ко мне, то нам обоим придется работать, т. к. этих моих заработков всем нам не хватит, и с этим обстоятельством мы до поры до времени должны будем примириться. Но, конечно, родная, тебе все же будет легче, чем теперь, а главное — мы будем вместе, а что будет в дальнейшем — там увидим. Конечно, все это еще наметка, и реальное осуществление этого будет зависеть от того, как сложатся обстоятельства в ближайшие месяцы.

Пока же ты должна глубоко порадоваться за меня, успокоиться и еще набраться немного терпения.

Теперь поговорим с тобой о мелочах житейских. Вышел я одетый во все лагерное, но мне оставили кое-что из казенных вещей. На мне рабочие ботинки — грубые, но крепкие, старенькие защитного цвета штаны и куртка, есть две смены старого казенного белья, матрацный тюфяк, наволочка, полотенца 2, мое старое зеленое одеяло (уже с дырками), та меховая куртка, которую когда-то ты мне послала, шапка, дырявые валенки. Железный котелок и деревянная ложка довершают мое богатое имущество. Все остальное сорвала с меня жизнь и развеяла во все стороны во время моих злоключений.

Через несколько дней начальство обещает одеть меня в новый бумажный костюм и выдать новое одеяло — по казенной цене. Это уже хорошо, т. к. это дает мне возможность принять более или менее человеческий вид.

Физически я чувствую себя отлично, выгляжу хорошо и говорят, — моложе своих лет. Сейчас здесь поспели арбузы, они очень дешевы, и все мы едим их очень помногу, и я все вспоминаю вас, как бы я вас покормил арбузами, если бы вы были со мною!

Но в связи с изменениями жизни на меня навалилось много неожиданных расходов, и ясно, что на первых порах мне приходится туговато. Правда, через несколько дней я должен получить на руки около 200 руб. моего августовского заработка, но впереди целый месяц, есть долги, и я дал телеграмму Коле — просил денег. Это уж исключительный случай, когда я позволил себе эту просьбу. Сегодня получаю письмо от тебя от 4 августа, где ты пишешь, что высылаешь мне денег. Сейчас это очень кстати, родная моя, но уже это — в последний раз. Как только я чуть-чуть приду в себя — я начну высылать деньги тебе, если нам суждено будет прожить некоторое время вдвоем друг от друга.

О теплых вещах я пока не беспокоюсь. Придет время — голым держаться не будут, все же теперь мое положение другое.

Таким образом, что хотя у меня и очень скудное оснащение, но я не слишком беспокоюсь об этом, и тебе посылать мне ничего не нужно, тем более, что теперь и посылок от тебя, по всей вероятности, более не примут, поскольку я уже не заключенный. Да и заботиться тебе об этих делах больше не следует.

Что касается твоего вызова в Ленинград, то я, откровенно говоря, сильно сомневаюсь, что ты туда сумеешь уехать, т. к. есть слухи, что временно в Ленинград въезд приостановлен. Правда, достоверно этого я не знаю. Смотри сама, как будет удобнее, но не слишком ли много будет переездов, если в случае — ты решишь ехать ко мне на новое место, а не жить, ожидая меня до конца войны.

Думается мне, с другой стороны, что и конец войны близок. Каждый день с фронтов все новые и новые радостные вести. Уже Румыния дерется с немцами. В плен *наши** берут по десятку тысяч. Все говорят о близкой полной нашей победе. Мирная жизнь приближается к нам с каждым часом.

Вот, моя дорогая, все самое главное, что я могу сообщить тебе на первых порах. Как только вырву минуту, напишу Коле.

Еще вот что: если придется тебе ездить: ради бога, будь осторожна и не попадись под поезд. У нас тут вчера был несчастный случай, и я очень боюсь за тебя.

Еще подробность: меня освободили по ходатайству нашего Управления.

Поправились ли ребятишки? Милые мои, порадитесь за меня. Теперь уже недалеко то время, когда мы будем вместе.

* Вписано над строкой.

С первой возможностью напишу еще.

Милая Катя, целую крепко тебя и детей. Будьте здоровы и терпеливы. Т. к. квартиры еще нет, пишите по адресу: Кулунда, Омск.<ой> ж. д., с. Михайловское, Алтайского края до востребования — мне.

Телеграммы я не получал почему-то.

Твой Н. Заболоцкий.

98

31/8 — 18.38 <Подпись>

Из Михайловки 101-18-29-1211

Уржум Кир.<овской области> Чернышевского 22 Заболоцкой

18 августа освобожден оставлен вольнонаемным сдесь <так> подробности письмом адрес Михайловка до востребования Заболоцкий

99

10 сентября 1944 г.

Милая моя Катя!

Ты, вероятно, получила мое заказное письмо, отправленное тебе 29 августа, в котором я сообщал тебе, что по ходатайству нашего Управления я освобожден решением Особого Совещания с 18 августа по директиве 185 п. 2 и оставлен вольнонаемным до конца войны здесь. Перед этим письмом была послана тебе телеграмма.

Сегодня я получил твое письмо от 20 августа, в кот.<ором> ты пишешь, что получила вызов и собираешься в Ленинград. Не знаю, сможешь ли ты доехать. Говорят, что въезд в Ленинград временно прекращен. Очень я боюсь, что ты выедешь и где-нибудь в дороге застрянешь. Но, с другой стороны, надеюсь, что уж если мы в такой глуши знаем об этом постановлении, то в Кирове-то наверняка знают об этом.

Видишь ли, друг мой, я в совершенном неведении о том, что будет у нас в дальнейшем. То ли мы едем отсюда, то ли еще задержимся на какое-то время. Я надеюсь, что этот вопрос выяснится в недалеком будущем, и тогда нам нужно будет с тобой решать — как и когда будем мы с тобой снова соединяться в одну семью. По-

ка это не решено, я не могу брать на себя смелость вызывать вас сюда, ибо, верней всего, скоро сами мы отсюда снимемся.

Что касается моей новой жизни, то понемногу и со скрипом она налаживается. Со вчерашнего дня встал на квартиру — в избушку со стариком и старушкой, избушка чистенькая, но маленькая; близко от работы, что меня устраивает. Сейчас дел по горло — провести свет, дров достать и пр. Обещают устроить костюм, но еще через некоторое время. Всю жизнь надо заново настраивать, а тут ни гвоздя, ни ложки.

С питанием у меня дело обстоит очень хорошо, и если бы была возможность послать вам посылку, я тотчас бы послал, но не принимают, сама знаешь. И у тебя для меня теперь не примут, только для заключенных принимают. 100 руб. денег получил, больше не высылай и не думай об этом. Теперь, чуть только немного обустроюсь и начну получать свою новую зарплату (700 р.), буду посылать тебе, если еще должны пока будем жить отдельно.

Я хорошо выгляжу, здоров, сыт, только ободран, и с вещами плоховато. Но это дело наживное, все будет со временем. Но все же теперь надо почище ходить, и в этом моя забота.

Если настроилась в Ленинград ехать, и можно уехать — поезжай, м. б., там и дача цела, и дед жив. Решим — как и где соединиться, — Ленинград нас не задержит, надеюсь.

Все бегаю на почту — справляюсь, нет ли телеграмм и писем до востребования. Нет до сих пор.

Пиши мне по старому адресу, на почтовый ящик № 308 (*дробь писать не надо*)*. Телеграммы твоей с *опл.<аченным>* ответом я не получал — затерялась.

Никитушкино письмо получил — спасибо, милый. Как живет моя доченька, помнит ли папу? Теперь скоро увидимся, родные вы мои. От Коли письмо сегодня. Я ему тоже тогда телеграфировал, но письмо послано раньше.

Жду писем, телеграмм. На днях напишу еще. Уже темно, кончаю.
Ваш Н. Заболоцкий.

Привет Ник.<олау> Егор.<овичу>¹ и всем знакомым.

11/IX. Только что получил от тебя 200 и от Коли 1000 р. Я совершенно обеспечен**.

* Вписано над строкой.

** Строка записана по вертикали на левом поле листа.

28 сентября 1944 г.

Моя милая Катя!

Долгожданное письмо от тебя, наконец, получилось, шло долго — почти целый месяц. Все, происшедшее со мной, вскружило голову и мне, и тебе, но теперь все улеглось, давай здраво разберемся в наших обстоятельствах.

Мне кажется, что ты поступила правильно, не поехав в Ленинград. Теперь жизнь надо налаживать у меня, и две поездки делать незачем. Но дело в том, что, как я уже писал тебе, мы заканчиваем здесь свои дела и должны уезжать отсюда. Куда и когда — это еще неизвестно, здесь специфические условия, — куда прикажут, туда и поедем. Положение должно скоро разъясниться, и, согласишься сама, — приезжать сюда на месяц тебе нет никакого смысла, тем более, что с семьей вдвойне трудна и без того трудная нынешняя поездка. Я отлично понимаю, что идет зима, — но что делать? И все разделяют здесь мое мнение, что сейчас вам ехать сюда невозможно, только измучимся все, и у детей учебный год пропадет.

Как только оседем на новом месте, — тогда станет реальным вопрос о вашем приезде. И как это ни печально, как это ни трудно, но ты должна еще укрепиться в своем терпении на какое-то время, и я должен тоже ждать, как бы ни хотел я вас видеть здесь, мои дорогие.

Подготавливаясь к переезду, ты должна уяснить себе следующее. Живя со мною, все вы должны будете ездить со мной туда, куда меня назначат, оседлой жизни у нас нет. Мы — люди странствующие; живем на месте, пока идет стройка, закончится она — мы едем дальше, куда назначат. Это может быть и Крайний Север, и Дальний Восток, и Средняя Азия и т. д. Отсюда вывод: наша мебель — чемоданы, имущество — самое необходимое, то, что полегче и поудобнее для перевозок. Однако теплые вещи должны быть, т. к. суровый климат в нашей жизни — дело обычное.

С квартирами постоянные хлопоты. Здесь живем в крестьянских избах; зачастую вместе с хозяевами. Отсюда все неудобства, которые предстоят также и нам.

Все это я пишу для того, чтобы ты могла трезво оценить ту обстановку, которая тебя ожидает. Увы, она совсем не похожа на нашу прежнюю жизнь.

Когда ты будешь со мной, тебе, по всей видимости, придется так же работать в системе лагеря, как это делают жены других

служащих. В школе местной трудно устроиться. Но у лагеря есть и детсад, и другие подсобные предприятия.

Есть и хорошие стороны нашей жизни: снабжение, например. Я получаю хлеба 700 гр., приличные завтрак и обед, и, кроме того, кой-какие продукты. Если позволяет местность — заводим свои огороды и бахчи, что дает возможность иметь свои овощи. С одеждой сейчас туго, и вообще здесь она в цене. Что касается продуктов, то цены примерно что и у вас. Картофель — руб. 30 ведрок, молоко — 15—20 литр, масло 250 — кгр, мясо руб. 100 кгр. Но каждая тряпка имеет цену большую.

Моя жизнь до сих пор не устроена, и настраивается с большим трудом. Колины и твои деньги сохраняю, но не могу одеться — ничего нет. Хожу, как и раньше. С квартирой все неладно. Отдельной комнаты пока не нашел, живу в общей избе и избегаю ходить домой. Работы очень много. Несколько дней пробыл на ударниках — так что совсем своими делами не имел возможности заниматься. Но я сыт, и это скрашивает все прочие неудобства.

Но всего больше тяготит неясность положения. Ясно одно: здесь на зиму не останемся. Куда уедем, какие будут условия на новом месте — не знаю. Остается — ждать.

Ты спрашиваешь о моих правах. Я так называемый «директивный», т. е. освобожденный по директиве и обязанный работать здесь по назначению до конца войны. Это не совсем полное освобождение.

Пока практический вывод для тебя, мне кажется, все же один: овощи ты попридержи, так как пока наша разлука еще не окончена и поездка твоя сейчас невозможна. Пусть дети продолжают учиться, ты работай и не нервничай напрасно. Было бы более чем ужасно, если теперь, когда так улучшились мои дела и когда наша совместная жизнь все ближе подходит к нам, — и вдруг ты сдашь и потеряешь равновесие. Не так легко склеить нашу надломленную жизнь, это враз не делается. Будь благоразумна и помни, что семья моя мне дороже всего в жизни, и не таков мой возраст и мой характер, чтобы делать глупости. Я думаю, что ты это отлично знаешь.

Ты просишь послать фотографию. Это я сделаю, как только будет возможность сняться. Сейчас этой возможности пока нет.

Между прочим: я просил Колю через одного командированного в Москву — послать мне какие-нибудь часы и бритву. Зарез без часов. Опаздывать на работу невыносимо, дома часов нет, ориенти-

роваться во времени по петухам более чем рискованно. Надеюсь, пошлет, потом верну.

Коля пишет, что в Ленинграде еще туговато. Я слышал, что временно въезд приостановлен, и больше всего боялся, что ты застрянешь по дороге. Это было бы ужасно. От Коли 1000 р. я получил и от тебя 200. Все они у меня целы. Стараюсь экономить во всем. Зарплата на руки — около 500, когда будет заем и профсоюзные взносы — будет меньше. Хватит пока, там увидим. Немного справлюсь — буду тебе посылать.

И больше всего жду я конца войны. Он, надеюсь, принесет нам настоящее облегчение.

Целую тебя, дорогая моя, будь здорова, будь терпелива. Будь благоразумна, береги себя, береги детей. Сбережете себя — построится и наша жизнь, не сбережете (теперь, под конец!) — все наше будущее погибнет. Хотел бы я, хотя на минуту, посмотреть на тебя, чтобы ты поняла меня и взяла в себя в руки.

Крепко обнимаю милых деток.

Твой Коля.

4 окт.<ября>

Получил от тебя еще 2 письма от 15 и 17 сент. Никаких телеграмм твоих я не получал, справлялся о них, но на телеграфе их нет — значит, все затерялось. Письмо первое было послано заказным 28 авг. Значит, оно еще не дошло. После него послал еще письмо и телеграмму.

Страшно подумать, какое безумие налетело на тебя в эти дни. Жаль мне тебя, но что делать, если неполучение писем путает все наши карты, и ты готова идти на риск и ехать куда глаза глядят сейчас же, не дождавись письма.

Я директивник, я не пользуюсь всеми правами гражданства. Ты должна это учесть. Семью я могу выписать к себе только с разрешения начальника строительства. До сих пор, думая, что твой приезд сюда пока невозможен из-за скорого нашего отъезда на новое место, этого рапорта я не подавал. Получив эти последние письма, я вижу, что ты можешь приехать сама, и поэтому завтра, на всякий случай, подаю рапорт. О результатах телеграфирую.

О нашем отъезде отсюда — еще точно не выяснено; но думаю, что в течение октября это выяснится. Все может быть внезапным. Здесь особые условия.

Посылаю это письмо и не знаю, застанет ли оно тебя.

На всякий случай, мой адрес в Михайловке Пролетарская 49; это на краю села. Адрес для писем: Мих.<айловка>, Алт.<айского> края, п/я 308.

Совет мой — приезжать на новое место, это будет благоразумнее, и все будет согласовано с начальством.

Но ты, кажется, готова решить иначе, и письмо мое слишком запоздает, чтобы предотвратить твое решение.

Пусть будет так, как решит судьба.

Но не волнуйся напрасно и не теряй голову. Я здоров. Целую и обнимаю всех,

Люб.<ящий> вас Коля.

Коля мое письмо 11 сент. уже получил, а оно было послано на 2 дня позже, чем тебе. (30 авг.)

<1938—1944; 1956>

Свидѣтельство.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, изъ Казанской
Духовной Консисторіи дано сіе, на основаніи 874 статьи законовъ
о состояніяхъ, Свод. Зак. Т. IX, изд. 1899 года, въ томъ, что по

метрикамъ *Зварваринской*, церкви
города *Казани* — за тысяча

девятисотъ третій (1903) годъ

подъ № 28 значится: *Земской губерній города*
Урюцма имущанинъ *Алексѣй*
Агасроновъ Заболотскій и его законная

жена *Лидія Андреева*, оба
православнаго вѣроисповѣданія, сыномъ *Николай*

рожденъ, *Апрѣль двадцатъ четвертаго*
врсенъ, *двадцатъ пятаго* Прочитающійся гербовый сборъ

уплаченъ, *Марта 11* дня 1913 года. — *Г. Казань.*

Членъ Консисторіи, *Православный Николай Владимировичъ*

Секретарь

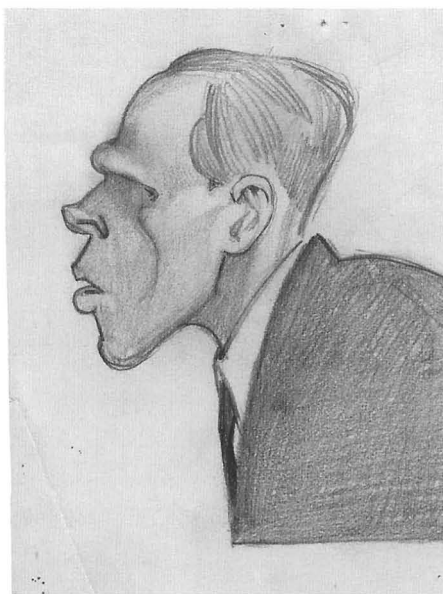
Кто кого? (Эпизод из войны 1812 г.)

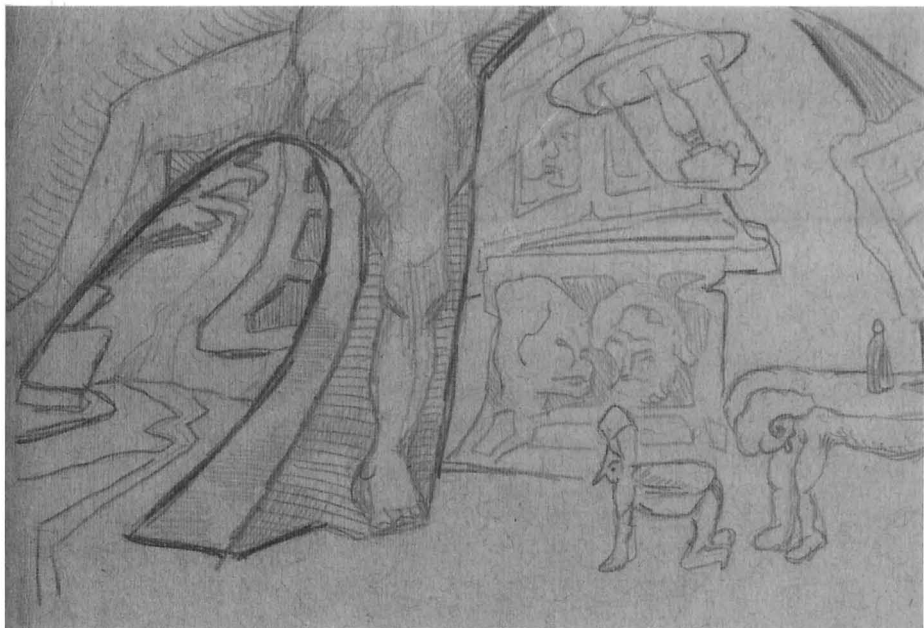
Один из первых автографов будущего поэта — открытка, посланная родителям в 1913 г., с оборотом. Текст: Дорогие Папа Мама! Как поживаете? Спасибо за малину. Открытку пока еще эту храните. Я жив и здоров! Напишите письмо. Получил я за ту задачу 5. Ваш Николай Заболотский. Архив семьи Заболотских (Москва)

Заболоцкий Н. А. Автопортрет. 1925. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Заболоцкий Н. А. Портрет Д. И. Хармса. Начало 1930-х гг. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Заболоцкий Н. А. Рисунок. Начало 1930-х гг. (?) Архив семьи Заболоцких (Москва)

ФОНТАНКА, 21.

ВО ВТОРНИК

января
1928 г.

24

В порядке
показа
новейших
течений
искусства

ДОМ ПЕЧАТИ

ТЕАТРАЛИЗОВАННЫЙ ВЕЧЕР ОБЗРИУТОВ ТРИ ЛЕВЫХ ЧАСА

ОБЗРИУ—Объединение Реального Искусства.
Литература—ИЗО—КИНО—ТЕАТР.

Первый час. Вступление. Декларация Обзриу. Декларация Литературной Секции.
К. К. Вагинов Н. Яблоков
Читает: Н. Заболоцкий Игерь Бахтерев
СТИХИ: Даниил Хармс А. Введенский

Второй час. Будет показано театральное представление

ЕЛИЗАВЕТА БАМ Текст Д. М. Хармса
Декларация и постановка М. Бахтерева.
Новая постановка—И. Бахтерева, Бор. Лешин, Д. Хармс. Музыкальное оформление—П. Бульварус.
Актёры: Бабосов, Барнаковский, Богалковский, Грин, Монахов.
Иллюстрация—П. Итальянский. Будет исполнено—В. М. Я.

И ТРИ ЧАСА „СРАЖЕНИЕ ДВУХ БОГАТЫРЕЙ“
Текст—Иллюстрация—И. Бахтерева, Музыка—В. Белогола, Индивидуальный рисунок.
Действие постановки—А. Введенский. Начало обзора—Монахов.

Третий час. Вечернее размышление о путях кино—Александр Разумовский.

Кинематограф. Будет показан **ФИЛЬМ № 1—МЯСОРУБКА**
Работы Александра Разумовского и Клементия Монахова.
Две иллюстрации—В. Курбанова.
В променутных играх **ДЖАЗ** под управлением Михаила Курбанова. Классические танцы—Мелица Пелова. Вечерний вечер—Юрий Гольц.
и **ЕрпаТанский** Театрализация вечера—Б. Лешин. Художественное оформление—И. Бахтерев.

ДИСПУТ ведет Обзриут Сергей Цимбал, который будет выражаться общедоступно, но в то же время тонко и художественно.

Начало в 7½ час. веч. **ГОТОВИТЕСЬ К ПОСТАВКЕ**
Цены местам от 40 коп. до 2 руб. **БОРДАННО БРУНО.** **ЗОЛОТЫЕ РОССИИ.**
Членом Д. П. видна 50%. В. М. Яблоков. Сергей Цимбал

Афиша обзриутского вечера «Три левых часа» (24 января 1928 г.). Шрифтовая композиция Л. А. Юдина и В. М. Ермолаевой

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ

ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

ОТДЕЛ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАНЕ

УНКВД ш. Лен. обл.

Бюро АГС

Место для штампа

Дзержинского р-на

22 апреля 1937 г.

Ленинград, ул. Чайковского, 30

№ 1006

Гр. _____

Заболоцкий
(фамилия)

Николай Александр
(имя и отчество)

гр-ка _____

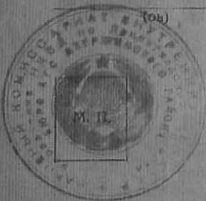
Клыкова
(фамилия)

Екатерина Васильевна
(имя и отчество)

_____ вступили в брак, о чем в книге записей актов гражданского состояния о
браке имела место 25 января 1930 года
(прописью и цифрами год, число и месяц) 22 апреля
произведена соответствующая запись

Заболоцкий
(фамилия после заключения брака)

(она)

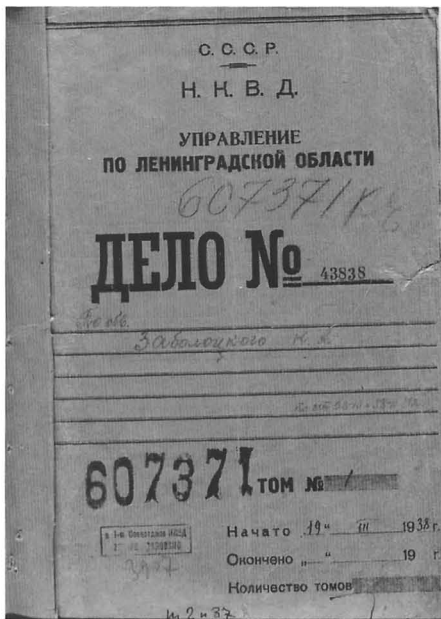
Завед. бюро ЗАГС

Великая

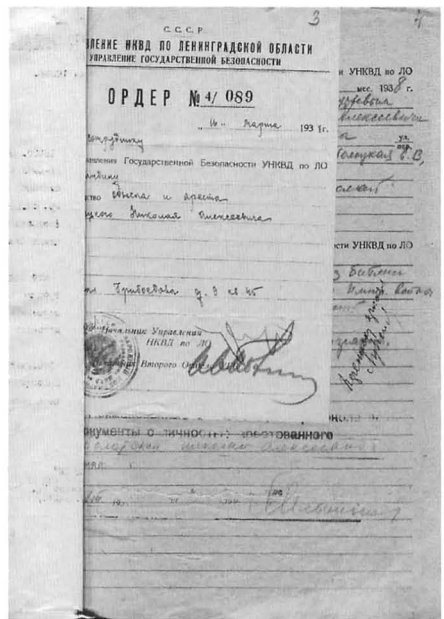
Делопроизводитель

Клима

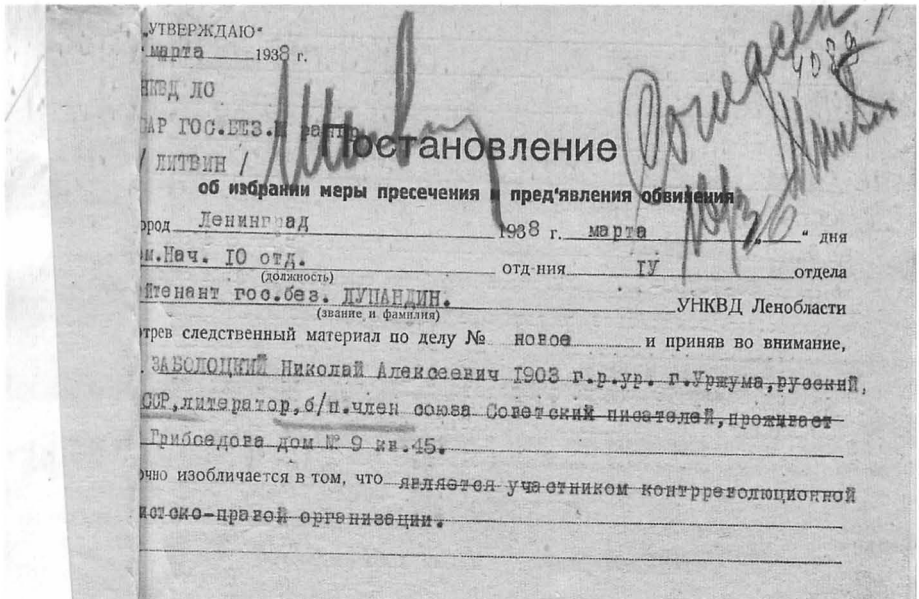
Свидетельство о браке, узаконившее союз Н. А. Заболоцкого и Е. В. Клыковой, на которой поэт женился 25 января 1930 г. Выдано 22 апреля 1937 г. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Следственное дело № 43839 по обвинению Н. А. Заболоцкого (1938—1963). Управление ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Арх. № 063237. В 2 т. Т. 1. Обложка (1938)

Ордер на обыск и арест Заболоцкого Н. А. 16 марта 1938 г. Следственное дело № 43839. Т. 1. Л. 3

Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения Заболоцкому Н. А. 16 марта 1938 г. Следственное дело № 43839. Т. 1. Л. 1

15

С. С. С. Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление НКВД—СССР по Ленинградской области

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

Марта мес. 20 дня Я. Гол. Нам. 10 отд. Попова мл. лейтенанта

(должн, преимен. органа, фамилия)

Лупандин допросил в качестве обвиняемого

Заболоцкий

Имя и отчество Николай Алексеевич

Дата рождения 1903

Место рождения г. Казань

Степень родительства Член семьи Грибодова Я. К. 45.

Национальность и гражд. (подданство) русский, гр. СССР

Спорт нет облюбован (когда и каким органом выдан, номер, категор. и место приписки)

Занятия литератор, член Совета Советских (место службы и должность)

Фамильное происхождение сын Слуцкого, агронома (род занятий родителей и их имущественное положение)

Текущее положение (род занятий и имущественное положение)

до революции жил с родителями

после революции участвовал и литератор

Состав семьи жена: жена Заболоцкая Екатерина Васильевна (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)

1901 г. р. брат: брат Заболоцкий Алексей Алексеевич

и майор Умерин, брат Заболоцкий Алексей Алексеевич

науч. сотр. Петергофского Биологического Ин-та

Н. Заболоцкий

Урицкого.

" УГ БЕРЖДАЮ "

НК-10

пом.нач.УНКВД по ЛО -майор
Гос.Безопасности:

/ ХАТЕНЕВЕР ./

"31" июля 1938 г ода.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по обвинению ЗАВОЛОЦКОГО Н.А.
в преступлении предусмотрен.
ст. 58-10 и 58-11 УК.

1У-м Отделом УГБ УНКВД ЛО вскрыта и оперативно ликвидирована антисоветская троцкистско-правая организация среди писателей г. Ленинграда.

Организация создана в 1935 году по прямым заданиям троцкистского центра в Париже, на основе блока ранее существовавших антисоветских троцкистских и правых групп среди писателей.

Следствием установлено, что данная организация получала соответствующие задания от деятеля этого центра КИВАЛЬЧИЧА.

Материалами следствия установлено, что организация вела свою антисоветскую деятельность по линии воспитания в контрреволюционном духе молодых писателей, отрыва их от создания подлинно советских произведений, пропаганда контрреволюционных троцкистских установок в среде писателей.

Ряд участников организации являлись сторонниками террористических методов борьбы с Советской властью.

Следствием по делу в отношении обвин. ЗАВОЛОЦКОГО Николая Алексеевича установлено, что он входил в состав антисоветской правой группы данной организации с 1931 г. /л.д. 52,35 /.

Являлся автором антисоветских произведений, использованных троцкистско-правой организацией в своей контрреволюционной агитации /л. д. 38,39,52,57,58/.

/ см. продолжение /.

Посещал сборища антисоветской группы и по заданию троцкистско-правой организации осуществлял организационно-политическую связь с грузинскими буржуазными националистами / д.д. 54,55/.

На основании изложенного **ОБВИНЯЕТСЯ:**

ЗАВОЛОЦКИЙ Николай Алексеевич, 1903 г.р., ур. г. Казани, сын агронома, русский, гр. СССР, беспартийный, литератор, до ареста член союза Советских писателей, проживает канал Грибоедова 9 кв. 45 -

В ТОМ, что являлся участником антисоветской троцкистско-правой организации. Посещал сборища участником организации и осуществлял ее связь с грузинскими буржуазными националистами. Являлся автором антисоветских произведений, использованных организацией в своей антисоветской агитации -
т.е. в пр.пр. ст. 58-10 и 58-11 УК ВСФСР

ВИНОВНЫМ СЕБЯ НЕ ПРИЗНАЛ и полностью изобличается показаниями ЛИВИЦА В.К. и ТАГЕР.

Настоящее следственное дело направить на рассмотрение Особого Соездания при Наркоме Внутренних Дел СССР.

ПОМ НАЧ 10 ОТД IV ОТДЕЛА /Лупандин/
мл. лейтенант ГВ

НАЧ 10 ОТД IV ОТДЕЛА /Истомин/
лейтенант ГВ

"СОГЛАСЕН" НАЧ IV ОТДЕЛА УГБ /Гейман/
ст. лейтенант ГВ

СПРАВКА: Об **ЗАВОЛОЦКИЙ Н.А.** содержится в Лентюрье УГБ с 19 марта 1938 года.

Вещественных доказательств по делу нет.

ПОМ НАЧ 10 ОТД IV ОТДЕЛА /Лупандин/
мл. лейтенант ГВ

4 дек. 1938. **Словоны
уезжаем**

Родная моя Катя! Я - в Свердловске. Мой адрес: Свердловск, Тюрьма № 1, камера 88, ине. Маници, родная, сразу как получишь письмо - то с вами, здоровы ли, как доспали и устроились. Можно сюда писать и деньгами и посылками, но ты можешь уехать каждый день. Если ты в состоянии и деньгами у тебя действительно есть, перешишь Телеграфом 30 руб., но не больше. Мои деньги в Ленинграде, Маници, пошлешь ли их по почте доверенностью и не забывай к каждому письму прилагать бумагу, пару марок и одежаль-

но сообщу адрес, тогда я имел возможность писать дополнительно. Здоровы ли Никитушка и Катя-телка, не простудились ли в дороге? Есть ли возможность устроиться на работу? Продавай вещи, только чтобы дети были сыты. Я жив и здоров, ожидаю этап, вероятно на всяк, точно не знаю. Не знаю также, сколько времени пробуду в дороге, может быть долго. Маници с первой возможностью, если не очень скоро - особенно не беспокойся. Отсюда письма

пишем 5, 15, 25 каждого месяца, с вами писать нам можно без ограничения. Между твоих писем, Маници - дорогах ли жизнь в Уржуме и сколько ты можешь пропуты. Если в будущем дело кончится посылкой - то нужнее всего здесь терние сахара, сахар, пеньного сала. На деньгах здесь можно покупать некоторые продукты. Так например, я имел возможность приобрести 6 кило сахара. Не мне хватит недели на две. Синий костюм очень хорош, хорошие также сапоги и теплые вещи. Только не спешите за них. Духом я не падаю, все жду, кто мое дело еще переосмотрят и я буду освобожден. Нужно много терпения, только бы вы были здоровы и сыты, родные мои. Целую тебя крепко, будь здорова, благополучна и терпелива. Целую Никитушку, родного моего сыночка и доченьку мою родную. Прощай ли родника на се подбородаке? Как у Никитушки с носоткой? Зовидания, ты мне мой. Между писем.

Ваш
Н. Заболотный.

 НКВД СССР
ТАЛОН
 К ПЕРЕВОДУ ПО ПОЧТЕ
 на 196 р. - К.
 От кого Заболоц-
кого Николая
Александровича
 Адрес Комсомо-
лецк № 1399
 Шт. места подачи УРЖУМ

ДЛЯ ПИСЬМА
Перевод. денег
денег и т.
Заболоцко
Мик. Ал. мему
Заболоцк. 8/8
Сти. Бур. ро
8/8 м. 1.
 Рекомендуется оплачивать доставку перевода на дом при его подаче

Талон на денежный перевод жене из лагеря в Комсомольске-на-Амуре, с оборотом. 8 сентября 1942 г. (Сто писем 1938—1944 года. 72). Архив семьи Заболоцких (Москва)

30/8-1838
 Конт. 59 Кировской области
УРЖУМСКАЯ КОНТОРА СВЯЗИ
 Из Михайловки № 18-29-121
 Франц Кир. Чернышевской
 22 Заболоцкой
 18 августа освобожден
 оставлен военнослужащим
 здесь подробности
 письмом адрес
 Михайловка до Востре-
 Боватиня Заболоцкий

Телеграмма жене в Уржум из села Михайловка Алтайского края с сообщением об освобождении по директиве НКВД и Прокуратуры СССР № 185. 31 августа 1944 г. (Сто писем 1938—1944 года. 98). Архив семьи Заболоцких (Москва)

гг. Наркома Народного Комиссариата Государственной Безопасности тов. Огольцову

писателя Заболоцкого
Николая Алексеевича

96

Заявление

Прошу Вас разрешить мне и моей семье проживание в г.р. Москве, а не в Ленинграде, ввиду того, что у меня есть возможность посещать в г.р. Москвы, в то время как Ленинграде в настоящее время землятоuada, не имею.

Моя семья состоит из трех человек: жена Заболоцкая Екатерина Васильевна (род. 1906 г.), сын Никита (род. 1932 г.), дочь Наталья (род. 1937 г.) и проживает в настоящее время в Караганде.

Н. Заболоцкий.

16 февраля 1946 г.

Н. Заболоцкий,

Автобиография

Мой дед, крестьянин в. Вятской губ. Агафон Яковлевич Заболоцкий, возвратившись на родину после двадцатипятилетней николаевской службы, записался в месяце своего уездного городка (Уржум) и стал служить лесным обозником. Моего отца Алексея Агафоновича он определил в Казанское сельско-хорейственное училище, выхлопотав ему казенную стипендию.

Отцу были учужены агрономом сначала Казанского, а потом Вятского земства. За сорокалетнюю работу он, кажется, преуспел в своем деле и с его помощью значительная часть в. Уржумского уезда ликвидировала трехполье ~~почти~~ еще до революции. После революции отец заведывал совхозами Уржумского района ~~(во время отсутствия Кочеткова)~~ ~~скаса~~ ~~пневматой~~ ~~совхозной~~ ~~скот~~, забавлял ~~своими~~ ~~тиграми~~ и ~~проводил~~ ~~заданиями~~ ~~своих~~ ~~друзей~~ ~~был~~ ~~помощником~~ ~~и~~ ~~работал~~ ~~хотел~~ ~~продолжать~~ ~~работу~~) почти до самой смерти. Умер он в 1929 году, 65 лет от роду.

Я родился в 1903 году 24 апреля ст. ст. (7 мая н. ст.) в Казани, ~~(и был первым ребенком в семье)~~ в ту пору

9-3-00-80 год. 10.

традиционер

Гарроне

Орлов
Конец. Мил. ш. айгана
по кувити

Барбиери Горадио
ген. сир. о-ва.

Ланкин, Вокс

счт-19

1957

ОКТАБРЬ

Понедельник	7	14	21	28
Вторник	1	8	15	22
Среда	2	9	16	23
Четверг	3	10	17	24
Пятница	4	11	18	25
Суббота	5	12	19	26
Воскресенье	6	13	20	27

Handwritten notes in the calendar grid:
 - 7: Dal 14
 - 8: 1-2 ок. 8 окр.
 - 9: 2-3 ок. 9 окр.
 - 10: 3-4 ок. 10 окр.
 - 11: 4-5 ок. 11 окр.
 - 12: 5-6 ок. 12 окр.
 - 13: 6-7 ок. 13 окр.
 - 14: 7-8 ок. 14 окр.
 - 15: 8-9 ок. 15 окр.
 - 16: 9-10 ок. 16 окр.
 - 17: 10-11 ок. 17 окр.
 - 18: 11-12 ок. 18 окр.
 - 19: 12-13 ок. 19 окр.
 - 20: 13-14 ок. 20 окр.
 - 21: 14-15 ок. 21 окр.
 - 22: 15-16 ок. 22 окр.
 - 23: 16-17 ок. 23 окр.
 - 24: 17-18 ок. 24 окр.
 - 25: 18-19 ок. 25 окр.
 - 26: 19-20 ок. 26 окр.
 - 27: 20-21 ок. 27 окр.
 - 28: 21-22 ок. 28 окр.

Итальянская записная книжка. Форзац с наклеенным календарем. Октябрь 1957 г. Архив семьи Заболоцких (Москва)

21 мес.
 Ватикана. Мусар
 Силес. Каредна
 Стануи и логити
 Рапараси
 Сембедеперси
 Флорини ступити
 по: Лабкози,
 Анолдон
 В Пунанотене
 Рапрелл Мусара
 Возмиссе И.
 Вентанне Б.

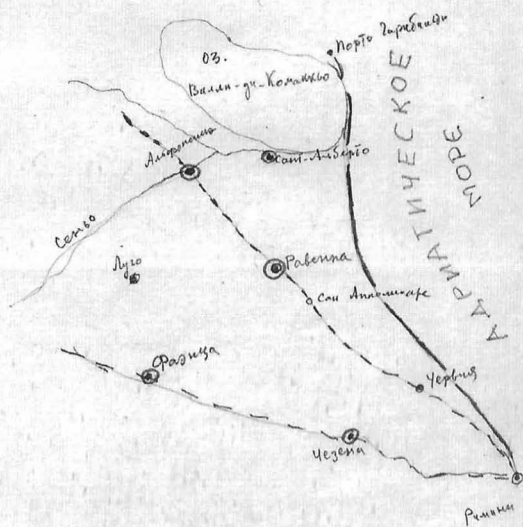
ANGELO MARIA RIPELLINO
 Via TOMMASO SALVINI 57
 ROMA
 (Tel. 875498)

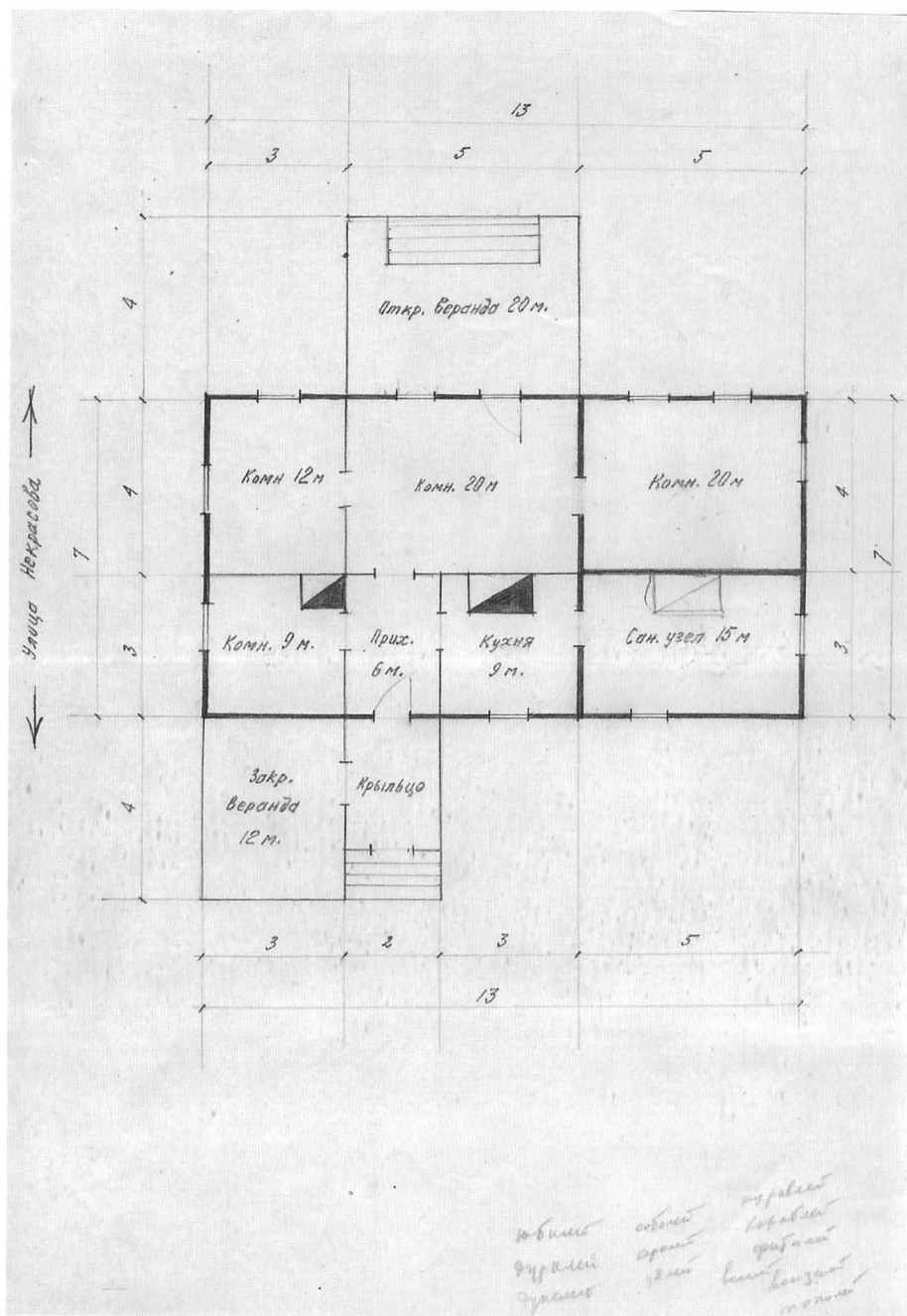
22 у пона
 Боррере
 Галлиера
 Боттичелли
 Фра Бертто жон
 Леонидо Лега
 Андреа дель Карро

Равенна и окрестности

(13-14-15 авг. 1957)

1. Равенна, Парк, лески на берегу
Валты,
Библиотечный Комитет
Музей Талла-Палладио
Сен - Виталио
Музей Теодорика
2. Порто Корсели,
Вост. "Солн"
3. Форт порта Стаскетти
и креп. сооружения.
4. Сант-Алберго
5. Айдроничинэ
Форт В. Монти
6. Франца
Музей керамики.
7. Сан-Микро-Настони
Форт порта Настони
8. Тиласе (проездом) Г. Эр-ринеке порт.
9. Рубикон (проездом)
10. Минато Маритимо, курорт (проездом)
11. Чезена
Средн. Б-ка Малатеси

План дома на ул. Некрасова в Тарусе, который собирался купить Заболоцкий, с предполагаемыми пристройками. Ниже набросок цепочки рифмующихся слов: юбилей соболей журавлей / дуралей королей кораблей / дупелей углей фитилей / веселей / вензелей / тополей. 1958. Архив семьи Заболоцких (Москва)

Dubia. Juvenilia.
Коллективное.
Стихи, сохранив-
шиеся в памяти
современников

* * *

Как во Сернуре большом
Раздается сильный гром.
Сторожа и сторожихи,
Писаря и писаришки —
Все в часовенку бежат,
Вот начальник побежал,
Поскользнулся и упал.
Вот несчастье случилось —
Сторожиха вся разбилась.
Змей Горыныч налетает,
Остальных всех доедает —
Угощает сам себя,
И остался только я.

* * *

Здравствуй, Лелюха,
Жареный ватруха!
Как ты поживаешь?
Из ружья стреляешь?

Я твое письмо получил,
Черным квасом намочил.
Прощай, Лелюха!
Твой брат Колюха.

* * *

Я — первый номер «Жулика»,
Обиженный судьбой, —
Истерзанный цензурою,
Нещадною рукой.

Листы мои повыдраны,
В огонь пошли стихи
И залиты чернилами...

* * *

...Ну, кажись, уж все готово,
Но Скворцов заводит снова.
На бочонке он стоит,
Речь такую говорит:

— Вы, ребята, не шумите,
Не кричите, не орите!
Покричать я сам бы рад,
Что долой, мол, агронома, —

Снаряжайте вы солдат,
Пусть поищут они дома...
Пулеметы есть большие
И заряды к ним стальные...

* * *

«На сунду́ке, на горшóбе», —
Говорит Наташа.

Как хотите, понимайте
— Это воля ваша.

И закрывши «глазами»,
Водит нас Наташа.
Как хотите, понимайте —
Это воля ваша.

«Старая и новая», —
Говорит Наташа.
Как хотите, понимайте —
Это воля ваша.

<ИЗ ПОЭМЫ «УРЖУМИАДА»>

Прохожий этот, так и знай, —
Философ Сбоев Николай.
Он отрицает всю культуру:
Американские замки,
В аптеках разную микстуру,
Пробирки, склянки, порошки...

«КРАСНЫЙ ПАХАРЬ»

Ранним утром, статный да высокий,
Красный пахарь выходил на поле,
Запрягал свою кобылу в соху,
Да плевал на стертые мозоли.
Ходко шла здоровая кобыла,
Да сошник сверкал на солнышке порою,
Солнце жаркое все выше восходило,
Припекало пахаря с сохой.
Липла к телу потная рубаха, —
Запевал тут Красный Пахарь песню.
Пел про то, как вышла Русь из мрака,
Как ей стало от налогов тесно.
Пел про то, как вспыхнуло восстанье,
Как слетели все царевы слуги,

Как решил рабочий да крестьянин
Власть всю взять в мозолистые руки.
Как решил крестьянин, чтобы знанье,
Школы, фабрики, усадьбы да земляца
Стали общим всенародным достоянием,
Чтобы каждый мог трудиться и учиться,
Чтоб ребята все ходили в школу,
А не жили, как при старом строе,
Пел про то, что лишь трудом тяжелым
Можно строить царство трудовое.
Песня Пахаря над пашнею звенела,
Разливаясь вольно да красиво;
На меже грачи все рядышком уселись,
Важно слушая неслыханные дива.
Так идите же, кому без знания тесно,
Выходите в трудовое поле —
«Красный Пахарь» вас научит песне,
Как устроить царство трудовое!

НА НОВЫЙ ПУТЬ

Рассказ

Тихим июньским вечером, когда начинал стихать шум и грохот города, когда пыль снова начинала ложиться на мостовую, на окраинах, из дымных фабрик нестройными толпами выходили истомленные рабочие.

Утомленное солнце кидало последние розовато-желтые лучи, прощальным светом озаряло стены и, переливаясь, из рам в стеклах окон. Тишина охватывала окраины. Только отдаленный, замирающий шум города, да крик галок на ближнем заводском кладбище нарушали тишину. Полной грудью вдыхали рабочие вечерний воздух, который не проникал под закопченные своды фабрики. И можно было прочесть на их угрюмых лицах мысли какого-то безграничного недовольства, возмущения и скрытой боли за жизнь, мучительную и одинаковую изо дня в день. Хмурые и молчаливые были лица.

Андрей и Гриша шли молча, лишь изредка перебрасываясь словами. Деревенские парни, они всего с полгода как поступили на фабрику, ушли от невзрачных избенок, крытых соломой, от серого раздолья полей.

— Галки-то, Андрей, словно у нас в деревне кричат, — тихо сказал Гриша.

Ничего не сказал Андрей, только смутная тень пробежала по его лицу.

— А хорошо, поди, сейчас в деревне, — мечтательно заметил Гриша снова, — рожь-то, поди, уже на колос мечется... А здесь — дым, грязь... В чем работаешь — в том и ходишь... Спина, Андрей, болит...

— Брось ты эти песни, Гришутка, — сказал Андрей, — постой, не всегда так работать будешь... Мне давече сказывал Жуков, будто все наши фабрики на заграничный лад, значит, перестроят.

Каждому, значит, по шкапу отдельному дадут, и рабочая одежда тоже казенная будет. Работать пойдешь, свою, значит, скинешь, в шкапчик запрешь, наденешь казенную. А домой как идти — так вымоешься, оденешься в свое, и марш!

— Враки поди, Андрей... Врет тебе Жуков. Ваське он тоже, будто, говорил, что восемь часов на весь день скоро будем работать.

— Кто его знает, может и врет, — равнодушно согласился Андрей.

Бесконечными показались длинные, асфальтовые тротуары. Молчаливое, печальное солнце клонилось все ниже и ниже, скучный вечерний мрак плыл серыми волнами и кутал собой усталую землю.

И жизнь тянулась такая усталая и больная, такая отрешенная от света, воли, свободы, счастья...

Только внутренние неясные стремления этих оторванных и загнанных людей прорывались случайными полосами во мраке сплошного тумана...

В одно из воскресений Андрей и Гриша попали случайно в театр на один из больших концертов. Роскошная обстановка зала своей блистающей белизной подавила рабочих. Так много было блестящих костюмов, было такое разнообразие лиц — изнеженных и аристократических.

Начался концерт. Длинный ряд искусственно-красивых вещей, исполняемых оркестрами и сольными инструментами, неясными и непонятными впечатлениями ложились в душу, рабочих...

Но в силу странной случайности в этом концерте участвовал один из знаменитых солистов, бывший рабочий по происхождению, гремевший в «большом свете» своими народными мотивами.

Первые же слова его песни привлекли к нему все внимание рабочих:

— Эх, ты доля, моя доля,
Доля русская моя, —
Тяжела ты, безотраднa,
Тяжела, горька.

Горестной волной лились звуки певца. Тяжелая, мрачная скорбь охватывала душу нестерпимым горем безвыходности, страшный смысл, невидимый и неосязаемый, проснулся в самой глубине сознания.

— Андрей, ведь это он про нас поет? — тихо прошептал Гриша и взглянул на Андрея. Тот стоял — худой и высокий, его глаза горели странным огнем.

А песня лилась, простая и наполненная вековечным мужицким страданием. Пелось, как в далекой деревне:

Стали подати собирать,
Да последнюю скотинку
За бесценок продавать...

Пелось, как не стерпела свободная, здоровая натура этого разгула и произвола; такая страшная, незримая драма, только одним рабочим понятная, разворачивалась все шире и шире. И так мучительно сжалось сердце, когда зазвучали новые слова:

— Очутился я в Сибири;
В шахте темной и сырой.
Тут я встретился с друзьями:
— Здравствуй, друг! И я — с тобой!

На мгновенье певец умолк; всеобщая тишина охватила зал. Усиленно бились сердца рабочих, и ряды новых незнакомых мыслей неслись в их головах. То, что раньше было непонятно, сейчас стало ясным и простым.

Тихие были последние слова песни.

— Далеко село родное.
А хотелось бы узнать —
Удалось ли односельцам
С шеи подати скачать?

Гул аплодисментов и криков заполнил зал. Публика соскакивала с мест, кричала, звала.

— Bravo, bravo...

— Бис...

Только рабочие не аплодировали. Не нужно было ни криков, ни возгласов...

Глубокая правда открылась им в этой песне. Здесь зарождалось новое сознание чего-то большого и необходимого. Выходя из театра последними, рабочие увидели артиста, который, опустив голову, тихо спускался с лестницы.

— Гриша, ведь он это?

— Он! Пойдем к нему, Андрей!

Не отдавая себе отчета, рабочие остановили артиста, и Андрей сказал ему тихим, заглушенным голосом:

— Спасибо вам.

Улыбка пробежала по лицу артиста. Крепко пожав грязные руки рабочих, он сказал чуть слышно:

— Не падайте духом... Конец близко.

И быстро побежал по лестнице.

Преображенные, возвращались домой рабочие. Эти немногие слова искреннего братского приветия вложили в их души сознание, что и они — люди, что и для них есть жизнь — светлая, счастливая и вольная, и она скоро будет. В них загорался огонь будущих борцов за великую идею освобождения, и шли они — потрясенные и взволнованные.

Приближался 1905 год.

ЖИЗНЬ ПРОЛЕТАРСКОЙ МОЛОДЕЖИ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Наши «медвежьи уголки», далекая глушь от культурных центров плохо и неаккуратно снабжается новыми изданиями. Предо мной лежит 6 № «Пути», издания Ц. К. Всероссийского Профсоюза рабочих и служащих жел.<езно->дор.<ожного> транспорта. Сборник весьма приличный, с обширным литературно-художественным отделом, завербовавший в число своих сотрудников много известных имен нашей современной художественной литературы, как — Гусев-Оренбургский, Зорин, Ив. Новиков и др.

В настоящем сборнике меня заинтересовали два рассказа из жизни деревенской молодежи: «Двойной орешек» Нови-

кова и «Избяные миры» Н. Колоколова. В первом рассказе — картина из немудреной жизни деревенского мальчика Николки и его сверстника Сережи, сына изнеженного и выхоленного помещика. Их раннее детство протекло вместе, но вскоре они расстались. Николка остался в деревне, Сережа переехал в город и поступил в гимназию. Их жизнь пошла по разным дорогам: у затянутого в щегольский мундир изнеженного Сережи — гимназия, балы, обстановка аристократического дома. У Николки — серая деревня, ледянки, упорный и нерадостный мужицкий труд перед глазами. Но, несмотря на такое различие, они, по особенностям своей детской психики, инстинктивно тянутся друг к другу, оба одинокие и думающие найти отклик друг в друге. Но по запрещению аристократа, отца Сережи, свидание мальчикам запрещают.

Второй рассказ — «Избяные миры», немного напряженный и неестественный, повествует о жизни деревенского мальчика Артюшки. Его отец, зажиточный мужик, продает старую небу и строит новую, такую — что «одно заглядение! Не сруб, а золото. Правильная стена, бревно к бревну. Столбы — дубовые». Но Арсюшка не радуется новая изба.

Вся его жизнь протекла в старой, он так к ней привязался, так знает в ней каждую щелочку, каждое бревно; он не может даже представить себе, как он расстанется с ней навсегда. Арсюшка до боли свыкся с уютом старой избы, с родным уютом бесчисленных «избяных миров», которые уютятся в избяных щелях, на окнах, под потолком и на потолке. «Целые часы он лежал на печке и созерцал там жизнь “тараканьего мира”, он видел тараканов, как они сидели в щелях, черные и рыжие, шевеля усиками, или суетливо бегали по потолку, встречаясь, обгоняя друг друга, срываясь с ветхих бревен. Фантазия его осмысливала и их беготню, и неподвижное сидение в щелях. Вот они сидят и отдыхают от какой-то своей работы. Вот — побежали обедать, собирать хлебные крошки. Вот — устроили сход и на беззвучном тараканьем языке обсуждают что-то, точь-в-точь сельчане. Вот скрылись в щели спать».

Кроме тараканьего мира были еще паучий и мушиный. И так с ними сроднился Арсюшка, что его жизнь как бы стала сливаться с их жизнью. И в результате, чтобы сохранить себе старую избу с ее родными мирами, Арсюшка сжигает новые срубы, в полной уверенности, что теперь его «избяные миры уцелеют!»

Не буду разбирать эти рассказы: читатель, думаю, сам уже видит, что, наряду с действительно верным изображением деревенской «ребячьей» жизни, в рассказах проскальзывает натянутость, неестественность некоторых изображений. Когда я прочитал эти рассказы, мне невольно пришел в голову вопрос: неужели в таких творениях должна отражаться жизнь нашей пролетарской молодежи? Неужели искренние стороны молодой пролетарской психологии действительно вполне обрисовываются в этих натянутостях и неестественностях?

Нет, нет — и тысячу раз нет!

Взглянем на нашу прежнюю художественную литературу и посмотрим — как отражалась в ней жизнь крестьянской и рабочей молодежи? Такого рода произведения занимали в литературе незначительное, почти совершенно незаметное место. Жизнь молодежи учащейся, молодежи аристократической и привилегированной была освещена достаточно со всех ее сторон, но кто мог заглянуть глубоко в тайники психологии деревенской, серой, невидной и невзрачной молодежи? Рабочая молодежь отражалась в литературе несколько лучше благодаря тому, что ее самосознание создавалось быстрее и определеннее.

При созидании нового мира нам, его работникам, необходимо помнить, что все прежние униженные и оскорбленные теперь должны получить все, что было отнято у них не по праву. Деревенская и рабочая молодежь была унижена и оскорблена, теперь мы дали ей широкое поле для самостоятельности, образования и общего развития.

Спрашивается — каким же нашим целям может служить художественная литература, изображающая жизнь пролетарской молодежи? Ответ один — она должна быть видом вашей показательной пропаганды.

Постараюсь развить эту мысль детальнее. Вся «литература о молодежи» должна делиться на два вида: 1) изображающая дореволюционную жизнь молодежи, и 2) изображающая жизнь молодежи после революции. Полная обезличенность, несправедливость, униженность, забитость, недовольство строем жизни, порывы молодых бунтующих сил, — все это должно отразиться в первом виде «литературы о молодежи». Во втором виде должно отражаться: полное «отречение от старого мира», его разрушение, переход к новому, попытки перестроить свое положение, попытки организации, одушевленные идеями. Второй вид «литературы о моло-

дежи» должен отразить все то, что получила молодежь от революции, и как она полученное использует.

— Но, — скажет мне кто-нибудь из читателей, — в вашей «литературе о молодежи» так явно выражена ваша тенденция, между тем как художественная литература от этого очень много теряет!

— Да, — отвечу я спрашивающему, — но снимите со слова «тенденция» ее узкий и наивный смысл, у нас «тенденция» лишь об освобождении, тенденция равноправия, братства, наконец, у нас тенденция куска хлеба. Такая тенденция теряет ваш наивный смысл и делается высокой и справедливой. Наша революция выросла на той же «тенденции». А если наша жизнь подчинена этой тенденции, то художественная литература, в целом ее отражающая, должна отразить и «тенденцию» — следовательно, от этого она ничего не потеряет, и, наоборот — будет правдивой, жизненной.

Быт молодежи до-революционного периода отразить легче, т. к. в ней мы воспитались и выросли, все терпели, протестовали и снова терпели, пока не пришла революция. Вот почему рассказов и др. литературных произведений на эту тему гораздо больше. Несомненно, эти произведения представляют для нас большую ценность, но еще большую ценность имеют художественные произведения второго вида, изображающие жизнь после революционной молодежи. В этой жизни мы еще неопытны, здесь мы только учимся — как жить, здесь мы только ищем пути новых наших работ, здесь мы из рабов превращаемся в полных граждан, и, больше того, — сдаем экзамен на почетное звание партийного работника.

В этой жизни самодеятельность — всё, вот почему она сейчас так трудна, и изображать ее так трудно. Вот почему художественных произведений из этой области еще так мало. Но они будут! Им мы должны сейчас отдавать предпочтение и всячески поощрять их. В массах нашей пролетарской молодежи уже зреют новые литературные силы, которые дадут нам ожидаемое. Они отразят всю существующую жизнь современной молодежи, укажут ее недостатки, ее временные неправильности, покажут новые пути к светлому будущему. Таковы задачи лит.<ературно->худ.<удожественных> органов нашей молодежи, они выполняются, пока слабо, неуверенно, нерешительно, но выполняются.

Молодежь — надежда революции, она построит новую жизнь и создаст новую художественную литературу, литературу свободного труда, равенства, братства и свободы.

ЗА РЕШЕТКОЙ

(Смерть юного коммунара в белогвардейской тюрьме)

Пели телеграфные столбы,
В мгlistые пологи кутались дали.
И неслись настойчивые мольбы,
Полные таинственной печали.

Город спал беспокойно, больной,
Фонарями в тумане трусливо мигая.
Забываясь в тревоге глухой
Тишина убегала немая.

В дальней крепости он умирал,
Истощенный тяжелым страданьем,
Страстно грезил и трепетно ждал
И грозился кому-то восстаньем.

Ни одной не срывалось мольбы
С губ его. Только плакали дали.
Да глухие телеграфные столбы
К жизни новой и радостной звали.

1920

* * *

...Клумбы маргариток,
розовых гвоздик...
И на оживленной
асфальтовой панели
вспомнил и задумался,
вспомнил и поник.

* * *

Где же Заболоцкий?
А вот посмотри:

Конная пятнадцать,
квартира тридцать три.

* * *

Ну, и как живёт столица?
Как там, много ли б...ей?
И красивы ли их лица?!
Что молчишь, прелюбодей?

* * *

Я иду и вижу: дева!
Поднимаю ей подольчик,
Так, что девственная плева
Дребезжит, как колокольчик.

* * *

...И если внимаете вы, исполненные горечи
К этим моим словам,
Тогда скажу я вам: сволочи!
Идите ко всем чертям!

<1919>

* * *

...В темнице закат золотит решетки.
Шумит прибой, и кто-то стонет,
И где-то кто-то кого-то хоронит,
И усталый сапожник набивает колодки.
А человек-паладин,
Точно, точно тиран Сиракузский,

С улыбкой презрительной, иронически узкой
Совершенно один, совершенно один...

<1918—1919>

ЛОЦМАН

...Я гордый лоцман, готовлюсь к отплытию,
Готовлюсь к отплытию к другим берегам.
Мне ветер рифмой нахально свистнет,
Окрасит дали полуночный фрегат.
Всплыву и гордо под купол жизни
Шепну богу: «Здравствуй, брат!»

<1920>

<ИЗ ГИМНА СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ>

Утром из чайной
Рано чуть свет
Зайдешь не случайно
В университет.

П р и п е в:

Торты, и сдобные хлебы,
Сайки, баранки, какао.
Эй, подтянись потуже,
Будь молодцом!

Номенклатура,
Костный музей,
Вертебра проминенс
Ноет сильней.

В аудитории сонной
Чувства не лгут —

На Малой Бронной
Хлеб выдают.

На Малую Бронную
Сбегать не грех
Очередь там небольшая —
шестьсот человек.

Улица Остоженка,
Пречистенский бульвар!
Все свои галоши
О вас изорвал.

<Начало сентября 1920>

<ИЗ ПОЭМЫ О КОЛОМБИНЕ>

Коломбина не знала, что ее мишурное платье
Отражает багровые блики огней...

<...>

По снежным полям скрипит обоз —
Голодной, холодной Москве везут хлеб...

* * *

Грозный Тартар бурей стонет,
Тени легкие летят,
Дубы черные скрипят,
Радость светлую хоронят.
Где-то там горит заря,
Ароматы ветер носит.
Верю — радость в сердце бросит
Золотые якоря.

<1920>

* * *

Е. С. Левицкой

Ваша чудная улыбка
Есть улыбка Саламбо.
Вы — прекраснейшая рыбка,
Лучше воблы МПО.

1 января 1921

* * *

Осенью бывают злые мухи.
Их зовут мухи-кусаки.
Они садятся на лицо и руки
И кладут болящие укусы — знаки...

<ИЗ «ВУЛЬГАРНОГО СОНЕТА»>

<...>

Пошли мы с Ванькой в променаж
Вдоль по Тверскому по бульвару.
Тут я вошел, конечно, в раж
И, значит, дамскому товару
Заворотил словечек пару,
Такую — хоть по морде мажь.
Она сказала мне: «Нахал» —
И батистовенький платочек
Тотчас, как тряпка, мокрым стал.
Люблю антиллигентных дочек.
А так — какой же я нахал?
Я даже скромный, между прочим.

<1920>

* * *

Из окон старой курильни,
Где паркет трещит лощеный,
Посмотри на дряхлую площадь
Там еще не падают зданья,
Там еще не ропщут скифы,
Голубые глаза округлив.
Там за поездом автомобилей
Еле скачет на чалой кляче
Мирликиец желтый и злой.
Ковыляют за ним скифы,
И мальчишка ловит сопливый
Малиновую епитрахиль.
В окне старой курильни
Хохочет охочий Арий
И тощих пощечин ждет.

<1920>

ДРАМАТИЧЕСКИЙ МОНОЛОГ С ПРИМЕЧАНИЯМИ

Обладательница альбома сидит под сению лавров и олеандров. Вдалеке видны величественные здания храмов и академии. Подходит автор.

А в т о р

(робко и несколько растерянно)

Смирня дрожь своих коленок,
стою у входа в Иллион*,
Повсюду тысяча Кроленок
и Назаренок миллион.
О Лидья Яковлевна, каюсь,
я так недолго протяну;
куда пойду, куда деваюсь,
в котору сторону шагну???

* Автор не силен в мифологии, но все же термин сей примечателен.

(Оглядывается по сторонам, горько улыбается и замолкает. Проходит минута молчания. Затем автор устремляет взор в отверстые небеса и продолжает мечтательно.)

Одна осталась мне дорога —
терновый заказать венец,
а также вымолить у бога
моторной лодки образец.
И перед склонами Урала
про все на свете позабыть,
стрелять волков из самопала*,
киргизок маленьких любить...

(Внезапно умолкает. Воспоминания тучей ползут на его челе. Глаза горят недобрый пламенем. Скрестив на груди руки, он продолжает глухим голосом.)

А здесь любить? О, Sancta mater!
Здесь дамы строже старика,
литературных дел Ковнатор
и та была не так строга.

(Внезапно спохватившись.)

Ай-яй, я, кажется, не то
хотел сказать... Ну, не буквально...
Но жизнь, ей-богу, так печальна:
стихи, обед, вино, лото —
не то! Ей-богу — все не то...

(Умолкает. Тишина. Вдруг — протягивая руки, к обладательнице альбома.)

Ах, до свиданья, до свиданья!
Бокалы выше головы!
Моторной лодки трепетанье
слыхали ль вы, слыхали ль вы? **

* Употребление сего орудия свидетельствует о героической натуре автора, который решается выйти на охоту со столь древним приспособлением.

** Явный, но неудачный плагиат.

...Повсюду тишь и гладь реки,
свистят, играя, кулики,
и воздух вятского затона
прекраснее одеколona.
Дышали ль вы?
Нет! Не дышали!
Слышали ль вы?
Нет! Не слышали!
И я как будто не слышал...

(Посмотрел на собеседницу. С отчаянным воплем.)

Я, Лидья Якольна*, нахал!
Мошенник я, мерзавец, тать!
Как можно этим Вас пытаться?

(Вкрадчиво.)

Но Вы не сетуйте на время,
мой незабвенный меценат,
Вергилий в дебрях «Академий»**,
в версификациях — Сократ.
Не сетуйте, ведь все мы, люди, —
мерзавцы, тати и лгуны***,
но все-таки выходим «В люди»****
и долетаем до луны*****,
и вот Вам вывод, даже тати
имеют нечто людям дати... *****

(Секунда молчания.)

* Сие сокращение слогов как нельзя лучше свидетельствует о волнении автора.

** Имеется в виду издательство. — *Примеч. Л. Гинзбург.*

*** Сего понять невозможно иначе как явную ложь и клевету.

**** И сие свидетельствует лишь о низменном состоянии души сочинителя.

***** Безрассудная самонадеянность и ложь.

***** Сии скорее отъемлют, нежели дают. Поистине сочинитель по-творствует падению нравов.

Но этот вывод горделивый
хотел бы я смягчить. И вот
представьте дом неприхотливый,
в столовой гроб, в гробу — урод... *
Тут, видите ли, — вместо крыс
уральский волк меня загрыз**.
Я знаю, вид такого дома
немножко мрачен для альбома,
но дело в том, что если гроб —
то и конец. Довольно! Стоп!***

Н. Заболоцкий

12.V.1928

Монолог сей есть опыт автора малоуспешного, хотя и самоуверенного. Таланты сии отнюдь не расцветают по природным дарованиям своим, но все же терпеливым прилежанием и трудолюбием в достойных авторов обратиться могут. Посему всякое легкое поощрение и просвещенное содействие сему сочинителю послужит на великую пользу.

<ДАРИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ Н. М. ОЛЕЙНИКОВУ НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ «СТОЛБЦОВ»>

Стишочки Ваши прочитавши,
я обрадовался как.
Целу ночку был не спавши —
сию книжечку писал.
Между прочим получивши
ее в подарок от меня,

* Непонятное, неуместное кощунство, которое, однако, можно было после предшествовавшего.

** Сие — вредный вздор. Волки, хотя бы и уральские, крысами не питаются.

*** Оправдание сие — смешно и нелепо. Оно свидетельствует также о вредном свободомыслии сочинителя, который как бы не верует в загробное бытие.

себе на грудку положите,
сказавши: как люблю тебя.

Сочинил в минуту вдохновения
Н. Заболоцкий.

P. S. Равному гению земли.

<1929>

<<ФОЛЬТИКИ>>

* * *

Отверстие, куда макаю
Из древа сделанное средство.
Как звать тебя не понимаю,
Хотя меж нами и соседство?

(Чернильница)

* * *

Бродя повсюду по кишкам
И заставляя кровь кипеть<,>
Оно бьет голод по башкам,
Дабы потом внутри сгореть.

(Съеденное мясо)

* * *

Печени оно есть враг,
Дабы ввергать ту печень в гнев<.>
Однако всякий, кто ослаб<,>
Его глотает к счастью дев.

(Пиво «Степан Разин»)

* * *

Что места мало занимает
однако – лучшую часть тела,
всех-всех во младости питает,
да и у взрослых не без дела?

(Женская грудь)

* * *

Хлебный злак чем срезать можно,
также гвоздь чем можно вбить,
на дощечке осторожно
может всяк совокупить.

(Серп и молот)

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Винтовка в гости прилетела,
Винтовка тульского двора.
Она сядила на колени
И песню грустную вела:

«Ты чего грустишь, хозяин,
Чего ты ручки опустил?
Иль тоска тебя заела,
Иль задумал о другом?»

«Я того грущу, конечно,
Что разлука между нас.
Когда я гулять имею,
Ты единая лежишь.

А когда ты гулять имеешь,
Я один, как перст, стою.

Лишь горьки слезыньки глотаю
Да на дорогу выхожу».

А на дороге равны люди
Промеж собою говорят:
«Сколько жалко пропадает
Здесь Калинкина душа».

* * *

За что же то на дачку
Да Вы поехали, мадам?
В такую погоду-то собачку
Никто не вышлет к воротам!

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГРУНИ

Да, Груня, ровно двадцать девять лет
Тому назад с тобой мы увидали свет.
С тех пор мы пышно расцвели
И сами кой-кого на свет произвели.
Ты вот родила двух мальчишек,
Ты на обед даешь им сыр,
Ты шьешь им множество штанишек,
Подгузников и др., и пр.
А я, родивши одного,
Кричу тебе: ого!
Родить мальчишку просто,
А потруднее воспитать.
И так живи, живи лет со ста!
Зане красотка ты и мать!

ОБРАЩЕНИЕ К РЮМОЧКЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГРУНИ

Прелестна рюмочка, пузатенька соседка!
Зачем же Груня так рождается редко?

Ежели Груня б родилась в году раз пять,
Вот было бы кокетство!
Тогда б меня пришлось в году раз пять
Домой таскать со всеми признаками детства.
А почему? Да потому, что не могу не молодеть,
Когда могу на именинницу глядеть!

* * *

Наташа, милая Наталья,
Скажу ли просто: Натали?
У Ваших ног стоит каналья
С глазами, полными любви.

* * *

Мы все народной медицины
теперь любители уже.
В дворце ученый ждет кончины, —
здоров курилка в шалаше...

* * *

<...>
Сáтан, Сáтан,
Выйди, временем сосватан,
Сáтан, Сáтан, выйди вон!» —
Вышел Тетраграмматон.

* * *

По дороге я бегу
на ногах по сапогу
тут сапог и там сапог
Лучше выдумать не мог

Но однако же могу
на ногах по сапогу
не сапожки — чистый хром
Лучше выдумать не мом

Но однако же мому
на ногах по самому
как же сам то на ногах?
Лучше выдумать не мах!

<Начало 1930-х; в соавт. с Е. Л. Шварцем>

<ТЕКСТ ПЕСНИ ДЛЯ КИНОФИЛЬМА «ОДНА»>

Как хорошо, как хорошо,
Когда весна, когда светло.
Когда под вечер погулять,
Когда под утро крепко спать.
Когда одет, когда умыт
И чай на примусе кипит,
Проходит сон, проходит лень,
Приходит милый новый день.
Он очень-очень деловой,
Он очень-очень трудовой.
Но этот день, когда живешь,
Необычаен и хорош.
Когда хорош? Тогда хорош,
Когда ты вечером придешь,
Придешь гулять, придешь мечтать
И день веселый провожать.

<ИЗ ПОЭМЫ «ШАМАН»>

Домик времени высок,
Стоят статуи наук.
Виден вечности кусок,
Неподвижный как сундук.

<1936?>

БАЛЛАДА О БАЛАНДЕ

*В Шервудском лесу догорает костер,
К закату склоняется день.
Охотничий нож и жесток, и остер —
Сражен благородный олень.*

*Кровавое мясо соками шипит
И кроется ровным загаром...
И фляга гуляет, и ляжка хрустит —
Охотились день мы не даром.*

*Хрустальные люстры сияние льют,
Джаз-бандом гремит казино:
Здесь ломится стол от серебряных блюд
И кубков с янтарным вином.*

*Изящный француз запекает слугу,
От виски хмельны офицеры...
Слегка золотится фазанье рагу
Под соусом старой мадеры.*

*Чалмою завился узорчатый плов,
Пируют Востока сыны, —
Здесь время не тратят для суетных слов,
Молчанию нет здесь цены.*

*И вкрадчиво пальцы вплетаются в рис,
А жир ароматен и прян!
И красные бороды клонятся вниз,
Туда, где имбирь и шафран.*

*Огромная ложка зажата в руке,
Кушак распустил белорус:
Горшок со сметаной и щи в чугушке,
И жирной говядины кус.*

*И тонет пшено в белизне молока,
И плавает в сале картошка!..*

*Проходит минута — и дно чугушка
Скребет деревянная ложка.*

Но сочный олень и фазанье рагу,
И нежный, рассыпчатый плов,
И каша, что тонет в молочном снегу,
И вкус симментальских быков...

*Ах, всех этих яств несравненных гирлянда
Ничто, по сравнению с тобой, о баланда!*

В тебе драгоценная кость судака,
И сочная гниль помидора,
Омыты тобой кулинара рука
И грязные пальцы надзора!

Клянусь Магометом, я вам не солгу,
Хоть это покажется странным,
Но кость судака — благодатней рагу,
Крапива — приятней шафрана.

Пусть венгры смакуют проклятый гуляш,
Пусть бигосом давятся в Польше,
А нам в утешенье — чудесный мираж,
Тебя, ненаглядной, побольше.

* * *

Здесь Заболоцкий, сидя на балконе
В кругу друзей, испытанных давно,
Переводил поэму «Бахтриони»
И смаковал хозяйское вино.

26 сентября 1949

ПИСЬМО

Унесу я твою золотую красу,

Унесу.

Унесу, чтобы птицы и те закричали в лесу,

Унесу.

Унесу, чтобы ветер запел, чтобы вихрь застонал,

Унесу.

Унесу, чтобы вздрогнул на небе созвездий обвал,

Унесу.

Ты — одно мое счастье, великое чудо мое,

Заодно и несчастье, и горькое горе мое,

И откуда взялась ты, откуда явилась ко мне

В день, когда уж висел я, болтаясь на тонком ремне!

Ты есть лучшая часть непогибшей моей, несметенной души.

Напиши мне хоть слово одно, хоть словечко одно напиши!

Не отец я тебе, не учитель тебе, не любовник, не муж.

Не знаток я людей, не художник идей, и неловок к тому ж.

Я — забытый ребенок, забытый судьбой, позабытый в осеннем саду.

Озираясь с тоской, спотыкаясь с мольбой, лишь к тебе я бреду.

И тебя увидав, и тебя повстречав, и упав на пути, пред тобой

Слышу: крылья растут! Слышу: трубы поют у меня, у меня за спиной!

И теперь я тебя никогда, никогда не отдам никому,

Никому.

Пусть опять меня гонят, опять заключают в тюрьму,

Никому.

Пусть ломают мне кости, бросают в могильную тьму.

Никому.

Вопреки всем законам людским, вопреки человечью уму —

Никому.

<1957?>

* * *

В селенье Никита
Жил мальчик Никита,
Работал Никита
В Никитском саду...

**<СТИХИ К МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОМУ ФИЛЬМУ
«СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА»>**

Я заклинаю вас, осколки ледяные,
Я заклинаю вас моей волшебной властью:
Летите прочь, и в диком шуме ветра
Носитесь над землею и впивайтесь
В глаза, в сердца людишек этих глупых;
И тот, кому осколок в глаз вонзится,
Пусть видит всюду лишь одно дурное,
А тот, кому стекло вопьется в сердце,
Пусть станет злым, и только зло на свете
Творит всегда! Пусть будет так. Летите!

Доверься мне, мой мальчик! Мы отсюда
Умчимся в удивительное царство;
Попав туда, ты обо всем забудешь,
Холодной льдинкой делается сердце;
Не будет в нём ни радости, ни горя,
Но лишь покой и холод; это — счастье!

1958

Комментарий

Издание носит рабочий характер, поэтому текстологический аппарат и Комментарий не претендуют на полноту, последовательность и строго академический характер. Тем не менее все публикуемые тексты сверены по первым публикациям. В тех случаях, когда составитель имел возможность познакомиться с автографом или авторизованной копией, некоторые особенности источников отмечены в подстраничных сносках. О разночтениях и вариантах отдельных строк читатель может составить представление, обратившись к разделу «Другие редакции и варианты» в издании: ПССиП. С. 595—666. Зачеркнутые, но поддающиеся прочтению слова печатаются в квадратных скобках. Значок «тильда» (~) используется в случаях замены участков текста, когда их воспроизведение излишне. Конъектуры, текстовые лакуны и редакторские вторжения отмечены угловыми скобками.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- A28 — Рукописная тетрадь «Арарат», РО ИРЛИ (Пушкинский дом), [Р. I. Оп. 10. № 144. Л. 1—21].
- ВК — *Заболоцкий Н.* Вторая книга. Л.: Гослитиздат, 1937.
- Во377 — Воспоминания о Заболоцком / Сост. Е. В. Заболоцкая, А. В. Македонов и Н. Н. Заболоцкий. М.: Советский писатель, 1977.
- Во384 — Воспоминания о Заболоцком / Изд. 2-е, доп. Сост. Е. В. Заболоцкая, А. В. Македонов и Н. Н. Заболоцкий. М.: Советский писатель, 1984.

- ВСЛСП — «Вечно светит лишь сердце поэта...»: Сб. статей, посвященный 110-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого / Сост. Т. В. Игошева, И. Е. Лоцилов. М.: Азбуковник, 2013.
- ДН — Журнал (до 1955 г. — альманах) «Дружба народов».
- ДП — Альманах «День поэзии» (М.).
- ЖНЗ — *Заболоцкий Н. Н.* Жизнь Н. А. Заболоцкого / Изд. 2-е, дораб. СПб.: Logos, 2003.
- З — Журнал «Звезда».
- ЗЧ — Заболоцкие чтения: Материалы Всероссийской конференции (Киров — Уржум, 6—7 мая 2013 г.) / Редкол.: С. Н. Будашкина, Н. П. Гурьянова, И. Е. Лоцилов (науч. ред.), Н. В. Стрельникова. Киров: ИД «Герценка», 2013.
- И — Газета «Известия».
- ИТПБкСМ — «И ты причастен был к сознанию моему...»: Проблемы творчества Николая Заболоцкого: Материалы научной конференции к 100-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого. М.: РГГУ, 2005.
- И60 — *Заболоцкий Н. А.* Избранное. М.: Советский писатель, 1960.
- ЛГ — Журнал «Литературная Грузия».
- ЛМ (I—II) — Литературная Москва: Литературно-художественный сборник московских писателей. [Сб. 1]; Сб. 2. М.: Художественная литература, 1956.
- ЛП — Газета «Ленинградская правда».
- ЛС — Журнал «Литературный современник».
- НЗРсС — Н. А. Заболоцкий: pro et contra: Антология / Сост. Т. В. Игошева, И. Е. Лоцилов. СПб.: РХГА, 2010 (Сер. «Русский путь»).
- НЗИЕЛО — Николай Заболоцкий и его литературное окружение: Материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого. СПб.: Наука, 2003.
- НЗПТ — Николай Заболоцкий. Проблемы творчества: Материалы научно-литературных чтений, посвященных 100-летию Н. А. Заболоцкого (1903—2003). М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2005.
- НМ — Журнал «Новый мир».
- НХГ — На холмах Грузии: Грузия в Русской поэзии / Сост. В. В. Гольцев. Тбилиси: Заря Востока, 1953.
- О — Журнал «Октябрь».
- ОМС — *Заболоцкий Н. А.* «Огонь, мерцающий в сосуде...»: Стихотворения и поэмы. Переводы. Письма и статьи. Жизнеописание. Воспоминания современников. Анализ творчества / Сост., жизнеописание, примеч. Н. Н. Заболоцкого. М.: Педагогика-Пресс, 1995.

- ОР ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург.
- ПССиП — *Заболоцкий Н. А.* Полное собрание стихотворений и поэм / Сост., подгот. текста, хронологич. канва и примеч. Н. Н. Заболоцкого; вступ. статья Е. В. Степанян. СПб.: Академический проект, 2002 (Новая библиотека поэта. Большая серия).
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.
- РСПП — *Заболоцкий Николай Алексеевич* / Сост. Л. С. Шепелева // Русские советские писатели. Поэты: Библиографический указатель. Т. 9. М.: Книга, 1986.
- СИП — *Заболоцкий Н. А.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Туркова. М.; Л.: Советский писатель, 1965. (Библиотека поэта. Большая серия).
- СПиСП — «Странная поэзия» и «странная проза»: Филологический сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого. Новейшие исследования русской культуры. Вып. 3 / Под ред. Е. А. Яблокова и И. Е. Лощилова. М.: Пятая страна, 2003.
- СС2 (I—II) — *Заболоцкий Н. А.* Избранные произведения: В 2 т. / Вступ. статья Н. Л. Степанова, примеч. Е. В. Заболоцкой. М.: Художественная литература, 1972.
- СС3 (I—III) — *Заболоцкий Н. А.* Собрание сочинений: В 3 т. / Сост. Е. В. Заболоцкой, Н. Н. Заболоцкого; предисл. Н. Л. Степанова; примеч. Е. В. Заболоцкой, Л. А. Шубина. — М.: Художественная литература, 1983—1984.
- Ст29 — *Заболоцкий Н.* Столбцы. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1929.
- Ст26—32 — *Заболоцкий Н. А.* Стихотворения 1926—1932 / Вступ. статья И. Виноградова; рис. переплета и суперобложки М. Кирнарского. [Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933.] Корректурa.
- Ст48 — *Заболоцкий Н.* Стихотворения. М.: Советский писатель, 1948.
- Ст57 — *Заболоцкий Н.* Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1957.
- Ст59 — *Заболоцкий Н. А.* Стихотворения. М: Художественная литература, 1959 (Библиотека советской поэзии).
- ТиДНЗ — Труды и дни Николая Заболоцкого: Материалы литературных чтений / Сост. Л. А. Озеров. М.: Изд-во Литературного института, 1994.
- ТС — Тарусские страницы: Литературно-художественный иллюстрированный сборник / Сост. Н. Д. Оттен. Калуга: Книжное издательство, 1961.
- Ю — Журнал «Юность».

СТИХИ

I. «СТОЛБЦЫ» 1929 ГОДА

Заболоцкий Н. Столбцы. Л.: Издательство писателей в Ленинграде. Гос. тип. им. Евг. Соколовой, 1929. 69+[3] с., (18×14). 1 200 экз. Цена: 1 руб. 70 коп. Обложка: М. Кирнарский. Книга вышла в феврале 1929 г. Поэт говорил, что вкладывает в слово *столбцы* представление о дисциплине и порядке. Оно подчеркивает вертикальное измерение поэтического текста, в отличие от привычного *стихотворения* (*стих* по-гречески — горизонтальный ряд с поворотом). В газетной и энциклопедической практике *столбец* — колонка набранного текста. В русском приказном делопроизводстве XVI—XVII вв. *столбцами* называли документы, хранившиеся в виде подклеиваемых снизу свитков. Композиция сборника, состоявшего из 22 стихотворений-столбцов, воспроизводит, подобно сверхповести В. Хлебникова «Зангези», состав гадальной колоды старших арканов таро и «тарообразную модель универсума». Близкую к полноте библиографию откликов на книгу см.: РСПП. С. 243—244. См. также: НЗРсС. С. 39—108. Лишь Н. Л. Степанов и М. А. Зенкевич опубликовали положительные рецензии: *Степанов Н.* Заболоцкий. «Столбцы». Стихи. Издательство писателей в Ленинграде // З. 1929. № 3. С. 191—192; *Он же.* В защиту изобретательства: Макулатурный поток // З. 1929. № 6. С. 192; *Зенкевич М.* Обзор стихов // НМ. 1929. № 6. С. 216—219. К ним примыкает рецензия, предположительно принадлежащая перу И. Л. Фейнберга: [Без подписи] Н. Заболоцкий. — «Столбцы». Издательство писателей в Ленинграде // О. 1929. № 5. С. 207—208. Во многих источниках из-за соседства в блоке анонимных рецензий с его обзором «Украинские писатели в русских переводах» (С. 199—201) авторство рецензии ошибочно приписывается Л. И. Тимофееву. Наиболее характерные отклики «разгромного» характера: *Селивановский А.* Система кошек (О поэзии Н. Заболоцкого) // На литературном посту. 1929. № 15. С. 31—35; *Горелов А.* Распад сознания // Стройка. 1930. № 1. С. 16; *Амстердам А.* Болотное и Заболоцкий // Резец. 1930. № 4. С. 12—14; *Незнамов П.* Система девок // Печать и революция. 1930. № 4. С. 77—80; *Вихлянцева В.* Социология бессмыслички // Сибирские огни. 1930. № 5. С. 143—144; *Малахов С.* Лирика как орудие классово-борьбы (О крайних флангах в непролетарской поэзии Ленинграда) // З. 1931. № 9. С. 161—162.

Красная Бавария (С. 3) — Впервые: Костер. [В надзаг.: Ленинградский Союз поэтов]. Л., 1927. С. 29—31; Ст29. С. 7—9. Автограф: ОР ИРЛИ. Ф. 172.

№ 69. Л. 1—2. Имеется в виду пивное заведение, служившее своеобразным клубом для поэтов и художников, работавших в Детском отделе Госиздата: «В 1925 году в бывшем доме Энгельгардта открыли популярную пивную “Бавария”, или, как её чаще называли в годы советской власти, — “Культурную пивную”, торговавшую продукцией знаменитого Ленинградского пивного завода “Красная Бавария”. Днем это место действительно выглядело весьма благоприятно и впрямь “культурно”. Сюда любили заходить сотрудники различных издательств, располагавшихся в Доме книги, а также счастливые авторы после получения гонорара» (Зуев Г. И. Вдоль канала Грибоедова. М., 2007. С. 180—181). Известна работа «Красная Бавария» (1924) ученика П. Н. Филонова Юрия Борисовича Хржановского (1905—1987). См.: *Встречова Л.* Новая яркость и ясность // Наше наследие. 2006. № 78. С. 124—131.

Впивался шелковый шнурок... — Имеется в виду популярный роман: *Подревский К.* Шелковый шнурок. Муз. обр. Б. Прозоровского. М., 1926.

бокалов бешеный конклав... — *Конклав* — совет кардиналов, собирающихся после смерти папы для избрания нового. *зажегся как паникадило...* — *Паникадило* — церковная люстра с большим количеством свечей. *схватив под мышки Пикадилли...* — *Пикадилли* — «Театр световых картин» «Пикадилли» открылся 27 декабря 1913 г. по адресу Невский пр., д. 60 и считался первым в России по удобству и роскоши «синематеатром». Название, восходящее к фешенебельной улице и площади в центре Лондона, сохранялось вплоть до начала 1930-х гг., когда кинотеатр переименовали в «Аврору». *блистал на мачте лампачон...* — *Лампачон* — разноцветный фонарик из цветной бумаги или стекла для иллюминации. *и под свистками Германдады...* — *Германдада* (Эрмандада, Хермандада; от исп. *Santa Hermandad* — «Святое Братство») — образованное королем Фердинандом V Католиком в Кастилии объединение горожан, призванное бороться с разбойниками и разбойничавшими рыцарями; подразумевается милиция. *над башней рвался шар крылатый / и имя «Зингер» возносил.* — Здание Дома книги (Невский пр., 28), где с 1925 г. располагалась возглавляемая С. Я. Маршаком редакция издательства «Лендетгиз», до революции принадлежало представительству американской компании «Singer Sewing Machine Company», занимавшейся производством швейных машинок. Здание в стиле модерн было построено в 1902—1904 гг. по проекту архитектора П. Ю. Сюзора и украшено скульптурными группами А. Адамсона «Промышленность» и «Мореплавание», а также гигантским глобусом, призванным символизировать всемирный размах деятельности компании «Зингер». «Крылатым» этот шар можно было увидеть лишь при совмещении с скульптурным изображением орла, восходящим к государственной символике С.А.С.Ш. См.: *Филлипов Г. В.* Николай Заболоцкий — поэт Петрограда // НЗиЕЛО. С. 15—19. Египетский крылатый шар служил эмблемой

возглавляемого Н. А. Морозовым Российского Общества Любителей Мирозведения (Р.О.Л.М.), действовавшего в Санкт-Петербурге—Петрограде—Ленинграде в 1909—1932 гг., и его изданий.

Белая ночь (С. 5) — Впервые: Ст29. С. 10—12. Автограф, каллиграфическим почерком, озаглавлен: Белая Ночь. Фрагменты. Помета неизвестного лица: В сборник Союза поэтов (ОР ИРЛИ. Ф. 754 (П. Н. Лукницкий). А Х. № 6г). Разборы: Björling F. «Stolbcy» by Nikolaj Zabolockij. Stockholm, 1973. С. 80—103. Каратоццолю М. «Белая ночь» Н. А. Заболоцкого: К эстетике отрицания // Материалы XXXIII всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Секция новейшей русской литературы. Вып. 11. СПб., 2001. С. 51—58. Сопоставление с урбанистической лирикой А. Блока см.: Роднянская И. Б. «Столбцы» Николая Заболоцкого в художественной ситуации 1920-х годов // Россия. Франция. М., 1988. С. 238—266; То же // Роднянская И. Б. Художник в поисках истины. М., 1989. С. 343—364. *А музы любят круглый год* — Противопоставление *муз* и *сирен* восходит, возможно, к пассажу из работы Н. Ф. Федорова «Горизонтальное положение и вертикальное, — смерть и жизнь» (1880—1890-е гг.): «Чело — это орган религии, человеческое небо, орган воспоминания, разума, это музей, жертвенник, алтарь предкам, тогда как задняя часть головы, затылок, есть огран половых страстей, заставляющий забывать прошедшее, это храм не муз, а сирен» (Федоров Н. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1999. С. 255). *Качалась Невка у перил* — Большая, Малая и Средняя Невки — рукава дельты Невы. *на корточках привстал Елагин* — *Елагин* — остров и дворцово-парковый ансамбль в дельте Невы; *Елагин мост* упоминается в стихотворении А. А. Блока «На островах» (1909). *Так недоносок или ангел* — Е. В. Перемышлев указал на переключку финала с строками из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник»: «И не пуская тьму ночную / На золотые небеса, / Одна заря сменить другую / Спешит, дав ночи полчаса» (ТидНЗ. С. 75). В воспоминаниях Д. Е. Максимова отмечен «характерный для зрелого Заболоцкого ассоциативный фон: видение белых ночей Достоевского, “Недоносок” Баратынского, уводящий к гомункулу из “Фауста” Гёте, и тот же недоносок в спирту, взятый как будто из петровской Кунсткамеры, а рядом — полуиронические “ангел” и “небеса”... И наконец — вполне вольная мысль о том, что образ этого жалкого недоноска, рвущегося в небеса, резюмирует всю картину несостоявшейся “белой ночи” и заставляет догадываться о глубоко потаенном страдании поэта, уязвленного тем, что она “не состоялась”, и, может быть, думающего за недоноска едва ли не в духе И. Анненского: “А если грязь и низость — только мука по где-то там сияющей красе...”» (ВоЗ84. С. 123). Ср. также художественный мир повести Ю. Н. Тынянова «Восковая персона» (1930).

Футбол (С. 7) — Впервые: 3. 1927. № 12. С. 100—101; Ст29. С. 13—15. Разбор: *Björling F. «Stolbcy» by Nikolaj Zablockij. Stockholm, 1973. С. 21—48. Ликует форвард на бегу — Форвард* — нападающий игрок в футболе, бейсболе, хоккее и других играх. *и шар перелетает ряд* — А. А. Кобринский отмечает: «Шар является семантическим центром, к которому сводится все пространство стихотворения Заболоцкого “Футбол” (1926). Замена “мяча” на “шар” реактивирует, во-первых, характерную для изображения футбола в русской литературе XX века метонимическую подмену “мяч/голова” (ср. два “Футбола” О. Мандельштама — 1913, описание футбольного матча в “Зависти” Ю. Олеси и др.), входящую в более широкую парадигму подмены головы предметом, имеющим шарообразную форму и наоборот; восходящую к некоторым мифологическим и общекультурным основам — сюжеты о Юдифи, об Иоанне Крестителе и др. (см., например, тот же “Футбол” О. Мандельштама, “Заблудившийся трамвай” Н. Гумилева, уже упоминавшийся мотив отделения головы от тела и ее самостоятельное существование у Введенского, вплоть до изображения человека со своей головой в руках); эта метонимия поддерживается финальной безголовостью форварда. Во-вторых, под форму шара перестраивается вся геометрия пространства стихотворения Н. Заболоцкого: упоминание “...моря и реки, / просторы, площади, снега...” в контексте с “меридианом” делает мяч моделью всего мира, и масштаб как бы переворачивается. Но (и это специфика поэтики ОБЭРИУ) геометрический инвариант текста определяет не только пространство вокруг персонажей, но и их внутреннюю структуру, в данном случае это реализуется с помощью мотива “винограда в горле”, напоминающего о господстве шарообразности не только на макро-, но и на микроуровне» (*Кобринский А. А. Даниил Хармс и поэтика ОБЭРИУ (Природа — Человек — Пространство)* // Хармсиздат представляет: Сборник материалов. СПб., 1995. С. 74—75). *Свалились в кучу беки — Бек* (от англ. *back* — задний) — устаревшее название защитника в спортивных играх с мячом. *меланхолический голкипер — Голкипер* (англ. *golkeeper*) — вратарь. *все так же вянут на покое / в лиловом домике обои* — В диссертации Ф. Бьёрлинг приводится отсылка к возможному источнику — началу стихотворения В. В. Маяковского «Несколько слов о моей маме» (1913) из цикла «Я»: «У меня есть мама в васильковых обоях...» (С. 42). *Спи, бедный форвард!* — По мнению Ф. Бьёрлинг, возможный источник — слова Фортинбраса над трупом только что умершего Гамлета из финальной сцены шекспировской трагедии «Good night sweet prince» (Указ. соч. С. 43).

Море (С. 8) — В А28 датировано: 4.ХІ.1926. Впервые: Ст29. С. 19—20. *и, точно каменные бабы — Каменные бабы* — древние скульптурные изображения человеческой фигуры из мелкозернистого песчаника, связанные с культом предков. Происхождение каменных баб, встречающихся в степных зонах по всей территории евразийского континента, связывают с культурой половцев или хазар. Сравнение отсылает к поэме В. Хлебникова «Каменная баба» (1919) и, возможно, к стихотворению «Каменные бабы» К. К. Случевского (1880). Н. Ф. Федоров в двух заметках о каменных бабах (1898) называл их «народным, языческим свидетельством о воскресении», связывая с «нравственной необходимостью» «тотчас же по сожжении восстанавливать умершего, ставя его подобие из оставшегося от сожжения пепла, смешанного с глиною, или из камня» (Федоров Н. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1997. С. 166—167).

Офорт (С. 9) — В А28 датировано: 25.І.27. Впервые: Ст29. С. 21. *Офорт* (от фр. *eau-forte* — крепкая водка) — разновидность гравюры, получаемой путем травления металлической поверхности кислотами. Разборы и интерпретации: Björling F. «Ofort» by Nikolaj Zabolockij. The Poem and the Title // Scando-Slavica. Т. 23. Copenhagen, 1977. P. 7—16; Ljunggren A. Обличья смерти: к интерпретации стихотворения Н. Заболоцкого «Офорт» // Scando-Slavica. Т. 27. Copenhagen, 1981. P. 171—177; Лоцилов И. Е. Феномен Николая Заболоцкого. Helsinki, 1997. С. 220—233; Васильев И. Е. «И грянул на весь оглушительный зал...» (О стихотворении Н. Заболоцкого «Офорт») // Филологический класс. Екатеринбург. 2000, № 8. С. 38—41; Пчелинцева К. Ф. Об одном стихотворении Н. Заболоцкого // Филологические науки. 2001. № 1. С. 111—113. Согласно Ф. Бьёрлинг, стихотворение является зашифрованным описанием ситуации похорон. Название, возможно, отсылает к стихотворению И. Ф. Анненского «Офорт» («Трилистник бумажный») из сборника «Кипарисовый ларец» (1910) и циклам офортов Ф. Гойя «Капричос» (1797—1798) и «Бедствия войны» (1810—1820). В книгу П. Верлена «Сатурнические стихи» (1866—1867) входил цикл «Офорты», состоящий из пяти стихотворений. *И грянул на весь оглушительный зал: — Покойник из царского дома бежал!* — Отсылка к начальным строкам баллады А. К. Толстого «Василий Шибанов» («Князь Курбский от царского гнева бежал / С ним Васька Шибанов, стремянный...», 1840-е гг.), возможно, опосредованная стихотворением В. В. Маяковского «Несколько слов обо мне самом» из цикла «Я»: «И вижу, Христос с иконы бежал...» (1913). Сочетание *царский дом* многократно встречается в тексте Ветхого Завета. *Покойник по улице гордо идет* — Ср. строки «Карлуша по улице гордо идет / Шагает ногами вперед

и вперед» из детской книжки: *Заболоцкий Н.* Хорошие сапоги / Рис. В. М. Ермаовой. Л.: Гос. издательство, 1928 (ПССиП. С. 391). А *кругом* — *громобой* — отсылка к названию первой части поэмы В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев» («Громобой», 1810). Об интересе к поэзии Жуковского свидетельствует стихотворение «Баллада Жуковского» (март 1927), входящее в состав А28. и *за стеклышком* — *розмарин* — Возможно, аллюзия на слова безумной Офелии: «There's rosemary, that's for remembrance; pray, love, remember: and there is pansies that's for thoughts».

Черкешенка (С. 10) — В А28 под названием «Столбец о черкешенке», датировано: 30.I.1927. Впервые: Ст29. С. 22—23 (с ложной датировкой: январь 1926). Разборы: *Кекова С. В.* Поэтический язык раннего Заболоцкого: (Опыт реконструкции) Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. Саратов, 1987. С. 15—16; *Лощилов И. Е.* Феномен Николая Заболоцкого. Helsinki, 1997. С. 91—99; 173—188. *Лощилов И. Е.* Заметки к теме «Заболоцкий и Федоров» // Сборник Матице српске за славистику. Број 68. Нови Сад, 2005. С. 132—151; *Он же.* Инстанция Буквы в поэтической практике русского авангарда (Заболоцкий и другие) // Семиотика и Авангард: Антология. М., 2006. С. 952—996. *Он же.* «...Зато в телесных качествах — нехватка»: О поэтике «соматического эллипсиса» в книге Николая Заболоцкого «Столбцы» // Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре. Эпоха модернизма. М., 2008. С. 300—336; *Золотарева К. А.* Между Хаосом и Космосом: Книга стихов Н. А. Заболоцкого «Столбцы». Воронеж, 2008. С. 104—127. *ей Тула делает фокстрот...* — здесь *фокстрот* — не танец, а название популярной в двадцатые годы женской прически. *луны путиловской движенье...* — *Путиловский завод* — крупнейшее металлургическое предприятие Санкт-Петербурга и Ленинграда; был основан по указу Павла I в 1801 г. Название — по фамилии предпринимателя Н. И. Путилова, владевшего им с 1868 по 1880 г. В 1922 г. завод получил новое имя: «Красный путиловец».

Лето (С. 11) — В А 1928 датировано: 27.VIII.27. Впервые: Ст29. С. 24.

3

Часовой (С. 12) — В А28 датировано: 26.II.27. Впервые: Ст29. С. 27—28. Авторизованная машинопись: РГАЛИ. Ф. 1334 (А. Е. Крученых). Оп. 1. Ед. хр. 1136. Л. 6—7. На л. 7, под текстом: [16.II.27] Н. Заболоцкий. На стадии подготовки Ст29 к изданию автор считал «Часового» «программным стихотворением сборника» (Во384. С. 105). Там же мемуарист (И. М. Синельников) сооб-

щает, что столбец был сочинен, по словам автора, «на дежурстве у знамени полка». Интерпретация образа часового, возможно, восходит к «Государству» Платона, где *воины-стражи*, охраняющие миропорядок, являются вторым (после философов) сословием в идеальном обществе. М. Б. Ямпольский вспоминает «Часового» в связи с темой *сторожа* в «Комедии города Петербурга» и приводит ряд возможных источников и интерпретаций (Ямпольский М. Б. Беспамятство как исток: Читая Хармса. М., 1998. С. 145—148).

Новый быт (С. 13) — В А28 не полностью, без даты. Впервые: Ст29. С. 29—31. *Новый быт* — одно из ключевых словосочетаний эпохи «культурной революции» 1920-х гг.; в первую очередь ассоциировалось с именем Л. Д. Троцкого; см.: *Троцкий Л. Д.* Вопросы быта: эпоха «культурничества» и ее задачи. М., [1923]. *Сидит на столике кулич.* — Согласно воспоминаниям автора, сохранившимся в семейном предании, в представленной в издательство машинописи (не сохранилась) стих выглядел иначе: *сидит на столике Ильич* (ЗЖЗ 2003. С. 114—115). *погасла свечка-пятерик.* — *Свеча-пятерик* — церковная стеариновая свеча весом в одну пятую фунта.

Движение (С. 15) — В А28 датировано: 6.XII.27. Впервые: Ст29. С. 32. Название и стиховой объем (8 строк) отсылают к одноименному стихотворению А. С. Пушкина (1825). Один из возможных визуальных контекстов, наряду с живописью П. Н. Филонова и французских кубистов, картина итальянского футуриста Джакомо Балла (1871—1958) «Движение собачки на поводке» (1912), где собачка изображена со множеством ног. По воспоминаниям А. Я. Сергеева, «Заболоцкий уверял, что написав это стихотворение, долго считал, что оба четверостишия — рифмованные» (Во384. С. 406). Разборы: *Эткинд Е. Г.* Два «Движения» — две эстетики // Литературная учеба 1990. № 6. С. 155—157; *UCLA slavic studies. New ser. Vol. 1: Культура русского модернизма. Статьи, эссе и публикации.* М., 1993. С. 92—96; *Бровар В. В.* «А бедный конь руками машет...» // Русская речь. 1991. № 2. С. 27—32; *Faryno J.* Введение в литературоведение. *Wstęp do literaturoznawstwa.* Warszawa, 1991. S. 92; *Красильникова Е. В.* Движение (Н. Заболоцкий) // Жизнь языка: Сб. статей к 80-летию М. В. Панова. М., 2001. С. 337—341; *Мороз О. Н.* Элементы эстетики живописного кубизма в стихотворении Н. Заболоцкого «Движение» // Культурная жизнь юга России. 2005. № 4. Краснодар. С. 70—72; *Золотарева К. А.* Между Хаосом и Космосом: Книга стихов Н. А. Заболоцкого «Столбцы». Воронеж, 2008. С. 53—54.

На рынке (С. 15) — В А28 датировано: 18. XII. 27. Впервые: Ст29. С. 33—35. Два автографа (один под назв. «Нищие на рынке»; см. наст. изд., с. 70)

с разночтениями: ОР ИРЛИ. Ф. 172. № 518. Л. 1—2. Вместе с рукописью стихотворения «Закон простоты» были переданы автором в Кабинет современной литературы при Отделе словесных искусств Государственного института истории искусств (см.: *Смирнов И. П.* Зачеркнутое стихотворение // Нева. 1973. № 5. С. 198; *Скандура К.* Систематизация авторских редакций и вариантов сборника Заболоцкого «Столбцы» // НЗПТ. С. 148—149). Авторизованная машинопись: РГАЛИ. Ф. 1334 (А. Е. Крученых). Оп. 1. Ед. хр. 1136. Л. 2—5. Нумерация листов по неизвестному источнику: 21—24. На л. 5, ниже текста — зачеркнутая дата и подпись: [18.XII.27] Н. Заболоцкий. См. коммент. к стихотворению «Нищие на рынке» (наст. изд., с. 815). *и книжка в дырочках волшебных...* — Имеются в виду книги, использующие алфавит для слепых. *А вокруг — весы как магелланы...* — Имеются в виду Большое и Малое Магеллановы облака — две звездные системы неправильной формы, видимые невооруженным глазом на южном небе в виде туманных пятен и напоминающие две чаши весов.

Пир (С. 17) — Впервые: Ст29. С. 36—38. Каллиграфическая рукопись: РГАЛИ. Ф. 1334 (А. Е. Крученых). Оп. 1. Ед. хр. 1136. Л. 12—13. Черная тушь; оформление текста и почерк приближаются к характерным особенностям А28. На обороте л. 13, внизу: Автограф Н. А. Заболоцкого. 5.XII.1960 Н. Харджиев. Название отсылает к одноименному диалогу Платона. Разбор: *Кекова С. В.* Мироощущение Николая Заболоцкого: опыт реконструкции и интерпретации. Саратов, 2007. С. 107—110.

Ивановы (С. 19) — В А28 под названием «Размышления на улице», датировано: 29.I.28. Впервые: Ст29. С. 39—41. *Иные — дуньками одеты* — Т. В. Дзядко предполагает аллюзию на пушкинские «Повести покойного И. П. Белкина» (*Дзядко Т.* «Но это описать нельзя»: функция реминисценций в ранних стихах Н. А. Заболоцкого // Русская филология. 15. Тарту, 2004. С. 115). *Но вот — все двери растворились / повсюду шепот пробежал* — Аллюзия к пушкинским строкам о метаморфозе Татьяны: «Но вот толпа заколебалась, / По зале шепот пробежал...» («Евгений Онегин». Гл. 8, XIV).

Свадьба (С. 20) — Впервые: Ст29. С. 42—45. Каллиграфическая рукопись: РГАЛИ. Ф. 1334 (А. Е. Крученых). Оп. 1. Ед. хр. 1136. Л. 8—11. Черная тушь; оформление текста и почерк приближаются к характерным особенностям А28. На л. 11, под текстом: Н. Заболоцкий. Ленинград. Конная ул., д. 15, кв. 33. Слева, карандашом: 100 строк. Обстоятельства создания «Свадьбы», связанные с бракосочетанием одного из товарищей Заболоцкого по учебе в ЛГПИ им. А. И. Герцена, Константина Николаевича Боголюбова (1905—

1937), описаны в книге Н. Н. Заболоцкого (ЖНЗ. С. 124—125; 151—153). К. Н. Боголюбов впоследствии работал заместителем ответственного редактора журнала «Костер». Репрессирован (расстрелян 24 ноября 1937 г.). Разборы: *Остренкова М. А.* Оппозиция жизнь/смерть и способы ее реализации в стихотворении Н. Заболоцкого «Свадьба» // Язык русской литературы XX века. Ярославль, 2001. С. 122—127. *Сироткин Н. С.* Поглощение и извержение (Еда, женщины, деньги, музыка и смерть) // СПиСП. С. 70—85. *цыпленок, синий от мытья* — Подробный комментарий к образу *цыпленка* в «Столбцах» содержится в статье: *Masing-Delic I.* «The Chickens Also Want to Live»: A Motif in Zablockij's «Columns» // *Slavic and East European Journal*. 1987. № 3. P. 356—365. Благодаря песенке «Цыпленок жареный» («Цыпленки тоже хотят жить...») в 1920-е гг. *цыпленок*, наряду с *канарейкой*, *геранью* и *фикусом*, стал ассоциироваться с миром нэпмана и обывателя.

Фокстрот (С. 23) — Впервые: Ст29. С. 46—47. *Фокстрот* — популярный в «межвоенные десятилетия» в США и в Европе танец. В СССР в период НЭПа воспринимался как проявление «светской жизни» европейского («буржуазного») типа. Название связано с именем американского танцора Гарри Фокса, впервые исполнившего фокстрот в 1913 г. (Другая, менее достоверная, версия производит название от англ. *fox* — лиса и *trot* — рысь, быстрый шаг.) «Импорт» джазовой музыки и танца в СССР связан с именем поэта-футуриста Валентина Яковлевича Парнаха (1891—1951). На исходе НЭПа (1927—1929) в Ленинграде появился ряд джазовых ансамблей: «Первый концертный джаз-банд» Л. Я. Теплицкого, «Джаз-капелла» Г. В. Ландсберга, «Голубой джаз» Б. И. Крупышева. Б. И. Крупышев (Бокру-Крупышев) руководил также «Гавайским ансамблем» и «Передвижным концертным джаз-бандом». В столбце содержится ряд переключек с статьей А. М. Горького «О музыке толстых» (Правда. 1928. № 90 (3922). С. 2).

Фигуры сна (С. 25) — Впервые: Ст29. С. 48—49. Разбор: *Кекова С. В.* Мироощущение Николая Заболоцкого: опыт реконструкции и интерпретации. Саратов, 2007. С. 100—104.

Пекарня (С. 26) — Впервые: Ст29. С. 50—52. *и громахает словно Сормов* — *Сормово* — промышленный район в Нижнем Новгороде, где в 1849 г. начал работать крупнейший в Европе судостроительный завод: один из центров первой русской революции 1905—1907 гг. *как будто идола в тиарах* — *Тиара* — тройная корона, отличительный головной убор папы римского, увенчанный небольшим крестом и тремя венцами и имеющий сзади две ниспадающие ленты. Три яруса символизируют три уровня пап-

ских полномочий: духовную власть в мире, временную — Риме и верховенство над всеми христианскими правителями. Восходит к головным уборам царей древнего мира.

Обводный канал (С. 27) — Впервые: Ст29. С. 53—54. *Обводный канал* — искусственное ирригационное сооружение; тянется от Невы до реки Екатерингофки. На набережной канала был сосредоточен ленинградский ломовой (грузовой) и легковой извоз (Весь Ленинград на 1926 год: Адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., 1926. С. 379—381). В воспоминаниях Д. Е. Максимова: «Заболоцкий жил в конце 20-х годов на Конной улице (дом 15, квартира 33), в районе Старого Невского, недалеко от Александроневской лавры. <...> Приютившая Заболоцкого Конная улица и пересекающий ее Перекупной переулочек — особая частица петербургского мира, окруженная родственными ей пространствами. Между прочим, в Конную вливаются два переулочка с такими же многоговорящими названиями: Тележный и Железный. <...> Конная улица в то время, когда я посетил Заболоцкого (я был у него дважды), еще хранила в себе следы своего ушедшего в вечность прошлого: грузного, громыхающего быта дореволюционного торгово-промышленного Петербурга. Недаром само название пошло от находившегося здесь конного базара, остатки которого, небольшой рынок частных извозчиков периода, еще сохранились ко времени моего посещения. Мне запомнились на Перекупном переулочке товарные склады в нижних этажах, тяжелые двери с железными скобами и с огромными замками, булыжная, пыльная мостовая и грохочущие ломовые телеги, запряженные слоноподобными битюгами» (Во384. С. 125—127). Комнату на Конной в небольшой квартире «нуждающегося инженера» поэт снял «за умеренную плату» осенью 1927 г. Известно о существовании несохранившегося стихотворения «Конная улица», по поводу публикации которого (вместе со стихотворением «Болезнь») поэт вел переписку с редакцией журнала «Чудак» (РГАЛИ. Ф. 1433. Оп. 2. Ед. хр. 51. См.: ЖНЗ. С. 129—130; ОМС. С. 115). Известна работа П. Н. Филонова «Обводный канал» (1924—1925; Государственный Русский музей; инвентарный номер: РС—14845. Поступление: 1977, дар Е. Н. Глебовой). Тема *ломового извозчика* развивалась в творчестве художника начиная с 1912 г., при этом в работах причудливо совмещались черты урбанистического пространства с зооморфными и антропоморфными образами, переходящими друг в друга. *Маклак штаны на воздух мечет* — *Маклак* — перекупщик, спекулянт, посредник при купле и продаже («маклер»). *вся — прелесть и изнеможенье!* — Строка целиком взята из стихотворения «Закон простоты» (Смирнов И. П. Зачеркнутое стихотворение // Нева. 1973. № 5. С. 198).

Бродячие музыканты (С. 29) — Впервые: Ст29. С. 55—58. В столбце отразились впечатления от двора-колодца дома по ул. Красных Зорь, д. 73/75 (ныне Каменноостровский проспект), где Заболоцкий жил в 1925—1927 гг. (мансарда, комн. 5). См. воспоминания Н. Сбоева «Мансарда на Петроградской» (Во384. С. 43—46). Образ бродячих музыкантов — сквозной для «петербургского текста» русской литературы. Разборы: *Björling F.* «Stolbcy» by *Nikolaj Zaboločkij*. Stockholm, 1973. С. 49—79; *Кекова С. В.* Мироощущение Николая Заболоцкого: опыт реконструкции и интерпретации. Саратов, 2007. С. 110—114. Сопоставление с редакцией из Свода 1958 года: *Циммерлинг А.* Логика парадокса и элементы абсурдистской эстетики // Абсурд и вокруг: Сборник статей. М., 2004. С. 300—302. с *роскошной песней Тамары* — Имеется в виду популярный романс П. С. Макарова и Э. Ф. Направника на слова стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тамара» (1841); известны также версии С. Лялина, В. М. Иванова-Корсунского и балет на музыку М. А. Балакирева (1912). и *стр-растные дикие звуки* — В стихотворении Лермонтова: «И странные, дикие звуки / Всю ночь раздавались там».

4

Купальщики (С. 31) — Впервые: Ст29. С. 61—62. *Кто, кукушку в руку спрятав* — См.: *Золотарева К. А.* «Кукующие» соловьи и кукушки в «Столбцах» Н. Заболоцкого // Русская филология—16. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2005. С. 112—118. *но святая Парасковья* — *Святая Параскева-Пятница* — христианская великомученица III в., чей образ на землях восточных славян тесно сросся с культом божества дохристианского пантеона — Пятницы (Мокоши), покровительницы женщин и матерей; считалась «бабьей святой». Образ Параскевы-Пятницы занимал важное место в личном мифе Велимира Хлебникова; см.: *Lönnqvist B.* К значению дня рождения у авангардных поэтов // UCLA Slavic Studies. New ser.; Vol. 1: Культура русского модернизма. Статьи, эссе и публикации. М., 1993. С. 206—211.

Незрелость (С. 32) — Впервые: Ст29. С. 63—64. Разбор: *Александров В. Ю.* Мифопоэтические мотивы в ранней лирике Н. А. Заболоцкого (анализ одного стихотворения) // Литература и фольклорная традиция: Тезисы докладов научной конференции 15—17 сентября 1993 г. Волгоград, 1993. С. 77—79. См. также: *Герасимова А. Г.* Младенец кашку составляет: Иронический инфантилизм раннего Заболоцкого // «Scribantur haec...»: Проблема автора и авторства в истории культуры: Материалы научной конференции (Москва, 12—15 мая 1993 г.). М., 1993. С. 75—78; *Васильев И. Е.* «Высокий мир дитяти...» (Тема детства в творчестве Н. А. Заболоцкого) // Филологический класс. 2003.

№ 10. Екатеринбург. С. 52—56; *Васильев И. Е.* Архетип младенца и его семантические корреляты в творчестве раннего Заболоцкого // ИТПБкСМ. С. 68—76. *Закрой же ножки белой тканью* — Аллюзия на известный моностих В. Я. Брюсова «О закрой свои бледные ноги!» (1895).

Народный дом (С. 33) — Впервые: Ст29. С. 65—70. *Народные дома* — культурно-зрелищные просветительские клубы, которые начали активно строиться в 1880-е гг., преимущественно по инициативе «обществ трезвости», для отвлечения народа от пьянства. В советское время народные дома должны были занять свое место в системе политической пропаганды и просвещения. Народный дом им. Карла Либкнехта и Розы Люксембург (до революции — «Заведение для народных развлечений императора Николая II», 1917—1919 гг. — Петроградский Народный Дом) был возведен в 1901 г. и располагался на Кронверкском проспекте (Весь Ленинград на 1926 год: Адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., 1926. С. 194—195). Важный источник указан в воспоминаниях Т. Л. Никольской об А. Н. Егунове: «Егунов серьезно относился к осмеянному графу Д. Хвостову. К сожалению, осталась неопубликованной его статья, в которой сравнительно анализировались “Екатерингофское гуляние” Хвостова и “Народный дом” Заболоцкого. Совпадения в этих текстах были удивительные и говорили о знании Заболоцким поэмы Хвостова, повлиявшей на поэтику Заболоцкого обзирутского периода» (*Никольская Т. Л.* Авангард и окрестности. СПб., 2002. С. 263). Текст статьи не найден; Т. Л. Никольская допускает, что замысел так и остался нереализованным. Речь идет о большом стихотворении «Майское гулянье в Екатерингофе 1824 года», посвященном графу М. А. Милорадовичу (Полное собрание стихотворений Графа Хвостова. Том II: Стихотворения о разных предметах. СПб.: В Типографии Российской Императорской Академии, 1829. С. 122—139). Разбор: *Jekutsch U.* Die Stadt als «Volkshaus»: Das Petrograd-Leningrad der zwanziger Jahre mit den Augen Nikolaj Zaboločkijs // *Zeitschrift für Slawistik.* 2006. Bd. 51. H. 2. Berlin. S. 196—211. *Весь мир обоями оклеен...* — Уподобление мира пещере восходит к знаменитой метафоре из седьмой книги «Государства» Платона. См. об этом: *Вайскопф М. Я.* Две заметки о Заболоцком // Хармс—Авангард: Материалы международной научной конференции «Даниил Хармс: Авангард в действии и в отмирании. К 100-летию со дня рождения поэта. Белград, 2006. С. 425—434. *проходит Кронверкский в окошке* — Кронверкский проспект расположен на Петроградской стороне, огибает территорию Александровского парка. *Народный Дом — курятник радости, / амбар волшебного житья* — Возможно, полемически соотнесено со строками из стихотворения О. Э. Мандельштама «Люблю под сводами седья тишины...» (1921,

1922): «Соборы вечные Софии и Петра, / Амбары воздуха и света, / Зернохранилища вселенского добра / И риги Нового Завета». *в нем апельсины аккуратно лежат* — Ср. у Д. И. Хвостова: «А сбитенщик, спеша тайком, / Поет: *«иду гулять с умком»*, / Он провожается толпою, / Лимонов, апельсинов в ряд; / А там старинных лет наряд, / И кум целуется с кумою (*Хвостов Д. И. Указ. соч. С. 131*). *и ручку выбросила теплую / на приподнявшийся живот* — Ср. финал стихотворения В. Ф. Ходасевича «Ни жить, ни пить почти не стоит...» (1922): «Так, проводящая жизни скуку, / Любовно женщина кладет / Свою взволнованную руку / На грузно пухнувший живот». *Трамвай, шатаясь, чуть идет...* — Возможно, отсылка к стихотворению Н. С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (1919?) и снижение образа железной дороги, популярного в пропаганде 1920-х гг. благодаря метафоре из работы К. Маркса «Борьба классов во Франции 1848—1850»: «Революции — локомотив истории». См.: *Тименчик Р. Д. К символике трамвая в русской поэзии // Символ в системе культуры. Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 754: Труды по знаковым системам XXI. Тарту, 1987. С. 135—143.*

II. СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ 1918—1939 ГОДОВ

Купальская мелодия (С. 38) — Впервые в: *Дьяконов Л. В. Николай Заболоцкий в Уржуме: (Детские и юношеские годы поэта) // Вятка / Сост. Л. Хаустов. Киров, 1961. С. 62. Леонид Владимирович Дьяконов (1908—1995; псевдоним — Л. Анк) — двоюродный брат Заболоцкого по материнской линии; фольклорист, писатель, переводчик. Публикация по хранившемуся у Л. В. Дьяконова автографу: «Листок, вырванный из общей тетради. Странички пронумерованы. На лицевой стороне обозначено: 53 (стр.), на обратной — 54» (*Дьяконов Л. В. Вятские годы Николая Заболоцкого. Киров, 2003. С. 42*).*

«Ложатся на раны...» (С. 39) — Впервые в: *Дьяконов Л. В. Вятские годы Николая Заболоцкого. Киров, 2003. С. 42—43.*

«Гаснет далеко вечер лучистый...» (С. 39) — Впервые в: Там же. С. 43.

<Стихи из писем к М. И. Касьянову> (С. 40) — Михаил Иванович Касьянов (1902—1992), друг детства и ранней юности Заболоцкого. Врач, крупный специалист в области судебно-медицинской экспертизы и патологической анатомии. Соч.: *Касьянов М. И. Очерки судебно-медицинской гистологии. М., 1954; Он же. Судебно-медицинская экспертиза в случаях скоропостижной смерти. М., 1956; Он же. Осложнения при различных хирургических*

процедурах и их судебно-медицинское значение, М., 1963; *Он же*. О юности поэта // Кировская искра. Уржум, 1978. 6 мая; *Он же*. Венерологические поэмы / Подгот. текста, предисл., коммент. И. Лощилова. Madrid, 2010; *Он же*. Телега жизни. Гл. I / Подгот. текста и примеч. И. Лощилова // Герценка: Вятские записки. Вып. 19. Киров, 2011. С. 125—156. См. также: *Лощил И. Е.* «Саратовский эпизод» биографии Михаила Касьянова (1927—1932) и его отражение в стихах и прозе // НЭП в истории культуры: от центра к периферии: сб. статей. Саратов, 2010. С. 314—323; *Он же*. Материалы о Н. Заболоцком в домашнем архиве М. Касьянова // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М., 2012. С. 611—669. Публикация стихотворений М. И. Касьянова военного времени («Тетрадь, найденная в блиндаже») в: *Лощил И. Е.* Минус-прием: три иллюстрации // «Минус-прием»: Вопросы поэтики. Новосибирск, 2011. С. 117—124. Оригиналы писем Заболоцкого к Касьянову ныне хранятся в личном архиве его внучки, М. Н. Липатовой (Москва).

«Здорово, друг, от праздной лени...» (С. 40) — Впервые полностью в: *Лощил И. Е.* Поэмы Николая Заболоцкого: комментарий к утраченному // Текст — комментарий — интерпретация: Сб. статей. Новосибирск, 2008. С. 147—150. Строфы I—II, VIII—IX и XVII были напечатаны в мемуарном очерке: *Касьянов М. И.* О юности поэта // Во377. С. 40—41. *Шурма* — село Вятской губернии, где прошло детство М. И. Касьянова. *Что ты Борису написал...* — Вероятно, имеется в виду Борис Польшнер, общий уржумский друг Касьянова и Заболоцкого. *Лито* — Литературное объединение (*сокр.*). *О. Н. О.* — Отдел народного образования. *«Вифлеемское перепутье»* — несохранившаяся драматическая поэма Заболоцкого. *Меня, по книге Ломброзо...* — Имеются в виду идеи итальянского психиатра и криминалиста Чезаре Ломброзо (1835—1909), изложенные в книге «Гениальность и помешательство: Параллель между великими людьми и помешанными» (СПб., 1892). *Но быть Потемкиным, конечно...* — Григорий Александрович Потемкин-Таврический (1739—1791), светлейший князь, — крупный государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II.

Сизифово рождество (С. 44) — Впервые в: *Касьянов М.* О юности поэта // Во377. С. 41. Без заглавия: Мысль: Студенческий журнал Пед. Института имени А. И. Герцена. № 1. [Пг., 1921/1922]. Л. 7 (См. коммент. к статье «О сущности символизма»).

«В похоронном свисте революций...» (С. 44) — Впервые: *Заболоцкий Н. А. Избранные сочинения*. М., 1991 (Библиотека классики). С. 350.

«...Промерзшие кочки, бруснига...» (С. 45) — Впервые: СС2 II. С. 229.

«...Но день пройдет печален и высок...» (С. 45) — Впервые: Там же.

Небесная Севилья (С. 46) — Впервые: СС3 III. С. 306. Стихотворение было напечатано также в машинописном издании: Мысль: Студенческий журнал Пед. Института имени А. И. Герцена. № 1. [Пг., 1921/1922]. Л. 7. (См. коммент. к статье «О сущности символизма»). Сюжет стихотворения предположительно связан с первой частью «Путевых картин» («Путешествие по Гарцу», 1824—1826) Г. Гейне и его неоконченной поэмой «Бимини» (1870), в свою очередь восходящей к книге В. Ирвинга «Путешествия и открытия спутников Колумба» (1831).

Сердце-пустырь (С. 47) — Впервые в: *Грищинский К. К., Филиппов Г. В.* «Так они начинали...»: О студенческом журнале «Мысль», о Н. Брауне и Н. Заболоцком // З. 1978. № 11. С. 187. Источник: Мысль: Студенческий журнал Пед. Института имени А. И. Герцена. № 1. [Пг., 1921/1922]. Л. 6 (См. коммент. к статье «О сущности символизма»).

Описание Тамары (С. 48) — Впервые: ПССиП. С. 422—423. Посвящено Тамаре Александровне Мейер (Липавской; 1903—1982), с 1931 г. жене Л. С. Липавского.

«Ах, прекрасная Тамара...» (С. 49) — Впервые в: *Липавская Т.* Встречи с Николаем Алексеевичем и его друзьями // Во377. С. 48. «Шуточное стихотворение без интонации Николая Алексеевича, без выражения его лица, без его улыбки не звучит, но своей интонацией и манерой говорить Николай Алексеевич превращал его в обличение банальности. <...> При словах: “Где? Вот в этом месте! Тут!” — Николай Алексеевич с нарочито серьезным лицом с размаху ударял себя в грудь с левой стороны. Он знал этот стишок наизусть, ему он очень нравился, и некоторое время, при встречах, Николай Алексеевич говорил его вместо обычного приветствия, с тем же жестом и серьезным выражением лица, сквозь которое проскальзывала его улыбка — немножко искривлялся рот в левую сторону и сверкал золотой зуб.

Только тот, кто знал Николая Алексеевича и его серьезную манеру острить, мог бы полностью оценить юмор этого стихотворения» (Там же. С. 48—49).

Полезно ли человеку писать? (С. 50) — Впервые в: Там же. С. 47—48. Автограф, принадлежавший Т. А. Липавской, был возвращен в архив поэта.

Disciplina Clericalis (С. 51) — Впервые в: *Заболоцкая Е. В., Македонов А. В.* Стихи Николая Заболоцкого // ЛГ. 1969 № 4. 185. Название восходит к назидательной повести испанского писателя-марана Петра Альфонсы (до крещения Моше Сефарди) (ок. 1060 — после 1115) «Disciplina Clericalis» (русские варианты перевода: «Наставление клирику», «Наставление обучающемуся», «Духовное учение»; см.: *Альфонса П.* Наставление обучающемуся // Средневековая латинская новелла XIII века / Подгот. изд. С. В. Поляковой. Л., 1980. С. 308—331). Публикаторы интерпретировали удвоенное / как вероятную опisku и, выразив благодарность С. В. Поляковой за помощь в выборе варианта перевода для названия стихотворения («Духовный устав»), указывали, что «Заболоцкий не знал латинского языка, но название отразило какие-то разговоры или чтение поэта в то время» (С. 186). Разбор: *Лощилов И. Е.* О стихотворении Н. Заболоцкого «Disciplina clericalis» // Sub Rosa. In Honorem Lénae Szilárd. Köszöntő könyv Léna Szilárd tisztélete. Сборник в честь Лены Силард. Budapest, 2005. S. 423—432.

Дуэль (С. 53) — Впервые: ССЗ I. С. 376—377. Автограф был передан Т. А. Липавской А. В. Македонову, работавшему над книгой о Заболоцком. Источники (или источник) стихотворения остаются загадочными; упоминаемые в стихотворении имена и факты пока поддаются комментированию лишь по отдельности. Убедительная, но не единственная из возможных, интерпретация: *Шром Н. И.* К вопросу о генезисе русского постмодернизма («Столбцы» Н. А. Заболоцкого) // *Literatūra*. 38 (2). Вильнюс, 1998. С. 78—80. Согласно Н. И. Шром, «гейдельбергский малютка» — Л. Тик, а «чесменский капитан» — граф А. Г. Орлов в качестве персонажа оды В. И. Майкова (1771). *Он был обнаружен под Чесмой...* — Чесма — бухта в Черном море, где 24—26 июня (5—7 июля) 1770 г. произошло знаменитое морское сражение между русским и турецким флотами. *На рауты у Виссарьона...* — Виссарий Григорьевич Белинский (1811—1848) — русский литературный критик. Н. И. Шром объясняет появление Белинского его полемикой с критиком В. Н. Майковым (1823—1847), однофамильцем поэта В. И. Майкова (1728—1778), автора «Стихов на прибытие графа Алексея Григорьевича Орлова после Чесменского боя в Петербург» (Указ. соч.). *Другой* —

гейдельбергский малютка... — *Гейдельберг* — университетский город в Великом герцогстве Баден (Германия), центр гейдельбергской школы немецкого романтизма (А. фон Арним, К. Brentано, Й. фон Эйхендорф и А. фон Шамиссо). *Лазоревую незабудку...* — Имеется в виду *голубой цветок* из романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1802). *Новалис* (Фридрих фон Харденберг; 1772—1801), немецкий поэт и философ круга йенских романтиков. *В те ночи, когда Страдивариус...* — Страдивариус (Антонио Страдивари; 1644—1737) — знаменитый итальянский мастер струнных инструментов. *Скрипучую Вертера ночь...* — Имеется в виду роман И. В. Гёте «Страдания юного Вертера» (1774). *Роняя страницы, Смирдин.* — Александр Филиппович Смирдин (1795—1857) — известный русский книгопродавец и издатель.

Восстание (С. 55) — Впервые в: *Александров А. А.* Стихотворение Николая Заболоцкого «Восстание» // *Русская литература.* 1966. № 3. С. 192—193. Автограф был передан Т. А. Липавской в архив семьи Заболоцких. «Комедия города Петербурга» (1926—1927) — произведение Д. И. Хармса, высоко ценимое Заболоцким: «“Комедию города Петербурга” Николай назвал вершиной среди того, что создано Хармсом» (*Бахтерев И. В.* Когда мы были молодыми (Невыдуманный рассказ) // *Во377.* С. 78). «Уже незадолго до смерти Ник^олай^а Ал^ексееви^ч несколько раз говорил мне, что он собирается поехать в Ленинград, чтобы разыскать рукописи Хармса, в частности особенно ценимую им “Комедию города Санкт-Петербурга”» (*Степанов Н. Л.* Воспоминания о Н. Заболоцком // Там же. С. 93). Сохранился рукописный текст «Комедии...», датированный 28 февраля — 5 сентября 1927 г., с указанием: часть II. Возможно, однако, что это полный текст и других частей не существовало (см. *Хармс Д. И.* Авиация превращений / *Коммент.* В. И. Сажина. СПб., 2000. 561). *Трещал Колчак в паникадило...* — Александр Васильевич Колчак (1874—1920) — военный и политический деятель, адмирал. Один из вождей белого движения во время гражданской войны, Верховный Правитель России (1918—1920); океанограф. *Принц Вид, албанский губернатор...* — Вильгельм Фридрих Генрих цу Вид (1876—1945) — первый и единственный князь Албании (1914).

Дума (С. 58) — Впервые: *НМ.* 2013. № 6. С. 152—153. Автограф был найден И. И. Галеевым (Москва) среди бумаг художника Константина Ивановича Рождественского (1906—1997). На последней странице: 11.IX.26 Н. Заболоцкий. — Рождественскому в знак хорошей встречи. См. подробнее: *Лощилов И. Е., Галеев И. И.* Стихотворение Николая Заболоцкого «Дума»

(1926): текст и контексты // НМ. 2013. № 6. С. 153—159. и *Пушкину висела сверху...* — Имена Пушкина и Хлебникова сближены также в стихотворении «Вчера, о смерти размышляя» (1936). в *санях торжественных поедут...* — Отсылка к символике погребального обряда: «сидеть на санях» означает пребывать на границе жизни и смерти; ср. начало «Поучения» Владимира Мономаха (XII в.): «Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу...» (Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. Т. 1: XI—XII века. СПб., 1997. С. 457). *уж там вдали Святая Горка...* — Ряд образов, отсылающих к эпизодам дуэли, смерти и погребения А. С. Пушкина.

«я голого не пью и не люблю...» (С. 60) — Впервые в: *Эрль В. Вокруг Хармса // Транспонанс. 1984. № 11 (февраль-март). С. 100—101; То же // Эрль В. И. С кем вы, мастера той культуры? СПб., 2011. С. 31—32. Автограф: ОР РНБ. Ф. 1232 (Я. С. Друскин). Оп. 2. Ед. хр. 796. Л. 3 (об.).* Примыкает к автографу «Мои возражения А. И. Введенскому, авторитету бессмыслицы. Открытое письмо» (см. наст. изд., с. 517).

Лицо коня (С. 60) — Впервые: ТС. С. 309. *И конь стоит, как рыцарь на часах...* — Переключка с словами песни на стихи А. Ф. Мерзлякова (1778—1830) «Среди долины ровныя...» (1810): «Один, один, бедняжечка, / Как рекрут на часах!» (отмечено, наряду с другими песенными контекстами XVIII—XIX вв., В. В. Порецким).

Деревья (С. 61) — Впервые, под названием «В жилищах наших»: ДП. М., 1965. С. 249.

Баллада Жуковского (С. 63) — Впервые: ССЗ I. С. 381—382. В А28 датировано: март 1927.

«Пошли на вечер все друзья...» (С. 64) — Впервые: ССЗ I. С. 383—385. Стихотворение представляет собой экспромт, адресованный Д. И. Хармсу, написанный при этом от его лица. С октября 1926 г. по октябрь 1927 г. Заболоцкий служил в армии «краткосрочником» («одногодичником»), в части, расположенной на окраине Выборгской стороны. 12 марта 1927 г., получив увольнительную, он посетил квартиру Д. Хармса. Застав друга спящим, Заболоцкий не стал его будить и оставил записку с текстом экспромта, записанным в два столбца на сложенном вчетверо листе машинописного формата. Приписка на левом поле, наискосок: «Даня, жалко тебя будить — ты спишь с большим аппетитом. Я ухожу. Прощай. Видишь — что я тут наделал. Обрати внимание на стихотворный совет в рамке. Потом порви. НЗ». Части

1—5 занимают весь левый столбец, часть 6 — нижнюю половину правого. В верхней половине правого, в рамке — текст следующего стихотворения, называемого в приписке «стихотворным советом». Под ним, как и под левым столбцом, — стилизованные виньетки. На обороте, карандашом — наброски топографического плана и лица (анфас и в профиль) и пять прямоугольников. Надпись: [*Человек*] *Человек, который / умереть / не может.* Несмотря на просьбу автора, лист не был уничтожен и сохранился в архиве Т. А. Липавской, которая передала его семье Заболоцких во время подготовки к изданию ССЗ (I—III), вместе с листом, содержащим «расшифровку»: «“ТАМ” — Тамара Александровна Мейер / ТАМ (Мейер, моя девичья фамилия) / Данило и Данька — Д. Хармс / Сашка и Шурка — А. Введенский / Игорь — И. Бахтерев / Горфункель — по-видимому, > выдуманное лицо / Кепка — Кепи, небольшая собачка / Д. Хармса / Т. Липавская / 11/V.77 г.» *вон паровоз бежит под Ропшей — Ропша* — бывшая императорская резиденция: дворец (арх. Б. Ф. Растрелли), парк с прудами, бывшая писчебумажная фабрика; находится к югу от Петергофа и Ораниенбаума, в центре Ижорской возвышенности. Ныне поселок в Ломоносовском районе Ленинградской области. *какая чудная долина* — возможный отголосок строки «Зачем он шел долиной чудной слез...» из стихотворения К. Н. Батюшкова «Ты знаешь, что изрек...» («Изречение Мельхиседека», <1821?>). *вы все Горфункеля сыны* — Рождение в кругу друзей Заболоцкого вымышленного персонажа по фамилии *Горфункель*, согласно воспоминаниям И. В. Бахтерева, восходит к временам «Радикаса»: «Для меня, — говорил Заболоцкий, — Горфункель олицетворение главного закона искусства: путь из жизни к художественному образу и снова в жизнь, в быт» (Во377. С. 75—78). *Наутро там нашли три трупа* — отсылка к анонимной непристойной поэме второй половины XIX в. «Лука Мудищев», часто приписываемой И. С. Баркову. *воришка съедет на острог...* — возможный отголосок строк из стихотворения В. Ф. Ходасевича «Из окна» (1921): «Но настигнут вор нахальный...» и *все, о чем она тужила* — Ср. стих «и все, о чем она ни пела» из столбца «Красная Бавария» (1926). *усните, стрекулисты, это* — Устаревшее слово *стрекулист* имело два значения: 1) мелкий чиновник; 2) ловкач, пройдоха, жулик.

«Бросьте, бросьте, стрекулисты...» (С. 66) — Впервые в: *Введенский А. И.* Полн. собр. произведений: В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 178—179. Автограф скорописью. В. Н. Сажин отметил разные прочтения стиха «Шурка будет течь да течь» (ПССиП. С. 364—365), который при первой публикации был воспроизведен как «Шурка будет жечь да жечь» (*Сажин В. Н.* [Рец. на: ПССиП] // Новая русская книга: Критическое обозрение. 2002. № 2 (13). С. 17). См. коммент. к предыдущему стихотворению.

Поприцин (С. 67) — Впервые: ЛП. 1928. № 24 (3840), 28 янв. Литературное приложение № 2. С. 8. Разбор: *Лоцилов И. Е.* О стихотворении Николая Заболоцкого «Поприцин» // Текст и тексты: Межвуз. сб. науч. тр. / Ред. Т. И. Печерская. Новосибирск, 2010. С. 139—156.

Поход (С. 69) — Впервые: ЛП. 1927. № 259 (3776). 13 нояб. С. 3.

Нищие на рынке (С. 70) — Впервые: ПССиП. С. 604—606. Автограф: ОР ИРЛИ Ф. 172. № 518. Л. 1, 1 (об.), 2. Вместе с стихотворением «Закон простоты» автографы двух редакций были переданы в Кабинет современной литературы при Отделе словесных искусств Государственного института истории искусств, с припиской: «Начало декабря 1927 года. 12го декабря, через несколько дней после того, как была написана первая редакция, я набело переписал стихотворение, попутно сделав существенные поправки — см. 2-й вариант. В дальнейшем — в продолжение двух месяцев, размышляя о стихотворении, я мысленно внес несколько поправок и во 2-й вариант, где они теперь отмечены тушью. Н. Заболоцкий, 1 марта 1928 г.».

Бессмертие (С. 73) — Впервые под названием «На лестницах»: СиП. С. 215—216. Варианты названия: «Бессмертие» (см. коммент. к стихотворению «Метаморфозы»), «Сад пыток» (название романа Октава Мирбо (1899)). В архиве Д. Е. Максимова сохранился черновой автограф (ОР РНБ. Ф. 1136. № 52). *Монах! Ты висельником стал! — Висельник* — один из вариантов названия XII карты больших арканов таро (*Повешенный, Жертва духовная*).

Начало осени (С. 74) — Впервые: З. 1929. № 8. С. 109. *В его глазах — начатки знания...* — В 1910—1920-х гг. действовало Культурно-Просветительское Кооперативное Товарищество «Начатки знаний» (с 1919 г. в составе книготоргового объединения «Книгосоюз»).

Цирк (С. 75) — Впервые: З. 1929. № 2. С. 112—114. Рецензия: [*Без подписи*] Ученик Пушкина или акробат из «Звезды» // Комсомольская правда. 1929. № 248. 26 окт. С. 3. Парижский журнал «Сатирикон» перепечатал «Цирк» с ошибкой (или опечаткой) в написании фамилии автора (Н. Заблоцкий) и язвительным заголовком: «Вот именно, “молодая гвардия”». Анонимная редакторская преамбула: «В одном из “толстых” советских журналов напечатаны всерьез и не без внутреннего, надо полагать, восторга следующие стихи» (1931. № 16, 18 июля. С. 9). Гулливер (общий псевдоним В. Ф. Ходасевича и Н. Н. Берберовой) неоднократно цитировал стихотворение по разным поводам (впервые — до публикации в «Сатириконе»): *Гулливер*. Литературная

летопись // Возрождение — Vozrojdienie — La Renaissance (Париж). 1929. № 1416, 18 апр. С. 3; *Он же*. Литературная летопись: Зверинец // Возрождение. 1932. № 2697, 20 окт. С. 4; *Он же*. Литературная летопись: Поэты // Возрождение. 1933. № 2921, 1 июня. С. 4; *Он же*. Литературная летопись. Поэзия Н. Заболоцкого // Возрождение. 1933. № 2935, 15 июня. С. 4; *Он же*. Литературная летопись: О Заболоцком // Возрождение. 1933. № 3103, 30 нояб. С. 4.

Игра в снежки (С. 78) — Впервые: ЛП. № 11. 2 июня. Литературное приложение. С. 4.

Закон простоты (С. 80) — Впервые в: *Смирнов И. П.* Зачеркнутое стихотворение // Нева. 1973. № 5. С. 198. Карандашный автограф (перечеркнуто чернильной ручкой): ОР ИРЛИ Ф. 172. № 518. Л. 2 (об.). Стих «Вся прелесть и изнеможенье» использован в столбце «Обводный канал» (1928).

Руки (С. 81) — Впервые: ЛП. 1928. № 60 (3870). 10 марта. Литературное приложение № 5. С. 3.

Падение Петровой (С. 82) — Впервые: СС2 II. С. 27—31. Четыре стиха (*Красотка нежная Петрова ~ ее охватывало сразу.*) были неточно и без упоминания имени автора процитированы в повести Г. С. Гора «Факультет чудачков» (*Рахманов Л. Н., Гор Г. С.* Студенческие повести / Предисл. М. Л. Слонимского. М.; Л.: Молодая гвардия, 1931). Разбор: *Шром Н. И.* Чужое слово в антиавторском дискурсе: Пушкин и Заболоцкий // Пушкинский сборник: К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Вильнюс, 1999. С. 128—138. Предполагалось включение стихотворения, наряду с фрагментами из поэмы «Торжество Земледелия» и столбцом «Бессмертие», в несостоявшийся совместный сборник обэриутов и опоязовцев «Ванна Архимеда» (*Хармс Д. И.* Полн. собр. соч.: Записные книжки. Дневник: В 2 кн. Кн. 1. СПб., 2002. С. 321). И. М. Синельников вспоминал: «Другая принесенная мною книга, очень заинтересовавшая его, — “Неизданный Пушкин” (Собрание Отто-Онегина). Он обратил внимание на варианты “Графа Нулина”, где немало примеров переосмысления и отстранения привычных вещей. Вскоре он написал поэму “Падение Петровой”, в которой я узнавал применение тех же приемов» (ВоЗ84. С. 111). Имеется в виду издание: *Неизданный Пушкин: Собрание А. Ф. Онегина.* Пг.: Атенеи, 1922 (Труды Пушкинского Дома при Российской академии наук). *сказка любви дорогой...* — «Сказка любви дорогой» («Молчи, грусть, молчи...») — название популярного романа Б. В. Гродзкого на стихи А. А. Френкеля.

Мечты о женитьбе (С. 86) — Впервые: ССЗ I. С. 392. Согласно воспоминаниям И. М. Синельникова, стихотворение «привело в восторг Тынянова» (ВоЗ84. С. 111). В. К. Завалишин писал о влиянии на поэтику Заболоцкого раннего эссе В. В. Набокова, изданного в годы, когда еще не окончательно установился «железный занавес» (*Завалишин В. После Бунина // Новое русское слово. 1954. Vol. XLI. 25 апреля. Нью-Йорк. С. 8*). Если это справедливо, то возможный источник стихотворения — прозаическое описание Вл. Сириным (В. Набоковым) поэтики английского поэта Р. Брука (1887—1915): «Брук еще кое-как мирится с “причудливостью” человеческого тела, когда тело это молодо, стремительно, чисто, но что вызывает в поэте злобу и отвращение, это — дряблая старость с ее беззубым, слюнявым ртом, красными веками, поздней похотливостью... <...> Еще резче высказывается это отвращение к дряхлости в стихотворении “Ревность”, обращенном, вероятно, к новобрачной. В нем поэт так увлекается изображением грядущей старости розового, молодцеватого супруга, которого он уже видит и лысым, и жирным, и грязным, и Бог знает чем <...>» (*Сирин Вл. Руперт Брук // Грани: Литературный альманах / Под ред. А. Черного. Берлин. 1922. Кн. 1. С. 223—224*).

На даче (С. 87) — Впервые: СиП. С. 221—223.

Сохранение здоровья (С. 88) — Впервые: Чудак. 1929. № 22. С. 7. Стихотворение входило в состав самодельной машинописной книги «Столбцы [Второе издание]», экземпляр которой был подарен Заболоцким М. И. Касьянову в августе 1933 г. (ныне в личном архиве М. Н. Липатовой (Москва)); датировано: Февр. 1929. Авторизованная машинопись: РГАЛИ. Ф. 1334 (А. Е. Крученых). Оп. 1. Ед. хр. 1136. Л. 14—15. В верхнем левом углу, карандашом, наискосок: Чудак № 22. Елизавет.<инский> петит 3¼ кв. На л. 15, под текстом, чернилами: Н. Заболоцкий 1929 г. Ниже, карандашом: Должно войти в Столбцы. Н. Заболоцкий 1946. Машинописная копия с правкой сохранилась среди материалов, связанных с историей издания несостоявшейся книги (*Заболоцкий Н. А. Стихотворения 1926—1932 // Вступ. статья И. Виноградова. [Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933]*): «15.VII.33 Книга дополнена стихотворениями / “Сохранение здоровья” — 29 с. / “Падение Петровой” — 31 с. / “Мещане” — 36 / “Осенние приметы” — 54 / Н. Забол.<оцкий>» (ОР ИРЛИ. Ф. 630. № 69. Л. 76). Вариант четверостишия 12:

О, полезная природа,
исцели мои страданья<,>

дай частицу кислорода
для полезного вдыханья!

Рядом два зачеркнутых варианта:

Если человек дородный
грудь имеет словно бочку,
значит, воздух кислородный
вкруг него поставит точку.

Этот воздух кислородный
нам несет одно здоровье,
будешь телом ты дородный,
духом полный хладнокровья.

Под названием «Береги здоровье» (возможно, отсылающему к одноименному документальному фильму А. И. Медведкина о гигиене красноармейцев 1929 г.), с изъятием стихов 5—8 (*Если, в случае мороза... ~ дым, дыханием колышим*), без пробелов между четверостишиями и с подзаголовком: Час советской эстрады ВЦСПС, 22 авг., 13 часов: Радиослушатель. 1930. № 23/24. С. 13. Еще одно отличие: стих 21 (В нем частицы все сваялись) читается здесь: В нем частицы две сваялись. Рецензия (в рубрике «Свисток»): Дубицкий С. Береги здоровье, но берегись Заболоцкого // Литературная газета. 1930. № 43 (80), 24 сент. С. 2.

Прогулка на лыжах (С. 90) — Впервые, с рисунками Н. Э. Радлова: Ленинградский динамовец. 1931. № 6. С. 11. Содержит переключки и даже пересечения с текстом «Сохранения здоровья», но является самостоятельным стихотворением, с другой композицией, другими смысловыми и поэтическими акцентами. В 1933 г. печаталось дважды, в разных редакциях, одна из которых была адаптирована для детского журнала (Еж. 1933. № 2/3. С. 34):

ПРОГУЛКА НА ЛЫЖАХ

Если серый ты, как тряпка,
И скребут на сердце мыши,
Надевай скорее шапку,
Вынимай скорее лыжи.

Прямо с горки.
По оврагу.
Чуть не воя.
Чуть не плача,

Прямо с горки по сугробам,
Если хочешь быть здоровым.
Ты лети, лети по снегу,
Словно пташка из-под ели.
Лыжи вылечат калеку

В самом деле,
В самом деле.

Почему Егорка Галкин
Не имеет аппетита,
Руки тощие как палки,
Животишко как корыто?
Он ни щей не ест, ни каши.
По ночам ревет спросонок.
Не играет и не пляшет,
И скулит, как поросенок.
Потому Егорка плачет,
Не имея хладнокровья,
Что здоровье много значит,
У него же — нет здоровья.

Надевай, Егорка, лыжи.
Вынимай свою фуфайку
Да с пригорка.
Словно с крыши.

Начинай-ка,
Начинай-ка.

Почему у нашей Тани
То припадки, то мигрени,
Ходит Таня как в тумане
По второй своей ступени.
Чуть немного почитает —

Полстраницы и не боле, —
Целый день потом страдает
И лекарство пьет от боли.
Потому плоха девица
И мигренями страдает,
Что на воздух не стремится,
Не играет, не гуляет.

Надевай, Татьяна, лыжи,
Вынимай свою фуфайку,
Да с пригорка,
Словно с крыши,

Начинай-ка,
Начинай-ка.

Кто б ты ни был, мой читатель.
Но когда на сердце скука,
Помни: лыжи — твой приятель,
Шапка — верная подруга.

Ну-ка с горки,
По оврагу
Побежали,
Полетели.

Лыжи вылечат беднягу

В самом деле.
В самом деле.

По второй своей ступени... — Школой второй ступени в 1923—1934 гг. назывались 5—9 классы общеобразовательной школы. Еще одно тематически связанное короткое стихотворения для детей: Я. М. [Яков Миллер = Н. А. Заболоцкий] На лыжах // Чиж. 1931. № 12. С. 12. «Прогулка на лыжах» была напечатана также в газете, без пробелов между строфоидами и с разночтениями: Красная газета. 1933. 10 апр. (вечер. вып.). Разночтения: Стихи 9—10 (*Прямо с горки по сугробам, / Если хочешь быть здоровым.*):

Ты лети, лети, бедняга,
Ноги фертом раскоряча,

Стихи 34—37 (*Почему у нашей Тани ~ По второй своей ступени.*):

Почему у нас Тамара
Вид имеет вроде стула,
Загребает ножкой вправо,
А сама весьма сутула?

Стихи 43—46 (*И мигренями страдает, ~ Надевай, Татьяна, лыжи.*):

И на стул весьма похожа,
Что на воздух не стремится,
Чтобы вся дышала кожа.
Надевай, Тамара, лыжи,

Предсказание погоды (С. 92) — Впервые: Чудак. 1929. № 34. С. 5. Иронический парафраз на тему стихотворения А. С. Пушкина «Приметы» (1821); см. коммент. к стихотворению «Царица мух».

Прогулка (С. 94) — Впервые: ЛС. 1937. № 3. С. 114. Автограф, озаглавленный «Начало мысли»: ОР ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 109. № 369. Текст извлечен автором из «Ночных бесед», где он является хоровой репликой *деревьев*, отвечающих на вопрос *камня*. И. М. Зданевич (Ильзэд) в автобиографическом тексте, озаглавленном «Из-за Заболоцкого» назвал вошедшие в подборку (ЛС. 1937. № 3. С. 114–124) и прочитанные им в Париже в 1940 г. стихи «лучшими русскими стихами последних двадцати лет»; см.: *Ильзэд. Поэтические книги 1940–1971 / Подгот. текста Р. Гейро и С. Кудрявцева, предисл. и коммент. Р. Гейро, общ. ред. С. Кудрявцева. М., 2014. С. 224–228.*

Змеи (С. 95) — Впервые: ТС. С. 310. Разбор: *Филиппов Г. В.* Стихотворение Н. Заболоцкого «Змеи»: Пространственно-временные аспекты // *Лирическое стихотворение: Анализ и разборы / Отв. ред. Ю. Н. Чумаков. Л., 1974. С. 94—98.*

Искушение (С. 96) — Впервые: СиП. С. 231—233. Машинопись другой, более пространной (в двух частях) редакции, авторизованная Заболоцким в 1956 г., хранилась у поэта, прозаика и переводчика Андрея Яков-

левича Сергеева (1933—1998). Разночтения впервые были опубликованы по копии, сделанной Н. Н. Заболоцким: СС2 I. С. 373—374. После смерти А. Я. Сергеева обнаружить оригинал в его личном архиве не удалось. Название стихотворения совпадает с названием стихотворения Д. И. Хармса 1927 г. и восходит, вероятно, к названию VI карты больших арканов таро. Персонифицированный Смех восходит к важной для обэриутов фигуре Момуса (Мома), бога насмешки у древних греков, и к более близкому источнику — к свержповести В. Хлебникова «Зангези»; см.: *Лоцилов И. Е.* Плоскость свержповести Велимира Хлебникова «Зангези» («Горе и смех») и ее «развитие» у поэтов ОБЭРИУ (1927—1929) // Велимир Хлебников, будетлянский поэт. Velimir Khlebnikov: poète futurien. Modernités russes 8. Lyon, 2008. С. 407—435. Разбор см.: *Ростовцева И. И.* Николай Заболоцкий: Опыт художественного познания. М., 1984 (Литературные портреты). С. 74—76. *Расстегни свои булавки...* — отсылка к стихотворению Ф. К. Сологуба «Расстегни свои застёжки и завязки развяжи...» из цикла «Багряный пир зари» (1908) и отчасти к строке «Скинь рубашку с полуплеч» из «Зангези» В. Хлебникова, вошедшей в переименованном виде и в стихотворение Хармса («Скинь рубашку с голых плеч»).

Меркнут знаки Зодиака (С. 100) — Впервые: З. 1933. № 2—3. С. 78—79. В письме к будущей жене от 29 октября 1929 г. содержится важный автокомментарий: «Вот тебе последние стихи. Почитай от скуки. За них меня похваляют — как ты найдешь? Первые два куска читать монотонно, как бы в полусне. Следующие два кусочка — о Разуме — с чувством, с подъемом, чуть-чуть риторично. А последний кусочек — опять монотонно-монотонно — тут успокоение, примирение, убаюкиванье, засыпанье больного человека. Может быть, эти стишки и тебе к настроению придутся» (ЖНЗ. С. 172—173). Подробный анализ представлен в работе: *Жолковский А. К.* Загадки «Знаков Зодиака» // НЗРсС. С. 867—910. Сокращенная версия: З. 2010. № 10. С. 219—230.

Обед (С. 102) — Впервые: ЛП. 1928. № 93 (3899). 21 апр. Литературное приложение № 8. С. 6 (без последних 8 стихов).

Ночные беседы (С. 103) — Впервые: *Заболоцкий Н. А.* Ночные беседы / Публ., подгот. текста и вступ. заметка С. Лурье // З. 2003. № 5. С. 58—64. См.: *Заболоцкий Н. Н.* К истории создания поэмы Н. А. Заболоцкого «Торжество Земледедея» // ИТПБкСМ. С. 9—26.

Искусство (С. 115) — Впервые: ТС. С. 310.

Вопросы к морю (С. 117) — Впервые: ЛГ. 1962. № 6. С. 44. *Деве розовые ленты / В виде опыта дарить...* — Ср. в стихотворении А. К. Толстого «Мудрость жизни» (1870-е гг.): «Не давай, подлец, быка им / В виде опыта доить».

Самовар (С. 117) — Впервые: СиП. С. 221. Стихотворение связано с участием Заболоцкого в работе над фильмом Ленинградской фабрики Совкино о борьбе с «мещанским бытом»; возможно, это был фильм Г. М. Козинцева «Одна» (1931); см.: *Козинцев Г. М. Собр. соч.*: В 5 т. Т. 5. Л., 1982. С. 192—195.

Человек в воде (С. 118) — Впервые: СиП. С. 246—247.

Звезды, розы и квадраты (С. 119) — Впервые: СиП. С. 247. *Звезды, розы и квадраты* — варианты названия карточных мастей в гадальном обиходе.

Царица мух (С. 120) — Впервые: ТС. С. 310. В бумагах Н. А. Заболоцкого сохранилась следующая запись, относящаяся к этому стихотворению: «Знаменитый Агриппа Ноттенгеймский царицей мух называет какую-то таинственную муху, величиной с крупного шмеля, которая “любит садиться на водяное растение, называемое *Fluteau plantagine*, и с помощью которой индусы якобы отыскивают клады на своей родине». «Когда вы будете иметь в своем распоряжении одну из таких мух, — пишет Агриппа, — посадите ее в прозрачный ящичек. Ее помещение надо освежать два раза в день и давать ей растение, на котором ее поймали. Она может жить при таких условиях почти месяц. Чтобы узнать направление скрытых на известной глубине сокровищ, надо, чтобы стояла хорошо установившаяся погода. Тогда, взяв ящичек с мухой, отправляйтесь в путь, постоянно посматривая и подмечая ее движения. Когда вы будете находиться над местом, содержащим золото или серебро, муха замахает крыльями, и чем ближе вы будете, тем сильнее будут ее движения. Если в недрах сокрыты драгоценные камни, вы заметите содрогания в лапках и усиках. В том же случае, если там находятся лишь неблагородные металлы, как медь, железо, свинец и пр., муха будет ходить спокойно, но чем быстрее, тем ближе к поверхности они находятся”. Нечто похожее на это курьезное предание я слышал и в русских деревнях». Источник выписки: *Панюс. Практическая магия* (Черная и Белая): В 3 т. / Пер. А. В. Трояновского. Т. III. Деревенская магия. СПб., 1913. С. 259—260. Впервые указан в: *Никитаев А. Т. Тайнопись Даниила Хармса: Опыт дешифровки // Даугава. 1989. № 8. С. 99. Разборы: Masing-Delic I. Zablockij's Occult Poem «Carica muh» // Svantevit. Dansk tidsskrift for slavistik. 1977. Årg. 3. Nr. 2. Århus. P. 21—38; Лощилев И. Е. «Царица мух» Николая Заболоцкого: Буква, Имя и Текст // СПИСП. С. 86—104.*

На груди пентакль чудесный... — Пентаклями, или пантаклями, назывались в оккультной литературе сложные графические знаки-талисманы, содержащие астрологические данные, подписи ангелов и духов стихий, геометрические символы и буквы; форма пентакль содержит также намек на образ пентаграммы и пятиконечной звезды. *Сирота, чудесный житель / Удаленных бедных мест...* — Стихи перекликаются с началом песни на слова М. В. Зубовой (Римской-Корсаковой; 1749?—1799) «Я в пустыню удаляюсь / От прекрасных здешних мест...» (1791). *знаешь слово Элоим...* — *Элоим* — одно из имен Бога в ветхозаветной традиции. *За приметамы следи...* — отсылка к стихотворению А. С. Пушкина «Приметы» («Старайся наблюдать различные приметы...»; 1821). *Кто-то стонет, кто-то плачет...* — Инверсированная цитата из стихотворения К. Д. Бальмонта «Морозные узоры» (1895), где есть строчка «Кто-то плачет, кто-то стонет».

Подводный город (С. 121) — Впервые: Сип. С. 249—250. Миф об Атлантиде восходит к диалогам Платона «Тимей» и «Критий». Упоминание Чимальпопки (вождя текочек, одного из ацтекских племен) указывает на знакомство поэта и с более современным источником: *Дэвинь Р.* Атлантида, исчезнувший материк / Пер. с фр. и вступ. статья Н. О. Лернера. М.; Л., 1926. См.: *Игошева Т. В.* Об одном неучтенном источнике стихотворения Н. А. Заболоцкого «Подводный город» // ВСЛСП. С. 82—89. Название отсылает к одноименному стихотворению М. А. Дмитриева (1847), где подразумевается гибель Петербурга. «Подводный город», «Человек в воде» и «Вопросы к морю» были написаны летом 1930 г., когда Заболоцкий с женой жили в Феодосии. *В страшном блеске орихалка...* — Орихалк — легендарный металл (или сплав), испускавший «огнистое блистание», которым, согласно Платону, жители Атлантиды отделали храм Посейдона («Критий»).

Отдых (С. 122) — Впервые: ВК. С. 5—6. В Ст26—32 — в значительно отличающейся редакции. Имена персонажей неоднократно менялись. *бродит тетя Мультатули...* — Мультатули (букв. «многострадальный») — литературный псевдоним, под которым был известен голландский писатель Эдуард Доус Декер (1820—1887). В правке к Ст26—32 — *тетя Мариули*, что отсылает к поэме А. С. Пушкина «Цыганы» (1824) и, возможно, к интерпретации имени цыганки Мариулы в статье Вяч. Иванова «К проблеме звукообраза у Пушкина» (1925). *Дремлет дядя Тыкавылка...* — Происхождение имени, вероятно, связано с фигурой ненецкого художника и литератора Тыко Вылки (Ильи Константиновича Вылки; 1886—1960). В правке к Ст26—32 имя зачеркнуто, вместо него вписано: дядя *Полбутылка*. Окончательный вариант: дядя Волохатый (см. наст. изд., с. 460).

Испытание воли (С. 123) — Впервые: Сип. С. 240—241. Возможными прототипами персонажей являются сам поэт (Корнеев) и Е. Л. Шварц (Агафонов); по другой версии — Н. К. Чуковский и К. К. Вагинов.

Дождь (С. 126) — Впервые: Сип. С. 242—243. Вариант названия: «Поэма дождя» (см. наст. изд., с. 456).

Школа Жуков (С. 128) — Впервые: Сип. С. 250—253. «Перед тем как писать “Школу Жуков”, в комнате на Большой Пушкарской он доставал из-под кровати деревянный сундучок с коллекцией отполированных кусочков древесины различных пород деревьев, всматривался в рисунок древесных волокон и пытался угадать в нем смысл этой растительной тайнописи. В извилинах годичных колец клена ему чудился морской прибор, в древесине чинара он видел прообраз ткацкого искусства, ясеня — фигуры облаков» (ЖНЗ. С. 216). *Дерево моя похоже на мед...* — Деревя моя не существует. Словом *моя* называлась вымершая бескилевая птица, обитавшая в Новой Зеландии и истребленная человеком в конце XVIII столетия. Упоминается в повести В. Хлебникова «Ка» (1915). *Вот что нарисуем мы / На наших картинах...* — В юбилейном октябрьском стихотворении для детей есть строки: «Вот что кладем мы / В великий фундамент / Нашей Советской страны...» (Миллер Я. [Заболоцкий Н. А.] XIV Октябрь / Рис. В. Тамби // Еж. 1931. № 21. С. 6; То же // Большевицкая смена: Журнал-учебник для 4 группы. 1931. № 2. С. 1—3).

Битва Слонов (С. 132) — Впервые: ЛГ. 1962. № 6. С. 44—45. Военные метафоры поэзии в русской литературной традиции (у Маяковского, Мандельштама и многих других) восходят к поэме Пушкина «Домик в Коломне» (1830). Роль подсознания в творческом процессе — одна из проблем, актуальных в ранней советской литературе в связи с популярным (особенно в первой половине 1920-х гг.) психоанализом. В стихотворении слышны отголоски стихотворения Н. А. Морозова «Числа», где развернута военная метафора математических действий. *словно исполинские малютки...* — Строка напоминает о слонах из поэмы В. Хлебникова «Зверинец» (1909, 1911). *ест пироги и запивает чаем...* — Возможно, ассоциативная связь *слона* и *чая* восходит к словесной игре в кругу друзей Заболоцкого: «Олейников пристально рассматривал хорошо ему известный рисунок Заболоцкого, висевший на стене: изображение бегущего слона. Заболоцкий недурно рисовал, его учителем, кратковременным правда, был сам Филонов. Олейников: — Я знаю, как называется ваш рисунок, Николаем Алексеевич. “Чаяние”! — Но Заболоцкий даже не улыбнулся» (Харджиев Н. И. О Хармсе / Публ. М. Б. Мейлаха // Studi e scritti in memoria di Marzio Marzaduri a cura

di Giovanni Pagani-Cesa e Ol'ga Obuchova. Padova, CLEUP, 2002 [Eurasistica: Quaderni del Dipartimento di Studi Eurasiatrici Università degli Studi Ca' Foscari di Venezia. 66]. P. 49)». Упомянутый рисунок не сохранился.

Детство Лутони (С. 134) — Впервые: ДП. 1969. С. 259—260. Стихотворение включалось Заболоцким в Своды с 1936 по 1948 год. Имя персонажа напоминает о пьесе В. С. Курочкина «Принц Лутоня (Кукольная комедия)» (между 1872 и 1880 г.; переделка пьесы французского писателя Марка Монье «Le roi Babolein»). Разбор: *Loščilov I.* «Чудный город Ленинград» Николая Заболоцкого // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. XIII: «Петербургский текст» в русской литературе. Helsinki, 1996. С. 154—168. *Царь танцует как дитя...* — перекликается с песней Балалаечника из сохранившейся части «Комедии города Петербурга» Д. И. Хармса. *Мы Захарку запоем...* — Детская народная игра «Захарка» описана в книге, упоминаемой в стихотворении Хлебникова «Ночь в Галиции» (1913): Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым: [В 2 т.] СПб., 1841. Т. 1. С. 79. *Разогните пальцы мне...* — Отсылка к повести Н. В. Гоголя «Вий» (1835): «Подымите мне веки: не вижу!»

Ксении (С. 137) — Самодельная книжка «Ксении» была подарена Генриетте Давыдовне Левитиной (Левитиной-Домбровской; 1903—1961), секретарю редакций детских журналов «Еж» и «Чиж», знаменитой «Груне» — адресату многочисленных шуточных стихотворных посланий поэтов круга Заболоцкого. Книжка включает три рисунка, сделанных П. И. Соколовым, и увенчана карандашной записью: *П. И. Соколов рисовал в пивной 21 марта 1931 г.* В 1957 г. Левитина посетила Заболоцкого в Москве, и книжка вернулась в архив поэта. Полная публикация и факсимиле всех страниц: Петр Иванович Соколов (1892—1937): Материалы к биографии. Живопись. Графика. Сценография / Сост. И. И. Галеев. М., 2013. С. 129—137. *Ксении* — термин античной поэтики, миниатюра в стихах юмористического, комплиментарного или похвального содержания, обращенная к какому-либо лицу. В античности термин связан в первую очередь с именем Марциала, в Новое время ксении писали И. В. Гёте, Ф. Шиллер, К. Иммерман, Г. Гейне. См. подробнее: *Лощилев И. Е.* Петр Соколов и Николай Заболоцкий // Там же. С. 138—146.

Неправильное богатство (С. 137) — Впервые: Шуточные стихотворения Н. Заболоцкого / Вступ. заметка и публикация Е. В. и Н. Н. Заболоцких // Вопросы литературы. 1978. № 9. С. 295.

Что такое стишки (С. 137) — Впервые: Там же.

Бесполезная ученость (С. 138) — Впервые: ССЗ I. С. 454.

Уединение философа (С. 138) — Впервые: Там же. С. 455.

Раздражение против В. (С. 138) — Впервые: Шуточные стихотворения Н. Заболоцкого // Вопросы литературы. 1978. № 9. С. 295. Под названием «Раздражение против Введенского» текст был переписан автором среди редакционных экспромтов (см. коммент. к циклу <Стишки>).

Болезнь философа (С. 138) — Впервые в: Петр Иванович Соколов. (1892—1937): Материалы к биографии. Живопись. Графика. Сценография. М., 2013. С. 133. В рукописи зачеркнуто.

Наставление (С. 138) — Впервые в: Там же. В рукописи зачеркнуто.

Неудачная прогулка (С. 139) — Впервые: Шуточные стихотворения Н. Заболоцкого // Вопросы литературы. 1978. № 9. С. 295.

Сила женщины (С. 139) — Впервые в: Петр Иванович Соколов (1892—1937): Материалы к биографии. Живопись. Графика. Сценография. М., 2013. С. 134. В рукописи зачеркнуто.

Гибель священника (С. 139) — Впервые: ПССиП. С. 432.

Апполон и Жу-Жу (С. 139) — Впервые: Там же.

<Стишки> (С. 140) — Полностью публикуются впервые. Ветхий карандашный автограф ленинградского периода, где рукой Заболоцкого в два столбика переписаны редакционные экспромты и эпиграммы, в 1957 г. был возвращен Заболоцкому Г. Д. Левитиной.

Отвращение к богеме (С. 140) — Впервые: *Заболоцкий Н. А.* Красота Груни / Вступ. статья и публ. Е. В. и Н. Н. Заболоцких // ДП. М., 1982. С. 169.

Надпись на девке (С. 140) — Впервые: ПССиП. С. 438.

На получение зарплаты (С. 140) — Впервые: ССЗ I. С. 456.

Покупка жене шубы (С. 140) — Впервые: *Заболоцкий Н. А.* Красота Груни / Вступ. статья и публ. Е. В. и Н. Н. Заболоцких // ДП. М., 1982. С. 169.

Улетание Олейникова от нас (С. 141) — Впервые: Там же.

Польза от молитвы (С. 141) — Впервые: Там же.

На расстояние между мной и Шварцем (С. 141) — Впервые: Там же. Евгений Львович Шварц (1896—1958) — писатель, драматург.

Воспоминание о бане (С. 141) — Впервые: ССЗ I. С. 457.

Раздражение против Введенского (С. 141) — Впервые (среди «Ксений» под названием «Раздражение против В.»): Шуточные стихотворения Н. Заболоцкого // Вопросы литературы. 1978. № 9. С. 295.

Красота Груни (С. 142) — Впервые: *Заболоцкий Н. А.* Красота Груни // ДП. М., 1982. С. 169. *Груней* в редакционном обиходе называли Генриетту Давыдовну Левитину (Левитину-Домбровскую; 1903—1961), секретаря редакций детских журналов «Еж» и «Чиж».

Минута слабости (С. 142) — Впервые: Там же.

Безумное решение (С. 142) — Впервые: Там же.

Раскаянье в необдуманном решении (С. 142) — Впервые: Там же.

Возвращение к полезной жизни (С. 142) — Публикуется впервые.

Врастание в быт (С. 143) — Впервые в: *Заболоцкий Н. Н.* Жизнь Н. А. Заболоцкого. М., 1998. С. 223. Валерий Павлович Друзин (1903—1980) — рапповский критик, литературовед; автор злой рецензии на «Столбцы» (Красная газета. 1929. № 86 (2114). 6 апр. (вечер. вып.). С. 4); Юрий Николаевич Либединский (1898—1959) — писатель, критик, был одним из руководителей РАППа. Н. Н. Заболоцкий пишет: «С тревогой и волнением ждал Заболоцкий приема во Всероссийский Союз писателей. После всего того, что написали о нем в газетах и журналах, могли и отказать в приеме, но все-таки приня-

ли, и 5 января 1932 года Николай Алексеевич получил членский билет Всероссийского Союза писателей, а после создания в том же году единого СП СССР стал его членом. Особенно забавляло Заболоцкого, что он оказался в одной организации с бывшими рапповцами <...> Николай Алексеевич не мог забыть, как на одном из литературных вечеров после того, как он выступил с чтением стихов, поднялся Друзин и стал его поучать, как и что нужно писать. Сочтя слова Друзина оскорбительными, Николай Алексеевич взял висевшее тут же пальто и пошел к выходу. А Друзин, указывая пальцем на пробиравшегося к двери поэта, злорадно воскликнул: — И вот смотрите — Заболоцкий уходит, уходит, уходит из советской литературы! Поэтому-то Николай Алексеевич иронически назвал Друзина “мой наставник”. Что касается Либединского, то он относился к тем литературным деятелям, которым поэзия Заболоцкого нравилась, но писать об этом они по их положению не могли или не хотели. Впрочем, на одном из московских литературных вечеров Либединский говорил о стихах Заболоцкого вполне уважительно» (ЖНЗ. С. 249).

Вопрос Левину (С. 143) — Впервые: ССЗ I. С. 459. *Генрих Зиновьевич Левин* (1903—1971) — художник, сотрудник и художественный редактор журналов «Еж» и «Чиж». Рассказывал Н. Н. Заболоцкому, что у него была «клеенчатая тетрадь, куда он записывал стихотворные экспромты Н. Заболоцкого. К сожалению, тетрадь пропала в блокадном Ленинграде» (ССЗ I. С. 641).

Прыткость девиц (С. 143) — Публикуется впервые. *Эся* — с большой вероятностью, имеется в виду Эстер Соломоновна Паперная (1901—1987) — поэт, переводчик; работала редактором в детском секторе Госиздата.

Торжество Земледелия. Поэма (С. 143) — Впервые полностью: З. 1933. № 2—3. С. 81—99. В архиве поэта сохранился листок с карандашной записью, воссоздающей хронологию завершения глав, наряду с датами важных событий в жизни автора 1933—1932 гг.:

Статья в *Правде* июль 33 г.
Пролог
1 гл. — 13 февр<аля> 1929 г.
2 гл. — 3 марта 1929
3 гл. — 17 февр<аля> 1930

4 гл. — 29 сент<ября> 1929

5 гл. — 1—3 марта 1930

6 гл. — март—апр<ель> 1930

7 гл.

и Пролог — в самом нач. 1929 г.

эти стих. нап. в *Звезде* за 1929 № 10

Ушел из Гиза — июнь 1932

Замысел поэмы «Торжество Земледелия» восходит к работе над «Ночными беседами»: тексты первой и второй «Бесед» лежат в основе первой и второй глав поэмы. Хронология создания поэмы сложным образом пересекается с хронологией установочных документов власти, определявших порядок мероприятий по «коллективизации сельского хозяйства»: статьи И. В. Сталина «Год великого перелома: К XII годовщине Октября», с обоснованием необходимости форсирования темпов коллективизации, опубликованная в газете «Правда» 7 ноября 1929 г., и «Головокружение от успехов», где речь идет уже о «перегибах на местах» (2 марта 1930 г.), а также постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г., которое регламентировало сроки завершения коллективизации («осенью 1931 года или во всяком случае весной 1932 года») и было воспринято на первых порах как «шаг назад», к «отступлению», постановление от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийными в колхозном строительстве». Название напоминает о двух текстах, созданных в XIX в.: о книге Т. М. Бондарева «Торжество земледельца, или Трудолюбие и тунеядство» (другие варианты названия: «Трудолюбие, или Торжество земледельца», «О трудолюбии и тунеядстве») и о поэме В. С. Печерина «Pot-pourri, или Чего хочешь, того просишь (Торжество смерти)». Официальная советская литературная критика обрушила на поэму в 1929—1934 гг. шквал «разгромных» публикаций, где она квалифицировалась как «юродская», «формалистическая» и «враждебная колхозному движению», «кулацкая»: [Без подписи] Звезда эстетизма // Комсомольская правда. 1929. 30 ноября; Горелов А. Распад сознания // Стройка. 1930. № 1. С. 16; Ермилов В. Юродствующая поэзия и поэзия миллионов // Правда. 1933. № 199. С. 4; Тарасенков А. Похвала Заболоцкому // Красная новь. 1933. № 9. С. 177—181. Бескин О. О поэзии Заболоцкого, о жизни и о скворешниках // Литературная газета. 1933. № 32 (260). 11 июля. С. 2; Фадеев А. Некоторые вопросы современного литературного движения (Из доклада на Бауманском партактиве) // Литературный критик. 1933. № 4. С. 3—11. Усиевич Е. Под маской юродства // Литературный критик. 1933, № 4. С. 78—91; Она же. Классовая борьба в ли-

тературе // Литературный критик. 1934. № 1. С. 13—28. *Она же*. Новые формы классовой борьбы в литературе // Советская литература на новом этапе. М.; Л., 1934. С. 25—27; *Витенсон М.* О «правде жизни», о классовой борьбе в литературе и задачах критики // Звезда. 1934. № 2. С. 166—172. Полную библиографию прижизненных откликов на поэму в советской прессе см.: РСПП. С. 244—245. Пародийные и пасквильные стихотворные отклики на «Торжество Земледелия» (иногда без упоминания фамилии Заболоцкого) появлялись в советской прессе вплоть до 1936 г. См., например: *Голодный М.* Поэту юридивых // Красная новь. 1933. Кн. 9 (сентябрь). С. 85—86; *Швецов С.* На «философскую» лирику: Посвящается молодым поэтам // Комсомольская правда. 1936. № 172 (3458). 27 июля. С. 3.

Пролог (С. 143) — Впервые: З. 1929. № 10. С. 54—56. В архиве Л. Ю. Брик и В. А. Катаняна сохранилась машинопись, где «Пролог» оформлен в виде отдельного стихотворения; текст озаглавлен «На тему природа für sich», датирован сентябрем 1928 г. и подписан: «Заболоцкий» (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 1419. Л. 1). «Für sich» («для себя») — термин немецкой классической философии, восходящий к «Критикам» Иммануила Канта (1724—1804), где «вещь для себя» («ding für sich») и «вещь в себе» («ding an sich») противопоставлены «вещи для нас» («ding für uns»). *Убыток / Дают трехпольные труды...* — А. А. Кобринский указывает на использование новации поэта-имажиниста и сотрудника Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов Григория Бенедиктовича Шмерельсона (1901—1943), смело вводившего в поэзию сельскохозяйственную терминологию. Ср. финал стихотворения «Леса! Тягучие леса!..» (1921): «Нет! Не идти в столетье давнее / С бегущими животными из Брэма. / Россия! Как тебя изранила / Смердящая трехпольная система!» (*Шмерельсон Г.* Стихи. Пг., 1922; цит. по: *Кобринский А. А.* Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда: В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 51).

1. Беседа о душе (С. 144) — *Да, это правда. Дух животный...* — Представление о «животном духе» восходит не только к народной «низшей демонологии», но и к распространенным в оккультной литературе представлениям об «астросоме» — «астральном теле», жизнь которого продолжается после физической смерти человека. Г. Н. Ермоленко указывает на связь с поэмой Тита Лукреция Кара «О природе вещей», где также обсуждается вопрос о реальности призраков: *Ермоленко Г. Н.* Поэмы Н. Заболоцкого 1920—1930-х годов и древне-

римская философская поэзия // СПиСП. С. 129—130). *Прости, что я тебя прервал...* — параллель к этим строкам содержится в большом стихотворении А. И. Введенского «Четыре описания» (<1931—1934>), написанном в жанре «разговора в царстве мертвых».

2. Страдания животных (С. 148) — *Доски Судьбы* — итоговое сочинение Велимира Хлебникова, в котором поэт обосновывает новое понимание процессов, происходящих в природе и в истории: *Хлебников В.* Отрывок из досок судьбы. Обл. А. Борисова. [Лист I]: 1922 [Май]. С. 1—16; Лист 2: 1922 [Дек.?]. С. 17—34 [М.: Госиздат]; Типография при фабрике «Свобода» треста «Жиркость». Лист 3: 1922 (фактически: 1923). С. 35—48 [М.: Госиздат]; Типография [товарищества] «Художественная Печатня». Были знакомы Заболоцкому благодаря дружбе с Н. Л. Степановым, готовившим к печати пятитомное собрание сочинений Хлебникова: «Кажется, у Н. Л. Степанова он раздобыл “Доски судьбы”, “Ладомир”, “Игру в аду”» (*Синельников И.* Молодой Заболоцкий // Во384. С. 114). Современному читателю текст «Досок» доступен благодаря реконструкции: *Хлебников В.* Доски Судьбы / Реконстр. текста, сост., коммент., очерк В. В. Бабкова. М., [2000]. (Доски Судьбы: Лист I: Зарей Венчанный; Лист II: Судьбы Отдельных Народов; Лист III: Азбука Неба; Лист IV: Одиночество; Лист V: Глашатай; Лист VI: Жезл Жизни; Лист VII: Мера Лик Мира; Приложения: Художникам мира; Если взять круг; Бессмертному). *Так человек, отпав от века, / Зарытый в новгородский ил...* — Об обстоятельствах смерти, похорон и перенесения праха Велимира Хлебникова на Новодевичье кладбище в Москве см.: *Митурич П. В.* Записки сурового реалиста эпохи авангарда: Дневники, письма, воспоминания, статьи. М., 1997 (Серия «Архив русского авангарда»); *Митурич-Хлебников М. П.* Где умер и где похоронен Велимир Хлебников // Вестник Общества Велимира Хлебникова. Вып. I. М., 1996. С. 75—79. См. также: *Старкина С. В.* Велимир Хлебников. Король времени: Биография. СПб., 2005.

3. Кулак — владыка батраков (С. 152) — Судьба третьей части поэмы наиболее драматична. Первоначально в публикации «Звезды» глава называлась «Изгнанник», однако после того, как успели разойтись немногочисленные экземпляры журнала, тираж был задержан цензурой. По ее требованию глава подверглась значительной правке и переименована: «Враг». Страницы 87—89 были вырезаны во всех оставшихся экземплярах, и на их место были вклеены вновь отпеча-

танные. В архиве Никиты Николаевича Заболоцкого сохранились оба варианта журнала. См.: *Блюм А. В.* Советская цензура в эпоху тотального террора 1929—1953. СПб., 2000. С. 201—203; *Он же.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917—1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003. С. 83—84. *Днепр виден мне, в бетон заштытый, / Огнями залитый Кавказ...* — Строительство первой линии ДнепроГЭС приходится на 1927—1932 гг. В те же годы, в соответствии с «ленинским планом ГОЭЛРО», бурно идет электрификация районов Кубани, Северного Кавказа и Закавказья.

4. Битва с предками (С. 153) — *Отвяжись ты, Вельзевула!* — В христианской демонологии Вельзевул — один из верховных демонов Ада. В оккультной литературе встречается такой перевод имени верховного божества в религии филистимлян и ханаанеян Баал-Зебуба (Вельзевула или Веельзевула в разных написаниях): Повелитель Мух (ср. столбец «Царица мух»). *Вы, проклятые кроты...* — Отсылка к диалогу принца Гамлета и Призрака отца из финала первого акта трагедии Шекспира: «G h o s t [beneath]. Swear by his sword. H a m l e t. Well said, old mole! Canst work I' th' earth so fast? / A worthy pioner!» (в пер. М. Лозинского: «П р и з р а к (из-под земли). Клянись. Г а м л е т. Так, старый крот! Как ты проворно роешь! / Отличный землекоп!» — *Шекспир В.* Трагедии. М., 1964. С. 203). *Там младенец в позе Будды...* — Связь Будды и пуповины (пупка) поддерживается ключевым в буддийской символике образом цветка Лотоса, выросшего из его пупка. В отличие от Н. Ф. Федорова, не принимавшего буддийской этики «недеяния», К. Э. Циолковский проповедовал «философское равнодушие, равнодушие Будды, величие нирваны» (*Циолковский К. Э.* Нирвана. Калуга, 1914).

5. Начало науки (С. 157) — *Слава миру, мир земле, / Меч владыкам и богатым!* — отсылка к строкам «Довольно, королям в угоду, / Дурманить нас в чаду войны! / Война тиранам! Мир Народу!» из русского текста «Интернационала» («L'Internationale») Эжена Потье (1871), который в 1918—1943 гг. служил в качестве государственного гимна РСФСР и СССР. Автор русского перевода — Аркадий Яковлевич Коц (1872—1943). См. об этом: *Корниенко Н. В.* «И любовь, и песни до конца...» // НЗПТ. С. 113—133; *Она же.* Образы Утрени в художественном мире Николая Заболоцкого // Филологические этюды: Сборник научных статей памяти Юрия Алексеевича Пупынина. Новосибирск, 2006. С. 145—167. *И весь в пыли*

хвоста бунчук... — Бунчук — казачья войсковая регалия, представлявшая собой древко с шаром или острием на верхнем конце с прядями конских волос и серебряными кистями. *Блещет словно носорог...* — Д. Голдстейн указывает на посвященный носорогу фрагмент хлебниковского «Зверинца» (1909, 1911): «Где носорог носит в бело-красных глазах неугасимую ярость низверженного царя и один из всех зверей не скрывает своего презрения к людям, как к восстанию рабов. И в нем притаился Иоанн Грозный» (*Хлебников В. Собрание сочинение: В 6 т. Т. 5: Стихотворения в прозе. Рассказы, повести, очерки. Сверхповести. 1904—1922, М., 2004. С. 46*). *Разрушив царство сох и борон, / Мы старый мир дотла снесем...* — парафраз стихов «Весь мир насилья мы разрушим / До основанья, а затем...» из русского текста «Интернационала». *И букву А огромным хором...* — Символика *буквы и алфавита* относится к важнейшим конструктам поэтического мира Заболоцкого. Каждая из трех последних главок поэмы содержит в финале образ *буквы* (5: «И загремела даль лесная / Глухим раскатом буквы А»; 6: «Твердил вдали то Аз, то Буки, / Качая детской головой»; 7: «Тот бреет бороду, красив, / В этот — буквы составляет»).

б. Младенец — мир (С. 162) — *Мчится древности козел...* — В начале 1920-х гг. историк, теоретик и практик театра Н. Н. Евреинов опубликовал ряд сочинений, посвященных генезису драмы (и шире — искусства) из культа *козла/козы*: *Евреинов Н. Н. Зачатки трагедии в Древней Руси. Компендиум подготовленной к печати работы «Ряженая коза и начало древнерусской трагедии» // Жизнь искусства. 1921. № 697—699. С. 1; Он же. Первобытная драма германцев (о роли козла в праистории театра германо-скандинавских народов). Пг., 1922; Он же. Азazel и Дионис: О происхождении сцены в связи с зачатками драмы у семитов. Л., 1924. *За тобою шел Добрыня / Или даже Святогор...* — Добрыня Никитич и Святогор-Богатырь — герои русских былин. «Главное орудие крестьянина, соха — “царица жита”, тоже оказывается втянутым в мифологизированные представления о мире. Недаром ее образ связан с эпическими представлениями о Добрыне и Святогоре, о чем в поэме напоминает Тракторист» (*Игошева Т. В. Проблемы творческой эволюции Н. А. Заболоцкого: Учебное пособие. Новгород, 1999. С. 56*). Заболоцкий проявлял интерес к эпической поэзии разных народов (см.: *Заболоцкий Н. Н. О замысле Н. А. Заболоцкого создать переложение русских былин // Из истории русской советской фольклористики.**

Л., 1981. С. 7—21; *Заболоцкий Н. Н.* О замысле Н. А. Заболоцкого перевести немецкий эпос // *Поэзия*. Вып. 46. М., 1986. С. 104—108). *Мы же новый мир устроим / С новым солнцем и травой...* — Еще один парафраз Интернационала («Мы наш, мы новый мир построим...») и, в то же самое время, отсылка к апокалиптическим контекстам: Иоанн Богослов увидел «новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали и моря уже нет» (Откр. 21:1). *Спасалась в Риме этом третьем...* — «Москва — третий Рим» — политическая теория XVI в., обосновывавшая всемирно-историческое значение столицы Русского государства как политического и церковного центра мировой истории. Была сформулирована в посланиях псковского инок Филофея к московскому великому князю Василию III Ивановичу и в сочинениях игумена Иосифа Волоцкого. Московская Русь мыслилась исторической преемницей Римской и Византийской империй, павших из-за уклонения от «истинной веры» («Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бысти»).

7. Торжество Земледелия (С. 165) — Впервые, под заглавием «2. Торжество Земледелия»: 3. 1929. № 10. С. 55—56. *Повсюду разные занятия: / Люди кучками сидят...* — Ср. картины будущего в трактате К. Э. Циолковского «Горе и гений»: «Выбор пищи свободен и весьма разнообразен. Другие занимаются садом, воспитанием, преподаванием наук, искусствам, ремеслам, технологии. Третьи наблюдают за малютками, больными; готовят пищу, наблюдают чистоту, порядок...» (*Циолковский К. Э.* Космическая философия. М., 2001. С. 254). *Сын забвения, лопух...* — Отсылка к ставшему символом позитивистского мироощущения месту из главы XXI романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»: «...из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» (*Тургенев И. С.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М., 1994. С. 115).

Безумный волк. Поэма (С. 167) — Впервые: Сип. С. 280—291. Источникам поэмы посвящены работы: *Goldstein D. Nikolai Zabolotskij: Play for Mortal Stakes*. Cambridge, 1993. С. 280—281; *Pratt S. A Mad Wolf, Faust, and a Holy Fool: Zabolotsky's «Bezumnyi volk» in Context* // VI ICCEES World Congress. Tampere, Finland, 29 July — 3 August 2000. Abstracts. Tampere, 2000. С. 343; *Pratt S. A Mad Wolf, Faust, Jesus Christ and a Holy Fool (Zabolotskij's «Bezumnyj volk», Salvation, and Transfiguration)* // СПиСП. С. 138—155; *Яблоков Е. А.* «Безумный волк» Н. Заболоцкого и «волчьи» мотивы в литературе 1920-х годов // СПиСП. С. 275—288; *Бойко С.* Пародическое цитирование в «Безумном волке» Н. Заболоцкого // Вопросы лите-

ратуры. 2005. № 1. С. 124—134; Дьячкова Е. «Желаю знать величину вселенной» // НЗПТ. С. 158—166; Лощилев И. «Соединив безумие с умом...»: О некоторых аспектах поэтического мира Николая Заболоцкого // Семиотика безумия: Сб. статей / Под ред. Н. Букс. М.; Париж, 2005. С. 143—171. Близкие параллели к «Безумному волку» содержатся в стихотворениях Даниила Хармса «Авиация превращений» (1927) и особенно «Столкновение дуба с мудрецом» (1929), а также в «Лапе» (1930): «Тут стоят два дерева и любят друг друга. Одно дерево волк, другое волчица». Присутствие «гётеанского» и «пушкинского» сближает поэму со стихотворением А. И. Введенского 1929 г. «Ответ богов» (см.: Лекманов О. А. О поэтике Александра Введенского: Разбор стихотворения «Ответ богов» // Александр Введенский и русский авангард: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Введенского. СПб., 2004. С. 77—82). «Из всего написанного им Заболоцкий более всего ценил “Безумного волка”. Он мне сказал, что считает “Безумного” высшим достижением своей поэтической и философской мысли, своим “Фаустом”» (Роскина Н. А. Николай Заболоцкий // Роскина Н. Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Paris, 1980. С. 84). Известно, что в 1953 г. он читал ее Пастернаку: 12 августа Заболоцкие «получили записку Б. Л. Пастернака, в которой Борис Леонидович приглашал их к себе на дачу на обед и просил Николая Алексеевича выполнить давнее обещание — прочитать неопубликованную поэму “Безумный волк”. По-видимому, на одной из предыдущих встреч двух поэтов шел разговор об этой поэме, и Николаю Алексеевичу было приятно напоминание о ней. <...> Поэма понравилась хозяину дома, и его авторитетное мнение было важно для Заболоцкого, ибо сам он считал это произведение одним из своих серьезных достижений» (ЖНЗ. С. 529). Сохранился текст этой записки: «12 авг. 1953. Дорогие Екатерина Васильевна и Николай Алексеевич! Доставьте нам радость и отобедайте пожалуйста с нами сегодня в 3 часа. Кажется приедет С. Чиковани. Ждем вас обоих. Захватите, пожалуйста, Николай Алексеевич, “Безумного волка”, которого Вы обещали прочитать. Сердечный привет. Ваш Б. Пастернак (ПССиП. С. 705). *Мы простую воду пьем, / хвалим солнце и поем...* — Аллюзия к тексту солдатской песни, служащей эпиграфом в гл. 3 романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: «Мы в фортеции живем, / Хлеб едим и воду пьем...» *Она плыла, подобно рыбам / Туда, где неба пламена...* — Отсылка к строкам из оды Г. Р. Державина «Водопад» (1791—1794) «Но в ясный день, средь светлой влаги, / Как рыбы ходят в небесах...» (см.: Смирнов И. П. Заболоцкий и Державин // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 145—161). *в маленькой берлоге...* — Образ восходит к притче о пещере из книги 7 «Государства» Платона (См.: Вайскопф М. Две заметки о Забо-

лочком // Хармс—Авангард: Материалы конференции. Белград, 2006. С. 425—434). *Зачем у нас не вертикальна шея. / Намедни мне сказала ворожея...* — Рифма восходит к апокалиптической поэме В. В. Хлебникова «Журавль» (1909): «И точно: трубы подымали свои шеи, / Как на стене тень пальцев ворожеи». Противопоставление вертикали и горизонтали — важная часть концепции Н. Ф. Федорова, изложенная в работах «Горизонтальное положение и вертикальное, — смерть и жизнь», «Вертикальное положение, или Пасха» и др. Ф. Энгельс также считал прямохождение «решающим шагом для перехода от обезьяны к человеку». *Шутки прежних лет...* — Парадоксальная отсылка к роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: «С Онегиным он вспоминает / Проказы, шутки прежних лет» (Гл. 8, XXIII). *Чигирь-звезда* — Чигирь-звезда, упоминаемая в переводных древнерусских компиляциях по космографии и астрологии, обычно толкуется как планета Венера. В 1928 г. вышла статья, где допускалось толкование Чигиря как кометы (*Святский Д. О.* Сказание о Чигирь-звезде и телескопические наблюдения Галилея (Из истории астрономии в России) // *Мироведение*. 1928. Т. XVII. № 1 (60). С. 1—6). См. также: *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 15; [*Сахаров И. П.*] Сказания русского народа: [В 2 т.] Т. 2. Кн. 7. СПб., 1849. С. 62; *Перетц В. Н.* Материалы к истории апокрифа и легенды: В 2 т. Т. 2. СПб., 1901. С. 24—25; *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. LXXIV. № 1. СПб., 1903. С. 432—433; *Ермолов А. С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах: [В 4 т.] Т. IV. СПб., 1905. С. 310; *Святский Д. О.* Под сводом хрустального неба: Очерки по астральной мифологии в области религиозного и народного мировоззрения. С 15 рис. в тексте. СПб., 1913. С. 174—178. Мифологическая связь Венеры с волком отмечена у А. Н. Афанасьева: «...Вечерницу (Hesperus — планету Венеру) называют Волчей звездой» (*Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 736.) В словаре В. И. Даля: «Чигирь — м. астрах. крымск. водоподъемный снаряд для поливки садов, виноградников, бахчей, баштанов <...> Чигирь, звезда или планета Венера, утренняя звезда, зорница, восходящая и заходящая как чигирная бадья» (*Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4: Р—Я. М., 2001. С. 996). Ряд указателей ведет к поэтическому миру Хлебникова: и астраханское происхождение, и мифологическое соответствие космоса и образа колодца и его функциональных компонентов («Журавль»), и отсылка к стихотворению «Годы, люди и народы...» (1916): «Звезды — невод, рыбы — мы...» *Для друзей и юных жен...* —

«Юные жены» — поэтическое клише XIX в., широко известное благодаря стихотворению А. С. Пушкина «Вакхическая песня» (1825): «И юные жены, любившие нас!» *Кровать поставлю, принесу урьльник...* — *Урьльник* или *урильник* (от лат. *urina* — моча) — сосуд для мочи. Народная этимология, однако, склонна наивно связывать «урьльник» с «рылом», что находит в поэме соответствие («В мое задумчивое рыло / Ничей не хлопал самопал»). *Коровий Ассурбанипал* — ассирийский царь, 668—626 до Р. Х., сын Ассаргадона, упоминаемого в стихотворении Заболоцкого «Город в степи» (1947). *Сидит и пишет на бумаге...* Е. Дьячкова называет среди источников центрального образа поэмы «Сказку об Иване-царевиче и Сером Волке» В. А. Жуковского (1845), где Волк пишет записки: «И царь Иван Демьянович скончался; / За ним последовал и Серый Волк / В могилу. Но в его нашлись бумагах / Подробные записки обо всем, / Что на своем веку в лесу и свете / Заметил он, и мы из тех записок / Составили правдивый наш рассказ» (Указ. соч. С. 159—160). *И так идут за днями дни...* — Ср. в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина (1833): «Им она не прекословит, / Не перечат ей они. / Так идут за днями дни». *Если растение посадить в банку...* — К. Э. Циолковский пишет об «идеальном животном», которое одновременно является и растением: «Представим себе совершенно изолированное особенное животное. В него не проникают ни газы, ни жидкости, ни другие вещества. Из него также они не могут и удаляться. Животное пронизывается только лучами света. Встречая тут хлорофилл, растворенный в крови углекислый газ и другие продукты распада тканей животного, они разлагают их, соединяют и в результате дают: кислород, крахмал, сахар, разные азотистые и другие питательные материалы. Таким образом, наше животное получает все необходимое при жизни. Пища (подразумевается то, что образовано в теле действием солнечных лучей) и кислород претворяются в ткани животного. Но последние опять разлагаются на углекислый газ и другие продукты распада (мочевину, аммиак и проч.). Пусть все эти отбросы не выкидываются наружу, а поступают в кровь и остаются в организме. Солнечные лучи опять относятся к ним, как в растениях к газообразному и жидкому удобрению, т. е. преобразовывают их в кислород и питательные вещества, которые пополняют убыль непрерывно работающих частей тела: мозга, мускулов и проч. Этот круговорот совершается вечно, пока самое животное не будет разрушено. Что такое существо возможно, видим из следующего. Возьмем кварцевый (или стеклянный) прозрачный шар, пронизываемый лучами солнца. В нем немного почвы, воды, газов, растений и животных. Одним словом, это подобие громадного Земного шара, только в крохотном виде. Как и в нем, так и на какой-нибудь планете определенное изолированное количество мате-

рии. Как в том, так и в другой совершается один и тот же известный круговорот вещества. Наш стеклянный шар и представляет подобие гипотетического существа, обходящегося неизменным количеством материи и вечно живущего. Животные в шаре, если и умирают, то на место их рождаются новые, питающиеся растениями. В общем, стеклянный шар бессмертен, как бессмертна Земля» (*Циолковский К. Э.* Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение. Калуга, 1928. С. 21—22). *Однажды ямочку я выкопал в земле...* — Ср.: «Есть и животные, подобные растениям. Они также могут питаться неорганическими веществами. Это животнорастения (зоофиты). Они содержат в своем теле зеленые крупинки (хлорофилл) при посредстве которых и участии солнечного света, разлагают углекислый газ воздуха на углерод и кислород. Кислород выделяется в воздух, а углерод с другими неорганическими веществами образует сахар, крахмал, клетчатку (углеводы), азотистые и другие органические ткани, составляющие тело существа» (*Циолковский К. Э.* Указ. соч. С. 21). См. также книгу сотрудника К. А. Тимирязева: *Талиев В. И.* Единство жизни (Растение как животное). М., [1925]. *Иди ко мне, моя большая сила!* — Ср. представления о силе («манна»), изложенные в фундаментальной для мысли 1920-х годов книге: *Богораз (Тан) В. Г.* Эйнштейн и религия: Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. М.; Пг., 1923. *Ничтожный зверь, червяк в звериной шкуре...* — Контаминация державинской («Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю, / Я царь — я раб — я червь — я бог!») и тютчевской («А я здесь в поте и в пыли. / Я, царь земли, прирос к земле!...») реминисценций. *Я — Гарпагон, поднятый в небеса!* — *Гарпагон* — персонаж комедии Жан-Батиста Мольера «Скупой» (1668), воплощение скупости. Имя происходит от латинского слова *harpago* — гарпун. В переносном смысле — хапун, «загребущие руки», что находит соответствие в пластике героя («Схвачусь за воздух страшными руками»). В 1933 г. К. К. Вагинов закончил писать неопубликованный, но, вероятно, известный обзриутам роман «Гарпагоаниана», где безумная страсть героев к коллекционированию (спичечных коробков, конфетных оберток, обрезанных ногтей, снов и т. д.) подменяет духовный поиск и интеллектуальную «жадность» (см.: *Вагинов К. К.* Козлиная песнь: Романы. М., 1991. С. 371—480, 513). 3. *Собрание зверей*. — Третья часть поэмы целиком проецируется на пушкинский «Пир во время чумы» (1830). Ср. трагическую двойственность самоощущения Пастернака после «года великого перелома», нашедшую формульно-точное выражение в стихотворении «Лето» (1930): «...и поняли мы, / Что мы на пиру в вековом прототипе — / На пире Платона во время чумы». «Я — Летатель... — Слово *летатель*, дважды употребленное в последней части поэмы, является прямой лекси-

ческой цитатой из сочинений Е. Г. Гуро («Ветрогон, сумасброд, летатель...»). *На воздухе мелькнули морда, руки, ноги...* — Ср. описание падения Канатного Плясуна в книге Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра»: «...отбросил прочь свой шест, и быстрее последнего полетел вниз, подобно вихрю из рук и ног» (*Ницше Ф. Избранные произведения: В 2 кн. Кн. 1. М., 1991. С. 13*). *Волк ест пирог и пишет интеграл...* — Ср. поклонение Интегралу в романе Е. Замятина «Мы» (1920); см.: *Строкина А. Н. Заболоцкий и Е. Замятин: отношение человека и природы // НЗПТ. С. 219—223. И ямщик в стеклянной шапке / Тихо песенку поет: / «Гай-да, тройка...* — Пародийный парафраз популярного романа «Гайда, тройка!» («Гай-да, тройка! Снег пушистый...»), слова и музыка М. О. Штейнберга (1883—1946). *Я закрываю глаза и вижу стеклянное здание леса...* — «Стеклянная архитектура» является одной из устойчивых мифологем утопического сознания и нашла наиболее полное апологетическое выражение в одноименном манифесте немецкого поэта Пауля Шебарта. *Белобровцева И. З. Стеклянные дома Е. И. Замятина и С. М. Эйзенштейна: тема гомункулуса в русской культуре 20-х годов // Литературный процесс и развитие мировой культуры: Материалы и тезисы конференции. Таллинн, 1994. С. 31—36. Великий Летатель Книзу Головой...* — Отсылка к ключевой в поэтическом универсуме Заболоцкого символике карты XII великих арканов таро (*Висельник, или Повешенный, или Мессия, или Жертва Духовная*), являющейся кульминационной точкой инициационного сюжета, связанного с «преображающим» движением от нулевой карты (*Дурак, иногда называемый также Безумным или Сумасшедшим*) к совершенству XXI карты (*Мир или Вселенная*). Инверсия верх и низа означает здесь жертву и победу духа над материей. Родственный Безумному волку «обезумевший» кот из столбца «На лестницах» (1928) прямо назван Висельником. В более широкой мифологической перспективе этот образ восходит к универсальной мифологеме «дерева, растущего корнями вверх» (см. об этом: *Кагаров Е. Г. Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх // Доклады Академии наук СССР. Сер. В. 1928. № 15. С. 331—335*). Вместе с тем, в контексте символики гадальной колоды карт таро, катастрофа, которой завершается попытка полета *Безумного*, содержит ассоциации с картой XVI (*Башня или Богдадельня*).

Предостережение (С. 180) — Впервые, в значительно отличающейся редакции (см. наст. изд., с. 463): ТС. С. 310—311.

Семейство художника (С. 180) — Впервые, под названием «Утренняя песня»: ЛС. 1937. № 3. С. 114—115. Окончательный вариант названия, возмож-

но, содержит отсылку к стихотворению Г. П. Каменева «Утренняя песнь (Из Геснера)» (1796). См.: Поэты-радищевцы / Ред. и коммент. В. Н. Орлова, вступ. статьи В. А. Десницкого и В. Н. Орлова. Л., 1935. С. 537. Еще один возможный контекст — название стихотворения Д. И. Хармса «Вечерняя Песнь к имением моим существующей» (1930). Новое название появилось в правке к Ст26—32.

Лодейников (С. 181) — Впервые: З. 1933. № 2—3. С. 79—80.

Осень (С. 183) — Впервые: СиП. С. 307—310. Строки *О, слушай, слушай хлопанье рубах! ~ и в каждом камне Ганнибал таится* вошли в позднюю редакцию стихотворения «Лодейников».

Венчание плодами (С. 187) — Впервые: ЛС. 1933. № 1. С. 71—72. Имена Ивана Владимировича Мичурина (1855—1935) и американского садовода и селекционера Лютера Бербанка (1849—1926) были сближены в брошюре К. Э. Циолковского «Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение» (Калуга, 1929) и в начале статьи М. Горького «О музыке толстых» (1928); см. коммент. к столбцу «Фокстрот». Язвительный отклик в эмиграции: *Гулливер*. Литературная летопись: Поэты // Возрождение (Париж). 1933. № 2921, 1 июня. С. 4.

Осенние приметы (С. 189) — Впервые: И. 1934. № 269 (5517). 18 нояб. С. 5. Название отсылает к хрестоматийному стихотворению Н. П. Грекова (1810—1866) «Приметы осени» (1855). Известна реакция О. Э. Мандельштама: «27 июня <1935 г.> Попросил прочесть. Я прочел чудно. Он и Н. охали и оживлялись. В конце... он стал многословно ругать. Ругань такая: “Обращение к читателю, как к идиоту, поучение («и мы должны понять») — тоже, Тютчев нашелся... Многословие... Подробности... А что мы узнаем? Что королева — существо на четырех ногах. Природа-то перечислена. Тоже, Гёте нашелся... Это капитан Лебядкин, а не стихи... В хвост и в гриву использован формалистический прозаический прием отстранения (я поправил: отстранения)... Все на нездоровой основе”» (О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935—1936) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. СПб., 1997. С. 70). В Своде 1948 года стихотворение получило название «Осень».

Мещане (С. 191) — Впервые, в другой редакции (см. наст. изд., с. 450) под названием «Время»: СиП. С. 237—240. Вариант названия: «Пир четырех друзей».

Птицы (С. 195) — Впервые: Сип. С. 245.

Отдыхающие крестьяне (С. 196) — Впервые: Сип. С. 254—255. Текст входил в несохранившуюся поэму «Облака» (1933). Перекликается со стихотворением Г. Р. Державина «Крестьянский праздник» (1807).

Деревья. Поэма (С. 198) — Впервые: ЛГ. 1965. № 11. С. 28—33. Первая часть поэмы в Своде 1936 года носила название «1. Заклинание деревьев». В Своде 1948 года был исключен фрагмент между стихами *Для наших мыслей крепко заперты... ~ Но что это? Я слышу голоса!*:

Но я провижу новый век,
который мчится к нам на колеснице времени.
Как добрый вожь воспрянет человек,
мысль мудрая блеснет на темени
животных подъяремных.
Среди желез тюремных
(так вправе мы назвать оглобли, хомуты)
рогатый гражданин напишет книгу
о том, как сбросили скоты
свою домашнюю веригу.
О том, как человек, их старший друг и брат,
всю землю превратит в один огромный сад,
где зверь, и птица, и растение
находят мирное свое соединение.

Среди рукописных материалов сохранились листы, содержащие проект примечаний к тексту поэмы: «1. “Равное весу (земной) коры количество вещества может быть силою размножения создано в ничтожное, не геологическое время — если только этому не препятствует внешняя среда. Холерный вибрион и *bacterium coli* могут дать эту массу вещества в 1,60—1,75 суток... Один из наиболее медленно размножающихся организмов — слон может дать это же количество вещества в 1300 лет... Конечно, в действительности ни один организм не дает таких количеств”. Акад. Вернадский, “Биосфера”. С. 47. 2. “Враги твои собственные суть мнения, воцарившиеся в сердце твоём и всеминутно оно мучающи, шепотники, клеветники и противники Божии, хулящие непрестанно владычное в мире правление и древнейшие законы обновить покушающиеся, сами себя во тьме и согласников своих вечно мучащи, видя, что правление природы во всем не по бесноватым их желаниям, не по омраченным понятиям, но по высочайшим Отца нашего советам вчера и днесь

и веки свято продолжается. Сии то неразумюще хулят распоряжение кругов небесных, оуждают качество земель, порочат изваяние премудрой Божьей десницы в зверях, деревьях, горах, реках и травах; ничем не довольны; по их несчастному и смешному понятию, не надобно в мире ни ночи, ни зимы, ни старости, ни труда, ни голоду, ни жажды, ни болезней, а паче всего смерти; к чему она? Ах, бедное наше знание и понятие!" Г. С. Сковорода, "Разговор о душевном мире". [3. Как мне говорила Н. И. Грекова, вещества, заключающиеся в мясной пище, идут, главным образом, на образование мозговой ткани.]. Наталия Ивановна Грекова (1908—1982), кандидат биологических наук, специалист по квантовой спектроскопии. Работала во Всесоюзном институте экспериментальной медицины, дружила с Д. И. Хармсом, Н. М. Олейниковым и Е. Л. Шварцем. См. о ней и ее семье: *Шварц Е. Л.* «Живу беспокойно...»: Из дневников. Л., 1990. С. 444—457. Адаптированное для детского чтения изложение коллизий поэмы: *Урбан А. А.* Стихи-собеседники. Л., 1978. С. 128—142. М. Б. Ямпольский назвал поэму «наиболее полным обзирательским "трактатом" о растениях» (*Ямпольский М. Б.* Беспамятство как исток: Читай Хармса. М., 1998. С. 334—338). *Горит, трещит элементал...* — *Элементалами (элементальями)* в литературе по оккультизму называются безличные духи стихий, обитающие и действующие в «астральном мире», в отличие от *элементеров* — бестелесных «персон», состоящих лишь «из духа, души и астросома» и, как правило, злонамеренных (см.: *Тухолка С.* Оккультизм и магия / Изд. 2-е. СПб., 1907. С. 124—126). Мир элементеров находит соответствие в низшей народной демонологии и стал у Заболоцкого предметом изображения в столбце «Меркнут знаки Зодиака» (сирена, лешачиха, покойник и проч.). *Можно здесь видеть возникшего снова Орфея...* — *Орфей* — в греческой мифологии полубожественный певец, обладающий магической силой воздействия на людей, богов и природу. Был растерзан менадами, которых наслал Дионис, обидевшийся на Орфея за то, что тот поклонялся не ему, а богу гармонии — Аполлону (по некоторым версиям — отцу мифологического певца). По версии изложенной в поэме Овидия «Метаморфозы» (XI, 67—81), вакханки, разорвавшие Орфея, в наказание были превращены в дубовые деревья; отсюда многозначность, возникающая у Заболоцкого в словах о «возникшем снова» Орфее. С именем Орфея связано религиозно-философское аттическое учение орфиков. В оккультной литературе Орфеей почитается как «наиболее древний из известных нам посвященных. <...> Говорит в своих песнях о мистериях: "Размысли о божественном слове. Созерцай его непрерывно, направь твое сердце и твою душу по правому пути и взирай на Господа единого, который бессмертен, единого, которые сам себя зародил. Все происходит от него одного, и Он есть во всем. Невидимый смертным, он, наоборот, видит всякого"» (*Тухолка С.* Указ. соч. С. 94). *Дерево сфера цар-*

стует здесь над другими... — М. Б. Ямпольский пишет: «...Любопытно, что первоначальное разрушение числового порядка, о котором говорит Лесничий, оборачивается иной (“каббалистической”) нумерологией в конце: древо-Сфера, подобно древу сефирот, определяется как “итог числовых операций”. Замысел Заболоцкого близок аналогичным поискам Хармса» (Указ. соч. С. 338). «Согласно П. Д. Успенскому, симметричная фигура, построенная вокруг центра, относится к формам, существующим в четвертом измерении. Поскольку четвертое измерение дается нам в качестве времени, то движение в нем эквивалентно росту в трехмерном мире (ср. с декларацией Дмитрия Михайлова, зафиксированной Липавским в его “Разговорах”: “Время — это рождение и рост”). Рост же обыкновенно происходит из некоего ядра в виде экспансии периферии. При этом одновременное движение точек к периферии от центра и создает гомологичные и гомотипичные тела, очертаниями напоминающие фигуру на бумаге, создаваемую пятном чернил при складывании бумаги вдоль оси. Вот почему “Расширяющееся тело выглядит так, как если бы его сложили по нескольким осям, и таким образом оно создает некую странную связь между противоположными точками”. Подлинной диаграммой четвертого измерения Успенский, однако, считал не человеческое тело, а растение, в котором разные стадии роста не поглощаются одна другой, а сохраняются. Время в растениях обнаруживает себя в пространственной конфигурации ствола и ветвей: “Очертания дерева, постепенно распространяющегося в ветви и веточки, — это диаграмма четвертого измерения. Зимой или ранней весной деревья без листьев часто являют очень сложные и чрезвычайно интересные диаграммы четвертого измерения. Мы проходим мимо, не обращая на них внимания, потому что мы думаем, что дерево существует в трехмерном пространстве. Сердце относится к области тех же диаграмм перехода из одного пространства в другое. Связано это с тем, что из сердца растет своеобразное дерево — дерево кровеносных сосудов. Еще Леонардо заметил в своем дневнике: “Сердце — это орех, производящий дерево вен”» (Там же. С. 246—247). Параллель содержится в поэме Н. М. Олейникова «Пучина страстей» (1937): «Как букварь читает школьник, / Так читаю я в лесу. / Вижу в листьях — треугольник, / Колесо ищу в глазу. <...> Геометрия — причина / Прорастания стеблей».

Птицы. Поэма (С. 207) — Впервые: Москва. 1968. № 8. С. 59—63. Источник: машинописная копия из архива Н. Л. Степанова (220 стихов). Два фрагмента были включены в текст статьи: *Степанов Н. Л.* Новые стихи Заболоцкого // Литературный современник. 1937. № 3. С. 210—218); *Земля моя, мать моя, знаю... ~...каким торжеством загорится!* (С. 213); *Птицы, пустынные воз-*

духа, жители неба!.. ~ ...дребезжащие звуки / *Арт и Эрр по окрестностям ветер разносит* (С. 218). В редакции 1933 года из архива Н. Л. Степанова читаются зачеркнутые фрагменты (здесь — в квадратных скобках):

1) ...Ты, цапля, мозгом займешься. [С помощью ножниц шейку голубя ты перережешь. Ну что же ты медлишь? Вот тебе скальпель.] Возьми-ка головку покрепче...

2) ...Начинай же!
[Вот уж и мозг выступает. Возьми его, цапля. Смотрите, Как он составлен, птицы, и как в голове расположен.]

Вот и окончены наши труды. ...

3) Эту головку тебе, эту мне. Начинай же.
[Ай да суп! Сколько чудесного жира плавает сверху! Куда же ты, дура-ворона! Ешь козявок своих, а мне не мешай. Неприлично птице из ложки хлебать. Убирайся, негодная, на пол. Ну и пир начался! Смотрите, какая потеха! Прыгают, бьются, пищат, торопятся, лезут, хватают. Бросьте вы ссориться, славки! Вцепились в жука, и друг дружке только мешааете. Хватит вам всем. Пересмешник, ты червячков на кровать не таскай. Неужели есть нельзя на полу? Ляжешь потом — а в подушке ползает жирный червяк. Удовольствие тоже большое!]

Тихий закат над землею повис. Красноватые пятна...

Позднейшая редакция (211 строк), без посвящения: ССЗ I. С. 412—417. Поэма была написана в марте 1933 г. «Перепечатанный текст поэмы Николай Алексеевич отдал Н. Л. Степанову, чтобы тот прочитал и устроил в журнал. Под заголовком было посвящение: “Памяти моего отца”. Тем самым Николай Алексеевич удостоверял, что прототипом героя поэмы, старого естествоиспытателя, был его отец — агроном Алексей Агафонович. Спустя какое-то время Заболоцкий с женой пришел к Степановым и снова просмотрел текст — сделал небольшие исправления, снял посвящение и заменил лирический конец поэмы <...> Поэма “Птицы” долгое время лежала в редакции журнала “Звезда”, но так и не была напечатана» (ЖНЗ. С. 228). «Птицы» фигурируют в литературном доносе Лесючев-

ского: «В 1937 г. при полной, активной поддержке Горелова Заболоцкий пытался опубликовать в “Звезде” стихотворение “Птицы”. Это — несомненно, аллегорическое произведение. В нем рисуется (с мрачной физиологической детализацией) отвратительное кровавое пиршество птиц, пожирающих невинного голубка. Таким образом, “творчество” Заболоцкого является активной контрреволюционной борьбой против советского строя, против советского народа, против социализма. <...> Н. Лесючевский, 3/VII.38 г. “О стихах Заболоцкого”, по заказу органов НКВД» (Следственное дело № 43839 по обвинению Н. А. Заболоцкого (1938—1963); Управление ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Арх. № 063237. Дело в 2 т. Т. 1. Л. 76—77). Ритмико-интонационный строй поэмы, написанной «намеренно небрежным» гексаметром, где «5-стопные строки примешиваются к 6-стопным в немалых количествах» (*Гаспаров М. Л.* Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М., 2000. С. 222), и отчасти образная система восходят к стихотворению В. А. Жуковского «Овсяный кисель» (1816), которое представляет собой «опыт перевода с аллеманского наречия» идиллии немецкого поэта И.-П. Гебеля (1760—1826) «Das Habermuss». Об аллюзиях к древнеримской философской поэзии см.: *Ермоленко Г. Н.* Поэмы Н. Заболоцкого 1920—1930-х г. и древнеримская философская поэзия // СПиСП. С. 129—137). О символике птиц см.: *Красильникова Е. В.* Птицы. Образные связи в поэзии Н. Заболоцкого // *Поэтика и стилистика.* 1988—1990. М., 1991. С. 165—172. В статье И. Скоропановой выдвинута гипотеза о М. А. Волошине (у которого Заболоцкий был в гостях в Коктебеле в начале 1930-х гг.) как о возможном прототипе героя поэмы, «философа-натуралиста» (*Скоропанова И. С.* Загадки поэмы «Птицы» Н. А. Заболоцкого // *НЗПТ.* С. 102—112). *Ястребом быть я хотел бы, но тонки и немощны руки...* — Ср. в диалоге Григория Сковороды «Беседа, нареченная Двое, о том, что блаженным быть легко», построенном на символично-эмблематическом толковании образа птицы: «И з р а и л ь . Слушай, Фарра! Не желаешь ли быть кабаном? Ф а р р а . Пропадай он! Я и верблюдом быть не хочу. Оленем быть я бы хотел, а лучше птицею» (*Сковорода Г. С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1973. С. 261). *Ну-ка, пичужки, скажите — / как на полете вы дышите?..* — Ср.: «Насекомые имеют сквозные трубочки (трахеи), через которые течет воздух. Им недостает только воздушного насоса. Впрочем, нельзя ручаться, что его нет, хотя у некоторых насекомых. У птиц грудные мускулы пронизываются подобными же трубками, хотя механизм движения в них воздуха темен: не то струи воздуха текут в одном направлении, не то они колеблются взад и вперед, как в легких. Ясно только, что воздушное течение в этих труб-

ках вызывается сокращением грудных мускулов при полете (когда именно и нужна огромная энергия)» (*Циолковский К. Э. Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение. Калуга, 1928. С. 16—17*). *голубя тонкие кости, органы, нервы, сосуды / кучкой лежат. Разрезанный ножиком острым...* — В 220-строчном варианте на эти два стиха (110—111) приходится точный композиционный центр поэмы. В 211-строчном «сердцевина» смещается на стих 106: «...кожу на ней заверни и сними, как перчатку. Смотрите...» *вполне однородным составом / чудного тела мне представлялись...* — Ср.: «Магия рассматривает землю как живой организм. Для разъяснения этого положения, рассмотрим организм Земли параллельно с организмом человека, аналогичным ему, как и все существующее» (*Паюс. Практическая магия: В 3 т. Т. I. СПб., 1913. С. 63*). *За нею три облака, слившись, / Лаокоона приняли форму...* — *Лаокоон* — жрец Аполлона, который предупреждал троянцев об опасности, таящейся в недрах деревянного коня. За это Афина, покровительствовавшая грекам, послала двух гигантских змей, которые задушили Лаокоона вместе с двумя сыновьями. Сюжет о его гибели широко известен благодаря знаменитой скульптуре Агесандра, Атенодора и Полидора и красочному описанию во 2-й книге «Энеиды» Вергилия. Упомянув Лаокоона, Заболоцкий, возможно, отсылает читателя также и к трактату Г. Лессинга «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» (1766). *Караульщик / все в колотушку стучит: «Тук-тук-тук!»...* — Отсылка к «музыке старого чистого леса» из начала поэмы («звук получается тоньше, а третий урчит колотушкой»); ср. в столбце «Меркнут знаки Зодиака» (1929): «Колотушка тук-тук-тук» (с. 98).

Прощание (С. 213) — Впервые: И. 1934. № 282 (5530). 4 дек. С. 3. С. М. Киров был убит Н. В. Николаевым 1 декабря 1934 г. Известны другие публикации (Писатели — Кирову: Сб. М., 1934. С. 99; Сергей Миронович Киров в художественной литературе. Л., 1937. С. 21). Кирову посвящено также одно стихотворение для детей (*Заболоцкий Н. Ночь в степи // Чиж. 1934. № 12. С. 2—3*).

Начало зимы (С. 214) — Впервые: ЛС. 1937. № 3. С. 117—118.

Весна в лесу (С. 215) — Впервые, под заглавием «В лесу», без строфы 8: И. 1935. № 105 (5656). 1 мая. С. 7. Полемически перекликается с стихотворением Н. А. Морозова (1854—1946) «В химической лаборатории» (*Морозов Н. Звездные песни. Первое полное издание всех стихотворений до 1919 года: В 2 кн. Кн. 2. М., 1921. С. 60—61*).

Засуха (С. 217) — Впервые: ЛС. 1937. № 3. С. 121.

Лодейников в саду (С. 218) — Впервые: ЛС. 1937. № 3. С. 116—117. В корректуре ВК (кон. 1936 — нач. 1937 г.) оба стихотворения о Лодейникове должна была сопровождать сноска, сохранившаяся в сигнальном экземпляре: «Стихи “Лодейников” и “Лодейников в саду” — отдельные фрагменты к будущему циклу стихов об этом герое». Подборка стихотворений в «Литературном современнике» спровоцировала опасную полемику между газетой «Ленинградская правда» и бухаринскими «Известиями», вставшими на защиту поэта: *Сидорчук П.* Амнистия старым ошибкам // ЛП. 1937. № 91. 21 апр. С. 4; *Не-литератор.* 23 апреля // И. 1937. № 97. 23 апр. С. 3; [*Без подписи*] Медвежья услуга // ЛП. 1937. № 95. 26 апр. С. 4; *Изгоев Н.* Литературные заметки // И. 1937. № 99. 26 апр. С. 4; [*Без подписи*] По поводу «Литературных заметок» // ЛП. 1937. № 96. 27 апр. С. 4. «Лодейников в саду» был заменен только что написанным стихотворением «Седов», а сноска — снята.

Ночной сад (С. 219) — Впервые: ЛС. 1937. № 3. С. 122. В измененном виде строка из стихотворения была использована А. А. Ахматовой в качестве эпиграфа к стихотворению «И вот, наперекор тому...» (1940): «В лесу голосуют деревья. Н. З.». Разборы: *Заболоцкий Н. Н.* «Природы очистительная сила» (Социально-этические элементы натурфилософской поэзии Заболоцкого) // Вопросы литературы. 1999. № 4. С. 17—36; *Zabolotskij N.* Понятие «душа природы» в поэзии Заболоцкого // VI ICCEES World Congress. Abstracts. Tampere, 2000. С. 474; *Эткинд Е. Г.* Николай Заболоцкий в 1937 году: «Ночной сад» // Literarische Avantgarde. Festschrift für Rudolf Neuhauser. Horst-Jurgen Gerigk [Hrsg.]. Heidelberg, 2001. S. 49—55.

«Все, что было в душе, все как будто опять потерялось...» (С. 220) — Впервые, без названия: ЛС. 1937. № 3. С. 122. Это стихотворение, как, вероятно, и «Засуха», было создано летом 1936 г. во время жизни на даче «на берегу Днепра, за Каневом, в живописном благодатном местечке, которое описано у Гоголя в “Вие”» (ССIII. С. 317—318).

Вчера, о смерти размышляя... (С. 221) — Впервые, без названия: ЛС. 1937. № 3. С. 120.

Север (С. 221) — Впервые: И. 1936. № 36 (5893). 11 февр. С. 5. Изменения были сделаны по указаниям А. А. Фадеева при подготовке Ст48 (см.

наст. изд., с. 499). *там тень «Челюскина» среди ледяных плит...* — «Челюскин» — советский пароход, названный в честь русского мореплавателя С. И. Челюскина (1700—1764). В сентябре 1933 г. оказался заблокированным льдами в Чукотском море. 13 февраля 1934 г. в результате сильного сжатия «Челюскин» был раздавлен льдами и затонул, 104 участника экспедиции остались на льдине. Спасение челюскинцев — одна масштабных пропагандистских кампаний 1930-х гг. *О люди Севера! О выюги Ванкарема!* — Мыс в Чукотском море и одноименный поселок. В 1934 г. стали местом эвакуации участников экспедиции с парохода «Челюскин». *О первый Ляпидевского полет...* — Анатолий Васильевич Ляпидевский (1908—1983) — советский летчик, первый Герой Советского Союза (1934). 5 марта 1934 г. на самолете АНТ-4 пробился к лагерю и снял со льдины 12 человек.

Горийская симфония (С. 223) — Впервые: И. 1936. № 281 (6138). 4 дек. С. 2. В сентябре — октябре 1936 г. Заболоцкий впервые побывал в Грузии: «В первых числах октября он вместе с Симоном Чиковани ездил в Гори — город, где родился и рос Сталин. Соблюдая заведенный ритуал, оба поэта побывали в доме-музее «вождя народов», а потом отправились в хорошо известный Симону Чиковани подвальчик, где пили знаменитое атенское вино, которое настолько нежно, что выносит перевозку не далее чем из Атени в Гори. Выйдя из духана, они поднялись на холм со старинной крепостью и оттуда долго смотрели на город, на окрестные поля, сады и виноградники, окаймленные горными хребтами и залитые вечерним солнцем. После атенского вина и дружеской беседы все в мире казалось прекрасным, острое чувство прелести существования переполняло их души. Тут же, у Горийской крепости, они пообещали друг другу, что непременно напишут стихи об этом вечере. <...> Уже в первых строках “Горийской симфонии” ощущается эпическая мощь и подлинность чувства поэта: “Есть в Грузии необычайный город...” Но в стихах о Гори Заболоцкий не мог обойти и непременно в то время тему родившегося в этом городе Сталина. Никакого преклонения перед «вождем народов мира» поэт, конечно, не испытывал, хотя и интересовался им как исторической фигурой. Заболоцкий сознавал, что написанное стихотворение поможет ему укрепить еще неустойчивое положение в официальных литературных кругах и тем самым получить выход к читателю» (ЖНЗ. С. 262—263). Заболоцкий Чиковани писал, посылая ему текст 14 ноября 1936 г.: «Ты настаиваешь, чтобы я написал стихи о Гори. Изволь, стихи готовы, посылаю тебе список. Они возникли благодаря тебе, — читай же и наслаждайся. Шутки в сторону — стихи, кажется, не очень плохие. <...> Одновременно посылаю их Живову

в «Известия», с просьбой напечатать во время Съезда Советов. Напечатают ли — неизвестно» (ССЗ III. С. 321). Чрезвычайный VIII съезд Советов СССР проходил в Москве с 25 ноября по 5 декабря 1936. Стихотворение Чиковани «Гори» было написано и вскоре напечатано в переводе П. Г. Антокольского (*Чиковани С. Стихи / Авториз. переводы под ред. В. Гольцева. М., 1939. С. 102—104*). В 1938 г. вышла грампластинка с декламацией А. И. Шварца (двоюродного брата Е. Л. Шварца).

«Природа, черная, как кузница...» (С. 226) — Впервые: *Заболоцкий Н.* Статьи «Правды» открывают нам глаза // Литературный Ленинград. 1936. № 16 (161). 1 апр. С. 1.

Седов (С. 226) — Впервые: И. 1937. № 147 (6309). 24 июня. С. 3. Написано под впечатлением от рассказов художника и писателя Николая Васильевича Пинегина (1883—1940), который был участником полярной экспедиции Седова. Георгий Яковлевич Седов (1877—1914) — русский исследователь Арктики. Умер от цинги во время неудачной экспедиции и был похоронен на мысе Аук острова Рудольфа. *пробился к полюсу отважный Водопьянов...* — Михаил Васильевич Водопьянов (1899—1980) — легендарный полярный летчик, участник работ по эвакуации экипажа парохода «Челюскин» (февраль—апрель 1934 г.). *когда, развернут по приказу Шмидта...* — Отто Юльевич Шмидт (1891—1956) — советский математик, географ, геофизик, астроном, исследователь Севера, руководитель знаменитых арктических экспедиций на ледокольных пароходах «Седов», «Сибиряков» и «Челюскин» (1930—1934); флаг СССР был поднят над Северным полюсом воздушной экспедицией Шмидта 6 июня 1937 г. *пронесся Чкалов, славен и велик...* — Валерий Павлович Чкалов (1904—1938) — легендарный советский летчик-испытатель; перелет из СССР в США (г. Ванкувер) на самолете АНТ-25 состоялся 18—20 июня 1937 г. *лишь одного просил бы у судьбы я: / так умереть, как умирал Седов!* — Отсылка к патетическому финалу стихотворения В. В. Маяковского «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» (1926): «...встретить я хочу / мой смертный час // так, / как встретил смерть / товарищ Нетте».

Великая книга (С. 228) — Впервые: И. 1937. № 260 (6422). 7 нояб. С. 3. В правке к Своду 1952 года стихотворение получило название «Голубиная книга» (см. наст. изд., с. 503); в первоначальной редакции подразумевалась Конституция СССР, принятая 5 декабря 1936 г.

Бессмертие (С. 231) — Впервые: ВК. С. 34—35.

Предатели (С. 232) — Впервые: И. 1937. № 24 (6186). 27 янв. С. 4. Большая часть материалов выпуска была посвящена процессу Параллельного антисоветского троцкистского центра (так называемый Второй Московский процесс), который проходил 23—30 января 1937 г. Основными обвиняемыми были Г. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков, Г. Я. Сокольников. См.: *Платт К. М. Ф. Н. А. Заболоцкий на страницах «Известий»: К биографии поэта 1934—1937 годов / Пер. с англ. С. Силаковой // Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 91—107; Platt K. N. A. Zabolotskij and the Stalinist Sublime // СПиСП. С. 105—123.*

Война — войне (С. 232) — Впервые: И. 1937. № 48 (6210). 23 февр. С. 2; То же // *Несокрушимая: Литературно-эстрадный сборник / Ред. Б. Бегак. М.; Л., 1938. С. 13—15.* Сборник был подписан в печать 17 февраля, за месяц до ареста Заболоцкого. Публикация в «Известях», возможно, стала «раздражающим стимулом» для создания цикла «Стихи о неизвестном солдате» О. Э. Мандельштама (1937), по наблюдению О. А. Лекманова. *Увы, уроки Марны и Вердена...* — Битвы при Вердене (1916) и на реке Марне (сентябрь 1914) — масштабные боевые действия, носившие решающий характер в ходе Первой мировой войны (Западный фронт). *Взывают абиссинские могилы...* — Имеется в виду так называемая II итало-абиссинская война, развязанная режимом Муссолини в Эфиопии (1935—1936). *Трубою мира был седой Литвинов...* — Максим Максимович Литвинов (Валлах; 1876—1951) — советский дипломат, народный комиссар иностранных дел СССР (1930—1939); вероятно, имеется в виду письмо Литвинова генеральному секретарю Лиги Наций об «улучшении принципов Пакта Лиги» (22 августа 1936 г.).

«Собор, как древний каземат...» (С. 235) — Впервые: ДП. М., 1968. С. 171. Предположительно стихотворение примыкает или является фрагментом третьей части несохранившейся поэмы «Осада Козельска» (1937—1938). См. письмо 85 в составе «Ста писем 1938—1944 года» (наст. изд., с. 736). Автограф сохранился у Н. Л. Степанова и был передан автору. Осада Козельска относится к 1238 г.

Лесное озеро (С. 236) — Впервые: НМ. 1956. № 6. С. 133—134. Это и следующее стихотворение датированы годами заключения поэта. Отражает впечатления от прогулок на Глухое озеро возле Луги осенью 1937 г., где Заболоцкий жил на даче недалеко от озера Омчино. Текст, датированный 1938 г. и сложенный, вероятно, во время этапа на Дальний Восток, был записан в августе 1944 г., после частичного освобождения (по Директиве НКВД и Прокуратуры СССР № 185). Разбор: *Кекова С. В.* Анализ стихотворения Н. Заболоцкого

«Лесное озеро» // Кекова С. В., Измайлов Р. Р. Сохранившие традицию: Н. Заболоцкий, А. Тарковский, И. Бродский: Учебное пособие (По страницам литературной классики). Саратов, 2003. С. 51—54; То же // НЗРес. С. 829—832.

Соловей (С. 237) — Впервые: Ст57. С. 38. Стихотворение содержит отсылку к трагедии В. Шекспира «Антоний и Клеопатра» (1607) и ее историческим источникам. Сближение имени Антония и соловьиного пения восходит, возможно, к стихотворению В. Я. Брюсова «Баллада о любви и смерти» (1913).

<Пастухи> («Возникновение этих фигурок...») (С. 238) — Впервые, под редакторским названием: ДП. М., 1968. С. 172. Текст без заглавия был обнаружен в рабочей папке поэта последних месяцев жизни, но его поэтика позволяет предположительно отнести время создания к 1930-м гг. Возможно, фрагмент связан с несохранившейся поэмой «Облака» (1933) или с замыслом трилогии поэм, о котором Заболоцкий говорил незадолго до кончины: «Он говорил, — рассказывала потом Екатерина Васильевна, — что ему надо два года жизни, чтобы написать трилогию из поэм “Смерть Сократа”, “Поклонение волхвов”, “Сталин”. Меня удивила тема третьей поэмы. Николай Алексеевич стал мне объяснять, что Сталин — сложная фигура на стыке двух эпох. Разделаться со старой этикой, моралью, культурой было ему нелегко, так как он сам из нее вырос. Он учился в духовной семинарии, и это в нем осталось. Его воспитала Грузия, где правители были лицемерны, коварны, часто кровожадны. Николай Алексеевич говорил, что Хрущеву легче расправиться со старой культурой, потому что в нем ее нет» (ЖНЗ. С. 591). Разбор: Полякова С. В. «Комедия на Рождество Христова» Димитрия Ростовского — источник «Пастухов» Н. Заболоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 33. Древнерусские литературные памятники. Л., 1979. С. 385—387.

III. СТИХОТВОРЕНИЯ 1946—1958 ГОДОВ

Слепой (С. 241) — Впервые: Ст57. С. 39—40. Создано во время жизни на даче писателя В. Ильенкова в Переделкино, где поэт поселился на некоторое время после возвращения из лагерей: «Где-то поблизости от железнодорожной станции он встречал слепого старца, который медленно продвигался, подняв вверх лицо и ощупывая палкой дорогу. Старец останавливался, пел “Лазаря”, и в жестянку из-под консервов ему бросали монеты. Николай Алексеевич заметил его еще в первые свои приезды в Переделкино и запечатлел в стихотворении “Слепой»» (ЖНЗ. С. 433).

Утро (С. 243) — Впервые: НМ. 1956. № 6. С. 133. В Своде 1948 года датировано: 3 мая 1946 г. Известен автограф с правкой, датированный 16.04.1946.

Гроза (С. 245) — Впервые: Ст48. С. 41—42. Известен автограф с правкой, датированный 03.05.1946.

Бетховен (С. 245) — Впервые: Ю. 1956. № 10. С. 91. Разбор: *Ужаревич Й.* Музыка миров. О стихотворении Заболоцкого «Бетховен» // ВСЛСП. С. 160—169.

Уступи мне, скворец, уголок (С. 245) — Впервые: ЛМІ. С. 443—444.

Читайте, деревья, стихи Гезиода (С. 246) — Впервые: И60. С. 55—56. *Читайте, деревья, стихи Гезиода...* — *Гезиод* из Аскры (VIII—VII в. до Р. Х.) — древнегреческий поэт и рапсод. Автор земледельческой поэмы «Труды и дни» и «Теогонии», описывающей родословную богов и происхождение мира. *Дивись Оссиановым гимнам, рябина!* — *Оссиан* — легендарный кельтский бард III в. В новое время имя Оссиана связано с мистификацией шотландского поэта Джеймса Макферсона (1736—1796), приписавшего ему авторство сочиненных им стихотворных отрывков и поэм («Сочинения Оссиана, сына Фингала, переведенные с гальского языка Джеймсом Макферсоном»). В личной библиотеке Заболоцкого московского периода было издание: *Поэмы Оссиана Джемса Макферсона* (J. Macpherson — *Poems of Ossian*) / Исслед., пер. и примеч. Е. В. Блобановой. СПб., 1890 (Издание журнала «Пантеон литературы»). *Школьный звонок над щитом Кухулина...* — *Кухулин* — герой кельтского эпоса, один из персонажей приписанных Оссиану поэм. *Еще не смолкают березы Морвена...* — *Морвен* — владения короля Фингала из оссианического эпоса. *И к зверю девятая сходит Камена...* — *Камены* — древнеиталийские божества, обитавшие в водных источниках, покровительницы искусств, часто отождествляемые с греческими музами. Девятая муза — Урания, покровительница небесного свода, астрономии и астрологии.

Еще заря не встала над селом (С. 247) — Впервые: Ст48. С. 43—44.

В этой роще березовой (С. 248) — Впервые: Знамя. 1959. № 4. С. 98—99. Согласно воспоминаниям Н. А. Роскиной: «С гордостью Заболоцкий обратил мое внимание на то, что стихотворение “Иволга” написано таким размером, как ни одно стихотворение в русской поэзии» (*Роскина Н. А.* Николай Заболоцкий // *Роскина Н.* Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Paris, 1980. С. 89)

Я не ищу гармонии в природе (С. 250) — Впервые: Ст48. С. 50—51. Вероятно, в творческом самосознании поэта это стихотворение носило программный характер. По воле автора оно должно, нарушая хронологический порядок, открывать вторую часть собрания его стихотворений. На полях оглавления в Своде 1952 года есть позднейшая приписка: «В общем хронологическом порядке с выносом вперед стих.<отворения> “Я не ищу гармонии в природе” (как в кн.<иге> 1956 г.)». Имеется в виду Ст57, где стихотворение было первым (С. 5—6).

Воздушное путешествие (С. 251) — Впервые, без строфы 3: НМ. 1947. № 10. С. 120. Полностью: Ст48. С. 24—25. В Своде 1948 года датировано: *май 1947, Тбилиси*. Об обстоятельствах, вызвавших к жизни стихотворение, писал П. Г. Антокольский: «...мы оба вошли в группу писателей, ехавших по командировке СП СССР в Грузию. Дело было весной 1947 года. Группа состояла из Тихонова, Заболоцкого, Гольцева, Межирова и меня. Заболоцкий впервые тогда летел в самолете» (Во384. С. 202).

Храмгэс (С. 252) — Впервые: НМ. 1947. № 10. С. 121. *ХрамГЭС* — гидроэлектростанция на реке Храми в Грузии.

Сагурамо (С. 254) — Впервые: ДН. 1948. № 17. С. 136. Публикацию сопровождали 2 авторских примечания: «1. “*Сагурамо*” — бывшее имение Ильи Чавчавадзе, некогда принадлежавшее Гурамишвили. Невдалеке от Сагурамо, на месте убийства Чавчавадзе, воздвигнут обелиск его имени. Ныне Сагурамо — Дом творчества грузинских писателей. 2. *И странники Гурамишвили...* — В 1724 г., гонимые турками и персами, свыше тысячи грузин вместе с царем Вахтангом VI нашли убежище в России. К ним присоединился и поэт Гурамишвили, рассказавший об этом в исторической поэме “Беды Грузии”».

Ночь в Пасанаури (С. 255) — Впервые: НХГ. С. 180—181.

Я трогал листы эвкалипта (С. 256) — Впервые: Ст48. С. 45—46.

Лодейников (С. 257) — Впервые, в окончательной редакции: Ст57. С. 13—18. Разборы: *Филитов Г. В.* О «Лодейникове» Н. Заболоцкого (К проблеме эволюции творческих принципов) // Советская литература: Проблемы мастерства. Л., 1968. С. 167—181; *Шайтанов И. О.* «Лодейников»: ассоциативный план // Вопросы литературы. 2003. № 6. С. 168—181; *Перемышлев Е. В.* Заболоцкий: От «Лодейникова» до «Прощания

с друзьями»: Интерпретация одного метатекста // Литература: Приложение к газете «Первое сентября». 2004. № 42 (561). 8—15 ноября; *Лоцилов И. Е.* «Иероглифика» Николая Заболоцкого (К реконструкции замысла поэмы о Лодейникове) // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. М., 2007. С. 160—168.

Урал. Отрывок (С. 262) — Впервые: Ст48. С. 37—40. Стихотворение связано — благодаря имени героини (*Лариса*) — с циклом о Лодейникове.

Город в степи (С. 264) — Впервые: НМ. 1947. № 5. С. 103—105. О жизни Заболоцких в Караганде см.: *Попов Ю. Г.* Заболоцкий в Караганде // Простор. 1984. № 4. Алма-Ата. С. 202—204; *Он же.* Их помнит Сарыарка. Алма-Ата, 1989; *Могильницкий В. М.* «И ветер гонит тьму тысячелетий» // Труд. 1998. № 62 (23045). 4 апр. С. 5; *Он же.* «Милостью Божьей, упорством своим...» // Нива: Казахский литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал. 2008. № 9. Астана. С. 158—167. Название стихотворения отсылает к названию романа А. С. Серафимовича «Город в степи» (1912) и к поэме А. И. Гитовича «Город в горах» (ЛС. 1939. № 1. С. 14—27). В фонде А. Е. Крученых хранится небольшое деловое письмо, посланное работавшей в редакции журнала О. В. Ивинской 11 мая 1947 г. из Тбилиси (РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1. Ед. хр. 505): «Дорогая Ольга Всеволодовна! Посылаю “Город в степи” — исправленный вариант. Думаю, что теперь возражений не будет. Но верблюд, конечно, стал беднее. Простите за плохо переписанные стихи. Здесь, по правде говоря, пока не до стихов, т. к. прилетев вчера, мы попали в шум и суету первых встреч, что продолжается и сегодня. Прошу передать мой привет Лидии Корнеевне. Будьте здоровы и пишите мне по адресу Симона Чиковани. Н. Заболоцкий». Автограф первоначальной редакции стихотворения: РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1. Ед. хр. 1136. Л. 17—18. После стиха «Головки на закат поворотив»:

И вот, ступив ногой на солончак,
Стоит верблюд, Ассаргадон пустыни,
Дитя печали, гнева и гордыни,
С тысячелетней тяжестью в очах.
Косматый лебедь каменного века,
Он плачет так, что слушать нету сил,
Как будто в этом царстве человека
Остаток жизни стал ему не мил.
Как будто все отчаянье природы
Он воплотил в надменности своей.

И что́ ему высокий мир свободы,
Коль нет ему свободы от скорбей?
Он — азиат, он с головы до ног
Пропитан черной мглой магометанства,
Преодолев пустыни и пространства,
Он сам себя преодолеть не мог.

В тайге (С. 267) — Впервые: Ст48. С. 29—30.

Творцы дорог. Поэма (С. 268) — Впервые: НМ. 1947. № 1. С. 101—104. Подзаголовок был снят в издании: Ст48. С. 31. На основе опущенной в окончательной редакции главки (см. наст. изд., с. 269—271) в 1951 г. Заболоцкий подготовил текст для кантаты, впервые исполненной в 1959 г. и изданной много позже: *Пейко Н. И.* Строители грядущего: Кантата для меццо-сопрано, смешанного хора и симфонического оркестра. Стихи Н. Заболоцкого. Переложение для пения с фортепиано автора. М., 1968. Композитор Николай Иванович Пейко (1916—1995) был соседом Заболоцкого по «поселку» на ул. Беговая, где Заболоцкий в 1948 г. получил двухкомнатную квартиру при содействии А. А. Фадеева.

СТРОИТЕЛИ ГРЯДУЩЕГО

Посмотрите: от края до края,
Созидательной мощи полна,
С каждым днем на глазах вырастая,
Поднимается наша страна.

Богатырское чудится что-то
В этом шуме великих работ,
По плечу нам любая работа,
Коль свободен и счастлив народ.

В едином действии людей
Дух мысли заключен нетленной.
Народ — строитель, чародей —
Стоит перед лицом Вселенной.

Познали мы в труде своем
Многообразный мир природы,

Ее неистовые своды,
Ее тайгу и бурелом.

Тому, чья мысль погружена
В неутомимые исканья,
Кому и навыки, и знанья
Дала великая страна,

Дала, чтоб мы среди степей,
В пустынях диких и безводных,
В бессмертных подвигах народных
Служили Родине своей.

Далеко от родимого края,
Исполняя народный приказ,
Мы идем, по пустыням шагая,
И Отчизна приветствует нас.

Мы идем через горы и воды,
Мы идем по просторам степей,
Нам ли милостей ждать от природы?
Нужно взять их рукою своей.

Их нужно взять рукою своей,
Их нужно взять рукою своей,
Их нужно взять рукою своей,
Их нужно взять рукою своей!

Валят с ног нас холодные ветры,
Засыпает дорогу пурга,
Но ложатся дорог километры
Вслед за нами сквозь лес и снега.

Перед нами дымятся болота,
Реки нам угрожают бедой,
Но мостов голубые пролеты
Возникают у нас за спиной.

Над горами бушуют метели,
Ураган нашу кровь леденит,

Но залитые светом тоннели
Прорезают за нами гранит.

Поднимайте заздравные чаши
За святой человеческий труд,
Чтобы дети запомнили наши,
Как мы с вами работали тут.

В царстве далеких туманов,
До последних пределов земли,
Мы, подобно шеренге титанов,
По дороге бессмертия шли.

И дети наши будут долго
Своим рассказывать сынам,
Как засверкала наша Волга
Огнями светлых панорам.

Как на поля едва живые
Речные воды потекли,
Как свет сияющий впервые
Москве послали Жигули.

Как расцвела душа растений,
Там, где царил лишь суховой,
Как пронеслись по небу тени
Межзвездных первых кораблей.

Шумит и строится Отчизна,
Растет могучий наш народ,
И солнце новой светлой жизни
Над нашей Родиной встает.

Согласно партитуре, строфы 13 («Поднимайте заздравные чаши...») и 14 («В царстве далеких туманов...») должны звучать одновременно; возможно, этим объясняется сбой поэтического размера в начале строфы 14. *Нам ли милостей ждать от природы? / Нужно взять их рукою своей.* — Контаминация цитат: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача» (И. В. Мичурин; ср. стихотворение «Венчание плодами») и «Добьемся мы освобожденья / Своею собственной рукой» («Ин-

тернационал» Э. Потье в переводе А. Я. Коца). *Межзвездных первых кораблей...* — Возможно, эта строфа в редакции 1951 г. выглядела иначе, и упоминание о космических кораблях возникло в результате правки редактора или композитора при подготовке к изданию партитуры в 1968 г.

Название содержит переключку со стихотворением А. И. Гитовича «Строитель дороги» («Он шел по болоту, не глядя назад...»), опубликованном в газете «Фронтальная правда» (1942. 24 окт.) и в журнале (3. 1943. № 2. С. 13), где речь идет не о заключенных, а о трудовом подвиге солдата. В. А. Каверин писал: «...Заболоцкий написал произведение о доблести труда, не упомянув ни словом о том, что это был рабский, подневольный труд. Не думаю, что ему легко далось стихотворение “Творцы дорог”» (Каверин В. А. Эпилог: Мемуары. М., 2002. С. 310). О трудностях прохождения в печать см.: Чуковская Л. К. Полгода в «Новом мире». О Константине Симонове // Чуковская Л. К. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 173—228). Критика отреагировала на публикацию, которая могла послужить «барометром официальной значимости и надежности положения автора» (ЖНЗ. С. 431), крайне враждебно (Макаров А. Поворот к современности: «Новый мир» №№ 1, 2, 3 за 1947 // Литературная газета. 1947. № 21 (2336). 24 мая 1947. С. 2; Данин Д. Мы хотим видеть его лицо // Литературная газета. 1947. № 67 (2382). 27 дек. С. 3; Луконин М. Проблемы советской поэзии (Итоги 1948 года) // 3. 1949. № 3. С. 188—189). В поддержку поэта выступил лишь А. А. Фадеев, который упомянул поэму в докладе на XI пленуме Правления ССП СССР в благоприятном контексте ([Фадеев А. А.] Советская литература после Постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Доклад генерального секретаря ССП СССР тов. А. Фадеева [Советская литература на подъеме] // Литературная газета. 1947. № 26 (2341). 29 июня. С. 1). *В свои права вступает аммонал...* — *Аммонал* — взрывчатая смесь из аммиачной селитры и металлического алюминия. *Уже трещат бикфордовы шнуры...* — *Бикфордов шнур* — огнеупорный шнур для передачи теплового импульса (пучка искр) капсулю-детонатору через строго определенный промежуток времени при взрывных работах. *Навстречу льдам Берингова пролива...* — *Берингов пролив*, пролив между Азией и Северной Америкой, соединяет Северный Ледовитый океан (Чукотское море) с Тихим океаном (Беринговым морем). *Когда горят над сопками Стожары...* — *Стожары* — народное название звездного скопления Плеяд. *Нас ветер бил с Амура и Амгуни...* — *Амгунь* — левый приток нижнего Амура (Хабаровский край). *Где молится березам бурундук...* — Ср. письмо 17 из «Ста писем 1938—1944 года». *И мы стояли на краю дороги, / Сверкающие заступы подняв...* — Ср. финал стихотворения «Возвращение с ра-

боты» (1954): «А мы шагали по дороге / Среди кустарников и трав, / Как древнегреческие боги, / Трезубцы в облако подняв».

Завещание (С. 273) — Впервые: Ст48. С. 52—53. Варианты названия: «На склоне лет» (автограф, датированный 17 ноября 1947 г.) и «Напоминание» в Своде 1948 года (исправлено на «Завещание»).

Кузнечик (С. 274) — Впервые: СиП. С. 311. Об образе кузнечика в поэзии Заболоцкого см.: [Россомахин А.] Кузнечики Николая Заболоцкого, собранные Андреем Россомахиным; с приложением иллюстрированной библиографии прижизненных книг Заболоцкого. СПб., 2005.

Начало стройки (С. 274) — Впервые: НМ. 1972. № 12. С. 181. Источник: машинописный Свод ноября 1948 года (РГАЛИ. Ф. 3112 (Н. Л. Степанов). Оп. 1. Ед. хр. 193).

В новогоднюю ночь (С. 275) — Впервые: ДП. М., 1983. С. 88—89; Собеседник: Вып. 4. М., 1983. С. 299—301. Публ. Е. В. и Н. Н. Заболоцких.

Садовник (С. 277) — Впервые: Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 67. Кафедра русской литературы / Отв. ред. С. В. Касторский. Л., 1948. С. 14. Стихотворение было написано для сборника, посвященного 70-летию юбилею Василия Алексеевича Десницкого (Строева; 1878—1958), профессора, декана филологического факультета ЛГПИ им. А. И. Герцена. Сборник под редакцией С. В. Касторского включал статьи Б. М. Эйхенбаума, Г. А. Гукковского, А. П. Скафтымова, стихотворные посвящения Н. А. Заболоцкого и Н. Н. Брауна; подвергся разгромной критике в связи с начавшейся кампанией по борьбе с безродными космополитами: *Ермолаев О.* Потоки юбилейного пустословия // Литературная газета. 1949. № 74 (2561). 14 сент. С. 3.

Пир в колхозе «Шрома» (С. 278) — Впервые: Год XXXI: Альманах первый. М.: Советский писатель, 1948. С. 402—404. Под назв. «В колхозе “Шрома”»: НХГ. С. 182—184.

<Письмо Е. Л. и Е. И. Шварцам> («Тот Женька-плут...») (С. 281) — Впервые: СС2 II. С. 258—259. Автограф: РГАЛИ. Ф. 2215 (Е. Л. Шварц). Оп. 1. Ед. хр. 155.

Жена (С. 282) — Впервые, без названия («Откинув со лба шевелюру...»): НМ. 1953. № 10. С. 43—44.

Журавли (С. 283) — Впервые: ЛМ I. С.446—447. Воспроизведен сюжет одноименного стихотворения Н. Л. Брауна (1940; переиздано в сборнике «Долины родины моей» в 1947 г.), в прошлом — товарища Заболоцкого по «Мастерской слова» и журналу «Мысль» (см. об их отношениях: ЖНЗ. С. 77—81). Композиционно аморфное стихотворение состояло из 17 четверостиший, написанных белым нерифмованным 5-стопным хореем с женскими окончаниями, размером стихотворений «Канун Купалы» И. А. Бунина, «Три жены мандарина» Н. С. Гумилева и некоторых участков поэмы М. Горького «Девушка и Смерть». *И частица дивного величья...* — «Николай Алексеевич рассказал, что раньше у него было не “дивного”, а “Божьего”. “Ну, это, конечно, цензура вам поправила?” — спросила его при мне Лидия Корнеевна Чуковская. — “Нет, я сам поправил”. Когда мы остались наедине, я стала спрашивать, зачем же он исправил: ведь “Божьего” — лучше? “Да нет, это совершенно одно и то же. Вспомни значение слова «диво» в древнерусском языке”. Я перестала спорить, но тут же при нем взяла подаренный им экземпляр “Литературной Москвы” (с надписью: “Наташа — Тебе”) и исправила, сделала “Божьего”. Он благосклонно молчал» (Роскина Н. А. Николай Заболоцкий // Роскина Н. Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Paris, 1980. С. 86). *Погружался медленно на дно...* — В 1958 г. к Заболоцкому обратился доцент кафедры зоологии МГУ Константин Николаевич Благодосклонов (1910—1985), составитель и редактор издания: День птиц. Стихи и проза о птицах, сборник. М.: Всероссийское общество содействия охране природы и озеленению населенных пунктов. 1959. Он попросил разрешения включить стихотворение в книгу, но настоятельно порекомендовал изменить эту строку: «Рубашку из металла еще можно принять — птица стального цвета, но чтобы птица тонула — поверить нельзя никак». Заболоцкий предложил вариант «Уплывал, не падая на дно», и именно в такой курьезной редакции стихотворение вошло в книгу, которая вышла в свет уже после смерти поэта (С. 130—131).

Прохожий (С. 284) — Впервые: ТС. С. 311. Разбор: Лотман Ю. М. «Прохожий» Н. Заболоцкого // Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л., 1972. С. 256—270.

Читая стихи (С. 285) — Впервые: НМ. 1956. № 6. С. 135. Вопрос о том, чьи стихи подразумеваются в этом стихотворении, многократно ставился исследователями. Наиболее распространенные кандидатуры: О. Э. Мандельштам, Б. Л. Пастернак, В. В. Хлебников, Д. И. Хармс, сам Заболоцкий периода «Столбцов». См.: Шром Н. И. «...Возможно ли русское слово превратить в щebetанье щегла» (К проблеме адресата стихотворения Н. А. Заболоц-

кого «Читая стихи») // *Русская литература в историко-культурном контексте*. Philologia: Рижский филологический сборник. Вып. 1. Рига, 1994. С. 120—122. Утрированный дидактизм интонации позволяет предположить, что замысел стихотворения связан с пародированием не столько сочинений какого-то конкретного поэта, сколько назидательную риторику официальной критики.

Когда вдали угаснет свет дневной (С. 286) — Впервые: ЛМ II. С. 415. Разбор: *Užarevič J.* Николай Заболоцкий и его вселенная («Когда вдали угаснет свет дневной...»: опыт интерпретации) // *Sub Rosa. In Honorem Lénæ Szilárd.* Budapest, 2005. S. 585—593.

Оттепель (С. 287) — Впервые: НМ. 1953. № 10. С. 43. Последнее четверостишие было написано в 1953 г., вместо двух строф, известных благодаря Своду 1948 года; при подготовке к публикации А. Т. Твардовский настоятельно рекомендовал автору изменить финал, возможно связанный с «теорией самозарождения» О. Б. Лепешинской:

Около снежных закуток
В первый весенний сосуд
Толпы весенних малюток
Влагу в ладонях несут.

Кто вы, малютки вселенной?
Вам ли обнять суждено
То, что для жизни мгновенной
Нашему сердцу дано?

Приближался апрель к середине (С. 287) — Впервые: О. 1956. № 12. С. 132.

Поздняя весна (С. 288) — Впервые: Ст57. С. 77—78. В Сводах 1948 и 1952 годов под названием «Весна».

Полдень (С. 289) — Впервые: Ст57. С. 80.

Лебедь в зоопарке (С. 290) — Впервые: ЛМ I. С. 447—448.

Сквозь волшебный прибор Левенгука (С. 291) — Впервые: Ст57. С. 83. Перекликается с стихотворением Н. А. Морозова «Мир в капле воды» и посвященным микромиру пассажем из поэмы Э. Дарвина «Храм природы»

(Холодковский Н. Храм природы [Поэма Эразма Дарвина] // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Новая серия. Ч. XXXII. № 3. Отд. 2. С. 1—64).

Тбилисские ночи (С. 292) — Впервые: Ст57. С. 84—85.

На Высокой горе у Тагила (С. 293) — Впервые в: *Лощилов И. Е.* Николай Заболоцкий: три сюжета // *Поэтика финала.* Новосибирск, 2009. С. 111—112. Стихотворение написано в связи с восстановлением вагонного производства на Уральском вагоностроительном заводе. В годы войны сюда были эвакуированы 11 предприятий западной части СССР, и завод был переоборудован для производства танков (знаменитых Т-34) и другой военной техники. 29 декабря 1947 г. Заболоцкий писал С. Чиковани: «...начал писать поэму; собираюсь ехать в Магнитогорск, чтобы пожить там и набраться уму-разуму» (ССЗ I. С. 617). Можно предположить, что, как и «Урал», стихотворение связано с этим замыслом: горы Благодать и Высокая на Среднем Урале и гора Магнитная на Южном — единый комплекс поставщиков высококачественных железных руд для страны. Поездка не состоялась: «Отсоветовал Степанов и от поездки в Магнитогорск: с паспортом и положением Заболоцкого неосторожно было появляться в индустриальном центре, да еще посещать заводы, знакомиться с рабочими. В случае надобности в руках госбезопасности все это могло стать удобным предлогом для обвинения в шпионаже» (ЖНЗ. С. 459—460). *Пятилетнего плана работ...* — речь идет о четвертой, «восстановительной» пятилетке (1946—1950). *Чтобы плакала дева Обида...* — Образ, восходящий к «Слову о полку Игореве». В переложении Заболоцкого соответствующее место читается: «Поднялась Обида от курганов / И вступила девой в край Траянов» (ССЗ II. С. 14).

Преображение степей (С. 294) — Впервые, по машинописной копии, принадлежавшей Н. Л. Степанову: ДН. 1949. № 4. С. 13. Стихотворение написано в связи с кампанией по посадке лесозащитных полос в степной и лесостепной зоне. В домашнем архиве сохранилась другая редакция, под названием «Степь зовет» (ПССиП. С. 403—404), в которой текст третьей части иной:

Гой вы, степи, поля золотые,
Дети Русской великой земли,
Ямщиков голоса удалые,
Ковыли, ковыли, ковыли!

Опаленные горем крестьяне,
Вековая соха да кистень,
В беспросветном горячем тумане
Очертанье нагих деревень!
Кто из вас, ненавидевших барство,
Мог подумать, что в этом краю
Выйдет на поле все государство,
Совершенствою землю свою?
Отгремело далекое время,
Улетело, рассыпалось в прах.
Здравствуй, новое юное племя
С семенами растений в руках!

Г-же Екатерине Ивановне Шварц (урожд. Обуховой) (С. 296) — Впервые: СС2 II. С. 258—259. Автограф: РГАЛИ. Ф. 2215. Оп. 1. Ед. хр. 319. Написано ко дню рождения Е. Л. Шварца (31 мая). *Ровно двадцать лет назад...* — Знакомство Е. Л. Шварца и Е. И. Шварц (урожд. Обухова; по первому мужу — Зильбер; 1903—1963) состоялось в 1928 г. на квартире Ю. Н. Тынянова.

На рейде (С. 297) — Впервые: ДН. 1946. № 4. С. 49.

Гурзуф (С. 298) — Впервые: Ст57. С. 88.

Светляки (С. 298) — Впервые: Ст57. С. 89. Написано в Сочи в июле 1949 г. Стихотворение носит кризисный характер: «После “Светляков” муза Заболоцкого молчала почти три года» (ЖНЗ. С. 497).

«Не стало в доме мне житья...» (С. 299) — Впервые в: *Заболоцкий Н. Н.* Об отце и о нашей жизни // Во384. С. 266. Ср. в письме к Е. Л. и Е. И. Шварцам от 13 июля 1950 г.: «Моя законная жена с отличными показателями закончила всемирно известные Курсы Кройки и Шитья и получила соответствующий диплом, вызывающий удивление во всей округе» (СС3 III. С. 363).

Башня Грени (С. 299) — Впервые: НХГ. С. 178—179.

Счастливец (С. 301) — Впервые: СС3 III. С. 464.

«Мне жена подарила пижаму...» (С. 301) — Впервые: СС3 III. С. 465.

<Дарственная надпись С. И. Липкину на томе Важа Пшавелы> («Семен, напрасно люди врут...») (С. 301) — Впервые в: *Липкин С. И.* Несколько страничек о Н. А. Заболоцком // Во377. С. 278. Подаренная С. И. Липкину книга: *Важа Пшавела. Поэмы / Пер. с грузин. Н. Заболоцкого; ред. и примеч. П. Ингорюва.* Тбилиси, 1951.

Старая сказка (С. 302) — Впервые: ТС. С. 311.

Облетают последние маки (С. 302) — Впервые: Знамя. 1960. № 12. С. 66.

Воспоминание (С. 303) — Впервые: ТС. С. 311.

Прощание с друзьями (С. 304) — Впервые: ДП. М., 1956. С. 13. В этой, единственной прижизненной, публикации строка «И уж не в силах вспомнить ваш язык» была воспроизведена с опечаткой (?): «И уж не в силах вспомнить вам язык». Разбор: *Эткинд Е. Г.* Заболоцкий. «Прощание с друзьями» // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973. С. 298—310.

Каверинский юбилей (С. 304) — Впервые: ОМС. С. 674.

<Л. К. Степановой> («Вы прекрасны без прикрас...») (С. 305) — Впервые: ПССиП. С. 436.

Похвальное слово о Колином телосложении (С. 305) — Впервые: ССЗ I. С. 469—470.

<Басни, посвященные Н. Л. Степанову> (С. 307) — Н. Л. Степанов писал: «Он охотно писал шуточные стихи, в которых давал волю самому безудержному и вместе с тем милому юмору. Таковы, например, “Записки аптекаря” или шуточные басни, преподносимые мне обычно в день рождения, как исследователю Крылова» (*Степанов Н. Л.* Из воспоминаний о Н. Заболоцком // Во384. С. 175).

Пишмашинка и автор (С. 307) — Впервые: *Заболоцкий Н. А.* Красота Груни // ДП. М., 1982. С. 170.

Невоздержанный едок (С. 307) — Впервые: ОМС. С. 678.

Коля и блоха (С. 308) — Впервые: *Заболоцкий Н. А.* Красота Груни // ДП. М., 1982. С. 170.

Коля и муравей (С. 308) — Впервые: ПССиП. С. 438.

Филолог и машинистка (С. 308) — Впервые: ОМС. С. 679.

Догадливая курица (С. 308) — Впервые: *Заболоцкий Н. А.* Красота Груни // ДП. М., 1982. С. 170.

Бегемот и писатель (С. 308) — Впервые: ОМС. С. 679.

Суслик-парикмахер (С. 309) — Впервые: ПССиП. С. 439.

Покорение страстей (С. 309) — Впервые: ОМС. С. 679.

Поздравление дорогомү именьнику (С. 309) — Впервые: ПССиП. С. 440. Посвящено Н. Л. Степанову.

Сон (С. 310) — Впервые: Сип. С. 126—127. Разбор см.: *Яблоков Е. А.* В поисках души («Юбилейные» стихи Н. Заболоцкого начала 1950-х годов) // СПиСП. С. 156—166.

Весна в Мисхоре (С. 311) — Впервые: Ст57. С. 92—92. Отдельная публикация стихотворения «Учан-Су»: ДН. 1956. № 4. С. 51. Известно стихотворение И. А. Бунина «Учан-Су» (1910), однако одноименное стихотворение Заболоцкого более перекликается со стихотворением А. Ф. Мейснера «У водопада Учансу» из цикла «Крым» (ср.: «С недосыгаемой вершины, / Где тучки вольные скользят» и «Внимая собственному вою, / С недосыгаемых высот»).

Портрет (С. 312) — Впервые: НМ. 1956 № 6. С. 134. Федор Степанович Рокотов (1735?—1808) — художник, портретист, представитель школы рококо. В книге о его творчестве Заболоцкий подчеркнул слова: «...то трепетанье живой жизни, та одухотворенность, которая удавалась только Рокотову и которая никогда не удавалась копировальщикам с него» (*Лебедев А. В.* Ф. С. Рокотов (Этюды для монографии). М., 1941. С. 68). Александра Петровна Струйская (урожд. Озерова; 1754—1840) — жена поэта, критика и издателя Николая Еремеевича Струйского (1749—1796), бабушка поэта А. И. Полежаева. Портрет, хранящийся в Третьяковской галерее, был написан в 1770-е гг. В 1950-е гг. Заболоцкий приобрел женский портрет работы неизвестного художника: «Регулярно заходил в комиссионный магазин, где продавали картины. Из немногих купленных им картин особенно гордился женским портретом школы Рокотова, любил показывать его знакомым, однажды попросил

сфотографировать себя на фоне этого портрета» (*Заболоцкий Н. Н.* Об отце и о нашей жизни // Во384. С. 268). Возможными источниками являются два стихотворения Александра Федоровича Мейснера (1865—1922): «Портрет» и «Весенний сумрак» (см.: *Лоцилов И. Е.* К источникам поэтики позднего Заболоцкого: А. Ф. Мейснер // ЗЧ. С. 98—104). Разборы: *Григоренко В. А.* Два портрета (Стихотворение Н. Заболоцкого и портрет А. П. Струйской кисти Рокотова) // Русский язык в школе. 1992. № 3/4. С. 3—6; *Вобрук Р.* Несколько замечаний о том, как поэты пишут портреты. На примере «Портрета» Николая Заболоцкого // ВСЛСП. С. 150—159).

«Я воспитан природой суровой...» (С. 313) — Впервые: ДН. 1956. № 4. С. 51.

Поэт (С. 314) — Впервые: Ю. 1956. № 10. С. 91. Героем стихотворения является Б. Л. Пастернак, отношение к поэзии которого на протяжении жизни Заболоцкого эволюционировало от неприятия до искреннего восхищения. О посещении Пастернака в 1953 г. говорится в воспоминаниях Г. Маргвелашвили: «Николай Алексеевич вместе с Симоном Чиковани побывал в гостях у Бориса Леонидовича в Переделкине, читал там свои новые стихи из созерцательно-философских, вызвав у “собеседника сердца” дружелюбно-шутливую реплику: “Николай Алексеевич, да, оказывается, я по сравнению с вами — боец!” Об этом эпизоде рассказывали мне и Симон Чиковани, и сам Николай Алексеевич» (Во384. С. 231).

Дождь (С. 315) — Впервые: О. 1956. № 6. С. 123. Критический пассаж о стихотворении содержался в статье, посвященной поэзии М. А. Дудина: *Назаренко В. А.* Оригинальность и жизнь // Новый мир. 1955. № 9. С. 258—259.

Песня дождя (Подражание С. Чиковани) (С. 315) — Впервые: ДП. М., 1969. С. 259—260. Представляет собою сокращенный вариант вольного перевода с грузинского стихотворения С. И. Чиковани «Под дождем». В письме к С. Чиковани 28 августа 1953 г., Н. Заболоцкий писал: «Твои стихи о дожде — прелесть. Я переводил их с наслаждением. Посылаю переводы. Есть в них и вольности, но в целом я доволен. Сообщи мне свои замечания» (ОМС. С. 639). Заболоцкий перевел три стихотворения Чиковани о дожде: «Летний дождь», «Дождь идет» и «Под дождем». Перевод стихотворения «Под дождем» показался автору слишком вольным, и оно было напечатано в переводе С. Д. Спасского, сделанном в 1930-е гг. (*Чиковани С.* Стихотворения. М., 1957. С. 13—17). Заболоцкий снабдил перевод подзаголовком и после незначительного сокращения стал считать сво-

им стихотворением. В итоговый корпус, согласно *Литературному завещанию*, «Песня дождя» не включена; см. коммент. к стихотворению «Осенний клен (Из С. Галкина)». Симон Иванович Чиковани (1902/1903—1966) — грузинский поэт, друг Н. А. Заболоцкого.

Ночное гулянье (С. 316) — Впервые: Ю. 1956. № 10. С. 91.

Неудачник (С. 317) — Впервые: О. 1956. № 7. С. 82.

<Сыну Никите — студенту сельскохозяйственной академии> («Однажды некий агроном...») (С. 318) — Впервые: ОМС. С. 607—608. Стихотворение и рисунок были посланы вместе с письмами от Е. В. и Н. Н. Заболоцких сыну, который проходил сельскохозяйственную практику в Сталинградской области. Н. Н. Заболоцкая писала брату: «Я к папе приставала, чтобы он написал тебе пару слов. И он написал» (Там же. С. 607).

Ходоки (С. 318) — Впервые: ДН. 1955. № 11. С. 3—4. Вариант названия: «Хлеб» (РГАЛИ. Ф. 1494 (Н. А. Заболоцкий). Оп. 2. Ед. хр. 2). «Обычно Николай Алексеевич избегал разговоров о Ленине, как и вообще о политике, но об этом стихотворении однажды сказал: — Нужно мне было написать стихотворение о Ленине. Я подумал, что бы я мог о нем сказать, не кривя душой. И нашел ту тему, которая всегда была мне близкой, — написал о крестьянах» (ЖНЗ. С. 544). В папке, куда Заболоцкий складывал в 1950-е гг. вырезанные из журналов репродукции произведений русской и мировой живописи, хранилась репродукция картины В. А. Серова «Ходоки у Ленина» (1950) — вероятный источник сюжета стихотворения. Источник вырезки: Огонек. 1952. № 45. Ил. между с. 16 и 17.

Возвращение с работы (С. 320) — Впервые: Ст57. С. 103.

Шакалы (С. 321) — Впервые: ДН. 1956. № 4. С. 49—50.

В кино (С. 322) — Впервые: О. 1956. № 7. С. 81. «Однажды, еще в 1954 году, Николай Алексеевич, Екатерина Васильевна и В. С. Гроссман пошли отдохнуть в парк стадиона “Динамо” и после прогулки зашли в кинотеатр, расположенный под трибунами, окружающими футбольное поле. До начала сеанса в фойе выступал с комическими рассказами артист в коричневом костюме. Но ни этот примитивный остряк, ни фильм (кажется, он назывался «Робот») не занимали Заболоцкого. Наблюдая за зрителями, он заметил в толпе грустную, усталую женщину и обра-

тил на нее внимание своих спутников. Прошло совсем немного дней, и он написал стихотворение “В кино”. С точки зрения “инстанций” плохо в нем было и скептическое отношение к массовому искусству, и образ женщины, измученной тяжелой жизнью, и особенно намек на судьбу ее мужа, по всей видимости, — заключенного. Предположение, что муж, “гонимый жестокой судьбою, пропадает в далеком краю”, было недопустимо. Идя навстречу редакторам, Заболоцкий убрал слово “жесточкой” и написал: “Иль оторван от дома судьбою”, но с последней строчкой строфы ничего поделать не мог: “навсегда он покинул семью”, “не вернулся обратно в семью”, “забывает подругу свою”, “где-то странствует в дальнем краю”... Все это не подходило, написанная строчка была единственно верной. В результате ни в первый, ни во второй выпуск “Литературной Москвы” это стихотворение не прошло. Вот как пишет Каверин об утверждении состава второго сборника: “На ночном заседании в Гослитиздате удалось вырвать согласие А. Котова на четыре стихотворения. Пятое — “В кино” — отстоять не удалось”» (ЖНЗ. С. 545). Возможно, это был научно-фантастический антиамериканский фильм «Серебристая пыль» (1953), в основе которого лежала пьеса А. Якобсона «Шакалы»; в этом случае можно предположить ассоциативную связь с предшествующим стихотворением.

Бегство в Египет (С. 324) — Впервые: ТС. С. 311—312.

Осенние пейзажи (С. 325) — Впервые: ЛМ I. С. 445—446. Стихотворение «Осеннее утро» носило здесь названием «Утро», «Последние канны» — «Канны». В окончательной редакции: Ст57. С. 108—109.

Некрасивая девочка (С. 326) — Впервые: ЛМ I. С. 444—445. Стихи: «Томит ее и вон из сердца рвется / И девочка ликует и смеется» — выглядели иначе: «Ее переполняет, и смеется / Дурнушка маленькая с ротиком уродца». Изменено в Ст57 (С. 110) по совету М. И. Алигер, указавшей в рецензии (вероятно, «внутренней»): «“Дурнушка” и “уродец” в одной строке, — пожалуй, это слишком и лексически и смыслово» (Во377. С. 212). Исходный вариант содержал отсылку к стихотворению С. Я. Надсона «Дурнушка» (1883), финал которого сохранился в речевом обиходе XX в. благодаря реплике героини Ф. Г. Раневской в фильме «Весна» (1947), но утратил связь с именем автора: «Ах, красота — это страшная сила».

«При первом наступлении зимы...» (С. 327) — Впервые: ЛМ II. С. 417.

Осенний клен (Из С. Галкина) (С. 328) — Впервые в: *Галкин С. З.* Стихи. Баллады. Драммы. М., 1958. С. 27. Единственное стихотворение-перевод, включенное в итоговый Свод 1958 года. Самуил Залманович Галкин (1897—1960) — поэт, драматург и переводчик; писал на иврите и на идиш.

О красоте человеческих лиц (С. 328) — Впервые: НМ. 1956. № 6. С. 135.

Наставление Шварцу (С. 329) — Впервые: ОМС. С. 679—680.

Наш праздник. Представление в 1 действии (С. 330) — Впервые: ССЗ I. С. 466—468.

Гимн СССР. <Текст на конкурс> (С. 333) — Впервые в: *Лоцилов И. Е.* Николай Заболоцкий: три сюжета // Поэтика финала. Новосибирск, 2009. С. 118. Источник: Тексты Гимна Советского Союза (десять вариантов). М., 1956 (РГАСПИ. Ф. 82 (В. М. Молотов). Оп. 2. Д. 279. Л. 191; То же: РГАСПИ. Ф. 84 (А. И. Микоян). Оп. 3. Ед. хр. 28. Л. 7). Брошюра без пагинации, без указания тиража, изданная для «внутреннего» пользования членов Комиссии по подготовке нового государственного гимна, образованной 7 декабря 1955 г., под председательством Д. Т. Шепилова. «Николай Алексеевич принял участие в закрытом конкурсе на новые слова гимна и неожиданно занял одно из первых мест. <...> с интересом участвовал в этой лотерее, надеясь остаться в выигрыше» (*Заболоцкий Н. Н.* Московское десятилетие: Главы биографии Н. А. Заболоцкого // *Московский вестник*. 1991. № 1. С. 310. В первом туре конкурса участвовало 67 поэтов, представивших 84 текста в запечатанных конвертах под девизами. Во второй тур прошло 11 вариантов, принадлежавших Н. А. Заболоцкому, М. В. Исаковскому, Б. Н. Кушелеву, С. В. Михалкову (два текста), С. Г. Островому, П. М. Панченко, Н. И. Рыленкову, М. Ф. Рыльскому, В. М. Саянову и С. И. Чиковани, чей вариант был напечатан без указания имени переводчика. Перевод с большой вероятностью принадлежал Заболоцкому (см.: *Лоцилов И. Е.* Указ соч. С. 125—126).

Старая актриса (С. 333) — Впервые: ЛМ II. С. 416—417.

Где-то в поле возле Магадана (С. 334) — Впервые, без стихов 17—20 (*Жизнь над ними в образах природы ~ Не смотрели больше на людей.*): ДП. М., 1962. С. 298; Литература и жизнь. 1962. № 149 (727). 16 дек. С. 1. Полностью: Сип. С. 144—145. Полемический ответ в стихотворной форме см.: *Нефедов П. П.* Созвездья Магадана // *Магаданская правда*. 1963.

2 февраля. С. 3. См. также: *Иванов Ю. П.* «Одиссея фантастических переживаний» (Тюремно-лагерная тема в творчестве Н. А. Заболоцкого) // *НЗиЕЛО*. С. 28; *Огрызко В.* Вокруг Магадана // *Мир Севера*. 2007. № 1. М., 2007. С. 22—31.

Поэма весны (С.335) — Впервые: ТС. С. 312. Стихотворение связано с работой над переводом: *Франко И.* Майские элегии // *НМ*. 1956. № 8. С. 138—141.

Противостояние Марса (С. 336) — Впервые: *НМ*. 1956. № 10. С. 104—105.

Гурзуф ночью (С. 338) — Впервые: *Знамя*. 1959. № 4. С. 99—100.

Над морем (С. 339) — Впервые: *НМ*. 1957. № 12. С. 137—138.

Последняя любовь (С. 339) — Впервые полностью: *И60*. С. 136—143 (в стихотворении «Чертополох» отсутствовали стихи 17—21). Части цикла печатались по отдельности: *Чертополох*: *ЛМ II*. С. 415—416; *Последняя любовь*: *Москва*. 1958. № 2. С. 83; *Морская прогулка*: Ст59. С. 173—174; *Встреча*: Там же. С. 179—180. Название цикла отсылает к одноименному стихотворению *Ф. И. Тютчева* (между 1851 и 1854 г.).

Из записок старого аптекаря (С. 347) — Впервые полностью: *ССЗ I*. С. 473—475. Фрагменты: *Либединская Л. Б.* Зеленая лампа. М., 1969. С. 346—347; *Вопросы литературы*. 1978. № 9. 296—297. Публ. и вступ. статья *Е. В. и Н. Н. Заболоцких*.

Смерть врача (С. 349) — Впервые, под названием «Врач»: *ДП. М.*, 1957. С. 44. Сюжет стихотворения восходит к газетной корреспонденции о трагической гибели армянского медика *Николая Насибяна* (вырезка хранилась среди бумаг поэта): ([*Без подписи*]) Подвиг сельского врача // *Правда*. 1957. № 67 (4097). 8 марта. С. 6).

Детство (С. 350) — Впервые: *ДП. М.*, 1957. С. 44. Разбор: *Баак Й. ван.* Заболоцкий м мир // *СПиСП*. С. 54—56.

Лесная сторожка (С. 351) — Впервые: *Москва*. 1957. № 5. С. 63.

Болеро (С. 352) — Впервые: Там же. С. 64. Единственное стихотворение *Заболоцкого*, печатаемое по первой публикации; ни автографа, ни авторизованных машинописных копий не обнаружено. «Болеро» (1928) — самое

известное сочинение Мориса Жозефа Равеля (1875—1937), французского композитора-импрессиониста; в основе лежит мелодия испанского народного танца. Г. Г. Маргвелашвили вспоминает о душевном кризисе 1957 г.: «Николай Алексеевич начал проигрывать пластинку с записью “Болеро” Равеля. Мы <мемуарист, С. И. Чиковани и А. Межиров> все сидели за столом — за “Мукузани”. Пластинка проигрывалась до конца, а Николай Алексеевич все ставил ее заново, и так несколько раз, нам же казалось — без конца. И сам по себе бесконечный круговорот равелевского ритма, круговращение “скудного и печального” “напева волынки”, трагически подчеркнутое вдруг на наших глазах Николаем Алексеевичем, создавало атмосферу до такой степени накаленную внутренне, что выхода, казалось, из этого замкнутого круга не было. Этот выход нашел сам Николай Алексеевич, вдруг откуда-то незаметно достав книжку Бунина и от начала до конца прочитав нам, замороженным, околдованным, онемевшим, потрясенным, небольшой рассказ “Ида”. И так же, как “Болеро”, эта “Ида” приобрела какой-то дополнительный щемящий и пронзительный смысл, то есть не приобрела, конечно, а открыла тающуюся в себе до поры силу — будто некий светильник включили в сеть с удвоенным вольтажом» (Во384. С. 237—238). *Испания! Я вновь тобою пьян!* — Возможно, имеется в виду возвращение к поэтике и проблематике стихотворения «Война — войне» (см. наст. изд., с. 234). *И нету с ним Долорес Ибаррури!* — Долорес Ибаррури Гомес (известна также под псевдонимом Пассионария, по-испански — цветок страстоцвет; 1895—1989) — деятель испанского и международного коммунистического движения, героиня республиканского движения в годы гражданской войны 1936—1939 гг., борец против режима Франко. С 1939 по 1975 г. жила в эмиграции в СССР. По-испански верно: Ибаррури, но в русской традиции закрепилась произнесение с другим ударением: Ибарру́ри.

Птичий двор (С. 352) — Впервые: И60. С. 153—154. Название и сюжет восходят к одноименному стихотворению Н. Л. Брауна (1929); см. коммент. к стихотворению «Журавли» в наст. изд.

Одиссей и сирены (С. 353) — Впервые: Литература и жизнь. 1959. № 34 (150). 20 марта. С. 3. После XX съезда КПСС «Заболоцкому стали звонить из “Нового мира”, из других журналов с просьбой прислать стихи. Просить-то просили, но публиковать хотели только то, что им подходило. Продолжали существовать строгие официальные ограничения. После очередного звонка из журнала или газеты Заболоцкий написал стихотворение “Одиссей и сирены”, в котором говорилось о том, как прекрасные русалки (подразумевались редакторы) заманивали древнегреческого путешествен-

ника (то есть поэта) и сулили ему любовь, вино и богатство» (ЖНЗ. С. 543). Перекликается со стихотворением Н. Ф. Щербины «Моряк» (1843), послужившим основой популярной с 1890-х гг. песни «Раскинулось море широко...»: «Не слышно на палубе песен, / Эгейские волны шумят... / Нам берег и душен, и тесен; / Суровые стражи не спят».

Это было давно (С. 354) — Впервые: И60. С. 157—158. Сюжет стихотворения восходит к эпизоду из времени лагерных бедствий поэта, описанному в письме 93 к сыну от 6 июня 1944 г. (см. наст. изд., с. 749). Название и размер (5-стопный анапест) отсылают к стихотворению С. А. Сафонова «Это было давно...» (1895); оно лежало в основе популярного в начале столетия одноименного романа (См.: Поэты 1880—1890-х годов / Под общ. ред. Г. А. Бялого. Л., 1972. С. 552, 696; Песни русских поэтов: В 2 т. Т. 2 / Подгот. В. Е. Гусева. Л., 1988. С. 281—283, 474).

Казбек (С. 356) — Впервые: НМ. 1957. № 12. С. 138.

Снежный человек (С. 357) — Впервые: И60. С. 161—162.

Одинокий дуб (С. 358) — Впервые: НМ. 1959. № 4. С. 53. Название отсылает к одноименному стихотворению А. А. Фета (1856).

Стирка белья (С. 359) — Впервые, без стихов 17—20: Знамя. 1959. № 4. С. 101—102. Полный текст: СиП. С. 165—166.

Летний вечер (С. 360) — Впервые: НМ. 1959. № 4. С. 54. Под названием «Первый вечер на Оке»: Ст59. С. 184—185.

Гомборский лес (С. 360) — Впервые: НМ. 1957. № 12. С. 139

Сентябрь (С. 361) — Впервые: Москва. 1958. № 2. С. 84.

Вечер на Оке (С. 362) — Впервые: НМ. 1957. № 12. С. 137. Под названием «Второй вечер на Оке»: Ст59. С. 190—191.

«Кто мне откликнулся в чаще лесной?..» (С. 363) — Впервые: Москва. 1958. № 2. С. 84.

Гроза идет (С. 364) — Впервые: Литература и жизнь. 1959. № 34 (150). 20 марта. С. 3.

«Когда бы я недвижимым трупом...» (С. 365) — Впервые: Сип. С. 311—312.

«Медленно земля поворотилась...» (С. 365) — Впервые: Сип. С. 312.

«Во многом знании — немалая печаль...» (С. 366) — Впервые: Сип. С. 313.

«Сраженное бессмысленной судьбой...» (С. 367) — Впервые, в составе цикла «Две встречи» под номером 1 (под номером 2 в одной из авторизованных машинописей было стихотворение «Встреча», вошедшее в состав цикла «Последняя любовь» под номером 9): ДП. М., 1962. С. 260.

Ненастье (С. 367) — Впервые: Москва. 1957. № 5. С. 63.

Голубое платье (С. 368) — Впервые: Москва. 1957. № 5. С. 62.

Венеция (С. 369) — Впервые: Литературная газета. 1958. № 8. 18 янв. С. 2. В октябре 1957 г. Заболоцкий принял участие в поездке делегации советских писателей в Италию. См.: *Заболоцкий Н. Н.* Влияние поездки в Италию на творчество Н. А. Заболоцкого; *Лощилов И. Е.* Об «Итальянской записной книжке» Николая Заболоцкого; *Заболоцкий Н. А.* Итальянская записная книжка // *Образы Италии в русской словесности* / Под ред. О. Б. Лебедевой, Т. И. Печерской. Томск, 2011. С. 573—646. Инициатором включения Заболоцкого в состав делегации был итальянский славист, переводчик и поэт Анджело Мария Рипеллино (1923—1978), автор эссе о поэте: *Ripellino A. M.* Diario con Zablockij // *Angelo Maria Ripellino. La letteratura come itinerario nel meraviglioso.* Torino, 1968. P. 251—266. На русском языке: *Рипеллино А. М.* Дневник с Заболоцким / Пер. М. Маурицио; примеч. И. Е. Лощилова // *Италия в русской литературе* / Под ред. Н. Е. Меднис. Новосибирск, 2007. С. 178—203. Еще в 1954 г. опубликовал в Италии семь стихотворений Заболоцкого в своих переводах (*Poesia russa del Novecento / Versioni, saggio introduttivo, profili bibliografici e note a cura di A. M. Ripellino.* Parma, 1954. P. 449—458). «Два стихотворения, посвященных Венеции (“Случай на Большом канале” и “Венеция”), написаны с заметным акцентом на социально-идеологический момент; в них упоминаются городские клоаки, нищета, бунт против богачей, власть иноземных заправил. Заболоцкий посчитал необходимым именно так написать об Италии, как бы оправдывая включение его в делегацию для зарубежной поездки. После публикации этих стихотворений оба они были забракованы автором и не вошли в свод его стихов. Из итальянских там осталось только “У гробницы Данте” — стихотворение о посещении могилы автора “Божественной комедии”» (ЖНЗ. С. 572).

Случай на Большом канале (С. 371) — Впервые: Там же. См. коммент. к предыдущему стихотворению.

«Разве ты объяснишь мне — откуда...» (С. 372) — Впервые: СиП. С. 316. Карандашный черновой набросок; на полях рядом со строфой 3: «Над поверхностью каждого слова / Шевелится бездонная тьма». Напротив последнего четверостишия:

Стоит только найти сочетание
Не рожденных во времени фраз
И мирозданья
рухнет на нас.

<Энгельс> («Когда он умер, труп его сожгли...») (С. 373) — Впервые в: *Лоцилов И. Е.* Поэзия Николая Заболоцкого: наука и паранаука // Язык как медиатор между знанием и искусством: Проблемы междисциплинарных исследований художественного текста. М., 2009. С. 186. Ф. Энгельс умер от рака пищевода 5 августа 1895 г. в Лондоне. Согласно воле покойного, его тело было кремировано, а урна с прахом опущена в море у Истборна.

«И куколку я видел, и она...» (С. 373) — Впервые: *Заболоцкий Н.* Стихи / Публ. Н. Н. Заболоцкого; подгот. текста И. Е. Лоцилова // НМ. 2012. № 6. С. 147.

Зеленый луч (С. 373) — Впервые: НМ. 1959. № 4. С. 53. Написано в Тарусе: «В живописный городок на Оке он попал по совету Антала и Агнессы Гидашей, с которыми после знакомства в 1946 году он вновь встретился и сблизился в Доме творчества в Дубултах. Именно там, на Рижском взморье, гуляя вечером с Гидашем вдоль берега, он увидел однажды счастливое знамение — мелькнувший среди облаков изумрудно-зеленый луч заходящего солнца. В Тарусе они оба вспомнили это видение, и Николай Алексеевич подумал, что вряд ли хватит его жизни, чтобы сбылась эта примета, сулящая ему счастье. Вскоре было написано стихотворение “Зеленый луч”» (ЖНЗ. С. 560). Название стихотворения совпадает с названием романа Жюль Верна (1882; рус. пер. — 1907) и приключенческой повести Л. С. Соболева (1954). Перекликается с вставным фрагментом «На воздушном океане...» из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1829—1839) и стихотворением Е. А. Баратынского «Чудный град порой сольется...» (1821).

У гробницы Данте (С. 374) — Впервые: НМ. 1959. № 4. С. 54—55. Единственное из трех связанных с поездкой в Италию стихотворений, включенное в книгу согласно *Литературному завещанию* (см. коммент. к стихотворениям «Венеция» и «Случай на Большом Канале»). Советская делегация посетила могилу Данте 13 октября 1957 г. Записная книжка сохранила попытку передать смысл надгробной надписи со слов переводчика: «**РАВЕННА** / 11²⁰ у могилы Данте / Венок “Когда я умер / я пошел туда, глядя / <нрзб> Далеко от / Флор.<енции> кот.<орая> для меня / мать, кот.<орая> меня мало / любила”» (*Заболоцкий Н. А.* Итальянская записная книжка // *Образы Италии в русской словесности* / Под ред. О. Б. Лебедевой, Т. И. Печерской. Томск, 2011. С. 608). Латинский оригинал: «Jura Monarchiae, Superos, Phlegethonta lacusque / Lustrando cecini, voluerunt fata quousque, / Sed quia pars cessit melioribus hospita castris, / Auctoremque suum petiit felicior astris, / Hie claudor Dantes, patriis extorris ab oris, / Quern genuit parvi Florencia mater amoris». См.: *Заболоцкий Н. Н.* Влияние поездки в Италию на творчество Н. А. Заболоцкого // Там же. С. 579—580.

Городок (С. 375) — Впервые: И60. С. 177—178. В Тарусе Заболоцкий провел летние месяцы в 1957 и 1958 г.

Ласточка (С. 376) — Впервые: И60. С. 179.

Петухи поют (С. 377) — Впервые: Знамя. 1959. № 4. С. 97.

Подмосковные рощи (С. 378) — Впервые: Знамя. 1959. № 4. С. 101.

На закате (С. 379) — Впервые, под названием «Закат»: НМ. 1958. № 12. С. 106.

Не позволяй душе лениться (С. 380) — Впервые: НМ. 1958. № 12. С. 107. Стихотворение завершает корпус текстов Заболоцкого согласно *Литературному завещанию*.

На вокзале (С. 381) — Впервые: СиП. С. 319.

Генеральская дача (С. 382) — Впервые: Там же. С. 317—318.

Железная старуха (С. 384) — Впервые: Там же. С. 320.

После работы (С. 385) — Впервые: ДП. М., 1969. С. 258.

Счастливым днем (С. 385) — Впервые: Там же. С. 316. В одной из авторизованных машинописей зачеркнуто первоначальное название: [Открытие].

Москва (С. 386) — Впервые: НМ. 2012. № 6. С. 147—147.

Тбилиси (С. 388) — Впервые, под редакторским заглавием, данным по первой строчке: «С каждым годом город краше!»: ЛГ. 1958. № 5. С. 60. *Горгасал* — Вахтанг I, царь Картли, легендарный основатель Тбилиси.

Благодарственный гимн Эрне Генриховне Маховой (С. 389) — Впервые: ПССиП. С. 446. Стихотворная дарительная надпись на экземпляре книги: *Руставели Ш.* Витязь в тигровой шкуре / Пер. с грузин. Н. Заболоцкого; под ред. С. Чиковани; ил. С. Кобуладзе. М.: Гослитиздат, 1957. Книга по неизвестным причинам не была подарена и осталась в личной библиотеке Заболоцкого. *Эрна Генриховна Махова* — зубной врач поликлиники Литфонда.

Рубрук в Монголии (С. 390) — Впервые полностью: И60. С. 188—202. В рукописном перечне стихотворении напротив названия «Рубрук в Монголии» помета: *цикл*. Части цикла печатались: Начало путешествия; Дорога Чингисхана; Монгольские женщины // Литература и жизнь. 1959. № 74 (190). 21 июня. С. 3. Основной источник замысла — книга, экземпляр которой сохранился в домашней библиотеке Заболоцкого, с многочисленными пометами: *Иоанн де Плано Карпини*. История Монгалов; *Вильгельм де Рубрук*. Путешествие в восточные страны / Введ., пер. и примеч. А. И. Малеина; с прилож. 8 рисунков, карты и указателей. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1911 (Библиотека иностранных писателей о России). В авторизованной машинописи после текста следуют авторские примечания: «*Рубрук* — Вильгельм де Рубрук (Рубруквис), монах ордена миноритов, в 1253 г. по поручению французского короля Людовика IX ездил в страну древних монголов, о чем оставил любопытные записки. *Итиль* — Волга. *Танаид* — Дон. *Коман* — половец. *Мокша* — племена финского происхождения. *Каракорум* — древняя столица монголов». В более раннем варианте — с дополнением: «*Гоги и Магоги* — мифические народы, населяющие северные страны. *Плиний* — римский писатель I в., автор “Естественной истории”. “*Ом, мани, падме кум*” — привет, сокровище в цветке лотоса — буддийская молитва. Подробный комментарий см.: *Игошева Т. В.* [Примеч.] // *Заболоцкий Н. А.* Поэмы. М., 2012. С. 388—412. Разборы: *Cheloukhina S. Nikolai Zabolotsky's Last Poema «Rubruk v Mongolii» // VI ICCEES World Congress. Tampere, Finland, 29 July — 3 August 2000. Abstracts. Tampere, 2000. P. 82; Воло-*

хонский А. Г. Рассуждение о поэме Николая Заболоцкого «Рубрук в Монголии» // Митин журнал. 2003. № 61. СПб. С. 437—452; Скоропанова И. С. Раздумья о судьбе человеческой цивилизации в поэме Н. Заболоцкого «Рубрук в Монголии» // ИТПБкСМ. С. 121—128; Игошева Т. В. «Но вечно светят небеса...»: Имперская тема в поэтическом цикле Н. А. Заболоцкого «Рубрук в Монголии» // НЗиЕЛО. С. 65—74; Она же. «Жерло, простершееся в ад...», или «Адская музыка» в поэтическом цикле Н. Заболоцкого «Рубрук в Монголии» // НЗПТ. С. 192—201; Она же. Мир природы и истории в поэмах Н. Заболоцкого // *Заболоцкий Н. А. Поэмы*. М., 2012. С. 413—452; Она же. Восток и запад в поэме Н. Заболоцкого «Рубрук в Монголии» // Режим доступа в Сети: <http://urbietorbi.narod.ru/publ/itv.htm> (дата последнего обращения: 30.08.2014); Мароши В. В. К финалу «Рубрука в Монголии» Н. А. Заболоцкого // *Поэтика финала: Сб. статей / Под ред. Т. И. Печерской*. Новосибирск, 2009. С. 126—132.

IV. «СТОЛБЦЫ» 1958 ГОДА (С. 403—472)

Впервые полностью: СиП. С. 193—257. В *Литературном завещании* говорилось: «Все *Столбцы* по венецианской книжке. Там все тексты в порядке». Н. Н. Заболоцкий пишет: «Уже после поездки в Италию Заболоцкий перепечатал на хорошей бумаге 46 стихотворений 1926—1933 годов в окончательной редакции и странички отдал переплести в купленный в Венеции кожаный переплет с золотым тиснением. В *Литературном завещании* он назвал это собрание “Венецианской книжкой”» (ЖНЗ. С. 567). Книжка представляет собой машинопись с минимальной правкой, заключенную в кожаный коричневый переплет с золотым тиснением (20,2×13,3), который был куплен в Венеции во время поездки 1957 г. На листке, озаглавленном «Личный архив» (1958) и включающем всего 9 пунктов списка источников, которые хотел сохранить поэт, номером вторым значится: «Рукопись “Столбцы” в венецианском кож.<аном> переплете, обработанная в 1957 году». Формат бумаги 20×13,3, печать с обеих сторон, 132 страницы без нумерации. На титульном листе: Н. Заболоцкий / СТОЛБЦЫ / полный текст. В качестве фронтисписа вклеена репродукция картины Анри Руссо «Муза, вдохновляющая поэта» («La muse inspirant le poète», 1909), между страниц вложены репродукции работ Руссо «Игроки в мяч» («Les joueurs de football», 1908) и «Аллея в лесу Сен-Клу» («Allée au parc de Saint-Cloud», 1908). Разделение на собрания столбцов на две части восходит к Своду 1936 года, но заглавия «Городские столбцы» и «Смешанные столбцы» появились лишь в этой редакции.

V. ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

Торжество Земледелия. Поэма (С. 473) — Впервые: Сип. С. 258—279.

Венчание плодами (С. 496) — Впервые: Ст57. С. 9—11. Переработка относится к 1948 г.

Утренняя песня (С. 498) — Впервые, под этим названием, появившимся в правке к Ст26—32: ВК. С. 7—8. Подлинное имя сына поэта — Никитушка — было заменено на слово мальчик в правке к Своду 1952 года.

Ночной сад (С. 499) — Впервые: Там же. С. 26. Правка 1948—1952 гг.

Север (С. 499) — Впервые: Там же. С. 28—29. Строки *О люди Севера! О вьюги Ванкарема! ~ и вновь погаснут около трубы* первоначальной редакции были сняты в издании Ст48 по указанию А. А. Фадеева: «25 марта 1948 года в издательство “Советский писатель” поступила верстка сборника и тотчас была передана на просмотр А. А. Фадееву. Принимая во внимание только что опубликованное постановление ЦК ВКП(б) об опере В. И. Мурадели “Великая дружба”, Александр Александрович внимательно прочитал верстку и возвратил ее в издательство со следующим письмом: “Тов. Тарасенкову. Дорогой Толя! Когда-то я читал этот сборник и в целом принял его. Но теперь, просматривая его более строгими глазами, учитывая особенно то, что произошло в музыкальной области, и то, что сборник Заболоцкого буквально будут рассматривать сквозь лупу, — я нахожу, что он, сборник, должен быть сильно преобразован. 1. Всюду надо или изъять, или попросить автора переделать места, где зверям, насекомым и пр. отводится место, равное человеку, главным образом потому, что это уже не соответствует реальности: в Арктике больше людей, чем моржей и медведей. В таком виде это идти не может, это снижает то большое, что вложено в эти произведения. <...> Покажи это письмо Николаю Алексеевичу и посоветуй ему согласиться со мной. В силу болезни я не могу поговорить с ним лично. Скажи ему также, что о квартирных делах его я помню. С приветом А. Фадеев. 5.IV.48» (ЖНЗ. С. 473).

Седов (С. 501) — Впервые: Ст57. С. 30—31. Изменения и сокращения были сделаны в 1956 г., после публикаций, связанных с найденным дневником одного из участников экспедиции ([*Без подписи*] Найден дневник матроса Г. В. Линника: Новые материалы об экспедиции Г. Я. Седова к Северному полюсу // Ленинградская правда. 1956. № 287, 9 дек. С. 3).

Голубиная книга (С. 503) — Впервые: Ст57. С. 32—33. Переработка стихотворения «Великая книга», посвященного конституции СССР 1937 г., относится к 1956—1957 гг. *Голубиная книга* — сборник восточно-славянских народных духовных стихов кон. XV — нач. XVI в., известный в многочисленных вариантах. А. Н. Афанасьев писал о духовном стихе «Голубиная книга»: «Из числа духовных песен, сбереженных русским народом, наиболее важное значение принадлежит стиху о Голубиной книге, в котором, что ни строка, то драгоценный намек на древнее мифическое представление» (*Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. Т. 1. М., 1865. С. 50*).

Метаморфозы (С. 504) — Впервые: Ст57. С. 34—35. Ранняя редакция носила название «Бессмертие» (ВК. С. 34—35; см. наст. изд., с. 231—232). Новое название стихотворение получило в Своде 1948 г.; правка текста относится к Сводам 1948 и 1952 гг. Разбор: *Фарыно Е. «Метаморфозы» Заболоцкого // Studia Rossica Posnaniensia. Zeszyt 4. Zeszyt poświęcony VII Międzynarodowemu Kongresowi slawistów w Warszawie (21—27. VIII. 1973) / Redaktorzy naukowci: Zbigniew Barański, Leszek Ossowski. Poznań: UaM, 1973. S. 93—114.*

Творцы дорог (С. 505) — Впервые: Ст57. С. 64—67. Переработка и сокращения 1956—1957 гг.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

О сущности символизма (С. 511) — Впервые в: *Грищинский К. К., Филиппов Г. В. «Так они начинали...»: О студенческом журнале «Мысль», о Н. Брауне и Н. Заболоцком // З. 1978. № 11. С. 185—187.* Единственный номер журнала «Мысль» вышел в марте 1922 г.: «Разбирая рукописный фонд Музея истории пединститута имени А. И. Герцена, К. Грищинский обнаружил самодельную тетрадь, сшитую нитками. На обложке тонким чертежным пером была выведена надпись: “Мысль”. Чуть ниже каллиграфическим почерком художник-оформитель сделал пояснение: “Студенческий журнал Пед. Института имени А. И. Герцена. № 1”. А в правом верхнем углу имелась карандашная пометка: “1921/1922 уч. год”. Далее шли 22 страницы машинописного текста, в конце которого перечислялись члены редакционной коллегии журнала: председатель — Л. Спокойный, секретарь — Д. Осипов, члены —

Н. Браун, Н. Заболотский (именно так тогда подписывался Н. Заболоцкий), А. Кораблева, В. Моляков» (Там же. С. 182). Ныне экземпляр хранится в Фонде музея РГПУ им. А. И. Герцена (КП-1. Документальный фонд 8). Кроме статьи (Л. 10—12), в журнале были напечатаны стихотворения Заболоцкого «Небесная Севилья», «Просвистел сизый ибис с папируса...» (известные благодаря письмам к М. И. Касьянову, второе — под названием «Сизифово рождество») и «Сердце-пустырь» (Л. 6—7); возможно, ему принадлежит и заметка о спектакле Первого драматического театра Петроградского района «Дни нашей жизни» по пьесе Л. Н. Андреева, подписанная инициалами: Н. З. (Л. 21). См. о проблематике статьи: *Игошева Т. В.* Н. А. Заболоцкий и символизм: к изучению вопроса // Русская литературная критика Серебряного века. Новгород, 1996. С. 26—30; *Кибешева Е. И.* Символизм как текст культуры в восприятии Н. Заболоцкого // На рубежах эпох: стиль жизни и парадигмы культуры. Вып. 1. М., 2004. С. 165—171; *Она же.* Ранний Н. Заболоцкий: между символизмом и авангардом // Вестник культурологии: Сб. науч. материалов студентов и аспирантов. Вып. 3. Киров, 2005. С. 3—8; *Она же.* Раннее творчество Н. Заболоцкого и символизм. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филолог. наук. М., 2007. Название статьи в точности повторяет название первой, обобщающей части упоминаемой в тексте книги: *Эллис.* Русские символисты: Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый. М., 1910. С. 1—48. Эллис (Лев Львович Кобылинский; 1879—1947) — поэт-символист, переводчик, философ. Заболоцкий вспоминал в письме к В. А. Десницкому от 14 декабря 1947 г., как он в студенческие годы «...безбожно путал Пугачева со Стенькой Разиным, но назубок знал символистов вплоть до Эллиса» (ССЗ III. С. 352). Текст статьи позволяет утверждать, что под руками автора было по крайней мере 4 издания: 1) *Эллис.* Указ. соч.; 2) *Tristia:* Из новейшей французской лирики. Сюлли-Прюдом. Верлен. Метерлинк. Роденбах. Анри де Ренье. Грэг. Велье-Гриффэн. Мореас / Пер. И. И. Тхоржевского. СПб., 1906; 3) *Бальмонт К.* Горные вершины: Сб. статей. Кн. 1. М., 1904; 4) Сочинения Эдгара По в переводе с английского К. Д. Бальмонта. Т. 1. Поэмы, сказки. М., 1901. «Поэзия, прости господи, должна быть немного глуповата... — Из письма А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому (1824). со времени Платона до эпохи Гартмана... — Платон (428/427—348/347 до Р. Х.) — древнегреческий философ; Николай Гартман (1882—1950) — немецкий философ-идеалист. «Поэты-символисты никогда... — Из статьи К. Д. Бальмонта «Элементарные слова о символической поэзии» (1900; Указ. соч. С. 94). *Музыки, музыки прежде всего...* — Из стихотворения Поля Верлена «L'Art poétique» («Поэтическое искусство», 1874; *Tristia...* С. 21). *что-то вроде астрального мира оккультистов...* — Оккультизм и каббала упоминаются среди источников символизма в книге Эллиса (С. 21, 33—34). *Для*

сердца, чьи страдания столикая громада... — Верное название цитируемого стихотворения Э. По — «Страна снов» («Dream-Land»; 1844—1849; Собрание... С. 94). *Падение дома Эшер* <так!> // Там же. С. 297—320; *Овальный портрет* // Там же. С. 146—152. «*Колумб новых областей*» в человеческой душе... — Из вступительной статьи К. Д. Бальмонта «Эдгар По (1809—1849)» (Собрание... С. X). *Природа — строгий храм, где строй живых колонн...* — Начало сонета Ш. Бодлера «Соответствия» (1895) в переводе Эллиса (Указ. соч. С. 21). «*непостижимый край родной*» для Белого — Верно: «Недостижимый край родной». Из стихотворения А. Белого «Жизнь» (1908). «*звезда Маир*» для Ф. Сологуба — «Звезда Маир» — название цикла стихотворений Ф. К. Сологуба (1898). *Эллис делит...* — Почти без изменений приводится раздел В., «Символизм (идейный), как средство», классификации Эллиса (Указ. соч. С. 2). Опущенный Заболоцким раздел А. озаглавлен «Символизм художественный в собственном смысле (как самоцель)» (Там же). *Певец Бранда...* — Имеется в виду Генрик Ибсен (1828—1906), автор стихотворной драмы «Бранд» (1865).

Мои возражения А. И. Введенскому, авто-ритету бессмыслицы. Открытое письмо (С. 517) — Впервые в: *Введенский А. В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 2. Анн Арбор, 1984. С. 252—254. Автограф: ОР РНБ. Ф. 1232 (Я. С. Друскин). Оп. 2. Ед. хр. 796. Л. 1—3. Письмо, по всей видимости, было взято Хармсом для передачи адресату, однако не было передано во избежание ссоры между Заболоцким и Введенским.

Общественное лицо ОБЭРИУ (С. 520) — Впервые: Афиши Дома печати. 1928. № 2. С. 11. Без подписи. Публикация под общим заголовком «ОБЭРИУ» служила анонсом вечера «Три левых часа», состоявшегося 24 января 1928 г. Декларативные тексты «Общественное лицо Обэриу» и «Поэзия обэриутов», по многочисленным свидетельствам, написал Заболоцкий. Публикация включала также декларации «На путях к новому кино» (А. В. Разумовского, возможно, при участии К. Б. Минца) и «Театр обэриу» (И. В. Бахтерева и Д. [Б. М.] Левина); Там же. С. 12—13), а также программу театрализованного вечера обэриутов, с указанием: В порядке показа современных течений в искусстве (С. 13). *всякие Ахры...* — АХР (Ассоциация художников революции; до 1928 г. АХРР — Ассоциация художников революционной России) — объединение советских художников (1922—1932), связанных с официальной идеологией партии и государства. *Нам непонятно, почему Школа Филонова вытеснена из Академии, почему Малевич не может вернуть своей архитектурной работы в СССР, почему так нелепо освистан «Ревизор» Терентьева?* — Группа учеников и последователей Павла Нико-

лаевича Филонова (1883—1941), или Школа «Мастеров Аналитического Искусства» (МАИ) официально существовала с перерывами в 1925—1932 гг.; Казимир Северинович Малевич (1879—1935) — художник-авангардист, основатель супрематизма; спектакль Театра Дома печати «Ревизор» (1926), оформленный учениками П. Н. Филонова, — скандально известная постановка Игоря Герасимовича Терентьева (1892—1937).

Поэзия обэриутов (С. 522) — Впервые: Афиши Дома печати. 1928. № 2. С. 11—12.

Рабле — детям (С. 525) — Впервые: Литературный Ленинград. 1935. № 47 (133). 14 окт. С. 3. Статья связана с работой над переложением книги Рабле для детей: *Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Для детей обработал Н. Заболоцкий. Л., 1935; То же / Изд. 2-е. М.; Л., 1936.* Заболоцкий говорил в кругу друзей: «Я заключил договор на переделку “Гаргантюа и Пантагрюэль”. Это, пожалуй, даже приятная работа. К тому же я чувствую сродство с Рабле. Он, например, хотя и был неверующим, а целовал при случае руку папе. И я тоже, когда нужно, целую ручку некоему папе» (*Липавский Л. С. Разговоры // Липавский Л. С. Исследование ужаса. М., 2005. С. 354.*)

Статьи «Правды» открывают нам глаза (С. 530) — Впервые: Литературный Ленинград. 1936. № 16 (161). 1 апр. С. 1. Текст представляет собой вынужденную самокритику в рамках так называемой «дискуссии о формализме», которая прошла в Ленинградском Доме писателей им. Маяковского 28 марта 1936 г. Был написан с помощью Н. Л. Степанова: «Готовясь к выступлению, Николай Алексеевич написал о своем творческом пути, растолковал свои взгляды на природу и свою позицию в отношении формы поэтических произведений. Чувствуя, что участие в дискуссии будет иметь для него серьезные последствия, он решил посоветоваться с Н. Л. Степановым. Разговор кончился тем, что оба сели за стол и вместе стали править текст выступления. <...> Он <Степанов> считал своим долгом спасти большого поэта для русской литературы, и иного выхода, как покаяться, он не видел» (ЖНЗ. С. 253—254) Текст был опубликован под редакционным названием, снабженным сноской: «Выступления О. Форш, Н. Заболоцкого, Б. Эйхенбаума, Н. Свирина, Н. Цирлина и В. Жирмунского печатаются в сокращенном виде и по живой записи». Большая часть материалов выпуска газеты «Литературный Ленинград» была посвящена дискуссии, то и направление которой были заданы редакционной статьей об опере Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» «Сумбур вместо музыки», напечатанной в газете «Правда» от 28 января 1936 г. В неподписан-

ной передовице «Литературного Ленинград» от 1 апреля «За углубленную творческую самокритику» говорилось: «В этих статьях я вижу выражение внимания и заботы, которое партия уделяет нашему искусству», — сказал т. Н. Заболоцкий, один из немногих сделавший точную, недвусмысленную характеристику своего творчества. Он внятно и убедительно рассказал о формализме “Столбцов”, о ложности и вредности идей “Торжества Земледелия”. Он сказал, что ясно осознанной исторической перспективы были лишены его стихи, что слово в них не освещалось мыслью. Изображение вещей было для него самоцелью. Речь Н. Заболоцкого была полна уверенности художника, освободившегося от мертвящего формализма, художника органически принявшего новые поэтические принципы и ощущающего широту открывшихся перед ним творческих просторов. Н. Заболоцкий дал отчетливую характеристику ложности путей, по которым раньше шло его творчество, и этим показал, что он чувствует свою ответственность перед читателем, перед нашей общественностью». На той же странице, в «Дневнике дискуссии»: «Речь Н. Заболоцкого была, пожалуй, наиболее самокритическим и конкретным выступлением за оба первых дня дискуссии». Из откликов: «Из выступлений ленинградских товарищей я хотел бы выделить выступление тов. Заболоцкого. Он совершенно без мелочных обид, реально и конкретно говорил об ошибочности своего старого пути. Он реально и конкретно понял, что критика не имеет только негативный характер, что она ставит определенные задачи перед писателем, и он понял эти задачи. Тов. Заболоцкий — одаренный человек. Если он понял ошибочность своего прошлого пути и понял направление, в котором нужно в дальнейшем работать, то мы имеем все основания ждать его успехов. Нечего и говорить, что мы все, которые крепко били Заболоцкого за прошлые его грехи, первые будем радоваться тем успехам, которых он достигнет» (*Кирпотин В.* Литературе предъявлены высокие требования // Литературный Ленинград. 1936. № 19 [162]. 8 апр. С. 1. То же: *Кирпотин В.* Литература и народ // Литературная газета. 1936. № 21 [584]. 10 апр. С. 5); «...чрезвычайно интересным было выступление писателя Заболоцкого. Ведь мы все помним о том, как справедливо писала критика о “Торжестве Земледелия”, как о кулацком произведении, как о классово чуждом произведении. Но почему же получилось так, как рассказал нам Заболоцкий, и мы ему верим, что получилось так. Он хотел воспеть коллективизацию, он хотел воспеть новые формы земледелия, а у него в результате получилась пародия и издевательство над коллективизацией. Потому что форма, взятая Заболоцким — сельская утопическая пастораль, — не соответствовала реализму той действительности, которую он хотел изобразить в своей поэме» (*Бескина А.* За подлинное новаторство // Литературный Ленин-

град. 1936. № 19 [162]. 8 апр. С. 2). «Хороший пример самокритики показал нам поэт Заболоцкий, слово которого прозвучало убедительно лишь потому, что мы до этого слышали и читали новые его стихи, хорошие стихи, в которых он безжалостно отказался от всех своих прежних ошибок» (*Беспмятнов В. Большой литературе — большие требования // Литературный Ленинград. 1936. № 19 [164]. 20 апр. С. 2*). Известна реакция О. Э. Мандельштама, сохранившаяся в передаче С. Б. Рудакова: «Из событий очень важных — речь Заболоцкого. По данным литературной газеты я подумал, что это примитивно у него получилось. По сути же человек говорит о своем пути и о том, как ему мешали. На все его объяснения, рассказанные мною О., последовала рецензия: “Врет. Написал памфлет на сухотку мозга, а объясняет как... Это вроде Зоценки, который пишет памфлеты невероятной силы, а выдает их за душеспасительное чтение”. Правда ли это? — Не знаю я, но тону Заболоцкого поверил» (О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935—1936) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год: Материалы об О. Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 117). Экземпляр газеты был приобщен к материалам Следственного дела № 43839 по обвинению Н. А. Заболоцкого (1938—1963. Арх. № 063237. В 2 т. Т. 8. Л. 89. Управление ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области). Там же присутствуют две машинописные копии текста (Л. 48—57, 100—106).

Язык Пушкина и советская поэзия (*Заметки писателя*) (С. 536) — Впервые: *Заболоцкий Н. Язык Пушкина и советская поэзия (Заметки писателя) // И. 1937. № 22. 25 янв. С. 6. Отклик в эмиграции: [Без подписи] «Пушкин — и мы» // Возрождение (Париж). 1937. № 4064, 6 февр. С. 3. «Ученость, политика и философия ... — Из заметки А. С. Пушкина «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...» (<1824>). ударить «по сердцам с неведомою силой» — Из стихотворения А. С. Пушкина «Ответ анониму» (1830). «Никогда не старался он... — Из заметки А. С. Пушкина «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов...» (1830—1831). *Алогическая, темная речь Пастернака...* — Ср. в статье Н. Л. Степанова 1935 г.: «Эстрадное, формалистическое жонглирование словом у Кирсанова, вялый безвкусный язык Уткиных и Жаровых, нарочитая бессвязность Пастернака, окрошка из технических терминов и арго у Сельвинского заставляют с особым вниманием отнестись к языку новых стихов Заболоцкого» (*Степанов Н. Новые стихи Н. Заболоцкого // ЛС. 1937. № 3. С. 216.*). Борис Леонидович *Пастернак* (1890—1960) — поэт, прозаик, переводчик. Ср. реплику Заболоцкого: «Корабль советской поэзии не будет ориентироваться на поэзию Пастернака, корабль советской поэзии взял курс на искусство народное, на*

высоконравственное искусство, близкое и понятное массам. “Комнатное” искусство остается в стороне» ([*Без подписи*]) Общее собрание ленинградских писателей: Четвертый день // Литературная газета. 1937. № 16 [652]. 26 марта. С. 2). Отношение Заболоцкого к Пастернаку впоследствии изменилось; см. коммент. к стихотворению «Поэт» (1953). Николай Семенович *Тихонов* (1896—1976) — поэт, редактор журнала «Звезда». Илья (Карл) Львович *Сельвинский* (1899—1968) — поэт, драматург. Семен Исаакович *Кирсанов* (Кортчик; 1906—1972) — поэт. Александр Ильич *Безыменский* (1898—1973) — поэт. Александр Андреевич *Прокофьев* (1900—1971) — поэт. См. выступление Заболоцкого на обсуждении творчества Прокофьева на собрании поэтической секции в московском Доме писателя 13 мая 1937 г. (Заболоцкий приезжал в Москву вместе с А. И. Гитовичем): «Пушкин никогда не подражал языку народному» (Н. Заболоцкий о народности поэзии) / Вступ. заметка и публ. Р. Романовой // Вопросы литературы. 1984. № 5. С. 278—282. Иосиф Павлович *Уткин* (1903—1944) — поэт. «У нас литература не есть потребность... — Обе пушкинские цитаты — из заметки о Е. А. Баратынском. Джек (Яков Моисеевич) *Алтаузен* (1907—1942) — поэт. «Ода молодости» была написана в 1935 г. Микола (Николай) Платонович *Бажан* (1904—1983) — украинский поэт, переводчик. Поэма «Садовник» была написана в 1934 г. «В зрелой словесности... — Начало черного наброска А. С. Пушкина «В зрелой словесности приходит время...» (1828). «Изучение старинных песен, сказок и т. п. — Из статьи А. С. Пушкина «Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения» (1830). ...*Стандарты несли дроздовцы*... — Из стихотворения А. А. Прокофьева «Разговор по душам» (1930). ...*Сбита с катушек Демократия*... — Из стихотворения А. Прокофьева «Слово о матросе Железнякове» (1930). ...*В переделке угробиться*... — Из стихотворения А. А. Прокофьева «Эпоха» (1930). ...*А они то вертятся*... — Из стихотворения А. А. Прокофьева «Два разговора с П. М. Быковым» (1930). ...*Бейте по сусалам*... — Из первой редакции стихотворения А. А. Прокофьева «Смерть поэта» (1931). *Я обладаю верным даром*... — Начало стихотворения А. А. Прокофьева «Я обладаю верным даром...» (1932). *Вот уже 16 лет, как я печатаю*... — Из статьи А. С. Пушкина «Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения» (1830). *Мы его похоронили*... — Из стихотворения И. П. Уткина «Песня об убитом комиссаре» (1935). *Эпоха желает*... — Из стихотворения И. П. Уткина «По дороге домой» (1929). *Целую ночь над берданкою молча*... — Из стихотворения И. П. Уткина «Якуты» (1924). *Как рад я, что к мирным равнинам*... — Из стихотворения И. П. Уткина «Свидание» (1926). *Занимаюсь от злости немецким*... — Из стихотворения И. Сельвинского «“Занимаюсь от злости немецким”...» (*Сельвинский И.* Лирика. М., 1934. С. 44—45).

Глашатай правды (С. 545) — Впервые: И. 1937. № 174. 27 июля. С. 4.

Шота Руставели и его поэма (С. 549) — Впервые: Костер. 1938. № 1. С. 41—44. Статья связана с работой над книгой: *Руставели Ш.* Витязь в тигровой шкуре / Пер. с грузин. и обработка для юношества Н. Заболоцкого. М.; Л., 1937.

К вопросу о ритмической структуре «Слова о полку Игореве» (С. 556) — Впервые: Вопросы литературы. 1969. № 1. С. 176—188.

О необходимости обработки русских былин (С. 571) — Впервые: ССЗ I. С. 557—559. Сохранился опыт творческой обработки былинного сюжета (впервые: Сип. 320—324):

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА

Как во городе славном во Муроме,
Как во том ли селе Карачарове
Жил крестьянин достатка исправного,
По прозванью Иван Тимофеевич.
Дал господь ему сына единого,
Дал единого сына любимого.
Хоть и люб был Илья отцу-матери,
Да здоровьем Илейка не выдался.

Вот подрос Илья, стал пяти годов,
А на ножки Илья не становится.
Вот уж стал Илья десяти годов,
А с лежанки Илья не поднимется.
Вот уж стал Илья двадцати годов —
Целый день с печи не слезает он.
А как стал Илья тридцати годов,
Так и ждать перестал исцеления.

Закручинились крепко родители,
Думу думают, приговаривают:
«Ох ты, чадушко наше убогое,
Ты убогое чадо, безногое!
Не помощник отцу ты во старости,
Не заступник ты матери в бедности.
Приберет нас бог, ты беды хлебнешь,
Не поешь, не попьешь, на печи помрешь».

Раз пошел Иван Тимофеевич
Со старухой в поле крестьянствовать.
Взял он на руки сына любимого,
Посадил его на печь высокую:
«Ты сиди, сынок, дотемна сиди,
Дотемна сиди, за избой гляди,
А начнешь слезать — не удержишься,
Упадешь, разобьешься до смерти».

Вот ушел Иван Тимофеевич
Со старухой в поле крестьянствовать.
Удалец Илья на печи сидит,
На печи сидит, за избой глядит.
В ту пору мимо города Мурома,
Да того ли села Карачарова
Шли калики домой перехожие,
Перехожие калики, переброжие.
Собирались калики под окнами,
Становились они во единый круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
Подорожные сумки повесили,
Да вскричали они зычным голосом:
«Уж ты гой еси, чадо единое,
Ты единое чадо любимое,
Сотвори-ка ты нам подаяние,
Поднеси ты нам пива из погреба,
Ты напой нас, калик, крепкой брагою!»

Отвечает Илья свет Иванович:
«Я и рад бы вам дать подаяние,
Рад бы дать я вам пива из погреба,
Напоить вас, калик, крепкой брагою —
Да уж тридцать лет, как я сиднем сижу,
Как я сиднем сижу, за избой гляжу.
Мне ни с печки слезть, мне ни ковш достать,
Мне ни ковш достать, вам испить подать!»

Говорят калики перехожие:
«Уж ты гой еси, Илья свет Иванович!
Про твое про злосчастье нам ведомо,
Про твои про заботы рассказано.
Растяни ты свои крепки жилочки
Да расправь ты свои белы косточки,

Слезь ты с печки долой да притопни ногой,
Перехожих калик пивом-брагой напой!»

Растянул тут Илья крепки жилочки,
Да расправил свои белы косточки,
Спрыгнул с печки на ножки он резвые,
Да и в погреб пошел, словно век ходил.
Нацедил он там пива домашнего,
Как просили калики перехожие,
Подад чашу с великою радостью,
Поклонился гостям до сырой земли.

Вот испили калики пива сладкого,
Допивать Илейке оставили.
«Ты испей, Илья, да поведай нам,
Каково в себе чуешь здоровьице?»
Отвечает Илья свет Иванович:
«Чую, стал я теперь будто здрав совсем».

Говорят калики перехожие:
«Ты другую нам чашу нацеди, Илья».
Их Илья свет Иванович послушался,
Снова он нацедил пива сладкого.
Отпивали они пива сладкого,
Оставляли полчаши, приговаривали:
«Допивай, Илья, да поведай нам,
Ты какую в себе чуешь силушку?»

Разгорелось у Ильи сердце буйное,
Распотелось у Ильи тело белое:
«Чую силушку в себе я великую!
Кабы было кольцо во сырой земле,
Ухватил бы кольцо я одной рукой,
Повернул бы вокруг землю-матушку».

Говорят калики перехожие:
«Многовато у тебя стало силушки.
Не сносить тебя мать-сырой-земле!
Нацеди-ка, Илья, чашу в третий раз».

Их Илья свет Иванович послушался,
В третий раз нацедил пива сладкого.
Отпивали они пива сладкого,
Чуть Илейке оставили на доньшке:
«Допивай, Илья, да поведай нам,
Какова у тебя стала силушка?»

Отвечает Илья свет Иванович:
«Вполовину ее поубавилось».

Говорят калики перехожие:
«Ты купи, Илья, жеребеночка,
Станови его в сруб на три месяца
Да корми его пшеницей белояровой.
Пусть в трех росах конь покатается,
По зеленым лугам повалается, —
Он послужит тебе верой-правдою,
Он потопчет всю силу неверную,
Своему он поможет хозяину».

Говорят калики перехожие:
«Ты достань себе латы богатырские,
Меч булатный да палицу тяжелую,
Да коню кипарисное седельшко.
Поезжай ты, Илья, во чисто поле,
Смерть тебе в чистом поле не писана.
Совершишь ты дела богатырские,
Всей Руси нашей будешь защитником!»
И, сказав Илье таковы слова,
Потерялись калики перехожие...

Тут пошел Илья во чисто поле,
Видит: спят, почивают родители.
Притомились они, приумаялись,
А дубье-колодые не повырубил.
Расходилась в Илье сила буйная,
Все дубье-колодые он повырубил,
Корневища из пала повытаскал,
В речку быструю с пашни повыгрузил.
Пробудились к полудню родители,
Испугались, глазам не поверили:
Что в неделю всем домом не сделаешь,
То прикончил Илья за единый мах!

А Илья купил жеребеночка,
Становил его в сруб на три месяца,
В трех он росах коня повыкатывал
Да пшеницей кормил белояровой.
Стал поигрывать конь да поплясывать,
Гривой шелковой стал он потряхивать,
Стал проситься конь во чисто поле

Показать свою силу буйную.

Тут взнуздal коня Илья Муромец,
Сам облатился, обкольчужился,
Взял он в руки булатную палицу,
Опоясался дорогим мечом.
То не дуб сырой к земле клонится,
К земле клонится, расстилается —
Расстилается сын перед батюшкой,
Просит отчего благословения:
«Уж ты гой еси, родный батюшка,
Государыня родна матушка,
Отпустите меня в стольный Киев-град,
Послужить Руси верой-правдою,
Постоять в бою за крестьянский люд!»

28 марта 1951 г. Заболоцкий составил докладную записку на имя председателя ССП «О необходимости мероприятий по составлению “Свода русских былин”». Записка не была отправлена, но сохранилась в архиве поэта и частично была опубликована в составе примечаний к первой публикации «Исцеления...»: «...Благодаря трудам известных собирателей и систематизаторов, работавших в старые времена, многие культурные народы имеют систематические своды своего эпоса. Эти своды получили всеобщее признание, несмотря на то что некоторые из них (напр., Песни Оссиана) в свое время были скептически восприняты частью научной критики...

Собиратели русских былин не посчитали себя вправе систематизировать свои записки и печатали их в том виде, в каком они были сделаны со слов народных сказителей. Для наших собирателей было характерно высокое чувство ответственности перед наукой. Гильфердинг, например, писал: „Я считаю эпические песни, сохранившиеся в народе нашем, настолько ценными для науки, что они заслуживают все издания“. Но вместе с тем все сделанные им записки былин Гильфердинг считал „сырым материалом“, он считал, что для „полного, окончательного издания“ былин еще не наступило время; он мечтал об „очищенном издании“ избранных былин.

Все наши собиратели, начиная с Кирши Данилова и кончая советскими собирателями, проделали огромную работу накопления сырого материала. Чтобы разобраться в этом материале, требуется не только незаурядная эрудиция, но и правильный методологический подход к делу.

Всеобщий интерес к народному эпосу, проявленный русским обществом прошлого века, а также нужды школьного преподавания настоятельно потребовали удобочитаемого свода былин. На протяжении столе-

тия было сделано несколько попыток выполнить эту работу. Среди этих попыток следует особо отметить сводную работу Л. Н. Толстого о четырех старших богатырях, Острогорского — об Илье Муромце, книгу Авенариуса для школьного и домашнего чтения, выдержавшую несколько изданий, и др. Однако большинство этих книг выполнено авторами без достаточной научной подготовки и при весьма невысоких поэтических данных...

В наше время интенсивного роста народного самосознания и новой международной роли русского языка дело организации народного эпоса в единое стройное целое следовало бы считать делом общенародного и государственного значения...

В основу работы по составлению Свода могут быть положены следующие соображения:

1. По естественному географическому делению Свод должен состоять из двух циклов: киевского и новгородского.

2. Циклы, группируясь вокруг основных героев, должны со всей возможной полнотой исчерпать богатство киевских и новгородских былин. Однако надобность композиции неминуемо заставит отбросить некоторые третьестепенные сюжеты или приписать некоторые действия другим героям. Смущаться этим не следует. Народные сказители часто идут на это. Стремление обыграть весь материал без исключения повлечет за собой ряд натяжек и длиннот.

3. Богатство былинного языка должно быть сохранено во всей его благоразумной неприкосновенности. Однако безусловно должны быть исключены чуждые общенародной речи диалектизмы и местные обороты речи. Неправильные словообразования, принятые сказителем для сохранения размера, должны быть заменены общепринятыми. Ничего не значащие подсобные словечки: то, ти, ка, ва, ведь, нунь и прочие подобные, вставленные для размера, должны быть отброшены как препятствующие естественному движению речи. Должны быть изъяты имеющиеся в текстах многочисленные вульгарные обороты.

4. Поэты-составители в целях художественного усовершенствования текста не должны бояться творческого вмешательства в текст, если это требуется ходом дела. Здесь, однако, должен быть полностью соблюден такт и обнаружено полное понимание былинного стиля.

5. Надобно помнить, что тонический стих былины обнаруживается только при пении ее сказителем, на что указывал еще Гильфердинг. В писаном тексте, где будут отсутствовать музыкальный каданс и вспомогательные вставные словечки, — стих потеряет свой тонический характер. Поэты обязаны воссоздать тонический былинный стих собственными средствами и не отступая от былинного стиля.

6. Текст былин должен делиться на строфы различной протяженности, т. к. былина в ее живом исполнении имеет строфическое членение. Это убедительно доказано ленинградским исследователем А. Никифоровым.

Цель этой записки — обратить внимание руководства Союза на необходимость принять меры к составлению Свода Русских Былин. Каждое из положений записки при необходимости может быть дополнительно развито и аргументировано» (Сип. С. 468—469).

Давид Гурамишвили (*К 250-летию со дня рождения поэта*) (С. 574) — Впервые: НМ. 1955. № 10. С. 237—243.

Мудрость Руставели (С. 589) — Впервые полностью: *Руставели Ш.* Витязь в тигровой шкуре. М.; Л., 1966 (Библиотека поэта. Малая серия). С. 5—15. В сокращении: Литературная газета. 1958. № 55 (3866). 8 мая. С. 3.

Заметки переводчика (С. 598) — Впервые: Молодая гвардия. 1956. № 3. С. 197—198. Сохранились записи, не включенные в текст (ССЗ I. С. 644—645):

На Западе говорят: стихи непереводимы. Неправда. Нельзя перевести на другой язык версификацию стиха, но душу стиха — то, ради чего стих создан, — можно перевести на любой язык мира, ибо все поэты мира пользуются одним и тем же инструментом разума и сердца.

Пушкин называл переводчиков почтовыми лошадьми просвещения. Мы не назовем их скоростными самолетами, но признаем, что они истинные друзья дружбы народов и делают свое скромное дело успешно и добросовестно.

Не пытайся переводить поэта, которого не любишь и не уважаешь. Неискренняя поэзия изобличает себя раньше, чем думают многие.

На Пленуме Союза писателей Грузии один критик негодовал по поводу того, что кто-то из переводчиков грузинский шаири перевел ямбами. Критик рекомендовал вменить переводчикам в обязанность переводить шаири только хорейческим размером. Этот маленький Аракчеев, видимо, полагал, что переводами стихов у нас занимаются отставные унтер-офицеры и фельдфебели.

Почему мы не переводим силлабические стихи силлабикой? Потому что мы не Симеоны Полоцкие, а наши читатели не похожи на читателей Симеона Полоцкого.

Ригорист в области стиля так же опасен, как безрассудный анархист, который валит в одну кучу обломки всевозможных стилей и воображает, что творит нечто новое.

Переводчик сочетает в своем лице черты писателя и ученого. Но пусть черты ученого будут скрыты в глубине, а черты писателя явственно проступают наружу!

Блохи водятся и в белой и в черной шкуре. Если ты выловишь их из черной шкуры, этим ты не сделаешь ее белой. Но и белую шкуру приятно иметь без блох.

Сочиняя шуточный стишок в доме отдыха, я сказал:

— Как жаль, что нет рифмы к слову «начисто».

— Есть, — сказал деятель эстрады, — качество.

Мы вступаем в мир новых рифм. Но для перевода классиков они не годятся: печать времени лежит и на рифме.

От переводчика (С. 601) — Впервые, как преамбула к публикации перевода «Главы из поэмы Шота Руставели “Витязь в тигровой шкуре”»: ДН. 1958. № 1. С. 164—165. Далее следовал абзац: «Здесь публикуется два отрывка из моего нового перевода поэмы Руставели. “Вступление” является поэтическим манифестом автора, выражающим его взгляд на высокое призвание поэта-гуманиста. В “Завещании Автандила” обрисован духовный облик одного из героев поэмы, который жертвует личным благополучием ради спасения своего погибающего друга». Сохранились запись радиопередачи, где Заболоцкий читает этот текст: Стихотворения Николая Алексеевича Заболоцкого / Исполн.: Н. Заболоцкий, Я. Смеляков, Д. Самойлов, С. Куняев, А. Межиров; вступ. слово: Б. Слуцкий; коммент.: А. Межиров; сост.: Н. Вишневская. М.: Всесоюзная студия грамзаписи, [1969]: 33 об. в мин., моно; 250 мм., в конв. 33Д 24057—8.

Мысль — Образ — Музыка (С. 604) — Впервые: «Поэт работает всем своим существом...» / Предисл. и публ. А. В. Македонова // Литературная газета. 1966. № 73. 23 июня. С. 3.

<Почему я не сторонник абстрактной поэзии> (С. 606) — Впервые: Там же. Текст на двух машинописных листах, подготовленный Заболоцким для выступления в Италии на диспуте об оптимизме и пессимизме. Зачеркнуты название «Почему я не сторонник абстрактной поэзии» и последний абзац: «Холод одиночества и абстракции пугает меня. Мне по-человечески жаль художника, отделившего себя от мира искусственной стеною. Холодное солнце абстракции не греет его душу, и горькая радость уединения питает его твор-

чество безжизненными соками. Мы — дети мира. Мы — в мире, и мир — в нас. И в этом заключается высокое удовлетворение поэта». Ручкой вписан окончательный вариант финала: «Вот почему я не пессимист». Редакторское название «[Почему я не пессимист]», более краткое и напоминающее о тематике дискуссии с итальянскими поэтами, состоявшейся 11 октября 1957 г. во Флоренции, было дано при публикации 1972 г.: СС2 II. С. 287—288.

«Литература должна служить народу...» (С. 608) — Впервые, по автографу: Советские писатели. Автобиографии. Т. 3 / Сост. Б. Я. Брайнина, А. Н. Дмитриева. М., 1966. С. 257.

ПРОЗА

Автобиография (С. 611) — Впервые полностью: Советские писатели. Автобиографии. Т. 3 / Сост. Б. Я. Брайнина, А. Н. Дмитриева. М., 1966. С. 244—247. С сокращением: И60. С. 232—235. Написана для отдела кадров Союза советских писателей.

Ранние годы (С. 615) — Впервые: ТС. С. 312—317. Н. В. Корниенко назвала автобиографический очерк Заболоцкого «кристально чистым по пушкинскому звуку» и «выделяющимся на фоне образов детства, как его писали современники поэта» (*Корниенко Н. В.* «И любовь, и песни до конца»: лирика Заболоцкого и песенные контексты советской литературы // НЗПТ. С. 132). См. также: *Pratt S.* The Stuffed Shirt Unstuffed: Zabolotsky's «Early Years», Real Life, and the Complexity of Soviet Culture // *The Russian Memoir: History and Literature.* Evanston, 2003. P. 35—52. Биографические и краеведческие контексты отражены в публикациях: *Решетников М. М.* Уржумские учителя Николая Заболоцкого // Решетников М. М. Спутники и встречные: Воспоминания и очерки. Киров, 1987. С. 28—38; *Дьяконов Л. В.* Вятские годы Николая Заболоцкого. Киров, 2003; *Касьянов М. И.* Телега жизни. Гл. I // Герценка: Вятские записки. Вып. 19. Киров, 2011. С. 125—156; *Лощилов И. Е.* Материалы о Н. Заболоцком в домашнем архиве М. Касьянова // Текстологический временник. Кн. 2. М., 2012. С. 611—669; *Никулина Е. Ф., Мутыгуллина Э.* Уржумское реальное училище (Кадровый состав) // ЗЧ. С. 38—50; *Бушков Р. А.* Вятские версты Николая Заболоцкого. Киров, 2013. *что и наши предки приходятся...* — См.: *Семибратов В. К.* Новгородцы или гагары? Предки Н. А. Заболоцкого в Уржумской округе // Герценка: Вятские записки. Вып. 4. Киров, 2003. С. 78—80; То же // НЗиЕЛО. С. 11—14. *сын его Агафон...* — Агафон Яковлевич Заболотский (1830—1887) — дед поэта.

его жену, мою бабу... — Анна Ивановна Заболотская (?—?). моего отца Алексея Агафоновича... — Алексей Агафонович Заболотский (1864—1929) — отец поэта; см. о нем: *Изместьев В. И.* Отец поэта; Алексей Агафонович Заболотский у истоков музея краеведения в Уржуме // ЗЧ. С. 25—29. мою будущую мать... — Лидия Андреевна Заболотская (урожд. Дьяконова; 1879—1926); см. о ней: *Изместьев В. И.* Мать поэта // ЗЧ. С. 20—24. В Уржуме было реальное училище... — См.: *Никулина Е. Ф., Трушкова М.* К истории сооружения Уржумского реального училища // ЗЧ. С. 29—37; *Колотов А. В.* Уржумское реальное училище в годы учебы Н. Заболотского (1913—1920) // Там же. С. 51—55. картины с участием Веры Холодной и несравненного Мозжухина! — Вера Васильевна Холодная (1893—1919) и Иван Ильич Мозжухин (1889—1939) — звезды дореволюционного российского кинематографа. немец-инспектор Сияландер — Вильгельм Иоганн Сияландер (?—?). отец Михаил, наш законоучитель... — Отец Михаил (Всеволодович) Зороастров (?—?); после 1918 г. расстригся и преподавал русский язык в селе Турек. опыты, которые демонстрировал учитель... — Заслуга создания химического кабинета принадлежит преподавателю естествознания Николаю Владимировичу Праксину (1883—1964). Особенно великолепен был класс для рисования... — Создателем уникального кабинета был Ф. Л. Ларионов (называемый в очерке Заболоцкого Логиновым). На праздниках «сокольской» гимнастики... — Популярная в дореволюционной России гимнастическая система, восходящая к чешскому молодежно-спортивному движению «Sokol»; в Уржуме сокольскую гимнастику преподавал В. С. Холодковский. Владислав Павлович Спасский, учитель истории... — Владислав Павлович Спасский (1886—1950). Федор Логинович Логинов, учитель рисования... — Верно: Федор Логинович Ларионов (1880—1966) — педагог, актер, режиссер; см. о нем: *Санькова З.* Учитель и актер (К 100-летию со дня рождения Ф. Л. Ларионова) // Кировская искра. 1980. № 28, 1 марта. С. 4; *Решетников М. М.* Указ. соч. С. 30—35. Эльза Густавовна, по мужу Сушкова... — Эльза Густавовна Аунапу (Сушкова; ?—?); покинула Уржум в 1916 г. француженку Елизавету Осиповну Вейль — Елизавета Осиповна Вейль (1864—?); уехала из Уржума в 1919 г. Русский язык преподавал Иван Савельевич Баймеков — М. М. Решетников отмечает неточность: его звали Иван Сидорович (Указ. соч. С. 36). некто Холодковский, он же надзиратель, он же Бобка... — Владимир Сергеевич Холодковский (1886—?). директор Богатырев Михаил Федорович... — Михаил Федорович Богатырев (1864—?); в 1920 г. уехал в Казань. в свою маленькую соседку Еню Баранову... — Евгения Васильевна Баранова (Комлева; 1903? — после 1988); см. о ней: Бушков Р. А. Музы Николая Заболоцкого // ЗЧ. С. 56—62. Петька Ливанов... — Верно: Лифанов. театр в виде длинного деревянного барака

под названием «Аудитория»... — См. об этом театре: *Лоцилов И. Е.* Автобиографическая проза Николая Заболоцкого и проблемы ее комментирования // Герценка: Вятские записки. Вып. 20. Киров, 2011. С. 105—112. Фотография «деревянного барака» и участников одного из спектаклей, хранившаяся у Н. А. Заболоцкого: Там же. С. 109. *ставилась (полностью!) «Аида»...* — Постановка оперы Дж. Верди «Аида» на уржумской любительской сцене связана с именем преподавателя музыки и пианистки Лидии Евгеньевны Шеховцовой (?—?); мемуаристы вспоминают о ее литературно-музыкальном салоне, где Заболоцкий и его товарищи выступали с чтением стихов, пением и мелодекламацией. *под кличкой Коля-большой...* — Николай Николаевич Попов, племянник А. А. Заболотского, сын его сестры Елизаветы Агафоновны. *убили одного из них — Кошкина...* — Прапорщик Петр Андреевич Кошкин (?—1916), сын известного уржумского купца А. П. Кошкина (*Бушков Р. А.* Вятские версты Николая Заболоцкого. С. 159).

История моего заключения (С. 631) — Впервые, в переводе на английский язык: *Zabolotsky N. A. The Story of My Imprisonment / Trans. by R. R. Milner-Gulland // Times Literary Supplement. 9 October 1981. P. 1179—1181.* Впервые на русском языке: *Заболоцкий Н. А.* История моего заключения / Вступ. статья и примеч. Е. Эткинда // Минувшее: Исторический альманах Т. 2. Paris, 1986. С. 310—333. В СССР: *Заболоцкий Н. А.* История моего заключения; *Заболоцкий Н. Н.* Об отце // Даугава. 1988. № 3. С. 105—116. После 1988 г. текст неоднократно переиздавался. О литературных и исторических контекстах очерка см.: *Иванов Ю. П.* «Одиссея фантастических переживаний» (Тюремно-лагерная тема в творчестве Н. А. Заболоцкого) // НЗиЕЛО. С. 20—31; *Запевалов В. Н.* «История моего заключения» Н. Заболоцкого в литературном контексте 1970—1990-х годов // Там же. С. 32—39. См. также: *Марченко А. М.* «В похвалу трудам его и ранам...» // Правда. 1989. № 16 (25734). 16 янв. С. 4; То же // Распятые: Писатели — жертвы политических репрессий. Вып. 2: Могилы без крестов / Сост. З. Л. Дичаров. СПб., 1994. С. 29—41; *Турков А. М.* «С этапа на этап...»: О творчестве Н. Заболоцкого // Литература в школе. 2002. № 4. С. 17—20. «С 14 по 25 февраля 1956 года прошел XX съезд партии, осудивший культ верховной власти. По учреждениям в переполненных залах и аудиториях читали потрясающее ужасом обнародованных фактов полузакрытое письмо ЦК КПСС о культе личности И. В. Сталина. На общем собрании писателей слушал это письмо и Заболоцкий. Домой он вернулся возбужденный, с ощущением причастности к новому повороту истории. Теперь настало время записать то, о чем он осмеливался рассказывать только жене и отчасти Степанову, — он

сел и написал “Историю моего заключения”, написал документально точно и кратко, ибо подробнее воскрешать в памяти события тех лет не хотел» (ЖНЗ. С. 541). Дополнительные штрихи к воссозданию лагерной эпопеи поэта содержатся в публикациях: *Заболоцкий Н. Н.* Трудные годы отца // *Семья*. 1988. № 32. 10 авг. С. 8—9; [*Заболоцкий Н. Н.*] Поэт Заболоцкий и критики из НКВД / [Беседа с Е. Константиновой] // *Сегодня*. 1995. №. 41 (399). 3 марта. С. 9; [*Заболоцкий Н. Н.*] «О, я недаром в этом мире жил...» / [Беседа с Е. Константиновой] // *Труд-7*. 2000. № 25 (23498). 10—16 февр. С. 10—11; [*Заболоцкий Н. Н.*] «Душа моя угасла» / [Беседа с А. Стародубцем] // *Труд-7*. 2003. № 83 (24275). 8—14 мая. С. 11. Григорий Ильич *Мирошниченко* (1904—1985) — писатель. О личности и неблагоприятных делах *Мирошниченко* см. раздел «Допросы коммунистов: Персональное дело как феномен культуры: В. К. Кетлинская (1949) и Г. И. Мирошниченко (1964)» в книге с характерным названием: *Золотонос М. Н.* Гадюшник. Ленинградская писательская организация: Избранные стенограммы с комментариями (Из истории советского литературного быта 1940—1960-х годов). М., 2013. С. 7—222. Николай Николаевич *Лупандин* (1904—1977): «Оперуполномоченный Николай Николаевич Лупандин, соответственно “низшему” (так в анкете) образованию, в августе 1938 года был переведен на хозяйственную работу. Из органов госбезопасности в 1949 году уволен. Умер в Ленинграде в 1977 году» (*Лунин Е.* Великая душа // Ленинградская панорама. 1989. № 5. С. 38). См. также: Николай Заболоцкий: «Я нашел в себе силу остаться в живых» / Публ. и коммент. Е. Лунина // *Аврора*. 1990. № 8. С. 125—133; *Лунин Е.* «Не дайте погибнуть поэту!» // Ленинградская панорама. 1989. № 8. С. 28—29. Полемику с подходом публикатора см.: *Шнейдерман Э. М.* Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел // 3. 1996. № 1. С. 122—123. *Знаешь ли ты, что говорил Горький о тех врагах, которые не сдаются?* — Восходит к названию статьи, опубликованной одновременно в двух центральных газетах: *Горький М.* Если враг не сдается, — его истребляют // *Правда*. 1930. № 314 (4759). 15 нояб. С. 2; *И.* 1930. № 314 (4161). 15 нояб. С. 3 С заменой слова было процитировано Сталиным в «Приказе Народного Комиссара Оборона СССР № 55 от 23 февраля 1942 г.»: «Красная Армия уничтожает немецких солдат и офицеров, если они отказываются сложить оружие и с оружием в руках пытаются поработить нашу Родину. Вспомните слова великого русского писателя Максима Горького: “если враг не сдается, — его уничтожают”» (*Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 86—87). Николай Семенович *Тихонов* (1896—1979) — поэт. Бенедикт Константинович *Лившиц* (1886—1938) — поэт, переводчик, прозаик, автор мемуарной книги «Полутораглазый стрелец» (1933); см.: *Шнейдерман Э. М.* Указ. соч. Еле-

на Михайловна *Тагер* (1895—1964) — поэт, переводчик, фольклорист, мемуарист. Георгий Осипович *Куклин* (1903—1939) — детский писатель, сосед Заболоцких; репрессирован. Борис Петрович *Корнилов* (1907—1938), русский советский поэт; репрессирован. Отзыв «О стихах Бориса Корнилова» по заказу НКВД был написан Н. В. Лесючевским (Донос: К истории двух документов минувшей эпохи / Публ. С. С. Лесневского // Литературная Россия. 1989. № 10. 10 марта. С. 10—11). Константин Александрович *Федин* (1892—1977) — писатель, в 1920-е гг. входил в объединение «Серапионовы братья». Самуил Яковлевич *Маршак* (1887—1962) — поэт, драматург, переводчик, критик; возглавлял Детский отдел Госиздата. Николай Макарович *Олейников* (1898—1937) — поэт, близкий к ОБЭРИУ; расстрелян; см.: *Олейников А. Н. Последние дни Николая Олейникова* // «Сборище друзей, оставленных судьбою...»: В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 573—591. Тициан Юстинович *Табидзе* (1895—1937) — грузинский поэт; расстрелян. Даниил Иванович *Хармс* (Ювачев; 1905—1942) — поэт, прозаик, драматург; погиб в заключении. Александр Иванович *Введенский* (1904—1941) — поэт, драматург; погиб в заключении. Павел Николаевич *Медведев* (1891—1938) — историк и теоретик литературы; расстрелян. Давид Исаакович *Выгодский* (1893—1943?) — переводчик, критик, исследователь литературы; умер в лагере под Карагандой. Адриан Иванович *Пиотровский* (1898—1938) — переводчик, литературовед, драматург, театровед, киновед; расстрелян. Валентин Семенович *Стенич* (Сметанич; 1898—1939) — переводчик, поэт, редактор; расстрелян. Важные уточнения и коррективы к характеристике Стенича см.: *Шнейдерман Э. М.* Указ. соч. С. 8—92. Леонид Михайлович *Заковский* (Генрих Эрнестович Штубис; 1894—1938) — один из руководителей органов государственной безопасности. После убийства С. М. Кирова развернул в Ленинграде и Ленинградской области беспрецедентный террор. 29 августа 1938 г. приговорен к смертной казни; расстрелян.

Сто писем 1938—1944 года (С. 645) — Впервые полностью: *Заболоцкий Н. А.* Лагерные письма / Подгот. текста, вступ. статья, примеч. И. Е. Лощилова // Рубеж: Тихоокеанский альманах. Вып. 12. Владивосток, 2012. С. 240—300. Папка с сохранившимися письмами к семье была пересмотрена Заболоцким в 1956 г. и озаглавлена: «Сто писем 1938—1944 года». Материалы носят следы систематизации, тщательно пронумерованы красным карандашом. Публикация является реконструкцией нереализованного при жизни автора замысла художественно-документального произведения; отбор и нумерация (порядок следования) писем принадлежат самому Заболоцкому. Начало публикации писем Заболоцкого к семье периода тюрем, лагерей и ссылок было положено в 1972 г.,

когда в составе двухтомника был напечатан очерк «Картины Дальнего Востока» (СС2 II. С. 224—227); в основу этого текста легло письмо к жене от 21 апреля 1944 г. (см. комм.). В 1983 г. было напечатано еще несколько писем; обстоятельства, вызвавшие их к жизни, по цензурным причинам были в этих публикациях обозначены лишь намеками (*Заболоцкий Н. Н. Николай Заболоцкий. 1903—1958 // ДП. М., 1983. С. 86—87; Заболоцкий Н. Н. Живая душа человека // Собеседник: Литературно-критический ежегодник. Вып. 4. М., 1983. С. 293—295; «Душа обязана трудиться»: Письма Николая Заболоцкого / Вступ. заметка Н. Н. Заболоцкого; сост. Е. В. Заболоцкой и Н. Н. Заболоцкого // Литературное обозрение. 1983. № 5. С. 106—112. Наиболее представительные публикации стали возможными лишь в годы перестройки: Из писем Н. А. Заболоцкого к жене Е. В. Заболоцкой / Публ. Е. В. и Н. Н. Заболоцких // Чистые пруды: Альм. Вып. 2. М., 1988. С. 560—566; Письма Н. А. Заболоцкого 1938—1944 годов // Знамя. 1989. № 1. С. 96—127; ОМС. С. 409—447; «Чудо нашего соединения» (Арест и освобождение Н. А. Заболоцкого в воспоминаниях и письмах) / Публ. Н. Н. Заболоцкого; примеч. И. Е. Лощилова и Н. Н. Заболоцкого // СПиСП. С. 3—49.*

1 (С. 645) — Автограф, карандаш. На конверте: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9, кв. 45 Екатерине Васильевне Заболоцкой / от.<правитель> Ленинград-9. Почт.<овый> ящ.<ик> 725. Лит.<ера> Б Заболоцкий Николай Алексеевич. На месте для марки штамп: Доплата 30 коп.; число вписано чернилами.*

2 (С. 646) — Автограф, карандаш. На конверте: *Кировский край гор. Уржум До востребования Екатерине Васильевне Заболоцкой / отпр.<авитель> Ленинград-9. Почт.<овый> ящ.<ик> № 725 Лит.<ера> Б Заболоцкий Ник. Алекс. Без марки. Даты на конверте нет.*

3 (С. 647) — Автограф, карандаш. На почтовой карточке. *Куда: Кировская область гор. Уржум До востребования Кому: Екатерине Васильевне Заболоцкой / Адрес отправителя: г. Свердловск, тюрьма № 1, пересыльная кам.<ера> 88, Заболоцкий Ник. Алексеевич. Без марки. На штемпеле: 11.12.1938. 18—19 ноября 1938 г. датировано письмо Е. В. Заболоцкой к мужу в «Кресты», вернувшееся с отметками *Обратно подателю убыл* и *Убыл на этап*. Это единственное дошедшее до нас письмо Е. В. Заболоцкой из отправленных до 1944 г. (письма 1944 г. сохранились и частично опубликованы: СПиСП. С. 13—40).*

Дорогой мой Коля!

Вот уже шестидневку как в Уржуме. Устроились довольно удачно. Нашли отдельную комнатку метров 15 на улице Чернышевского, д. 22.

Хозяйка иначе не сдала как с услугами. Довольно дорого. 70 р. в месяц. Она убирает и готовит обед из готовых продуктов. Это дорого, но сразу дешевле не найдешь.

Хозяйка не очень хороша. Зато хорошая соседка, которая любит наших ребяток и готова помочь о них заботиться.

Со службой пока не вышло. Здесь педагогов по литературе излишек даже. Но и все сразу не устраивались, а со временем устроились и живут теперь неплохо. Детишки здоровы. Спасибо попутчику, который помог мне во всех дорожных хлопотах. Успели на последний пароход, и от Котельнича с пересадкой в Аркуле ехали пароходом. От Цепочкина на грузовике ехали четверо суток. За дорогу детишек не простудили. Никитушка немного огорчен. А Натальюшка весела. Говорит все больше слов, хотя еще плохо. Шалунья большая и баловень. Требуется, чтобы все было по ее, а не то поднимает крик. Очень мила, и все ее очень любят.

Здесь сытная жизнь. Цены дешевле ленинградских. Молоко такое вкусное, что Никита с восторгом пьет. Цена 3 р. 50 четверть.

Уржум нам с виду очень понравился, и я не жалею, что его выбрала. И народ здесь спокойный и приветливый.

Где-то ты, наш папочка?

Завтра мое рождение, и я рада, что ты помнишь об этом.

Доверенностей от тебя я не получила, и так уехала. Их еще не было. Ну что делать. Жду весточки от тебя!

В Уржуме зима. Приехали 11.X. Мороз и яркое солнце, но снегу еще не было. А теперь снегу на пол-аршина, и он уже не растает. Гуляю с ребяташками. Никитка положил начало: съехал с горы.

Тут очень красиво. Часть города под горой. Так что гор кажется очень много. Гуляем — я, Наташенька и Никита. Наташка не хочет ходить и требует, чтобы я ее носила на руках. Тебя очень любят ребята.

Твои карточки в рамке, где была моя фотограф.<ия>, и висят у Натальюшки над кроватью.

Целую, милый. Ребятишки уже спят, и мне пора.
Родной мой, ждем тебя.
Твоя Катя и детишки.
Милый Коленька!
Мой адрес:
г. Уржум Кир.<овской> обл.<асти>
Улица Чернышевского, д. 22
Ек.<атерине> Вас.<ильевне> Заболоцкой
Сегодня 19. XI. Натальюшка днем спит, и мы с Никитой бежим
на почту. Целуем тебя, дорогой наш.

4 (С. 648) — Автограф, карандаш. На конверте: *гор. Уржум Кировской обл. (б. Вятск.<ой>) До востребования Екатерине Васильевне Заболоцкой.* В правом верхнем углу листа, крупно: СЕГОДНЯ УЕЗЖАЕМ. На месте для марки штамп: *Доплатить 40;* число вписано чернилами. На штемпеле: 24.12.1938.

5 (С. 648) — Автограф, синие чернила. На конверте: *Гор. Уржум Кировской обл. До востребования Екатерине Васильевне Заболоцкой.* Без марки. Штамп: *Доплатное.* На штемпеле: 28.3.1939.

6 (С. 649) — Автограф, черные чернила. На конверте: *доплатное гор. Уржум Кировской области ул. Чернышевского дом 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой.* Без марки. Штамп: *Доплатное.* На штемпеле: 20.04.1939.

7 (С. 651) — Автограф, черные чернила. На конверте: *доплатное гор. Уржум Кировской области Ул. Чернышевского дом 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой.* Без марки. Штамп: *Доплатное.* На штемпеле: 14.05.1939.

8 (С. 653) — Автограф, черные чернила. На конверте: *доплатное гор. Уржум Кировской области Ул. Чернышевского дом 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой.* Без марки. Штамп: *Доплатное.* На штемпеле: 26.05.1939.

¹ Употребляемое здесь и далее обращение *женка* — след памяти о переписке Пушкина с женой. Эпистолярное наследие Пушкина активно осваивалось культурой в первые десятилетия XX в.

² Ср. упоминания о Митрофаниевском кладбище в автобиографическом очерке «Ранние годы».

³ До революции ул. Чернышевского в Уржуме называлась Буйской.

9 (С. 654) — Автограф, черные чернила. На конверте: *гор. Уржум Кировской области Ул. Чернышевского дом 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой*. В правом верхнем углу: *колонна*. Без марки. На штемпеле: 8.06.1939.

10 (С. 655) — Автограф, черные чернила. На конверте: *Доплатное гор. Уржум Кировской области Ул. Чернышевского дом № 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой*. Без марки. Штамп: *Доплатить 60*; число вписано от руки. На штемпеле: 17.06.1939.

¹ Лидия Васильевна Клыкова (1903—1988), сестра Е. В. Заболоцкой.

² Памятники отреченной литературы / Собр. и изд. Н. Тихонравовым: В 2 т. СПб., 1863. Николай Саввич Тихонравов (1932—1893) — историк литературы, археограф.

³ Александр Николаевич Чудинов (1843—1908) — писатель, издатель, педагог. С 1891 г. издал две серии «Русской классной Библиотеки»; 28 выпусков первой серии были посвящены русской классике; вторая (вышло 26 выпусков) называлась «Классические произведения иностранных литератур в переводах русских писателей» (1896—1904). Упомянутая книга: *Леснь о Нибелунгах*: Немецкий народный эпос / Под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1896 (Русская классная библиотека).

⁴ Имеется в виду финал стихотворения «Искушение» (1929), включенного впоследствии в состав «Смешанных столбцов» (1958).

11 (С. 657) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами: *г. Уржум Кировской обл. Ул. Чернышевского д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой*. Дата на штемпеле неразборчива.

12 (С. 658) — Автограф, черные чернила. На конверте: *гор. Уржум Кировской области Ул. Чернышевского д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой*. Дата на штемпеле неразборчива.

13 (С. 659) — Автограф, черные чернила. На конверте: *Ленинград Кировский проспект д. 55, кв. 87 Лидии Васильевне Клыковой для Е. В. Заболоцкой*. Дата на штемпеле неразборчива. Заявление написано аккуратным почерком и датировано тем же днем, что и письмо. Вероятно, было приложено к следующему письму, отправленно-

му 30 августа 1939 г. и не вошедшему в «Сто писем...» (номер красным карандашом отсутствует).

¹ См. коммент. к поэме «Торжество Земледелия».

² См. коммент. к тексту «Статьи “Правды” открывают нам глаза».

³ См. коммент. к стихотворениям «Север», «Горийская симфония», «Седов» и «Прощание».

⁴ Награждение состоялось в декабре 1937 г. на Руставелиевском юбилейном пленуме Правления СП в Тбилиси.

⁵ Свидетельств этого интереса, насколько нам известно, не сохранилось. Ромен Роллан находился в СССР летом 1935 г. по приглашению М. Горького. Занимался, кроме прочего, хлопотами по делу В. Сержа (Кибальчича), встречался с ленинградскими литераторами, среди которых были С. Маршак, К. Федин, Ю. Тынянов и др. См. об этом: Московский дневник Романа Роллана / Вступ. статья Т. Мотылевой; пер. М. Ариас; коммент. Н. Ржевской // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 190—246; № 4. С. 219—254; № 5. С. 151—192.

14 (С. 662) — Автограф, карандаш. Без конверта.

15 (С. 663) — Автограф, карандаш. На конверте: *Ленинград Кировский проспект д. 55, кв. 87 Екатерине Васильевне Заболоцкой*. Дата на штемпеле неразборчива.

16 (С. 664) — Автограф, черные чернила. На конверте: *г. Ленинград Петроградский район Кировский проспект д. 55, кв. 87 Лидии Васильевне Клыковой (для Ек. Вас. Заболоцкой)*. На штемпеле: 20.12.1939.

17 (С. 665) — Автограф, синие чернила, карандаш. На конверте: *Ленинград Петроградский район Кировский проспект д. 55, кв. 87 Лидии Васильевне Клыковой (для Е. В. Заболоцкой)*. Дата на штемпеле неразборчива. Сохранилось еще 5 писем 1939 г., оставшихся без нумерации красным карандашом и, таким образом, вне предполагавшегося автором состава «Ста писем 1938—1944 года». Выписки для работы тем не менее были сделаны и из них.

¹ Литфонд предоставил семье Заболоцкого комнату в квартире № 18, принадлежавшей арестованному к тому времени писателю Юлию Соломоновичу Берзину (1904—1942). Квартиру № 45 в до-

ме 9 на Канале Грибоедова, где жили Заболоцкие, занял Вячеслав Андреевич Голичников (Голищиков, Голишников; 1899—1955), драматург, режиссер.

18 (С. 667) — Автограф, синие и черные чернила. На конверте: *Ленинград Петроградский район Кировский проспект. д. 55, кв. 87 Лидии Васильевне Клыковой для Е. В. Заболоцкой*. Вверху справа наискось: 10 янв. 40 Никите / 12 янв. 40. Дата на штампе неразборчива.

¹ Сын Заболоцкого Никита родился 25 января 1932 г.

² Здесь и далее Заболоцкий называет *дедом* дядю Е. В. Заболоцкой, Андрея Ивановича Клыкова (1863—1946); см. о нем: ЖНЗ. С. 175—176.

19 (С. 670) — Автограф, черные чернила. На конверте: *Ленинград Петроградский район Кировский проспект. д. 55, кв. 87 Лидии Васильевне Клыковой для Е. В. Заболоцкой*. Ниже: 30 янв. 40. На штампе: 8.02.1940.

20 (С. 670) — Автограф, черные чернила. На конверте: *Ленинград Кировский проспект. д. 55, кв. <87> Лидии Васильевне Клыковой для Е. В. Заболоцкой / г. Комсомольск-на-Амуре. Почтовый ящик № 215 Поселок Старт, 27 колонна, Заболоцкий Н. А. Проектное бюро*. Справа: 15 февр. 40. На штампе: 5.03.1940.

¹ Е. В. Заболоцкая родилась 19 (6) ноября 1906 г.

21 (С. 671) — Автограф, черные чернила. Без конверта.

22 (С. 673) — Автограф, черные чернила. Без конверта.

¹ Дочь Наталья родилась у Заболоцких 5 апреля 1937 г.

² «Фантастическая симфония»; Ор. 14. Н. 48 (полное название — «Эпизод из жизни артиста, фантастическая симфония в пяти частях») — самое известное произведение французского композитора-романтика Гектора Берлиоза (1803—1969); создано в 1830 г., переработано в 1845 г. Часть IV называется «Шествие на казнь».

³ Здесь и далее: *Коля* — Николай Леонидович Степанов (1902—1972), литературовед, ближайший друг Заболоцкого; *Саня* — Александр Ильич Гитович (1909—1966), поэт, переводчик, вдохновитель и руководитель литературной группы «Молодое объединение».

23 (С. 675) — Автограф, черные чернила. На конверте: *Ленинград канал Грибоедова д. 9. кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой*. Выше: *30 марта 40*. На штемпеле: 18.04.1940.

24 (С. 676) — Автограф, черные чернила. На конверте: *Ленинград канал Грибоедова д. 9. кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой*. Справа: *15 апр. 40*. На штемпеле: 17.04.1940.

¹ Народная песня, восходящая к романсу на слова А. Молчанова, написанные в 1838 г. на Кавказе. В кон. XIX — нач. XX в. неоднократно издавалась с указанием: «Слова и музыка А. Гадалина». Первой строкой песни Заболоцкий в шутку называл одну из своих фотографий, сделанную весной 1948 г. в Переделкино на даче В. А. Каверина (см. 2-й блок ил. в ЖНЗ).

25 (С. 677) — Автограф, черные чернила. На конверте: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9. кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой*. Справа: *30 апр. 40*. На штемпеле: 18.05.1940.

¹ Вероятно, подразумевается финал рассказа И. А. Бунина «Цифры» (1906): «<...> детские волосы хорошо пахнут, — совсем как маленькие птички» (Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1987. С. 263).

26 (С. 678) — Автограф, черные чернила. На почтовой карточке. *Куда: Ленинград Канал Грибоедова дом [№] 9. кв. [№] 18 Кому: Екатерине Васильевне Заболоцкой*. Справа: *15 мая 40*. На штемпеле: 18.05.1940.

¹ Дача на Сиверской (Новосиверской, недалеко от Меженского берега) принадлежала А. И. Клыкову (см. коммент. к письму 18).

27 (С. 679) — Автограф, черные чернила. На почтовой карточке. *Куда: Ленинград Канал Грибоедова д. 9. кв. 18 Кому: Екатерине Васильевне Заболоцкой / Адрес отправителя: Комсомольск на Амуре. Почт.<овый> ящ.<ик> 99 Комендант. ОЛП Проектно-сметный отдел. Заболоцкий Н. А.* Справа: *24 мая 40*. На штемпеле: 26.05.1940.

28 (С. 679) — Автограф, черные чернила. Без конверта.

29 (С. 681) — Автограф, простой карандаш. На конверте, черными чернилами, чертежный почерк: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9. кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой*. Ниже: *9 июня 40*. Дата

на штемпеле неразборчива. Красным карандашом проставлен номер 29, несмотря на опережение даты предыдущего письма.

30 (С. 682) — Автограф, черные чернила. На почтовой карточке. Куда: Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Кому: Екатерине Васильевне Заболоцкой. Справа: 10 июля 40. Дата на штемпеле неразборчива.

31 (С. 683) — Автограф, черные чернила. Ленинград Канал Грибоедова д. 9. кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой / г. Комсомольск-на-Амуре. п/я № 99 Комендантский ОЛП Проектно-сметный отдел, Заболоцкий Н. А. Обратный адрес синими чернилами. Справа: 14 июля 40. На штемпеле: 21.07.1940.

32 (С. 684) — Автограф, черные чернила. На конверте: Ленинград Канал Грибоедова д. 9. кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой / г. Комсомольск-на-Амуре п/я 99 Проектно-Сметный отдел Заболоцкий Н. А. Справа: 21 июля 40. На штемпеле: 24.07.1940.

33 (С. 685) — Автограф, черные чернила. На почтовой карточке. Куда: Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Кому: Екатерине Васильевне Заболоцкой / Комсомольск-на-Амуре Поселок Старт. п/я 99 Проектно-Сметный Отдел Заболоцкий Ник. Ал. Справа: 28 июля 40. На штемпеле: 30.07.1940.

34 (С. 686) — Автограф, синие чернила. На конверте: Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Комсомольск-на-Амуре, п/я 99 Проектно-Сметн. <ый> Отдел Заболоцкий Н. А. Справа: 3 авг. 40. Дата на штемпеле неразборчива.

¹ Поездка в Грузию относится к сентябрю—октябрю 1936 г.

35 (С. 688) — Автограф, черные чернила. Без конверта.

36 (С. 688) — Автограф, синие чернила. На почтовой карточке. Куда: Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв 18 Кому: Екатерине Васильевне Заболоцкой / Комсомольск-на-Амуре, п/я 99/к, Заболоцкий Н. А. Справа: 25 авг. 40. Дата на штемпеле неразборчива.

37 (С. 689) — Автограф, черные чернила. На почтовой карточке. Куда: Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Кому: Екатерине Ва-

ильевне Заболоцкой / Комсомольск на Амуре п/я 99/к Н. Заболоцкий. Справа: 1 сент. 40. На штемпеле: 16.09.1940.

38 (С. 689) — Автограф, синие чернила. На конверте: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9, кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Комсомольск на Амуре п/я 99/к Н. А. Заболоцкий*. Справа: 15 сент. 40. На штемпеле: 23.09.1940.

39 (С. 691) — Автограф, синие чернила. На конверте: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Отпр.<правитель> Заболоцкий Н. А. Комсомольск на Амуре п/я 99/к Проектный отдел*. Справа: 28 сент. 40. На штемпеле: 25.10.1940.

40 (С. 692) — Автограф, черные чернила. Без конверта.

¹ *Камфора рубини* (*Camphora rubini*) — гомеопатический препарат, применяющийся при острых расстройствах желудочно-кишечного тракта из-за принятия недоброкачественной пищи.

41 (С. 693) — Автограф, карандаш. Без конверта.

42 (С. 695) — Автограф, карандаш. Без конверта.

43 (С. 696) — Автограф, синие чернила. Без конверта.

¹ Профессор В. А. Десницкий принимал участие в попытках добиться освобождения Заболоцкого. См. также коммент. к стихотворению «Садовник» (1946).

44 (С. 697) — Автограф, синие чернила. На конверте: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Отпр.<авитель> Н. А. Заболоцкий г. Комсомольск на Амуре п/я 99/к Штабная колонна*. Справа: 11 ноябр. 40. Дата на штемпеле неразборчива.

¹ Вероятно, имеется в виду книга: *Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре*. Отрывки / Пер. с грузин., обраб. для детей. Баку, 1938 (Библиотека внеклассного чтения).

² Стихотворение было напечатано в журнале «Литературный современник» (1940. № 8/9. С. 83):

Давным-давно, не знаю почему,
Я потерял товарища. И эти

Мгновенья камнем канули во тьму:
Я многое с тех пор забыл на свете,

Я только помню, что не пил вино,
Не думал о судьбе, о смертном ложе,
И было это все давным-давно:
На целый год я был тогда моложе.

В воспоминаниях Сильвы Соломоновны Гитович (Левиной; 1913—1974) говорится: «<...> одно стихотворение было написано Николаю Алексеевичу Заболоцкому, но, конечно, никакого посвящения не стояло, и о посвящении можно было только догадываться. И вот происходит чудо, магия, волшебство! Волею уникального случая, неизвестно какими путями, этот номер “Литературного современника” попадает в лагерный барак в руки з/к Заболоцкого. Он читает печальное Санино стихотворение <...> и сразу понимает все. Обостренная интуиция не вызывает у него ни малейшего сомнения, кому адресованы эти строки, и грустно отзывается в сердце эта далекая весточка друга. В конце журнала он читает напечатанную в два столбца стенограмму Саниного выступления на поэтической дискуссии, и теплее становится на душе у Николая Алексеевича, потому что он знает, что по-прежнему помнят и любят его друзья и единомышленники, не дают в обиду его искусство и что тянутся их руки к нему сквозь пространство и время. О выступлении же Гитовича на дискуссии Николай Алексеевич в письме к Екатерине Васильевне не обмолвился ни словом. Не знаю, говорил ли он ей об этом потом, но много лет спустя, сидя на краешке ванны у себя на Беговой, куда они вдвоем ходили курить, он рассказывал Сане, сколько надежды, силы и бодрости вселил тогда в него сдвоенный номер “Литературного современника” за 1940 год» (*Гитович С. С.* Арест Н. А. Заболоцкого / Публ. В. Смирнова [С. В. Дедюлина] // *Память: Исторический сборник.* Вып. 5. М., 1981; Paris, 1982. С. 341—342). Речь идет о публикации: *Гитович А.* Испытание временем // *Литературный современник.* 1940. № 8/9. С. 200—205. Выступление содержало критический анализ творчества современных поэтов, во многом созвучный идеям, высказанным в статье Заболоцкого «Язык Пушкина и советская поэзия (Заметки писателя)» (И. 1937. № 22 (6184). 25 янв. С. 6). «В дни дискуссии зал Дома писателей был переполнен. Выступающих было много. Бушевали литературные споры,

кипели страсти. Кого-то дружно поднимали на щит, кого-то безжалостно низвергали в бездну. Наконец, на трибуну вышел Гитович. Его выступление было взволнованным, продуманным, точно бьющим в цель. Конечно, если бы Заболоцкий в то время присутствовал в доме писателей, то эту речь должен был произносить, бесспорно, он, но, увы, его тут не было и быть не могло, и Гитович, с трибуны собрания, обрушивал на зал идеи Заболоцкого, давал бой его недругам, невзирая на авторитеты, громил словесную невнятицу, ратовал за бережное отношение к слову. Во время Саниного выступления дух Заболоцкого как бы витал в зале собрания, и большинство присутствующих это отлично понимали, а тем, у кого возникали сомнения, Гитович давал это понять. Выступление Гитовича получило широкий резонанс и многих задело» (*Гитович С. С.* Указ. соч. С. 340—341). «Литературная газета» писала, что стихотворение Гитовича — «не более, чем стремление к меланхолической позе. Оно продиктовано желанием порисоваться перед публикой, как это делает плохой певец, закатывающий глаза и ломающий руки. <...> В этом холодном пустословии нет никакого смысла» (*Нагорный С.* Следующий номер // Литературная газета. 1940. № 50 (901). 29 сент. С. 5).

45 (С. 698) — Автограф, карандаш. Без конверта.

¹ Речь идет о работах по оформлению лагерного клуба, производившихся под началом писателя Василия Николаевича Ажаева (1915—1968), впоследствии — автора романов «Далеко от Москвы» (1948) и «Вагон» (1964), в то время — вольнонаемного, в прошлом — заключенного. См.: *Lahusen Th.* How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia. Ithaca—London, 2002. P. 83, 86—87; *Cheloukhina S.* The Poetic Universe of Nikolai Zabolotsky. M., 2006. P. 26, 27, 181. См. также главку «Пропущенное дополнение» в мемуарной книге В. А. Каверина, где говорится: «Заболоцкий рассказывал мне, что Ажаев на каторге был одним из “маленьких начальников” и держался “средне” — не зверствовал, но и не потакал заключенным» (*Каверин В. А.* Эпилог: Мемуары. М., 2002. С. 310).

46 (С. 699) — Автограф, синие чернила. На конверте: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Комсомольск на Амуре П.<очтовый> я.<щик> 99/к Штабная колонна Н. А. Заболоцкий.* Справа: 3 дек. 40 г. Дата на штемпеле неразборчива.

47 (С. 701) — Автограф, черные чернила. На конверте: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой / от Н. А. Заболоцкого, г. Комсомольск-на-Амуре, п/я 99/к, Штабная Колонна*. Справа: 18 дек. 40. На штемпеле: 22.12.1940.

48 (С. 702) — Автограф, красные чернила. На конверте: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Комсомольск-на-Амуре, почт.<овый> ящ.<ик> 99/к, Штабная Колонна Н. А. Заболоцкий*. Справа: 26 дек. 40. На штемпеле: 28.12.1940.

49 (С. 703) — Автограф, черные чернила. На конверте: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Отпр.<авитель>: Комсомольск-на-Амуре, п. я. 99/к Штабная Колонна Заболоцкий Ник. А.* Справа: 4 янв. 41. Дата на штемпеле неразборчива.

¹ Корней Иванович Чуковский (Корнейчуков; 1882—1969) — писатель, переводчик, критик, литературовед.

50 (С. 704) — Автограф, черные чернила. На конверте: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Отпр.<авитель>: Комсомольск-на-Амуре, п. я. 99/к Штабная Колонна Заболоцкий Ник. Ал.* Слева: 9 янв. 41. Дата на штемпеле неразборчива.

¹ Ср. воспоминания об играх, связанных с юбилеем 1812 г., в очерке «Ранние годы».

² Эти слова дают новый угол зрения на художественную задачу очерка «Ранние годы» (1955).

51 (С. 706) — Автограф, синие чернила. На конверте: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Комсомольск-на-Амуре П. Я. 99/к Штабная Колонна Заболоцкий Н. А.* Справа: 31 янв. 41. Дата на штемпеле неразборчива.

52 (С. 707) — Автограф, черные чернила. На конверте: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой*. Справа: 24 февр. 41 г. На штемпеле: 28.02.1941.

¹ *Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Обр. для детей. М.; Л., 1940 (Школьная библиотека)*. О переиздании Руставели см. коммент. 1 к письму 44.

53 (С. 708) — Автограф, черные чернила. На конверте: Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой. Справа: 9 марта 41 г. На штемпеле: 12.03.1941.

54 (С. 709) — Автограф, карандаш. Без конверта.

55 (С. 711) — Автограф, синие чернила. Без конверта.

56 (С. 712) — Автограф, синие чернила. На конверте: г. Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Заболоцкой Екатерине Васильевне / Комсомольск-на-Амуре, п/я 99/к Комендантская колонна, Заболоцкий Н. А. Слева выше: 6 апр. 41 г. На штемпеле: 8.04.1941.

57 (С. 713) — Автограф, черные чернила. Без конверта.

¹ 11 апреля была принята телеграмма:

ГРИБОЕДОВА 9 КВ <18> 1 ЗАБОЛОЦКОЙ =
КОМСОМОЛЬСКА НА АМУРЕ 125 16 11 1130
СРОЧНО ВЫШЛИ ХРЕСТОМАТИЮ ГУКОВСКОГО ПО ЛИТЕРАТУРЕ
ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА=ЗАБОЛОЦКИЙ+

На бланке со штампом: *Телеграфное отд. ул. Халтурина, дом 8.* Вверху дата и роспись телеграфиста в графе «Принял», карандашом. Ниже, синими чернилами: *апрель 1941 г.* «Хрестоматия по русской литературе XVIII века», составленная Григорием Александровичем Гуковским (1902—1950) в 1935—1938 гг., выдержала 5 изданий (М., Харьков). Вероятно, просьба связана с надеждами на педагогическую работу (см. письмо 54), которые, однако, не оправдались (см. письмо 62).

² Аллюзия к словам А. С. Пушкина из письма к жене от 18 мая 1836 г.: «<...> чорт догадал меня родиться в России с душою и с талантом! Весело, нечего сказать» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 16. М.; Л., 1949. С. 117—118*).

58 (С. 714) — Автограф, синие чернила. На почтовой карточке. Куда: Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Кому: Екатерине Васильевне Заболоцкой / Адрес отправителя: Комсомольск-на-Амуре п/я 99/к Комендантская колонна Заболоцкий Н. А. Справа: 3 мая 41.

Дата на штемпеле неразборчива. Под текстом синим карандашом, размашисто: *По 2 отд. нет* <Подпись>.

59 (С. 714) — Автограф, черные чернила. На конверте: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9 кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Отпр.<авитель>: Комсомольск-на-Амуре П.<очтовый> Я.<щик> 99/к Комендантская колонна, Заболоцкий Ник. Ал. Слева: 8 мая 41 г. На штемпеле: 10.05.1941.*

60 (С. 716) — Автограф, синие чернила. Без конверта.

¹ *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / Для детей обраб. Н. Заболоцкий. Л., 1935; То же / Изд. 2-е. М.; Л., 1936. О третьем изд. см. коммент. 1 к письму 52.

² *Де Костер Ш.* Тиль Уленшпигель / Обраб. для детей Н. Заболоцкий. М.; Л., 1936; То же. М.; Л., 1937 (Школьная библиотека).

³ *Руставели Ш.* Витязь в тигровой шкуре / Пер. с грузин. и обраб. для юношества Н. Заболоцкого. М.; Л., 1937.

⁴ Вероятно, так Заболоцкий называет здесь 3-е издание пересказа Ф. Рабле, вышедшее в 1940 г. (см. коммент. 1 к письму 52).

61 (С. 718) — Автограф, синие чернила. На почтовой карточке. *Куда: Ленинград Канал Грибоедова д. 9. кв. 18 Кому: Заболоцкой Екатерине Васильевне / Адрес отправителя: Комсомольск-на-Амуре, п/я 99/к Комендантская колонна Заболоцкий Н. А. Слева сверху: 25 мая 41. На штемпеле: 9.06.1941.*

¹ Возможно, речь идет о гонораре за работу над киносценарием для неосуществленной постановки; см.: *Заболоцкий Н. А.* Приключения барона Мюнхгаузена. Сценарий к детскому игровому фильму / Публ. Н. Н. Заболоцкого; подгот. текста И. Е. Лощилова; вступ. заметка И. Е. Лощилова и П. А. Багрова // Киноведческие записки: Историко-теоретический журнал. № 84. М., 2007. С. 228—233.

62 (С. 718) — Автограф, синие чернила. На конверте: *Ленинград Канал Грибоедова д. 9. кв. 18 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Комсомольск-на-Амуре, п/я 99/к Комендантская колонна, Н. А. Заболоцкий.* Выше: *30 мая 41.* Дата на штемпеле неразборчива.

¹ Перевод поэмы Г. Орбелиани «Заздравный тост, или Пир после Эриванской битвы», сделанный Заболоцким по совету Ю. Н. Тынянова еще в 1934—1935 гг., был напечатан в кн.: Грузинские романтики / Под ред. Н. С. Тихонова и Ю. Н. Тынянова. Л., 1940 (Библиотека

поэта. Большая серия). С. 112—128. Имя Заболоцкого не было указано, как и имя Б. К. Лившица, чей перевод стихотворения Н. Бараташвили «Раздумье на берегу Куры» также напечатан в книге (С. 140).

² «Рассказывал Николай Алексеевич, как из области чудесных неожиданностей, что он в ежемесячной посылке Екатерины Васильевны обнаружил объемистый пакет от Михаила Леонидовича Лозинского с двумя курительными трубками, кисетом и большим ящиком трубочного табака. В той обстановке курили всё, что было под рукой: махорку, мох, сухие листья. И Михаил Леонидович, будто зная все это, прислал как раз самое нужное, самое существенное. Удивительно то, что Николай Алексеевич с Лозинским раньше не только не были дружны, но и знакомство их было весьма отдаленным, а Михаил Леонидович в трудные для Заболоцкого дни вспомнил о нем, позаботился о нем, и этот горьковатый дымок настоящего табака надолго скрасил Николаю Алексеевичу тоску лагерных дней» (*Гитович С. С.* Указ. соч. С. 349). Михаил Леонидович Лозинский (1886—1955) — переводчик, поэт.

³ от Ал. Вас. — неизвестное лицо.

⁴ Лидия Константиновна Степанова (1906—2002) и Алеша (1933—1979) — вторая жена и сын Н. Л. Степанова.

63 (С. 721) — Автограф, черные и синие чернила. На почтовой карточке. *Куда:* Ленинград Канал Грибоедова д. 9. кв. 18 *Кому:* Заболоцкой Екатерине Васильевне / *Адрес отправителя:* Комсомольск на Амуре, п/я 99/к Коменд.<антская> колонна Заболоцкий Н. А. Справа: 24 июня 41 г. Дата на штемпеле неразборчива.

64 (С. 722) — Автограф, черные и синие чернила. На почтовой карточке. *Куда:* Ленинград Канал Грибоедова д. 9. кв. 18 *Кому:* Заболоцкой Екатерине Васильевне / *от Н. А. Заболоцкого* Комсомольск-на-Амуре, п/я 99/к Колонна 51. Справа сверху: 14 ноября 41. Дата на штемпеле неразборчива. Штамп: НОЯ 1941 19.

65 (С. 722) — Автограф, синие чернила. На конверте: г. Уржум Кировской области Улица Гоголя, д. 25 Екатерине Васильевне Заболоцкой / г. Комсомольск-на-Амуре, п/я 99 кол. 51 Проектное Бюро, Заболоцкий Н. А. Вверху: 10 марта 42. На штемпеле: 29.03.1942.

66 (С. 722) — Автограф, синие чернила. На конверте: г. Уржум Кировской области Улица Гоголя, д. 25 Екатерине Васильевне Заболоцкой. Вверху: 14 апр. 42. На штемпеле: 15.05.1942.

67 (С. 723) — Автограф, синие чернила. На почтовой карточке. Куда: г. Уржум Кировской области Улица Гоголя, д. № 25 Кому: Заболоцкой Екатерине Васильевне / Адрес отправителя: Заболоцкий Н. А., Комсомольск-на-Амуре, п/я 99/7 12 Колонна, Проектное Бюро. Вверху: 23 апр. 42. На штемпеле: 15.05.1942.

68 (С. 723) — Автограф, синие чернила. На почтовой карточке. Куда: г. Уржум, Кировской области Улица Гоголя, дом № 25 Кому: Екатерине Васильевне Заболоцкой / Адрес отправителя: Н. А. Заболоцкий, Комсомольск-на-Амуре, п. я. 99, Кол.<онна> № 12, Проектное Бюро. Справа: 3 июня 42. Дата на штемпеле неразборчива.

¹ Открытка, посланная в Киров, хранится в РГАЛИ (Ф. 1494. Оп. 2. Ед. хр. 1): Куда: г. Киров Улица Маркса, д. 51-А Кому: Е. Л. Шварцу для Е. В. Заболоцкой. Адрес отправителя и текст на обороте без отличий.

² Жене и Ек.<атерине> Ив.<ановне>. Драматург Евгений Львович Шварц (1896—1958) и его вторая жена, Екатерина Ивановна Шварц (Обухова; по первому мужу — Зильбер; 1903—1963) — близкие друзья Заболоцких.

69 (С. 723) — Автограф, черные чернила. На конверте: г. Уржум Кировской области улица Гоголя, дом [№] 25 Екатерине Васильевне Заболоцкой. Вверху: 15 июля 42. На штемпеле: 13.08.1942.

70 (С. 725) — Автограф, синие чернила. На конверте: г. Уржум, Кировской области Ул. Свободы, дом 60 Екатерине Васильевне Заболоцкой / от Н. А. Заболоцкого, г. Комсомольск-на-Амуре, п. я. 99/7, Кол.<онна> № 12, Проектное Бюро. Справа: 7 авг. 42. Дата на штемпеле неразборчива.

71 (С. 726) — Автограф, синие чернила. На конверте: г. Уржум Кировской области Ул. Свободы, дом 60 Екатерине Васильевне Заболоцкой // Отпр.<авитель> Н. А. Заболоцкий. Комсомольск-на-Амуре, п. я. 99/7 Кол. № 12, Проектное Бюро. Вверху слева: 30 авг. 42 г. На штемпеле: <?>.09.1942.

¹ Брат поэта, Алексей Алексеевич Заболотский (1909—1995). «Накануне войны Алексей Алексеевич работал в Петергофском биологическом институте гидробиологом. Там он вступил в народное ополчение и там же в сентябре 1941 года был взят в плен войсками. Как он потом писал, “первые месяцы плена были ужасны, но затем я попал на работу к крестьянам (в Латвии) и более года жил сносно.

Летом 1943 года нас собрали в лагеря и отправили в Германию. <...> На мою долю выпало работать на “классических” каторжных работах — в каменоломнях Гарца, где люди “доходили” от непосильного труда, непрерывного голода и зверского отношения со стороны немцев. Последние полгода плена я не выходил из лазаретов. <...> Нас освободили американцы 14 апреля 1945 г. <...>”. После окончания войны А. А. Заболотский был демобилизован из армии, где он успел послужить, приехал в Ленинград к жене, но вскоре, как и многие побывавшие в немецком плену, был арестован органами госбезопасности. Долгое время о нем ничего не было известно, но вот в Москву пришло его первое письмо к брату: “Село Загубье. 30 октября 1954 г. Дорогой мой брат! Почти девять лет я находился в заключении, причиной которого явилась война, плен и связанная с ним нечеловечески трудная борьба за жизнь. Я много горя испытал за эти годы и уже не надеялся вернуться из далекой Колымы на родную землю. Я не писал ни тебе, ни Жене, зная, что письмами сделал бы еще труднее вашу и без того тяжелую жизнь. Радость пришла неожиданно — меня досрочно освободили как инвалида, больного тяжелым недугом (кардиосклероз, гипертоническая болезнь 3-й степени). Я не успел даже ни с кем списаться, как оказался на свободе, по пути на родину — в Ленинград. Здесь я встретился с Женей. Несмотря на все огорчения, которые я ей причинил в прошлом, она осталась мне лучшим другом — перед ней я в неплатном долгу до конца дней. По ее совету и рекомендации я переехал сюда — в село Загубье (на каналах у Ладожского озера), где Женя в последние годы отдыхала на даче. Здесь я получил паспорт, прописался и теперь ищу какой-либо работы, чтобы войти в русло нормальной человеческой жизни. <...> Правильнее было бы устроиться где-нибудь в районном городке (в областных городах первое время жить не разрешат) — там легче найти работу, но там сразу же потребуется квартира, а ее нет. Сегодня я написал в Петрозаводск к своим старым сослуживцам — может быть, они смогут мне помочь. <...>”. Николай Алексеевич, пока была нужда, помогал брату деньгами и одеждой, но, несмотря на неоднократные предложения Алексея Алексеевича, встретиться с ним не захотел. Думается, главной причиной тому было опасение привлечь внимание агентов госбезопасности к общению братьев, отбывших сроки заключения. Не хотелось и разговоров о прошлом — о детстве и юности, о сестрах, о немецких и советских лагерях. Все эти темы нарушили бы и без того неустойчивое душевное равновесие поэта. Так братья никогда боль-

ше и не увиделись, только переписывались и однажды разговаривали по телефону. Алексей Алексеевич приезжал на похороны брата, а сам он, несмотря на болезни и тяжелые годы жизни, на двадцать лет пережил свою жену и умер в 1995 году восьмидесятишестилетним стариком. В память о нем один норвежский энтомолог назвал новый вид речного комара — в переводе с латинского — комарик Заболотского» (ЖНЗ. С. 537—539).

² А. И. Клыков (см. о нем коммент. 2 к письму 18).

72 (С. 727) — На штемпеле: 17.09.1942. Получено: 5.10.1942.

73 (С. 727) — Автограф, черные чернила. На конверте, чертежным почерком: *г. Уржум Кировской области Ул. Свободы, д. 60 Екатерине Васильевне Заболоцкой*. Справа: 29 окт. 42. На штемпеле: 27.11.1942. На письме шестиугольный штамп: № 3.

74 (С. 728) — Автограф, синие чернила. На конверте: *г. Уржум, Кировской обл. Ул. Свободы, дом № 60 Екатерине Васильевне Заболоцкой / от Н. А. Заболоцкого; г. Комсомольск-на-Амуре, п. я. [99/7, Кол. № 12, Проектное Бюро] 215/17*. Слева: 11 окт. 42. Дата на штемпеле неразборчива.

75 (С. 728) — Автограф, синие чернила. На конверте: *г. Уржум, Кировской обл. Улица Свободы, дом [№] 60 Екатерине Васильевне Заболоцкой*. Справа внизу: 29 ноября 42. Дата на штемпеле неразборчива.

76 (С. 729) — Телеграмма. На бланке «Проходящая». Вверху дата (7/І 43 г.) и роспись телеграфиста в графе «Принял», карандашом.

77 (С. 729) — Автограф, синие чернила. На конверте: *гор. Уржум Кировской области <Ул.>Октябрьская, д. 41 Екатерине Васильевне Заболоцкой / г. Комсомольск-на-Амуре, п/я 215/17, Заболоцкий Н. А.* Справа: 19 марта 43 г. Дата на штемпеле неразборчива. Позднейшая приписка: *НВ: конец срока*. Автограф, синие чернила. На конверте: *г. Уржум Кировской области Октябрьская ул. д. № 41 Екатерине Васильевне Заболоцкой*. Справа: 23 апр. 43. На штемпеле: 30.04.1943.

78 (С. 731) — Автограф, синие чернила. На конверте: *г. Уржум Кировской области Октябрьская ул. д. № 41 Екатерине Васильевне Заболоцкой*. Справа: 23 апр. 43. На штемпеле: 30.04.1943.

79 (С. 731) — Телеграмма. На листке со штампом «Уржумская контора связи Кировской области». Запись рукой телеграфиста, карандаш. Внизу: 4 июля 1943.

80 (С. 732) — Автограф, черные чернила. На конверте, синими чернилами: *г. Уржум Кировской обл. Октябрьская, д. 41 Екатерине Васильевне Заболоцкой / от Н. А. Заболоцкого Кулунда Омской Михайловское п. я. 308/13. Слева сверху: 29 авг. 43. Край со штемпелем обрезан.*

¹ Пелагея Семеновна Клыкова — мачеха Е. В. Заболоцкой (1878?— 1943).

81 (С. 733) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами: *г. Уржум Кировской обл. Октябрьская ул., д. 41 Екатерине Васильевне Заболоцкой / ст.<анция> Кулунда, Омской ж.<елезной> д.<ороги> почт.<овое> отд.<еление> Михайловское Алтайского края. п. я. 308/13, Н. А. Заболоцкий. Справа: 9 ноября 43. Дата на штемпеле неразборчива. Об алтайском периоде лагерной жизни Заболоцкого см.: Лушников А. Н. А. Заболоцкий в Алтайлаге // Диалог. 1989. № 2. Барнаул. С. 40—43; Рогова Л., Цинько С. Заболоцкий на Алтае // Голос труда. 2003. № 52 (432). 24 дек. Барнаул. С. 3; Цинько С. П. Н. А. Заболоцкий в Алтайлаге в с. Михайловском // Михайловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 205—212; Он же. 60 лет со времени перевода поэта Н. А. Заболоцкого в Алтайлаг в с. Михайловское // Страницы истории Алтая. 2003: Календарь памятных дат. Барнаул. 2003. С. 141—145.*

¹ При систематизации лагерных писем в 1956 г. Заболоцкий сделал напротив этих строк приписку: *НВ: тогда после летних работ на содовых озерах врач находил у меня декомпенсацию. Я весь распух и болел долгое время.*

82 (С. 734) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами, чертежным почерком: *Заказное г. Уржум Кировской обл. Ул. Чернышевского, д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой / ст.<анция> Кулунда, Омской ж.<елезной> д.<ороги> С. Михайловское Алтайск.<ого> края. п/я 308/13, Н. А. Заболоцкий. Справа: 28 ноября 43. На штемпеле: 8.12.1943.*

¹Здесь и в письме 87 Женя — Евгения Владимировна Проворова (1903?—1975), жена брата Н. А. Заболоцкого, Алексея Алексеевича (см. о нем коммент. 1 к письму 71); была невольным свидетелем ареста Заболоцкого в 1938 г.

² Д. И. Хармс умер 2 февраля 1942 г. в психиатрическом отделении тюремной больницы в Ленинграде (Арсенальная, д. 9). А. И. Введенский — 19 декабря 1941 г. в поезде, этапировавшем заключенных из внутренней тюрьмы УНКВД г. Харьков в Казань; согласно документам, от экссудативного плеврита (существуют и другие версии обстоятельств и причины смерти поэта). Памяти ленинградских друзей круга ОБЭРИУ (Д. И. Хармс, А. И. Введенский, Н. М. Олейников, П. И. Соколов) посвящено стихотворение «Прощание с друзьями» (1952).

83 (С. 735) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами: *г. Уржум Кировской обл. Ул. Чернышевского, д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Кулунда, Омской ж. д. С. Михайловское п/я 308/13, Н. А. Заболоцкий. Справа: 6 дек. 43. На штемпеле: 16.12.1943.*

84 (С. 736) — Автограф, синие чернила. На почтовой карточке с изображением М. И. Кутузова, сцены Бородинского сражения и словами И. Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков...» *Куда: г. Уржум Кировской области Ул. Чернышевского д. 22 Кому: Заболоцкой Екатерине Васильевне / Адрес отправителя: Кулунда, Омской ж/д. С. Михайловское Алтайск. <ого> кр. <ая> п/я 308/13, Заболоцкий Н. А. Дата на штемпеле неразборчива.*

¹ Николай Георгиевич (Егорович) Сбоев (1902?—?) — один из ближайших друзей молодости поэта, крестный отец его сына. Сохранился графический портрет Сбоева работы Заболоцкого, сделанный в 1925 или 1926 г., в традициях «филоновской школы». Жил в Ленинграде.

85, 85а (С. 736, 737) — Посланы в одном конверте, но пронумерованы как 85 и 85а. Автограф, синие (Е. В. Заболоцкой) и черные (Н. Н. Заболоцкому) чернила. На конверте, черными чернилами: *г. Уржум Кировской обл. Ул. Чернышевского д. 22 Никите Николаевичу Заболоцкому / ст. <анция> Кулунда Омской ж. <елезной> д. <ороги> С. Михайловское Алтайск. <ого> края п/я 308/13, Н. А. Заболоцкий. Справа: 11 янв. 44. На штемпеле: 15.01.1944.*

¹ Работа над первыми двумя частями поэмы «Осада Козельска» была начата в доме творчества в Елизаветино под Ленинградом параллельно с работой над переводом «Слова о полку Игореве» (кон. 1937 — нач. 1938 г.); прервана арестом Заболоцкого 19 марта 1938 г.

Благодаря Е. В. Заболоцкой, черновики сохранились, но были уничтожены поэтом в 1948 г. в Переделкино.

86 (С. 737) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами: *Заказное г. Уржум Кировской области Ул. Чернышевского д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой / ст. Кулунда Омской ж. д. С. Михайловское Алтайского края п/я 308/13, Н. А. Заболоцкий*. Справа: 23 янв. 44. Дата на штемпеле неразборчива.

87 (С. 738) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами, чертежным почерком: *Заказное г. Уржум Кировской обл. Ул. Чернышевского, д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Отпр. Н. А. Заболоцкий. Ст. Кулунда Омской ж. д. п/о Михайловское Алтайск. <ого> края п/я 308/13*. Справа: 18 февр. 44 г. На штемпеле: 4.03.1944.

¹ См. коммент. 1 к письму 82.

² Историк и теоретик литературы, пушкинист Борис Викторович Томашевский (1890—1957) и его жена, литературовед Ирина Николаевна Медведева-Томашевская (она же — *Литературовед D*, автор книги «Стремя “Тихого Дона”», вышедшей в 1974 г. в Париже; 1903—1973), близкие друзья Заболоцких.

88 (С. 740) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами, чертежным почерком: *г. Уржум Кировской обл. Ул. Чернышевского, д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Н. А. Заболоцкий ст. Кулунда Омской ж. д. С. Михайловское Алт. <айского> кр. <ая> п/я 308/[13]2*. Справа: 30 марта 44. Дата на штемпеле неразборчива.

¹ Юрий Николаевич (Насонович) Тынянов (1894—1943), теоретик и историк литературы, прозаик, критик; один из создателей «формального метода» в литературоведении; с середины 1930-х гг. страдал тяжелой формой рассеянного склероза, умер в Москве 20 декабря 1943 г.

89 (С. 741) — Автограф, карандаш. Без конверта. Центральная часть письма стала текстом очерка «Картины Дальнего Востока» (впервые: СС2 II. С. 224—227). Среди сохранившихся писем к Н. Л. Степанову нет содержащего воспоминаний о природе Дальнего Востока.

90 (С. 745) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами, чертежным почерком: *Заказное г. Уржум Кировской обл. Ул. Чернышевского, д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Н. А. За-*

болоцкий ст. Кулунда Омской ж. д. С. Михайловское Алт.<айского> кр.<ая> П. Я. 308/13. Справа: 21—23 апр. 44. Вверху: № 13/4 Михайловское Вынуто из п/я <Подпись>. Дата на штемпеле неразборчива.

¹ Ср. в письме 83: «Все в посылке будет использовано, включая обшивку с ее уголками».

² В 1956 г. Заболоцкий сделал приписку к этому месту: *Режим смягчился, ходили без конвоя.*

91 (С. 746) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами: *г. Уржум Кировской обл. Ул. Чернышевского, д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Н. А. Заболоцкий ст. Кулунда Омской ж. д. С. Михайловское Алт.<айского> кр.<ая> П. Я. 308/[13] 2. Справа: 12 мая 44 г. Дата на штемпеле неразборчива.*

92 (С. 747) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами: *г. Уржум Кировской обл. Ул. Чернышевского д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Н. А. Заболоцкий ст. Кулунда Омской ж. д. С. Михайловское Алт.<айского> кр.<ая> П. Я. 308/[13] 2. Справа: 18—24 мая 44 г. Дата на штемпеле неразборчива.*

92a (С. 748) — Автограф, синие чернила. Без конверта.

¹ Вениамин Александрович Каверин (Зильбер; 1902—1989) — писатель, участник объединения «Серapiоновы братья». 2 мая 1944 г. писал Заболоцкому: «...В литературе время недалеко ушло вперед, так недалеко, что мне совсем нетрудно вообразить себе, что Вы вернулись и продолжаете свой перевод “Слова о полку Иго-реве”, сейчас этот труд, мне кажется, нашел бы себе еще более почетное место в литературе, чем когда Вы за него принимались» (3. С. 127).

93 (С. 749) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами: *г. Уржум Кировской области Ул. Чернышевского, д. 22 Никите Николаевичу Заболоцкому / Отпр.: Н. А. Заболоцкий. ст. Кулунда, Омской ж. д. С. Михайловское Алтайск.<ого> края п/я 308/2. Справа: 6 июня 44. Дата на штемпеле неразборчива. Описанный в письме эпизод отражен в стихотворении «Это было давно» (1957).*

¹ «В бумагах отца сохранился листочек письма, на котором моей детской рукой написано стихотворение

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

Свищут снаряды, бомбы летят,
По улицам города люди спешат.
Они спотыкаются, падают замертво.
По гладкому снегу санки скользят,
В санках трупы голодных ребят.
В квартирах люди с коптилкой сидят
И горькие отруби ложкой едят...

Далее приписано отцовской рукой: "Эти стихи 10-летний Никита сочинил в Ленинграде, в январе 1942 года, сидя на антресолях в квартире Шварцев (во время блокады). Продолжение было: "И говорят все о том и о том, / Когда же нам хлеба прибавят". Очень глубокое впечатление произвели на отца наши блокадные злоключения» (*Заболоцкий Н. Н. Об отце и о нашей жизни // Во384. С. 248—249*).

94 (С. 750) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами: *г. Уржум Кировской области Ул. Чернышевского д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Отпр.<авитель>: ст. Кулунда, Омской ж. д. С. Михайловское Алтайского края п/я 308/2 Заболоцкий Н. А. Справа: 3 июля 44. Дата на штемпеле неразборчива.*

95 (С. 751) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами: *г. Уржум Кировской обл. Ул. Чернышевского, д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Отпр.<авитель> Н. А. Заболоцкий ст. Кулунда, Омской ж. д. С. Михайловское Алтайск.<ого> края п/я 308/2. Справа: 16 июля 44. Дата на штемпеле неразборчива.*

¹ Здесь и в письме 100 ударники — авральная работа во внеурочное время.

96 (С. 753) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами: *г. Уржум Кировской области Ул. Чернышевского д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой / ст. Кулунда, Омской ж. д. С. Михайловское Алтайск.<ого> края п. я. 308/2 Н. А. Заболоцкий. Справа: 6 авг. 44. Дата на штемпеле неразборчива.*

97 (С. 754) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами, чертежным почерком: *Заказное г. Уржум Кировской обл. Ул. Чернышев-*

ского д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Отпр. Заболоцкий Ник. Алекс. ст. Кулунда, Омской ж. д. С. Михайловское Алтайского края, до востребования. Справа: 29 авг. 44 г. Дата на штемпеле неразборчива.

98 (С. 757) — Телеграмма. На листке со штампом «Уржумская контора связи 54 Кировской области». Запись рукой телеграфиста, синие чернила. Ниже: 31 авг. 44 г.

99 (С. 757) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами, чертежным почерком: г. Уржум Кировской обл. Ул. Чернышевского д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Отпр. Заболоцкий Ник. Алекс. ст. Кулунда, Омской ж. д. С. Михайловка Алтайского края п/я 308. Слева: 10 сент. 1944. Дата на штемпеле неразборчива.

¹См. коммент. 1 к письму 84.

100 (С. 759) — Автограф, карандаш. На конверте, черными чернилами, чертежным почерком: г. Уржум Кировской обл. Ул. Чернышевского д. 22 Екатерине Васильевне Заболоцкой / Отпр. Заболоцкий Ник. Алекс. ст. Кулунда, Омской ж. д. С. Михайловка Алтайского края п/я 308. Справа: 28 сент. 44. На штемпеле: 6.10.1944.

DUBIA. JUVENILIA. КОЛЛЕКТИВНОЕ. СТИХИ, СОХРАНИВШИЕСЯ В ПАМЯТИ СОВРЕМЕННИКОВ

«**Как во Сернуре большом...**» (С. 765) — Впервые в: «Как во Сернуре большом...» / Сост. Л. В. Дьяконов // Вятский край (Киров). 1993. № 123 (645). 2 июля. С. 5.

«**Здравствуй, Лелюха...**» (С. 765) — Впервые в: *Заболоцкий Н. Н.* Первоначальный строй его души: к биографии Н. А. Заболоцкого // Альманах библиофила. Вып. 22. М., 1987. С. 181.

«**Я — первый номер “Жулика”...**» (С. 766) — Впервые в: Там же. С. 185. Это стихотворение, как и следующие за ним два фрагмента, из домашнего журнала «Жулик», Н. Н. Заболоцкий приводит со ссылкой на воспоминания брата поэта, А. А. Заболоцкого.

«**...Ну, кажись, уж все готово...**» (С. 766) — Впервые в: Там же. Переделка стихотворения Н. А. Морозова и Д. А. Клеменца «Тайное собрание (По город-

ским слухам)» (<1879>; см.: Поэты-демократы 1870—1880-х годов / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Бихтера. М.; Л., 1962 (Библиотека поэта. Малая серия). С. 412—414). Другой, более пространственный вариант, публиковался Морозовым без указания соавтора и носил название «Песня о Гронове-генерале (Поэма из времен покойной памяти Охранного Отделения)» (*Морозов Н.* Звездные песни. Первое полное издание всех стихотворений до 1919 года: В 2 кн. Кн. 2. М., 1921. С. 70—78). Стихи легли в основу сатирических куплетов, «популярных в студенческой среде 1880—1890-х годов», «в различных вариантах и с добавлениями» (*Бихтер А. М.* Демократическая поэзия 1870—1880-х годов // Поэты-демократы 1870—1880-х годов. С. 556).

«“На сундúке, на горшбóке”...» (С. 766) — Впервые в: *Заболоцкий Н. Н.* Первоначальный строй его души: к биографии Н. А. Заболоцкого // Альманах библиофила. Вып. 22. М., 1987. С. 186. «Стихотворение было посвящено маленькой сестренке Наташе, ее забавному детскому произношению. <...> Последняя строфа отражает всеобщие споры, какая власть лучше — новая или старая» (Там же).

<Из поэмы «Уржумиада» («Прохожий этот, так и знай...») (С. 767) — Впервые в: Там же. С. 192.

«Красный Пахарь» (С. 767) — Впервые: Красный Пахарь (Уржум). 1920. № 1. 26 мая. С. 3. Л. В. Дьяконов считал, что публикации в журналах «Красный пахарь» (Уржум) и «Зарево» (Вятка), подписанные псевдонимом *Ефрем Гайка*, принадлежат перу молодого Заболоцкого, но отмечал, что ему «приходится говорить предположительно, обосновывая свою догадку очень давними воспоминаниями» (*Дьяконов Л. В.* Вятские годы Николая Заболоцкого. Киров, 2003. С. 47). Е. Д. Петряев также считал стихотворение «За решеткой» принадлежащим перу Заболоцкого (*Петряев Е. Д.* Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли / Изд. 2-е, доп. Киров, 1981. С. 211). Косвенным подтверждением может служить упоминание в письме к Заболоцкого к тете Л. А. Дьяконовой литератора Петра Александровича Щелканова (псевдоним — Александр Рабочий; 1900—1929), связанного с этими изданиями (*Дьяконов Л. В.* Указ. соч. С. 45—47). П. А. Щелканов стоял во главе союза пролетарских писателей г. Вятки. В 1921 г. уехал в Москву, поступил в Московский университет, работал в издательстве «Молодая гвардия», в Госиздате; учился на литературном отделении при Институте красной профессуры. Соч.: *Рабочий А.* Гудки. Вятка, 1920; *Щелканов П. А.* Притаенная быль: Повесть. М.; Л., 1926. Включение текстов, подписанных Ефремом Гайкой, в раздел *Dubia* стало возможным бла-

годаря любезной помощи сотрудников Кировской государственной универсальной областной научной библиотеки им. А. И. Герцена.

На новый путь. Рассказ (С. 768) — Впервые: Зарево (Вятка). 1920. № 4. 20 июня. С. 15—17. Подпись: *Ефрем Гайка*.

Жизнь пролетарской молодежи и художественная литература (С. 771) — Впервые: Зарево. Вятка, 1920. № 5. 25 июля. С. 9—10. Подпись: *Ефрем Гайка*. Рецензируемое издание: Путь: Литературно-художественные и научно-популярные периодические сборники. № 6 (октябрь—декабрь). М.: Издание Центрального Комитета Всесоюзного Профессионального Союза рабочих и служащих железнодорожного транспорта, 1919. Разбираемые рассказы: *Новиков И.* Двойной орешек (Рассказ) // Путь. С. 11—26; *Колоколов Н.* Избяные миры (Рассказ) // Там же. С. 34—41. Иван Алексеевич Новиков (1877—1959) — писатель, переводчик; Николай Иванович Колоколов (1897—1933) — писатель, журналист. Сочинения С. И. Гусева-Оренбургского и Е. Н. Зорина лишь анонсировались в номере.

За решеткой (Смерть юного коммунара в белогвардейской тюрьме) (С. 775) — Впервые: Зарево (Вятка). 1920. № 5. 20 июля. С. 13. Подпись: *Ефрем Гайка*.

«...Клумбы маргариток...» (С. 775) — Впервые в: *Дьяконов Л. В.* Вятские годы Николая Заболоцкого // Кировская правда. 1978. № 107. 8 мая. С. 3. Фрагмент письма к родителям, посланного из Петрограда.

«Где же Заболоцкий?..» (С. 775) — Впервые в: *Николаева Т. К.* Леонид Дьяконов: «О Заболоцком я знаю больше всех!» // Герценка: Вятские записки. Вып. 4. Киров, 2003. С. 84.

«Ну, и как живет столица?» (С. 776) — Впервые в: Там же. Вариант текста, известного под названием «Вопрос Левину» (см.: наст. изд., с. 143).

«Я иду и вижу: дева...» (С. 776) — Впервые в: Там же.

«И если внимаете вы, исполненные горечи...» (С. 776) — Впервые в: *Касьянов М.* О юности поэта // Во377. С. 32. «Помню, что позднее, уже в 1918, а может быть даже в 1919 году, Николай дал мне, будто бы для помещения в журнале, стихи, оканчивающиеся четверостишием...» (Там же). Далее приводится четверостишие.

«В темнице закат золотит решетки...» (С. 776) — Впервые в: Там же. С. 33. *Сиракузы* — древнегреческий город-государство на восточном побережье Сицилии; длительные периоды времени управлялся тиранами, принадлежавшими аристократическим родам (Диомениды, Дионисиады, Агафоклиды).

Лоцман (С. 777) — Впервые в: Там же. С. 34.

<Из гимна студентов-медиков> («Утром из чайной...») (С. 777) — Впервые в: Там же. С. 36—37.

<Из поэмы о Колумбине> («Колумбина не знала, что ее мишурное платье...») (С. 778) — Впервые в: Там же. С. 39. «В Москве в 1920 году Николай писал крупную вещь, которая разворачивалась в двух планах — лирическом и эпическом. В первом плане действовала Колумбина <...> Второй план, чисто реалистический, повествовал о продрозверстке» (Там же).

«Грозный Тартар бурей стонет...» (С. 778) — Впервые в: Там же. С. 39.

«Ваша чудная улыбка...» (С. 779) — Впервые в: Там же. С. 40. МПО — Московское потребительное общество. Обстоятельства создания экспромта: «Окончательно он убил меня во время встречи нового 1921 года. Это было где-то в Замоскворечьи у знакомых наших знакомых в большой, почти нетопленной, комнате. На столе стояло весьма скромное (в складчину) угощенье. После еды мы страшно дурачились: играли в какие-то подвижные игры вроде жмурок, немного танцевали, ставили театрализованные шарады. Наконец все уgomонились и решили заняться более интеллектуальными развлечениями. Было предложено объявить конкурс на скорость создания эпиграммы на любого из присутствующих. Николай мгновенно написал четыре строки, посвященные Екатерине Сергеевне Левицкой» (Там же. С. 39—40).

«Осенью бывают злые мухи...» (С. 779) — Впервые в: *Лоцилов И. Е.* Материалы о Н. Заболоцком в домашнем архиве М. Касьянова // *Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения.* Кн. 2. М., 2012. С. 631.

<Из «Вульгарного сонета»> («Пошли мы с Ванькой в променаж...») (С. 779) — Впервые в: Там же. С. 646. Первые два стиха память мемуариста не сохранила.

«Из окон старой курильни...» (С. 780) — Впервые в: *Заболоцкий Н. Н.* Первоначальный строй его души: к биографии Н. А. Заболоцкого // Альманах библиофила. Вып. 22. М., 1987. С. 196. *Мирликеец желтый и злой...* — Святитель Николай (ок. 270 — ок. 345) — почитаемый в православии святой, архиепископ Мир Ликийских (Византия), чудотворец, покровитель моряков, купцов и детей. *Хочет охочий Арий / и тощих пощечин ждет.* — Арий (256—336) — один из ранних ересиархов, основоположник арианства (арианской ереси). Согласно легенде, во время Первого Никейского (Всемирного) собора в 325 г. св. Николай ударил Ария по щеке.

Драматический монолог с примечаниями (С. 780) — Впервые (с купюрами) в: *Гинзбург Л. Я.* Заболоцкий конца двадцатых годов // Во384. С. 151—154. *Повсюду тысяча Кроленок / и Назаренок миллион...* — Издательские деятели, связанные с работой издательства «Academia»: Яков Антонович Назаренко (1893—1985) и Александр Александрович Кроленко (1889—1970). *литературных дел Ковнатор...* — Рахиль Ароновна Ковнатор (1899—1977) — литературный критик.

<Дарительная надпись Н. М. Олейникову на экземпляре «Столбцов»> («Стишочки Ваши прочитавши...») (С. 783) — Впервые в: *Заболоцкий Н. Н.* Жизнь Н. А. Заболоцкого. М., 1998. С. 191.

<«Фольтики»> (С. 784) — Впервые в: *Биневич Е. М.* «Фольтики» Николая Заболоцкого // Поэзия. Вып. 23. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 172. «22 марта 1969 года Э. С. Паперная, поэтесса и переводчица, один из авторов знаменитой книги пародий “Парнас дыбом”, записала в мою тетрадь “графоманские загадки, которые Николай Алексеевич Заболоцкий с лукавым видом подсовывал” ей “на заседании редколлегии «Ежа» в 1928 году”. <...> О веселой, творческой атмосфере, царящей в редакции Детского отдела ленинградского ГИЗа, написано уже немало. Шуточные стихи, пародии, потешки друг на друга сочиняли все. В обиходе редакции они назывались “фольтиками”. На одном заседании редколлегии, обсуждавшем потребность журнала в фольклорном материале, было скучновато. Тоскующий Заболоцкий развлекался тем, что за каких-то полчаса придумал двенадцать новых, очень современных загадок. По мере их рождения они записывались на библиографические карточки и с “лукавым видом” передавались присутствующим» (Там же. С. 72—73).

«Что места мало занимает...» (С. 785) — Впервые: *Заболоцкий Н.* Пять загадок / Публ. И. Левина // Часть речи. 1984. № 4/5. Нью-Йорк: Серебря-

ный век. С. 113. Публикатор, ссылаясь на свой разговор с Э. С. Паперной (Ленинград, 1976 г.) приводит в дополнение к опубликованным Е. М. Биневичем еще две загадки-«фольтика», непроходимые для советской цензуры по «этическим» и политическим мотивам.

«Хлебный знак чем срезать можно...» (С. 785) — Впервые в: Там же. С. 113.

Солдатская песня (С. 785) — Впервые в: Там же. С. 173. «“Солдатская песня” написана несколько позже, в начале 30-х годов. И тоже продиктована мне Паперной. Теперь она рассказывает, что сомневалась — не народная ли это песня. Нет, сказал Николай Алексеевич, я ее сам написал, Паперная подобрала к ней мелодию, и “Песню” распевали в редакции хором» (Там же).

«За что же то на дачку...» (С. 786) — Впервые в: *Домбровский В. В.* «Ее глаза, воспетые не раз...»: Воспоминания. Tenafly (New Jersey): Hermitage Publishers, 2003. С. 38.

В день рождения Груни (С. 786) — Впервые в: Там же. С. 38.

Обращение к рюмочке в день рождения Груни (С. 786) — Впервые в: Там же. С. 39.

«Наташа, милая Наталья...» (С. 787) — Впервые в: *Олейников Н. М.* Пучина страстей / Вступ. статья Л. Я. Гинзбург и А. Н. Олейникова; сост., подгот. текста и примеч. А. Н. Олейникова. Л., 1990. С. 245. Приведено в примечаниях к стихотворению Олейникова «Карась» (1927), обращенному также, как и экспромт Заболоцкого, к редактору детского отдела Госиздата Наталье Сергеевне Болдыревой (1906—?).

«Мы все народной медицины...» (С. 787) — Впервые в: *Семенов Б. Ф.* Время моих друзей. Л., 1982. С. 187. Борис Федорович Семенов (1910—1992) — художник, мемуарист.

«Сáтан, Сáтан...» (С. 787) — Впервые в: *Лоцилов И. Е.* «Царица мух» Николая Заболоцкого: буква, имя и текст // СПИСП. С. 101. Воспроизведено со слов Н. Н. Заболоцкого, со ссылкой на воспоминания Е. В. Заболоцкой.

«По дороге я бегу...» (С. 787) — Впервые стихотворение было опубликовано как принадлежащее Д. И. Хармсу, по его автографу, сохранившемуся у Я. С. Друскина: *Хармс Д. И.* Полн. собр. соч.: [В 3 т.] Т. 1. СПб., 1997. С. 74.

Впоследствии автограф Хармса оказался списком: в том же архиве был найден второй список, сделанный Хармсом, с указанием авторства: Е. Шварц, Н. Заболоцкий. Стихотворение приведено также в письме Б. Житкова к И. В. Арнольду от 25 апреля 1930 г., с указанием: «Это пародия Заболоцкого на Хармса» (*Черненко Г. «Я ему был рад так же, как и он мне»: Даниил Хармс в письмах Бориса Житкова // Хармсиздат представляет. Советский эрос 20—30-х годов: Сб. материалов. СПб., 1997. С. 16).*

<Текст песни для кинофильма «Одна»> (С. 788) — Впервые в: *Козинцев Г. М. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Глубокий экран. О своей работе в кино и театре. Л., 1982. С. 193.*

<Из поэмы «Шаман»> («Домик времени высок...») (С. 788) — Впервые в: *Заболоцкий Н. Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого. М., 1998. С. 429.* Поэма была уничтожена автором в 1946 г.

Баллада о баланде (С. 789) — Впервые в: *Сандлер А. С., Этлис М. М. Современники ГУЛАГа: Книга воспоминаний и размышлений. Магадан, 1991. С. 264—270.* Выделенные курсивом строки принадлежат Заболоцкому. Его соавторами были писатель и журналист Асир Семенович Сандлер (1917—1996) и «девятнадцатилетний Тедди, поэт божьей милостью» (других сведений о нем нет). В письме А. С. Сандлера к Н. Н. Заболоцкому от 22 апреля 1978 г. из Магадана говорится: «Я предложил: — Давайте напишем балладу о баланде. Противопоставим блатному фольклору если не поэзию, то хотя бы эрудицию. И Николай Алексеевич, молчаливый, серьезный, занятый своими раздумьями, вдруг сказал нам, что и он включится в создание баллады, но если только будет выработан твердый, строгий план. Чем очень нас удивил. <...> “Баллада о баланде” состоит из пятидесяти строк, из которых восемнадцать принадлежат Николаю Заболоцкому. Она широко была известна на Колыме, Чукотке, в Тайшете в далекие минувшие годы <...> Балладу знали на память многие литераторы, поэты, прозаики, художники, скульпторы, ученые. “Баллада о баланде”, в конце концов, шутка голодных людей, обладающих чувством юмора, оптимизмом и тем, что называют стойкостью духа. Когда баллада была окончена, каждый выучил ее по одному-единственному экземпляру, ибо сочинялась она без бумаги и карандаша, поскольку средства связи у нас изымались. Был крохотный огрызок карандаша и один листок серой оберточной бумаги. Запомнилось мне замечание Николая Алексеевича по поводу последней строфы: — Зачем же поляков обижать, все же братья-славяне... <...> В 1957 году писатель Натан Забара после реабилитации уезжал в Киев. В списке лиц, с которыми он хотел встретиться, был и Н. Заболоцкий. Я передал с ним записку.

В ней был мой магаданский адрес и сообщение, что месяцев через десять буду на материке, увидимся. А подпись была такая: “В Шервудском лесу костер догорел. Асир”. Через месяц получил открытку, крайне лаконичную: “Поторопись. «К закату склоняется день». Н. З.”. В ноябре 1958 года я прибыл в Москву... С опозданием» (Там же. 267—270).

«Здесь Заболоцкий, сидя на балконе...» (С. 790) — Впервые в: *Шошин В. А.* Поэт романтического подвига. Л., 1976. С. 198. Надпись, сделанная Заболоцким на стене дома С. Шаншишвили в селе Джугаани 26 сентября 1949 г.

Письмо (С. 791) — Впервые в: *Роскина Н. А.* Николай Заболоцкий // Роскина Н. Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Paris, 1980. С. 66—68. В сноске: «Это стихотворение не было опубликовано. Впоследствии, как-то Заболоцкий сказал мне, что оно ему не нравится и что он не собирается его печатать. И добавил: “Я его хранить не буду, а ты — сохрани” (С. 68). Там же приведен экспромт времени совместного отдыха в Малеевке (ноябрь 1956 г.): «С Николаем Алексеевичем кокетничала одна очень милая и хорошенькая женщина, и он тоже кокетничал с ней. Она старалась присоединиться к нам в наших прогулках и беседах за общим столом, а он отвечал ей серией шуточных стишков: “Это кто бежит за нами / В узеньких штанишках? / Это Мима бежит за нами / В узеньких штанишках”. Варьировались эпитеты к “штанишкам” (она любила носить брюки), варьировались глаголы — что-нибудь вместо “бежит”, но остальная форма сохранялась» (С. 75—76).

«В селенье Никита...» (С. 792) — Впервые в: *Либединская Л. Б.* Зеленая лампа. М., 1969. С. 346. Слова Заболоцкого в передаче мемуариста: «— Лидия Борисовна, — сказал он вежливо (даже слишком вежливо) и немного назидательно, — стихи надо писать, когда не можешь их не написать. Тогда читатель не сможет их не читать. А если писать обо всем, что попадает тебе на глаза, то есть укладывать в ритмы и рифмы каждую мысль, что забрезжит в голове, то получатся стихи вроде тех, что я на ходу сочиняю во время наших поездок. Помните, мы ехали мимо Никитского сада, и я сказал: — В селенье Никита <...> Или есть у меня этакий шуточный цикл “Записки аптекаря”» (Там же. С. 346—347).

<Стихи к мультипликационному фильму «Снежная королева»> (С. 792) — Впервые в: *Лоцилов И. Е.* О работе Н. Заболоцкого в кино // СПиСП. С. 327. Стихи звучат в мультипликационном фильме «Снежная королева» (1957, ФГУП «Киностудия “Союзмультфильм”», режиссер-постановщик Л. К. Атаманов) в исполнении актрисы М. И. Бабановой.

Игорь Лоцилов

Алфавитный указатель стихотворений

- «Александр Сергеевич Пушкин...» (Описание ножи; Описание Тамары) **48**
«Ангел, дней моих хранитель...» (Бегство в Египет) **324**
Аполлон и Жу-жу («Собачка некая Жу-жу...»; Ксении) **139**
«Ах, прекрасная Тамара...» **49**
- Баллада Жуковского («Дворец дубовый словно ларь...») **63**
Баллада о баланде («В Шервудском лесу догорает костер...») **789**
<Басни, посвященные Н. Л. Степанову> (9 стихотворений) **307**
Башня Греми («Ух, башня проклятая! Сто ступеней!..») **299**
Бегемот и писатель («Однажды бегемот, сей дерзновенный зверь...»; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **308**
Бегство в Египет («Ангел, дней моих хранитель...») **324**
Безумное решение («Груня, Груня, сколь терзаешь...»; <Стишки>) **142**
Безумный волк. *Поэма* («Еще не ломаются своды...»; 3 части) **167**
Белая ночь («Гляди: не бал, не маскарад...»; «Столбцы» 1929 года, 1) **5**
Белая ночь («Гляди: не бал, не маскарад...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **403**
Бесплезная ученость («Был Терентий сухорук...»; Ксении) **138**
Бессмертие ("Как мир меняется! И как я сам меняюсь!..") **231**
Бессмертие («Коты на лестницах упругих...») **73**
«"Бессмертны мы", — сказал мудрец Агриппа...» (Из записок старого аптекаря, 8) **348**
Бетховен («В тот самый день, когда твои созвучья...») **245**

- Битва Слонов («Воин слова, по ночам...») **132**
- Битва Слонов («Воин слова, по ночам...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **471**
- Благодарственный гимн Эрне Генриховне Маховой («Если кто скорбит зубами...») **389**
- Болезнь («Больной, свалившись на кровать...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **409**
- Болезнь философа («Случилось раз — во время спора...»; Ксенин) **138**
- Болеро («Итак, Равель, танцуем болеро!..») **352**
- «Болтают, что в соседнем переулке...» (Из записок старого аптекаря, 4) **348**
- «Больной, свалившись на кровать...» (Болезнь; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **409**
- «Бродя повсюду по кишкам...» («Фольтики») **784**
- Бродячие музыканты («Закинув дудку на плечо...»; «Столбцы» 1929 года, 3) **29**
- Бродячие музыканты («Закинув на спину трубу...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **424**
- «Бросьте, бросьте, стрекулисты...» **66**
- «Был поздний вечер. На террасах...» (На рейде) **297**
- «Был Терентий сухорук...» (Бесполезная ученость; Ксенин) **138**
- «Бьет крылом седой петух...» (Царица мух) **120**
- «Бьет крылом седой петух...» (Царица мух; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **462**
- «В бане я открывши вежды...» (Воспоминание о бане; <Стишки>) **141**
- «В большом полукружии горных пород...» (Гурзуф) **298**
- «В ботинках кожи голубой...» (Фокстрот; «Столбцы» 1929 года, 3) **23**
- «В ботинках кожи голубой...» (Фокстрот; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **419**
- «В волшебном царстве калачей...» (Пекарня; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **420**
- «В воротах Азии, среди лесов дремучих...» (Север) **221**
- «В воротах Азии, среди лесов дремучих...» (Север) *Другая редакция* **499**
- «В глуши бутылочного рая...» (Вечерний бар; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **405**
- «В глуши бутылочного рая...» (Красная Бавария; «Столбцы» 1929 года, 1) **3**
- «В Гомборском лесу на границе Кахети...» (Гомборский лес) **360**
- В день рождения Груни («Да, Груня, ровно двадцать девять лет...») **786**
- «В железной комнате военной...» (Пир; «Столбцы» 1929 года, 3) **17**
- «В железном сумеречном зале...» (На вокзале) **381**
- В жилищах наших («В жилищах наших...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **440**

- «В жилищах наших...» (Деревья) **61**
- «В захолустном районе...» (Смерть врача) **349**
- «В зипунах домашнего покроя...» (Ходоки) **318**
- «В истории имеются примеры...» (Из записок старого аптекаря, 9) **348**
- В кино («Утомленная после работы...») **322**
- «В краю чудес, в краю живых растений...» (Лодейников) **257**
- «В крылатом домике, высоко над землей...» (Воздушное путешествие) **251**
- «В легком шепоте ломаясь...» (Падение Петровой) **82**
- «В лесах далеких молодых...» (Дума) **58**
- «В младенчестве я слышал много раз...» (Великая книга) **228**
- «В младенчестве я слышал много раз...» (Голубиная книга) *Другая редакция* **503**
- «В моем окне на весь квартал...» (Обводный канал; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **423**
- «В моем окне — на весь квартал...» (Обводный канал; «Столбцы» 1929 года, 3) **27**
- В новогоднюю ночь («Не кривить душою, не сгибаться...») **275**
- «В овчинной мантии, в короне из собаки...» (Осень) **183**
- «В очарованье русского пейзажа...» (Вечер на Оке) **362**
- «В Переделкине дача стояла...» (Генеральская дача) **382**
- «В позолоченной комнате стиля ампир...» (Старая актриса) **333**
- «В поле ветер-великан...» (Детство Лутони) **134**
- «В полумраке увяданья...» (Счастливый день) **385**
- «В похоронном свисте революций...» (<Стихи из писем к М. И. Касьянову>) **44**
- «В селенье Никита...» **792**
- «В снегу кипит большая драка...» (Игра в снежки; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **410**
- «В снегу рассованы поодиночке...» (Игра в снежки) **78**
- «В стороне от шоссеиной дороги...» (Стирка белья) **359**
- В тайге («За высокий сугроб закатилась звезда...») **267**
- «В те дни состав народов мира...» (Чем жил Каракорум; Рубрук в Монголии) **396**
- «...В темнице закат золотит решетки...» **776**
- «В тот самый день, когда твои созвучья...» (Бетховен) **245**
- «В тумане облачных развалин...» (Дождь) **315**
- «В уборе из цветов и крынок...» (На рынке; «Столбцы» 1929 года, 3) **15**
- «В уборе из цветов и крынок...» (На рынке; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **413**
- «В уборе из цветов и крынок...» (Нищие на рынке) **70**
- «В Шервудском лесу догорает костер...» (Баллада о баланде) **789**
- «В широких шляпах, длинных пиджаках...» (Прощание с друзьями) **304**
- В этой роще березовой («В этой роще березовой...») **248**
- «В этом мире, где наша особа...» (Старая сказка) **302**

- «Ваша чудная улыбка...» **779**
- Великая книга («В младенчестве я слышал много раз...») **228**
- Венеция («Покуда на солнце не жарко...») **369**
- Венчание плодами («Плоды Мичурина и кактусы Бербанка...») **187**
- Венчание плодами («Плоды Мичурина, питомцы садовода...») *Другая редакция* **496**
- Весна в лесу («Каждый день на косороге я...») **215**
- Весна в Мисхоре (1—4) **311**
- «Весь мир обоями оклеен...» (Народный Дом; «Столбцы» 1929 года, 4) **33**
- «Весьма возможно, что в соленом огурце...» (Из записок старого аптекаря, 12) **349**
- Вечер на Оке («В очарованье русского пейзажа...») **362**
- Вечерний бар («В глуши бутылочного рая...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **405**
- «Вечерний день томителен и ласков...» (Летний вечер) **360**
- «Видишь — воздух шевелится?...» (Сохранение здоровья) **88**
- «Вижу около постройки...» (На даче) **87**
- «Вижу около постройки...» (На даче; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **434**
- «Винтовка в гости прилетела...» (Солдатская песня) **785**
- «Внимая собственному вою...» (Учан-Су; Весна в Мисхоре, 3) **312**
- «Во многом знании — немалая печаль...» **366**
- Возвращение к полезной жизни («Конечно, грех и я имею...»; <Стишки>) **142**
- Возвращение с работы («Вокруг села бродили грозы...») **320**
- Воздушное путешествие («В крылатом домике, высоко над землей...») **251**
- «Возникновение этих фигурок...» (<Пастухи>) **238**
- «Воин слова, по ночам...» (Битва Слонов) **132**
- «Воин слова, по ночам...» (Битва Слонов; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **471**
- Война — войне («Война вздымает голову с кладбища...») **232**
- «Вокруг села бродили грозы...» (Возвращение с работы) **320**
- Вопрос Левину («Левин, что в Москве творится...»; <Стишки>) **143**
- Вопросы к морю («Хочу у моря я спросить...») **117**
- Вопросы к морю («Хочу у моря я спросить...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **449**
- Воспоминание («Наступили месяцы дремоты...») **303**
- Воспоминание о бане («В бане я открывши вежды...»; <Стишки>) **141**
- Восстание («Стругали радугу рубанки...») **55**
- «Восходит солнце над Москвой...» (Новый быт; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **411**
- «Вот на площади квадратной...» (Отдых; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **458**
- Врастание в быт («Я отныне осоюжен...»; <Стишки>) **143**
- Время («Ираклий, Тихон, Лев, Фома...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **450**

- «Все то, что сияло и пело...» (Последние канны; Осенние пейзажи, 3) **326**
- «Все, что было в душе, все как будто опять потерялось...» **220**
- «Вставали горы старины...» (Море; «Столбцы» 1929 года, 2) **8**
- Встреча («Как открывается заржавевшая дверь...»; Последняя любовь, 9) **345**
- Вчера, о смерти размышляя... («Вчера, о смерти размышляя...») **221**
- «Вы прекрасны без прикрас...» («Л. К. Степановой») **305**
- «Вылетев из Африки в апреле...» (Журавли) **283**
- «Выходит солнце над Москвой...» (Новый быт; «Столбцы» 1929 года, 3) **13**
- «Гаснет далеко вечер лучистый...» **39**
- «Где древней музыки фигуры...» (Предостережение) **180**
- «Где древней музыки фигуры...» (Предостережение; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **463**
- «Где же Заболоцкий?..» **775**
- Где-то в поле возле Магадана («Где-то в поле возле Магадана...») **334**
- Генеральская дача («В Переделкине дача стояла...») **382**
- Г-же Екатерине Ивановне Шварц (урожд. Обуховой) («Катерина, дочь Ивана...») **296**
- Гибель священника («Священник раз напачкал на рубаху...»; Ксенин) **139**
- Гимн СССР. <Текст на конкурс> («Радуйся, наша Отчизна...») **333**
- «Гляди: не бал, не маскарад...» (Белая ночь; «Столбцы» 1929 года, 1) **5**
- «Гляди: не бал, не маскарад...» (Белая ночь; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **403**
- «Глядит, уныло увядая...» (Закон простоты) **80**
- «Говорят, что в Гималаях где-то...» (Снежный человек) **357**
- Голос в телефоне («Раньше был он звонкий, точно птица...»; Последняя любовь, 5) **343**
- Голубиная книга («В младенчестве я слышал много раз...») *Другая редакция* **503**
- Голубое платье («Я хороша собою...») **368**
- Гомборский лес («В Гомборском лесу на границе Кахети...») **360**
- Горийская симфония («Есть в Грузии необычайный город...») **223**
- Город в степи («Степным ветрам не писаны законы...») **264**
- Городок («Целый день стирает прачка...») **375**
- «Горячо припадала я к сонным листьям...» (Купальская мелодия) **38**
- Гроза («Содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница...») **243**
- Гроза идет («Двигается нахмуренная туча...») **364**
- «Грозный Тартар бурей стонет...» **778**
- «Груня, Груня, сколь терзаешь...» (Безумное решение; <СТИШКИ>) **142**
- Гурзуф («В большом полукружии горных пород...») **298**
- Гурзуф ночью («Для северных песен ненадобен юг...») **338**

- «Да, Груня, ровно двадцать девять лет...» (В день рождения Груни) **786**
- «Да здоровствует «Шрома»...» (Пир в колхозе «Шрома») **278**
- «Дай хоть йоду идиоту...» (Из записок старого аптекаря, 11) **349**
- <Дарительная надпись Н. М. Олейникову на экземпляре «Столбцов»>
(«Стишочки Ваши прочитавши...») **783**
- <Дарственная надпись на томе Важа Пшавелы> («Семен, напрасно люди врут...») **301**
- Движение («Сидит извозчик как на троне...»; «Столбцы» 1929 года, 3) **15**
- Движение («Сидит извозчик как на троне...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **413**
- «Двигается нахмуренная туча...» (Гроза идет) **364**
- Движущиеся повозки монголов («Навстречу гостю, в зной и в холод...»; Рубрук в Монголии) **393**
- «Дворец дубовый словно ларь...» (Баллада Жуковского) **63**
- «Дерево растет, напоминая...» (Искусство) **115**
- «Дерево растет, напоминая...» (Искусство; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **448**
- Деревья («В жилищах наших...») **61**
- Деревья. *Поэма* («Кто вы, кивающие маленькой головкой...»; Пролог, 3 части) **198**
- Детство («Огромные глаза, как у нарядной куклы...») **350**
- Детство Лутони («В поле ветер-великан...») **134**
- «Для северных песен ненадобен юг...» (Гурзуф ночью) **338**
- Догадливая курица («Прелестна курочка, попавши...»; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **308**
- Дорога Чингисхана («Он гнал коня от яма к яму...»; Рубрук в Монголии) **391**
- Дождь («Змея почтенная лесная...») **126**
- Дождь («В тумане облачных развалин...») **315**
- «Домик времени высок...» (<Из поэмы «Шаман»>) **788**
- Драматический монолог с примечаниями («Смирная дрожь своих коленок...») **780**
- Дума («В лесах далеких молодых...») **58**
- «Дурная почва: слишком узловат...» (Одинокий дуб) **358**
- Дуэль («Петух возвышается стуком...») **53**
- «Если кто скорбит зубами...» (Благодарственный гимн Эрне Генриховне Маховой) **389**
- «Если серый ты, как тряпка...» (Прогулка на лыжах) **90**
- «Если серый ты, как тряпка...» (Прогулка на лыжах) *Другая редакция* **818**
- «Если сок твой неизменен...» (Disciplina Clericallis) **51**
- «Если строение голубя хочешь узнать ты — какие...» (Птицы. *Поэма*) **207**
- «Есть в Грузии необычайный город...» (Горийская симфония) **223**
- «Есть за Пресней Ваганьково кладбище...» (Счастливцев) **301**
- «Есть лица, подобные пышным порталам...» (О красоте человеческих лиц) **328**

- Еще заря не встала над селом («Еще заря не встала над селом...») **247**
 «Еще не клеились беседы...» (Как было трудно разговаривать с монголами;
 Рубрук в Монголии) **398**
 «Еще не ломаются своды...» (Безумный волк. Поэма; 3 части) **167**
- Железная старуха («У меня железная старуха...») **384**
 Жена («Откинув со лба шевелюру...») **282**
 «Животные не спят. Они во тьме ночной...» (Лицо коня) **60**
 «Животные не спят. Они во тьме ночной...» (Лицо коня...); «Столбцы» 1958 года,
 Смешанные столбцы) **439**
 «Жилец земли, пятидесяти лет...» (Сон) **310**
 Журавли («Вылетев из Африки в апреле...») **283**
 «Жучок ли точит древесину...» (Подмосковные рощи) **378**
- «За высокий сугроб закатилась звезда...» (В тайге) **267**
 За решеткой (*Смерть юного коммунара в белогвардейской тюрьме*)
 («Пели телеграфные столбы...») **775**
 «За что же то на дачку...» **786**
 Завещание («Когда на склоне лет иссякнет жизнь моя...») **273**
 «Загребев на всю округу...» (Тбилиси) **388**
 «Задрожала машина и стала...» (Последняя любовь; Последняя любовь, 4) **342**
 «Закинув дудку на плечо...» (Бродячие музыканты; «Столбцы» 1929 года, 3) **29**
 «Закинув на спину трубу...» (Бродячие музыканты; «Столбцы» 1958 года,
 Городские столбцы) **424**
 Закон простоты («Глядит, уныло увядая...») **80**
 Засуха («О солнце, раскаленное чрез меру...») **216**
 «Зацелована, околдована...» (Признание; Последняя любовь, 3) **341**
 Звезды, розы и квадраты («Звезды, розы и квадраты...») **119**
 Звезды, розы и квадраты («Звезды, розы и квадраты...»; «Столбцы» 1958 года,
 Смешанные столбцы) **461**
 «Здесь Заболоцкий, сидя на балконе...» **790**
 «Здесь у повозок выли волки...» (Монгольские женщины; Рубрук в Монголии) **395**
 «Здорово, друг, от праздной лени...» (<Стихи из писем к М. И. Касьянову>) **40**
 «Здравствуй, Лелюха...» **765**
 Зеленый луч («Золотой светясь оправой...») **373**
 «Зима. Огромная, просторная зима...» (Урал. Отрывок) **262**
 «Зимы холодное и ясное начало...» (Начало зимы) **214**
 Змеи («Лес качается прохладен...») **95**
 Змеи («Лес качается, прохладен...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **443**
 «Змея почтенная лесная...» (Дождь) **126**

- «Змея почтенная лесная...» (Поэма дождя; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **456**
- «Золотой светясь оправой...» (Зеленый луч) **373**
- «И в нищей хижине, и в спальне у монарха...» (Из записок старого аптекаря, 6) **348**
- «И вот, забыв людей коварство...» (Рыбная лавка; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **421**
- «И грянул на весь оглушительный зал...» (Офорт; «Столбцы» 1929 года, 2) **9**
- «И грянул на весь оглушительный зал...» (Офорт; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **408**
- «...И если внимаете вы, исполненные горечи...» **776**
- «И куколку я видел, и она...» **373**
- Ивановы («Стоят чиновные деревья...»; «Столбцы» 1929 года, 3) **19**
- Ивановы («Стоят чиновные деревья...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **415**
- Игра в снежки («В снегу рассованы поодиночке...») **78**
- Игра в снежки («В снегу кипит большая драка...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **410**
- Из «Вульгарного сонета» («Пошли мы с Ванькой в променаж...») **779**
- Из гимна студентов-медиков («Утром из чайной...») **777**
- Из записок старого аптекаря (1—13) **347**
- «Из окон старой курильни...» **780**
- Из поэмы о Коломбине («Коломбина не знала, что ее мишурное платье...») **778**
- Из поэмы «Уржумиада» («Прохожий этот, так и знай...») **767**
- Из поэмы «Шаман» («Домик времени высок...») **788**
- «Ираклий, Тихон, Лев, Фома...» (Мещане) **191**
- «Ираклий, Тихон, Лев, Фома...» (Время; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **450**
- Искусство («Дерево растет, напоминая...») **115**
- Искусство («Дерево растет, напоминая...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **448**
- Искушение («Мы не выдумали смех...») **96**
- Искушение («Смерть приходит к человеку...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **443**
- «Исполнен душевной тревоги...» (Прохожий) **284**
- Испытание воли («Прошу садиться, выпить чаю...») **123**
- Испытание воли («Прошу садиться, выпить чаю...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **454**
- Исцеление Ильи Муромца («Как во городе славном во Муроме...») **887**
- «Итак, Равель, танцуем болеро!..» (Болеро) **352**
- Иудино дерево («Когда, страдая от простуды...»; Весна в Мисхоре, 1) **311**

- «К наукам чувствуя влечение...» (Филолог и машинистка; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **308**
- Каверинский юбилей («Ну-ка, муза, грянь на лире!..») **304**
- «Каждый день на косогоре я...» (Весна в лесу) **215**
- Казбек («С хевсурами после работы...») **356**
- «Как бомба в небе разрывается...» (Лодейников) **181**
- Как было трудно разговаривать с монголами («Еще не клеились беседы...»; Рубрук в Монголии) **398**
- «Как во Сернуре большом...» **765**
- «Как во городе славном во Муроме...» (Исцеление Ильи Муромца) **887**
- «Как мир меняется! И как я сам меняюсь!..» (Бессмертие) **231**
- «Как мир меняется! И как я сам меняюсь!..» (Метаморфозы) *Другая редакция* **504**
- «Как открывается заржавевшая дверь...» (Встреча; Последняя любовь, 9) **345**
- «Как? Распродать страну?! Чтоб под сапог германский...» (Предатели) **232**
- Как Рубрук простился с Монголией («Срывалось дело минорита...»; Рубрук в Монголии) **401**
- «Как странно: у Ильи-гомеопата...» (Из записок старого аптекаря, 10) **349**
- «Как хорошо, как хорошо...» (<Текст песни для кинофильма «Одна») **788**
- «Как хорошо, что дырочку для клизмы...» (Из записок старого аптекаря, 5) **348**
- «Катерина, дочь Ивана...» (Г-же Екатерине Ивановне Шварц (урожд. Обуховой)) **296**
- «...Клумбы маргариток...» **775**
- «Клялась ты — до гроба...» (Последняя любовь, 6) **343**
- «Когда бы я недвижимым трупом...» **365**
- Когда вдали угаснет свет дневной («Когда вдали угаснет свет дневной...») **286**
- «Когда замерзают дороги...» (Поприщин) **67**
- «Когда заря прозрачной глыбой...» (Черкешенка; «Столбцы» 1929 года, 2) **10**
- «Когда, измученный работой...» (На закате) **379**
- «Когда минует день и освещение...» (Осенние приметы) **189**
- «Когда на склоне лет иссякнет жизнь моя...» (Завещание) **273**
- «Когда он умер, труп его сожгли...» (<Энгельс>) **373**
- «Когда, страдая от простуды...» (Иудино дерево; Весна в Мисхоре, 1) **311**
- «Когда увидел я сей носик...» (Описание носика; Описание Тамары) **48**
- «Коломбина не знала, что ее мишурное платье...» (<Из поэмы о Коломбине>) **778**
- «Колыхаясь еле-еле...» (Птицы) **195**
- «Колыхаясь еле-еле...» (Птицы; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **459**
- Коля и блоха («Однажды Колю блошка покусала...»; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **308**
- Коля и муравей («Однажды муравей засунул Коле в пасть...»; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **308**
- «Коля! Зри мои ладони...» (Улетание Олейникова от нас; <Стишки>) **141**
- «Конечно, грех и я имею...» (Возвращение к полезной жизни; <Стишки>) **142**

- «Коты на лестницах упругих...» (Бессмертие) **73**
- «Коты на лестницах упругих...» (На лестницах; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **427**
- Красная Бавария («В глуши бутылочного рая...»; «Столбцы» 1929 года, 1) **3**
- «Красный пахарь» («Ранним утром, статный да высокий...») **767**
- Красота Груни («Я, как заведующий приложениями...»; «Стишки») **142**
- «Красотка Акулина захворала...» (Из записок старого аптекаря, 1) **347**
- Ксени (11 стихотворений) **137**
- «Кто безделья не боится...» (Уединение философа; Ксени) **138**
- «Кто вы, кивающие маленькой головкой...» (Деревья. Поэма; Пролог, 3 части) **198**
- «Кто мне откликнулся в чаще лесной?...» **363**
- «Кто — чернец — покинув печку...» (Купальщики; «Столбцы» 1929 года, 4) **31**
- «Кто, чернец, покинув печку...» (Купальщики; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **429**
- Кузнецик («Настанет день, и мой забвенный прах...») **274**
- Купальская мелодия («Горячо припадала я к сонным листьям...») **38**
- Купальщики («Кто — чернец — покинув печку...»; «Столбцы» 1929 года, 4) **31**
- Купальщики («Кто, чернец, покинув печку...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **429**
- <Л. К. Степановой> («Вы прекрасны без прикрас...») **305**
- Ласточка («Славно ласточка щебечет...») **376**
- Лебедь в зоопарке («Сквозь летние сумерки парка...») **290**
- «Левин, что в Москве творится...» (Вопрос Левину; «Стишки») **143**
- «Лес качается прохладен...» (Змеи) **95**
- «Лес качается, прохладен...» (Змеи; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **443**
- Лесная сторожка («Скрипело, свистало и выло в лесу...») **351**
- Лесное озеро («Опять мне блеснула, окована сном...») **236**
- Летний вечер («Вечерний день томителен и ласков...») **360**
- Лето («Пунцовое солнце висело в длину...»; «Столбцы» 1929 года, 2) **11**
- «Ликует форвард на бегу...» (Футбол; «Столбцы» 1929 года, 1) **7**
- «Ликует форвард на бегу...» (Футбол; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **406**
- Лицо коня («Животные не спят. Они во тьме ночной...») **60**
- Лицо коня («Животные не спят. Они во тьме ночной...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **439**
- «Лишь запах чабреца, сухой и горьковатый...» (Над морем) **339**
- Лодейников («Как бомба в небе разрывается...») **181**
- Лодейников («В краю чудес, в краю живых растений...») **257**
- Лодейников в саду («Лодейников, сидевший за столом...») **218**
- «Ложатся на раны...» **39**

- Лоцман («...Я гордый лоцман, готовлюсь к отплытию...») **777**
- «Любите живопись, поэты!..» (Портрет) **312**
- «Любопытно, забавно и тонко...» (Читая стихи) **285**
- «Медленно земля поворотилась...» **365**
- «Меж[ду] нами, Женя, расстояние...» (На расстояние между мной и Шварцем; <Стишки>) **141**
- Меркнут знаки Зодиака («Меркнут знаки Зодиака...») **100**
- Меркнут знаки Зодиака («Меркнут знаки Зодиака...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **446**
- Метаморфозы («Как мир меняется! И как я сам меняюсь!...») *Другая редакция* **504**
- Мечты о женитьбе («Через двадцать или тридцать лет...») **86**
- Мещане («Ираклий, Тихон, Лев, Фома...») **191**
- Минута слабости («Облака летят по небу...»; <Стишки>) **142**
- «Младенец кашку составляет...» (Незрелость; «Столбцы» 1929 года, 4) **32**
- «Младенец кашку составляет...» (Незрелость; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **430**
- «Мне вспоминается донине...» (Начало путешествия; Рубрук в Монголии) **390**
- «Мне жена подарила пижаму...» **301**
- «Мне мачехой Флоренция была...» (У гробницы Данте) **374**
- «Могучий день пришел. Деревья встали прямо...» (Семейство художника) **180**
- «Могучий день пришел. Деревья встали прямо...» (Утренняя песня) *Другая редакция* **498**
- Можжевеловый куст («Я увидел во сне можжевеловый куст...»; Последняя любовь, 8) **344**
- «Мой зонтик рвется, точно птица...» (Под дождем; Осенние пейзажи, 1) **325**
- «Монах Ермил в Великую Субботу...» (Сила женщины; Ксенин) **139**
- Монгольские женщины («Здесь у повозок выли волки...»; Рубрук в Монголии) **395**
- Море («Вставали горы старины...»; «Столбцы» 1929 года, 2) **8**
- Морская прогулка («На сверкающем глассере белом...»; Последняя любовь, 2) **340**
- Москва («Не приютом, не причалом...») **386**
- Мрачный вариант («Сие ушко...»; Описание Тамары) **49**
- «Мы все народной медицины...» **787**
- «Мы не выдумали смех...» (Искушение) **96**
- «Мы разогнем усталые тела...» (Обед) **102**
- «Мы спустились с Мтацмнды по тропе в Окроканы...» (Песня дождя (*Подражание С. Чиковани*)) **315**
- «Мы, женщины, повелительницы котлов...» (Школа Жуков) **128**
- «Мы, женщины, повелительницы котлов...» (Школа Жуков; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **465**

- На вокзале («В железном сумеречном зале...») **381**
- На Высокой горе у Тагила («На Высокой горе у Тагила...») **293**
- На даче («Вижу около постройки...») **87**
- На даче («Вижу около постройки...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **434**
- На закате («Когда, измученный работой...») **379**
- «На карауле ночь густеет...» (Часовой; «Столбцы» 1929 года, 3) **12**
- «На карауле ночь густеет...» (Часовой; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **410**
- На лестницах («Коты на лестницах упругих...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **427**
- На получение зарплаты («Очень, очень я люблю...»; «Стишки») **140**
- На расстояние между мной и Шварцем («Меж[ду] нами, Женя, расстояние...»; «Стишки») **141**
- На рейде («Был поздний вечер. На террасах...») **297**
- На рынке («В уборе из цветов и крынок...»; «Столбцы» 1929 года, 3) **15**
- На рынке («В уборе из цветов и крынок...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **413**
- «На сараях, на банях, на гумнах...» (Петухи поют) **377**
- «На сверкающем глассере белом...» (Морская прогулка; Последняя любовь, 2) **340**
- «“На сундучке, на горшбке”...» **766**
- «На этот раз не для миллионеров...» (Случай на Большом канале) **371**
- «Навстречу гостю, в зной и в холод...» (Движущиеся повозки монголов; Рубрук в Монголии) **393**
- Над морем («Лишь запах чабреца, сухой и горьковатый...») **339**
- Надпись на девке («Трогать только разрешается...»; «Стишки») **140**
- Народный Дом («Весь мир обоями оклеен...»; «Столбцы» 1929 года, 4) **33**
- Народный Дом («Народный Дом, курятник радости...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **431**
- Наставление («Смиранных нужников упорный посетитель...»; Ксенин) **138**
- Наставление Шварцу («Что я вижу? Что я слышу?...») **329**
- «Настанет день, и мой забвенный прах...» (Кузнечик) **274**
- «Наступили месяцы дремоты...» (Воспоминание) **303**
- «Наталья, милая Наталья...» **787**
- Начало зимы («Зимы холодное и ясное начало...») **214**
- Начало осени («Старухи, сидя у ворот...») **74**
- Начало осени («Старухи, сидя у ворот...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **435**
- Начало путешествия («Мне вспоминается донине...»; Рубрук в Монголии) **390**
- Начало стройки («Перед лицом лесов и косогоров...») **274**
- Наш праздник. *Представление в 1 действии* («Что сегодня за число?...») **330**
- «Не кривить душою, не сгибаться...» (В новогоднюю ночь) **275**
- Не позволяй душе лениться («Не позволяй душе лениться!...») **380**
- «Не приютом, не причалом...» (Москва) **386**

- «Не спал всю ночь: всё вспоминал, как дыни...» (Из записок старого аптекаря, 3) **347**
- «Не стало в доме мне житья...» **299**
- Небесная Севилья («Стынет месяцево ворчанье...»; «Стихи из писем к М. И. Касьянову») **46**
- Невоздержанный едок («Однажды некто брюквы нахлебался...»; «Басни, посвященные Н. Л. Степанову») **307**
- Незрелость («Младенец кашку составляет...»; «Столбцы» 1929 года, 4) **32**
- Незрелость («Младенец кашку составляет...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **430**
- Некрасивая девочка («Среди других играющих детей...») **326**
- Ненастье («Словно что-то ожидая...») **367**
- Неправильное богатство («Павел, чтобы стать богатым...»; Ксенин) **137**
- Неудачная прогулка («Однажды Пуп, покинув Брюхо...»; Ксенин) **139**
- Неудачник («По дороге, пустынной обочиной...») **317**
- «Нехороший, но красивый...» (Торжество Земледелия. *Поэма*; Пролог, 7 частей) **143**
- «Нехороший, но красивый...» (Торжество Земледелия. *Поэма*; Пролог, 7 частей)
Другая редакция **473**
- Нищие на рынке («В уборе из цветов и крынок...») **70**
- «...Но день пройдет печален и высок...» («Стихи из писем к М. И. Касьянову») **45**
- Новый быт («Восходит солнце над Москвой...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **411**
- Новый быт («Выходит солнце над Москвой...»; «Столбцы» 1929 года, 3) **13**
- Ночная беседа («Ночь на воздух вылетает...»; Ночные беседы) **103**
- Ночная беседа. *Вторая* («Смутные тела животных...»; Ночные беседы) **107**
- Ночное гулянье («Расступились на площади зданья...») **316**
- Ночной сад («О сад ночной, таинственный орган...») **219**
- Ночной сад («О сад ночной, таинственный орган...») *Другая редакция* **499**
- Ночные беседы (3 стихотворения) **103**
- Ночь в Пасанаури («Сияла ночь, играя на пандури...») **255**
- «Ночь на воздух вылетает...» (Ночная беседа; Ночные беседы) **103**
- «Ну, и как живет столица?...» **776**
- «...Ну, кажись, уж все готово...» **766**
- «Ну-ка, муза, грянь на лире!...» (Каверинский юбилей) **304**
- О красоте человеческих лиц («Есть лица, подобные пышным порталам...») **328**
- «О ротик — бездна! О ротик — бог!...» («Описание» ротика; Описание Тамары) **49**
- «О сад ночной, таинственный орган...» (Ночной сад) **219**
- «О сад ночной, таинственный орган...» (Ночной сад) *Другая редакция* **499**
- «О, сколь велик ты, разум человека!...» (Из записок старого аптекаря, 13) **349**
- «О солнце, раскаленное чрез меру...» (Засуха) **216**
- «О твоём телосложеньи...» (Похвальное слово о Колином телосложении) **305**

- Обводный канал («В моем окне на весь квартал...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **423**
- Обводный канал («В моем окне — на весь квартал...»; «Столбцы» 1929 года, 3) **27**
- Обед («Мы разогнем усталые тела...») **102**
- «Облака летят по небу...» (Минута слабости; <Стишки>) **142**
- Облетают последние маки («Облетают последние маки...») **302**
- Обращение к рюмочке в день рождения Груни («Прелестна рюмочка, пузатенька соседка!...») **786**
- «Обрываются речи влюбленных...» (Осеннее утро; Осенние пейзажи, 2) **325**
- «Объявляет Эся мат...» (Прыткость девиц; <Стишки>) **143**
- «Огромные глаза, как у нарядной куклы...» (Детство) **350**
- «Один известный врач...» (Из записок старого аптекаря, 7) **348**
- Одинокий дуб («Дурная почва: слишком узловат...») **358**
- Одиссей и сирены («Однажды аттическим утром...») **353**
- «Однажды аттическим утром...» (Одиссей и сирены) **353**
- «Однажды бегемот, сей дерзновенный зверь...» (Бегемот и писатель; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **308**
- «Однажды в темном зале...» (Покорение страстей; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **309**
- «Однажды Колю блоха покусала...» (Коля и блоха; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **308**
- «Однажды муравей засунул Коле в пасть...» (Коля и муравей; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **308**
- «Однажды некий агроном...» (<Сыну Никите — студенту сельскохозяйственной академии>) **318**
- «Однажды некто брюквы нахлебался...» (Невоздержанный едок; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **307**
- «Однажды пишущая подняла машинка...» (Пишмашинка и автор; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **307**
- «Однажды Пуп, покинув Брюхо...» (Неудачная прогулка; Ксении) **139**
- «Однажды суслик-парикмахер...» (Суслик-парикмахер; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **309**
- «Окружая поля и овраги...» (Преображение степей) **294**
- «Он гнал коня от яма к яму...» (Дорога Чингисхана; Рубрук в Монголии) **391**
- «Он у станка до вечера копался...» (После работы) **385**
- «Он умирал, сжимая компас верный...» (Седов) **226**
- «Он умирал, сжимая компас верный...» (Седов) *Другая редакция* **501**
- Описание волосиков («Сии волосики чудесны...»; Описание Тамары) **49**
- Описание ножки («Александр Сергеич Пушкин...»; Описание Тамары) **48**
- Описание носика («Когда увидел я сей носик...»; Описание Тамары) **48**

- <Описание> ротика («О ротик — бездна! О ротик — бог!...»; Описание Тамары) **49**
- Описание ручки («Ручка эта так прелестна...»; Описание Тамары) **48**
- Описание Тамары (8 стихотворений) **48**
- «Опять мне блеснула, окована сном...» (Лесное озеро) **236**
- «Осветив черепицу на крыше...» (Поздняя весна) **288**
- Осеннее утро («Обрываются речи влюбленных...»; Осенние пейзажи, 2) **325**
- Осенние пейзажи (1—3) **325**
- Осенние приметы («Когда минует день и освещение...») **189**
- Осенний клен (*Из С. Галкина*) («Осенний мир осмысленно устроен...») **328**
- «Осенний мир осмысленно устроен...» (Осенний клен (*Из С. Галкина*)) **328**
- Осень («В овчинной мантии, в короне из собаки...») **183**
- «Осенью бывают злые мухи...» **779**
- «Отверстие, куда макаю...» («Фольтики») **784**
- Отвращение к богеме («Ходит по двору экзема...»; <Стишки>) **140**
- Отдых («Отдых жизни непонятной...») **122**
- Отдых («Вот на площади квадратной...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **458**
- Отдыхающие крестьяне («Толпа высоких мужиков...») **196**
- Отдыхающие крестьяне («Толпа высоких мужиков...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **469**
- «Откинув со лба шевелюру...» (Жена) **282**
- Оттепель («Оттепель после метели...») **287**
- «Отчего, как восточное диво...» (Тбилисские ночи) **292**
- Офорт («И грянул на весь оглушительный зал...»; «Столбцы» 1929 года, 2) **9**
- Офорт («И грянул на весь оглушительный зал...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **408**
- «Очень, очень я люблю...» (На получение зарплаты; <Стишки>) **140**
- «Павел, чтобы стать богатым...» (Неправильное богатство; Ксенин) **137**
- Падение Петровой («В легком шепоте ломаясь...») **82**
- <Пастухи> («Возникновение этих фигурок...») **238**
- Пекарня («Спадая в маленький квартал...»; «Столбцы» 1929 года, 3) **26**
- Пекарня («В волшебном царстве калачей...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **420**
- «Пели телеграфные столбы...» (За решеткой (*Смерть юного коммунара в белогвардейской тюрьме*)) **775**
- «Перед лицом лесов и косооговов...» (Начало стройки) **274**
- «Пером спокойным вам не передать...» (Руки) **81**
- Песня дождя (*Подражание С. Чиковани*) («Мы спустились с Мтацминды по тропе в Окроканы...») **315**
- «Петух возвышается стуком...» (Дуэль) **53**

- «Петух запеваает, светает, пора!..» (Утро) **243**
- Петухи поют («На сараях, на банях, на гумнах...») **377**
- «Печени оно есть враг...» («Фольтики») **784**
- Пир («В железной комнате военной...»; «Столбцы» 1929 года, 3) **17**
- Пир в колхозе «Шрома» («Да здравствует «Шрома»...») **278**
- Письмо («Унесу я твою золотую красу...») **791**
- <Письмо Е. Л. и Е. И. Шварцам> («Тот Женька-плут...») **281**
- Пишмашинка и автор («Однажды пишущая подняла машинка...»;
 <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **307**
- «Плоды Мичурина и кактусы Бербанка...» (Венчание плодами) **187**
- «Плоды Мичурина, питомцы садовода...» (Венчание плодами) *Другая редакция* **496**
- «Плоскогорие Цалки, твою высоту...» (Храмгэс) **252**
- «По дороге я бегу...» **787**
- «По дороге, пустынной обочиной...» (Неудачник) **317**
- Под дождем («Мой зонтик рвется, точно птица...»; Осенние пейзажи, 1) **325**
- «Под одеялом, укрощая бег...» (Фигуры сна; «Столбцы» 1929 года, 3) **25**
- Подводный город («Птицы плавают над морем...») **121**
- Подводный город («Птицы плавают над морем...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **464**
- Подмосковные рощи («Жучок ли точит древесину...») **378**
- «Подобно огненному зверю...» (Противостояние Марса) **336**
- Пожелание друга («Хотел бы быть я тараканом...»; Описание Тамары) **48**
- Поздняя весна («Осветив черепицу на крыше...») **288**
- Поздравление дорогому имениннику («Присмотрись к животным, Коля...») **309**
- Покорение страстей («Однажды в темном зале...»; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **309**
- «Покуда на солнце не жарко...» (Венеция) **369**
- Покупка жене шубы («Прелестну шубу я купил...»; <Стишки>) **140**
- Полдень («Понемногу вступает в права...») **289**
- «Полезно ли человеку писать?...» **50**
- Польза от молитвы («Я желанием горю...»; <Стишки>) **141**
- «Понемногу вступает в права...» (Полдень) **289**
- Поприщин («Когда замерзают дороги...») **67**
- Портрет («Любите живопись, поэты!..») **312**
- После работы («Он у станка до вечера копался...») **385**
- Последние канны («Все то, что сияло и пело...»; Осенние пейзажи, 3) **325**
- Последняя любовь (1—10) **339**
- Последняя любовь («Задрожала машина и стала...»; Последняя любовь, 4) **342**
- «Посмотри, как весною в Мисхоре...» (У моря; Весна в Мисхоре, 4) **311**
- «Посмотрите: от края до края...» (Строители грядущего) **856**

- «Посредине панели...» (Последняя любовь, 7) **344**
- Похвальное слово о Колином телосложении («О твоём телосложенье...») **305**
- Поход («Шинель двустворчатую гонит...») **69**
- «Пошли мы с Ванькой в променаж...» (<Из «Вульгарного сонета»>) **779**
- «Пошли на вечер все друзья...» **64**
- Поэма весны («Ты и скрипку с собой принесла...») **335**
- Поэма дождя («Змея почтенная лесная...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **456**
- Поэт («Черен бор за этим старым домом...») **314**
- Предатели («Как? Распродать страну?! Чтоб под сапог германский...») **232**
- Предостережение («Где древней музыки фигуры...») **180**
- Предостережение («Где древней музыки фигуры...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **463**
- Предсказание погоды («Спят ленивые беспечно...») **92**
- «Прелестна курочка, попавши...» (Догадливая курица; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **308**
- «Прелестна рюмочка, пузатенька соседка!...» (Обращение к рюмочке в день рождения Груни) **786**
- «Прелестну шубу я купил...» (Покупка жене шубы; <СТИШКИ>) **140**
- Преображение степей («Окружая поля и овраги...») **294**
- «При первом наступлении зимы...» **327**
- Приблизился апрель к середине («Приблизился апрель к середине...») **287**
- Признание («Зацелована, околдована...»; Последняя любовь, 3) **341**
- «Принесли букет чертополоха...» (Чертополох; Последняя любовь, 1) **339**
- «Природа черная, как кузница...» **226**
- «Присмотрись к животным, Коля...» (Поздравление дорогому имениннику) **309**
- Прогулка («У животных нет названья...») **94**
- Прогулка («У животных нет названья...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **442**
- Прогулка на лыжах («Если серый ты, как тряпка...») **90**
- Прогулка на лыжах («Если серый ты, как тряпка...») *Другая редакция* **818**
- «Прозрачной лунного камня...» (Сердце-пустырь) **47**
- «...Промерзшие кочки, бруснига...» (<Стихи из писем к М. И. Касьянову>) **45**
- «Просвистел сизый Ибис с папируса...» (Сизифово рождество; <Стихи из писем к М. И. Касьянову>) **44**
- «Простые, тихие, седые...» (Старость; Последняя любовь, 10) **346**
- Противостояние Марса («Подобно огненному зверю...») **336**
- Прохожий («Исполнен душевной тревоги...») **284**
- «Прохожий этот, так и знай...» (<Из поэмы «Уржумиада»>) **767**
- «Прочел стишки про то...» (Из записок старого аптекаря, 2) **347**
- «Прошу садиться, выпить чаю...» (Испытание воли) **123**

- «Прошу садиться, выпить чаю...» (Испытание воли; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **454**
- Прощание («Прощание! Скорбное слово!...») **213**
- Прощание с друзьями («В широких шляпах, длинных пиджаках...») **304**
- Приткость девиц («Объявляет Эся мат...»; <Стишки>) **143**
- Птицы. *Поэма* («Если строение голубя хочешь узнать ты — какие...») **207**
- Птицы («Колыхаясь еле-еле...») **195**
- Птицы («Колыхаясь еле-еле...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **459**
- «Птицы пели над дубравой...» (Третья беседа; Ночные беседы) **112**
- «Птицы плавают над морем...» (Подводный город) **121**
- «Птицы плавают над морем...» (Подводный город; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **464**
- Птичий двор («Скачет, свищет и бормочет...») **352**
- Птичьи песни («Пусть в зеленую книгу природы...»; Весна в Мисхоре, 2) **312**
- «Пунцовое солнце висело в длину...» (Лето; «Столбцы» 1929 года, 2) **11**
- «Пусть в зеленую книгу природы...» (Птичьи песни; Весна в Мисхоре, 2) **312**
- «Радуйся, наша Отчизна...» (Гимн СССР. <Текст на конкурс>) **333**
- «Разве ты объяснишь мне — откуда...» **372**
- Раздражение против В. («Ты что же это, дьявол...»; Ксенин) **138**
- Раздражение против Введенского («Ты что же это, дьявол...»; <Стишки>) **141**
- «Ранним утром, статный да высокий...» («Красный Пахарь») **767**
- «Раньше был он звонкий, точно птица...» (Голос в телефоне; Последняя любовь, 5) **343**
- Раскаянье в необдуманном решении («Слаб человек! Одна минута...»; <Стишки>) **142**
- «Расступились на площади зданья...» (Ночное гулянье) **316**
- «Рожок поет протяжно и уныло...» (Творцы дорог. *Поэма*; 4 части) **268**
- «Рожок поет протяжно и уныло...» (Творцы дорог; 3 части) *Другая редакция* **505**
- Рубрук в Монголии (8 нумерованных частей) **390**
- Рубрук наблюдает небесные светила («С началом зимнего сезона...»; Рубрук в Монголии) **399**
- Руки («Пером спокойным вам не передать...») **81**
- «Ручка эта так прелестна...» (Описание ручки; Описание Тамары) **48**
- Рыбная лавка («И вот, забыв людей коварство...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **421**
- «С опрокинутым в небо лицом...» (Слепой) **241**
- «С хевсурами после работы...» (Казбек) **356**
- Сагурамо («Я твой родничок, Сагурамо...») **254**
- Садовник («Тому, кто мыслит с веком заодно...») **277**
- Самовар («Самовар, владыка брюха...») **116**

- Самовар («Самовар, владыка брюха...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **433**
 «Сáтан, Сáтан...» **787**
- Свадьба («Сквозь бревна хлещет длинный луч...»; «Столбцы» 1929 года, 3) **20**
 Свадьба («Сквозь окна хлещет длинный луч...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **417**
- Светляки («Слова — как светляки с большими фонарями...») **298**
 «Священник раз напачкал на рубаху...» (Гибель священника; Ксении) **139**
- Север («В воротах Азии, среди лесов дремучих...») **221**
 Север («В воротах Азии, среди лесов дремучих...») *Другая редакция* **499**
- Седов («Он умирал, сжимая компас верный...») **226**
 Седов («Он умирал, сжимая компас верный...») *Другая редакция* **501**
- Семейство художника («Могучий день пришел. Деревья встали прямо...») **180**
 «Семен, напрасно люди врут...» (<Дарственная надпись С. И. Липкину на томе Важа Пшавелы>) **301**
- Сентябрь («Сыплет дождик большие горошины...») **361**
- Сердце-пустырь («Прозрачней лунного камня...») **47**
 «Сидит извозчик как на троне...» (Движение; «Столбцы» 1929 года, 3) **15**
 «Сидит извозчик как на троне...» (Движение; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **413**
- «Сие ушко...» (Ушко и ноготок; Описание Тамары) **49**
 «Сие ушко...» (Мрачный варьянт; Описание Тамары) **49**
- Сизифово рождество («Просвистел сизый Ибис с папируса...»; <Стихи из писем к М. И. Касьянову>) **44**
- «Сии волосики чудесны...» (Описание волосиков; Описание Тамары) **49**
- Сила женщины («Монах Ермил в Великую Субботу...»; Ксении) **139**
 «Сияла ночь, играя на пандури...» (Ночь в Пасанаури) **255**
 «Скачет, свищет и бормочет...» (Птичий двор) **352**
- «Сквозь бревна хлещет длинный луч...» (Свадьба; «Столбцы» 1929 года, 3) **20**
 Сквозь волшебный прибор Левенгука («Сквозь волшебный прибор Левенгука...») **291**
 «Сквозь летние сумерки парка...» (Лебедь в зоопарке) **290**
 «Сквозь окна хлещет длинный луч...» (Свадьба; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **417**
- «Скрипело, свистало и выло в лесу...» (Лесная сторожка) **351**
 «Слаб человек! Одна минута...» (Раскаянье в необдуманном решении; <Стишки>) **142**
 «Славно ласточка щебечет...» (Ласточка) **376**
- Слепой («С опрокинутым в небо лицом...») **241**
 «Слова — как светляки с большими фонарями...» (Светляки) **298**
 «Словно что-то ожидая...» (Ненастье) **367**
- Случай на Большом канале («На этот раз не для миллионеров...») **371**
 «Случилось раз — во время спора...» (Болезнь философа; Ксении) **138**

- Смерть врача («В захолустном районе...») **349**
- «Смерть приходит к человеку...» (Искушение; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **443**
- «Смиранных нужников упорный посетитель...» (Наставление; Ксении) **138**
- «Смирная дрожь своих коленок...» (Драматический монолог с примечаниями) **780**
- «Смутные тела животных...» (Ночная беседа. *Вторая*; Ночные беседы) **107**
- Снежный человек («Говорят, что в Гималаях где-то...») **357**
- «Собачка некая Жу-жу...» (Апполон и Жу-жу; Ксении) **139**
- «Собор, как древний каземат...» **235**
- «Содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница...» (Гроза) **243**
- Солдатская песня («Винтовка в гости прилетела...») **785**
- Соловей («Уже умолкала лесная капелла...») **237**
- Сон («Жилец земли, пятидесяти лет...») **310**
- Сохранение здоровья («Видишь — воздух шевелится?...») **88**
- «Спадая в маленький квартал...» (Пекарня; «Столбцы» 1929 года, 3) **26**
- «Спят ленивые беспечно...» (Предсказание погоды) **92**
- «Сраженное бессмысленной судьбой...» **367**
- «Среди других играющих детей...» (Некрасивая девочка) **326**
- «Среди черноморских предгорий...» (Шакалы) **321**
- «Срывалось дело минорита...» (Как Рубрук простился с Монголией; Рубрук в Монголии) **401**
- Старая актриса («В позолоченной комнате стиля ампир...») **333**
- Старая сказка («В этом мире, где наша особа...») **302**
- Старость («Простые, тихие, седые...»; Последняя любовь, 10) **346**
- «Старухи, сидя у ворот...» (Начало осени) **74**
- «Старухи, сидя у ворот...» (Начало осени; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **435**
- «Степным ветрам не писаны законы...» (Город в степи) **264**
- Стирка белья («В стороне от шоссе на дороге...») **359**
- <Стихи из писем к М. И. Касьянову> (6 стихотворений) **40**
- <Стихи к мультипликационному фильму «Снежная королева»> («Я заклинаю вас, осколки ледяные...») **792**
- <Стишки> (17 стихотворений) **140**
- «Стишочки Ваши прочитавши...» (<Дарительная надпись Н. М. Олейникову на экземпляре «Столбцов»>) **783**
- «Стоят чиновные деревья...» (Ивановы; «Столбцы» 1929 года, 3) **19**
- «Стоят чиновные деревья...» (Ивановы; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **415**
- Строители грядущего («Посмотрите: от края до края...») **856**
- «Стругали радугу рубанки...» (Восстание) **55**
- «Стынет месяцево ворчанье...» (Небесная Севилья; <Стихи из писем к М. И. Касьянову>) **46**

- Суслик-парикмахер («Однажды суслик-парикмахер...»; <Басни, посвященные Н. Л. Степанову>) **309**
- Счастливец («Есть за Пресней Ваганьково кладбище...») **301**
- Счастливый день («В полумраке увяданья...») **385**
- <Сыну Никите — студенту сельскохозяйственной академии> («Однажды некий агроном...») **318**
- «Сыплет дождик большие горошины...» (Сентябрь) **361**
- Тбилиси («Загремев на всю округу...») **388**
- Тбилиссские ночи («Отчего, как восточное диво...») **292**
- Творцы дорог. *Поэма* («Рожок поет протяжно и уныло...»; 4 части) **268**
- Творцы дорог («Рожок поет протяжно и уныло...»; 3 части) *Другая редакция* **505**
- <Текст песни для кинофильма «Одна»> («Как хорошо, как хорошо...») **788**
- «То, что мы зовем стишки...» (Что такое стишки; Ксенин) **137**
- «Толпа высоких мужиков...» (Отдыхающие крестьяне) **196**
- «Толпа высоких мужиков...» (Отдыхающие крестьяне; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **469**
- «Тому, кто мыслит с веком заодно...» (Садовник) **277**
- Торжество Земледелия. *Поэма* («Нехороший, но красивый...»; Пролог, 7 частей) **143**
- Торжество Земледелия. *Поэма* («Нехороший, но красивый...»; Пролог, 7 частей) *Другая редакция* **473**
- «Тот Женька-плут...» (<Письмо Е. Л. и Е. И. Шварцам>) **281**
- Третья беседа («Птицы пели над дубравой...»; Ночные беседы) **112**
- «Трогать только разрешается...» (Надпись на девке; <Стишки>) **140**
- «Ты и скрипку с собой принесла...» (Поэма весны) **335**
- «Ты что же это, дьявол...» (Раздражение против В.; Ксенин) **138**
- «Ты что же это, дьявол...» (Раздражение против Введенского; <Стишки>) **141**
- У гробницы Данте («Мне мачехой Флоренция была...») **374**
- «У меня железная старуха...» (Железная старуха) **384**
- «У животных нет названья...» (Прогулка) **94**
- «У животных нет названья...» (Прогулка; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **442**
- У моря («Посмотри, как весной в Мисхоре...»; Весна в Мисхоре, 4) **312**
- Уединение философа («Кто безделья не боится...»; Ксенин) **138**
- «Уже умолкала лесная капелла...» (Соловей) **237**
- Улетание Олейникова от нас («Коля! Зри мои ладони...»; <Стишки>) **141**
- «Унесу я твою золотую красу...» (Письмо) **791**
- Урал. *Отрывок* («Зима. Огромная, просторная зима...») **262**

- Уступи мне, скворец, уголок («Уступи мне, скворец, уголок...») **245**
- «Утомленная после работы...» (В кино) **322**
- Утренняя песня («Могучий день пришел. Деревья встали прямо...») **498**
- Утро («Петух запекает, светает, пора!...») **243**
- «Утром из чайной...» («Из гимна студентов-медиков») **777**
- «Ух, башня проклятая! Сто ступеней!..» (Башня Греми) **299**
- Учан-Су («Внимая собственному вою...»; Весна в Мисхоре, 3) **312**
- Ушко и ноготок («Сие ушко...»; Описание Тамары) **49**
- Фигуры сна («Под одеялом, укрощая бег...»; «Столбцы» 1929 года, 3) **25**
- Филолог и машинистка («К наукам чувствуя влеченье...»; «Басни, посвященные Н. Л. Степанову») **308**
- Фокстрот («В ботинках кожи голубой...»; «Столбцы» 1929 года, 3) **23**
- Фокстрот («В ботинках кожи голубой...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **419**
- <«Фольтики»> (3 стихотворения) **784**
- «Формы тела и ума...» (Человек в воде) **118**
- «Формы тела и ума...» (Человек в воде; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **460**
- Футбол («Ликует форвард на бегу...»; «Столбцы» 1929 года, 1) **7**
- Футбол («Ликует форвард на бегу...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **406**
- «Ходит по двору экзема...» (Отвращение к богеми; «Стишки») **140**
- Ходоки («В зипунах домашнего покроя...») **318**
- «Хотел бы быть я тараканом...» (Пожелание друга; Описание Тамары) **48**
- «Хочу у моря я спросить...» (Вопросы к морю) **117**
- «Хочу у моря я спросить...» (Вопросы к морю; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **449**
- Храмгэс («Плоскогорие Цалки, твою высоту...») **252**
- Царица мух («Бьет крылом седой петух...») **120**
- Царица мух («Бьет крылом седой петух...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **462**
- «Целый день стирает прачка...» (Городок) **375**
- Цирк («Цирк сияет словно щит...») **75**
- Цирк («Цирк сияет, словно щит...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **436**
- Часовой («На карауле ночь густеет...»; «Столбцы» 1929 года, 3) **12**
- Часовой («На карауле ночь густеет...»; «Столбцы» 1958 года, Городские столбцы) **410**
- Человек в воде («Формы тела и ума...») **118**
- Человек в воде («Формы тела и ума...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **460**

Чем жил Каракорум («В те дни состав народов мира...»; Рубрук в Монголии) **396**
«Через двадцать или тридцать лет...» (Мечты о женитбе) **86**
«Черен бор за этим старым домом...» (Поэт) **314**
Черкешенка («Когда заря прозрачной глыбой...»; «Столбцы» 1929 года, 2) **10**
Чертополох («Принесли букет чертополоха...»; Последняя любовь, 1) **339**
Читайте, деревья, стихи Гезиода («Читайте, деревья, стихи Гезиода...») **246**
Читая стихи («Любопытно, забавно и тонко...») **285**
«Что сегодня за число?...» (Наш праздник. Представление в 1 действии) **330**
Что такое стишки («То, что мы зовем стишки...»; Ксении) **137**
«Что я вижу? Что я слышу?...» (Наставление Шварцу) **329**

Шакалы («Среди черноморских предгорий...») **321**
«Шинель двусторчатую гонит...» (Поход) **69**
Школа Жуков («Мы, женщины, повелительницы котлов...») **128**
Школа Жуков («Мы, женщины, повелительницы котлов...»; «Столбцы» 1958 года, Смешанные столбцы) **465**

<Энгельс> («Когда он умер, труп его сожгли...») **373**
Это было давно («Это было давно...») **354**

«Я воспитан природой суровой...» **313**
«я голого не пью и не люблю...» **60**
«...Я гордый лоцман, готовлюсь к отплытию...» (Лоцман) **777**
«Я желанием горю...» (Польза от молитвы; <Стишки>) **141**
«Я заклинаю вас, осколки ледяные...» (<Стихи к мультипликационному фильму «Снежная королева»>) **792**
«Я иду и вижу: дева!..» **776**
«Я, как заведующий приложениями...» (Красота Груни; <Стишки>) **142**
Я не ищу гармонии в природе («Я не ищу гармонии в природе...») **250**
«Я отныне осозан...» (Врастание в быт; <Стишки>) **143**
«Я — первый номер “Жулика”...» **766**
«Я твой родничок, Сагурамо...» (Сагурамо) **254**
Я трогал листья эвкалипта («Я трогал листья эвкалипта...») **256**
«Я увидел во сне можжевельный куст...» (Можжевельный куст; Последняя любовь, 8) **344**
«Я хороша собою...» (Голубое платье) **368**

Disciplina Clericalis («Если сок твой неизменен...») **51**

Литературно-художественное издание

Николай Заболоцкий
МЕТАМОРФОЗЫ

Ответственный редактор Максим Амелин

Верстка: Стас Валишин, Марина Рогова

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

117105, Москва, Варшавское шоссе, д. 3.

Факс/тел.: +7 (495) 626-24-70; e-mail: izdatelstvo.ogi@yandex.ru

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВ ОГИ И Б.С.Г.-ПРЕСС МОЖНО ПРИОБРЕСТИ:

В РОЗНИЦУ В МОСКВЕ

- Книжный магазин «Москва», м. «Пушкинская», «Тверская», ул. Тверская, д. 8.
Тел.: (495) 629-64-83, 797-87-17.
- ТД «Библио-Глобус», м. «Лубянка», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1.
Тел.: (495) 781-27-37.
- Московский дом книги, м. «Арбатская», ул. Новый Арбат, д. 8.
Тел.: (495) 789-35-91.
- Дом книги «Молодая Гвардия», м. «Полянка», ул. Большая Полянка, д. 28.
Тел.: (495) 238-50-01.
- Книжный магазин «Фаланстер», м. «Пушкинская», «Тверская»,
Малый Гнездниковский пер., д. 12/27.
Тел.: (495) 629-88-21.

В РОЗНИЦУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

- Санкт-Петербургский Дом книги, м. «Невский проспект», «Гостинный двор»,
Невский проспект, д. 28. Тел.: (812) 448-23-55.
- Сеть магазинов «Буквоед». Тел.: (812) 601-0-601.
- Книжный магазин «Все свободны», наб. Мойки, 28. Тел.: +7 (911) 977-40-47.

ОПТОМ

- КД «Б.С.Г.-Пресс», Москва, Варшавское шоссе, д. 3. Тел. (495) 626-24-72.
- «А. Симпозиум», Санкт-Петербург, 20-я линия В. О., д. 5/7. Тел. (812) 325-66-61.

ISBN 978-5-94282-696-3

Подписано в печать 30.12.13. Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Официна. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем 62 п. л. Тираж 3000 (1-й завод — 1500) экз. Заказ № 1408.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

метаморфозы